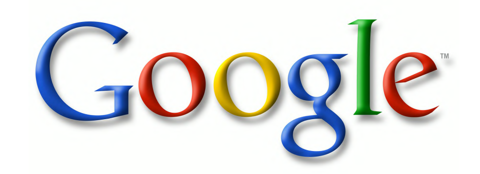
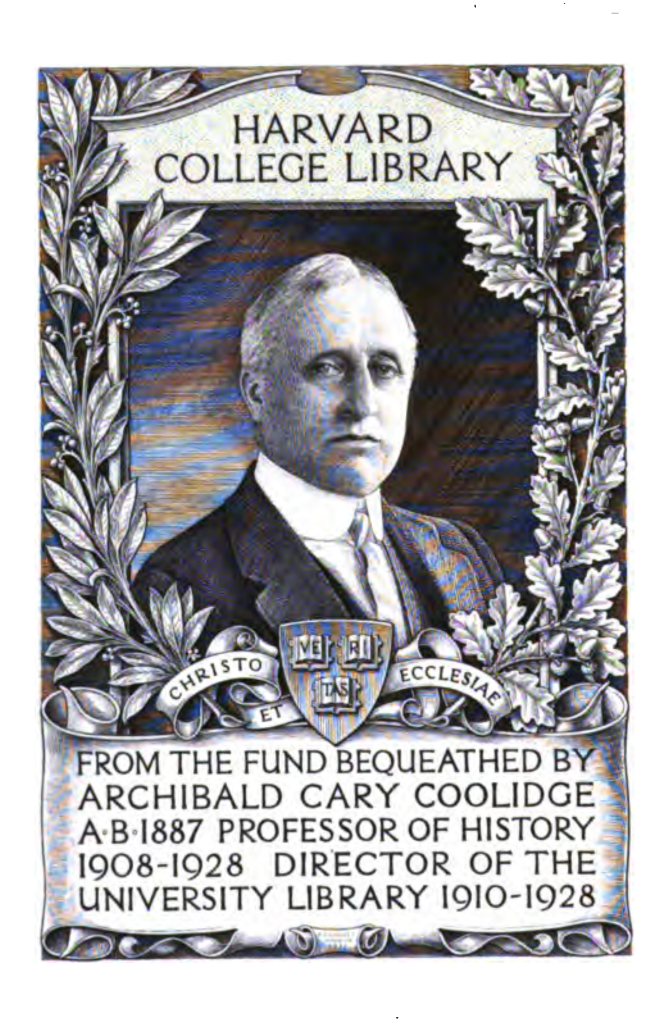
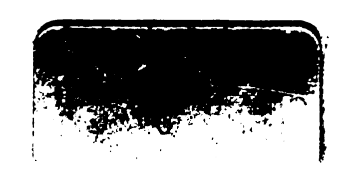

HARVARD
COLLEGE LIBRARY
VE RI TAS
CHRISTO ET ECCLESIAE
FROM THE FUND BEQUEATHED BY
ARCHIBALD CARY COOLIDGE
A·B·1887 PROFESSOR OF HISTORY
1908-1928 DIRECTOR OF THE
UNIVERSITY LIBRARY 1910-1928

Вышелъ 2-го октября.

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

216

ТОМЪ ДВѢСТИ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

1891.

ОКТЯБРЬ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ПРИЛОЖЕНІЕ:

БОЖЬЯ ВОЛЯ.

Романъ въ четырехъ частяхъ, **Мавра Іокаи.** Съ венгерскаго. (Продолженіе).

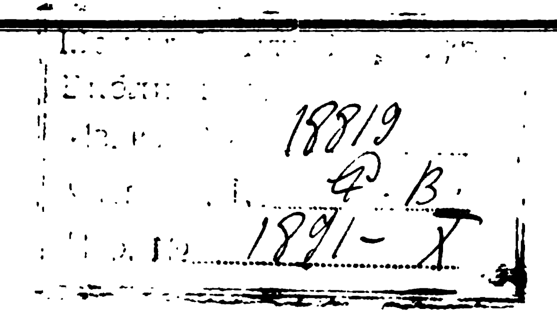
РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ТОМЪ ДВѢСТИ ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

1891.

Октябрь

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типогр. Высочайше утвержд. Товарищ. „Общественная Польза", В. Подъяч., № 39.
1891.

Два стихотворенія А. А. Фета.

I.

Качаяся звѣзды мигали лучами
На темныхъ зыбяхъ Средиземнаго моря,
А мы любовались съ тобою огнями,
Что мчались подъ нами, съ небесными споря.

Въ какомъ-то забвеньи, нѣмомъ и цѣлебномъ,
Смотрѣлъ я въ тотъ блескъ, отдаваяся нѣгѣ;
Казалось, рулемъ управляя волшебнымъ,
Глубоко ты грудь мнѣ взрѣзаешь въ побѣгѣ.

И тамъ въ глубинѣ, молодая царица,
Бѣгутъ предъ тобой свѣтоносныя пятна,—
И этихъ несмѣтныхъ огней вереница
Одной лишь тебѣ и видна, и понятна.

II.

Люби меня. Какъ только твой покорный
Я встрѣчу взоръ,
У ногъ твоихъ раскину я узорный
Живой коверъ.

Окрылены невѣдомымъ стремленьемъ
Надъ всѣмъ земнымъ,
Въ какомъ огнѣ, съ какимъ самозабвеньемъ,
Мы полетимъ.

И просіявъ въ лазури сновидѣнья,
Предстанешь ты
Царить навѣкъ въ дыханьи пѣснопѣнья
И красоты.

Записка графа М. Н. Муравьева объ Австріи.

1839—1840.

Предлагаемая здѣсь записка объ Австріи графа М. Н. Муравьева, подъ заглавіемъ: *„Взглядъ на Австрію“* относится къ 1839—1840 годамъ и принадлежитъ перу замѣчательнаго русскаго государственнаго дѣятеля. Хотя она относится къ давно прошедшему времени и рисуетъ картину дореволюціонной Австріи, но сужденія М. Н. Муравьева не утратили интереса и по настоящее время; многія же части этой записки свидѣтельствуютъ о мѣткомъ, наблюдательномъ умѣ путешественника, о вѣрной оцѣнкѣ лицъ и обстановки, и содержатъ не мало поучительнаго и для современнаго поколѣнія.

Взглядъ на Австрію. Отправляясь изъ Курска къ Богемскимъ минеральнымъ водамъ и желая сколько возможно для собственнаго познанія употребить время, я избралъ самый дальній путь въ Карлсбадъ чрезъ Броды, Лембергъ, Вѣну, дабы увидѣть положеніе значительной части Австріи и въ особенности изучить существенное положеніе края и дѣйствія правительства въ послѣднихъ трехъ вѣкахъ по примѣненію законовъ къ обывателямъ—(важнѣйшій предметъ наблюдателя),—я рѣшился свершить путь свой съ фурманомъ, на долгихъ, дѣлая по 10 и 12 миль въ сутки и, слѣдовательно, останавливаясь нѣсколько разъ въ день въ незначительныхъ даже деревняхъ, вникать въ бытъ обывателей и прослѣдить вліяніе на нихъ правительственныхъ мѣръ...

Краткость времени не дозволяла мнѣ видѣть все то, что въ сказанномъ отношеніи было бы полезно, однакожъ безпре-

*

станныя занятія однимъ и тѣмъ же предметомъ и знаніе административной части въ Россіи доставили мнѣ возможность обращать прямо вниманіе на тѣ предметы, которые наиболѣе заслуживали оное и могли представить, хотя не полный, но приблизительный къ истинѣ очеркъ политическаго, правительственнаго и гражданскаго быта Австрійской имперіи въ существенныхъ основныхъ ея началахъ и снять обманчивую завѣсу, которая прикрывала мнимое наружное величіе оной и прославляемую нѣкоторыми мудрость управленія ея.

Настоящій составъ и духъ высшаго управленія. 1) Императоръ Фердинандъ, убогій нравственно и тѣлесно, не имѣетъ никакого иниціативнаго вліянія на управленіе и, слѣдовательно, по отрицательному своему положенію, умножаетъ апатію министровъ.

2) Всѣ сословія государства это сильно чувствуютъ и не ожидаютъ лучшаго въ младшемъ братѣ его, будущемъ наслѣдникѣ престола. Къ теперешнему императору народъ не имѣетъ ни малѣйшаго довѣрія и уваженія, но память покойнаго императора священно чтитъ.

3) Правительство въ рукахъ трехъ главныхъ лицъ: эрцъ-герцога Лудвига, князя Меттерниха, канцлера и министра иностранныхъ дѣлъ, и Колловрадта, занимающагося внутреннимъ управленіемъ и финансовымъ; всѣ трое составляютъ конференцію министровъ и государственный совѣтъ, въ который призываются предсѣдатели прочихъ отдѣленій совѣта и гофъ-камеръ, а именно Натдатцкій, президентъ Allgemeine Hof-Kammer, и графъ Гардекъ, президентъ военнаго совѣта; также Фехтлихъ, представитель высшаго управленія юстиціи. Государственный совѣтъ раздѣленъ на 4 отдѣленія: a) внутреннихъ дѣлъ, b) финансовъ, c) юстиціи и d) военной части. Императоръ по малозначенію своему подписываетъ почти не читая постановленія упомянутыхъ выше правительственныхъ лицъ, которыя однакожъ между собою не въ совершенномъ согласіи.

4) Князь Меттернихъ имѣетъ неограниченное вліяніе на иностранныя сношенія, но самыя дѣйствія отзываются апатическимъ положеніемъ императора и нетвердостью внутренняго положенія имперіи; вліяніе его на внутреннее управленіе очень ослабло, и повидимому, во всемъ до сего касающемся имѣетъ перевѣсъ Колловрадтъ, человѣкъ весьма умный и дѣятельный,

также весьма значительное вліяніе имѣетъ Натдатцкій, какъ второстепенный въ дѣлахъ финансовыхъ.

5) Изъ личной, хотя кратковременной, бесѣды съ княземъ Миттернихомъ замѣтенъ догматическій умъ, флегматическій характеръ, или иначе impassibilité, большая холодность ко всему, кромѣ личнаго денежнаго интереса (въ семъ послѣднемъ замѣтна склонность и жены его, впрочемъ весьма любезной и умной женщины), нѣкотораго рода апатія, происходящая вѣроятно частью отъ фальшиваго положенія главнаго звена управленія, а еще вѣроятнѣе отъ достиженія уже высшей степени репутаціи государственнаго человѣка, которую онъ старается поддержать необычайною осторожностью въ разговорахъ и австрійскою довольно важною и хладною осанкою. Этотъ неоспоримо умный человѣкъ, безъ блеска геніальности, какъ кажется, отдыхаетъ на лаврахъ, временемъ и обстоятельствами ему доставленныхъ, и вполнѣ чувствуя огромное моральное вліяніе, которое долженъ онъ произвести на всякаго при первой встрѣчѣ неимовѣрной своей репутаціей умнѣйшаго государственнаго человѣка, пользуется этимъ и осторожностью въ разговорѣ и холодною своею наружностью, не даетъ возможности настоящимъ образомъ оцѣнить себя. Впрочемъ, молва людей, ближе знающихъ правительственныя дѣйствія, сильно уменьшаютъ призракъ необыкновенной его репутаціи, увеличивающейся въ отдаленіи; говорятъ даже, что со времени, какъ онъ лишился нѣкоего *Генца*, который обработывалъ всѣ значительнѣйшія предположенія его, замѣтна перемѣна въ дѣйствіяхъ.

Австрія въ 13 и 14-хъ годахъ спасена могуществомъ и политикою Россіи, а впослѣдствіи времени отрицательностію и осторожностью своею при благопріятномъ положеніи, въ которое была тогда поставлена, продолжаетъ еще и поднесь существовать даннымъ ей толчкомъ и искони свойственною осторожною политикою, ибо оружіе никогда не было удѣломъ ея; немудрено, что и Меттернихъ, а въ особенности при императорѣ Францѣ, пользовавшемся общею любовью и уваженіемъ внутри и внѣ своего государства, высоко поставленный самыми обстоятельствами Европы, при неоспоримыхъ умственныхъ качествахъ, заслужилъ столь огромную репутацію. Ежели же допустить всегдашнее его довольно значительное вліяніе на дѣла внутренняго управленія, въ которыхъ отзывается только тожегибкая и осторожная ловкость, то во многомъ увидимъ против-

ное, т. е. недостатокъ въ знаніяхъ государственнаго управленія и энергіи. Едва-ли это послѣднее не есть вѣрнѣйшій оселокъ истинной геніальности государственнаго сановника.

6) Не распространяясь объ извѣстныхъ уже главныхъ правительственныхъ управленіяхъ и судилищахъ, нельзя однако умолчать, что самое образованіе ихъ и взаимныя соотношенія несутъ на себѣ оттѣнокъ какихъ-то временныхъ учрежденій, недостаточно еще связанныхъ между собою однообразною правильною системою, какъ въ иныхъ благоустроенныхъ государствахъ. Высшее управленіе Австріи, какъ и все государство, имѣетъ видъ федеративнаго конгломерата, благопріятными обстоятельствами и терпѣніемъ возрожденнаго, не связаннаго между собою твердыми политическими выгодами, но, напротивъ того, разъединеннаго, разнородностью племенъ, вѣры, языковъ и обычаевъ, а что еще опаснѣе для цѣлости сего государства, что отдѣльный провинціализмъ день ото дня болѣе и болѣе развертывается с явнымъ пренебреженіемъ правительства собственно австрійскаго и увѣренность въ безсиліи его противустать вооруженною рукою противъ внѣшняго врага, а въ иныхъ провинціяхъ и противъ внутренняго,—самая имперія австрійская невольнымъ образомъ всякому открываетъ эту истину.

7) Сообразно сему федеративному провинціализму образовалось періодически и самое высшее управленіе, которое въ нѣкоторыхъ лишь частяхъ сосредоточивается (но и то не вовсемъ) въ совѣщаніяхъ комитета министровъ и государственнаго Совѣта (сіи два мѣста не суть инициативно постоянно дѣйствующія инстанціи, но обсуждаютъ лишь предметы имъ посылаемые императоромъ для общихъ государственныхъ соображеній, оному предоставленныхъ положеніемъ). Итальянскія провинціальныя и собственно нѣмецкія области имѣютъ свои особенныя высшія управленія: (Die vereinigte Hof-Kanzlei), т. е. собственно администрація; (Studien Hof Commission) т. е. народное просвѣщеніе; (Die oberste Justitz Stelle)—высшій апелляціонный судъ; (Die oberste Polizei und Censur Hof Stelle)—главное полицейское и цензурное управленіе.

Венгрія, Кроація и Славонія имѣютъ свои главныя четыре отдѣльныхъ управленія (Die Ungarische Hof-Kanzlei), т. е. венгерское статсъ-секретарство имѣетъ свое пребываніе въ Вѣнѣ, и въ немъ сосредоточиваются тѣ дѣла, которыя подлежатъ разрѣшенію короля. Die Ungarische Sttahalterei, т. е.

собственно инстанція главнаго внутренняго управленія, находится въ Венгріи; (Die Ungarische Hof-Kammer)—главное финансовое управленіе находится въ Венгріи, но въ нѣкоторыхъ только случаяхъ зависитъ отъ „Allgemeine Hof-Kammer“, для всѣхъ провинцій учрежденное въ Вѣнѣ, о которой будетъ говорится ниже. Высшая судебная и уголовная инстанція находится въ Венгріи и чрезъ венгерскую „Hof-Kanzlei“ представляетъ на Высочайшее утвержденіе приговоры о лишеніи жизни.

Трансильванія имѣетъ свое отдѣльное главное управленіе, (Die Siebenbürgische Hof-Kanzlei), кругъ дѣйствій котораго одинаковъ съ такимъ же венгерскимъ. Главная администрація и судебная инстанція, находящаяся подъ предсѣдательствомъ губернатора, королемъ опредѣляемаго, рѣшаетъ окончательно представленныя оной дѣла и дозволяется лишь апелляція къ королю въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Она постоянно имѣетъ свое пребываніе въ Клаузенбургѣ.

Независимо сихъ главныхъ правительственныхъ однородныхъ инстанцій для разныхъ областей, имѣется въ Вѣнѣ „Die Allgemeine Hof-Kammer“, т. е. главное финансовое управленіе, въ которомъ сосредоточиваются всѣ прочія губернскія финансовыя учрежденія, а также и управленіе почтъ, кромѣ венгерской и трансильванской, которыя лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ находятся подъ ея вліяніемъ. „Der Hofkriegsrath“—главное общее военное управленіе для всей имперіи и „Das General Rechnungs Directorium“—общій государственный контроль.

8) Всѣ главнѣйшія провинціи Австріи имѣютъ еще въ извѣстное время установленное собраніе штатовъ (Stände), изъ коихъ Венгерскій, Трансильванскій и Итальянскій по большой оппозиціи во мнѣніяхъ съ правительствомъ производятъ всегда большія затрудненія, а въ особенности первые два; собранія штатовъ въ Галиціи весьма умѣренны въ своихъ правахъ и почти безгласны.

9) Всѣ провинціи эти управляются особыми своими органическими узаконеніями, и даже языкъ имъ предоставленъ свой, кромѣ Галиціи; главныя же формы управленія довольно единообразны, какъ въ Галиціи, Силезіи, Моравіи, Богеміи и собственной Австріи, впрочемъ, въ сихъ провинціяхъ имѣются нѣкоторыя особенности.

10) Главный видъ внутренняго управленія провинцій есть слѣдующій:

a) „Gubernium“—наше губернское правленіе; въ немъ сосредоточивается вся часть *правительственная*, *полицейская*, *строительная*, хотя имѣется особая коммисія строительная, которая ей подчинена и завѣдываетъ водяными и сухопутными сообщеніями. Взиманіе прямыхъ налоговъ, т. е. кадастръ земель, оцѣнка ихъ и взиманіе податей, какъ съ нихъ, такъ и съ домовъ; *учебная часть* и хозяйственная со включеніемъ и всѣхъ благоугодныхъ заведеній.

11) „Gubernium“ состоитъ подъ предсѣдательствомъ губернатора и подчинена „Der vereinigten Hof-Kanzlei“ по администраціи, „Der Allgemeinen Hof-Kammer“—въ отношеніи взиманія прямыхъ налоговъ. Они раздѣляются на 16 отдѣленій, въ коихъ имѣется по одному совѣтнику (Referëndar) и нѣсколько дѣлопроизводителей; одна экспедиція общая входящихъ бумагъ, а другая вообще для исходящихъ бумагъ. Два раза въ недѣлю имѣются общія засѣданія всѣхъ отдѣленій, въ коихъ предсѣдатель имѣетъ голосъ наравнѣ съ прочими совѣтниками; ему даются еще въ помощь два старшіе совѣтника, которые по его порученію разсматриваютъ представляемые ему доклады отъ отдѣленій; эти доклады съ согласія губернатора утверждаются и приводятся въ исполненіе, болѣе же важные поступаютъ въ общее присутствіе.

12) Формы дѣлопроизводства въ отдѣленіяхъ довольно просты и достойны подражанія: одинъ настольный регистръ съ отмѣтками резолюцій и времени исполненія; утвержденіе резолюцій дѣлается губернаторомъ на черновыхъ докладахъ. Губернаторъ въ губернскомъ правленіи имѣетъ свое особое присутствіе и канцелярію и дѣйствуетъ коллегіальнымъ порядкомъ лишь въ дѣлахъ болѣе важныхъ, чрезъ общее присутствіе. Замѣчательно еще то, что въ исполнительной экспедиціи сосредоточиваются всѣ черновые доклады, утвержденные губернаторомъ, и образуются дѣла, такъ что тамъ вмѣстѣ исполненіе и архивъ; въ отдѣленіяхъ дѣла не образуются, а требуются изъ исполнительной экспедиціи; порядокъ сей манипуляціи заслуживаетъ вниманія, ибо этимъ во многомъ облегчается заведенная у нихъ формальность въ переходѣ бумагъ, и отстраняется большая запутанность; вообще, административное производство довольно быстро и въ хорошемъ порядкѣ; формы же весьма отчетливы и достойны вниманія.

13) Въ сравненіи съ нашими губернскими правленіями замѣчается: а) меньше формальности и больше быстроты, это

происходитъ отъ лучше соображеннаго дѣлопроизводства, отдѣленія дѣлъ текущихъ къ порядку специальному и болѣе важныхъ къ производству коллегіальному, тогда какъ у насъ все смѣшано, и новымъ учрежденіемъ порядка въ губернскомъ правленіи заведенъ еще бо́льшій формализмъ и не введена должная отчетность.

b) Гораздо менѣе противъ нашего переписки; въ Лембергскомъ губернскомъ правленіи изъ канцеляріи губернатора выходитъ въ годъ до 80.000 исходящихъ номеровъ, въ провинціи же до 4.500.000 жителей. (Въ Курскѣ же въ годъ выходитъ до 140.000, исходящихъ на 1.650.000 жителей). Причиною тому лучшая исполнительность подчиненныхъ мѣстъ, которыя связаны лучшею отчетностью; что всѣ мѣста имѣютъ болѣе опредѣленный кругъ дѣйствія, изъ котораго выходить не могутъ; больше средоточія зависящихъ частей въ самомъ губернскомъ правленіи, когда у насъ они отдѣльны. Менѣе провинцій и слѣдовательно меньше требованій отъ равныхъ мѣстъ. Движенія войскъ не столь частыя и, слѣдовательно, требовавшія ихъ менѣе и притомъ опредѣлительнѣе и, наконецъ, дѣлопроизводство лучше и точнѣе, ибо получаютъ гораздо высшее жалованье: старшій совѣтникъ получаетъ до 8.000 нашихъ рублей; Referändar до 6.000; Kreis-Hauptmann, нашъ исправникъ, до 10.000 р.; засѣдатели земскаго суда до 5.000 р.—и потому болѣе дорожатъ мѣстами.

Вообще, желательно, чтобы у насъ обращено было бо́льшее вниманіе на дѣйствительное улучшеніе и сокращеніе дѣлопроизводства въ правительственной части, съ предварительнымъ изученіемъ и знаніемъ оной, искоренивъ увеличивающееся зло запутанной и безполезной переписки не мертвыми формами, но такими, которыя заключали бы въ себѣ дѣйствительную отчетность, и опредѣленіемъ положительной черты дѣйствій мѣстъ и лицъ съ возложеніемъ на нихъ за нарушеніе сего должной отвѣтственности, а съ симъ вмѣстѣ увеличить до благоразумной степени жалованье служащихъ, хотя изъ земскихъ сборовъ, которое временное обремененіе замѣнить вскорѣ чистотою и быстротою въ дѣйствіяхъ, ибо выборъ чиновниковъ можетъ быть гораздо лучше.

14) Земскіе суды, составленные, какъ у насъ, изъ капитана-исправника и 4 или 5 засѣдателей. Въ городамъ *магистраты* раздѣлены на судную, правительственную и полицейскую часть.

Земскимъ судамъ подчинены въ порядкѣ правительственномъ и полицейскомъ мірскія общества (Gemeinden) и нѣсколько составныхъ Dominium, на которыя раздѣлены всѣ округа. Меньшій Dominium есть тотъ, который платитъ до 300 гульденовъ податей, т. е. до 750 рублей.

15) Мірское управленіе или Dominium состоитъ для правительственной части изъ мендатора, а для судебной—изъ юстицнера; оба они утверждаются правительствомъ, по представленію помѣщика, присяжные же должны имѣть аттестаты, установленные для сего ученія. Въ селеніяхъ имѣются еще *войты* для меньшей полицейской расправы и для суда съ *юстицнеромъ*.

16) Наблюденіе, чтобы помѣщикъ не употреблялъ во зло свою власть, поручается „Kreis Amte". Апелляціи крестьянъ въ дѣлахъ правительственныхъ переносятся въ губерніумъ—на земскій судъ; а въ дѣлахъ судебныхъ—въ апелляціонный судъ уголовнаго и гражданскаго учрежденія въ губернскомъ городѣ.

17) Первая инстанція уголовнаго и гражданскаго суда для благородныхъ находится въ особыхъ уѣздныхъ судахъ, называется „Nobilium", и апелляція поступаетъ въ сказанную судебную палату въ губернскій городъ; въ нѣкоторыхъ провинціяхъ имѣются особые уголовные уѣздный судъ и особая расправа для ленныхъ правъ.

18) Слѣдственный порядокъ стѣсненъ меньшими формальностями, чѣмъ у насъ, но впрочемъ довольно медленъ.

19) Обыватели городовъ судятся магистратомъ, и апелляція пріемлется въ судебную губернскую палату.

20) Наблюденіе за взиманіемъ прямыхъ налоговъ зависитъ отъ окружныхъ начальствъ, и суммы взимаемыя сосредоточиваются уже въ губернскомъ городѣ; до того же времени онѣ хранятся въ окружныхъ кассахъ.

21) Во всѣхъ судахъ и расправахъ въ полиціи судьи и прочіе чиновники назначаются правительствомъ; въ прочихъ же провинціяхъ въ нѣкоторыхъ судахъ имѣются депутаты отъ штатовъ.

З а к л ю ч е н і е о правительственной или, такъ называемой, P o l i t i c h e S a c h e. Вообще высшіе чиновники довольно порядочны, но низшіе склонны къ злоупотребленіямъ. Образованность болѣе чѣмъ у насъ и особенно въ древнихъ австрійскихъ провинціяхъ; вообще они настойчивы въ исполненіи, но вѣжли-

вы и не самоуправны; вотъ отличительная и похвальная черта управленія; что же касается до части тюремной и богоугодныхъ заведеній, то она совершенно упущена, и понятіе о филантропіи существуетъ только въ книгахъ, на самомъ же дѣлѣ оной вовсе нѣтъ; неопрятность и дурное содержаніе есть отличительная черта галиційскихъ тюремъ и больницъ.

Сила закона исполняется съ медленностію, дѣла длятся даже правительственныя, потому что допущено право апелляціи или жалобъ безъ ограниченій, и во всемъ управленіи замѣтна апатія, кромѣ взысканія налоговъ и податей.

22) „Kameral Verwaltung“, наша казенная палата, состоитъ изъ многихъ отдѣленій и тоже имѣетъ своего президента и совѣтниковъ; зависитъ отъ гофъ-камеры, составъ ея сильнѣе губернскаго правленія.

23) Въ ея зависимости находятся особыя окружныя для сборовъ заготовленнаго вина управленія, таможни и пограничная стража, также управленіе государственныхъ имуществъ.

24) Замѣчательно, что у австрійцевъ учреждены таможенныя заставы, независимо городовъ, въ такихъ мѣстахъ, въ коихъ у насъ оныхъ нѣтъ, что́ доказываетъ явное покровительство контрабандѣ.

25) Сверхъ того имѣются многія иныя инстанціи, относящіяся до сборовъ, какъ-то: для табачной пошлины, лоттерей подъ наименованіемъ „Lotto-Amte“, ухищренный способъ, съ развращеніемъ нравственности, къ сбору косвеннаго налога, акты гербовой бумаги и иныхъ. Эти отдѣленія управленія зависятъ прямо отъ гофъ-камеры.

26) Должно замѣтить, что все вниманіе правительства обращено на усиленіе части сборовъ, и весь край наполненъ чиновниками *фиска*, получающими довольно большое жалованье, и на притѣсненіе коихъ жалуются обыватели; въ сей одной части замѣтна большая дѣятельность, клонящаяся къ разоренію и угнетенію народа; о семъ будетъ подробно сказано въ статьѣ о налогахъ.

27) Сверхъ того есть въ губернскомъ правленіи фискалъ-прокураторъ, какъ нашъ прокуроръ, но съ формами коллегіальными. Главная его обязанность состоитъ—блюсти за дѣлами, сопряженными съ правомъ казеннымъ. Онъ зависитъ также отъ гофъ-камеры.

28) Также есть главная апелляціонная палата гражданская и уголовная, соединенная въ одну инстанцію, и контроль, за-

висящій отъ подлежащихъ высшихъ управленій. Есть также и почтамтъ, отъ коего зависитъ окружная экспедиція; самъ же губернскій почтамтъ состоитъ подъ управленіемъ главнаго почтамта въ Вѣнѣ, и сей послѣдній зависитъ отъ гофъ-камеры.

29) Часть училищная въ провинціяхъ зависитъ отъ главнаго управленія народнаго просвѣщенія въ Вѣнѣ, которое находится подъ общимъ предсѣдательствомъ съ главнымъ правительственнымъ управленіемъ, т. е. „Vereinigte Kanzlei", по сей причинѣ нѣкоторыя учебныя заведенія могутъ быть подъ вліяніемъ губернскаго правленія.

30) Всѣ вышеупомянутыя главныя высшія *государственныя управленія* дѣйствуютъ коллегіально и находятся подъ предсѣдательствомъ особыхъ президентовъ и вице-президентовъ. Управленія въ губерніяхъ тѣ же.

О системѣ налоговъ. Изложеніе всѣхъ сборовъ, которыми обременены столь тягостно всѣ обыватели Австрійской имперіи, было бы весьма затруднительно исчислить въ сей краткой запискѣ, тѣмъ болѣе, что оные и не вездѣ единообразны, и потому ограничусь лишь объясненіемъ главнѣйшихъ изъ нихъ.

31) Прямыя подати съ земли, домовъ и вообще съ помѣстьевъ

а) Всѣ земли какъ помѣщичьи, такъ и находящіяся во владѣніи крестьянъ, оцѣнены по трехъ-лѣтней стоимости урожаевъ и цѣнъ, бывшихъ въ 1817, 18 и 19 годахъ (какъ увѣряютъ обыватели, то въ то время хлѣбъ былъ вдвое дороже нынѣшняго). Съ этой оцѣнки беретъ правительство въ Галиціи 13 процентовъ въ нижеслѣдующемъ порядкѣ: съ пахотной земли 13 проц. съ половинной суммы оцѣнки, оставляя другую половину на покрытіе употребляемаго капитала, на разработку земли, слѣдовательно съ 100 гульденовъ оцѣнки полей получаетъ правительство $6^1/_2$ гульд.; съ сѣнокосовъ и огородовъ, которые одинаковымъ образомъ оцѣнены, т. е. огородъ сравненъ съ покосомъ,—съ полной оцѣнки 13 процентовъ.

Съ лѣсу 13 процентовъ съ $^4/_5$ оцѣнки; оцѣнка лѣса произведена сообразно съ родомъ онаго и той части, которая можетъ быть ежегодно продаваема безъ уничтоженія капитала, цѣна же взята на мѣстѣ въ лѣсу, а за работу отчисляется какъ выше сказано $^1/_5$ цѣны.

Такимъ образомъ, взимается какъ съ помѣщика, такъ и съ крестьянина „Grund Steuer"; не вошли только въ оцѣнку тѣ лѣса, которые находятся на высокихъ горахъ и не могутъ принести дохода. Имѣнія казенныя подходятъ подъ ту же категорію платежей, ибо въ семъ случаѣ правительство считается помѣщикомъ. Въ прочихъ провинціяхъ взимается „Grund Steuer" и по 20 процентовъ съ оцѣночнаго рубля, соблюдая вообще то же правило относительно пахотныхъ полей и лѣсовъ.

„Haus Steuer". Всѣ жилыя строенія и разныя заведенія, какъ помѣщичьи, такъ и крестьянскія, оцѣнены и раздѣляются на 10 классовъ, сообразно чему и взимается съ нихъ 13 процентовъ; крестьяне съ избы въ Галиціи платятъ по 20 крейцеровъ; въ прочихъ же провинціяхъ по 35, т. е. собственно за помѣщеніе крестьянина; но ежели у него есть лишняя комната или домъ въ два этажа, то плата увеличивается сообразно разряду, въ которомъ поставленъ.

Платежъ съ работы крестьянской. Инвентарные дни работы, которыми обложенъ крестьянинъ своему помѣщику, равнымъ образомъ оцѣнены, и съ сей оцѣнки взимается 13 процентовъ съ помѣщика въ пользу казны.

Вышеупомянутыя подати чрезвычайно обременительны, ибо оцѣнка сдѣлана очень высоко и 13 процентовъ, т. е. 7-я часть со всего дохода, невозможна даже къ платежу въ Галиціи, но и въ прочихъ, собственно нѣмецкихъ провинціяхъ жалуются на чрезмѣрную подать. Сіи прямыя подати зависятъ отъ дѣйствія губернскаго правленія и отсылаются изъ округовъ въ общую губернскую кладовую.

32) Всѣми прочими косвенными податями завѣдываетъ „Kameral Verwaltung", оная состоитъ: *акцизъ съ винокуренъ и пивоваренъ*, который весьма великъ и обременителенъ тѣмъ, что оный взимается съ чановъ, слѣдовательно по недостатку капиталовъ очень затруднителенъ къ платежу до выручки дохода. *Съ продажи табаку*; *съ лото*; *за гербовую бумагу*; *съ проѣзда по шоссе*; *съ говядины*, ибо всякій мясникъ обязанъ заплатить нѣсколько гульденовъ съ убитаго вола, а евреи сверхъ того значительную таксу платятъ за каждые три фунта каширной и за право имѣть болѣе трехъ шабашевыхъ свѣчей. Таможенные сборы также завѣдываются „Kameral Steuer Verwaltung". Сверхъ того всѣ сословія промышленныя, начиная отъ реме-

сленника до первостатейнаго купца, платятъ въ казну „Erwerb Steuer“ отъ 3 до 1.500 гульденовъ; мѣра сего платежа опредѣляется мѣстностью, состояніемъ лица и предпринимаемымъ имъ промысломъ.

Независимо сего всѣ обыватели болѣе или менѣе обязаны разными платежами, по мѣсту ихъ жительства въ деревняхъ и городахъ, владѣльцамъ или городамъ. Владѣльцамъ—кромѣ извѣстныхъ работъ или барщины разными чиншами за землю и утвержденіемъ подати на вино и пиво, которые право продажи отдаютъ обыкновенно на откупъ. *Городамъ*—чиншами за грунтъ, подать мостовую, акцизъ за ввозъ разныхъ *продуктовъ*. Кромѣ того на земскія городскія повинности, какъ-то: содержаніе полиціи, пожарной части, освѣщеніе и врачей; сію послѣднюю платятъ постоянно жильцы и пріѣзжающіе промышленники.

О взиманіи податей и акциза. 33) Взысканіе всѣхъ податей дѣлается съ необычайною строгостью, такъ что недоимка ни подъ какимъ образомъ не допускается. Въ случаѣ неплатежа продается послѣднее имущество поселянина, не состоящее въ инвентарѣ.

Австрійское правительство главнѣйшія обратило усилія на взысканіе всѣхъ сихъ налоговъ, какъ косвенныхъ, такъ и прямыхъ, и всѣ провинціи, а въ особенности пограничныя, покрыты разными „амтами“ для сбора пошлинъ и чиновниками фиска. Сборы сіи производятъ довольно злоупотребителей, и отъ множества оныхъ обыватели даже не знаютъ, сколько съ нихъ слѣдуетъ, ибо за всякій шагъ должно платить. Взиманіе пошлинъ за шоссе отдано на откупъ.

Ропотъ обывателей и преимущественно крестьянъ и нищещета ихъ такъ велика, а въ особенности въ Галиціи, что это даже превосходитъ всякое вѣроятіе. Сами владѣльцы очень тяготятся сими платежами и говорятъ, что они просто управители австрійскаго правительства, ибо за уплатою всѣхъ налоговъ имъ мало остается для себя. Эта система правительства, истинно высасывающаго послѣдній сокъ изъ подданныхъ, возродила общее негодованіе и неуваженіе къ оному, такъ что всякій, даже коренные австрійцы, съ негодованіемъ отзываются на терпимое ими разореніе отъ налоговъ, превосходящихъ всякую мѣру; за то всѣ дороги въ Австріи покрыты нищими, съ наглостію и даже дерзостію требующими милостыни.

Общее заключеніе. 34) Австрійское правительство, слабо сосредоточенное, нуждающееся въ деньгахъ для удовлетворенія потребностей государственныхъ, безсильное разнородностію внутренняго своего состава, коего части слабо связаны общими выгодами, можно сказать существуетъ лишь механическимъ сцѣпленіемъ нѣкоторыхъ частей, которыхъ нестройный конгломератъ наиболѣе держится отъ вѣковой привычки, составившейся, когда духъ провинціализма еще менѣе развертывался; нынѣ же государство это, съѣдаемое внутри эксцентрическими выгодами частей, не существованіемъ общей народности, а что еще важнѣе, имѣя правительство, которое не пользуется никакимъ уваженіемъ и довѣріемъ и возрождающее лишь въ обывателяхъ непріятное понятіе объ единственномъ стремленіи своемъ къ фискальничанію, безъ малѣйшаго попеченія о благѣ ихъ, не можетъ назваться самостоятельнымъ твердымъ государствомъ, но разслабленнымъ, больнымъ, въ коемъ моральные и матеріальные элементы паденія день ото дня болѣе развиваются.

35) Венгрія и Славонія питаютъ рѣшительную ненависть къ правительству и, конечно, воспользуются первымъ благопріятнымъ случаемъ, чтобы отложиться отъ Австріи, которая свойственною ей уступчивостью и осторожною политикою старается всѣми мѣрами удержать свое весьма сомнительное преобладаніе надъ сими провинціями. Достойна замѣчанія всегдашняя явная оппозиція венгерской палаты видамъ правительства, и что королевство это, на всѣ усилія Австріи, платитъ лишь 4.000.000 гульденовъ податей съ населенія 12.500.000 душъ, конечно, въ 20 разъ менѣе противъ прочихъ провинцій и рѣшительно не принимаетъ никакихъ формъ австрійскаго управленія, отвергая всѣ налоги онаго.

36) Трансильванія, менѣе страшная для Австріи, также, по возможности, борется съ нею и, имѣя отдѣльное управленіе и не благопріятствуя Австріи, покоряется лишь силѣ; послѣдніе генеральные штаты сильно противились намѣреніямъ австрійскаго правительства, которое относительно сей провинціи болѣе рѣшительно въ дѣйствіяхъ своихъ, но духа противодѣйствія сломить не можетъ, хотя имѣетъ тамъ большія поселенія такъ называемыхъ саксонцевъ.

37) Далмація также ожесточена противъ Австріи, и въ особенности много тому причиною гоненіе на православную вѣру, о чемъ будетъ сказано ниже.

38) Оппозиція славянскихъ провинцій довольно извѣстна, и потому объ оной не упоминаю.

39) Въ Богеміи сильными шагами развивается славянская народность, и недавно еще, послѣ большихъ преній, дозволено употребленіе чешскаго языка въ низшихъ правительственныхъ мѣстахъ.

40) Собственно австрійскія провинціи въ апатіи и привыкли къ тягостямъ теперешняго управленія, но не имѣютъ чувства народной гордости и любви къ своему отечеству и государю.

41) Галиція съ нетерпѣніемъ грызетъ оковы свои и отъ изнуренія и нищеты, а еще болѣе опасаясь могущества Россіи, остается въ покоѣ.

42) Разсмотрѣвъ всѣ сіи элементы состава Австрійской имперіи, легко объясняется внутренняя и внѣшняя политика сего государства по необходимости плана обдуманной системы, всегда терпѣливой, уступчивой и осторожной, и слабость правительства, которое чувствуетъ необоримое стремленіе частей къ разъединенію, чему уже положить преградъ не можетъ, невольнымъ образомъ согласительными средствами и медленными уступками своей власти, отдаляетъ время совершеннаго и неизбѣжнаго своего паденія.

Вотъ развязка прославленной многими мудрости правленія Австріи, которая, будто-бы, держится дальновидностью и благоразуміемъ правительства, при совершенной даже отрицательности главы правленія. По моему мнѣнію, Австрія существуетъ, какъ гнилое зданіе—до первой бури, а потому и боится всего; при томъ внутренній составъ и духъ правленія нисколько не обезпечиваетъ дальнѣйшее существованіе ея. Это чувствуетъ всякій, нѣсколько мыслящій австріецъ, и все вниманіе правительства обращено лишь на елико возможное, медленно пріуготовляющееся паденіе и на большее собираніе налоговъ для покрытія прямыхъ расходовъ, истощая преимущественно Галицію и Италію [1]). Замѣчательно еще и то, что, съ уничтоже-

[1]) Гибельная система сохраненія духа провинціализма, происшедшая въ Австріи отъ необходимости, послѣ усиленнаго боренія Маріи Терезіи и Іосифа II, и грозящая сей имперіи скорымъ паденіемъ, приписанная нѣкоторыми нашими государственными сановниками дальновидному благоразумію правительства, нынѣ явнымъ образомъ обнаруживается въ своихъ послѣдствіяхъ. Едва-ли сія, столь вредная, система,

ніемъ косвенныхъ налоговъ, значительно увеличилось число отдѣльныхъ управленій и чиновниковъ, довольно злоупотребительныхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ увеличилась и необходимость расходовъ на содержаніе сихъ чиновниковъ. Вся Австрія покрыта множествомъ отдѣльныхъ управленій и фискальныхъ чиновниковъ; шагу сдѣлать нельзя, чтобы именемъ кайзера не собирали пошлины или акциза.

43) Особливая замѣтна боязнь правительства въ отношеніи славянско-русскихъ племенъ, т. е. такъ называемыхъ руссняковъ, живущихъ въ Венгріи вдоль границы Галиціи, говорящихъ языкомъ русскихъ, смѣшаннаго нарѣчія бѣлорусскаго и малороссійскаго, и исповѣдующихъ православную грекороссійскую вѣру; число ихъ простирается до 4.000.000 обоего пола душъ; также кроатовъ и словаковъ, коихъ тоже до 2.000.000 душъ; изъ нихъ первые по нарѣчію языка ближе къ намъ, и оба народа исповѣдуютъ православную нашу вѣру, хотя между ними и даже русняками отчасти введена унія, коей они, однако же, сильно противятся, и въ особенности руссняки. Въ Далмаціи также много славянскихъ племенъ, исповѣдующихъ нашу вѣру, которую австрійцы всѣми средствами преслѣдуютъ. Сему гоненію много способствуютъ іезуиты, которые теперь имѣютъ въ Австріи опять сильное вліяніе въ дѣлахъ духовныхъ. (О православіи и уніи будетъ ниже сказано). Упомянутыя племена руссняковъ и славянскія обращаютъ свои мысли и взоры на величавую могуществомъ Россію и на православнаго Императора ея, и явно противны системѣ австрійской, но, кажется, что господствующая въ нихъ

имѣвшая, по несчастію, нѣкоторое время много послѣдователей въ Россіи, не была заимствована отъ кабинета австрійскаго мѣрою, исторгнутою необходимостью прикрыть ловкою завѣсою обдуманной, якобы, системы и, воспользовавшись легковѣріемъ нѣкоторыхъ изъ нашихъ государственныхъ сановниковъ, прикрыть тѣмъ свое безсиліе и ввести туда гибельную систему къ ослабленію Россіи; коварный политическій софизмъ лишь неимовѣрными усиліями мудраго нашего Государя отчасти начинаетъ нынѣ упадать, хотя еще предубѣжденіе сіе существуетъ во мнѣніи многихъ. Еслибы кто далъ себѣ трудъ внимательно наблюдать дѣйствія австрійскаго правительства, то лично бы убѣдился, что система провинціализма есть вынужденная обстоятельствами; что и поднесь слабое австрійское правительство борется противъ, но безуспѣшно, прикрывая неудачи свои въ семъ отношеніи сказанною, якобы, обдуманною системою.

мысль, сколько замѣтить можно, есть отдѣленіе отъ Австріи безъ дальнѣйшаго обсужденія послѣдствій предстоящаго имъ тогда гражданскаго и политическаго быта. Вотъ почему они страшны для Австріи, которая всѣми возможными мѣрами отстраняетъ малѣйшій лучъ вліянія, который бы могъ проникнуть къ нимъ отъ Востока.

44) О составѣ войска австрійскаго я упоминать въ подробности не буду; оный уже достаточно извѣстенъ, какъ въ матеріальномъ, такъ и въ нравственномъ отношеніяхъ. Нельзя, однако же, не замѣтить, что, повидимому, австрійское войско нисколько не улучшилось со временъ кампаній наполеоновскихъ, и злоупотребительныя права, данныя полковымъ командирамъ, произвольнаго опредѣленія и производства въ чины офицеровъ въ мирное время, наполнили войска еще менѣе способными людьми къ военному дѣлу. Во избѣжаніе излишнихъ расходовъ, австрійское правительство прославляемою своею осторожностью не можетъ даже отдалить непріязненные ему галиційскіе и итальянскіе полки отъ ихъ родины, ибо система рекрутская и домовыхъ отпусковъ $^{1}/_{3}$ состава полковъ въ свои дома требуетъ квартированія оныхъ въ мѣстахъ ихъ формированія; по сей причинѣ въ самой Галиціи много полковъ туземныхъ, явно враждебствующихъ Австріи, и лишь офицеры въ оныхъ по большей части австрійцы или изъ другихъ провинцій; сколько можно было замѣтить изъ разговоровъ съ офицерами и даже солдатами, въ нихъ очень мало воинственнаго духа. Венгерцы и славянскія племена составляютъ лучшее ихъ войско, а въ особенности первые; но особенно достойны замѣчанія пограничныя ихъ военныя поселенія, о которыхъ здѣсь не упоминаю, потому что я самъ ихъ не видѣлъ, а написалъ бы то, что уже извѣстно чрезъ другихъ.

Объ управленіи и положеніи городовъ и торговыхъ мѣстечекъ или марктовъ. 45) Города управляются магистратами, въ коихъ существуютъ отдѣленія: судное, политическое и полицейское; въ послѣднихъ двухъ отношеніяхъ оныя зависятъ отъ административной власти въ губерніи. Полицейскій коммисаръ и полиція въ городахъ зависятъ отъ сказанныхъ отдѣленій въ магистратѣ. Члены магистратовъ опредѣляются отъ правительства. Въ нѣкоторыхъ лишь значительнѣйшихъ городахъ имѣется отдѣльная полиція. Въ нѣкоторыхъ марктахъ на

тѣхъ же основаніяхъ есть ратуши, въ прочихъ же управленіе „Dominium“ или какъ въ деревенскихъ обществахъ.

46) Жители городовъ, какъ и всѣ прочіе обыватели, платятъ въ казну двѣ пошлины: съ оцѣнки домовъ—„Haus-Steuer“ и съ промысла—„Erwerb Steuer“. Сверхъ того на нихъ упадаютъ всѣ прочія косвенныя подати, учрежденныя во всемъ государствѣ, которыя усиливаются еще отдачею на откупъ городами и владѣльцами сихъ отраслей, какъ-то: винной, медовой и пивной продажи.

47) Кромѣ сего обыватели городовъ платятъ владѣльцу земли, т. е. городу или помѣщику, чиншъ за занимаемую землю; всѣ иныя повинности городскія, какъ-то: за избавленіе отъ постоя, т. е. для постройки казармъ, на освѣщеніе города, содержаніе пожарной части и иныя потребности городскія, исполняя сверхъ того въ натурѣ или деньгами прочія повинности, мостовыя, удержаніе общественныхъ колодцевъ въ исправности, и проч. и проч.

48) Пріѣзжіе въ городъ и даже поселяне платятъ различныя пошлины, которыя идутъ въ пользу правительства; сіи пошлины въ нѣкоторыхъ городахъ, соображаясь съ привилегіями, довольно велики, и въ особенности въ Бродахъ и Лембергѣ; такъ, взимается со всякаго воза продуктовъ, не исключая и жизненныхъ припасовъ, по нѣскольку предметовъ по таксѣ, чтò сильно вредитъ самой торговлѣ.

49) Евреи, какъ выше уже было сказано, платятъ сверхъ того въ казну пошлину съ говядины и съ шабашовыхъ свѣчей.

50) Городскіе доходы весьма умѣренны и, по соображенію необходимыхъ издержекъ, ежегодно обыватели обложены налогами; всѣ важнѣйшія статьи доходовъ идутъ въ казну и такъ, какъ въ частности лица, такъ и самые города, чрезмѣрно отягчены казенными сборами.

51) При таковой общей гибельной системѣ чрезмѣрныхъ сборовъ и налоговъ, поражаетъ пріѣзжающаго еще видимая нѣкотораго рода дѣятельность и промыслы въ городахъ; но это происходитъ отъ двухъ главныхъ причинъ: а) отъ умноженія населенія, малоземельности и увеличенія налоговъ на хлѣбопашцевъ, излишняя часть коихъ отдѣлилась отъ земли и перешла въ города и маркты для производства ремеслъ, въ коихъ при одинаковой дороговизнѣ на жизненныя потребности представлялось болѣе удобства къ промышленности; такимъ образомъ всѣ ремесла, не исключая и домашнихъ, т. е. необходи-

мыхъ для семейнаго быта, перешли въ города и маркты, и сіи послѣднія населились; поселяне покупаютъ тамъ все необходимое, даже и домашнее одѣяніе; b) отъ умножившагося средоточія разныхъ сословій и ремесленниковъ въ городахъ и мѣстечкахъ, увеличилось число трактировъ, шинковъ и иныхъ подобныхъ заведеній, въ коихъ въ значительномъ количествѣ пріуготовляемыя простыя яства должны обходиться дешевле домашнихъ. Такимъ образомъ отторгнулась отъ семейной жизни большая масса народа, проводящая все свободное отъ трудовъ время въ трактирахъ, которые, разумѣется, съ симъ вмѣстѣ должны были улучшиться. Вотъ эти два главные предмета, т. е. замѣтное движеніе въ городахъ и трактирная жизнь, естественно проистекшія отъ силы вещей, которая при первомъ взглядѣ поражаетъ путешествующихъ и заставляетъ приписывать краю сему большую степень просвѣщенія и довольствія; но ежели вникнуть въ существенный бытъ обывателей, то легко удостовѣриться въ противномъ; всѣ болѣе или менѣе нуждаются; обремененные налогами обыватели часто не имѣютъ необходимаго, не взирая на усиленное трудолюбіе ихъ, и нищета въ домашнемъ быту прикрыта только нѣкоторою свойственною сему народу наружною опрятностію; впрочемъ, отъ множества праздныхъ рукъ, трудъ поденьщика дешево цѣнится, и по сей причинѣ при существующей уже мануфактурной промышленности, въ число которой перешли даже простѣйшіе предметы, необходимые для домашней жизни, она сдѣлалась дешевле.

Все здѣсь объясненное есть послѣдствіе не мудрыхъ мѣръ правительства, но обстоятельствъ и самой силы вещей, доказывающей натянутое положеніе государства, которое при первомъ неблагопріятномъ положеніи и толчкѣ не можетъ не имѣть самыхъ гибельныхъ послѣдствій. Завидывать намъ нечего, безъ сомнѣнія у насъ современемъ города дойдутъ до высшей степени средоточія промышленности, но желательно только, чтобы способы жизни и благосостояніе обывателей были основаны на болѣе прочныхъ началахъ, чѣмъ въ Австріи; безъ сомнѣнія, мудрое наше правительство, стоящее, такъ сказать, при кормилѣ развитія народныхъ нравственныхъ и умственныхъ силъ, и мощною рукою давая ускоренное движеніе производительнымъ силамъ промышленности, перенимая все полезное въ чужихъ государствахъ, не утратитъ началъ нашихъ собственныхъ, русскихъ, православныхъ, соотвѣтствующихъ

великому характеру доблестваго народа и основаніямъ величественной святыни Руси, въ коей благочестіе народа не можетъ быть упрочено на тѣсныхъ временныхъ началахъ, обстоятельствами и необходимостію произведенныхъ.

Н. ШИЛЬДЕРЪ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

КНЯЖНА ТАТЬЯНА [1])

РОМАНЪ.

(*Окончаніе*).

XXII.

Послѣ объясненія съ матерью княжна Татьяна дала обѣщаніе, которое отъ нея требовалось. Съ тѣхъ поръ она только два раза вечеромъ выѣзжала съ княгиней и не встрѣчалась съ Ксенинымъ. Жизнь въ домѣ стала еще болѣе однообразною и тяжелой. Отъ княгини вѣяло холодомъ. Обмѣниваясь нѣсколькими словами съ дочерью, она почти никогда не смотрѣла ей въ глаза, и обмѣнъ словъ всегда ограничивался тѣми предметами житейскаго обихода, которые имѣютъ значеніе только когда о нихъ говорятъ, и о которыхъ говорятъ только по необходимости или чтобы продолжительное молчаніе не казалось преднамѣреннымъ. Рембергъ бывалъ почти ежедневно, но съ нимъ Татьяна никогда не вступала въ разговоръ, ограничиваясь неизбѣжными краткими отвѣтами, когда онъ, въ присутствіи княгини, прямо къ ней обращался. Между тѣмъ Татьяну сильно тревожила внезапная перемѣна отношеній княгини къ мистриссъ Грей, которая провела девять лѣтъ въ домѣ Орловскихъ и въ немъ признавалась принадлежностью семейства. Во всѣхъ случаяхъ, когда роль „chaperon" дочери была въ тягость княгинѣ, — а такіе случаи обнимали почти весь жизненный обиходъ, за исключеніемъ выѣздовъ въ свѣтъ, — ей было пріятно, что эту

[1]) См. „Русск. Вѣстн." 1891 г. IX.

роль могла исполнять мистриссъ Грей. Ея ровный и спокойный характеръ никогда не давалъ повода къ недоразумѣніямъ и ея присутствіе въ домѣ какъ будто не замѣчалось, если оно въ данную минуту кому-нибудь не могло быть полезнымъ или пріятнымъ. Мистриссъ Грей давно успѣла изучить характеръ княгини; она знала, что тщеславіе было въ немъ преобладавшею, но и единственною выдававшеюся чертою. Княгиня жила собственно для такъ называемаго свѣта, и жила этимъ свѣтомъ. Мѣсто, которое она занимала въ немъ, и роль, которую она въ немъ играла, то, что въ немъ говорили о ней, и то, что могли бы о ней сказать, постоянно занимали ея мысли и въ нихъ господствовали. Это привычное, безсознательное и безплодное свѣтское отреченіе отъ самого себя для людей, съ которыми обмѣнъ визитовъ и недоброжелательныхъ толковъ о другихъ людяхъ составляютъ неизмѣнную сущность взаимныхъ отношеній, даже успѣло заглушить въ княгинѣ природныя чувства материнской любви. Она не столько любила Татьяну, сколько то, чѣмъ Татьяна могла быть въ свѣтѣ, и что свѣтъ могъ говорить о Татьянѣ. Она желала дочери только того, что самой себѣ для нея желала, и всякое съ собою разномысліе считала какъ бы нарушеніемъ того, что она была въ правѣ отъ нея ожидать, или даже требовать. Характеръ княжны Татьяны, съ раннихъ лѣтъ сдержанный и твердый, еще болѣе сосредоточился и сталъ болѣе рѣшительнымъ подъ вліяніемъ такихъ отношеній. Ея сердце не охладѣло къ матери, но замкнулось передъ нею. Съ одною мистриссъ Грей Татьяна могла говорить, не взвѣшивая каждаго слова и свободно обмѣниваясь мыслями и впечатлѣніями. Теперь она замѣчала, что ее какъ будто намѣревались лишить этой единственной опоры въ домѣ. Княгиня становилась систематически непріятною въ отношеніи къ мистриссъ Грей; генералъ Ремберrъ иногда былъ почти невѣжливъ. Мистриссъ Грей терпѣливо переносила это, но однажды сказала Татьянѣ:

— Вы видите, что мнѣ всячески даютъ чувствовать, что я здѣсь стала лишнею; однако же я знаю, что вамъ нужна, а потому буду терпѣть до послѣдней крайности.

Послѣ взаимныхъ откровенныхъ объясненій съ Хмуровымъ и въ виду оказаннаго съ его стороны дружелюбнаго участія, Татьяна съ нимъ нѣсколько сблизилась. Хмуровъ часто навѣщалъ ее, сообщалъ о своихъ наблюденіяхъ и освѣдомленіяхъ на счетъ Ремберга, и между прочимъ разсказалъ, что Ремберrъ недавно употребилъ на какое-то предпріятіе, при посредствѣ

ростовщика Розенбуша, довольно крупную сумму и для того продалъ по невыгодной цѣнѣ, безъ вѣдома княгини, какія-то ей принадлежавшія бумаги. Хмуровъ присовокупилъ, что болѣе обстоятельныя свѣдѣнія по этому дѣлу ему обѣщаны, но еще не доставлены. Онъ также замѣчалъ перемѣну отношеній княгини къ мистриссъ Грей и раздѣлялъ мнѣніе Татьяны, что въ этой перемѣнѣ высказывалось вліяніе Ремберга.

У княгини Семипольской былъ небольшой вечеръ по особымъ приглашеніямъ, въ честь супруги иностраннаго посланника, недавно женившагося границею и съ молодою женою возвратившагося въ Петербургъ. Кромѣ ближайшихъ знакомыхъ дома, были приглашены только дипломаты и хозяева домовъ, которые обыкновенно дипломатами посѣщались. Княгиня Орловская объявила дочери, что на этотъ разъ она непремѣнно должна ее сопровождать, чтобы имѣть случай быть представленною новой дамѣ этого круга, а Татьяна безъ сожалѣнія подчинилась требованію, потому что была увѣрена, что встрѣтитъ Ксенина. Она до той поры избѣгала такой встрѣчи, въ виду даннаго матери обѣщанія, но желаніе встрѣчи тѣмъ не менѣе ее волновало и постепенно усиливалось, подъ впечатлѣніемъ случайно слышанныхъ отрывочныхъ намековъ на затруднительное положеніе Ксенина, по разстройству его денежныхъ дѣлъ. Татьянѣ думалось, что хотя она и не будетъ говорить съ нимъ, но по крайней мѣрѣ на его лицѣ причитаетъ выраженіе его мыслей и память того, что она ему сказала подъ маской.

Вопреки своему обыкновенію княгиня Орловская въ этотъ день торопилась на вечеръ и предупредила Татьяну, что намѣрена не долго тамъ оставаться. При входѣ въ салонъ, Татьяна замѣтила, что княгиня на нее оглянулась, и потомъ окинула взглядомъ собравшихся гостей. Ксенина между ними не было. Какъ на всѣхъ вечерахъ безъ танцовальной или музыкальной программы, салонъ представлялъ видъ полусидящаго раута. Дамы не покидали первоначально занятыхъ мѣстъ и образовали группы, между которыми не безъ затрудненія происходило передвиженіе кавалеровъ. Центральная группа образовалась около новопріѣзжей дамы; ей называли гостей, съ которыми она еще не имѣла случая познакомиться, и при этомъ на ея лицѣ часто отражались обычныя иностранцамъ въ такихъ случаяхъ впечатлѣнія. Имъ кажется, что они никогда не запомнятъ того или другаго изъ называемыхъ имъ именъ, и кро-

мѣ того ихъ приводитъ въ недоумѣніе большое число титулованныхъ особъ одного и того же имени. Это подмѣчается, съ нѣсколько сомнительною со стороны представляемыхъ любезностью, и часто приводится слышать стереотипныя разсужденія о томъ, какъ трудно произносить нѣкоторыя русскія имена, и какъ многочисленны у насъ князья Обдорскіе или князья Синицыны.

Княгиня Орловская продолжала наблюдать за дочерью. Татьяна видѣла это и помѣстилась у стѣны, за двойнымъ рядомъ занятыхъ знакомыми дѣвицами и дамами креселъ и стульевъ, съ такимъ разсчетомъ, чтобы къ ней было трудно подойти со стороны. Возлѣ нея сѣлъ Хмуровъ, которому она сказала вполголоса при входѣ въ салонъ, что разсчитываетъ на его помощь, чтобы въ точности исполнить заключенный при его же помощи договоръ.

— Одно хорошо на сегодняшнемъ вечерѣ, сказала Хмурову Татьяна, воспользовавшись тѣмъ, что занятые разговоромъ между собою сосѣди не могли ее услышать: здѣсь нѣтъ Ремберга.

— Онъ вообще здѣсь рѣдко бываетъ, отвѣчалъ Хмуровъ. Его зовутъ только на балы или большіе вечера по полному списку. Кстати о немъ: я еще вчера справлялся о его послѣдней продѣлкѣ, но ничего положительнаго не могъ узнать. Мнѣ не нравится, что когда мы вчера же встрѣтились у тетушки, онъ мнѣ показался въ особенно веселомъ духѣ.

— Это, конечно, не можетъ быть добрымъ признакомъ, сказала Татьяна.

Въ эту минуту, сидѣвшая впереди Хмурова старшая дочь г-жи Трелидовой спросила его, назначенъ ли окончательно день для благотворительнаго базара, который устраивался подъ особымъ великимъ покровительствомъ и о которомъ давно въ городѣ говорили. Хмуровъ отвѣчалъ, что базаръ долженъ состояться въ слѣдующій воскресный день. Одна изъ дамъ выразила увѣренность, что базаръ будетъ имѣть блестящій успѣхъ, и разговоръ на тему базара сталъ общимъ.

Между тѣмъ вошелъ Ксенинъ. Татьяна замѣтила, что онъ ее сразу увидѣлъ, на одно мгновеніе остановился у дверей салона, и когда ихъ глаза встрѣтились, ей поклонился. Она въ отвѣтъ медленно наклонила голову и, незамѣтно продолжая наблюдать за нимъ, въ то же время не переставала принимать участіе въ происходившемъ около нея разговорѣ. Она видѣла что Ксенинъ смотрѣлъ въ ея сторону и мысленно ставилъ се-

бѣ вопросъ о возможности къ ней подойти. Она была такъ окружена, что вопросъ могъ быть разрѣшенъ только въ отрицательномъ смыслѣ. Ксенинъ, повидимому, въ этомъ убѣдился. Онъ нерѣшительно стоялъ на одномъ мѣстѣ, обмѣниваясь нѣсколькими словами съ проходившими мимо его знакомыми, пока его не подозвала знакомъ руки княгиня Вольская, которая сидѣла у стѣны близъ входа въ салонъ, и указала Ксенину на незанятое рядомъ съ нею мѣсто. Ксенинъ занялъ это мѣсто, и Татьяна замѣтила, что озабоченное выраженіе его лица тотчасъ отразилось на лицѣ княгини. Татьяна вспомнила о неожиданномъ намекѣ, который при объясненіи съ нею былъ проронёнъ Хмуровымъ и съ тѣхъ поръ часто ей приходилъ на память. Но она и на этотъ разъ мысленно сказала себѣ: этого быть не можетъ. Она помнила, что княгиня Вольская всегда была съ нею любезна и къ ней внимательна, но стала особенно и почти нѣжно любезною и внимательною именно съ тѣхъ поръ, какъ она могла замѣтить или угадать взаимность чувствъ Татьяны и Ксенина. Княгиня никогда не говорила съ Татьяной о немъ, но это оправдывало и подтверждало предположенія Татьяны. Въ рѣчахъ и взглядѣ княгини было нѣчто, внушавшее къ ней особое довѣріе и убѣждавшее Татьяну, что княгиня читаетъ въ ея сердцѣ. Содѣйствіе княгини, очевидно преднамѣренное, дало Татьянѣ возможность подъ маской объясниться съ Ксенинымъ, но съ самою Татьяной княгиня не входила ни въ какія прямыя объясненія, ни на счетъ цѣли содѣйствія, ни на счетъ его результатовъ. Обѣ не договаривали, но обѣ знали, что обоюдные недосказы не мѣшали взаимному пониманію. Татьяна не сомнѣвалась въ томъ, что Ксенинъ сдержалъ слово и подробностей своего объясненія съ нею не сообщилъ княгинѣ, но онъ во всякомъ случаѣ былъ съ нею откровеннѣе, чѣмъ могла быть Татьяна. Княгиня знала о всемъ, что до него касалось, и ея отношенія къ Татьянѣ сами по себѣ доказывали, что о своихъ чувствахъ къ ней онъ говорилъ княгинѣ. Взглядъ, брошенный ею на Татьяну, когда Ксенинъ занялъ указанное ему мѣсто и, во время разговора съ нимъ, нѣсколько разъ къ Татьянѣ возвращавшійся, давалъ поводъ думать, что и теперь до нея относился ихъ разговоръ. Эта мысль была пріятна Татьянѣ, и ей казалось, что ея довѣріе къ княгинѣ оправдывалось довѣріемъ къ ней Ксенина.

— Тетушка постоянно за тобой наблюдаетъ, сказалъ вполголоса Хмуровъ.

— Я это вижу, отвѣчала Татьяна.

— А съ тѣхъ поръ, какъ извѣстное лицо здѣсь, наблюденіе становится съ минуты на минуту болѣе безпокойнымъ.

— Я и это замѣчаю.

— Она, кажется, уже собирается уѣхать.

— Тѣмъ лучше.

Княгиня Орловская дѣйствительно слѣдила за всѣми движеніями дочери, а со времени появленія графа Ксенина, и за его движеніями. Ее раздражало наружное спокойствіе Татьяны и отсутствіе со стороны Ксенина попытки къ ней приблизиться. Княгинѣ становилось досадно, что ея собственныя требованія исполнялись и, повидимому, исполнялись безъ затрудненій. Она во весь вечеръ была неразговорчива, казалась разсѣянною или озабоченною. О причинѣ такого настроенія сочла даже нужнымъ освѣдомиться сидѣвшая близъ нея г-жа Лирина и подошедшій къ нимъ генералъ Блумъ. Наконецъ она встала и, взглянувъ на Татьяну, движеніемъ головы дала ей понять, что намѣрена уѣхать. Татьяна также встала, сказавъ Хмурову, что проситъ ее проводить. Близъ дверей салона она замѣтила, что Ксенинъ ступилъ шагъ впередъ, чтобы къ ней подойти, но она въ то же время видѣла, что княгиня пристально смотрѣла на нее, и непрерывность этого надзора вызвала въ Татьянѣ взрывъ нетерпѣнія. Она прошла мимо Ксенина, не обративъ глазъ въ его сторону и, подойдя къ княгинѣ, сказала:

— Вы напрасно безпокоитесь, мама. Если я дала слово,— то его сдержу.

Княгиня ничего не отвѣтила и одна прошла впередъ.

Ксенинъ стоялъ на одномъ мѣстѣ, какъ будто утративъ способность движенія. Кровь бросилась ему въ голову, отхлынула къ груди и потомъ вновь поднялась къ головѣ. Что значитъ это? думалось ему. Она съ намѣреніемъ не дала мнѣ возможности ей сказать слова. Она отвернулась отъ меня. И это при первой встрѣчѣ послѣ того вечера,—при встрѣчѣ, которой я напрасно ждалъ болѣе мѣсяца! Ксенину пришло на память слово „нѣтъ“, которымъ заключился его разговоръ съ Татьяной въ посольствѣ. Неужели, сказалось далѣе въ его мысляхъ,—таковъ былъ смыслъ этого „нѣтъ“? Но сегодня, когда я вошелъ, она меня видѣла; она отвѣтила на мой поклонъ, и ея взгляду, наклоненію головы, въ которомъ видно было желаніе, чтобы оно мнѣ одному было замѣтно,—я могъ придать другой смыслъ...

— Ксенинъ, сказала вполголоса подошедшая къ нему

княгиня Вольская,—вы себя выдаете: пройдемте въ другую комнату. Я видѣла, что васъ смутило. Вы ее не поняли.

Ксенинъ машинально послѣдовалъ за княгиней.

— Если она, проходя мимо васъ, заговорила съ матерью, продолжала княгиня,—то она должна была имѣть поводъ. Вы забываете о домашней драмѣ, о которой мы съ вами не разъ говорили. Сегодня я убѣдилась, что она еще въ полномъ ходу. Княгиня цѣлый вечеръ не спускала глазъ съ дочери, и я не желала бы, чтобы кто-нибудь чужой смотрѣлъ на меня такими глазами, какими мать здѣсь глядѣла на дочь.

— Я себѣ это могу иначе объяснить, мрачно проговорилъ Ксенинъ.

— Вы ошибаетесь.

— Думаю, что не ошибаюсь.

— Почему?

— Не могу вамъ сказать

— Мнѣ? Вы мнѣ сказать не можете?

— Да, потому, что оно имѣетъ связь съ тѣмъ, что она мнѣ сказала и о чемъ я далъ слово не говорить.

Въ эту минуту къ княгинѣ Вольской подошелъ Хмуровъ.

— Наконецъ я васъ нашелъ, княгиня, сказалъ Хмуровъ. Татьяна поручила мнѣ вамъ передать, что она крайне сожалѣетъ, что не могла подойти къ вамъ и вамъ два слова сказать. Тетушка торопилась. Татьяна проситъ васъ передать выраженіе того же сожалѣнія вашему бывшему сосѣду и во всякомъ случаѣ надѣется съ вами видѣться на базарѣ. За симъ прощайте. Порученіе я исполнилъ и теперь самъ спѣшу уѣхать, хотя и не по слѣдамъ тетушки. До свиданія, графъ.

Хмуровъ дружелюбно подалъ руку княгинѣ и Ксенину, и повернулъ назадъ.

— Видите, Ксенинъ, что я не ошибалась,—сказала княгиня Вольская.

Въ слѣдующій день княжна Татьяна и мистриссъ Грей были въ книжномъ магазинѣ Мелье и разсматривали новополученныя имъ иллюстрированныя изданія. Въ магазинѣ никого не было кромѣ молодой женщины, на которую княжна и ея спутница сначала не обратили вниманія и которая стояла позади ихъ, одна, прислонясь къ среднему книжному столу и, повидимому, чего-то ожидая. Молодая женщина замѣтила, что мистриссъ Грей обронила свою муфту; она подошла къ ней,

подняла муфту и, положивъ ее на столъ близъ мистриссъ Грей, сказала ей по-французски:

— Вы обронили вашу муфту, сударыня.

— Тысячу разъ васъ благодарю, отвѣчала мистриссъ Грей, привставъ со стула, на которомъ она сидѣла.

— Не за что благодарить, сударыня, сказала молодая женщина, привѣтливо улыбнувшись и отступая къ прежнему мѣсту стоянки.

Между тѣмъ старшій конторщикъ принесъ ей счетъ и передавая замѣтилъ, что онъ не великъ.

— Тѣмъ лучше, сказала она, уплачивая деньги по счету.— Передъ отъѣздомъ крупные счеты не удобны.

— Когда полагаете вы возвратиться? сказалъ конторщикъ.

— Не скоро, тихо сказала молодая женщина; благодарю за то, что вы всегда были любезны ко мнѣ.

Она поклонилась и вышла изъ магазина.

— Кто та молодая женщина, которая оказала вниманіе моимъ лѣтамъ и мнѣ подняла муфту? спросила мистриссъ Грей, обращаясь къ прикащику, подававшему ей книги.

— Г-жа Клерваль, отвѣчалъ прикащикъ.—Она прежде была при театрѣ, а кажется завтра уѣзжаетъ во Францію.

Мистриссъ Грей вновь принялась за книги, а княжна Татьяна вдругъ перестала разсматривать ту, которую перелистывала. — Клерваль! повторила она про себя. — Это была Матильда Клерваль... И она уѣзжаетъ... Татьяна вспомнила, что лицо и звукъ голоса молодой женщины ей показались пріятными, а выраженіе лица грустнымъ, особливо когда она отвѣтила на вопросъ о времени ея возвращенія.—Бѣдная женщина! сказалось далѣе въ мысляхъ Татьяны.—Она такъ спокойно взглянула на меня, подойдя къ мистриссъ Грей. — Она не догадывалась, что передъ нею та, которая невольно рѣшила ея участь! И я сама не воображала, что съ нею встрѣтилась.

Ничто въ Матильдѣ не соотвѣтствовало тому представленію о ней, которое рисовалось передъ Татьяной, когда она думала о ней. Татьянѣ вдругъ стало какъ-то жаль ея.—Бѣдная женщина! повторила она мысленно... Впрочемъ не я одна повліяла на ея судьбу... Ксенинъ во всякомъ случаѣ долженъ былъ съ нею разстаться...

И мысли Татьяны вновь перенеслись къ Ксенину.

— Надъ чѣмъ задумались вы? сказала мистриссъ Грей.—

Не пора ли намъ чѣмъ-нибудь порѣшить съ этими книгами и пуститься въ обратный путь?

Вечеромъ у княгини Орловской были г-жа Трелидова съ одною изъ ея дочерей и генералъ Рембергъ. Княгиня занимала обычное мѣсто на диванѣ, передъ столомъ, на которомъ „Journal de St. Petersbourg“ продолжалъ встрѣчаться съ „Journal des Débats“ и „Revue des deux mondes“. Г-жи Трелидова и Рембергъ перечисляли съ княгиней общихъ знакомыхъ, уже уѣхавшихъ, или собиравшихся уѣхать заграницу, и княгиня при этомъ нѣсколько разъ выражала желаніе послѣдовать ихъ примѣру. Молодая Трелидова разсматривала лежавшія на другомъ столѣ новѣйшія иллюстраціи, и за этимъ столомъ съ нею сидѣла княжна Татьяна, полуразсѣянно отвѣчавшая на замѣчанія. Ея мысль была другимъ занята и только по призыву воли обращалась къ ея собесѣдницѣ. Но вдругъ ея лицо измѣнилось и приняло выраженіе сосредоточеннаго вниманія. Генералъ Рембергъ произнесъ имя графа Ксенина, и Татьянѣ показалось, что, произнося его, онъ взглянулъ на нее. Она стала вслушиваться, и въ то же время, желая отвлечь отъ происходившаго за другимъ столомъ разговора вниманіе молодой Трелидовой, придвинула къ ней новую книгу, упомянувъ о достоинствѣ помѣщенныхъ въ ней рисунковъ.

— Да, продолжалъ Рембергъ, обращаясь къ г-жѣ Трелидовой, причины могутъ быть одинаковы, но результаты различны. Графиня Волынкина не поѣдетъ заграницу, потому что у нея нѣтъ денегъ, а графъ Ксенинъ по той же причинѣ долженъ будетъ уѣхать.

— Какъ? заграницу? спросила г-жа Трелидова.—И тамъ деньги нужны.

— Быть можетъ и не заграницу, но во всякомъ случаѣ уѣхать отсюда, потому что онъ долженъ будетъ оставить службу. Надняхъ у него будутъ описывать имущество для удовлетворенія кредиторовъ, а такъ какъ онъ не въ состояніи уплатить долговъ, которые предъявлены ко взысканію, то за описью послѣдуетъ продажа. Кавалерійскому офицеру, у кого будутъ съ молотка проданы лошади,—трудно остаться въ полку.

— Какъ жаль! сказала г-жа Трелидова.—Онъ мнѣ нравился и себя всегда держалъ хорошо въ свѣтѣ, хотя мало въ немъ бывалъ.—Неужели братъ его не выручитъ?

— Братъ выручалъ нѣсколько разъ, отвѣчалъ Рембергъ;—но на этотъ разъ отказался.

— И хорошо сдѣлалъ, замѣтила княгиня.—Всему есть предѣлъ, и графу Ксенину урокъ былъ нуженъ...

Въ эту минуту вошли генералъ Блумъ и Хмуровъ. Ихъ приходъ далъ разговору другое направленіе, и вскорѣ послѣ того г-жа Трелидова подозвала свою дочь, чтобы откланяться княгинѣ и уѣхать. Татьяна и Хмуровъ проводили ихъ въ сосѣдній салонъ.

— Мнѣ нужно сказать тебѣ два слова, сказала Татьяна Хмурову, когда Трелидовы вышли.

— И мнѣ также, отвѣчалъ Хмуровъ. Я за тѣмъ пріѣхалъ.

— Рембергъ потому тебѣ показался веселымъ, что онъ можетъ разносить вѣсти о разореніи графа Ксенина. Правда ли, что его имущество должно продаваться за долги?

— Правда, и я сегодня узналъ, что Рембергъ на то именно употребилъ деньги твоей матери, чтобы скупить векселя Ксенина и по нимъ взыскивать чрезъ подставное лицо.

— Возможно ли? сказала Татьяна. Она остановилась, поблѣднѣла, и судорожная дрожь пробѣжала по ея чертамъ.

— Не только возможно, но достовѣрно. Объ этомъ знаетъ повѣренный княгини Вольской. — Завтра утромъ я зайду къ тебѣ и разскажу подробнѣе... Теперь намъ здѣсь останавливаться нельзя. Рембергъ и тетушка не должны догадаться, что мы объ этомъ говорили. Ты умѣешь владѣть собою. Пойдемъ.

— Иду; но прошу тебя завтра же передать княгинѣ Вольской, что мнѣ нужно съ нею увидѣться.

Когда Татьяна и Хмуровъ возвратились въ салонъ, она улыбаясь говорила съ нимъ о молодой Трелидовой и увѣряла его въ томъ, что онъ къ ней не равнодушенъ, хотя старается это скрывать. Собесѣдники княгини услышали имя Трелидовой, и когда къ нимъ присоединилась Татьяна и Хмуровъ, общій разговоръ продолжался на тему сравнительныхъ достоинствъ двухъ дочерей г-жи Трелидовой, а отъ нихъ перешелъ къ предстоявшему базару, на которомъ обѣ были приглашены быть хозяйками и завѣдывать продажею разныхъ товаровъ. Генералъ Блумъ критиковалъ современное усиленіе такихъ базаровъ, доказывая, что они приносятъ относительно малую пользу бѣднымъ и отвлекаютъ вниманіе участниковъ отъ прямыхъ и болѣе надежныхъ способовъ благотворительности. Княгиня Орловская и Рембергъ были другаго мнѣнія и утверждали, ссылаясь на крупныя цифры сборовъ, что еслибы не было базаровъ, то значительная часть собираемыхъ на нихъ

денегъ вовсе не получала бы благотворительнаго назначенія. Хмуровъ сѣтовалъ на принудительный характеръ базарной благотворительности, а княжна Татьяна, упомянувъ раза два о своихъ впечатлѣніяхъ, наконецъ сказала, что ей привелось услышать, на разныхъ базарахъ, непріятные отзывы посѣтителей, находившихъ, что участники базаровъ походили на людей, которые не столько заняты добрымъ дѣломъ, сколько сами себя забавляютъ. Хмуровъ замѣтилъ, что въ разговорѣ Татьяна постоянно обращалась къ нему, или къ Блуму, только разъ обратила сосредоточенно грустный взглядъ на княгиню и ни одного раза не взглянула на Ремберга. Но когда Ремберъ всталъ, чтобы откланяться, она также встала и прежде него вышла въ сосѣдній салонъ.

Татьяна остановилась, въ срединѣ салона и неподвижно выждала, чтобы Рембергъ настолько къ ней приблизился, чтобы обращенныя къ нему слова были слышны ему, но не слышны въ сосѣдней комнатѣ.

— Генералъ, сказала она дрожащимъ отъ гнѣва голосомъ, ваша роль въ нашемъ домѣ мнѣ вполнѣ извѣстна, и я хотѣла васъ предупредить, что насколько она касается меня, она должна прекратиться.

— Я васъ не понимаю, княжна, отвѣчалъ Рембергъ, и во всякомъ случаѣ теперь намъ съ вами здѣсь нельзя объясняться.

Онъ хотѣлъ пройти мимо, но Татьяна загородила ему дорогу и съ запальчивостью продолжала:

— Повторяю вамъ, что эта недостойная роль не должна продолжаться. Я на все рѣшилась, и вы настолько меня знаете, что въ моей рѣшимости не должны сомнѣваться, когда я о ней говорю. Я знаю, какъ вы ведете дѣла́ моей матери, какъ вы распоряжаетесь ея деньгами, и на что вы ихъ употребляете. Я требую отъ васъ, чтобы вы съ нею впредь обо мнѣ не говорили, и требую, чтобы вы при мнѣ не произносили имени графа Ксенина.—Слышите ли вы меня? Я этого требую. Въ противномъ случаѣ я ни предъ чѣмъ не остановлюсь. Я знаю, что не могу опереться на моего двоюроднаго брата. Вы его опутали и связали ему руки. Но у него есть отецъ, мой родной дядя, его вы не опутали. Я къ нему обращусь. Я къ нему уѣду, и весь городъ будетъ знать, почему дочь должна была оставить домъ своей матери.

— Княжна, сдѣлайте милость, позвольте мнѣ завтра съ вами

объясниться, нерѣшительно проговорилъ смутившійся Рембергъ, меня оклеветали передъ вами.

— Всякія объясненія между нами совершенно безполезны, сказала княжна Татьяна, возвысшая голосъ.—Вы знаете, чего я отъ васъ требую,—повторяю,—непремѣнно требую.—На вашъ выборъ: исполнить, или не исполнить.

Послѣднія слова Татьяны были услышаны генераломъ Блумомъ, который между тѣмъ откланялся княгинѣ и вышелъ въ передній салонъ. Онъ тотчасъ замѣтилъ, что происходившій между княжною Татьяной и Рембергомъ разговоръ не могъ при немъ продолжаться, и, поклонившись княжнѣ, хотѣлъ пройти къ другимъ дверямъ; но она его остановила и, дружелюбно протянувъ ему руку, сказала:

— До свиданія, на базарѣ,—не правда ли, генералъ?—Мы тамъ съ вами одного лагеря.

Между тѣмъ Рембергъ вышелъ и, не желая, чтобы генералъ Блумъ его засталъ въ сѣняхъ, торопливо уѣхалъ.

XXIII.

У генерала Блума обѣдали нѣкоторые близкіе знакомые. Вскорѣ послѣ обѣда, по разнымъ причинамъ, гости разъѣхались, и въ кабинетѣ генерала съ нимъ остались только сенаторъ Ловцовъ и баронъ Вейсгорстъ. Ловцовъ замѣтилъ лежавшую на столѣ книгу и, указавъ на нее генералу, сказалъ:

— Вотъ книга, которую я не ожидалъ у васъ видѣть.

— Почему же? спросилъ Блумъ. Потому что я протестантъ? Я ее въ третій разъ перечитываю.

— Я ее имѣю, продолжалъ Ловцовъ, но долженъ признаться, что не читалъ, а только заглянулъ въ нее, когда получилъ.

— „Apologia“ Ньюмана, сказалъ Вейсгорстъ, взявъ книгу въ руки. Я читалъ ее.

— На мой взглядъ, добавилъ Блумъ, это въ разныхъ отношеніяхъ замѣчательная книга. Она справедливо прозвана самою правдивою въ наши времена автобіографическою исповѣдью, заключаетъ въ себѣ обстоятельныя свѣдѣнія о такъ-называемомъ трактаріанскомъ движеніи въ Англиканской церкви въ трицатыхъ и сороковыхъ годахъ, и кромѣ того представляетъ рѣдкій примѣръ жизни, въ которой стремленіе къ церковно-догматической истинѣ постоянно надъ всѣмъ другимъ

господствовало и даже все другое поглощало. На меня эта именно сторона книги съ перваго раза произвела и теперь въ третій разъ производитъ сильное впечатлѣніе.—Мы всѣ болѣе или менѣе квіетисты въ дѣлахъ вѣры.—Между тѣмъ, во всѣхъ другихъ дѣлахъ квіетизмъ былъ бы болѣе у мѣста.

— Однако же, замѣтилъ Ловцовъ, культуркампфъ доказываетъ, что по крайней мѣрѣ въ Германіи и теперь нѣтъ равнодушія къ церковнымъ вопросамъ.

— Культуркампфъ другое дѣло. Въ немъ споръ идетъ о правахъ церкви въ государствѣ, и люди воодушевляются, такъ сказать, даннымъ итогомъ своихъ вѣрованій, а не обращаются къ тому или другому частному вопросу вѣры. Споръ ведется на мірской, а не на духовной почвѣ. Нѣтъ мѣста личнымъ порывамъ къ познаванію таинственныхъ истинъ, со всѣми сопровождающими такіе порывы сомнѣніями и колебаніями. Тамъ борьба людей съ людьми, а не человѣка съ самимъ собою. Въ „Апологіи“ Ньюмана заключается повѣсть именно такой борьбы.

— Которая окончилась его переходомъ въ латинство.

— Да, но я имѣлъ въ виду, говоря о моихъ впечатлѣніяхъ, не результатъ борьбы въ данномъ случаѣ, а интенсивность того религіознаго чувства, которое ее вызвало и поддерживало. Въ Ньюманѣ оно направляло мысль къ догматическимъ вопросамъ и цѣлямъ; но оно можетъ принимать и другія направленія. Дѣло въ томъ, какое мѣсто мы ему отводимъ въ нашей жизни и какую долю вліянія оно на нее имѣетъ? Я часто думаю объ этомъ потому, что въ оживленіи религіознаго чувства вижу единственный способъ разрѣшенія такъ-называемыхъ современныхъ соціальныхъ вопросовъ.

— Не многіе думаютъ, какъ вы, замѣтилъ баронъ Вейсгорстъ.

— За то и вопросы не подвигаются къ разрѣшенію.

— Нельзя, однако же, не признавать частныхъ успѣховъ въ этомъ отношеніи, сказалъ Ловцовъ. Вездѣ законодательство направлено къ улучшенію быта рабочихъ классовъ, и вездѣ въ представительныхъ собраніяхъ преобладаютъ тѣ элементы, которые собою представляютъ интересы массъ.

— А что такое рабочіе классы? спросилъ Блумъ.—О представителяхъ массъ мы можемъ поговорить послѣ.

— Рабочіе классы?—самое названіе отвѣчаетъ на вашъ вопросъ.

— Вы хотите сказать, что такъ называются тѣ классы, ко-

торые должны личнымъ физическимъ трудомъ обезпечивать свое существованіе? — Не спорю; но добавлю, что они подходятъ и подъ другое опредѣленіе.—Они составляютъ то значительное большинство населенія, которое, такъ сказать, обдѣлено, въ данное время, матеріальнымъ достаткомъ, которое кромѣ личнаго труда не имѣетъ, или почти не имѣетъ, средствъ къ удовлетворенію своихъ матеріальныхъ нуждъ, и къ которому прямо примѣнимо новѣйшее понятіе о борьбѣ за существованіе. Вы говорите, что законодательство стремится къ облегченію этой борьбы. Но я спрошу васъ: насколько вы сами считаете такое облегченіе возможнымъ?

— При этомъ еще нужно принять во вниманіе, добавилъ баронъ Вейсгорстъ, что условія борьбы становятся болѣе и болѣе затруднительными при общемъ вздорожаніи жизненныхъ потребностей рядомъ съ возростаніемъ числа этихъ потребностей, при удешевленіи производствъ механическими приспособленіями, при возростающей во всѣхъ видахъ конкурренціи внутренней и международной, при возникшей подъ вліяніемъ этой конкурренціи другой, постоянной борьбѣ между трудомъ и капиталомъ, и наконецъ, вслѣдствіе отмѣны прежнихъ формъ корпоративнаго ремесленнаго труда.

— Задача, безъ сомнѣнія, весьма трудная,— отвѣчалъ Ловцовъ; но трудности задачъ не освобождаютъ отъ обязанности ихъ по возможности разрѣшать. Правительственная дѣятельность, законодательная и распорядительная, должна быть направляема къ тому, чтобы сдерживать, въ извѣстныхъ предѣлахъ, борьбу между трудомъ и капиталомъ, и предупреждать взрывы.

— И въ этомъ я съ вами согласенъ, продолжалъ Блумъ;— но на долго ли, при нынѣшнемъ ходѣ дѣлъ, возможно предотвращеніе взрывовъ? Въ массахъ пробуждено чувство, которое я назову коллективнымъ самосознаніемъ. Это самосознаніе постепенно уясняется относительно нуждъ и силъ массъ, и остается смутнымъ только относительно представляющихся имъ цѣлей и средствъ къ достиженію цѣлей. Опасность состоитъ въ томъ, что цѣли недостижимы, но массъ нельзя убѣдить въ ихъ недостижимости.

— Нѣкоторыя цѣли во всякомъ случаѣ достижимы. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоитъ только сравнить условія быта рабочихъ, полвѣка тому назадъ, съ нынѣшними условіями ихъ быта. Если постепенное улучшеніе было до сихъ поръ воз-

*

можно, то оно со временемъ должно достигнуть еще болѣе высокой степени при томъ вниманіи, которое теперь на него обращается законодательствомъ и административною властью.

— Есть предѣлъ, котораго никакой законъ и никакая власть переступить не могутъ безъ ниспроверженія коренныхъ основъ нашего общественнаго строя. Онъ покоится на началѣ имущественныхъ неравенствъ и на связанномъ съ нимъ началѣ принудительнаго труда. Созданіе богатствъ зависитъ отъ втораго начала ихъ накопленіе — отъ перваго, а отъ этого накопленія зависитъ, въ свою очередь, все, что мы называемъ нашею цивилизаціей. Науки, литература, искусства, художества невозможны безъ помощи крупныхъ имущественныхъ неравенствъ, а многія работы, по разнымъ видамъ промысловъ и производствъ, невозможны безъ гнета матеріальной нужды. Одна нужда можетъ заставить быть углекопомъ въ Англіи, кочегаромъ на торговомъ пароходѣ, или стрѣлочникомъ на желѣзной дорогѣ; а такихъ нуждъ никакой законодательный или административный прогрессъ отмѣнить не можетъ. Насильственное уравненіе имущественнаго достатка, — еслибы оно было возможно,—разрушило бы существующій порядокъ вещей, но не создало бы другаго, болѣе удовлетворительнаго. Оно могло бы уравнять нужды, но не средства. Вы говорили о представителяхъ интересовъ рабочихъ классовъ въ средѣ законодательныхъ собраній. Эти представители, какъ и всѣ вообще вожаки современнаго соціальнаго движенія, не сознаютъ или не высказываютъ конечнаго смысла своихъ теорій. Они проповѣдуютъ преобразованія, но ведутъ къ перевороту.

— До переворота еще далеко,—сказалъ Ловцовъ,—и тѣмъ силамъ, которыя къ нему стремятся, противодѣйствуютъ другія силы. Правительства вооружены достаточными способами вліянія, и средніе классы, чувствуя угрожающую имъ опасность, должны стоять на сторонѣ правительствъ. Эти организованныя силы имѣютъ передъ неорганизованными силами массъ не только преимущество своей организаціи, но и превосходства матеріальныхъ средствъ.

— Въ настоящую минуту это еще не подлежитъ спору, замѣтилъ баронъ Вейсгорстъ; но признаки ослабленія охранительныхъ силъ вездѣ множатся. Правительства какъ-будто только въ дѣлахъ внѣшней политики пользуются полною свободой воли. Тамъ они дѣйствуютъ или, по крайней мѣрѣ, могутъ дѣйствовать, наступательно. По внутреннимъ дѣламъ

они давно въ оборонительномъ положеніи. Законодательство имѣетъ отступной, почти капитуляціонный характеръ. Средніе классы не во всѣхъ государствахъ одинаково сплочены, и въ ихъ средѣ политическій радикализмъ постепенно открываетъ пути соціальному радикализму. Еслибы на сторонѣ общественнаго порядка до сихъ поръ не стояли тѣ религіозныя силы, оживленія которыхъ желаетъ генералъ Блумъ, положеніе дѣлъ было бы еще опаснѣе.

— Это совершенно вѣрно, сказалъ Блумъ, а потому всякая анархическая агитація направляется противъ церкви,—то есть противъ христіанства вообще,—еще съ бо́льшимъ ожесточеніемъ, чѣмъ противъ какой бы то ни было правительственной власти. Агитаторы знаютъ, что христіанскія вѣрованія составляютъ главный оплотъ общественнаго порядка. Христіанству исключительно принадлежатъ нравственное начало самоограниченія, начало вѣрующей покорности своей судьбѣ и даже семейное начало. Семья есть чадо христіанства. До него понятіе о потомствѣ стояло на мѣстѣ нашихъ понятій о семьѣ. Потомство могло быть только идеею немногихъ; семья—идея доступная всѣмъ и каждому. Опасенія за участь семьи могутъ быть не только побудительнымъ поводомъ къ труду и бережливости, но и сильною уздою въ эпохи политическихъ смутъ. По моему мнѣнію, современное законодательство весьма недостаточно цѣнитъ охранительную силу, которая заключается въ семейномъ союзѣ, а сочинители соціально-филантропическихъ проектовъ грубо ошибаются, не принимая въ разсчетъ психическаго элемента человѣческой природы. Тѣ улучшенія матеріальнаго быта массъ, которыя практически осуществимы, не могутъ ихъ удовлетворять безъ содѣйствія замиряющихъ началъ христіанской вѣры; а гражданское и экономическое призваніе меньшинства, обладающаго матеріальнымъ избыткомъ, также невыполнимо безъ оживленнаго и оживительнаго сознанія христіанскаго долга.

— На этомъ меньшинствѣ лежитъ вся нравственная отвѣтственность, сказалъ Вейсгорстъ, и къ нему я причисляю всѣхъ вообще обладателей избытка не только матеріальнаго, но и умственнаго и научнаго. Меня въ этой именно средѣ удивляетъ то, что генералъ назвалъ религіознымъ квіетизмомъ. Оставляю въ сторонѣ прямыхъ отрицателей. Ихъ относительно немного. Говорю о тѣхъ, кто болѣе или менѣе искренно и почтительно относятся къ дѣламъ вѣры, но для кого эти дѣла

составляютъ какъ бы пограничную съ областью житейскаго обихода область, между тѣмъ какъ при самомъ поверхностномъ наблюденіи за собою, при малѣйшемъ углубленіи въ себя, неразрывная внутренняя связь этихъ областей становится очевидною. Жизнь всегда представляетъ случаи и поводы это наблюдать и въ этомъ удостовѣряться. Нельзя не замѣчать, что мы живемъ двумя жизнями, внутреннею и внѣшнею, и что внѣшняя жизнь часто заглушаетъ внутреннюю, но ее не прекращаетъ. Если человѣкъ нѣсколько способенъ къ анализу своихъ чувствъ и мыслей, онъ не можетъ не замѣчать совершающихся въ немъ въ теченіе времени духовныхъ перемѣнъ и надъ ними не призадумываться. Книжная логика ихъ вполнѣ объяснить не можетъ. То, что мы называемъ жизненнымъ опытомъ, или суммою воспринятыхъ впечатлѣній, или результатами нашего мышленія, подходитъ подъ оцѣнку разсудка; но не онъ возбуждаетъ и совершаетъ перемѣны. Онъ только свидѣтельствуетъ о нихъ и ихъ опредѣляетъ. Нельзя говорить, что ртуть въ барометрѣ измѣняетъ погоду. По прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ мы не только замѣчаемъ, но чувствуемъ, что стоимъ на другой точкѣ, перешли на другую почву. Наше духовное *я* передвинулось. Связь съ прошлымъ есть: должна быть и связь съ будущимъ. Внутренняя жизнь течетъ своимъ теченіемъ сквозь всѣ струи внѣшней, и не имѣла бы смысла, еслибы ея предѣломъ могла быть гробовая доска. При этой мысли квіетизму нѣтъ мѣста.

— То-есть ему нельзя сознательно давать мѣсто, отвѣчалъ Ловцовъ; но оно ему отводится безсознательно. Кому досугъ размышлять о двухъ жизняхъ, когда одна изъ нихъ, которую вы называете внѣшнею, въ наше время такъ тревожна, шумна и переполнена? Вы во всемъ Петербургѣ не нашли бы трехъ человѣкъ, которые въ эту минуту разсуждали, какъ мы, о затронутыхъ вами вопросахъ, и мы сами обратились къ нимъ совершенно случайно, только потому, что я увидѣлъ на столѣ Апологію Ньюмана. Не замѣть я книги, мы могли бы заговорить о какой-нибудь здѣшней actualité, о развившемся въ графинѣ Волынкиной пристрастіи къ вечерамъ съ цыганами, или о неудачныхъ сватовствахъ князя Синицына.

— Всѣ пути приводятъ къ Риму и все зависитъ отъ послѣдовательнаго сочетанія разныхъ порядковъ мыслей, сказалъ Блумъ.—Отъ цыганъ, признаюсь, далеко до Ньюмана и его круга идей; но отъ князя Синицына, если вѣрить городскимъ

слухамъ и толкамъ, путь уже короче,—при посредствѣ нѣкоторыхъ предварительныхъ переходовъ и обобщеній. Говорятъ, что вторая неудача объясняется давнишнею склонностью молодой дѣвушки къ молодому человѣку, который въ нее искренно влюбленъ, но который не пользуется расположеніемъ родителей. Слѣдовательно, есть элементы или задатки романа; а романы играютъ важную роль во внутренней жизни людей.

— Нынѣшняя зима у насъ не была богата романами, замѣтилъ Ловцовъ.

— Быть можетъ, мы только не знаемъ о нихъ, отвѣчалъ Блумъ.—Ихъ всегда болѣе на дѣлѣ, чѣмъ на виду. Въ продолженіе моей жизни я нѣсколько разъ имѣлъ случай въ этомъ убѣждаться. Вокругъ насъ происходитъ многое, чего мы не видимъ, и даже многое, чему едва вѣримъ, когда доказательства на лицо. Между романами въ дѣйствіи и романами въ печати разница въ томъ, что, для сильнѣйшаго воздѣйствія на читателя, всегда пересочиняется жизнь и къ возможному придается какая-нибудь доля неудобовозможнаго. Чѣмъ больше эта доля, тѣмъ болѣе, обыкновенно, доволенъ читатель. Лично я не охотникъ до пересочиненій жизни. Въ ней и безъ того вдоволь страстей, зла, добра и горя.

— Конечно, мы не замѣчаемъ многаго, что быть можетъ и замѣтили бы, еслибы внимательнѣе наблюдали и всматривались. Но въ общемъ итогѣ все-таки можно сказать, что, въ сравненіи съ прежними временами, теперь менѣе романовъ de bon aloi. Утилитарные нравы ведутъ къ прозаизаціи жизни. Герои и героини встрѣчаются рѣже, и ихъ героизмъ сталъ весьма разсудителенъ.

— На счетъ героевъ не спорю; но что касается героинь, то, на мой взглядъ, шансы съ ними встрѣчаться не уменьшились. Женскій характеръ менѣе легко подается на утилитаризмъ и на прозу. Не далѣе, какъ дня два тому назадъ, при мнѣ было сказано нѣсколько словъ, которыя мнѣ запали въ память. Они звучали какъ отрывокъ изъ романа или драмы,— что̀ въ жизни одно и то же, и если я не ошибаюсь, то объ этомъ романѣ или этой драмѣ когда-нибудь заговорятъ.

— Дня два тому назадъ? повторилъ Ловцовъ, какъ бы стараясь догадаться, гдѣ могли быть Блумомъ услышаны тѣ нѣсколько словъ.

— Генералъ пробудилъ въ насъ любопытство, сказалъ ба-

ронъ Вейсгорстъ, вставая; но онъ его не удовлетворитъ, и потому я ни на какое освѣдомленіе не рѣшаюсь.

— Никто, кромѣ меня не слыхалъ тѣхъ словъ, сказалъ Блумъ; они только случайно были произнесены при мнѣ, и я, конечно, не въ правѣ ихъ повторять.

XXIV.

— Ожидаемая бѣда разразилась, сказалъ вошедшій къ Ксенину Бѣловъ.—Я лишился штатнаго мѣста и причисленъ къ министерству.

Ксенинъ бросилъ на столъ бумаги, которыя разбиралъ, и ничего не отвѣчая, смотрѣлъ на Бѣлова.

— Тебѣ не вѣрится, продолжалъ Бѣловъ, но оно такъ. Вотъ мнѣ награда за бывшій трудъ и поощреніе къ будущему.

— И ты самъ просилъ увольненія?

— Я тебѣ говорилъ, что мнѣ придется его просить. Если у меня отняли отдѣленіе, которымъ я больше года управлялъ, и на голову мнѣ посадили Свайкина, который моложе меня по службѣ и кромѣ заискиванія у начальства ничего не дѣлалъ, то я не могъ иначе поступить.

— Конечно, тебѣ обидно было оставаться.

— Не только обидно, но и невозможно. Попытка остаться оказалась бы тщетною. Меня явно выживали и, наконецъ, выжили.

— Все это изъ-за вечера у Любарскаго?

— Не изъ-за этого только вечера. Я, вообще, не подъ цвѣтъ нынѣшнимъ хозяевамъ. Не то, говорятъ, направленіе. Они чувствуютъ, что я имъ не свой человѣкъ.

— Въ этомъ они не ошибаются. Но какъ могъ вашъ министръ согласиться на явную несправедливость?

— Онъ, повидимому, и не соглашался сначала; но подъ конецъ махнулъ рукой, потому что ему наскучило разсуждать обо мнѣ съ Борзиковымъ. Онъ только приказалъ выдать мнѣ полугодовое содержаніе на счетъ остатковъ по департаменту, и черезъ правителя канцеляріи велѣлъ сказать, что черезъ полгода я получу столько же изъ другихъ суммъ, а между тѣмъ, вѣроятно, успѣю пріискать себѣ мѣсто.

— По крайней мѣрѣ, это хорошо съ его стороны. Что же ты думаешь дѣлать?

— Могу только одно: пріискивать.

— Былъ ли ты у Вейсгорста?

— Нѣтъ. Я ему уже многимъ обязанъ. Совѣстно безпокоить. Быть можетъ, обойдусь.

— Это легко сдѣлать мнѣ или брату. Я его жду завтра. Онъ давно знакомъ съ Вейсгорстомъ и съ нимъ въ пріязненныхъ отношеніяхъ.

— За это спасибо... Но ты присылалъ за мной...

— Да, была до тебя просьба. Но тебѣ не до меня...

— Почему же? Въ досугѣ мнѣ теперь нѣтъ недостатка.

— И у меня не безъ бѣды. Мои денежныя дѣла окончательно разстроились. Съ меня производятъ взысканіе и мое имущество должны описывать. Я хотѣлъ просить тебя быть при описи. Самому присутствовать слишкомъ тяжело.

— Возможно ли? воскликнулъ съ измѣнившимся лицомъ Бѣловъ.—Какъ могъ ты довести до этого свои дѣла?

— Я не довелъ ихъ; они сами дошли. Впрочемъ, и добрые люди со стороны имъ пособили дойти. Когда-нибудь я тебѣ разскажу это.

— И я твой должникъ! И помочь не въ силахъ!

— Стоитъ ли вспоминать о бездѣлицѣ, которую ты мнѣ долженъ, сказалъ съ полупечальною улыбкой Ксенинъ.—Меня не спасла бы уплата твоего долга.

— Когда опись?

— Послѣзавтра. Ты видишь, что я къ ней приготовляюсь, т. е. приготовляюсь къ ея послѣдствіямъ. Мой бѣдный письменный столъ долженъ будетъ перейти къ другому хозяину. Я въ немъ перебираю бумаги. Съ роялемъ я уже простился. Онъ закрытъ, и я второй день на немъ не играю... Но онъ для меня прибережется. Я просилъ княгиню Вольскую его купить. Надѣюсь со временемъ выкупить...

День минулъ. Въ Европейской гостинницѣ, гдѣ остановился графъ Александръ Ксенинъ, онъ совѣщался съ повѣреннымъ княгини Вольской, Рубаковымъ, которому Владиміръ Ксенинъ рѣшился ввѣрить, по настоянію княгини, устройство своихъ дѣлъ. Графъ Александръ пересматривалъ разложенныя передъ нимъ на столѣ бумаги, освѣдомлялся о нѣкоторыхъ личностяхъ, имена которыхъ встрѣчались въ этихъ бумагахъ, записывалъ на особомъ листѣ ряды цифръ и подводилъ итоги.

— Я бы желалъ, сказалъ онъ, по крайней мѣрѣ, положительно узнать, до какой суммы доходитъ теперь общій итогъ долговъ.

— Здѣсь значится до тридцати пяти тысячъ, отвѣчалъ Рубаковъ;—впереди, на разные сроки и со включеніемъ счетовъ, еще до пятнадцати; но можетъ оказаться и болѣе.

— Однако же, братъ долженъ знать это, Иванъ Николаевичъ, и долженъ былъ вамъ о томъ сообщить.

— Ваше сіятельство, вы знаете графа Владиміра Львовича лучше меня. Отъ него нельзя добиться именно такого опредѣлительнаго свѣдѣнія. Сразу видно, что мысль о его долгахъ ему невыносимо тягостна, и что потому онъ ее постоянно отъ себя отталкиваетъ. Онъ старается ускользнуть не только отъ всякихъ подробныхъ объясненій, но даже, по возможности, и отъ случая къ объясненіямъ. Нужна крайность, чтобы онъ рѣшился высказаться опредѣлительно и привести точныя цифры. Я ему теперь нуженъ, онъ признаетъ это, онъ мнѣ вѣритъ и, несмотря на то, мнѣ нѣсколько разъ приходится его упорно преслѣдовать, такъ сказать, ловить, для необходимыхъ съ нимъ свиданій и переговоровъ. Впрочемъ, можно съ достовѣрностью предположить, судя по его отзывамъ, что нынѣшній итогъ долговъ не можетъ значительно увеличиться, хотя бы нѣкоторыя прибавки и оказались.

— Мнѣ кажется страннымъ, что крупный итогъ пріуроченъ къ одному сроку.

— Это произошло отъ той же причины. Подъ вліяніемъ старанія себя наскоро избавить отъ непріятныхъ заботъ въ настоящемъ, графъ Владиміръ Львовичъ систематически отводилъ глаза отъ будущаго. Документы переписывались, а сроки назначались по усмотрѣнію лицъ, для кого они большею частью выдавались. Довѣріемъ и благородствомъ вашего брата злоупотребляли. Изъ всей суммы его долговъ, какъ уплаченныхъ, такъ и подлежащихъ уплатѣ, едва одна четверть причитается собственно на его долю. Все остальное составилось путемъ поручительствъ, или векселей безденежныхъ, выданныхъ для учета его подписи при помощи бланковъ, съ обѣщаніемъ заблаговременной уплаты мнимо занятыхъ имъ суммъ. Такія уплаты конечно не производились, обязательная сила его подписи оставалась на немъ.

— Изъ переданныхъ мнѣ вами документовъ видно, что

онъ уже переплатилъ слишкомъ въ три раза болѣе, чѣмъ теперь требуется.

— Совершенно такъ, и всѣ счеты и документы мнѣ имъ переданы въ примѣрномъ порядкѣ. Во все прошлое онъ вглядывался весьма старательно, но отъ будущаго, какъ я вамъ сказалъ, также старательно отворачивался.

Графъ Александръ замолчалъ и призадумался. Рубаковъ уложилъ часть бумагъ въ бывшій съ нимъ портфель и всталъ. Графъ Александръ также всталъ и, подавая ему руку, сказалъ:

— Искренно вамъ благодаренъ, Иванъ Николаевичъ. Прошу васъ благодарить княгиню и ей передать, что я буду у нея сегодня же, передъ обѣдомъ. Васъ жду завтра, согласно вашему обѣщанію, между одиннадцатью и двѣнадцатью. Къ тому времени я успѣю сообразить, что мнѣ дѣлать.

За дверями Рубаковъ встрѣтился съ Владиміромъ Ксенинымъ. Они поздоровались, и Ксенинъ, не останавливаясь, прошелъ въ комнату брата.

— Не долго же ты объяснялся съ твоимъ повѣреннымъ, замѣтилъ графъ Александръ.

— Не о чемъ объясняться, отвѣчалъ Владиміръ. Я тебѣ уже сказалъ, что все сложилъ въ твои и его руки. Моя роль, до времени, разыграна.

— Ты теперь изъ полка?

— Да, отъѣздилъ ѣзду и прямо оттуда къ тебѣ вернулся.

— И о твоихъ дѣлахъ тамъ съ тобою продолжаютъ не говорить?

— Ни одного слова не обронили; но я замѣтилъ, что знаютъ о томъ, что должно завтра произойти.

Оба брата замолчали. Младшій смотрѣлъ на старшаго сосредоточеннымъ взглядомъ, вычитывая на его лицѣ то, что онъ чувствовалъ или думалъ, но не высказывалъ. Глаза графа Александра также были обращены на брата; но выраженіе взгляда показывало, что онъ не наблюдалъ за нимъ, а только его видѣлъ, и думалъ думу, въ которой мысль о настоящемъ сходилась съ мыслями о будущемъ и съ рядомъ воспоминаній о прошломъ. Онъ первый прервалъ молчаніе.

— Владди, сказалъ онъ, ты знаешь, что я тебя выручу. Ты въ этомъ не сомнѣвайся. —Но помоги тебя выручить. Мнѣ необходимо знать положительно, сколько тебѣ нужно, чтобы покончить со всѣми твоими кредиторами. Ты напрасно затянулъ дѣло, напрасно далъ нарости суммѣ долговъ, напрасно

далъ себя довести до скандала, описи. Прошлаго не вернуть. По крайней мѣрѣ избавь меня отъ тревожныхъ ожиданій относительно будущаго. Я для тебя пріѣхалъ; дай уѣхать въ спокойномъ духѣ. Скажи точно, – сколько?

— Я сказалъ Рубакову.—Еще около пятнадцати тысячъ,— но не теперь.

— Ты однако же не поручился за то, чтобы не оказалось и другихъ долговъ.

— Не могъ поручиться.—Знаю только, что немного.

— Но скажи хотя приблизительно какую-нибудь цифру.

— Право, не могу. Ко мнѣ приставали въ разное время, иногда по мелочамъ, не давали покоя. Я имѣлъ слабость отдѣлываться своею подписью.

— Знаю, что тебя эксплоатировали.

— И я зналъ, или теперь знаю. Скажу одно: впредь могутъ еще перепадать какія-нибудь капли этого злополучнаго дождя, но только капли.

— Однако на какую сумму? На пять или на десять тысячъ.

— Менѣе десяти; развѣ на пять.

— Могу ли на это положиться?

— Можешь.

Графъ Александръ опять замолчалъ и сталъ медленнымъ шагомъ ходить по комнатѣ.

— Жаль, что уже нѣтъ возможности предупредить опись, сказалъ онъ, останавливаясь передъ братомъ. Ты поздно меня предупредилъ, а мое нездоровье меня три лишнихъ дня задержало.

— Если дѣло не пойдетъ далѣе описи, отвѣчалъ Владиміръ, то можно и не слишкомъ сожалѣть объ этомъ. Огласки во всякомъ случаѣ нельзя было совершенно избѣжать. О ней позаботился Рембергъ.

— Рембергъ! Въ третій разъ онъ мнѣ пытается мстить! Прискорбно, что на этотъ разъ на тебѣ обрывается.—Но не въ томъ теперь дѣло. Далѣе описи оно, конечно, не пойдетъ. Сегодня я распорядиться не успѣю. Нужно переговорить съ моимъ пріятелемъ Джонсономъ. На завтра все будетъ устроено и твои документы тебѣ возвращены.

Владиміръ Ксенинъ взялъ брата за руку, потомъ обнялъ его и взволнованнымъ голосомъ сказалъ:

— Благодарю тебя, Лексъ (это уменьшительное имя съ дѣтства было присвоено въ семьѣ графу Александру). Знаю,

какъ тебѣ трудно мнѣ помочь. Больно думать, что ты и прежде меня съ трудомъ выручалъ, а я продолжалъ систематически тебя огорчать и разорять. Ты, по обыкновенію, мнѣ не дѣлалъ упрековъ, но повѣрь, ты ничего не могъ бы сказать мнѣ, чего я бы самъ себѣ сто разъ не высказывалъ.

— Вѣрю, но что же далѣе? Я не о себѣ, а о тебѣ думаю, Владди. Далѣе такъ идти дѣла не могутъ. Ты меня довелъ до предѣла, котораго я переступить не властенъ. На мнѣ лежатъ другія обязанности, и я ихъ уже принужденъ былъ отчасти нарушить... Подумай о себѣ... Не разрушай въ конецъ своей будущности... Теперь все еще поправимо. Дай слово, что ты себя и меня будешь беречь.

— Даю...

— Этому слову я вѣрю. Спасибо за него и обними меня еще разъ...

По выраженію лица Владиміра Ксенина трудно было судить о свойствѣ и относительной силѣ разныхъ, его волновавшихъ, чувствъ. Лицо не прояснилось при заявленіи брата, что онъ его выручитъ. Владиміръ это предчувствовалъ и былъ къ тому приготовленъ. Но его по-прежному угнетали сознаніе его себялюбивой безпечности, сознаніе обременительности жертвъ, которыя не въ первый разъ отъ брата для него требовались, и сознаніе неизбѣжности перелома во внѣшнемъ строѣ его жизни. Образъ княжны Татьяны стоялъ рядомъ со всѣмъ, о чемъ онъ вспоминалъ или думалъ, и ему казалось, что въ ея глазахъ читался вопросъ, на который онъ не могъ дать отвѣта. Онъ съ трудомъ переводилъ дыханіе; взглядъ былъ неподвиженъ, и приливъ крови къ вискамъ и глазамъ обнаруживалъ усиліе, съ которымъ онъ подавлялъ порывы охватившаго его волненія. Между тѣмъ движеніе чувства, преобладавшаго въ графѣ Александрѣ, свободно отражалось на его блѣдномъ лицѣ. Въ его душѣ былъ просторъ этому чувству. Въ немъ не звучалъ острымъ звукомъ голосъ внутренняго упрека, и нѣжная привязанность къ младшему брату легко брала верхъ надъ всѣми другими впечатлѣніями. Ему было жаль брата, жаль тѣхъ ощущеній, которыя онъ въ немъ угадывалъ, жаль того молчанія, въ которомъ эти ощущенія выражались не менѣе ясно, чѣмъ онъ могъ бы ихъ выразить словами, жаль той тѣни, которая имъ самимъ была наброшена на его будущность, жаль тѣхъ огорченій, которыя онъ долженъ былъ испытывать, прежде чѣмъ могла проясниться эта тѣнь.—Но сосредоточеніе

мысли на будущемъ всегда облегчаетъ бремя настоящаго. Графъ Александръ желалъ дать это направленіе мыслямъ брата и сказалъ:

— Мнѣ кажется, что теперь не нужно того крутаго перелома въ твоемъ житьѣ-бытьѣ, о которомъ ты мнѣ писалъ и сегодня говорилъ. Ты успѣешь пообдумать, прежде чѣмъ рѣшиться, и когда рѣшишься,—неторопливо исполнить.

— Переломъ во всякомъ случаѣ необходимъ, отвѣчалъ Владиміръ, но сегодня я съ тобою объ этомъ переговорить не могу. У меня на душѣ не одни денежныя дѣла. Дня черезъ три я надѣюсь знать, что сказать тебѣ, и тогда скажу.

— Что же еще? съ видимымъ безпокойствомъ спросилъ графъ Александръ. — Не догадываюсь. Прошу тебя, не оставляй меня въ тревожномъ невѣдѣніи. Ты знаешь, что въ моемъ сердцѣ твое мѣсто наболѣло. Что́ бы ты ни сказалъ, мнѣ будетъ легче, когда ты скажешь.

— Знаю, что наболѣло, — сказалъ глухимъ голосомъ Владиміръ. — Но прошу тебя, братъ, не требуй, чтобы я говорилъ, когда чувствую, что говорить не могу. То, о чемъ я упомянулъ, тебя не должно тревожить.—Мнѣ только нужно самому прежде узнать, что сказать придется. Дай три дня сроку, не прошу болѣе.

— Не о Матильдѣ рѣчь?

— Нѣтъ, не о Матильдѣ. Ея здѣсь уже нѣтъ.

— Нѣтъ... повторилъ графъ Александръ.

— Третьяго дня она уѣхала.

— Уѣхала... Извини, что я тронулъ струну, которая могла звучать больно... Буду ждать... Я освѣдомился, потому что меня гнететъ тоска о тебѣ. Ты всегда оставлялъ меня въ невѣдѣніи о многомъ, что тебя касалось. Въ критическія минуты это невѣдѣніе особенно тягостно. Ты знаешь, сколько разъ я напрасно стучался въ дверь твоего сердца; но мое всегда напрашивается на то, чтобы постучаться вновь... Иногда удавалось...

— Повѣрь, Лексъ, меня гнететъ и давитъ тоска еще болѣе тяжелая... Я виноватъ передъ тобой, передъ Мери, и внутренніе упреки меня всегда мучили, хотя я и пытался ихъ заглушать. Прости меня... Помолись за меня... Теперь я говорить не въ силахъ... Я вернусь къ тебѣ позже...

Владиміръ крѣпко обнялъ брата и, не рѣшившись взглянуть ему въ глаза, поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

— Бѣдный Владди! — тихо проговорилъ графъ Александръ.

XXV.

Старый камердинеръ Ксенина со слезами на глазахъ убиралъ его спальню, ставилъ и переставлялъ въ ней стулья, поправлялъ складки занавѣсъ у оконъ и приводилъ въ порядокъ уборный столъ, на которомъ онъ нѣсколько разъ въ раздумьи перекладывалъ съ мѣста на мѣсто мелкія вещи.

— Кузьма Ильичъ, спросилъ вошедшій въ спальню рейткнехтъ Байковъ,—куда отнести красный ящикъ и два палаша въ чехлахъ?

— Къ Бѣлову, отвѣчалъ, не оборачиваясь, Кузьма Ильичъ.

Байковъ продолжалъ смотрѣть на старика и не выходилъ изъ комнаты.

— Я сказалъ—къ Бѣлову, повторилъ Кузьма.

— Вы скучны сегодня, Кузьма Ильичъ, тихо сказалъ Байковъ.

— Жить соскучилось, отвѣчалъ Кузьма.—Не чаялъ того, до чего дожить привелось за мои грѣхи. Еслибы мнѣ напророчили, что у насъ когда нибудь судъ будетъ распоряжаться и хозяйничать, я бы старую голову далъ отрубить, но не повѣрилъ бы.

— Точно жаль, Кузьма Ильичъ, сказалъ Байковъ. — Это все пріятели нашего графа надѣлали, и Матильда Филипповна.

— Не столько Матильда Филипповна, сколько пріятели... Этотъ Фраккини, чтобы ему не сдобровать, и другіе. Обирали, обирали, и подъ конецъ обобрали. А Владиміръ Львовичъ не разсчетливъ. Ихъ не остерегался и самъ себя не сберегъ...

Нѣсколько минутъ спустя, Ксенинъ вошелъ въ спальню, но остановился у дверей. Онъ увидѣлъ Кузьму на колѣняхъ передъ висѣвшими у изголовья постели иконами. Кузьма молился, и глухой звукъ рыданія, вырвавшійся изъ его груди, пояснилъ Ксенину свойства молитвы и поводы къ молитвѣ. У него самого сжалась грудь. Онъ замѣтилъ, что Кузьма не слыхалъ его, и тихо вышелъ изъ комнаты.

Пріѣхалъ Бѣловъ.

— Ты мнѣ прислалъ ящикъ и два палаша,—сказалъ онъ Ксенину.

— Да, отвѣчалъ Ксенинъ.—Палаши подарены товарищами, и я желалъ ихъ спасти. Въ ящикѣ портреты. Мнѣ пришло на мысль, что портреты моихъ покойныхъ отца и матери ни для кого, кромѣ меня, цѣны не имѣютъ и никому чужому не внушатъ чувствъ, съ которыми я на нихъ смотрю. На ихъ глазахъ быть описи—мнѣ показалось оскорбленіемъ ихъ памяти... Я всегда вспоминалъ бы впослѣдствіи, глядя на нихъ, что они при описи присутствовали... Все остальное на своихъ мѣстахъ. Потрудись обойти квартиру съ Кузьмою. Онъ тебѣ все покажетъ...

Когда Ксенинъ остался одинъ въ своемъ кабинетѣ, имъ еще сильнѣе овладѣло угнетавшее его съ утра смутное ощущеніе какъ бы прощанія и разставанія. Онъ зналъ, что, благодаря брату, дѣло остановится на описи, или даже на части описи; но самый фактъ приступа къ ней измѣнялъ въ его глазахъ все, что его окружало. Все свое перестало казаться своимъ. До него должна была прикоснуться чужая рука, и этого прикосновенія было достаточно, чтобы опрокинуть въ Ксенинѣ понятіе о его собственности. Притомъ перемѣна въ его обстановкѣ и обиходѣ должна была во всякомъ случаѣ наступить. Другіе слѣды того положенія, въ которое онъ былъ поставленъ, также должны были остаться. Прирожденныя чувства личнаго достоинства, независимости, взлелѣянной жизнью гордости, были уязвлены, такъ сказать, смяты. Ксенина терзала мысль, что онъ, хотя бы на время, далъ себя причислить къ разряду офицеровъ, которыхъ въ полкахъ называютъ „прогорѣвшими“. Ему казалось, что онъ какъ будто вдругъ оторвался отъ всего прежняго, стоитъ одиноко на низменномъ пути и съизнова долженъ совершать путь, однажды уже пройденный. И образъ княжны Татьяны, который его воображеніе постоянно воспроизводило передъ нимъ, какъ будто напоминалъ объ этомъ и принималъ выраженіе печальнаго упрека. Мысль порывисто возвращалась назадъ, во все прошлое, и при каждомъ порывѣ встрѣчалась съ невозможностью изъ бывшаго сдѣлать небывшее. Но отъ кого зависѣло въ то прошлое время все теперь неустранимое и частью непоправимое бывшее? Развѣ не отъ воли самого Ксенина? Развѣ его воля не была свободна? Развѣ имъ руководили одни только страстныя увлеченія, заглушавшія на время голосъ разсудка, а порою и голосъ долга? На-

противъ, не дѣйствовалъ ли онъ часто съ сознаніемъ того, что дѣлалъ, на перекоръ разсудку, наперекоръ пробуждавшемуся въ немъ чувству обязанностей къ другимъ, и всегда слышному голосу своей совѣсти? Азартная игра въ свою собственную будущность не велась ли имъ и не продолжалась ли съ сознательнымъ упорствомъ? И для чего, изъ-за чего продолжалась она? Много ли требовалось, въ самомъ дѣлѣ, напряженія воли въ противуположномъ смыслѣ для того, чтобы изъ случившагося многое не случилось?..

Эти вопросы кружились въ мысляхъ Ксенина, когда Бѣловъ, по окончаніи своего обхода, спросилъ у него, гдѣ ключъ отъ рояля, прибавивъ, что запертаго рояля цѣнить нельзя.

— Пусть цѣнятъ, какъ хотятъ, сердито отвѣчалъ Ксенинъ.—Ключа отъ рояля я не дамъ. Не хочу, чтобы пальцы какого-нибудь Розенбуша дотронулись до его клавишей. Все прочее, надѣюсь, на-готовѣ, какъ слѣдуетъ.

— Кажется, что на-готовѣ, сказалъ Бѣловъ.

— Тогда мнѣ здѣсь и нечего дѣлать, продолжалъ Ксенинъ, взявъ со стола лежавшую на немъ фуражку. — Ты хозяинъ... Ѣду къ брату. Когда вы кончите, пришли за мною Байкова.

Въ назначенный для описи часъ явились Розенбушъ и судебный приставъ. Они стали обходить квартиру въ сопровожденіи старика Кузьмы, между тѣмъ какъ бывшій съ ними писецъ располагалъ нужные ему письменные матеріалы на ближайшемъ къ двери столѣ, какъ будто сознавая, что онъ имѣлъ въ этой квартирѣ только право случайнаго входа и обязанность писанія, и былъ призванъ тотчасъ выйти, коль скоро эту обязанность исполнитъ.

Бѣловъ никогда передъ тѣмъ не имѣлъ случая присутствовать при совершавшемся теперь у Ксенина судебномъ актѣ. Онъ внимательно слѣдилъ за дѣйствіями и пріемами пристава и кредитора, и съ чувствомъ глубокаго участія смотрѣлъ на стараго камердинера, лицо котораго явственно говорило, что надъ нимъ совершалась продолжительная, незаслуженная казнь.

Судебный приставъ давно привыкъ къ исполненію сопряженныхъ съ его званіемъ обязанностей и исполнялъ ихъ почти автоматично, равнодушно относясь къ частнымъ различіямъ, встрѣчавшимся между разными однородными случаями. Онъ безучастно смотрѣлъ на внѣшнюю обстановку квартиры Ксенина и видимо думалъ объ одномъ: скоро ли можетъ окон-

читься дѣло, для котораго онъ въ ней находился. Соломонъ Соломоновичъ Розенбушъ, напротивъ того, на все оглядывался, все разсматривалъ, до всего дотрогивался. Бѣлову показалось, что онъ съ нѣкоторымъ злорадствомъ пользовался правами осмотра и оцѣнки, что онъ на него иногда посматривалъ изъподлобья съ дерзкою полуусмѣшкой, и преимущественно обращалъ вниманіе на тѣ предметы, которые могли имѣть особую цѣну для Ксенина, независимо отъ ихъ общей денежной стоимости или цѣнности. Онъ равнодушно взглянулъ на разложенное въ столовой комнатѣ серебро, но тщательно перебиралъ все, что находилось на письменномъ столѣ, и всматривался во всѣ украшенія кабинета, гдѣ многое, очевидно, имѣло свойство подарка, или значеніе воспоминанія. Опись началась со спальной комнаты, и Розенбушъ потребовалъ внесенія въ списокъ вещей, на которыя налагался арестъ, тѣхъ двухъ иконъ, передъ которыми утромъ такъ усердно молился Кузьма Ильичъ. Бѣлова въ эту минуту не случилось въ комнатѣ, и Кузьма съ ужасомъ обратился къ нему за помощью.

— Василій Петровичъ!—сказалъ, задыхаясь отъ волненія, Кузьма,—не отходите отъ нихъ. Посмотрите, что они дѣлаютъ! Иконы хотятъ описывать! Этими иконами покойные родители благословили графа. Этихъ иконъ нельзя отдавать...

— Къ чему вамъ эти иконы?—спросилъ Бѣловъ, обращаясь къ Розенбушу.—Онѣ не имѣютъ продажной цѣны, а для графа Ксенина онѣ имѣютъ семейное значеніе.

— Онѣ и для кредитора имѣютъ цѣну, — отвѣчалъ Розенбушъ.—Законъ мнѣ даетъ право ихъ включить въ опись, и я этимъ правомъ пользуюсь.

— Кажется, иконы не описываются, нерѣшительно продолжалъ Бѣловъ

— Только тѣ изъяты изъ описи, — сказалъ Розенбушъ, — на которыхъ нѣтъ цѣнныхъ украшеній, а эти въ золоченыхъ окладахъ.

Судебный Приставъ подтвердилъ это на основаніи статьи 973 Устава гражданскаго судопроизводства.

— Но иконы во всякомъ случаѣ не могутъ быть предметомъ публичной продажи, замѣтилъ Бѣловъ.

— Есть другая статья, сказалъ Розенбушъ, на основаніи которой онѣ отдаются взыскателю по добровольному соглашенію съ должникомъ, или отдаются въ церкви. Я цѣню каждую изъ этихъ иконъ въ сто рублей.

Судебный приставъ и въ этомъ отношеніи подтвердилъ объясненіе Розенбуша, сославшись на статью 1049 того же Устава.

Бѣловъ замолчалъ, и опись продолжалась безъ другихъ перерывовъ, пока очередь дошла до запертаго Ксенинымъ рояля. Розенбушъ потребовалъ ключъ. Бѣловъ отозвался, что у него его нѣтъ, а Розенбушъ возразилъ, что безъ ключа онъ не можетъ оцѣнить рояля, и объявилъ, что нужно будетъ сломать замокъ.

— Цѣните же какъ хотите, дорого или дешево, сказалъ съ нетерпѣніемъ Бѣловъ.—До продажи описанныхъ вещей вы во всякомъ случаѣ не дойдете. Если не сегодня, то завтра, вся вамъ должная сумма будетъ уплачена.

— Одно другому не мѣшаетъ, отвѣчалъ Розенбушъ.—Мы знаемъ, что значатъ эти обѣщанія уплатъ, я только позволю себѣ спросить, почему вы такъ увѣрены въ производствѣ уплаты? Сумма довольно крупная...

— Почему увѣренъ? Потому что мнѣ это сказалъ графъ Ксенинъ, а я вѣрю его слову.

— Развѣ вексель не слово? съ усмѣшкою спросилъ Розенбушъ.—Здѣсь ихъ нѣсколько, по которымъ срокъ прошелъ безъ уплаты.

Бѣловъ покраснѣлъ отъ досады.

— Есть два разныхъ слова, сказалъ онъ, по крайней мѣрѣ въ моихъ глазахъ. За однимъ стоитъ судебный приставъ,—за другимъ его нѣтъ. Прошу извиненія у г-на пристава. Я вѣрю второму слову болѣе, чѣмъ первому...

Судебный приставъ вѣроятно не встрѣчался еще въ своей практикѣ съ такою формулировкой указаннаго Бѣловымъ различія и затруднялся тотчасъ отвѣтить на обращенное къ нему извиненіе. Онъ посмотрѣлъ на Бѣлова, взглянулъ на Розенбуша, потомъ снова обратился къ Бѣлову и хотѣлъ ему что-то сказать, когда дверь кабинета отворилась, и въ нее вошелъ Рубаковъ. Лицо Бѣлова мгновенно просіяло.

— Ключъ отъ рояля вамъ болѣе не нуженъ, сказалъ онъ, обращаясь къ Розенбушу.

Иванъ Николаевичъ Рубаковъ пользовался большою и почетною извѣстностью въ дѣловомъ мірѣ. Его знали и судебный приставъ, и Розенбушъ, и его появленіе въ квартирѣ графа Ксенина, во время производившейся тамъ описи, само собою означало, что она стала лишнею. Онъ имѣлъ при себѣ три

чека Джонсона и К° на Государственный Банкъ, которые въ этомъ окончательно убѣдили Розенбуша и пристава.

Когда Ксенинъ вернулся къ себѣ, по полученіи посланнаго черезъ Байкова извѣстія, его встрѣтили у входа съ обрадованными лицами Бѣловъ и старый Кузьма. Но на его лицѣ не отразились тѣ чувства, которыя ихъ радовали. Они уже забывали или были готовы забыть. Ксенинъ помнилъ и зналъ, что и впредь не забудетъ.

Судъ—святилище тамъ, гдѣ онъ засѣдалъ. Въ зданіе, которое риторически называется „храмомъ правосудія", всякій можетъ не скрываясь входить для предъявленія или защиты своихъ правъ, и всякій можетъ выходить изъ него,—если предъявлялъ или защищалъ свои права добросовѣстно,—безъ тяжелаго чувства личнаго уязвленія. Но такое чувство неизбѣжно ощущается тѣмъ, кого судъ посѣтилъ на дому. Каковъ бы ни былъ результатъ посѣщенія, оно оставляетъ въ памяти неизгладимый слѣдъ.

XXVI.

Базаръ былъ въ полномъ ходу. На парадной лѣстницѣ того дворца, гдѣ во вниманіе къ благотворительной цѣли базара было разрѣшено его устроить, встрѣчались на обоихъ всходахъ пріѣзжавшіе и уже уѣзжавшіе посѣтители. Нѣкоторые изъ уѣзжавшихъ уносили съ собою разныя бездѣлицы, ими пріобрѣтенныя въ видѣ вознагражденія за благотворительность. Рядомъ съ краткими встрѣчными привѣтствіями слышался перекрестный обмѣнъ вопросовъ о томъ, почему одни такъ поздно прибыли, другіе такъ рано уѣзжаютъ, людно ли на базарѣ, оправдались ли ожиданія на счетъ пріѣзда высокихъ гостей, успѣшно ли идетъ продажа по отдѣламъ, которыми завѣдывали тѣ или другія дамы, и такъ далѣе.

На галлереѣ надъ лѣстницей, посѣтители толпились у нѣсколькихъ столовъ, за которыми одна изъ княженъ Семипольскихъ, молодыя Трелидовы и Софья Твериицева, подъ общимъ руководствомъ княгини Семипольской и г-жи Трелидовой, распоряжалась продажею разныхъ фарфоровыхъ вещицъ и такъ называемыхъ „articles de Paris". Въ сосѣдней комнатѣ другія дамы завѣдывали буфетомъ, гдѣ плата за одну чашку чаю иногда покрывала половину всѣхъ расходовъ по буфету. Въ большой залѣ, за этою комнатой, были разставлены вдоль

стѣнъ болѣе крупные и цѣнные предметы продажи. Здѣсь сосредоточивалось около нихъ движеніе большинства посѣтителей. Въ срединѣ залы, на двустороннемъ диванѣ сидѣли нѣкоторыя почтенныя дамы, принимавшія наиболѣе дѣятельное участіе въ устройствѣ базара, и къ нимъ присоединялись по временамъ другія дамы, которыя по лѣтамъ или общественному положенію признавали за собою право на почетное мѣсто.

— Увѣрены ли вы въ томъ, что графъ Ксенинъ будетъ, спросила княжна Татьяна, обращаясь къ только-что вошедшей княгинѣ Вольской.

— Онъ мнѣ обѣщалъ быть. Сначала онъ колебался. Вчерашній день былъ тяжелъ для него. Но потомъ онъ обѣщалъ, и я не сомнѣваюсь, что слово сдержитъ.

— Онъ можетъ опоздать. Я вижу, что мама начинаетъ слѣдить за мной. Она долго здѣсь не останется.

— Вотъ онъ, сказала княгиня, которая смотрѣла по направленію къ двери.

Въ эту минуту въ залу вошелъ Ксенинъ и съ нимъ господинъ въ статскомъ платьѣ среднихъ лѣтъ, небольшаго роста, сухощавый, съ блѣднымъ лицомъ и темнорусой съ просѣдью бородой, въ которомъ княгиня Вольская тотчасъ узнала графа Александра Ксенина. Она хотѣла сказать это княжнѣ Татьянѣ, но княжна уже отошла отъ нея и направилась прямо навстрѣчу Ксенину.

— Я васъ ждала, сказала она ему твердымъ и ровнымъ голосомъ, смотря ему прямо въ глаза.—Возьмите меня подъ руку. Я съ вами обойду базаръ.

Ксенинъ остановился. Онъ съ изумленіемъ глядѣлъ на княжну, не могъ въ первую минуту произнести ни одного слова въ отвѣтъ и машинально взялъ ее подъ руку.

— Мы начнемъ съ крайняго стола у той двери, сказала княжна Татьяна и, повернувъ назадъ вмѣстѣ съ Ксенинымъ, прошла мимо сидѣвшей на диванѣ среди залы княгини Орловской, не оглянувшись въ ея сторону.

— Я хочу извиниться передъ вами, отрывисто продолжала княжна.—Послѣ разговора въ посольствѣ я избѣгала встрѣчи съ вами... Я должна была, я была принуждена васъ избѣгать... Вы не могли знать причины тому и могли превратно истолковать себѣ мой образъ дѣйствій... Между тѣмъ я была невольною причиной испытанныхъ вами огорченій... Вы знаете, о чемъ я говорю...

— Знаю, тихо сказалъ Ксенинъ.

Разговоръ прервался у стола, за которымъ въ числѣ другихъ дамъ распродажею занималась княжна Мери Семипольская.

— Я просила графа Ксенина быть моимъ провожатымъ и кассиромъ, сказала ей княжна Татьяна, указывая на лежавшій на столѣ зонтикъ.—Сколько стоитъ этотъ зонтикъ?

Княжна Семипольская сказала цѣну,—не безъ удивленія смотря на Татьяну и Ксенина.

— Потрудитесь заплатить, графъ, продолжала княжна Татьяна, спокойно оглядываясь на сосѣднихъ покупателей и привѣтливо отвѣчая на поклоны знакомыхъ.

Деньги были отданы и обѣщаніе прислать зонтикъ дано.

— Теперь мы можемъ идти далѣе, сказала Татьяна и, отойдя отъ стола, прибавила, обращаясь къ Ксенину:

— Теперь я вдвойнѣ въ долгу у васъ.—Второй долгъ легче уплатить, чѣмъ первый; но я желала вамъ доказать, что помню этотъ первый долгъ, и что мнѣ не тяжело быть въ долгу у васъ... Не знаю, когда васъ вновь увижу... Мнѣ жаль, что вы изъ-за меня могли страдать... Жаль, что вы могли не понять меня... Пройдемте далѣе, на галлерею надъ лѣстницей, тамъ менѣе людно... Я желала повторить вамъ, что вамъ вѣрю,—скажу болѣе,—вамъ вѣрю и ввѣряюсь...

— Княжна, сказалъ Ксенинъ едва внятнымъ отъ волненія голосомъ, въ эту минуту я никакихъ страданій не помню... Я только едва вѣрю счастью... Вы поймете, что я не нахожу словъ, чтобы вамъ это высказать.

Татьяна взглянула Ксенину въ глаза и продолжала:

— Вѣрю и этому.—Желаю вѣрить... Я хотѣла вамъ сказать, что послѣ вечера въ посольствѣ я дала слово васъ избѣгать и съ вами не объясняться въ продолженіи извѣстнаго срока.—Я не могла не дать этого слова. Теперь я знаю, для чего срокъ былъ назначенъ. Но въ разсчетѣ ошиблись. Благодаря этому я говорю съ вами, какъ, быть можетъ, безъ того не рѣшилась бы говорить... Мнѣ дали свободу воли, и я ею пользуюсь... Мое положеніе странно... Страннымъ могло бы и вамъ показаться, что я такъ высказываюсь; но вы и въ этомъ имѣете доказательство того, что я вамъ вѣрю...

— Вы не ошибаетесь, вѣря...

— Вы мнѣ уже доказали, что я могу вѣрить... Я знаю о васъ болѣе, чѣмъ вы думаете. Знаю, что вы намѣрены уѣхать... Когда? Мнѣ нужно знать это... Вы ожидали вашего брата.

— Онъ здѣсь.

— Здѣсь!?

— Мы вмѣстѣ вошли въ залу, гдѣ вы были.

— Познакомьте меня съ нимъ. Гдѣ онъ?

— У перилъ, на той сторонѣ. Онъ говоритъ съ барономъ Вейсгорстомъ.

Въ эту минуту княгиня Орловская подошла къ дочери и, не удостоивая Ксенина взглядомъ, сердито сказала:

— Татьяна, давно пора намъ уѣхать.

Ксенинъ хотѣлъ освободить изъ-подъ своей руки руку Татьяны; но она задержала его руку и твердымъ голосомъ сказала княгинѣ:

— Мама, вамъ поклонился графъ Ксенинъ.

Княгиня поблѣднѣла отъ гнѣва, сухо кивнула головой Ксенину и повторила:—пора ѣхать.

— Сейчасъ, мама, я за вами послѣдую. Мнѣ только еще двѣ минуты нужны. Я просила графа Ксенина меня познакомить съ его братомъ. Онъ здѣсь.

Княгиня ничего не отвѣтила и какъ будто утратила способность двигаться, говорить и мыслить. Неожиданный образъ дѣйствій Татьяны, твердость ея голоса, выраженіе рѣшимости въ ея взглядѣ—совершенно смутили княгиню. Все, что передъ нею происходило, ей казалось непонятнымъ. Она недоумѣвала, на что ей рѣшиться и какъ поступить, и полубезсознательно смотрѣла въ слѣдъ дочери, которая между тѣмъ направилась съ Ксенинымъ въ ту сторону, гдѣ онъ увидѣлъ брата. Ксенинъ подозвалъ его знакомъ и назвалъ Татьянѣ.

— Я просила вашего брата меня съ вами познакомить, графъ, сказала Татьяна, протянувъ руку графу Александру Ксенину. Къ сожалѣнію, я только теперь узнала, что вы здѣсь, и тотчасъ должна уѣхать. Но я желала по крайней мѣрѣ вамъ сказать, что я была рада случаю васъ увидѣть и вамъ пожать руку... Вашъ братъ вамъ объяснитъ почему...

Графъ Александръ пожалъ протянутую ему руку и, пристально взглянувъ на княжну и на брата, хотѣлъ что-то отвѣтить; но княжна не выждала отвѣта и тотчасъ повернула назадъ.

— Теперь мнѣ пора съ вами проститься, сказала она, обратясь къ графу Владиміру. Первую часть моей задачи на сегодня я исполнила, остается исполнить другую. Мнѣ нужны силы для объясненій, которыя меня ожидаютъ.

Княжна остановилась, высвободила свою лѣвую руку и, подавая правую Ксенину, прибавила:

— Чему быть суждено, то сбудется; но ни вы, ни я въ эту минуту будущности предопредѣлить не можемъ. Я сказала, что вамъ вѣрю. Теперь васъ спрошу: вѣрите ли и будете ли вѣрить мнѣ?

— Княжна! проговорилъ Ксенинъ. Можно ли вамъ не вѣрить.

— Не забывайте этого, — что̀ бы впредь ни случилось. До вашего отъѣзда мы съ вами еще свидимся. Скажите это отъ меня княгинѣ Вольской.

Съ этими словами Татьяна бросила прощальный взглядъ на Ксенина и, торопливо подойдя къ матери, сказала:

— Извините, мама, что я васъ задержала. — Теперь я готова. Уѣдемъ.

— Что значитъ это? спросилъ графъ Александръ, обращаясь къ брату, который неподвижно стоялъ у перилъ и смотрѣлъ на сходъ лѣстницы.

— Скажу послѣ, отвѣчалъ Владиміръ, теперь оставь меня.

Графъ Александръ сталъ слѣдить за направленіемъ глазъ брата и въ свою очередь смотрѣть на лѣстницу. По ней сходила княгиня Орловская; за нею слѣдовала ея дочь. На поворотѣ лѣстницы, противъ перилъ, у которыхъ стояли оба брата, княжна Татьяна на одно мгновеніе остановилась, взглянула вверхъ, слегка наклонила голову и потомъ продолжала идти за княгиней.

Появленіе Ксенина рука объ руку съ княжной Татьяной не могло не обратить на нихъ вниманія многихъ посѣтителей базара. Между ними съ разныхъ сторонъ высказывался тотъ самый вопросъ, съ которымъ графъ Александръ обратился къ брату. — Что значитъ это? сказала вполголоса княжна Зинаида Семипольская своему брату, товарищу Ксенина. — Это что-нибудь значитъ,—шепнула г-жа Трелидова своей старшей дочери.—Это имѣетъ связь съ услышаннымъ мною разговоромъ, подумалъ генералъ Блумъ.—Каковъ Ксенинъ? сказалъ Ивану Михайловичу Казанцеву штабъ-офицеръ кавалерійскаго полка, въ которомъ несочувственно относились къ тому полку, гдѣ состоялъ графъ Ксенинъ.

— Въ какомъ смыслѣ каковъ? спросилъ Казанцевъ.

— Въ томъ смыслѣ, что онъ не успѣлъ разориться, какъ

уже поправляетъ свои дѣла на счетъ приданаго княжны Орловской.

— Говорятъ, что онъ уже давно за нею ухаживаетъ.

— Быть можетъ; но сегодня хотѣлъ показать, что не напрасно ухаживалъ...

Княгиня Вольская одна не ставила себѣ вопросовъ и не имѣла надобности въ объясненіяхъ.—Между тѣмъ княгиня Орловская спустилась съ лѣстницы и, не сказавъ дочери ни одного слова, ни разу на нее не оглянувшись, съ нетерпѣніемъ ожидала въ сѣняхъ своей кареты. Продолжавшійся притокъ посѣтителей замедлялъ движеніе разъѣзда. Наконецъ карета была подана, и лакей еще не успѣлъ затворить дверецъ, какъ уже княгиня судорожно обернулась къ Татьянѣ и громкимъ голосомъ, внѣ себя отъ гнѣва, стала осыпать ее упреками и угрозами. Сначала Татьяна выслушивала ихъ молча, но когда княгиня въ третій разъ запальчиво спросила, чѣмъ Татьяна могла объяснить и извинить свой поступокъ, она взглянула матери въ глаза и спокойно сказала:

— Меня вы неохотно выслушиваете, мамà; но спросите генерала Ремберга. Ему вы довѣряете.— Онъ дастъ объясненіе за меня.

— Рембергъ? Причемъ тутъ Рембергъ?

— Спросите его; онъ вамъ это скажетъ.

— Ты не Рембергу, а мнѣ дала обѣщаніе, котораго не сдержала, которое ты невозможнымъ образомъ нарушила... на виду у всѣхъ, съ намѣреніемъ, чтобы о тебѣ говорилъ весь городъ...

— Рембергъ зналъ о томъ обѣщаніи, мамà, и благодаря ему я не могла сдержать обѣщанія до конца. Рембергъ меня оставилъ въ долгу передъ графомъ Ксенинымъ, и этотъ долгъ я сегодня уплатила.

— Ты говоришь загадками. Я не понимаю загадокъ. Говори прямо.

— Вспомните, мамà, когда и почему я дала слово избѣгать графа Ксенина и всякихъ съ нимъ объясненій. Вы отъ меня того потребовали: вы назначили срокъ. Я покорилась; но я тогда не догадывалась, для чего назначался этотъ срокъ. Я не могла знать, что онъ былъ нуженъ генералу Рембергу, чтобы успѣть нанести между тѣмъ графу Ксенину непоправимый вредъ,— заставить его выйти изъ полка, быть можетъ разстроить всю его будущность,—и все это изъ-за меня, изъ-за того, что я не захотѣла выйти замужъ за князя Синицина,—изъ-за того,

что причиною моего нежеланія предполагалось то, что я предпочитала ему графа Ксенина, изъ-за того, что Рембергъ ненавидитъ и его, и его брата...

— Повторяю, что я не понимаю твоихъ загадокъ, Татьяна. Что могъ сдѣлать Рембергъ? Не онъ ненавидитъ Ксенина, а ты Ремберга ненавидишь.

— Я его презираю, мамá, я не могу ненавидѣть. Вы хотите знать, для чего ему былъ нуженъ срокъ, и какъ онъ имъ воспользовался? Онъ хотѣлъ внезапнымъ ударомъ довершить разстройство денежныхъ дѣлъ графа Ксенина, произвести шумъ, дать громкую огласку его разоренію. Онъ черезъ подставное лицо скупалъ векселя, потомъ черезъ то же лицо довелъ до описи имущества графа Ксенина, быть можетъ, до публичной продажи... Если вы объ этомъ знаете, мамá, — то по крайней мѣрѣ вы не знаете, какими деньгами распоряжался генералъ Рембергъ...

— Быть не можетъ, сказала смутившаяся княгиня.

— Оно не только можетъ быть, но такъ и было, продолжала съ возраставшимъ оживленіемъ Татьяна.—И все это дѣлалось въ тылу у меня, скрытно отъ васъ, съ злымъ умысломъ, съ обдуманнымъ разсчетомъ на мою довѣрчивость и на мое вамъ послушаніе. Вы не можете удивляться, мамà, тому, что я такому умыслу не поддалась, и слишкомъ поздно узнавъ о немъ, по крайней мѣрѣ, хотѣла доказать графу Ксенину, что я не причастна ко всему, чтò противъ него было направлено, и что если здѣсь должны быть двѣ стороны, то я стою на его сторонѣ.

— На его сторонѣ? Ты горячо за него заступаешься.

— Я люблю его, тихо сказала Татьяна.

— Ты любишь графа Ксенина? медленно проговорила княгиня и замолчала.

Между тѣмъ, карета уже слѣдовала по набережной и вскорѣ остановилась у подъѣзда княгини. Она вышла и, не возобновляя разговора, прошла въ свои комнаты.

XXVII.

Первый день, наступившій вслѣдъ за недѣлей базара, совпалъ съ неожиданнымъ событіемъ, сильно встревожившимъ петербургскій торговый міръ. Банкирская контора Риманъ

и Комп., пользовавшаяся большою извѣстностью и обширнымъ кредитомъ, оказалась запертою, и по городу разнеслась вѣсть, что Риманъ объявилъ себя несостоятельнымъ.

Княжна Татьяна получила отъ Хмурова записку, очевидно написанную весьма торопливо и заключавшую въ себѣ просьбу не выходить изъ дома для обычной прогулки по набережной до тѣхъ поръ, пока Хмуровъ успѣетъ къ ней пріѣхать и съ нею переговорить. Наканунѣ онъ не былъ на базарѣ, и Татьяна предположила, что поводомъ къ желанію съ нею свидѣться были дошедшіе до него толки, или сообщенное княгинею свѣдѣніе о томъ, что̀ на базарѣ происходило. Но смущенное и безпокойное выраженіе лица Хмурова съ перваго взгляда убѣдило Татьяну въ ошибочности ея догадокъ. Не до нея, а до него самого должно было относиться то, что его въ такой степени смущало и тревожило.

— Ты, видимо, разстроенъ сегодня, сказала Татьяна, когда Хмуровъ подошелъ къ ней и съ нею поздоровался;—что случилось съ тобой?

— Что случилось? повторилъ Хмуровъ;—случилось то, чего слѣдовало давно ожидать и давно опасаться, при слѣпомъ довѣріи тетушки къ Рембергу. Вы разорены, благодаря ему, и на мою бѣду я какъ-будто не безучастенъ въ дѣлѣ вашего разоренія.

— Разорены? Почему сегодня? Не понимаю тебя!..

— Рембергъ всѣ дѣла ввѣрялъ Риману,—Риманъ банкротъ.

— Риманъ? Кто Риманъ?

— Банкиръ, который велъ большія дѣла, и въ томъ числѣ именно всѣ дѣла Ремберга.

— Ты знаешь, что я отъ Ремберга давно ничего другаго не ожидала. Но онъ не могъ однако же насъ разорить вполнѣ. Если онъ растратилъ всѣ деньги мама̀, то не могъ растратить ея имѣній. Ихъ онъ не могъ ввѣрить ни Риману, ни кому другому.

— Имѣнія разстроены. На нихъ есть долгъ. Даже тѣ деньги, которыя Рембергъ употребилъ на покупку векселей графа Ксенина и которыя Ксенинъ уплатилъ, были въ субботу сданы Риману и теперь пропали.

Татьяна призадумалась и потомъ сказала:

— Такимъ образомъ, мы еще болѣе разорены, чѣмъ графъ Ксенинъ.

— Что-то будетъ съ вами? спросилъ Хмуровъ.

— Знаетъ ли объ этомъ мамà? спросила въ отвѣтъ Татьяна.

— Нѣтъ, еще не знаетъ; но она встревожена тѣмъ, что Ремберга сегодня у нея не было, хотя обѣщалъ быть. Я сейчасъ отъ нея и съ намѣреніемъ зашелъ къ ней, прежде чѣмъ быть у тебя. Я желалъ удостовѣриться въ томъ, что Ремберга ей до сихъ поръ не сообщилъ о случившемся. Она уже два раза посылала къ нему, но не получала никакого отвѣта на свои записки. Видѣлась ли ты съ нею?

— Я была у нея по обыкновенію пожелать добраго утра; но она не обмолвилась ни однимъ словомъ со мною. Такъ было и вчера за обѣдомъ, и когда вечеромъ я съ нею прощалась.

— Это мнѣ понятно послѣ твоей демонстраціи на базарѣ. Сожалѣю, что меня тамъ не было; но я уже вчера вечеромъ слышалъ о томъ, чтò ты сдѣлала.

— Я сдѣлала только то, чтò была вправѣ сдѣлать, и даже должна была сдѣлать. Ремберга вчера вечеромъ долго былъ у мамà, но я съ нимъ, конечно, не встрѣтилась.

— Знаю, что онъ былъ. Тетушка ему объявила, что рѣшилась немедленно ѣхать заграницу. На то именно ей нужны деньги, и она тѣмъ болѣе тревожится молчаніемъ Ремберга.

— Я менѣе буду жалѣть о нашемъ разореніи, если оно намъ помѣшаетъ уѣхать.

— Но что же сдѣлаете вы, если отъѣздъ заграницу окажется невозможнымъ?

— Не знаю, чтò сочтетъ нужнымъ сдѣлать мамà. Своей воли я пока имѣть не могу.

— Вамъ придется ѣхать въ деревню.

— Что жъ? Если мы на это должны будемъ рѣшиться, то и уѣдемъ въ деревню.

— Татьяна! Что тогда будетъ съ тобою? Если вы по такому поводу уѣдете въ деревню, то вамъ, можетъ быть, придется остаться тамъ и на зиму.

— Лучше это, чѣмъ скитаться заграницей.

— Татьяна! тебѣ тяжело будетъ тамъ съ тетушкой.

— Знаю, но знаю и то, что теперь и здѣсь было бы немногимъ легче.

Хмуровъ не садился во время разговора. Онъ безпокойно ходилъ по комнатѣ, лишь изрѣдка останавливаясь передъ

Татьяной и какъ-будто стараясь вычитать на ея лицѣ подтвержденіе ея словъ.

— Дѣло и тебя касается, сказала Татьяна, съ участіемъ взглянувъ на Хмурова.

— Увы! отвѣчалъ онъ, схватясь обѣими руками за голову.—Это меня приводитъ въ отчаяніе. Мои векселя также у Римана, хотя Рембергъ обѣщалъ мнѣ ихъ никому не передавать. Я съ ужасомъ думаю о томъ, что скажетъ мой отецъ, когда обо всемъ этомъ узнаетъ.

— Видѣлся ли ты съ Рембергомъ?

— На пять минутъ. Онъ присылалъ ко мнѣ своего несноснаго племянника; потомъ я былъ у него.

— Что же говоритъ онъ теперь?

— Онъ совершенно растерялся и ничего разсудительнаго мнѣ не сказалъ; но самъ себѣ вѣренъ и бранитъ всѣхъ и каждаго, кромѣ самого себя. Я только успѣлъ замѣтить, что онъ болѣе встревоженъ отвѣтственностью передъ Синицынымъ, котораго онъ вовлекъ въ крупныя дѣла, чѣмъ своею отвѣтственностью передъ вами.

— Я въ этомъ не сомнѣваюсь. Однако же тебѣ слѣдуетъ нѣсколько позаботиться о насъ, т. е. о мамá, а не думать объ одномъ себѣ.

— Я и о васъ безпрерывно думаю и радъ былъ бы вамъ помочь. Но чѣмъ? Пустыми словами!..

— Нѣтъ, не словами. Ты можешь дать добрый совѣтъ, можешь, во всякомъ случаѣ, быть опорою для мамá. Ты мужчина. Ты можешь иначе, чѣмъ она, объясниться съ Рембергомъ и, когда дѣло дойдетъ до огласки подробностей, можешь ему напомнить, что свѣтъ будетъ болѣе вѣрить тебѣ, хотя ты у него занималъ деньги, чѣмъ ему, хотя онъ ихъ тебѣ давалъ.

— Нужно, чтобы тетушка мнѣ оказала довѣріе.

— Она тебѣ его по необходимости окажетъ. Она не можетъ его не оказать. Кромѣ тебя ей не къ кому обратиться и не на кого опереться.

— Все будетъ зависѣть отъ перваго свиданія съ Рембергомъ. Онъ на все способенъ. Онъ все будетъ ей представлять въ превратномъ видѣ, будетъ взводить на меня разныя небылицы и постарается на меня набросить тѣнь главной отвѣтственности за то, чтó по его винѣ случилось.

— Мамá повѣритъ многому, но этому не повѣритъ. Она

можетъ не понимать дѣлъ, но понимаетъ значеніе денегъ, и если она свои деньги ввѣряла Рембергу, то ему не удастся ее убѣдить въ томъ, что не онъ за нихъ отвѣтчикъ. Ни чѣмъ другимъ, быть можетъ, его вліяніе не было бы поколеблено; но теперь этому вліянію нанесется сильный ударъ. Нужно будетъ подчиниться непривычнымъ стѣсненіямъ. Нельзя будетъ избѣжать толковъ о нашемъ разореніи и его причинахъ. Гордость мамá будетъ уязвлена. Этого она Рембергу не проститъ.

— Желаю, чтобы никогда не прощала. Въ теченіе дня онъ, во всякомъ случаѣ, долженъ у нея быть. Увѣдомь меня о послѣдствіяхъ ихъ свиданія.

— Насколько сама о томъ узнаю, передамъ; но будь готовъ самъ пріѣхать къ мамá по первому призыву.

— Буду ожидать вѣсти отъ тебя. На первыхъ порахъ, вообще, ничего нельзя будетъ вполнѣ разъяснить. Теперь Страстная недѣля, и послѣ завтра всѣ дѣла на нѣсколько дней остановятся. Между тѣмъ, я постараюсь со своей стороны собрать нѣкоторыя свѣдѣнія и самого себя насколько возможно обезпечить.

Когда Хмуровъ уѣхалъ, Татьяна подошла къ окну и стала въ раздумьи смотрѣть на возобновившійся на Невѣ ледоходъ. Вдоль набережной чернѣлась зеленая полоса воды, на которой западный вѣтеръ взбивалъ короткія всклокоченныя волны, испещренныя бѣлыми гребнями; а за тою полосой медленно двигалась сплошная масса льдинъ, цѣплявшаяся дальними краями за правый берегъ рѣки. Волна смѣнялась волной, льдины уходили за льдинами; но общій видъ волнъ и льда не измѣнялся. Въ воздухѣ вѣяло холодомъ, апрѣльское солнце свѣтило, но не грѣло, а сѣрыя облака, быстро проносившіяся по блѣдному небу, напоминали осень, а не приближавшуюся весну.

Мысли Татьяны не остановились на сообщенныхъ Хмуровымъ свѣдѣніяхъ. Они по существу не могли быть для нея неожиданностью при томъ мнѣніи, которое давно въ ней установилось на счетъ дѣйствій генерала Ремберга. Татьянѣ даже показалось, что разореніе, о которомъ говорилъ Хмуровъ, какъ будто сближало ее съ Ксенинымъ. Она думала о немъ, припоминала всѣ частности свиданія съ нимъ на базарѣ, думала о предстоявшей имъ обоимъ будущности и ставила себѣ объ этой

будущности вопросы, на которые отвѣчало сердце, но умъ не давалъ отвѣта.

Ксенинъ сказалъ однажды Татьянѣ, что, по мнѣнію его брата, мы, въ явленіяхъ окружающей насъ природы, можемъ иногда находить предзнаменованіе нашихъ судебъ. Эта мысль пришла на память Татьянѣ и сосредоточила ея вниманіе на томъ, что ей видѣлось изъ окна. Впереди пѣнились мрачныя волны Невы; за ними немедленно выплывали противъ вѣтра ладожскія льдины. Эти волны и этотъ ледъ не могутъ быть добрымъ предзнаменованіемъ,—сказалось въ мысляхъ Татьяны. За рѣкою возвышалась крѣпость и бѣлое зданіе Петропавловскаго Собора съ его блестящимъ шпилемъ. Но соборъ и крѣпость соотвѣтствуютъ въ насъ другимъ порядкамъ идей. Глаза Татьяны искали другихъ признаковъ или предвѣстниковъ будущности и остановились на искрѣ яркаго свѣта, сіявшей вправо отъ крѣпости собора, изъ-за отдаленной массы зданій и садовъ Аптекарскаго острова. Надъ ними выдѣлялась на небѣ верхняя изъ пяти золоченыхъ главъ Преображенской церкви, и на выпуклой поверхности этой главы сосредоточенно отражались лучи солнца. Графъ Александръ, подумала Татьяна, быть можетъ указалъ бы мнѣ на ту свѣтящуюся вдали точку, какъ на добрый признакъ... Дай Богъ, чтобы такъ было. Набѣжавшее облако заслонило солнце, и сверкавшая искра потухла. Сердце Татьяны сжалось. Но вѣтеръ угналъ облако, и искра засвѣтилась попрежнему яркимъ свѣтомъ. Татьяна сѣла у окна. Она продолжала смотрѣть на дальній отблескъ солнечныхъ лучей и думала о братѣ графа Александра.

Между тѣмъ княгиня Орловская съ возраставшимъ безпокойствомъ ожидала генерала Ремберга. Онъ пріѣхалъ поздно, не задолго передъ привычными часами обѣда княгини, и, войдя въ ея кабинетъ, заперъ за собою дверь. Обѣденный часъ минулъ; за нимъ прошелъ другой часъ; княгиня не выходила изъ кабинета. Наконецъ, она прислала сказать дочери, что обѣдать не будетъ.

Въ домѣ всѣ люди враждебно относились къ Рембергу. Продолжительность его объясненія съ княгинею всѣхъ встревожила. Когда онъ уѣхалъ, дежурный оффиціантъ и швейцаръ замѣтили, что онъ казался смущеннымъ и торопливо прошелъ мимо ихъ, не взглянувъ прямо въ глаза ни тому, ни другому. Вскорѣ послѣ того горничная княжны Татьяны вошла къ ней съ таинственнымъ видомъ и пониженнымъ голосомъ

сказала, что княгиня не совсѣмъ здорова, заперлась въ своей спальнѣ, и должно быть чѣмъ-нибудь огорчена, потому что много плакала. Татьяна ничего не отвѣтила, но сошла изъ комнатъ верхняго этажа, гдѣ она и мистриссъ Грей помѣщались, въ комнаты княгини, и остановилась въ раздумьи у дверей ея спальни. Она плакала, сказывалось и повторялось въ мысляхъ Татьяны, плакала... и ее волновала эта мысль о невидѣнныхъ ею цѣлый рядъ годовъ слезахъ матери. Но Татьяна не рѣшилась постучаться въ запертыя двери. Она прошла далѣе и поручила горничной княгини за нею тотчасъ прислать, когда эти двери отворятся, и княгиня позволитъ къ ней войти.

Поздно вечеромъ Татьяна увѣдомила Хмурова, что княгиня его проситъ въ слѣдующій день къ ней пріѣхать. Сообщивъ вкратцѣ о свиданіи съ матерью, Татьяна писала, что княгиня до того потрясена объясненіями съ генераломъ Рембергомъ, что слегла въ постель и находится въ лихорадочномъ состояніи. Она совершенно упала духомъ, рисовала себѣ будущность въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, говорила о необходимости тотчасъ уѣхать изъ Петербурга въ деревню, извиняла Ремберга непредусмотримымъ стеченіемъ несчастныхъ обстоятельствъ и желаніемъ съ его стороны доставить ей значительныя выгоды предпринятыми имъ оборотами, и знала о его дѣлахъ съ Хмуровымъ, но и самого Хмурова обвиняла только въ легкомысліи и неосторожности. На этотъ разъ княгиня показалась Татьянѣ сговорчивою и почти мягкою Татьянѣ не привелось услышать никакихъ упрековъ. Княгиня только мимоходомъ высказала сожалѣніе объ отказѣ князю Синицыну, но когда Татьяна упомянула о томъ, что и Синицынъ понесъ отъ спекуляцій Ремберга большія потери, чего, повидимому, княгиня не знала, то она призадумалась и къ этому предмету болѣе не возвращалась, и только повторила выраженіе рѣшимости уѣхать въ деревню и желаніе найти себѣ опору въ чувствахъ и доброй волѣ Хмурова.

XXVIII.

Княгиня Орловская занемогла желчною лихорадкой и въ продолженіи нѣсколькихъ дней не вставала съ постели. Татьяна проводила въ ея спальнѣ большую часть дня, а Хмуровъ, которому она поручила заняться устройствомъ ея дѣлъ, при

явленія жизни освѣщаются свѣтомъ вѣры и гдѣ этотъ свѣтъ согрѣваетъ сердце, озаряетъ умъ и указываетъ путь волѣ. Никто въ ранніе годы не заботился, ни словомъ, ни примѣромъ о развитіи въ душѣ Татьяны религіознаго чувства. Уроки катихизиса и священной исторіи, въ томъ видѣ, какъ они ей преподавались, не могли оживить этого чувства. Одна мистриссъ Грей часто къ нему обращалась; но вліяніе иновѣрцевъ всегда ослабляется въ такихъ случаяхъ смутнымъ понятіемъ о ихъ иновѣріи. Мы склонны придавать ему произвольное значеніе и противопоставлять другъ другу слово „они" и „мы" даже и тогда, когда они должны совпадать. Впрочемъ старанія мистриссъ Грей не прилагались безслѣдно и оберегали въ Татьянѣ впечатлительность духовной почвы. Она вѣрила и молилась, хотя и вѣрила и молилась—какъ у насъ вообще вѣрятъ и молятся въ ея лѣтахъ и ея средѣ,—спокойно, доброхотно, но безъ порывовъ горячности, безъ глубокаго умиленія, безъ волненій и колебаній, довольствуясь перерывчатымъ, неопредѣленнымъ и непродолжительнымъ обращеніемъ вверхъ мысли и чувствъ. Теперь Татьяна стала сознавать слабость и неполноту этихъ мимолетныхъ молитвенныхъ настроеній. Сильное чувство охватило ее, овладѣло ею и переполнило ея жизнь тревожными заботами и опасеніями. Для внутренней борьбы съ ними была нужна надежда, а для надежды опора. Эту опору Татьяна искала въ молитвѣ. Но и въ церкви, передъ освѣщеннымъ паникадильными свѣчами алтаремъ, и въ своей комнатѣ, передъ завѣщанною покойнымъ отцомъ иконою, Татьяна чувствовала, что ея молитвѣ чего-то недоставало. Она ей самой казалась непривычною, какъ будто вынужденною. Не вѣрилось, что она будетъ услышана, и сердце не согрѣвалось.

Въ Пасхальную заутреню всѣ общедоступныя церкви перестаютъ быть общедоступными. Татьяна охотно приняла предложеніе княгини Вольской ѣхать съ нею въ одну изъ тѣхъ, въ казенныхъ домахъ находящихся церквей, которыя въ этотъ день не переполняются. Любезная хозяйка дома заботилась о томъ, чтобы немногія дамы, бывшія ея храмовыми гостями, находили себѣ мѣста, на которыхъ можно было слушать службу безъ отвлеченія отъ нея вниманія безпокойною подвижностью сосѣдей. Татьяна стояла позади княгини Вольской у стѣны, налѣво отъ входа, и во все время богослуженія не отводила глазъ отъ алтаря. Ее томимо непреоборимое противорѣчіе между воспринимаемыми впечатлѣніями и внутреннимъ настрое-

*

ніемъ мысли и чувства. Въ „праздникъ праздниковъ“ и въ „торжество изъ торжествъ“ у нея не празднично и не торжественно было на душѣ. Она напрасно прислушивалась къ побѣдному напѣву пасхальныхъ пѣсней, напоминала себѣ о радостномъ значеніи дня и сама пыталась обрадоваться. Сердце оставалось болѣзненно сжатымъ; а мысль, временно покоряясь волѣ и возносясь въ область молитвы, постоянно возвращалась изъ этой области въ кругъ тѣхъ чувствъ, печалей и опасеній, которыя сжимали сердце. Такъ раненная въ крыло птица тщетно старается подняться въ воздушное пространство. Она повторяетъ безуспѣшныя попытки; ей всякій разъ удается отдѣлиться отъ земли и по нѣскольку мгновеній продержаться на воздухѣ, но боль въ крылѣ беретъ верхъ надъ ея усиліями, и она снова опускается на землю.

Мысль о Ксенинѣ не покидала Татьяны Она думала о немъ, когда въ ней прерывались молитвенныя движенія, и продолжала думать, когда молилась. Эта мысль не только не противорѣчила молитвѣ, но иногда какъ будто окрыляла ее. Татьяна не о себѣ одной молилась и чувствовала, что могла такъ молиться. Въ ея любви къ Ксенину и любви Ксенина къ ней не было ничего преступнаго. Обоимъ нужна была помощь, а когда глубоко и сильно ощущается и сознается жажда въ помощи, то сердце порывается вверхъ, и мысль, слѣдуя его движенію, становится мольбою. Но сомнѣнія стѣсняютъ и прерываютъ ея порывы, если она ей не привычна, и среди молитвы душу одолѣваетъ тоска по надеждѣ.

Служба отошла. Между присутствовавшими начался обычный обмѣнъ поздравленій. Княгиня Вольская обернулась къ Татьянѣ и замѣтила, что выраженіе ея лица было грустно и глаза влажны. Княгиня обняла ее, произнося пасхальный привѣтъ: Христосъ воскресе!

— Во истину воскресе! отвѣчала Татьяна, и въ ея голосѣ княгинѣ послышалась та же грусть, которую она прочитала на ея лицѣ.

— Сегодня нельзя быть грустною, сказала княгиня вполголоса, взявъ Татьяну за обѣ руки и ласково смотря ей въ глаза.

Татьяна тихо наклонила голову въ знакъ согласія, но ничего не отвѣтила.

На обратномъ пути изъ церкви, обѣ долго не говорили. Княгиня первая прервала молчаніе вопросомъ: исполнитъ ли

Татьяна обѣщаніе, данное на базарѣ? Ксенинъ мнѣ сказалъ, дабавила княгиня, что онъ въ этомъ не сомнѣвается.

— Онъ конечно правъ, отвѣчала Татьяна. Перемѣнилось только то, что на первый разъ не онъ, а мы уѣзжаемъ. Переговорить и проститься съ нимъ мнѣ необходимо.

— Я такъ и поняла то, что вы на базарѣ ему поручили мнѣ передать.

— Я на васъ одну могла надѣяться и надѣюсь. Изъ нашего разговора третьяго дня вы знаете, въ какое положеніе мы поставлены. Мы уѣдемъ, какъ скоро мама оправится настолько, чтобы ей было возможно пуститься въ путь.

— Слѣдовательно во всякомъ случаѣ не ранѣе, какъ черезъ недѣлю или двѣ?

— Докторъ сказалъ вчера, что дней черезъ десять.

— И рѣшено, что вы разстаетесь съ мистриссъ Грей?

— Къ сожалѣнію, да.

— Бѣдная Татьяна! проговорила съ участіемъ княгиня Вольская. Потомъ она прибавила: надѣюсь, что вы будете писать ко мнѣ.

— Буду, отвѣчала Татьяна, и увѣрена, что буду имѣть вѣсти отъ васъ.

XXIX.

— Когда придется мнѣ вновь съ вами свидѣться? спросила Наталья Петровна Тверинцева, обращаясь къ посѣтившему ее графу Александру Ксенину.

— На это мнѣ трудно дать опредѣлительный отвѣтъ, сказалъ графъ Александръ. Вы знаете, что безъ особыхъ побудительныхъ причинъ я въ Петербургъ не ѣзжу. Быть можетъ, однако же, мнѣ придется побывать здѣсь зимою, если мы не рѣшимся провести зимніе мѣсяца заграницей.

— Вы привыкли себя только въ деревнѣ чувствовать дома, и съ нею вообще неохотно разстаетесь.

— Было такъ. Къ сожалѣнію, теперь легче становится разставаться.

— Вы уже на дняхъ мнѣ что-то сказали въ этомъ родѣ, но не договорили, насъ прервали.

— Я вѣроятно сказалъ бы вамъ, что обстановка прежняя, но воздухъ кажется другой, или по крайней мѣрѣ начинаетъ

быть другимъ. Сельское уединеніе для меня перестаетъ быть фразой. Я чувствую, что дѣйствительно уединяюсь, и это ощущеніе мнѣ тягостно. Въ прежнее время вся окрестность тѣсно примыкала ко мнѣ и къ моему семейству. Говорю не о нѣкоторыхъ сосѣдяхъ, принадлежащихъ къ одному съ нами уровню, а о такъ называемомъ народѣ. Я и въ его средѣ себя чувствовалъ дома, и онъ въ извѣстномъ смыслѣ меня считалъ своимъ. Теперь,—если онъ еще не отшатнулся,—то начинаетъ отшатываться. Я, моя семья, какъ будто болѣе выдѣлились, какъ будто дальше стоимъ, чѣмъ стояли прежде, какъ будто постепенно отрѣзываемся отъ массы. Въ массу проводится и въ ней пускаетъ корни мысль, что наши интересы не только не солидарны, но даже противуположны. Довѣріе ко мнѣ подкашивается и колеблется, и я замѣчаю, что уже не могу вокругъ себя приносить той пользы, которую я приносилъ, и предпринимать и дѣлать того, что при другихъ условіяхъ могло быть мною и предпринято и додѣлано.

— Мы и у себя замѣчаемъ нѣкоторую перемѣну въ настроеніи крестьянъ, сказала Наталья Петровна, но до сихъ поръ, насколько я могу о томъ судить, ихъ отношенія къ намъ не измѣнились.

— Въ вашей мѣстности перемѣна можетъ быть менѣе замѣтная, продолжалъ графъ Ксенинъ. У васъ промыслы преобладаютъ надъ земледѣліемъ. Притомъ вы бываете въ своемъ имѣніи только въ лѣтнее время и имъ не управляете сами, а только занимаетесь, такъ сказать, благотворительною частью. Весьма естественно, что эта часть вамъ даетъ менѣе случаевъ наблюдать и слѣдить за общимъ настроеніемъ умовъ населенія и за его дѣйствіями. Моя жена также не замѣчаетъ многаго, что мнѣ начинаетъ бросаться въ глаза, потому что за предѣлами нашей усадьбы она занимается только лѣченіемъ больныхъ и оказываніемъ нѣкоторыхъ пособій бѣднымъ. Мнѣ приходится, напротивъ того, каждый день имѣть дѣла со всѣми слоями населенія, и не только съ крестьянами моего имѣнія, но и съ сосѣдними.

— Въ этомъ вы конечно правы, но за то и ваше вліяніе должно быть болѣе общимъ и прочнымъ. Вы его не могли утратить послѣ всего, что вы сдѣлали и у себя, и для всей мѣстности. Вы постоянно жили въ вашемъ имѣніи, а не наѣзжали туда на время, какъ на дачу. Васъ всѣ лично знаютъ,

вамъ почти всѣ чѣмъ-нибудь обязаны. Народъ это цѣнитъ, и привычка у него много значитъ.

— Я и не говорю, чтобы мое значеніе въ глазахъ крестьянъ и мое вліяніе уже теперь были утрачены; но я подмѣчаю начальные признаки утраты, а когда дѣло пошло подъ гору, то остановить движеніе трудно. Противъ насъ вообще направлено слишкомъ много другихъ вліяній, а частью и преднамѣренныхъ усилій. Систематически возбуждаютъ недовѣріе и даже вражду къ намъ. Ведутся толки и распространяются слухи, которымъ народъ легко поддается. Въ немъ опасно вселять ложныя понятія о своемъ положеніи и своихъ отношеніяхъ къ другимъ частямъ населенія и къ самому правительству. Опасно будить ложныя надежды и неправильныя желанія. Все это дѣлается, и въ послѣдніе годы дѣлается съ видимымъ успѣхомъ. Газетные толки теперь доходятъ до народа, если не прямымъ, то окольными путями. Что же можетъ онъ изъ этихъ толковъ по-своему перекладывать въ свои понятія? Онъ замѣчаетъ, что все о немъ ведется рѣчь. Россію раскроили на двѣ части—крестьянъ и некрестьянъ. О крестьянахъ вдругъ стали заботиться болѣе, чѣмъ при отмѣнѣ крѣпостнаго права. Со всѣхъ сторонъ какъ будто высказывается соболѣзнованіе о нихъ. И платежи обременительны, и земли мало. Весьма естественно, что къ этому крестьяне охотно прислушиваются. У насъ, напримѣръ, они зажиточны, надѣлъ полный, по выкупнымъ платежамъ нѣтъ и не было недоимокъ. По почему же не платить и менѣе, а земли не имѣть побольше? У кого же взять землю? Легко забросить въ умъ мужика мысль, что то, что принадлежитъ мнѣ, могло бы принадлежать ему. Отъ „могло бы до должно бы“ одинъ шагъ и даже небольшой. А если этотъ шагъ будетъ сдѣланъ, то, вмѣсто сподручнаго сосѣда, крестьяне станутъ видѣть во мнѣ недруга, злоупотребительно удерживающаго за собою то, что могло бы сдѣлаться ихъ достояніемъ. Тогда конецъ тѣмъ добрымъ отношеніямъ, которыми я всегда дорожилъ и безъ которыхъ жизнь въ деревнѣ для меня немыслима.

— Вы мрачно смотрите на вещи, графъ. Это не въ вашихъ привычкахъ.

— Не столько мрачно, Наталья Петровна, сколько печально. До сихъ поръ все еще сносно, все поправимо. Но меня тревожитъ и печалитъ отсутствіе признаковъ исправленія, или даже остановки въ разростаніи зла. Я потому не могу не вника-

триваться въ его неизбѣжныя послѣдствія. Мнѣ жаль моего Никольскаго. Я люблю его съ дѣтства и теперь еще болѣе къ нему успѣлъ привязаться. Тамъ сохранились у насъ слѣды трехъ поколѣній, и я самъ многое прибавилъ къ тому, что наслѣдовалъ. Жаль будетъ разстаться.

— Вамъ не придется разставаться. Я увѣрена, что вы на это никогда не рѣшитесь.

— Я не передамъ Никольскаго въ чужія руки, но перестану въ немъ жить, если мнѣ тамъ жизнь будетъ въ тягость. Натянутыя отношенія мнѣ вообще непріятны, а натянутыя изъза денежныхъ интересовъ — нестерпимы. Мнѣ уже и теперь крѣпко не по сердцу необходимость защищать мой лѣсъ отъ порубокъ и настаивать на исправности дорогъ, которыя мною на мой счетъ проложены. Хуже всего то, что нѣтъ поддержки со стороны законныхъ властей. Онѣ насъ выдаютъ на каждомъ шагу, а это сбиваетъ народъ съ толку. Онъ чутокъ и пытливъ. Онъ замѣчаетъ, что судъ не защищаетъ помѣщика, а полиція за него подчасъ заступиться не смѣетъ, и долженъ себѣ ставить вопросъ: не такъ ли высшимъ начальствомъ приказано?

— Вамъ принадлежитъ еще другое имѣніе на Волгѣ, не правда ли? Какъ отношенія тамъ?

— Есть дѣйствительно приволжское имѣніе, близъ Жигулевскихъ горъ, но тамъ ни мой покойный отецъ, ни я не жили, и отношенія къ крестьянамъ не могли быть такъ близки, какъ въ Никольскомъ. И тамъ есть перемѣна, хотя для меня менѣе замѣтная. Въ прошломъ году я въ этомъ имѣніи не былъ, потому что долго ждалъ брата, который обѣщалъ ѣхать со мною, но обѣщанія не исполнилъ; а позже мнѣ самому было ѣхать недосужно. Въ нынѣшнемъ году братъ это обѣщаніе исполнитъ.

— Такъ онъ будетъ лѣтомъ у васъ въ Никольскомъ. Я за васъ обоихъ радуюсь.

— Онъ первоначально собирался пріѣхать ко мнѣ на все лѣто, потомъ передумалъ. О немъ здѣсь ходили толки, которымъ его отъѣздъ теперь могъ бы дать новую пищу, и мы рѣшили, что ему удобнѣе отбыть лагерное время съ полкомъ и только послѣ маневровъ взять отпускъ.

— Я очень люблю вашего брата, и вамъ это говорю, потому что знаю, какъ вы его любите.

— Думаю, что мы оба другъ друга любимъ, несмотря на то, или быть можетъ именно потому, что наши характеры совершенно различны. Онъ мнѣ во всемъ напоминаетъ нашего

отца. Про меня говорили, что я наслѣдовалъ характеръ моей матери.

Въ то самое время, когда графъ Александръ Ксенинъ говорилъ г-жѣ Тверинцевой о различіи между его характеромъ и характеромъ его брата, то же различіе было однимъ изъ предметовъ другаго разговора, у княгини Вольской, между нею и княжною Татьяной. По мнѣнію княжны, чрезвычайная мягкость характера старшаго брата объясняла всѣ недостатки характера младшаго.

— Мнѣ Ксенинъ самъ признавался, сказала княгиня, что онъ постепенно привыкалъ злоупотреблять добросердечіемъ, довѣріемъ, терпѣніемъ и самоотверженіемъ брата. Онъ сознательно, по его собственному выраженію, пользовался всѣмъ, чѣмъ могъ пользоваться, пока пользоваться имѣлъ возможность, успокоивая себя тѣмъ, что разсчитывался добрыми чувствами и признательною оцѣнкой достоинствъ или качествъ, которыхъ самъ не имѣлъ. Его недостатки были слишкомъ явны, чтобы я ихъ не замѣчала; но меня плѣнили его прирожденное благородство взглядовъ и чувствъ, его прямодушіе и та постоянная, даже жестокая откровенность, съ которою онъ всегда относился къ себѣ и другимъ. Еслибы не эти свойства, я бы не была съ нимъ дружна. Впрочемъ вы, Татьяна, его теперь измѣнили. Я во многомъ не узнаю его съ тѣхъ поръ, какъ вы завладѣли его сердцемъ

— Сожалѣю, сказала Татьяна, что я только разъ видѣла графа Александра. Между нимъ и братомъ нѣтъ сходства, кромѣ выраженія глазъ.

— Графъ Владиміръ Львовичъ, доложилъ вошедшій оффиціантъ.

— Просите, сказала княгиня, вставая. Я его встрѣчу, продолжала она, обратясь къ Татьянѣ, а когда онъ уѣдетъ, вы меня найдете въ моей уборной.

Княгиня вышла изъ своего кабинета въ прилегавшій салонъ. Татьяна слышала, какъ она обмѣнялась нѣсколькими словами съ Ксенинымъ. Потомъ онъ вошелъ въ кабинетъ.

Татьяна поблѣднѣла, когда оффиціантъ доложилъ о пріѣздѣ Ксенина. Но этотъ признакъ внутренняго волненія быстро исчезъ съ ея лица. Она также встала и ея взоръ неподвижно установился на той двери, гдѣ она ожидала появленія Ксенина. Увидѣвъ его, она пошла на встрѣчу ему и, протянувъ ему руку, сказала:

— Вы видите, что я сдержала слово.

— Въ васъ я не могъ усумниться, отвѣчалъ Ксенинъ, взявъ въ обѣ руки и поцѣловавъ протянутую ему руку. Я опасался препятствій помимо вашей воли.

— Препятствія меня не остановили бы, улыбнувшись сказала Татьяна. Я желала васъ видѣть. Помните ли, что я вамъ сказала въ посольствѣ? Не вы одни могли быть разорены.

— Помню. Вдвойнѣ прискорбно, что вы правы.

— Менѣе прискорбно, потому что вдвойнѣ. Мнѣ теперь не приведется слышать на вашъ счетъ все, что мнѣ говорили бы, еслибы я не была права.

— Но вы уѣзжаете?

— Да,—послѣзавтра.

— И на долго?

— Быть можетъ. Мой двоюродный братъ, Хмуровъ, который теперь взялся за наши дѣла, опредѣлительно не высказывается. Ясно одно, я теперь не могу разлучиться съ мамà, и, быть можетъ, въ первый разъ въ жизни ей буду нужна.

— Я съ трепетомъ думаю о жизни, которая васъ ждетъ въ деревнѣ.

— Жизнь будетъ уединенная и притомъ одинокая; но она и прежде отчасти была одинокою. Буду жалѣть о мистрисъ Грей; она мнѣ была истиннымъ другомъ. Впрочемъ, я и въ деревнѣ найду добраго пріятеля. Тамъ живетъ старый докторъ моего дѣда. Онъ почтенный и умный человѣкъ и всегда любилъ меня. О васъ я буду имѣть извѣстія черезъ княгиню Ольгу. Я уже знаю, что вы здѣсь остаетесь...

— Да, на первое время; позже я навѣщу брата; что дальше будетъ, зависитъ отъ Бога, а затѣмъ зависитъ отъ васъ. Живу теперь мыслью о васъ, буду жить надеждой свиданія... Все другое отброшено, заслонено, все подчинено этой мысли и этой надеждѣ. Моя жизнь вами переполнена и вами озарена. Я постоянно вижу передъ собою вашъ образъ: въ моей памяти постоянно звучитъ вашъ голосъ... Я не привыкъ выражать мои чувства; но вамъ этого не нужно; ваши глаза говорятъ мнѣ, что вы читаете въ моемъ сердцѣ.

— Вѣрю, что вы меня любите... тихо сказала Татьяна.

Она замолчала, заняла прежнее мѣсто у стола, гдѣ сидѣла съ княгиней Вольской до пріѣзда Ксенина, облокотясь рукою на столъ, и на нѣсколько мгновеній какъ будто ушла въ себя; потомъ задумчиво взглянула на Ксенина и продолжала:

— Судьба неожиданно рѣшила и мою участь. Моя жизнь также стала другою жизнью... Въ тотъ вечеръ, когда я въ первый разъ васъ увидѣла, я этого не предчувствовала, но черты вашего лица мнѣ сразу врѣзались въ память. Я васъ издали узнала, когда мы на слѣдующій день встрѣтились на набережной. Потомъ, когда я въ Академіи смотрѣла на виды Волги и вамъ сказала, что сердцу русской женщины можетъ представиться выборъ между полною покорностью и взрывомъ,—я почувствовала, что во мнѣ самой взрывъ былъ близокъ... Остальное вы знаете. Я вамъ повѣрила и ввѣрилась... Я вамъ это доказала и сегодня доказываю... Въ васъ дано содержаніе моей жизни и указана цѣль моей волѣ... Въ васъ я нашла себѣ опору. Мнѣ опора была нужна. Вы не воображаете, до какой степени я себя чувствовала одинокою и безпомощною. Кромѣ моего дяди, съ которымъ мы видѣлись рѣдко, и всегда на короткое время, и кромѣ чужой женщины, которая одна въ нашемъ домѣ оказывала участіе и привязанность, на меня со всѣхъ сторонъ вѣяло холодомъ. Мое сердце противорѣчило всему, что меня окружало. Все, что во мнѣ мнѣ было силы, уходило на глухое сопротивленіе тому, что отъ меня требовалось... Теперь, гдѣ бы мы ни были, хотя и далеко другъ отъ друга, я не буду одна. Ваша мысль будетъ со мною, какъ моя съ вами... не правда ли?

Татьяна говорила тихо съ перерывами, какъ будто въ ея словахъ только отражалось внутреннее движеніе ея мыслей и чувства. Она продолжала задумчиво смотрѣть на Ксенина и при вопросѣ: не правда ли? ласково кивнула головой и снова протянула ему руку.

Ксенинъ въ нѣмомъ упоеніи слушалъ Татьяну и смотрѣлъ на нее. Онъ взялъ ее за обѣ руки и соединилъ ихъ въ своихъ.

— Княжна Татьяна, сказалъ онъ, — я васъ безгранично люблю; я люблю васъ всѣми силами души... Нѣтъ минуты, въ которую я могъ бы о васъ не думать, минуты, въ которую всякая другая мысль и всякое чувство не подчинялись бы мысли о васъ. Я внѣ себя отъ горя, когда вспоминаю, что вы уѣзжаете,— и внѣ себя отъ счастья теперь, слушая васъ, смотря на васъ, вѣря тому, что и вы меня любите.—Но скажите мнѣ это.—Мнѣ нуженъ звукъ этихъ словъ. Неужели вамъ трудно ихъ произнести?

— Нѣтъ—не трудно, сказала Татьяна. Я люблю васъ...

— Благодарю васъ, съ горячностью воскликнулъ Ксенинъ,—

отъ глубины сердца, благодарю.. Теперь вы дали мнѣ силу все перенести и перетерпѣть.

Онъ крѣпко прижалъ къ устамъ руки Татьяны. Она не пыталась высвободить ихъ и продолжала неподвижно смотрѣть на него; но ея лицо приняло грустное выраженіе.

— И мнѣ жаль уѣзжать, сказала она. Жаль, не знать, когда мы вновь свидимся.. Скажите вашему брату, что я ему поручаю васъ, и не только васъ, но и себя.. Предчувствую, что придетъ день, когда мнѣ можетъ быть нужна будетъ его помощь, кромѣ вашей,—пока я не буду имѣть права на васъ одного опереться...

— Братъ безутѣшенъ, что васъ только двѣ, три минуты видѣлъ.

— И я сожалѣю о томъ; но слышала отъ княгини Ольги, что онъ не вынесъ худаго впечатлѣнія изъ нашей краткой встрѣчи. Скажите ему, что я знаю о немъ болѣе, чѣмъ онъ быть можетъ думаетъ... У меня нѣтъ такого брата... Передайте также поклонъ графинѣ Бетси, вашей belle soeur. Я и на нее надѣюсь. Княгиня Ольга уже заставила меня ее полюбить.

— Бетси вполнѣ того заслуживаетъ. Я передъ нею и передъ братомъ виноватъ,—былъ долго виноватъ; но никогда не былъ неблагодаренъ.

— Вы впредь не будете виноваты, и она вамъ проститъ прошлое. Радуюсь за васъ, когда о нихъ думаю. Вашему сердцу должно быть тепло въ ихъ домѣ.

— Ручаюсь за нихъ въ томъ, что и вашему сердцу будетъ тепло. Но когда? Моя судьба въ вашихъ рукахъ.

— Вы знаете, въ какое положеніе я поставлена. Со дня базара ваше имя не было произнесено между мамà и мною. Сегодня я ей скажу, что съ вами видѣлась, но не думаю, чтобы пришлось сказать что-нибудь другое. Я должна покориться моей участи, исполнить мой долгъ и ждать, чтобы обстоятельства мнѣ возвратили свободу воли. Когда настанетъ время рѣшиться,—я рѣшусь, и вы объ этомъ узнаете.

— Черезъ княгиню Ольгу.

— Да,—но въ случаѣ необходимости, и другимъ путемъ. Мнѣ только всегда нужно знать, гдѣ будете вы, и гдѣ будетъ графъ Александръ.

Татьяна встала и, смотря прямо въ глаза Ксенину, взволнованнымъ голосомъ продолжала:

— Теперь мы должны разстаться. Чувствую, что это съ

каждой минутой для меня становится труднѣе. Мнѣ нужно беречь свои силы. Прощайте, Ксенинъ. Храните память обо мнѣ, какъ я буду ее хранить о васъ... Не забывайте того, что я вамъ сказала... Что бы ни случилось,—я вамъ буду вѣрить и вамъ буду вѣрна...

Она протянула Ксенину обѣ руки. Онъ молча смотрѣлъ на нее, и судорожное движенiе въ чертахъ его лица обнаруживало усилiе овладѣть тѣмъ волненiемъ, которое его охватило.

— Прошу только еще двухъ словъ на прощанье, проговорилъ онъ.—Повторите, что вы меня любите...

— Я ваша, тихо сказала она.

— О Татьяна! воскликнулъ Ксенинъ,—дай мнѣ Богъ быть васъ достойнымъ! Да благословитъ и хранитъ Онъ васъ.

Татьяна наклонила голову. Ксенинъ обнялъ ее, поцѣловалъ въ лобъ, крѣпко сжалъ въ своихъ объятiяхъ и не оглянувшись вышелъ изъ комнаты.

Татьяна неподвижно смотрѣла въ слѣдъ эму; но когда замеръ послѣднiй звукъ его шаговъ, она закрыла лицо руками, и долго сдержанное рыданiе вырвалось изъ ея груди.

ГР. П. ВАЛУЕВЪ.

Южно-Уссурійскій край и его русская колонизація [1].

VII.

Какъ мы говорили впереди, въ 1881 г., представляющемъ настоящую эру въ дѣлѣ русской колонизаціи Южно-Уссурійскаго края, все русское населеніе его, считая казаковъ, горожанъ Владивостока и перечисленныхъ изъ ссыльно-каторжныхъ поселенцевъ, не превышало восьми тысячъ человѣкъ, причемъ на долю собственно сельскаго населенія, представляющаго настоящій оплотъ всякой колонизаціи, приходилось вмѣстѣ съ казаками до шести тысячъ душъ обоего пола. За семь послѣднихъ лѣтъ, протекшихъ съ 1883 г., когда прибыла I партія переселенцевъ морскимъ путемъ, благодаря твердой и постоянной энергіи правительства, взявшаго въ свои руки колонизацію края, количество сельскаго русскаго населенія края почти утроилось. По 1 янв. 1890 г. морскимъ путемъ во Владивостокъ прибыло всего около 13 тыс. переселенцевъ (13.010 ч.), не считая умершихъ во время перехода отъ Одессы. Въ томъ числѣ менѣе половины (5.282 д.) было казеннокоштныхъ переселенцевъ. Эти 13 тыс. человѣкъ распредѣлялись въ 2.073 сем., что̀ составляетъ въ среднемъ на всѣ партіи на семью около 6,25 душъ.

Средній составъ семьи былъ далеко не одинаковъ во всѣхъ партіяхъ; такъ партія 1884 г. имѣла въ среднемъ семью, состоящую 7,6 душъ, тогда какъ осенняя 1886 г. всего изъ 4,5 д. [2]).

---

[1]) См. „Русс. Вѣст.“ 1891 г. кн. VIII.

[2]) Величина семьи уменьшена впрочемъ значительною смертностью партій во время пути и во время пребыванія во Владивостокѣ.

Въ общемъ партіи казеннокоштныхъ переселенцевъ имѣютъ семьи, состоящія изъ бо́льшаго числа душъ, чѣмъ своекоштные (средняя казенныхъ 7,0, свекоштныхъ 5,9); это объясняется впрочемъ отчасти искусственною припискою къ семьямъ казеннокоштныхъ дальнихъ родственниковъ, желавшихъ идти на казенный счетъ въ переселеніе. Величину въ 5—5,5 должно поэтому считать среднею для нормальной семьи русскаго переселенца; этотъ выводъ подтверждаютъ съ другой стороны среднія, выведенныя нами для нѣкоторыхъ казачьихъ станицъ и деревень старожиловъ.

Что касается до производительныхъ силъ каждой семьи, то исчислить ее нѣсколько трудно, хотя по нѣкоторымъ точнымъ цифровымъ даннымъ, имѣвшимся у насъ для нѣкоторыхъ деревень, величина ея не особенно велика [1]). Величины въ 42% для производительнаго, 18% полу-производительнаго и 40% непроизводительнаго отличаются нѣсколько отъ цифръ, полученныхъ [2]) для производительныхъ силъ русскаго населенія вообще—46, 14 и 40%. Гораздо легче за то дать тѣ процентныя отношенія, которыя существуютъ между полами въ русскомъ населеніи Южно-Уссурійскаго края. Если въ прежнихъ сухопутныхъ партіяхъ всегда замѣчался извѣстный недостатокъ въ женщинахъ, доходившій для нѣкоторыхъ старыхъ общинъ до 20%, что особенно относится къ казакамъ, перебравшимся въ 1879 году съ береговъ Уссури на Суйфунъ и пограничные увалы, то еще замѣтнѣе выдѣляется неравномѣрное отношеніе между полами среди крестьянъ, переселившихся въ край при нормальныхъ условіяхъ морскимъ путемъ. Во всѣхъ партіяхъ, пришедшихъ моремъ изъ Россіи съ 1883 г., какъ казенныхъ, такъ и своекоштныхъ, замѣчается значительный недостатокъ женщинъ. Въ среднемъ во всѣхъ партіяхъ можно вывести про-

---

[1]) Принимая за производительный возрастъ 20—60 л., полу-производительный 15—20 и 60—70 и непроизводительный 0—15 и болѣе 70 л.

[2]) Г. Розовъ въ своей книгѣ „Кругосвѣтнымъ путемъ изъ Москвы на Амуръ и по Сибири“ даетъ слѣдующія цифры для величины семьи и числа рабочихъ силъ въ этой послѣдней. Въ Ханкейскомъ участкѣ на каждый дворъ приходится въ среднемъ выводѣ 1,82 мужчинъ работниковъ, 1,64 женщинъ-работницъ и 3,68 неспособныхъ къ труду; въ общей сложности въ среднемъ приходится на семью душъ 7,14. Въ Верхне-Уссурійскомъ участкѣ эти цифры будутъ таковыми: 1,84+1,63+3,13=6,60 душъ на семью, въ Суйфунскомъ участкѣ: 2,02+1,82+1,29=5,13, въ Посьетскомъ: 2,24+1,91+2,30=6,55, въ казачьихъ селеніяхъ: 1,98+1,43+3,45=6,86. Матеріаловъ для этихъ выводовъ г. Розовъ не даетъ.

центное отношеніе между полами, такъ что на 100 мужчинъ приходилось всего 90, 68 женщинъ, т. е. что почти на каждые 100 мужчинъ не хватаетъ 10 женщинъ, или говоря иными словами, одна десятая мужчинъ не находитъ и не найдетъ себѣ женъ. Въ частности въ отдѣльныхъ партіяхъ и особенно отдѣльныхъ обществахъ отношеніе это становится еще неблагопріятнѣе. Такъ въ своекоштной партіи 1885 года оно достигало до 82, 93, весенней 86—87, 23, а въ отдѣльныхъ обществахъ, образовавшихъ новыя селенія, даже до 70, 5. Наиболѣе выгодными въ этомъ отношеніи были партіи 1884, 87 и 88 года, и особенно 1883 года, гдѣ отношеніе между мужскимъ и женскимъ элементомъ выражалось 97, 89. Особенной разницы между казенными и своекоштными переселенцами въ этомъ отношеніи не замѣчалось, хотя вообще послѣднія партіи стали составляться выгоднѣе. Причину такого страннаго явленія выяснить довольно трудно, такъ какъ въ Европейской Россіи вообще число женщинъ превышаетъ число мужчинъ, и лишь въ азіатскихъ нашихъ владѣніяхъ перевѣсъ въ общемъ на сторонѣ мужчинъ.

Такъ какъ недостатокъ женщинъ въ каждой данной общинѣ есть уже потеря цѣлаго хозяйства, то мы, вычисляя количество недостающихъ женщинъ для всего числа русскихъ переселенцевъ Южно-Уссурійскаго края, получимъ настоящую экономическую потерю, которой можно было бы избѣгнуть, формируя болѣе правильно партіи переселенцевъ. Къ концу 1889 г. на 13 тысячъ русскихъ поселенцевъ не хватало почти 600 женщинъ, изъ которыхъ каждая могла бы положить основаніе новой семьѣ; количество же въ 500—600 семей выражаетъ средній размѣръ колонизаціоннаго элемента, который можетъ дать переселеніе за два и даже за три года.

Переселенческое Управленіе съ перваго же года колонизаціи морскимъ путемъ замѣтило этотъ недостатокъ въ женщинахъ и потому всѣми силами противилось выпаденію женщинъ изъ семей казеннокоштныхъ переселенцевъ. Запрещено было въ казенныхъ партіяхъ женщинамъ оставаться въ услуженіи въ городахъ, а также выходить замужъ за горожанъ и нижнихъ чиновъ; браки же съ лицами сельскаго сословія не воспрещались даже казеннокоштнымъ переселенцамъ. Старожилы, у которыхъ женщинъ тоже не хватало, въ первый годъ пребыванія каждой новой партіи переселенцевъ, охотно брали у этихъ послѣднихъ всѣхъ взрослыхъ дѣвицъ въ свои деревни; по нѣскольку браковъ совершалось въ самомъ Владивостокѣ во вре-

мя пребыванія еще партіи въ баракахъ. Новоселы охотно отдавали своихъ дѣвицъ въ старыя селенія, желая породниться со старожилами и заручиться ихъ помощью; эти родственныя связи, безъ сомнѣнія, много способствовали сплоченію различныхъ общинъ, часто спорящихъ между собою. Пребываніе осеннихъ партій на зимовкѣ у старожиловъ также способствовало упроченію родственныхъ связей, и не рѣдко новоселъ начиналъ свое молодое хозяйство при солидной поддержкѣ своей новой родни. Позднѣе переселенцы сами убѣждались въ томъ, что, выдавая своихъ дочерей за староселовъ, они тѣмъ самымъ ослабляли свои молодыя общины и поэтому съ теченіемъ времени уже не такъ охотно заключали брачные союзы съ членами другихъ обществъ, стараясь не выпускать своихъ женщинъ за предѣлы своей общины. Какъ мы видѣли, своекоштные 1884 г. сами не отдавали замужъ своихъ дочерей внѣ своего общества, хорошо понимая, что „безъ бабы нѣтъ и двора“ и что сила каждой общины заключается въ женщинѣ, формирующей и укрѣпляющей семью. Переселенческимъ Управленіемъ вообще замѣчено, что экономически болѣе обезпеченные староселы скорѣе находятъ себѣ женъ въ новой партіи, чѣмъ несостоятельные и еще неопредѣлившіеся въ хозяйственномъ отношеніи члены этой послѣдней. По личному опыту мы знаемъ, что въ осенней партіи 1889 г. во время морскаго перехода было замѣчено до 15 паръ между переселенцами, и изъ нихъ соединилось во Владивостокѣ всего 2 или 3. Въ большинствѣ случаевъ отказывали женщины въ виду лучшихъ партій,—лишь въ исключительныхъ случаяхъ мужчины, когда подмѣчали въ дѣвкѣ что-нибудь неладное. „Въ Горячемъ (Красномъ) морѣ, говорилъ мнѣ одинъ переселенецъ, мы сговорились съ одной дѣвкою, а въ Китайскомъ морѣ мы ужь и не смотрѣли другъ на друга; не люба она мнѣ стала, когда подмѣтилъ я, что она заигрываетъ съ французскими матросами“.

Что касается собственно движенія русскаго населенія въ Южно-Уссурійскомъ краю, то годовой нормальный балансъ его вычисляется въ 1,90 % прибыли въ среднемъ для всѣхъ партій прибывшихъ съ 1883 г. переселенцевъ. Хотя для старожиловъ края и нѣтъ такихъ подробныхъ статистическихъ свѣдѣній, какъ для этихъ послѣднихъ, но, судя по нѣкоторымъ даннымъ, можно предполагать, что возростаніе населенія въ старыхъ селахъ идетъ еще болѣе значительно. Гораздо болѣе привыкшіе къ своеобразнымъ климатическимъ условіямъ края,

который уже болѣе половины населенія старыхъ селъ считаетъ своею родиною, сравнительно лучше упрочившіеся и обезпеченные старoселы, разумѣется, должны въ этомъ отношеніи представлять преимущества передъ новыми переселенцами, еще не успѣвшими ни устроиться, ни привыкнуть къ климату страны. Мнѣ кажется, мы не ошибемся, если примемъ годовой приростъ для староселовъ въ 2,20 %, какъ то намъ удалось вычислить для нѣкоторыхъ семей Никольскаго, Камня-Рыболова, Ѳадеевки и Сучана.

Значительно умирали дѣти переселенцевъ во всѣхъ партіяхъ, особенно осеннихъ, тотчасъ по прибытіи во Владивостокъ, во время пребыванія въ баракахъ и разселенія, а также въ первую зиму, которую имъ приходилось выживать въ краю. Жизнь на бивуакахъ въ шалашахъ, которую въ большей или меньшей степени испытываютъ всѣ переселенцы, основывающіе новыя деревни, пока строются ихъ избы, а также зимовка у староселовъ при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ также тяжело отзываются на здоровьи и жизни дѣтей переселенцевъ, какъ и своеобразныя климатическія условія края. Сильную смертность дѣтей въ первый годъ пребыванія въ краю надо поставить въ числѣ главныхъ моментовъ, характеризующихъ движеніе всѣхъ переселенческихъ партій. Когда перемрутъ буквально всѣ слабые и остаются только болѣе здоровые и жизнеспособные, дѣтская, а слѣдовательно и общая, смертность быстро падаетъ, число рожденій выравниваетъ убыль, и обыкновенно со втораго года водворенія партіи въ краѣ уже начинается навѣрное хотя и небольшой приростъ населенія. Мужчинъ умираетъ также относительно больше, чѣмъ женщинъ среди поселенцевъ края, что̀ объясняется, по всей вѣроятности, большею степенью подверженности мужчины всѣмъ невзгодамъ и случайностямъ трудовой жизни.

Въ партіи 1883 года годовая смертность достигала за первый годъ до 7,7%, въ томъ числѣ дѣтская до 6,82%, тогда какъ рождаемость всего около 7,2%, такъ что получилось за годъ небольшое уменьшеніе партіи. Въ партіи 1884 года годовая смертность равнялась за первый годъ 8,3% (дѣтская около 7,0%), рождаемость около 5,0%, что̀ составляетъ общую убыль въ 2,19%.

Въ партіи 1885 года въ первый годъ получилось уменьшеніе въ 1,2%; процентъ умершихъ дѣтей былъ особенно великъ.

Весенняя партія 1886 года за первый годъ дала убыль въ 0,81°|₀.

Осенняя партія 1886 года за первые 6 мѣсяцевъ дала уже 5,2°|₀ убыли, въ томъ числѣ до 5,08°|₀ взрослыхъ, такъ что число работниковъ въ семьяхъ значительно уменьшилось.

Только одна партія 1887 года въ первый же годъ дала приростъ въ 0,75°|₀; всѣ другія начинаютъ давать его лишь со втораго года. Такъ партія 1883 года дала въ 1885 году приростъ на 0,5°|₀,—1884 года въ 1886 году приростъ на 3,3°|₀, 1885 года—приростъ въ 3,09°|₀, 1886 года въ 1888 году—приростъ въ 1,48°|₀ и т. д.

Послѣдующее движеніе населенія въ партіяхъ можно видѣть въ слѣдующей табличкѣ, заимствованной изъ цифровыхъ данныхъ Переселенческаго Управленія.

Естественный приростъ съ 1 апрѣля 1887 года по 1 апрѣля 1888 года:

Партіи	1883 г.	казенныхъ . .	2,00
	1884 „	„ . .	2,31
	1884 „	своекошныхъ .	2,54
	1885 „	казенныхъ . .	3,18
	1885 „	своекошныхъ .	1,45
	1886 „	весенняя. . .	1,45
	1886 „	осенняя . . .	1,29
	1887 „	„ . . .	0,75

Табличка эта, при всей своей неполнотѣ, все-таки показываетъ намъ, что русскіе переселенцы въ Южно-Уссурійскомъ краю, несмотря ни на какія невзгоды, скоро привыкаютъ къ нему, пускаютъ ростки и даютъ новое, постоянно увеличивающееся пополненіе, которое будетъ считать этотъ отдаленный уголокъ Россіи своею родиною, а не чуждою страною.

Для полной картины статики даннаго населенія, надо было бы расположить его по отношенію къ группированію въ большіе или меньшіе центры, а также и размѣщенію его по домамъ. Что касается до этого послѣдняго вопроса, то въ виду того, что переселенческая семья по большей части помѣщается въ одномъ домѣ, число этихъ послѣднихъ соотвѣтствуетъ обыкновенно числу семей; среднее число членовъ семьи поэтому можно принять и за среднее количество людей, помѣщающихся въ одномъ домѣ. Въ виду немногочисленности и небольшой населенности центровъ Южно-Уссурійскаго края, первый вопросъ

для него имѣетъ также небольшое значеніе. Владивостокъ — единственный городъ края, стоитъ слишкомъ отдѣльно отъ всей остальной страны, чтобы вліять замѣтно на экономическія условія страны; всѣ же остальные наиболѣе населенные пункты края представляютъ тѣ же деревни, число жителей которыхъ не превышаетъ нѣсколькихъ сотъ. Въ одномъ Никольскомъ населеніе близко приближается къ тысячѣ, не считая правда еще нѣсколькихъ сотъ солдатъ, стоящихъ въ немъ; во всѣхъ остальныхъ центрахъ края, какъ напр., Анучинѣ, Раздольномъ, Камнѣ-Рыболовѣ и Новокіевскомъ, войска составляютъ значительную часть населенія этихъ послѣднихъ. Между деревнями, число крестьянъ или казаковъ которыхъ превышаетъ значительно сотню, мы укажемъ только на Владиміровку, Покровку, Полтавскую. Барабашеву-Леваду, Жариково, Григоровку, Новожествово, Михайловку, Вознесенское, Воздвиженку, Спассовку, Черниговку, Петровку, Унаши, Платоново-Александровскую станицу и с. Турій Рогъ.

Общее число населенныхъ пунктовъ края, не считая Владивостока, отдѣльныхъ заимковъ, фермъ, одиночныхъ избушекъ и китайскихъ фанзъ, простирается почти до 120, считая и поселенія китайцевъ [1]). Изъ этого числа на долю чисто русскихъ поселеній приходится до 70 крестьянскихъ деревень и 12 казачьихъ станицъ.

Интереснымъ также можетъ быть и отношеніе русскаго населенія къ инородческому, отношеніе весьма непостоянное и измѣняющееся съ каждымъ годомъ. Такъ какъ инородческое сельское населеніе края состоитъ только изъ корейцевъ и манзъ, то мы только по отношенію къ этимъ послѣднимъ и будемъ разсматривать русское сельское населеніе.

До 1866 года, когда въ Южно-Уссурійскомъ краю появилось первое русское селеніе Турій Рогъ, разумѣется, вся страна была болѣе или менѣе занята китайскими и корейскими поселенцами. Въ 1886 г., по свѣдѣніямъ, составленнымъ г. Висленевымъ, манзъ въ Уссурійскомъ краю было около 1 000 челов., переселеніе корейцевъ, начавшееся въ 1863 г., черезъ четыре года, дало уже населеніе почти въ полторы тысячи душъ [2]). На-

---

[1]) Китайскихъ деревень нѣтъ въ краю.

[2]) Корейцы населяли Уссурійскій край съ незапамятныхъ временъ, но изгнанные отсюда манчжурами въ 668 г., они долго не показывались здѣсь, пока въ 1861 г. не разрѣшено было имъ русскими властями переселеніе.

дѣясь, что корейцы способны „образовать со временемъ мирное земледѣльческое населеніе, въ которомъ часто нуждался тогда новый и пустынный край“, мы сами напустили себѣ корейцевъ, какъ впослѣдствіи и манзъ, отъ которыхъ не можемъ избавиться. „Корейцы не оправдали возлагавшихся на нихъ надеждъ (Надаровъ)“. Къ 1870 г. перебѣжало въ наши предѣлы отъ 8—9 тысячъ корейцевъ обоего пола, а въ настоящее время ихъ числится болѣе 10 тысячъ. Еще болѣе за это время увеличилось число манзъ въ Южно-Уссурійскомъ краю, которое къ 1880 г. уже достигало почти 7.000 челов. (въ томъ числѣ во Владивостокѣ жило около 3.000 ч.). Не стѣсняемое до сихъ поръ выселеніе манзъ въ наши предѣлы продолжало увеличиваться, пока мѣстная администрація не приняла мѣръ къ его ограниченію, а увеличеніе русскаго элемента въ краѣ не помѣшало ему, можно сказать, механически. Съ тѣхъ поръ число приходящихъ къ намъ манзъ стало уменьшаться, и за 5 лѣтъ до 1885 г. увеличилось не болѣе, какъ на полторы тысячи человѣкъ. Нынѣ въ краю китайцевъ, считая и живущихъ во Владивостокѣ и бродячихъ манзъ, не превышаетъ десяти тысячъ человѣкъ.

Такимъ образомъ, къ 1881 г., началу болѣе прочной русской колонизаціи Южно-Уссурійскаго края, отношеніе русскаго населенія къ инородческому можно выразить такъ, что на 1 русскаго (не считая войскъ) приходилось по 1,50 корейца и 1,17 китайца; т. е. 2,67 инородца, въ 1885 г. отношеніе это нѣсколько измѣнилось въ пользу русскихъ; на 1 русскаго въ 1885 г. приходилось уже всего около 0,6 корейца и 0,45 китайца, т. е. 1,05 инородецъ, а съ войсками и того менѣе; такимъ образомъ, еще 5 лѣтъ тому назадъ, русскій элементъ начинаетъ преобладать въ Южно-Уссурійскомъ краю. Къ настоящему времени преобладаніе это стало еще замѣтнѣе, и если мы будемъ считать даже одно сельское населеніе, то и тогда нѣкоторый перевѣсъ падетъ на долю этого послѣдняго. Даже допуская число китайцевъ и корейцевъ, живущихъ въ краю, достигающими до 20 тыс. (по 10 тыс. тѣхъ и другихъ), мы получимъ почти одинъ на одинъ русскаго сельчанина и инородца. Если же къ русскому населенію прибавить еще войска и служащихъ съ ихъ семействами, то во всемъ Южно-Уссурійскомъ краю мы будемъ имѣть около 40 тысячъ русскихъ людей, такъ что на двухъ русскихъ придется всего одинъ инородецъ. Это одно уже показываетъ, какой

успѣхъ сдѣлали мы за послѣдніе года въ дѣлѣ колонизаціи этой отдаленнѣйшей нашей окраины.

Хабаровскій съѣздъ свѣдущихъ людей 1885 г., взвѣсивъ и разсмотрѣвъ тщательно всѣ выгоды и невыгоды, представляемыя инородцами края, постановилъ слѣдующее по отношенію къ китайцамъ и корейцамъ Уссурійскаго края [1]).

Въ виду того, что этотъ край долженъ имѣть чисто русскую физіономію, манзовскій элементъ, не способный обрусѣвать и не приносящій особенной пользы странѣ, а только эксплоатирующій ее, „вовсе не желателенъ, и чѣмъ скорѣе манзы сократятся изъ страны, тѣмъ скорѣе она обрусѣетъ. Въ будущемъ наплывъ китайцевъ въ наши предѣлы долженъ быть безусловно воспрещенъ, но что до нѣкотораго времени манзовское населеніе съ извѣстными ограниченіями противъ нынѣшняго его состоянія должно быть терпимо, какъ неизбѣжное зло. Чѣмъ скорѣе мы разстанемся съ этимъ зломъ, тѣмъ для насъ будетъ лучше".

„Хотя китайцы вначалѣ и приносили Южно-Уссурійскому краю пользу, какъ производители хлѣба, но теперь, съ увеличеніемъ здѣсь русскаго элемента, надобность въ нихъ уменьшается изъ года въ годъ; къ тому же и способъ обработки ими почвы совершенно хищническій; они выпахиваютъ почву до того, что на ней перестаетъ даже родиться и трава, послѣ чего они бросаютъ ее и переходятъ на новое мѣсто. Обрусѣвать они тоже не способны, а по всему этому дальнѣйшее переселеніе корейцевъ въ наши предѣлы допускать не слѣдуетъ, а поселившихся раньше не въ далекомъ разстояніи отъ границы слѣдуетъ постепенно выселять внутрь края и разселить ихъ среди русскихъ, приписавъ по нѣскольку дворовъ къ деревнямъ".

Такимъ образомъ, вопросъ объ инородцахъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ поставленъ довольно опредѣленно, и русскому поселенцу не приходится теперь особенно считаться съ ними.

VIII.

Если осѣдлые китайцы края и не живутъ деревнями, а отдѣльными хозяйствами, мызами или фанзами, какъ ихъ здѣсь

[1]) См. Надарова — „Матеріалы къ изученію Уссурійскаго края".

называютъ, то корейцы и русскіе поселенцы наоборотъ любятъ селиться обществами и при томъ по возможности группировать даже эти послѣднія.

Группировка эта обусловливается главнымъ образомъ самымъ физическимъ строеніемъ поверхности Южно-Уссурійскаго края, представляющаго мѣстами удобныя обиталища для цѣлой значительной группы осѣдлаго населенія. Говоря о физическихъ условіяхъ, представляемыхъ страною, мы указывали на эти главнѣйшіе раіоны края, которые самою природою какъ бы предназначены для обитанія человѣка и если до сихъ поръ еще не вполнѣ заняты этимъ послѣднимъ, то единственно вслѣдствіе крайней скудости населенія.

Какъ мы припомнимъ изъ предъидущаго, долины рѣкъ Суйфуна, Сучана, Даубихэ и Лефу, а также степная полоса, идущая къ югу отъ озера Ханки, представляютъ такіе раіоны, годные для осѣдлаго населенія; въ нихъ, какъ показываютъ и отрывочныя археологическія данныя, издревле сидѣло осѣдлое населеніе, занимавшееся земледѣліемъ и достигавшее значительной культуры. Для насъ безразлично, къ какой національности принадлежало оно, такъ какъ это представляетъ до сихъ поръ весьма спорный вопросъ, но мы замѣтимъ только, что остатки древнихъ крѣпостей—городищъ, валовъ, могилищъ, даже дорогъ,—все это указываетъ на значительно и крѣпко сидѣвшее здѣсь населеніе. Русскіе поселенцы, занявшіе тѣ же самые раіоны, были такимъ образомъ на своего рода исторической почвѣ и во всякомъ случаѣ уже отчасти воздѣланной рукой человѣка. Уже въ 668 г. по Р. X., какъ показываютъ изысканія о. о. Палладія и Іакинѳа, Южно-Уссурійскій край, ранѣе занятый народами дикими и некультурными, былъ захваченъ китайцами и манчжурами; подъ ихъ владычествомъ онъ находился почти девять съ половиною столѣтій до 1615 г.; въ это время здѣсь было построено много городовъ, селъ, даже портовъ [1]). Походы Тайцзу въ 1567—1615 г. совершенно разорили и обезлюдили Воцзи, какъ назывался по китайскимъ источникамъ Уссурійскій край. До тѣхъ поръ здѣсь процвѣтали культура и земледѣліе, страна богатѣла, число населенныхъ въ ней мѣстъ увеличивалось. Съ 1615 —1861 г., т. е. почти два съ половиною столѣтія, продолжался періодъ полнаго запустѣнія страны, по которой бродили лишь дикіе орочоны, да

---

[1]) Ѳ. Буссе. Записка Общ. Изученія Амурскаго края, т. I.

бездомные манзы—искатели женьшеня, добыватели соболей и пантовъ. Съ 1861 г., когда край былъ присоединенъ къ Россіи, для него началась новая эра, которая приведетъ его, по всей вѣроятности, къ процвѣтанію въ десять разъ болѣе значительному, чѣмъ во времена династій Бохай и Чинь.

Отъ всей значительной древней культуры края, гдѣ еще въ періодъ 1114—1234 г. введены были всѣ государственныя учрежденія Китая, къ приходу русскихъ переселенцевъ, помимо археологическихъ памятниковъ, остались лишь слѣды дорогъ, проведенныхъ по всему краю, и очищенные отъ лѣса рѣчные и степные раіоны, вполнѣ годные для культуры, но уже достаточно истощенные древними земледѣльцами. Тонкій слой чернозема, покрывающій самые лучшіе раіоны края, обязанъ неразумному истощенію почвы земледѣльцамъ китайской культуры, которые только брали отъ земли, не давая ей ничего, какъ то̀ дѣлаютъ доселѣ осѣдлые корейцы и манзы. На долю русскаго человѣка осталось лишь немного готовыхъ неистощенныхъ еще вполнѣ участковъ земли, но онъ найдетъ еще не мало пригодныхъ для земледѣлія уголковъ, если подниметъ новины, завоевавъ ихъ отъ тайги и зарослей высокой травы. Гораздо болѣе пользы осталось для русскаго поселенца отъ древней культуры края въ видѣ многочисленныхъ дорогъ, извѣстныхъ подъ именемъ манзовскихъ тропокъ и пересѣкающихъ всю страну даже въ самыхъ глухихъ таёжныхъ ея уголкахъ. Правда, огромное большинство ихъ, представлявшее прежде, какъ показываютъ археологическія данныя, даже проѣзжія дороги, теперь заросшія травою и заглушенныя тайгою, превратилось въ охотничьи и звѣровыя тропы, но и въ такомъ видѣ онѣ послужили много для новаго русскаго населенія, которое нашло въ этихъ тропахъ, пробитыхъ невѣдомою пятою, цѣлую сѣть артерій, перекрещивающую дикую и не населенную страну. Нѣкоторыя изъ этихъ тропокъ легко затѣмъ, въ нѣсколько лѣтъ употребленія, превращены были нашими переселенцами въ настоящія проѣзжія колесныя дороги (какъ напр. отъ Цимухэ по берегу Уссурійскаго залива на Сучанъ), другія еще ожидаютъ своей очереди; Южно-Уссурійскій край скоро искрестится порядочными дорогами, которыя всѣ лягутъ по узкой линіи манзонскихъ тропъ.

Четыре раіона, омываемые системами значительнѣйшихъ рѣкъ края, Суйфуна, Лефу, Даубихэ и Сучана, служившіе издревле главнымъ сѣдалищемъ первобытныхъ обитателей края,

представляютъ и въ настоящее время главные центры русской колонизаціи всей Уссурійской страны. Къ этимъ большимъ раіонамъ мы можемъ прибавить еще нѣсколько менѣе значительныхъ, какъ бассейнъ р. р. Мо, Майхэ, Вайфудина, Сантахезы и др., находящихся въ ближайшей связи съ величайшими бассейнами края. Первичный планъ колонизаціи, созданный искусственно, былъ поправленъ практикою дѣла, и русское пришлое населеніе заняло край не по порядку намѣченныхъ категорій мѣстъ, а по естественному значенію тѣхъ или другихъ раіоновъ края.

Бассейнъ Суйфуна, какъ самый удобный и наиболѣе плодородный раіонъ всего края, ранѣе другихъ былъ занятъ свободными русскими поселенцами и населенъ въ настоящее время гуще, чѣмъ вся остальная страна. Помимо большихъ центровъ Никольскаго, Раздольнаго и Полтавской, здѣсь расположились еще крестьянскія села: Покровка, Михайловка, Борисовка, Воздвиженка, Струговка, Естриговка, Глуховка, Раковка, Нѣжино, Городечня, Тереховка, Рѣчное и нѣсколько выселковъ по преимуществу заимки с. Никольскаго, а также казачьи станицы: Ѳадеевка, Константиновка и Алексѣе-Никольская. О корейскихъ деревняхъ, расположенныхъ здѣсь, мы уже не будемъ и упоминать, хотя онѣ и занимаютъ одни изъ самыхъ лучшихъ мѣстъ по Суйфуну.

Бассейнъ Лефу послѣ Суйфунскаго занимаетъ первое мѣсто по численности и густотѣ русскаго населенія; въ верховьяхъ своихъ онъ соприкасается близко съ раіономъ Суйфуна, такъ что лишь небольшой перевалъ, уже занятый русскими поселеніями, отдѣляетъ оба главнѣйшіе центра русскаго населенія, прикрывающаго большой почтовый трактъ отъ Владивостока въ Камень-Рыболовъ—главную артерію страны. Большія деревни: Черниговка, Монастырище, Ляличи, Халкидонъ, Кремово, Новожестково, Григоровка, Вознесенка, Павловка, Дмитровка, Осиновка, Ширяевка, Ивановка, Николаевка и станица Благодатная составляютъ раіонъ, населеніе котораго не уступаетъ Суйфунскому, если не превосходитъ его.

Сѣверо-западный уголокъ Южно-Уссурійскаго края, остающійся между Суйфуномъ, Лефу, оз. Ханкою и границею, орошается двумя значительными рѣками Мо и Сіенхо, на которыхъ также издавна поселились русскіе колонисты. Старая деревня Ильинская и станица Коммисаровская стали на р. Сіенхо, а д. Барабашева-Левада—на ея притокѣ Пейге. По р.

Мо и ея притокамъ расположились деревни: Дѣвица, Жариково, Смячи, Поповка и казачьи станицы: Богуславская, Нестеровка, Барановка и Софья-Алексѣевская. Внѣ этихъ большихъ раіоновъ стали лишь села: Турій Рогъ, Троицкое, Камень-Рыболовъ, станица Платоно-Александровская и деревни: Усачи и Астраханка, расположенныя по западному берегу оз. Ханки и д. Новоселщино между Сіенхо и р. Мо.

Сѣверо-восточный уголокъ края между бассейномъ Лефу, теченіемъ Даубихэ и оз. Ханкою, представляющій также очень много удобныхъ мѣстъ для земледѣлія, сталъ заниматься недавно нашими поселенцами, осѣвшими по р. р. Сантахе-зю и Дмитровкѣ, впадающимъ въ Ханку. Тутъ стали большія села: Прохоровка и Спасское, а также деревни: Дмитровка, Извѣстка и Алтыновка (основанная лишь въ началѣ этого года). Раіонъ по верхнему Уссури или Даубихэ, несмотря на свое значительное протяженіе и многія удобства для заселенія, пока еще занятъ сравнительно немногими русскими селеніями. Помимо чисто военнаго урочища Анучина, мы встрѣчаемъ тутъ только деревни: Варваровку, Гордѣевку и Петропавловку.

Выше Варваровки долина Даубихэ почти вовсе не населена [1]), хотя и представляетъ еще удобныя урочища. Глухая тайга идетъ по верховьямъ Даубихэ, подходящимъ близко къ верховьямъ Сучана—настоящей русской рѣки. Черезъ эту тайгу, извѣстную лишь охотникамъ, да бродячимъ манзамъ, русскіе поселенцы Варваровки не сообщаются вовсе съ земляками, живущими на Сучанѣ. Дикій перевалъ черезъ крутые массивы Сихэтэ-Алиня всегда будетъ мѣшать этому сообщенію и разъединять оба значительные района русской колонизаціи. Долина Сучана населена гораздо гуще, чѣмъ берега Даубихэ; здѣсь, сравнительно на небольшомъ протяженіи, лежатъ русскія поселенія: Фроловка, Новицкое, Перетено, Унаши, Владиміровка, Александровка, Голубовка и Екатериновка. Если прибавить сюда еще корейцевъ, живущихъ на Пинсау, можно повѣрить, что здѣсь становится тѣсно, и новымъ поселенцамъ не находится мѣста. Долина Сучана черезъ р. Сицу (Сучу — нашихъ поселенцевъ), небольшой перевалъ и долина Цимухэ сообщаются съ большимъ селомъ Шкотовымъ, стоящимъ въ углу Уссурійскаго залива. На этомъ пути уже осѣли старовѣры, занявшіе фанзу на Сицѣ; слѣдующіе поселенцы, вѣроятно, сядутъ по Цимухэ на шкотовскихъ угодьяхъ, и Сучанъ соеди-

1) Если не считать нѣсколькихъ китайскихъ фанзъ.

нится на сѣверѣ съ группою русскихъ селеній, стоящихъ на р. Майхэ, какъ соединился онъ уже на югѣ линіею русскихъ деревень, ставшихъ по рѣкамъ, впадающимъ въ бухты залива Петра Великаго. Таковы деревни: Рѣчица, Романовка и Новонѣжино на Конгоузѣ, Царевка на р. Чуманзы, Петровка на Шидухэ, урочище Тинканъ въ заливѣ „Стрѣлокъ", и Литовское въ устьяхъ Таудіеми. Село Шкотово, вмѣстѣ съ селеніями, расположенными по р. Майхэ, деревнями Майхинскою, Многоудобнымъ и Новокотуничи является также небольшимъ центромъ русскаго населенія, который черезъ небольшой перевалъ, раздѣляющій верховья Майхэ и системы Лефу, скоро войдетъ въ близкую связь съ обоими значительнѣйшими районами края, долинами Суйфуна и Лефу.

Совершенно одиноко стоятъ пока, да, по всей вѣроятности, и на долгое время, небольшія русскія селенія на р. Авакумовкѣ или Вайфудзинѣ: постъ св. Ольги, Пермская и деревня Новинка. Помимо парохода, посѣщающаго разъ въ недѣлю заливъ св. Ольги, этотъ самый затерянный уголокъ края сообщается съ Владивостокомъ и Сучаномъ черезъ небольшую вьючную тропу, идущую отъ Владивостока по морскому прибрежью на протяженіи нѣсколькихъ сотъ верстъ.

Юговосточный участокъ Южно-Уссурійскаго края между Суйфуномъ, границею и моремъ, не представляетъ вовсе никакой группировки русскихъ селеній. Сѣверный отрѣзокъ, идущій къ югу отъ Суйфуна до параллели устья этого послѣдняго, пока не занятъ ни однимъ русскимъ или даже корейскимъ поселкомъ. Всѣ селенія, какъ русскія, такъ и корейскія, подошли ближе къ заливамъ Посьета и Амурскому и стали на рѣченкахъ, впадающихъ въ эти послѣдніе. Такъ какъ въ Посьетскомъ участкѣ сосредоточена бо́льшая часть корейскихъ поселеній края, то собственно русскихъ деревень тутъ насчитывается немного. Занадворка на Амбабирѣ, Богословка, Теребиловка и Попова Гора на Мангугаѣ, урочище Новокіевское въ заливѣ Посьета и ферма Янковскаго въ заливѣ Славянскомъ—вотъ почти и всѣ урочища, занятыя русскими въ Посьетскомъ участкѣ, если не считать еще военныхъ постовъ и пограничныхъ карантиновъ.

Одною изъ особенностей такого расположенія русскихъ поселеній въ Южно-Уссурійскомъ краѣ является то оригинальное обстоятельство, что единственный городъ края, Владивостокъ, стоитъ совершенно изолированъ, и вблизи его, ближе

60 верстъ, нѣтъ ни одного другаго населеннаго пункта. Это отражается, разумѣется, не только на экономической жизни города, нерѣдко страдающаго отъ недостатка тѣхъ или другихъ сельскихъ продуктовъ, но и на экономіи края, лишеннаго единственнаго большаго рынка для сбыта этихъ послѣднихъ. Владивостокъ, сдѣланный крѣпостью съ 30-го августа 1889 года, стоитъ совершенно одиноко на полуостровѣ Муравьевѣ-Амурскомъ, и даже большой почтовый трактъ, соединяющій его со всѣмъ краемъ и черезъ него со всею Сибирью, до самаго Раздольнаго, не касается ни одного селенія; всѣ станціи его, кромѣ Раздольнаго, Никольскаго и Михайловки, представляются одинокими почтовыми домиками, возлѣ которыхъ не ютится даже нѣсколькихъ избушекъ поселенцевъ. Не мудрено, поэтому, что на второй станціи отъ Владивостока, носящей громкое названіе Тигровой, нерѣдко тигры пугаютъ проѣзжающихъ на самомъ трактѣ, а на пустынныхъ увалахъ „вольной степи", идущей за Михайловкою, путникъ можетъ стрѣлять дрофъ чуть не съ самаго тарантаса. Большой почтовый трактъ проходитъ словно по краю, совершенно обезлюденному, покрытому только лѣсами и пустырями, и путникъ выноситъ общее впечатлѣніе пустыни не только о дорогѣ, но и самой странѣ. Правда, общая населенность Южно-Уссурійскаго края не особенно велика, всего около 36—37 душъ на одну квадратную милю, но все-таки многія мѣста Сибири въ десять разъ населены слабѣе, и тѣмъ не менѣе, тамъ, гдѣ почти всѣ селенія и поселки даже вытягиваются по линіи почтоваго тракта, впечатлѣніе получается гораздо болѣе выгодное, чѣмъ на пути изъ Владивостока до Камня-Рыболова, не говоря уже о другихъ дорогахъ края.

Помимо тѣхъ многочисленныхъ манзовскихъ тропъ, которыя соединяютъ всѣ урочища края, въ этомъ послѣднемъ существуетъ уже нѣсколько сравнительно большихъ дорогъ между главнѣйшими центрами края. Не говоря уже о почтовомъ трактѣ, продолжающемся до с. Турьяго Рога (265 в.) [1]), мы имѣемъ въ Южно-Уссурійскомъ краю слѣдующія колесныя дороги: 1) отъ Раздольнаго въ заливъ Посьета (170 в.), 2) отъ Михайловки въ Анучино и Лазареву (150 в.), 3) отъ Камня-Рыболова въ Казачину до урочища Атамановскаго (80 в.) черезъ Жариково; 4) отсюда черезъ Барановку, Софья-Алексѣев-

[1]) До 1880 г. въ предѣлахъ края была единственная колесная дорога—путь отъ Турьяго Рога до Никольскаго на протяженіи 165 в.

скую и Өадеевку въ Полтавскую (около 75 в.), 5) отъ Благодатной черезъ Халкидонъ, Черниговку въ Спасскую (80 в.); 6) отъ Никольскаго по Суйфуну въ Полтавскую (60 в.); 7) отъ Богословки къ Мангугайскому карауду (30 в.); 8) отъ Новокіевскаго до границы (25 в.); 9) отъ бухты Экспедиціи до Хунгунскаго караула (20 в.); 10) отъ Шкотова на Многоудобное (25 в.); 11) отъ Шкотова черезъ Петровку, Тинканъ и Литовское на Сучанъ (100 в.); 12) отъ Владиміровки до Фроловки (50 в.); 13) отъ Шкотовой до станціи Подгородной (40 в.). Всего колесныхъ дорогъ въ краю къ 1-му января 1890 г. имѣется свыше 1.200 в. „Кромѣ того, почти между всѣми деревнями новоселовъ имѣются дороги, по которымъ можно иногда ѣздить на колесахъ". Большинство этихъ дорогъ, какъ мы говорили впереди, прокладывается по такъ называемымъ манзовскимъ тропамъ нашими поселенцами при водвореніи ихъ въ краю, „надо видѣть, говоритъ г. Надаровъ, какъ переселенцы, направляясь къ избранному мѣсту, прокладываютъ новые пути. Въ одну повозку запрягаютъ по двѣ пары воловъ и по три лошади, дѣлая при этихъ условіяхъ 10—15 верстъ въ день. На слѣдующій годъ по этой дорогѣ ѣздятъ уже на одной парѣ воловъ, кое-гдѣ появляются канавы, мостики, а на третій годъ дорога оказывается уже вполнѣ сносною для движенія даже на одной лошади". За послѣднее время мѣстная администрація края рѣшила повидимому пользоваться даровымъ трудомъ корейцевъ и манзовъ, для проложенія нѣкоторыхъ необходимыхъ дорогъ въ краю. Такъ на моихъ глазахъ осенью прошедшаго года пролагалась черезъ тайгу прекрасная колесная дорога на протяженіи 40 в. отъ Шкотова до Ланчихэ (Подгородной) партіею корейцевъ въ нѣсколько сотъ, согнанныхъ со всѣхъ деревень. Великаны лѣса были повалены по обѣимъ сторонамъ пролагаемаго пути, образуя цѣлыя стѣны, топоръ и огонь прорѣзали дорогу въ тайгѣ, гдѣ доселѣ таились лишь дикіе звѣри; довольно хорошо сравненное полотно, канавки по сторонамъ и деревянные мостики черезъ ручейки—все это было сработано хорошо и прочно простыми корейцами безъ всякаго участія инженеровъ и притомъ не стоило краю ничего.

Самый видъ русскихъ поселеній Южно - Уссурійскаго края не представляетъ ничего отличнаго отъ деревень южной и средней полосы Россіи. Такъ какъ постройка бревенчатой избы или глиняной мазанки обусловливается чаще характеромъ

и привычками переселенцевъ, чѣмъ обиліемъ или недостаткомъ лѣса въ данной мѣстности, то при одномъ бѣгломъ взглядѣ на ту или другую деревню края можно опредѣлить сразу, изъ какой полосы Россіи вышли поселенцы, основавшіе ихъ. Житель сѣверныхъ и среднихъ губерній, привыкшій на родинѣ жить въ срубленной избѣ, строитъ таковую же и на мѣстѣ новаго поселенія, во что бы то ни стало; выходецъ южныхъ губерній, не знающій другаго жилья кромѣ мазанки, лѣпитъ эту послѣднюю даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ ему не особенно трудно было бы достать даже строеваго лѣса. Какъ мы говорили выше, херсонцы первые въ краѣ начали строить весьма пригодные здѣсь сырцовые дома, но до сихъ поръ примѣръ ихъ не нашелъ еще подражанія. Ceteris paribus нельзя отрицать и того, что большая или меньшая близость лѣса вліяетъ также на типъ деревни даннаго раіона края, но все-таки первая причина всегда важнѣе второй. На Сучанѣ только деревни Фроловка и Унаши, да отчасти Владиміровка состоятъ изъ бревенчатыхъ избъ, всѣ другія—изъ мазанокъ. Правда, двѣ первыя деревни находятся сравнительно ближе къ строевому лѣсу, чѣмъ всѣ остальныя, все-таки достать бревно здѣсь не трудно, еслибы кто захотѣлъ. Позднѣйшіе переселенцы, пришедшіе изъ бревенчатыхъ избъ Россіи, нашли возможнымъ поставить эти послѣднія и на Сучанѣ. Большинство жилищъ казаковъ построено также изъ лѣса, такъ какъ эти послѣдніе, придя съ лѣсистаго Уссури, не знали другаго рода жилищъ. Шкотово, Петровка, Многоудобное, Рѣчица, правда, стоящія недалеко отъ хорошаго лѣса, обстроены также избами. Всѣ деревни степной полосы, по р. Мо, по берегамъ озера Ханки и отчасти на Лефу, представляютъ наоборотъ мазанки. На Суйфунѣ—деревни смѣшаннаго характера, хотя преобладаютъ мазанки. Въ общемъ въ краѣ этихъ послѣднихъ пожалуй даже болѣе, чѣмъ избъ, потому что и выходцевъ изъ южной полосы Россіи болѣе, чѣмъ среднихъ и сѣверныхъ губерній. Никольское и Раздольное, какъ и Камень-Рыболовъ, составляютъ довольно убогія мазанки. Владивостокъ, наоборотъ, построенъ чуть не исключительно только изъ деревянныхъ домовъ. Каменныя зданія—рѣдкость въ краѣ; даже въ столицѣ его число этихъ послѣднихъ едва-ли превышаетъ десятокъ; каменныя только казармы въ Никольскомъ, Раздольномъ, Новокіевскомъ.

Г. Розовъ сообщаетъ нѣсколько интересныхъ данныхъ и относительно сравнительнаго количества хозяйственныхъ зданій у

казаковъ и крестьянъ Южно-Уссурійскаго края. „Въ среднемъ выводѣ, говоритъ онъ, на каждый дворъ жилыхъ строеній у казаковъ—1,11, у крестьянъ—1,09, амбаровъ у первыхъ—0,48, у вторыхъ — 0,39, мельницъ у казаковъ — 27, у крестьянъ только 20 (для одного Хинкайскаго участка)". Это объясняется между прочимъ и тѣмъ, что крестьяне позже казаковъ поселились въ краѣ. Въ Никольскомъ почти всѣ домохозяева имѣютъ свои хутора-заимки. Въ общемъ жилища казаковъ отличаются уютностью, чистотою, чего нельзя сказать о большинствѣ крестьянскихъ мазанокъ и избъ. Въ хозяйственномъ отношеніи не только казаки, но и корейцы обставлены лучше, чѣмъ поселенцы; на дворѣ корейцевъ всегда находятся теплыя конюшни и хлѣва, птичники, конныя мельницы и др. хозяйственныя приспособленія.

Какъ общую характеристику русскихъ селеній Южно-Уссурійскаго края, слѣдуетъ отмѣтить почти совершенное отсутствіе въ нихъ зелени и садовъ, придающихъ такой идиллическій видъ большинству деревень какъ сѣверной, такъ и южной Россіи. Часто въѣзжая въ тѣ или другія села края и встрѣчая знакомыя группы бревенчатыхъ избъ или мазанокъ, я переносился вольною мыслью на поле и степи родины, забывая, что нахожусь не въ Малороссіи, а въ глубинѣ русской Манчжуріи, но скоро эта бѣднота и пустынность обстановки отнимала всякую иллюзію и ворочала къ печальной дѣйствительности. Грустный и унылый видъ, благодаря одному недостатку зелени, имѣютъ даже такіе значительные центры края, какъ Никольское, Камень-Рыболовъ, Григоровка, Жариково и др. Эти группы убогихъ избъ или еще болѣе жалкихъ мазанокъ, часто не прикрашенныхъ даже заборами или оградою, лишенныя надворныхъ строеній, воротъ, амбаровъ и др. аксессуаровъ, придающихъ такую полноту деревенской обстановкѣ, производятъ самое печальное впечатлѣніе. Надо удивляться, почему даже малороссы, такъ любящіе всякую зелень и цвѣты передъ своими мазанками на родинѣ, не насадили въ огромномъ большинствѣ даже кустика на мѣстѣ новаго поселенія, которое часто представляется настоящимъ кочевьемъ среди песчаной пустыни. Надо думать впрочемъ, что главною причиною тому служитъ еще недавнее водвореніе поселенцевъ въ краѣ, которымъ на первое время, разумѣется, не до садовъ или цвѣтовъ. Поселенія болѣе старыя (самому древнему не болѣе 25 лѣтъ) начали уже обзаводиться небольшими садами. Таковы

напр. деревни на берегу озера Ханки, гдѣ разводятъ уже сливу; у жителей Никольскаго есть также небольшіе палисаднички съ кустовыми ягодниками; то же можно сказать и о нѣкоторыхъ казачьихъ станицахъ.

Помимо сего, въ Южно-Уссурійскомъ краѣ есть еще одинъ родъ русскихъ поселеній въ видѣ отдѣльныхъ усадьбъ, фермъ или мызъ, но объ нихъ мы будемъ говорить нѣсколько впереди.

Какъ ни малочисленны сравнительно всѣ эти русскія поселенія въ краѣ, но все-таки они составляютъ уже и въ настоящее время такую прочную сѣть, которой отдѣльныя части связаны крѣпко между собою. Съ каждымъ годомъ заполняются промежутки этой сѣти, крѣпче затягивается она, раскидываясь по уваламъ и самой тайгѣ, и не совсѣмъ ладно чувствуютъ уже себя попавшіеся въ эту сѣть корейцы и китайцы, еще недавно считавшіе себя чуть не единственными хозяевами края. Разростающееся русское населеніе гонитъ инородцевъ съ насиженныхъ ими мѣстъ уже однимъ своимъ появленіемъ, и смущающіе край вопросы о китайцахъ и корейцахъ исчезнутъ сами собою, какъ только еще гуще и крѣпче будетъ сѣть русскихъ поселеній въ Южно-Уссурійскомъ краѣ. Рѣшеніе этихъ вопросовъ наступитъ еще скорѣе, если на помощь русскимъ селеніямъ и станицамъ явятся русскія фермы и отдѣльныя хозяйства, которыхъ сѣть можетъ быть еще гуще и плотнѣе.

IX.

Вопросъ этотъ, безъ сомнѣнія, является однимъ изъ самыхъ интереснѣйшихъ съ точки зрѣнія результатовъ русской колонизаціи Южно-Уссурійскаго края, но, къ сожалѣнію, у насъ подъ руками имѣется немного матеріаловъ для всесторонняго его разсмотрѣнія. Если еще относительно переселенческихъ партій, прибывшихъ въ 1883 г., мы находимъ цѣнныя статистическія свѣдѣнія въ отчетахъ Переселенческаго Управленія, то относительно староселовъ и казаковъ (правда составляющихъ всего около одной трети всего русскаго сельскаго населенія края) у насъ нѣтъ ровно никакихъ данныхъ, исключая отрывочныхъ свѣдѣній, собранныхъ при объѣздѣ края.

Какъ мы говорили впереди, изъ 76 тыс. кв. верстъ или

8 мил. десятинъ, занимаемыхъ краемъ, не менѣе четверти, т. е. 2 мил. десятинъ, болѣе или менѣе годной для земледѣлія и веденія того или другаго рода сельскаго хозяйства вообще. Изъ этого огромнаго количества земель распахано и занято посѣвами не болѣе 27—30 тыс. десятинъ, считая тутъ и участки, занятые корейцами и манзами. Земли такимъ образомъ остается еще много, но жалобы переселенцевъ на недостатокъ земли уже начинаются и ведутся не первый годъ. Къ счастью, этотъ недостатокъ только относительный, а не абсолютный, и онъ выравняется самъ собою. Дѣло въ томъ, что нашъ поселенецъ, по большей части полтавскій и черниговскій мужичекъ, сидѣвшій у себя на родинѣ на 3—5 десятинахъ и прослышавшій о ста десятинахъ, которыя даются на семью въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, гдѣ хлѣбъ самъ собою родится, добравшись до этого благодатнаго Эльдорадо, потребовалъ обѣщанныхъ сотни десятинъ. Земли достаточно, и каждому переселенцу даже можно было бы нарѣзать и вдвое болѣе, да дѣло въ томъ, что надѣла этого дать нельзя во всякомъ данномъ мѣстѣ, на какое благоугодно будетъ указать добровольному селящемуся, гдѣ угодно, переселенцу. Какъ мы знаемъ изъ опыта послѣдней партіи (осенней 1889 г.), ходоки, думая, что они чуть не первые занимаютъ страну, присматриваютъ ближайшія и удобнѣйшія къ городу или другимъ центрамъ поселенія угодія, забывая при томъ, что эти послѣднія уже могутъ быть занятыми болѣе ихъ ранними поселенцами. Прежде всего ходоки бросаются къ Никольскому и на Суйфунъ; земли тутъ уже давно поразобраны и хотя невоздѣланною остается чуть не бóльшая часть, но крестьяне Никольскаго и др. русскихъ деревень, которымъ принадлежатъ эти участки, даромъ своей земли не отдадутъ и за приписку къ своему обществу, а слѣдовательно и за пользованіе этой послѣдней возьмутъ рублей сто, какъ это и было въ 1889 г. Точно также лучшія земли разобраны и на Лефу, и особенно на Сучанѣ, гдѣ и настоящимъ поселенцамъ уже становится такъ тѣсно, что пожалуй скоро придется выселяться. Разумѣется, ни въ одномъ изъ такихъ раіоновъ нарѣзать ста десятинъ на семью новаго переселенца нельзя, хотя, разумѣется, и на это плакаться и жаловаться можно. Такъ какъ наиудобнѣйшія и, можно сказать, приготовленныя самою природою земли такъ или иначе поразобраны прежними переселенцами, то новымъ приходится садиться на мѣстахъ, часто еще сохранившихъ свою дѣвственную почву, а потому и требующихъ болѣе

значительнаго труда. Такъ какъ эти мѣста по большей части выбираются на рѣчныхъ долинахъ, которыя не особенно широки и притомъ стѣснены часто увалами или заняты болотами, то, разумѣется, что и на этихъ новыхъ мѣстахъ для десятковъ семей нельзя нарѣзать по сту десятинъ хорошей ровной земли, и по неволѣ приходится давать и землю, занятую увалами, болотами и тайгою. Нашъ крестьянинъ не любитъ селиться отдѣльными семьями, а цѣлыми обществами, а потому водвореніе каждаго изъ этихъ послѣднихъ предполагаетъ готовыми уже нѣсколько тысячъ десятинъ равныхъ земель въ томъ или другомъ уголкѣ края. Такихъ участковъ, вмѣщающихъ тысячи десятинъ хорошей земли въ одномъ мѣстѣ, разумѣется, немного въ такой альпійской странѣ, какъ Южно-Уссурійскій край, тогда какъ участковъ въ нѣсколько сотъ десятинъ можно насчитать цѣлыя тысячи, на которыхъ можно посадить болѣе десятка тысячъ семей, но небольшими деревнями въ нѣсколько десятковъ или даже сотъ дворовъ, а маленькими поселками въ двѣ, три или четыре семьи. Еще болѣе въ краю участковъ, представляющихъ вполнѣ годную для земледѣлія почву на пространствѣ меньшемъ одной или двухъ сотенъ десятинъ, каковы многія пади и лога, но о такихъ участкахъ, чрезвычайно удобныхъ для веденія отдѣльнаго хозяйства, мы пока не будемъ и говорить. Такимъ образомъ недостатокъ земли въ Южно-Уссурійскомъ краю относительный и зависитъ болѣе отъ излишнихъ требованій переселенцевъ, чѣмъ отъ дѣйствительнаго недостатка угодій. „Чего нарѣзали намъ тайги, да горы, говорятъ во многихъ мѣстахъ переселенцы, обѣщали сто десятинъ ровной земли, а дали одни камни, да увалы, и десяти десятинъ путныхъ не наберется“. Жалоба была бы и справедливая, еслибы переселенецъ не выбиралъ самъ себѣ мѣста и не требовалъ, чтобы его водворили здѣсь, а не въ другомъ урочищѣ; кто же виноватъ, что въ данномъ мѣстѣ нельзя нарѣзать по сту десятинъ десятку другому семей хорошей ровной земли, тогда какъ въ тайгѣ надѣлы можно дать и по тысячѣ десятинъ. Насколько я замѣтилъ, наши переселенцы въ Южно-Уссурійскомъ краѣ постоянно жалуются и печалуются на свое житье-бытье даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имъ живется даже не сравнительно хорошо. Эта черта какъ-то свойственнѣе нашему крестьянину, особенно переселенцу, и къ жалобамъ его надо относиться осторожно. Нѣсколько далѣе мы покажемъ, что у насъ есть данныя думать, что нашему пересе-

ленцу въ большинствѣ случаевъ живется не дурно въ Южно-Уссурійскомъ краю и что благосостояніе его постепенно возростаетъ. На недостатокъ земли всего менѣе приходится жаловаться, потому что ея не хватаетъ только тамъ, гдѣ и безъ того населеніе довольно густо. Вообще, въ краѣ есть мѣсто еще для нѣсколькихъ десятковъ тысячъ семей, особенно если онѣ не будутъ требовательны, какъ нѣкоторые изъ современныхъ переселенцевъ, недовольныхъ даже лучшими участками края лишь потому, что вблизи ихъ нѣтъ ни города, ни рынка для сбыта продуктовъ, ни хорошихъ дорогъ, ни церкви, ни школы, ни больницы... Для такихъ требовательныхъ переселенцевъ дѣйствительно недостаетъ мѣста въ краѣ.

Сравнивая постоянно количество требуемыхъ ста десятинъ на семью съ количествомъ поднятыхъ и распаханныхъ, я убѣждался не разъ, насколько излишни и вредны даже эти неумѣренныя требованія. Распахать сто десятинъ земли, особенно новины, требуетъ много рабочихъ рукъ, а гдѣ достать ихъ, когда переселенческая семья состоитъ въ среднемъ изъ 5—6 душъ, считая и малолѣтнихъ, а наемъ рабочихъ, даже манзъ стоитъ значительныя деньги, которыхъ нѣтъ у большинства переселенцевъ. Вотъ цифры, выражающія количество десятинъ, занятыхъ различными посѣвами у обитателей различныхъ категорій. Въ среднемъ для всѣхъ сельскихъ обитателей Южно-Уссурійскаго края, считая и инородцевъ, приходится всего 0,88 дес. на душу мужскую и женскую; у крестьянъ-старожиловъ — запашки на каждый дворъ—8,39 дес., у казаковъ—7,21, у корейцевъ—5,80, у крестьянъ-новоселовъ (переселившихся въ 1880 г.)—4,56. У манзовъ Сучанскаго участка, по свѣдѣніямъ, собраннымъ нами, количество запаханныхъ десятинъ еще болѣе, но такъ какъ они не образуютъ настоящихъ семей, а лишь хозяйства съ извѣстнымъ количествомъ рабочихъ, то ихъ нельзя и сравнивать по отношенію къ запашкѣ, дѣлаемой русскими и корейскими поселенцами.

До переселенческихъ партій, прибывшихъ морскимъ путемъ, въ историческомъ очеркѣ мы приводили нѣсколько разъ цифры, выражавшія количество запаханныхъ десятинъ на душу для того, чтобы дать понятіе о степени, достигнутой тою или другою партіею въ первый же годъ пребыванія ея въ краю. Въ 1888 г. Переселенческимъ Управленіемъ собраны были довольно точныя цифры, выражающія количество запаханной земли для всѣхъ партій, прибывшихъ съ 1883 г. Нижеслѣ-

дующую табличку мы заимствуемъ изъ отчета Управленія за 1888 г. Въ 1888 году было запахано:

У партій казенныхъ. Число десятинъ на душу.	Годы.	У партій своекоштныхъ. Число десятинъ на душу.
0,98	1883	—
0,72	1884	1,12
0,83	1885	0,98
—	1886 вес.	0,85
—	1886 осен.	0,76
—	1887	0,78
—	1888	0,51

Партіи своекоштныхъ такимъ образомъ уже по одному количеству запаханной земли стоятъ гораздо выше казеннокоштныхъ и обгоняютъ ихъ на годъ и даже на два, несмотря на то, что эти послѣднія всѣмъ были обезпечены отъ казны. Такъ своекоштныя партіи 1886 и 1887 г. уже въ первый годъ своего пребыванія въ краѣ обогнали казенныхъ переселенцевъ 1883 г. Въ 1886 году своекоштные также опередили казенныхъ почти на 3 года по величинѣ запашки, такъ какъ партія 1885 года уже черезъ годъ своего пребыванія обработала 0,86 дес. на душу, въ то время какъ казенные переселенцы съ 1883 года запахали всего 0,89 дес.

Точно также отстаютъ казенные переселенцы отъ своекоштныхъ и по степени обзаведенія скотомъ, несмотря на то, что они получаютъ этотъ послѣдній натурою или деньгами. Такъ въ 1886 г. казенныя партіи 83, 84 и 85 годовъ имѣли въ среднемъ всего 3; 2 2, и 2, 4 головы рабочаго скота на хозяйство, тогда какъ своекоштные 84, 85 и 86 годовъ имѣли уже 3, 6; 3, 2 и 2, 9 головы въ среднемъ на семью, т. е. опять почти на три года обогнали казенныхъ. Еще замѣтнѣе эта разница стала въ 1888 году, когда даже послѣднія партіи своекоштныхъ по отношенію по обзаведенію скотомъ догоняли казенныхъ.

Такъ въ 1888 г. число головъ рабочаго скота на хозяйство въ партіяхъ было:

казенныхъ: 3,29 (1883 г.); 2,83 (1884 г.); 2,84 (1885 г.)
своекоштныхъ. . . . . 3,95 (1884 г.), 3,50 (1885 г.)
3,37 (1886 г. вес.); 2,53 (1886 г. осен.)
4,41 (1887 г.); 2,87 (1888 г.).

Сравнивая результаты пятилѣтнихъ наблюденій за хозяйствомъ тѣхъ и другихъ партій, Переселенческое Управленіе справедливо поэтому замѣчаетъ, что 1) казеннокоштные переселенцы отстали въ развитіи хозяйства отъ своекоштныхъ уже въ 1887 году болѣе, чѣмъ на 1 годъ, а въ 1888 г. уже болѣе чѣмъ на два года, ибо по числу головъ рабочаго скота казенная партія 1883 г. приравнивается къ своекоштной 1886 г. (весен.), а по запашкѣ къ своекоштной 1885 г.; 2) партіи своекоштныхъ хотя также не одинаковы въ хозяйственномъ отношеніи, но всегда выше казенныхъ; такъ переселенцы 1885 г. по своей хозяйственности выше партіи 1884 г., потому что у нихъ уже не первый годъ водворенія въ краѣ запашки болѣе, чѣмъ у этихъ послѣднихъ, а число головъ скота почти одинаково; 3) партія 1887 г. превзошла быстро предъидущую партію въ хозяйственномъ отношеніи, несмотря даже на то, что переселенцы 1886 г. гораздо ранѣе начали свое хозяйство.

Казеннокоштные отстаютъ отъ своекоштныхъ и во многихъ другихъ отношеніяхъ; они всегда и выглядятъ и живутъ бѣднѣе, чѣмъ эти послѣдніе, хотя первые годы, будучи на казенномъ иждивеніи, могли бы прочно поставить свое хозяйство. Самыя деревни ихъ выглядятъ не такъ хозяйственно, какъ селенія своекоштныхъ. Часто въѣзжая въ ту или другую деревню края, по одному уже общему виду ея можно заключить, что она населена казеннокоштными и наоборотъ. У своекоштныхъ все устроено какъ то домовитѣе, жилища окружены заборами, около избъ или мазанокъ виднѣется болѣе амбаровъ и хозяйственныхъ службъ, на дворахъ бродитъ больше всякой живности, бабы и дѣтишки выглядятъ опрятнѣе. Сравните напр. деревню Новоселище или Новожестково, населенныя казенными переселенцами, и селенія въ родѣ Черниговки или Спассовки, основанныя своекоштными,—и разница скажется сама собою. Даже въ тѣхъ деревняхъ, которыя, подобно Жарикову, Михайловкѣ многимъ другимъ, образованы переселенцами тѣхъ и другихъ партій, своекоштные всегда живутъ богаче и домовитѣе, чѣмъ казенные переселенцы.

Впереди мы говорили достаточно уже о главной причинѣ такой разницы въ экономическомъ состояніи тѣхъ и другихъ. Теперь же мы прибавимъ только то, что не рѣдко казеннокоштные переселенцы, являясь въ Южно-Уссурійскій край и садясь на хорошую землю, не знали, что дѣлать съ нею и даромъ первое время проѣдали казенный паекъ, большинство ихъ, еще

на родинѣ отвыкшее отъ земледѣлія на отхожихъ промыслахъ, не умѣло взять въ руки даже косы и серпа и училось этому на новосельѣ, которое требовало прежде всего отъ переселенца самаго упорнаго труда. Своекоштные, которымъ надѣяться было не на что, не могли являться съ такими пустыми руками на далекіе Амуръ и Уссури; они приходили сюда, чтобы работать, и работа дѣйствительно спорилась у нихъ подъ руками. Въ этомъ-то и заключается главная причина тому, что на видъ совершенно обездоленные, сжегшіе за собою самые свои корабли, своекоштные переселенцы, даже безо всякихъ средствъ прибывавшіе въ Южно-Уссурійскій край, однимъ своимъ упорнымъ трудомъ добивались всего и быстро становились на свои собственныя ноги, въ то время какъ казеннокоштные все еще нуждались въ казенной подпоркѣ и пайкѣ.

Что касается вообще вопроса объ обзаведеніи скотомъ нашихъ поселенцевъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, то въ этомъ отношеніи поселенцамъ всѣхъ категорій многаго еще недостаетъ; рабочій скотъ повсюду необходимъ для сельскаго хозяйства, но здѣсь еще болѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ условія обработки требуютъ значительнаго участія рабочей силы, безъ которой невозможно обойтись. Число головъ, достаточное для обработки земли въ южныхъ губерніяхъ Россіи, здѣсь является недостаточнымъ для той же самой земельной единицы, и вотъ почему всѣ наши поселенцы болѣе или менѣе нуждаются въ рабочемъ скотѣ. По даннымъ г. Розова (l. c.) „въ казачьихъ станицахъ и поселкахъ, несмотря на то, что они заселились вдвое позднѣе крестьянъ-старожиловъ, въ среднемъ выводѣ приходится на каждый дворъ больше скота, чѣмъ по селеніямъ остальныхъ участковъ; именно: 18,19 гол., тогда какъ у крестьянъ и корейцевъ въ Ольгинскомъ участкѣ 17,96, въ Ханкайскомъ 11,74, въ Верхне-Уссурійскомъ 8,41, въ Сучанскомъ 7,96, въ Суйфунскомъ 6,66, въ Посьетскомъ 3,76. При этомъ принимаются въ соображеніе только лошади, волы, коровы и свиньи (овецъ ничтожное количество въ 111 сел. 561 овца). Казаки первенствуютъ, какъ по количеству лошадей, такъ равно и по количеству коровъ, воловъ и свиней. Въ среднемъ выводѣ на каждый дворъ казака приходится 4,21 рабочихъ лошади, 1,67 жеребятъ, 7,97 головъ рогатаго скота, изъ коихъ 0,33 воловъ и 4,28 свиней“.

Такимъ образомъ, если принимать во вниманіе только лошадей и воловъ, какъ рабочую силу, то у переселенцевъ, при-

бывшихъ въ край всего нѣсколько лѣтъ тому назадъ, окажется этихъ послѣднихъ не много менѣе, чѣмъ у старожиловъ, корейцевъ и казаковъ. Мы видѣли уже, что у нѣкоторыхъ своекоштныхъ партій число головъ рабочаго скота въ среднемъ достигало до 3,50 (1885 г.); 3,95 (1884 г.) и даже 4,41(1887 г.), что не далеко разнится, если не превосходитъ среднее количество воловъ и лошадей, приходящихся на хозяйство старожила и казака (4,54 гол., если только вѣрны цифры г. Розова). Китайцы имѣютъ въ своихъ фанзахъ скота нѣсколько болѣе, чѣмъ русскіе и корейскіе переселенцы, но это объясняется отчасти ихъ большею осѣдлостью въ краю и знаніемъ ухода за мѣстнымъ скотомъ, чего недостаетъ нашему переселенцу. Мы знаемъ фанзы въ Сучанскомъ участкѣ, число лошадей въ которыхъ достигаетъ до 10, быковъ и коровъ до 12, а свиней до 80 и болѣе, хотя въ среднемъ фанза этого участка имѣетъ 2,36 лошади и 2,66 быка и коровы, т. е. рабочую силу, не превышающую ту, которую имѣетъ въ своемъ распоряженіи и значительное число русскихъ переселенцевъ. Только свиньями и курами китайцы и корейцы несомнѣнно богаче этихъ послѣднихъ, но и это ихъ преимущество выравняется въ скоромъ времени; лишь только русскіе колонисты осмотрятся побольше, они заведутъ, безъ сомнѣнія, много всякой живности, такъ какъ край сильно нуждается въ мясѣ. Нѣкоторыя русскія села, какъ напр. Петровка, уже достаточно много завели гусей и куръ. Въ казачинѣ тоже замѣчается стремленіе къ разведенію домашней птицы и свиней.

Изо всего вышесказаннаго ясно, что при настоящемъ развитіи сельскаго хозяйства и количествѣ рабочаго скота у русскихъ поселенцевъ Южно-Уссурійскаго края, сто десятинъ земли для этихъ послѣднихъ представляютъ совершенное излишество; не только всего этого количества, но и четверти его, едва-ли когда-нибудь можно будетъ обработать средней переселенческой семьѣ. Живой примѣръ тому представляютъ манзы, хозяйство которыхъ въ общемъ стоитъ довольно высоко; ихъ фанзы, насчитывающія часто болѣе десятка рабочихъ и совершенно лишенныя непроизводительнаго элемента, за десять, пятнадцать лѣтъ своего существованія, никогда не обработываютъ болѣе 30—35 десятинъ [1])—количество, вполнѣ достаточное не только

[1]) Фанзы Шан-тяу и Тахотунъ въ Сучанскомъ участкѣ при 12—13 рабочихъ и при помощи 12—13 быковъ и лошадей, успѣваютъ воздѣлывать всего 35 дес.

для прокормленія 12—15 человѣкъ, но и для хорошей запродажи. Такъ какъ будущность русской колонизаціи края зависитъ главнымъ образомъ отъ успѣховъ земледѣлія и разведенія домашнихъ животныхъ, то мы должны остановиться нѣсколько подробнѣе на обоихъ этихъ вопросахъ.

Собственное скотоводство Южно-Уссурійскаго края, можно сказать, только еще начинается. До сихъ поръ край довольствовался исключительно привознымъ скотомъ, и лишь въ самое послѣднее время дѣлаются попытки мѣстнаго его разведенія. Привозный скотъ въ краѣ трехъ породъ: корейской, манчжурской и русской; животныя послѣдней породы по большей части приведены изъ Забайкалья, и лишь немногія перевезены сюда изъ Россіи. Главная порода какъ лошадей, такъ и быковъ въ краѣ, корейская; скотъ этотъ не особенно крупный, но сильный, выносливый, привычный къ работѣ, но привыкшій и къ извѣстному комфорту: онъ любитъ тепло, любитъ хорошо поѣсть; любимая пища его сѣчка съ размолотыми бобами; во время холодовъ онъ помѣщается обыкновенно въ теплыхъ сараяхъ или въ одномъ жильѣ съ хозяевами. Попадая въ руки переселенцевъ, которые не привыкли особенно нѣжить свой скотъ, корейская порода долго не выдерживаетъ и легко падаетъ. Особенно вліяетъ на него простуда, которой подвергается она легко въ холодныхъ помѣщеніяхъ, отводимыхъ для скота русскими поселенцами. Всѣ падежи, начиная съ 1878 года и особенно въ 1882 и 1883 гг., болѣе всего скашивали скотъ корейской породы, подверженный болѣе заболѣванію и различнаго рода эпизоотіямъ. Корейскій скотъ никогда не подвергается кастраціи, а потому и довольно опасенъ въ обращеніи; всѣ эти обстоятельства дѣлаютъ то, что русскіе поселенцы, наученные горькимъ опытомъ, предпочитаютъ обзаводиться манчжурскимъ (манзовскимъ) или русскимъ скотомъ, и лишь въ нуждѣ прибѣгаютъ къ корейскому. Мы выдѣли изъ предыдущаго, что и чума 1883 года сразила болѣе корейскій скотъ, тогда какъ манчжурскій и русскій выдержали эпизоотію лучше. Манчжурскій скотъ, пригоняемый съ р. Нони изъ Нингуты и Хунгунскаго округа, гораздо рослѣе, сильнѣе и выносливѣе корейскаго, всегда кастрированъ, привыкъ болѣе къ перенесенію холода, не такъ требователенъ на пищу, легко привыкаетъ ко всякой работѣ, а потому и цѣнится гораздо дороже предъидущаго. Если цѣна корейской лошади или быка около 60—70 рубл., то манчжурской породы животное цѣнит-

ся 95—100 и болѣе. Порода русскаго скота въ Южно-Уссурійскомъ краѣ представляетъ смѣсь, происшедшую отъ слученія привезенныхъ изъ Россіи и Забайкалья животныхъ съ корейскою и манчжурскою породою; разведенный такимъ образомъ, скотъ получается превосходный и вполнѣ подходящій къ русскому населенію края, но, къ сожалѣнію, его слишкомъ мало для того, чтобы удовлетворить нужды переселенцевъ. Цѣна его составляетъ среднюю между двумя предъидущими породами. Можно надѣяться, однако, что въ скоромъ времени разведеніе русской породы скота въ краѣ сдѣлаетъ нѣкоторые успѣхи, потому что теперь дѣлаются попытки прогонять гурты Забайкальскаго скота прямо черезъ Манчжурію въ Уссурійскій край, минуя длинное путешествіе по Амуру и Уссури. Мѣстный піонеръ края „М. И. Янковскій уже девять лѣтъ, по словамъ Надарова, старается развести мѣстную породу лошадей, имѣетъ ихъ до 100 головъ и въ 1885 г. получилъ изъ Россіи отъ графовъ Браницкихъ жеребца и кобылицу арабской крови... Баронъ Корфъ выписалъ также въ 1885 г. два племенныхъ быка завода Бродскаго и подарилъ одного изъ нихъ г. Янковскому. Каждый годъ одинъ изъ самцовъ потомства быка поступаетъ въ распоряженіе властей и передается новоселамъ для улучшенія породы“. Помимо того, и у переселенцевъ уже начинаютъ подростать сотни головъ рабочаго скота, полученнаго въ приплодъ отъ животныхъ, пріобрѣтенныхъ ими при водвореніи. Такимъ образомъ, въ недалекомъ будущемъ, число головъ рабочаго и дойнаго скота у нашихъ поселенцевъ возрастетъ, и край не будетъ такъ нуждаться въ рабочей животной силѣ и мясѣ, какъ въ настоящее время.

Что касается до системы хозяйства въ Южно-Уссурійскомъ краѣ и результатовъ ихъ, т. е. урожая, то о нихъ намъ также не придется много распространяться. Всякій поселенецъ, будь то русскій, кореецъ или манза, не заботясь особенно о будущемъ, прежде всего только эксплоатируетъ почву, не давая ей ничего. Неглубокій пластъ чернозема и другихъ питательныхъ почвъ истощается скоро, и тогда кореецъ или манза бросаетъ истощенный клочекъ земли и садится на другой, тогда какъ русскій, привязанный къ своей усадьбѣ надѣломъ, начинаетъ думать и объ удобреніи. Въ то время, какъ русскіе поселенцы практикуютъ свою обыкновенную систему посѣва въ разбросъ, китайцы и корейцы засѣваютъ свои поля болѣе экономно, употребляя сѣмянъ для посѣва почти вдвое менѣе, чѣмъ

русскіе (система Граппа). Такъ на Суйфунѣ въ казачьей станицѣ Полтавской, на десятину высѣвается пшеницы, ярицы, овса и ячменя по 9 пудовъ, а гречи—5 пудовъ, тогда какъ въ корейской деревнѣ Синельниковѣ—пшеницы—7 пудовъ, ярицы - 6, ячменя - 3, чумизги—1 пудъ, бобовъ—2 пуда, гречи—3 пуда.

Урожаи зависятъ, разумѣется, отъ степени пригодности почвы, ея неистощенности, а также и способа обработки. Такъ какъ китайцы прилагаютъ въ общемъ болѣе усердія и умѣнія по воздѣлыванію своихъ полей и притомъ лучше знакомы съ мѣстными климатическими условіями и свойствами зерна, то у нихъ, разумѣется, получаются урожаи лучше, чѣмъ у русскихъ и даже корейцевъ, обработывающихъ землю по манзовскому способу. Г. Розовъ говоритъ, что „въ большинствѣ случаевъ русскіе и корейцы съ китайцами съ единицы площади посѣва получаютъ одинаковое количество хлѣбныхъ зеренъ, но при этомъ не надо забывать, что они за то высѣваютъ въ два раза менѣе, чѣмъ русскіе"; урожай ихъ поэтому можно разсматривать, какъ вдвое большій, чѣмъ у нашихъ поселенцевъ. Этого, по нашему мнѣнію, сказать нельзя для большинства случаевъ, и не много высшій въ общемъ урожай инородцевъ нельзя разсматривать, какъ двойной, хотя китайцы, дѣйствительно, не рѣдко и получаютъ для пшеницы, ячменя и гречи самъ 15—20, въ то время какъ наши русскіе самъ 8—10. Это зависитъ часто отъ качества самого зерна, которое, выросши въ Россіи, не можетъ въ первый или второй годъ давать при новыхъ условіяхъ почвы и климата даже того урожая, какой на родинѣ называютъ ниже средняго. Просо и буда даютъ не рѣдко самъ 200 и болѣе, а чумизга—особый родъ мелкаго проса, любимое зерно корейцевъ, даже 450 и 500. Овесъ даетъ въ среднемъ самъ 30—40, кукуруза—100, чечевица—50, бобы и горохъ—40, кунжутъ—300; всѣ эти цифры нужно считать за выраженіе не обыкновеннаго, а максимальнаго урожая, который, при правильной обработкѣ земли и при благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, можетъ получиться въ краѣ. Крестьяне и казаки многихъ поселеній края уже начинаютъ жаловаться на оскудѣніе земли и пониженіе урожая, забывая о томъ, что они сами виноваты въ этомъ и не возвращаютъ почвѣ даже части того, что получаютъ. Въ бассейнѣ озера Ханки даже на плодородныхъ мѣстахъ „вольной степи" замѣчается ежегодно увеличивающееся пониженіе урожая. Съ тѣхъ полей,

съ которыхъ прежде снимали по 150—200 пудовъ съ десятины, теперь приходится получать 30—50; да и самой соломой пшеница стала родиться мелкая, тонкая, колосъ жидкій, легкій и пустой. То же самое замѣчается и на Суйфунѣ, гдѣ часто снимаютъ всего по 40 пуд. пшеницы съ десятины, тогда какъ ранѣе снимали вдвое; г. Розовъ говоритъ, что у корейцевъ, живущихъ рядомъ съ русскими на Суйфунѣ же, пшеницы родится до 100 пуд. съ десятины въ урожайный и 50—60 въ обыкновенный годъ. Это обстоятельство, однако, слѣдуетъ провѣрить.

При своеобразномъ климатѣ Южно-Уссурійскаго края урожаи, разумѣется, прежде всего, зависятъ отъ климатическихъ условій, и наши переселенцы, всего менѣе знакомые съ ними, разумѣется, платятся за это незнаніе очень тяжело. Говоря о климатѣ края, мы упомянули о смѣнѣ сухаго и влажнаго времени года, о туманахъ, разливахъ и общей сырости, характеризующей атмосферу края также, какъ и его почву, пронизанную, можно сказать, подпочвенною влагою. Эта сырость почвы всего гибельнѣе подчасъ сказывается на урожаяхъ хлѣбовъ у нашихъ переселенцевъ, которые еще не научились манзовскому способу сѣять хлѣбъ рядами на грядахъ, что̀ предохраняетъ растенія отъ загниванія корней; точно также не дѣлаютъ наши переселенцы и канавокъ, дренирующихъ поля, и потому не рѣдко хлѣбъ ихъ мокнетъ, что̀ отражается и на свойствѣ соломы и зерна. Помимо излишней сырости, въ краю бываютъ и засухи, которыя также губительно дѣйствуютъ на хлѣба. Про осенніе разливы рѣкъ, губящіе всякія надежды земледѣльца, мы уже довольно говорили впереди. Сырость почвы и атмосферы, царящая въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, безъ сомнѣнія, является главною причиною двухъ оригинальныхъ агрономическихъ явленій—развитія, такъ называемаго, пьянаго хлѣба и вырожденія зерна, много мѣшающихъ экономическому развитію въ общемъ достаточно богатаго края.

Пьяный хлѣбъ это — особый родъ болѣзни зерна, порождаемой развитіемъ своего рода низшаго грибка—одного изъ ржавчиниковыхъ [1]), о названіи котораго и классификаціи до сихъ поръ еще спорятъ ботаники; болѣзнь эту, однако, не слѣдуетъ смѣшивать ни со спорыньею, ни съ другими знакомыми у насъ

---

1) Г. Пальчевскій нашелъ на пьяномъ хлѣбѣ 4 рода грибковъ: головню, спорынью, pucania graminis и особый видъ, названный имъ Selenosporium.

заболѣваніями зерна; она встрѣчается не только на воздѣлываемыхъ злакахъ, но и на многихъ дико растущихъ травахъ и при томъ не въ одномъ Южно-Уссурійскомъ краю, а и въ Японіи, Китаѣ, Манчжуріи и Кореѣ, какъ сообщалъ мнѣ одинъ изъ моихъ проводниковъ по манчжурской тайгѣ, старый, многоопытный Тунги. Мѣстные ботаники обвиняютъ особенно барбарисъ въ культурѣ этого паразитарнаго грибка, который съ этого послѣдняго растенія переходитъ будто-бы на злаки, но это обвиненіе едва-ли основательно. Гораздо вѣрнѣе, что не барбарисъ, а сорныя различныя травы, растущія съ хлѣбами, передаютъ имъ этихъ паразитовъ, размножающихся только при извѣстныхъ атмосферическихъ условіяхъ; многими замѣчено, что дождливыя сырыя лѣта, частые сильные и густые туманы, сырость почвы, пропитанной влагою, и нѣкоторыя другія условія служатъ наиболѣе предрасполагающими моментами къ появленію этихъ вредныхъ грибковъ. Нѣтъ сомнѣнія, что на развитіе ихъ вліяетъ и способъ обработки земли, потому что замѣчали не разъ, что на двухъ сосѣднихъ полосахъ одна поражена ржавчиной, тогда какъ другая остается здоровою. „Площадь распространенія пьянаго хлѣба, по словамъ г. Буссе (см. отчетъ Управленія 1888 г.), ограничивается полосою отъ Раздольнаго до Турьяго Рога шириною незначительною у Никольскаго и увеличивающейся къ Утесной, а далѣе къ сѣверу, на западномъ берегу Ханки, ограниченной этимъ послѣднимъ и пограничнымъ хребтомъ [1]). На этой полосѣ заболѣваютъ также далеко не всѣ колосья, а напротивъ большинство ихъ остается здоровыми"; поражаются видно только полоски истощенныя, гораздо болѣе воспріимчивыя къ зараженію. Такъ какъ паразитъ, по всей вѣроятности, переходитъ на злаки съ сорныхъ растеній, то, разумѣется, чѣмъ больше этихъ послѣднихъ, тѣмъ вѣрнѣе зараженіе и хлѣбовъ. Быть можетъ, болѣе тщательному выпалыванію злаковъ манзы и обязаны тѣмъ, что у нихъ пьяный хлѣбъ встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ у нашихъ крестьянъ.

Амурское общество изученія края давно обратило свое особое вниманіе на всестороннее выясненіе этого оригинальнаго и вмѣстѣ съ тѣмъ печальнаго явленія и многаго уже достигло, хотя при скудости своихъ ученыхъ силъ не могло довести этого полезнаго дѣла до конца. Помимо г. Буссе изучали пья-

[1]) Нѣтъ сомнѣнія, что она идетъ и далѣе, такъ какъ и на Суйфунѣ, и въ казачинѣ, и на Сучанѣ, были случаи появленія пьянаго хлѣба.

ный хлѣбъ гг. Пальчевскій (въ ботаническомъ отношеніи) и Розовъ (въ экономическомъ); пробы вреднаго зерна посланы и въ Петербургъ, гдѣ ихъ изслѣдуетъ г. Воронинъ; докторъ Эковъ также избралъ вопросъ о пьяномъ хлѣбѣ темою для своей диссертаціи. Въ 1882 г. во Владивостокѣ была учреждена также цѣлая коммисія по этому вопросу, которая работаетъ, кажется, и до настоящаго времени, не увлекаясь вовсе ботанической частью вопроса, а обратила свое вниманіе не на самые грибки, а на послѣдствія, которыя они производятъ въ зараженномъ зернѣ, и пришла къ тому заключенію, что ржавчиниковые грибки эти являются своего рода ферментомъ, подъ вліяніемъ котораго въ зернѣ развиваются особаго рода атомаины—растительные яды, которымъ и обязано пьяное зерно своимъ вреднымъ дѣйствіемъ на людей и животныхъ. Всѣ эти ученыя изысканія пока еще принесли мало существенной пользы, и наши переселенцы путемъ горькаго опыта научаются разузнавать вредные хлѣбъ и зерно и даже мѣры бороться съ этимъ зломъ.

Пьяный хлѣбъ, выходящій даже изъ зеренъ, привезенныхъ изъ Россіи, имѣетъ зерно болѣе легкое и мелкое съ розоватымъ налетомъ на кожурѣ, на сморщенной поверхности его иногда видны и бѣлыя пятна; опытный глазъ легко отличаетъ больное зерно отъ здороваго [1]); еще легче отличить вредный хлѣбъ изъ пьянаго зерна; стоитъ только бросить кусокъ его собакѣ или свиньѣ, и онѣ не станутъ его ѣсть; куры, гуси, утки, а также рогатый скотъ могутъ употреблять какъ зерна, такъ и хлѣбъ безъ особаго вреда.

Названіе пьянаго хлѣба дано этому роду болѣзни зерна довольно мѣтко и удачно. Человѣкъ, поѣвшій даже немного вреднаго хлѣба, чувствуетъ, что у него кружится голова, что его тошнитъ, валитъ ко сну, словно послѣ хорошаго похмѣлья; сильная рвота, поносъ, упорная головная боль, а иногда и бредъ, похожій на бредъ пьянаго, вотъ обыкновенные симптомы отравленія пьянымъ хлѣбомъ, никакихъ конвульсивныхъ движеній или судорогъ подобныхъ тѣмъ, какія наблюдаются при рафаніи, никогда не замѣчалось отъ употребленія пьянаго

[1]) Въ Никольскомъ дурное зерно отдѣляютъ отъ здороваго промываніемъ; хорошее зерно падаетъ, а больное всплываетъ. Больной овесъ отличаютъ по запаху и по вкусу горечи. При печеніи пьянаго хлѣба опара поднимается плохо, изъ тѣста выдѣляется вода; хлѣбъ въ печи расплывается, корка его трескается.

хлѣба, какъ и случаевъ смерти довольно нерѣдкой при отравленіе спорыньей. Болѣе подробныя физіологическія дѣйствія пьянаго хлѣба въ настоящее время много изслѣдуются экспериментальнымъ путемъ, и результаты наблюденій будутъ опубликованы по окончаніи этихъ послѣднихъ. Помимо злаковъ этою странною болѣзнью поражается еще часто конопля; пьяная конопля дѣйствуетъ на человѣка еще сильнѣе, чѣмъ пьяный хлѣбъ, но, къ сожалѣнію, дѣйствія ея мнѣ не удалось наблюдать лично, и мнѣ придется поэтому говорить о немъ съ чужихъ словъ. Г. Розовъ описываетъ вліяніе ядовитой конопли такъ: „наѣвшись ея зерна, человѣкъ смѣется, лицо наполняется кровью, какъ дурачекъ, какъ съумасшедшій какой дѣлается, при чемъ преобладающія черты характера выступаютъ на первый планъ; бабы и дѣвушки поютъ пѣсни и пляшутъ; сильные мужчины лѣзутъ драться, засучивая рукава; дѣтишки плачутъ. Люди лишаются разсудка и живутъ исключительно памятнымъ воображеніемъ, представляя себѣ картины прежней жизни въ Европѣ“. Безграмотное описаніе дѣйствія пьяной конопли, сдѣланное г. Розовымъ, разумѣется, не можетъ быть принято за имѣющее научное значеніе, но если въ общемъ картина отравленія коноплею вѣрна, то нельзя въ ней не узнать нѣкоторыхъ симптомовъ отравленія знаменитыми ядами Востока—гашишемъ, также добываемымъ изъ зеренъ индѣйской конопли.

Не распространяясь болѣе о пьяномъ хлѣбѣ Южно-Уссурійскаго края, мы выскажемъ все-таки надежду, что здравый умъ русскаго переселенца найдетъ скорѣе средства бороться съ этимъ страшнымъ зломъ на полѣ, на гумнѣ и возлѣ квашни, чѣмъ научныя изысканія коммисій и ученыхъ изслѣдователей ботаническихъ свойствъ грибка. Китайцы и корейцы путемъ вѣковаго опыта дошли же до средства избѣгать зараженія своего хлѣба грибками—посредствомъ тщательной обработки и выпалыванія своихъ полей; нѣтъ сомнѣнія, что и русскій мужичекъ побьется, побьется съ пьянымъ хлѣбомъ и коноплею, да и примется пахать и сѣять по манзовскому способу или какъ-нибудь иначе, но только не сдастся передъ грибкомъ. Вѣдь безъ хлѣба и жить нельзя русскому человѣку въ Южно-Уссурійскомъ краю.

Помимо многихъ перечисленныхъ нами условій на развитіе ржавчиниковаго грибка вліяетъ безъ сомнѣнія и свойство самого зерна. Къ разсмотрѣнію вопроса о зернахъ и сѣменахъ

мы теперь естественно и должны перейти, какъ одному изъ важнѣйшихъ вопросовъ, съ которыми связаны въ будущемъ успѣхи нашей колонизаціи края. Первыя зерна для обсѣмененія нивъ привезли переселенцы съ собою изъ Россіи и Сибири; даже теперь, идя на Амуръ и Уссури морскимъ путемъ, наши крестьяне захватываютъ хотя горсточку сѣмени съ прежней нивы для перваго посѣва ихъ на новомъ полѣ, съ которымъ отнынѣ будетъ связываться ихъ судьба. Позднѣе, при организаціи переселенія морскимъ путемъ, провіантъ въ зернѣ и мукѣ заготовлялся также въ Одессѣ. Первый годъ всѣ эти сѣмена давали прекрасный урожай, но потомъ зерно словно вырождается, теряетъ свою силу, и степень урожая уменьшается до минимума; самое зерно дѣлается мало питательнымъ, содержитъ мало крахмалистыхъ веществъ и не годится для обсѣмененія. Это вырожденіе замѣчается не только на зернахъ пшеницы, но также и другихъ злаковъ—ярицы, овса и даже ржи [1]). Съ вырожденіемъ зерна хлѣба́ стали не только давать менѣе урожая, но и легче подвергаются зараженію описанными грибками, и можно поэтому согласиться со словами нѣкоторыхъ крестьянъ, что до 80-таго года про вредную, ядовитую пшеницу и вообще о пьяномъ хлѣбѣ не слыхали. Сколько ни бьются наши переселенцы, перебирая различнаго рода сѣмена, выписывая ихъ даже изъ Америки, но результатъ одинъ и тотъ же: перероДъ является черезъ годъ, много черезъ два или три; подобно злакамъ перерождаются также сѣмена конопли, огородныхъ и бахчевыхъ растеній. Конопля черезъ 2, 3 и 4 года уже даетъ сѣмена одуряющаго свойства, т. е. перерождается до того, что легко воспринимаетъ ржавчиниковую заразу. Пробовали выписывать сѣмена разныхъ овощей и корнеплодовъ изъ Москвы, но, къ сожалѣнію, только первый годъ они даютъ хорошій урожай, а затѣмъ ихъ приходится возобновлять. Нѣкоторые мѣстные изслѣдователи указываютъ намъ на причину этого печальнаго явленія, вырожденія сѣмянъ — на неумѣлую обработку земли нашими переселенцами, которымъ они рекомендуютъ поэтому манзовскую систему; многіе указываютъ притомъ еще на то, что у манзовъ и корейцевъ перероДъ бываетъ рѣже. Положимъ, манзовская система хозяйства и лучше, и выгоднѣе, но она сама по себѣ не могла бы парализовать такого кореннаго явленія, какъ перерожденіе. Очевидно,

[1]) Часто овесъ рождается до такой степени плохой, что даже лошади отказываются его ѣсть.

тутъ все дѣло заключается въ сѣменахъ, которыя манзами не выписываются издалека, а выработываются на мѣстѣ, какъ вполнѣ годныя для культуры. Припомнимъ, что подобное явленіе вырожденія хлѣбныхъ зеренъ наблюдалось не рѣдко и на дѣвственныхъ земляхъ Америки, но культура побѣдила природное стремленіе, и путемъ послѣдовательнаго подбора фермеръ новаго свѣта получилъ лучшее пшеничное зерно въ мірѣ. То же самое будетъ, по всей вѣроятности, и въ Южно-Уссурійскомъ краѣ; путемъ нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ упорной культуры нашъ поселенецъ получитъ настоящее мѣстное зерно, которое съ успѣхомъ будетъ противустоять даже зараженію грибкомъ-ржавчины, какъ получили его несомнѣнно болѣе опытнѣе насъ въ культурѣ растеній манзы. Устройство опытной сѣмянной станціи и образцовой сельско-хозяйственной фермы было бы однимъ изъ благодѣяній для края, которое отразилось бы скоро на развитіи его сельскаго хозяйства. Уже и теперь переселенцы наши, не довольствуясь первобытными хозяйственными орудіями, заводятъ нѣкоторыя машины, получая ихъ при посредствѣ иностранныхъ фирмъ во Владивостокѣ изъ Америки и Европы. Примѣръ образцовой фермы еще болѣе убѣдилъ нашихъ переселенцевъ въ пользѣ сельско-хозяйственныхъ машинъ, которыя могли быть особенно пригодны въ странѣ, гдѣ каждая семья располагаетъ нѣсколькими десятками и даже сотнею пахотныхъ десятинъ.

Несмотря на многія отчасти перечисленныя нами невзгоды, сельское хозяйство въ краѣ, несомнѣнно, повышается и идетъ довольно хорошо. Еще недавно то время, когда мы чуть не выписывали корейцевъ для производства мѣстнаго хлѣба, еще ближе отъ насъ отстоитъ то время, когда край производилъ такъ мало хлѣба, что его не хватало даже для нуждъ переселенцевъ, а не только постороннихъ и войскъ. Въ настоящее время край уже не нуждается въ привозномъ хлѣбѣ, онъ прокармливаетъ свое собственное сельское населеніе, мѣстныя войска (численность которыхъ съ семействами чуть не равняется численности переселенцевъ) и кромѣ того часть хлѣба еще вывозится заграницу [1]). „Еще въ 1884 г. интендантское вѣдомство,—говоритъ г. Надаровъ, — могло пріобрѣсти въ краѣ всего 41 тыс. пудовъ мѣстнаго хлѣба, а въ 1887 г. тѣмъ же интендантствомъ пріобрѣтено 221 тыс. пудовъ хлѣба. Вмѣстѣ съ

[1]) Много хлѣба идетъ отсюда въ Приморскую область, на Сахалинъ и даже въ Забайкалье.

тѣмъ понижаются и цѣны на хлѣбъ. Въ 1884 г. интендантство уплачивало 1 р. 75 коп. за пудъ хлѣба, а въ 1887 г. только 1 р. 35 коп. за пудъ [1]). Въ 1889 году, насколько намъ извѣстно, пріобрѣтено военнымъ вѣдомствомъ уже до 300.700 пудовъ мѣстнаго хлѣба. Эти цифры, кажется, всего лучше показываютъ, какъ быстро сравнительно въ краѣ идетъ, несмотря на всѣ невзгоды, развитіе сельскаго хозяйства.

То же самое показываетъ и довольно замѣтное увеличеніе не только обыкновенныхъ, но и паровыхъ мукомоленъ въ краю. Еще въ 1881 г. купецъ Линдгольмъ устроилъ первую мукомольную мельницу въ Никольскомъ; въ настоящее время паровыхъ мукомоленъ 7, изъ которыхъ двѣ принадлежатъ военному вѣдомству. По свѣдѣніямъ, даваемымъ г. Ивановымъ, въ среднемъ выводѣ на каждый дворъ въ Южно-Уссурійскомъ краѣ приходится около 0,15 вѣтряныхъ и водяныхъ мельницъ; особенно много ихъ въ с. Камнѣ-Рыболовѣ. Въ Ханкайскомъ участкѣ г. Розовъ насчитываетъ до 20 вѣтряныхъ и водяныхъ мельницъ, въ Суйфунскомъ—болѣе 40, а въ Сучанскомъ—до 15.

А. ЕЛИСѢЕВЪ.

[1]) Всего въ казну еще въ 1881 г. куплено мѣстнаго хлѣба 52.062 пуд. по 1 р. 46 коп. и 21.178 пуд. крупы по 1 р. 20 к. за пудъ.

ВЪ ТЮРЬМѢ [1].

Изъ недавняго прошлаго.

Разсказъ.

Былъ уже вечеръ, когда поѣздъ подошелъ къ N—скому вокзалу, и мы, сопровождаемые нашими конвоирами, вышли на платформу. О нашемъ прибытіи уже знали. Цѣлая толпа полицейскихъ окружила насъ и проводила до извощиковъ. Такое необычайное шествіе поневолѣ обращало вниманіе публики, а мы, чувствуя себя героями минуты, съ гордостью поглядывали на глазѣвшихъ. Помню, что я ужасно гордился своимъ бубновымъ тузомъ, ясно доказывавшимъ, что я не какой-нибудь „административный", а въ душѣ сожалѣлъ, что на спинѣ у меня не два туза, а одинъ, и нѣтъ ножныхъ украшеній, что̀, конечно, показало бы публикѣ всю мою важность.

Посадили насъ на пролетки тоже съ парадомъ: рядомъ сидѣлъ жандармъ, противъ другой, съ кучеромъ полицейскій, а по бокамъ ѣхали верхами конвоиры. Это было чрезвычайно красиво и эффектно. Я замѣтилъ нѣсколькихъ молодыхъ дамъ, которыя съ участіемъ смотрѣли на меня, а одна даже воскликнула: „какъ молодъ!"

Въ ту же минуту я принялъ видъ отчаяннаго злодѣя. Не знаю, шло ли это ко мнѣ, но я былъ доволенъ собою. Проѣхавъ такимъ образомъ черезъ весь городъ, мы подъѣхали къ N—ской политической пересыльной тюрьмѣ. Черезъ нѣсколько минутъ мы уже были въ конторѣ, гдѣ насъ слегка осмотрѣли и затѣмъ объявили, что здѣсь мы должны будемъ пробыть всю зиму, такъ какъ послѣдняя большая партія ушла только-что

---

[1]) Авторъ этого очерка въ письмѣ своемъ въ редакцію говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Отвѣчаю за правдивость каждой сцены, каждаго слова. Впрочемъ, порядки въ такой тюрьмѣ описывались и въ заграничныхъ изданіяхъ (конечно, съ другой точки зрѣнія) совершенно тѣми же чертами. Сказать, что все это прошло совсѣмъ—нельзя. И если хоть одинъ юноша отрезвится и оставитъ свои увлеченія, прочитавъ мои очерки задача моя исполнена".

передъ нами, а новой еще скоро не предвидѣлось.—Это огорчило меня порядкомъ. Въ четырехъ стѣнахъ энтузіазмъ очень скоро пропадаетъ; но дѣлать было нечего, и мы отправились за старшимъ надзирателемъ, который пошелъ указать намъ камеры. Изъ третьяго этажа, гдѣ помѣщались контора и церковь, а также комната для свиданій, насъ повели во второй этажъ. Здѣсь по обѣимъ сторонамъ длиннаго, устланнаго кирпичемъ коридора, расположены были камеры разной величины. Насъ помѣстили въ камеру для двухъ человѣкъ. Это была прекрасная большая комната съ двумя кроватями, съ чистымъ постельнымъ бѣльемъ и теплыми одѣялами, двумя столами и двуми табуретками. Затѣмъ намъ предложили въ умывальной умыться, послѣ чего позвали въ столовую пить чай. Все это, послѣ прежнихъ тюремъ, заставляло насъ только широко раскрывать глаза отъ удивленія.

Въ столовой насъ уже ждали трое сотоварищей по заключенію.

— Дебаріо-Макцевичъ! рекомендовался одинъ изъ нихъ, брюнетъ съ длинными волосами и громадной черной бородой.

— Донецкій!—проговорилъ другой—староста тюремный.

Мы съ уваженіемъ пожали имъ руки.

— Почему мнѣ не выдаютъ полфунта мяса? обратился къ намъ третій.

Мы въ удивленіи раскрыли рты.

— Полфунта мяса! Я васъ спрашиваю! настойчиво повторилъ онъ.

— Не обращайте вниманія, шепнулъ намъ Макцевичъ,—онъ съумасшедшій.

Мы, усѣлись пить чай. Макцевичъ сталъ разспрашивать, откуда мы и за что сосланы. Донецкій молчалъ и странно на насъ поглядывалъ. Съумасшедшій бормоталъ о мясѣ. Черезъ нѣсколько минутъ прозвучалъ колоколъ повѣрки, и насъ пригласили разойтись.

— Ну-съ! произнесъ мой товарищъ, когда мы остались одни.

— Ну-съ! повторилъ я.

— Теперь только мы увидимъ настоящихъ революціеровъ, настоящихъ людей партіи, торжественно поднявъ палецъ къ верху и выпучивъ на меня глаза, проговорилъ Копанскій.

— Да, теперь мы увидимъ ихъ, отвѣтилъ я, сладко потягиваясь на мягкой постели и закрывая глаза.

— Мы должны благодарить судьбу за то, что попали сюда: здѣсь для насъ будетъ великая школа, продолжалъ онъ, но я дальше не слыхалъ...

Теперь не мѣшаетъ сказать о томъ, кто такой я и кто мой товарищъ.

Я—*дѣятель*, товарищъ мой Копанскій *тоже*. Кто въ этомъ усумнится, то доказательства слѣдующія: 1) насъ судили военнымъ судомъ, 2) осудили на поселеніе. Что мы важные дѣятели, доказываетъ то, что когда насъ везли въ судъ, то насъ конвоировалъ чуть не цѣлый эскадронъ, везли насъ маршъ-маршемъ, а на дворѣ суда и около стояла рота пѣхоты съ боевыми патронами. Словомъ, сдѣлано было все, чтобы обратить на насъ вниманіе публики и поставить насъ въ нашихъ собственныхъ глазахъ людьми великими. Не знаю о первомъ, но второе было вполнѣ достигнуто. Я, дѣйствительно, почувствовалъ себя силой, съ которой правительству приходится считаться. Вслѣдствіе этого на судѣ я произнесъ прочувственную рѣчь; гдѣ слова „рабство", „свобода", „цѣпи", „деспотизмъ", „альтруизмъ", „свобода слова" и т. п. въ видѣ фейерверка разсыпались во всѣ стороны и глубокомысленно были выслушаны судьями. Въ публикѣ раздавался одобрительный шепотъ. Я былъ на седьмомъ небѣ. Да и какъ было не быть? Мнѣ всего 17 лѣтъ, я только-что со школьной скамьи, и вдругъ я до нѣкоторой степени служу центромъ общественнаго вниманія, обо мнѣ говорятъ, обо мнѣ будутъ писать, мое имя будетъ извѣстно чуть не цѣлому міру,—какъ хотите, а, вѣдь, это достается не каждому! Изъ суда я уже выходилъ съ почетнымъ наименованіемъ: „государственный преступникъ". *Государственный*! а? каково? Одно было досадно, что обратно въ тюрьму насъ везли уже ночью, и никто не могъ видѣть, что я государственный преступникъ.

Товарищъ мой Копанскій былъ дѣятелемъ съ *солиднымъ прошлымъ*, какъ принято было выражаться. Въ тотъ годъ, когда я совершилъ свое *государственное преступленіе*, въ нашъ городъ было прислано нѣсколько административно-ссыльныхъ. Ихъ можно было сразу отличить: черная шляпа съ аршинными полями, клѣтчатый пледъ, ботфорты, длинные, лохматые волосы и толстая, суковатая дубинка ясно говорили, что передъ вами человѣкъ, заслуживающій полнаго уваженія. Не знаю, какъ другіе, но гимназисты, гимназистки и семинаристы ихъ боготворили просто за одинъ наружный видъ. Быть знакомымъ съ ними считалось недосягаемой честью. Этой чести я удостоился съ Копанскимъ за бильярдомъ въ жидовскомъ трактирчикѣ, куда гимназисты частенько заглядывали тайкомъ отъ началь-

ства. Я не чувствовалъ подъ собою ногъ, когда Копанскій предложилъ мнѣ съиграть партію, — самъ разставилъ шары, проигралъ и былъ удостоенъ благосклоннаго пожатія руки. Черезъ мѣсяцъ я уже бѣгалъ по городу съ пукомъ убійственныхъ прокламацій, собирались таинственныя сходки, по ночамъ обмѣнивались паролемъ съ соучастниками, словомъ, всѣми силами старались произвести... что? По словамъ моего отца, возстаніе жидовъ, но я, хотя въ душѣ меня разбиралъ смѣхъ, обижался и возражалъ, что мы совершали государственное преступленіе. Ну, и совершили! Понятно, что такого человѣка, какъ Копанскій, человѣка съ солиднымъ прошлымъ, человѣка, который нуженъ для *дѣла*, нужно было всѣми силами спасти. Я горячо принялся за это, но къ несчастію усилія мои пропали даромъ, и Копанскій былъ осужденъ наравнѣ со мною. На судѣ я старался заслужить и себѣ *солидное прошлое*. Правда, была минута, когда я, взглянувъ на судей, людей все пожилыхъ и заслуженныхъ, и на нашу компанію, въ которой одинъ подсудимый грызъ ногти, другой ковырялъ въ носу, а третья [1]) не отнимала платка отъ глазъ, — вспомнилъ слова отца: „не судить, а высѣчь бы“ и мною овладѣло неудержимое желаніе расхохотаться, но я удержался на высотѣ своего величія и закончилъ словопренія блистательной, какъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, казалось, рѣчью.

Давши понятіе читателю о томъ, кто мы, я обращусь къ разсказу.

На другой день утромъ мы сошлись въ столовой за чаемъ. Послѣ разспросовъ о томъ, какъ мы провели ночь, и вопроса съумасшедшаго о полуфунтѣ мяса, къ намъ обратился Донецкій за рѣшеніемъ, желаемъ ли мы, чтобы онъ по-прежнему оставался старостой.

Мы, конечно, изъявили полное согласіе.

— Въ такомъ случаѣ, господа, началъ онъ, — я долженъ вамъ объяснить слѣдующее. Прежде чѣмъ принять на себя обязанность старосты и заботиться о вашемъ питаніи, я счелъ нужнымъ изучить вопросъ о пищѣ, необходимой для человѣческой жизни. Сличая многихъ авторовъ, я сдѣлалъ выводъ, что можно приготовлять такого рода пищу, употребляя которую, человѣкъ никогда не будетъ боленъ, доживетъ до глубо-

---

[1]) Насъ было пять человѣкъ.

кой старости, а можетъ быть... но объ этомъ послѣ; словомъ, я изобрѣлъ *раціональную* пищу,—закончилъ онъ съ такимъ видомъ, который ясно говорилъ, что мы должны считать за счастье его обращеніе къ намъ.

— Вотъ оно! Вотъ гдѣ начинается! подумалъ я, и всѣ фибры мои затрепетали отъ восторга.

— Не только умъ, но и тѣло будетъ напитываться *раціональною* пищею.

Я посмотрѣлъ на Копанскаго. Тотъ сдѣлалъ видъ, что все это ему давно уже извѣстно. Макцевичъ мрачно молчалъ.

Послѣ чаю Копанскій, Макцевичъ и я пошли гулять на дворъ. Долга молча отмѣривали мы взадъ и впередъ тюремный дворъ. Макцевичъ ходилъ большими шагами, медленно втягивая въ себя воздухъ и быстро выпуская его. Копанскій дѣлалъ то же самое. Я догадался, что это была раціональная прогулка. Вдругъ Макцевичъ остановился и, обратившись ко мнѣ, строго спросилъ:

— Вы къ какой фракціи принадлежите?

Я сталъ какъ вкопанный, кровь прилила къ головѣ, въ глазахъ потемнѣло. О ужасъ! Я самъ не зналъ, къ какой фракціи я принадлежу! Въ отчаяніи я посмотрѣлъ на Копанскаго, но тотъ мчался въ противоположный конецъ двора, выдувая изъ себя воздухъ, какъ изъ кузнечныхъ мѣховъ. Въ умѣ моемъ быстро пронеслись слышанныя мною названія разныхъ фракцій: народовольцы, черно-передѣльцы, террористы, народники, террористы-народники et cetera, но я не рѣшался причислить себя ни къ одной изъ нихъ, такъ какъ не зналъ ихъ основныхъ принциповъ. Вдругъ у меня мелькнула мысль:

— Я конституціонеръ!

Пришла очередь стать втупикъ Макцевичу.

— Это что же за фракція? спросилъ онъ меня съ удивленіемъ.

Я бы могъ сказать, что фракція эта образовалась сію минуту, передъ его глазами, но, конечно, не сказалъ.

— Чего же ваша фракція хочетъ?

— Конституціи!

— Какой?

— Полной!

— Позвольте, да что такое конституція? остановился онъ противъ меня. Я чувствовалъ, что проваливаюсь сквозь зем-

лю, но медлить было нельзя, иначе—прощай солидное прошлое. Я вспомнилъ изъ исторіи о конституціи, кой-что изъ отрывочныхъ газетныхъ свѣдѣній о западныхъ конституціяхъ, приправилъ все это своимъ собственнымъ nec plus ultra либерализмомъ и преподнесъ этотъ винигретъ Макцевичу. Тотъ выслушалъ внимательно, покачалъ головой и глубокомысленно произнесъ:

— Объ этомъ нужно подумать!

Какъ разъ въ эту минуту насъ позвали обѣдать, и я съ облегченнымъ сердцемъ отправился вслѣдъ за другими въ надеждѣ хорошо поѣсть.

Подали первое блюдо. Донецкій торжественно открылъ крышку, и глазамъ нашимъ представилась какая-то бѣлая сладкая кашица. Несмотря на то, что терпѣть не могъ сладкихъ кашъ, я съѣлъ нѣсколько ложекъ. Подали второе—творогъ съ сахаромъ. Меня охватилъ ужасъ. Я привыкъ плотно поѣсть непремѣнно мяснаго и вдругъ такой обѣдъ! Тѣмъ не менѣе съѣлъ и творогу.

— Ну-съ, какъ вамъ нравится мой столъ?—спросилъ, улыбаясь, Донецкій.

Я поморщился, Копанскій—тоже, но изъявили полное удовольствіе.

Въ этотъ день я въ первый разъ согрѣшилъ: по моей просьбѣ надзиратель принесъ мнѣ препорядочный кусокъ жаркаго, который я и съѣлъ послѣ раціональнаго обѣда. Копанскій искоса посматривалъ, когда я ѣлъ, и подъ конецъ попросилъ попробовать, говоря, что онъ слыхалъ, будто въ этой губерніи скотъ отличается вкуснымъ мясомъ. Повидимому, онъ остался доволенъ...

Скучно и однообразно потянулись дни за днями. Утромъ мы сходились пить чай, затѣмъ гуляли, потомъ проглатывали раціональный обѣдъ, послѣ котораго съѣдали нераціональный, но болѣе питательный, слонялись изъ угла въ уголъ до вечерняго чая и ложились спать. Макцевичъ угрюмо молчалъ и болѣе не разспрашивалъ меня, чему я былъ чрезвычайно радъ; Донецкій больше толковалъ объ изобрѣтенномъ имъ методѣ питанія, и только Копанскій, который жилъ со мною въ одной камерѣ, считалъ долгомъ своимъ напоминать мнѣ время отъ времени, какого великаго человѣка лишилась партія съ его заключеніемъ. При каждомъ такомъ напоминаніи я чувство-

валъ себя какъ бы виновнымъ въ такомъ страшномъ несчастіи и старался чѣмъ-нибудь доказать, что я вполнѣ чувствую и понимаю его слова. Копанскій, впрочемъ, вскорѣ потребовалъ доказательствъ болѣе положительныхъ. У меня было свое бѣлье въ достаточномъ количествѣ, но я, желая приберечь его, ходилъ въ казенномъ. Копанскій объявилъ мнѣ, что ему тяжело ходить въ казенномъ бѣльѣ, а своего у него не было. При этомъ онъ далъ мнѣ понять, что я долженъ облегчить его, и я предложилъ ему свое бѣлье, которое онъ благополучно и износилъ до конца тюремнаго заключенія. Я получалъ изъ дома деньги, Копанскій не получалъ ничего. Деньги должны были быть раздѣлены. Я ходилъ въ тюремномъ халатѣ, но Копанскій не могъ, и потому онъ преспокойно овладѣлъ моимъ совершенно новымъ пальто, которое впослѣдствіи оставилъ въ своемъ собственномъ владѣніи. Все это я считалъ вполнѣ естественнымъ и законнымъ. Я чувствовалъ себя такимъ ничтожнымъ передъ той таинственною и могучею, по моему мнѣнію, партіею, съ немногими представителями которой я теперь встрѣтился, что готовъ былъ и не на такія ничтожныя пожертвованія, чтобы только сдѣлаться достойнымъ членомъ ея. Такимъ образомъ прошло около мѣсяца, и мною стала овладѣвать какая-то безочтенная тоска, когда неожиданная новость, какъ электрическій ударъ, вновь возобновила мои силы, мало того—привела чуть не въ энтузіазмъ. Однажды утромъ, когда я, проснувшись, пошелъ въ умывальную, я замѣтилъ, что пустыя, незанятыя камеры убираются и приводятся въ порядокъ. Понятно, что такое необычайное явленіе должно было быть разузнано, и намъ сказали, что на слѣдующій день къ намъ прибудетъ огромная партія изъ центральныхъ тюремъ, гдѣ заключались приговоренные къ каторжнымъ работамъ, которыхъ рѣшено было перевести на *Кару*.

Въ центральныхъ тюрьмахъ въ это время заключались извѣстные дѣятели. Тутъ были по процессу 193-хъ, по Московскому процессу 50-ти, по Одесскому дѣлу и по многимъ другимъ. Однимъ словомъ, мнѣ предстояло увидѣть, мало того—услышать, такъ сказать, квинтъ-эссенцію той партіи, тѣхъ людей, къ которымъ я стремился всѣми своими помыслами. День прошелъ въ нетерпѣливомъ ожиданіи. Къ вечеру слѣдующаго дня мы всѣ находились чуть не въ экзальтаціи. Наконецъ мы слышимъ, что ворота замка отворяются и по двору раздается лязгъ цѣпей. Это они!

— Господа! торжественно обратился къ намъ Макцевичъ,— пойдемте въ столовую и запоемте что-нибудь подходящее. Мы обыкновенно всегда такъ встрѣчаемъ товарищей.

Понятно, мы тотчасъ же послѣдовали за Макцевичемъ, который затянулъ какую-то пѣсню, гдѣ упоминались цѣпи, страданіе за правду и т. п. Старались мы изо всѣхъ силъ. Мацкевичъ пѣлъ, съ мрачнымъ выраженіемъ, теребя себя за бороду и въ сильныхъ мѣстахъ угрожая кому-то кулакомъ. Копанскій дико вращалъ зрачками, я же имъ подтягивалъ и былъ въ отчаяніи, что, какъ оказалось, не зналъ ни одной революціонной пѣсни. Было ли наше пѣніе интересно, не знаю, но продолжалось оно не долго. Къ стыду моему, мнѣ оно начинало уже надоѣдать, когда, наконецъ, изъ конторы спустились внизъ ожидаемые гости. Ихъ провели прямо въ столовую, гдѣ уже былъ приготовленъ чай. Усѣлись за столъ и принялись за чай. Насъ тотчасъ же закидали вопросами: кто мы, откуда и по какому дѣлу. На первые два вопроса отвѣчать было легко, но третій ставилъ меня въ ужасное затрудненіе. Какъ мнѣ было отвѣчать такимъ людямъ, какъ эти? Вотъ знаменитые Пышкинъ, Войнорольскій, Воролинъ по грандіозному дѣлу о 193-хъ. Вотъ Пажинъ, бывшій и въ Парижской коммунѣ, и на баррикадахъ. Вотъ извѣстный Тонкушинъ, имя котораго сдѣлалось нарицательнымъ именемъ для всѣхъ его послѣдователей,—словомъ, все люди съ такимъ громкимъ прошлымъ, предъ которымъ мое казалось песчинкою въ Сахарѣ. Къ счастью, новизна положенія послѣ тяжелаго одиночнаго заключенія, встрѣча съ товарищами, которыхъ долго не видали, хотя и сидѣли долго въ одной и той же тюрьмѣ,—все это отвлекло отъ этихъ вопросовъ. Послѣ чаю насъ пригласили разойтись. Я было ужь совсѣмъ оправился, когда вдругъ ко мнѣ подошелъ Пышкинъ, тотъ самый Пышкинъ, рѣчью котораго, произнесенною предъ Особымъ Присутствіемъ Правительствующаго Сената и напечатанной своевременно въ тайныхъ листкахъ, я зачитывался, еще будучи гимназистомъ.

— Вы за что? спросилъ онъ меня.

— За распространеніе прокламацій, съ трепетомъ отвѣчалъ я.

— Какихъ? Отъ чьего имени?

О ужасъ! Я даже забылъ, что̀ именно было въ этихъ прокламаціяхъ. Помнилъ только наборъ словъ, но чего въ нихъ добивались, я не зналъ. Откуда онѣ—я и самъ не зналъ. Не

указать же мнѣ на Копанскаго. Это показало бы мое полное невѣжество. Я искренно желалъ провалиться сквозь землю, когда старшій надзиратель освободилъ меня изъ этого ужаснаго положенія.

— Господа! по камерамъ!

Пышкинъ пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Завтра поговоримъ!

Когда мы остались одни съ Копанскимъ, я обратился къ нему за помощью.

— Пожалуйста, Копанскій, началъ я не безъ робости,— скажите, чего именно мы хотѣли достигнуть нашими прокламаціями?

Копанскій посмотрѣлъ на меня.

— Чего? Очень просто: возбужденія умовъ.

Это было дѣйствительно очень просто, и я удивился, какъ этого я самъ не понялъ. Мнѣ хотѣлось еще задать ему вопросъ, для чего нужно было намъ это возбужденіе умовъ, но не рѣшился.

— Кстати,—обратился ко мнѣ Копанскій, у васъ есть костюмъ, который вы не носите; онъ мнѣ будетъ какъ разъ въ пору. Не дадите ли вы его мнѣ?

— Съ удовольствіемъ! отвѣчалъ я, хотя подумалъ, что это было единственное платье, въ которомъ я могъ выдти по прибытіи на мѣсто ссылки и освобожденіи изъ тюрьмы.

На слѣдующій день меня разбудилъ необычный шумъ въ столовой. Я еще не успѣлъ хорошенько протереть глаза, какъ въ комнату вбѣжалъ запыхавшись Копанскій.

— Вставайте скорѣе! Тамъ сходка! закричалъ онъ и бросился обратно.

Моментально натянулъ я сапоги, накинулъ халатъ и побѣжалъ въ столовую.

Сходка была въ самомъ разгарѣ. Пажинъ, взобравшись на скамейку, говорилъ рѣчь, остальные съ благоговѣніемъ слушали.

— Товарищи! говорилъ онъ, — въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ мы были заключены въ центральныхъ тюрьмахъ. Нечего описывать это заключеніе: мы его испытали; другіе (онъ бросилъ взглядъ на насъ) хотя и не испытали, но, навѣрно, знаютъ изъ той брошюры, которую несравненный

нашъ сотоварищъ Пышкинъ успѣлъ выпустить въ свѣтъ подъ названіемъ: „Заживо погребенные“. Брошюра эта имѣла успѣхъ. Общество было возбуждено. Возбужденіе это имѣло отголосокъ и на Западѣ, и правительство должно было уступить. Ясное доказательство у насъ передъ глазами. Иначе, чѣмъ мы можемъ объяснить наше теперешнее положеніе послѣ того тяжелаго заключенія, въ которомъ мы были? Итакъ, господа, правительство ясно увидало, что мы такая сила, съ которою ему невозможно бороться даже и тогда, когда оно, повидимому, отняло у насъ всю возможность наносить ему вредъ. (Вокругъ раздались аплодисменты).

— Въ чемъ же заключается наша сила?—продолжалъ воодушевляясь ораторъ,—въ правдѣ, которую мы проповѣдуемъ и по которой живемъ. Этимъ объясняется то, что мы съ каждымъ днемъ пріобрѣтаемъ все новыхъ и новыхъ адептовъ нашего ученія, выходящихъ изъ самыхъ разнородныхъ классовъ и возрастовъ. Противъ желанія помогаетъ намъ въ этомъ самый врагъ нашъ—правительство. Всѣ эти казни, всѣ эти суды надъ нами, даютъ понять каждому, какое значеніе мы имѣемъ. Мнѣ приходилось часто видѣть и слышать, какъ вслѣдствіе какой-нибудь самой пустой брошюрки поднималась на ноги полиція цѣлаго города и, благодаря только одному этому, мы пріобрѣтали нѣсколькихъ новыхъ членовъ. Я не говорю уже о тѣхъ торжественныхъ, выходящихъ изъ ряда вонъ судахъ надъ нами, которые однимъ внѣшнимъ видомъ бросали въ глаза наше громадное значеніе. Административная ссылка нѣсколько повредила нашему дѣлу. Быть схваченнымъ втихомолку и увезеннымъ Богъ знаетъ куда—не особенно пріятно. Но противъ этой ссылки возвысились голоса со стороны людей, не принадлежащихъ къ нашей партіи, и дѣла опять поправились. Теперь перейду къ нашему настоящему положенію. Судьбѣ угодно, чтобы мы провели здѣсь довольно продолжительное время. Употребимъ это время съ пользою. Жить мы будемъ по-товарищески, какъ и слѣдуетъ людямъ одной и той же партіи, однихъ и тѣхъ же убѣжденій.

Ораторъ поклонился и сѣлъ. Громъ рукоплесканій покрылъ его послѣднія слова. Хлопалъ и я, хотя нѣсколько и недоумѣвалъ. Я не понималъ, къ чему была сказана эта рѣчь и какое она имѣла для насъ значеніе. Но хлопали всѣ,—хлопалъ и я.

Когда нѣсколько успокоились, рѣшено было выработать правила для нашей жизни. Прежде всего былъ избранъ по

голосованію новый староста. Затѣмъ, постановили: 1) требовать, чтобы намъ выдавали кормовыя не по 10 копѣекъ, а по 20. Требованіе это начальство немедленно исполнило. („Вотъ она сила гдѣ", подумалъ я). 2) Всѣ деньги долженъ получать староста и озаботиться, чтобъ на эти деньги мы имѣли полное продовольствіе, для всѣхъ одинаковое. 3) Всѣ деньги, которыя получалъ кто-нибудь изъ насъ со стороны, должны были поступать въ общую кассу и затѣмъ поровну раздѣляться между всѣми.

Послѣднее постановленіе въ особенности возбудило восторгъ. Кричали ура, хлопали и стучали ногами, пропѣли почему-то марсельезу, потомъ какую-то революціонную пѣсню и долго не могли успокоиться. Къ вечеру начальство приказало расковать всѣхъ. Это подлило масла въ огонь: Поздравляли другъ друга и считали, что надъ правительствомъ одержана полная побѣда. Произносились новыя рѣчи, тосты въ честь извѣстныхъ дѣятелей, отсутствующихъ и здѣсь находящихся, причемъ послѣдніе раскланивались, прижимая руки къ груди, точь въ точь какъ на сценѣ провинціальные актеры. Даже когда послѣ 9 часовъ насъ заперли по камерамъ, долго еще раздавались пѣсни и крики.

— Вотъ оно! вотъ оно!—говорилъ Копанскій, ходя изъ угла въ уголъ. Смотрите и учитесь! грозно обратился онъ ко мнѣ.

Я рѣшилъ смотрѣть и учиться.

Нѣсколько дней послѣ описанныхъ событій продолжалось еще нѣкоторое оживленіе, но мало-по-малу оно начало утихать. Вставали поздно, пили чай, бродили по двору, обѣдали, послѣ чего опять отдыхали, опять пили чай, бродили изъ камеры въ камеру и ложились спать. Первое время, понятно, вспоминали свои прежніе подвиги, но въ концѣ концовъ это надоѣло. Мы начинали вести жизнь совершенно скотскую.

— Господа! такъ жить нельзя. Нужно чѣмъ-нибудь заняться, заявилъ однажды Пышкинъ, когда всѣ въ столовой пили чай.

По обыкновенію поднялся гулъ одобренія.

— Я придумалъ вотъ что: пусть кто-нибудь изъ нашихъ почтенныхъ сотоварищей возьмется прочесть намъ исторію революціоннаго движенія въ Россіи. Я думаю, многіе будутъ очень довольны этимъ. Такихъ же людей, которые изучили вполнѣ весь ходъ революціи въ Россіи,—я думаю, между нами

не мало. Онъ обвелъ присутствующихъ глазами. Пусть желающіе принять на себя эту обязанность запишутся сейчасъ и затѣмъ поочередно будутъ читать намъ лекціи, а мы по вечерамъ послушаемъ ихъ.

Желающихъ оказалось всего три человѣка. Первымъ по очереди былъ молодой человѣкъ Водишевскій. Онъ судился по довольно крупному дѣлу и былъ лицомъ, уважаемымъ въ нашей средѣ. Чтенія были отложены до слѣдующаго дня, такъ какъ лекторы, по ихъ словамъ, должны были приготовиться. Съ нетерпѣніемъ ждалъ я начала лекцій. Пышкинъ какъ бы предугадалъ мое желаніе.

„Теперь, думалъ я,—я узнаю всю суть этого ученія и буду въ состояніи всѣмъ и каждому объяснить, къ чему я стремлюсь и чего я хочу“.

Вечеромъ столовая приняла необыкновенный видъ. Вдоль были разставлены скамьи, передъ которыми стоялъ столъ. На столѣ былъ графинъ съ водой, стаканъ и блюдечко съ мелкимъ сахаромъ. Вмѣсто одной лампы, обыкновенно освѣщавшей столовую, было четыре. На переднихъ скамейкахъ размѣстились: Пышкинъ, Пажинъ, Тонкушинъ и другіе болѣе крупные дѣятели, затѣмъ пошла мелочь и на задней помѣстился я.

Водишевскій прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ, выпилъ воды, взъерошилъ волосы и началъ.

Началъ онъ издалека: со Стеньки Разина.

Съ чувствомъ особеннаго удовольствія я начиналъ познавать, что я былъ однимъ изъ прямыхъ послѣдователей историческаго разбойника.

Отъ Стеньки Разина лекторъ перешелъ къ Пугачеву, на которомъ остановился съ особенной любовью.

— Вотъ былъ человѣкъ! восклицалъ онъ,—Россія будущаго должна ему будетъ поставить памятникъ.

Это было для меня также ново.

Затѣмъ вышли на сцену декабристы, но лекторъ коснулся ихъ вскользь и пренебрежительно отозвался:

— Баричи!

Затѣмъ какъ метеоры пролетѣли: Нечаевъ, Чернышевскій, и лекторъ перешелъ къ преступленіямъ, то бишь,—къ дѣяніямъ революціонной партіи въ новѣйшее время. Со всѣми этими дѣяніями лекторъ, очевидно, былъ прекрасно знакомъ, такъ какъ рѣчь его лилась плавно и безостановочно.

Я слушалъ и не понималъ. Голова моя наполнялась фак-

тами и фактами, но для чего все это происходило, къ чему стремились люди, вступившіе на этотъ путь,—все это оставалось невыясненнымъ.

Такимъ образомъ лекціи продолжались три вечера, но на четвертый я было начиналъ думать, что вопросъ, мучившій меня, будетъ разрѣшенъ. Дѣло въ томъ, что послѣдній лекторъ самъ хотѣлъ заняться вопросомъ, чего именно добивалась партія. По тому напряженному вниманію, которое воцарилось между слушателями, видно было, что не одного меня интересуетъ этотъ вопросъ.

По примѣру предшественниковъ своихъ, лекторъ, коснувшись цѣли декабристовъ, которая была болѣе или менѣе очевидна, продолжалъ:

Стремленія революціоннаго движенія нашего времени заключаются въ томъ, чтобы выдвинуть нашъ русскій народъ изъ его спячки, дать ему понять, въ какомъ унизительномъ положеніи онъ находится и дать ему возможность, наконецъ, свободно, безо всякой опеки избрать такой родъ правленія, при которомъ онъ могъ бы быть счастливъ.

Съ передней скамейки поднялся высокій блондинъ съ рѣзкими чертами лица.

— Господинъ ораторъ можетъ это говорить про себя лично, говорилъ онъ съ ироніей, — а не приплетать сюда всю партію.

— Что вы хотите этимъ сказать? покраснѣвъ, спросилъ лекторъ.

— А то, что мы вовсе не хотимъ заниматься развитіемъ народа, будетъ! Мы должны бороться съ нашимъ врагомъ—съ правительствомъ.

— Да что же, вы для себя лично что-ли боретесь съ нимъ? закричалъ, горячась лекторъ.

— Вы оба не то говорите, раздался новый голосъ,—цѣлью нашей должно быть уничтоженіе того экономическаго положенія, которое тяготѣетъ надъ нами.

— Прежде всего долой правительство, а потомъ уже будемъ разговаривать! стукнувъ кулакомъ по столу, закричалъ блондинъ.

Почти всѣ встали со своихъ мѣстъ.

— Какъ, вы хотите проповѣдовать намъ теорію Бакунина?

— А что же по-вашему Бакунинъ?

Волненіе между присутствующими возрастало.

— Бакунинъ—дуракъ! раздалось отчетливо.

Мгновеніе полной тишины, и затѣмъ цѣлая буря. Кричали всѣ заразъ.

— Если Бакунинъ дуракъ, то вы измѣнникъ!

— Долой правительство!

— Идіотъ!

— Перерѣзать всѣхъ!

— Позвольте, вы не правы: дайте высказать.

— Тише! тише!

— Вы, просто, глупы!

— Какъ? Что?

Я не знаю, чѣмъ бы окончилась вся эта сцена, еслибы сбѣжавшіеся на шумъ надзиратели не положили этому конецъ, предложивъ разойтись по камерамъ. Но еще и послѣ этого долго не унимался шумъ. Я зналъ только то, что я ничего не понялъ. Копанскій бѣгалъ по камерѣ и кричалъ:

— А? Каково? Что вы на это скажете?

Но я легъ, закрылся съ головой и не отвѣчалъ.

Назойливо вертѣлся у меня въ головѣ вопросъ: „что это такое?“

Но отвѣта я не находилъ.

Чтенія прекратились, но не прекратилось то чувство неловкости, которое внесли неудавшіяся лекціи. О дѣлахъ партіи старались не говорить вовсе. Но не прошло и двухъ недѣль, какъ разразилась исторія, которой, повидимому, никто не ожидалъ.

Въ числѣ заключенныхъ въ центральныхъ тюрьмахъ былъ нѣкто Духовецкій, къ которому, единственному изъ всѣхъ другихъ, приходили родственники и передавали какъ провизію, такъ и другія вещи, пропускъ которыхъ начальствомъ тюремъ былъ разрѣшенъ. Благодаря этому родственники и другихъ заключенныхъ присылали на имя Духовецкаго посылки, какъ денежныя, такъ и прочія, съ тѣмъ, чтобы онъ передавалъ ихъ по принадлежности. Заключенные размѣщались въ отдѣльныхъ камерахъ и не имѣли другъ съ другомъ сообщенія, поэтому, конечно, дѣйствія Духовецкаго не могли подвергаться никакому контролю. Тѣмъ не менѣе, тѣми таинственными путями, которые знакомы только долговременнымъ

обывателямъ тюремъ, слухи о пожертвованіяхъ дошли и до другихъ заключенныхъ, а между тѣмъ они или вовсе ничего не получали, или получали очень мало. Пока они были заключены въ центральной тюрьмѣ. неудовольствіе, понятно, не могло выйти наружу, но въ N-ской тюрьмѣ, когда всѣ были на относительной свободѣ и могли еще болѣе убѣдиться въ несовсѣмъ красивыхъ дѣйствіяхъ Духовецкаго, дѣло это всплыло наружу. Вопросъ поднялъ Богословскій, извѣстный тѣмъ, что былъ, такъ-сказать, поводомъ, хотя и не по собственному желанію, громкаго дѣла Засуличъ. Это былъ высокій брюнетъ съ энергическими чертами лица. Во все время пребыванія въ N-ской тюрьмѣ онъ держался особнякомъ и почти ни съ кѣмъ не говорилъ, былъ мраченъ и задумчивъ.

Каждый изъ заключенныхъ имѣлъ право собрать сходку для разрѣшенія какого-нибудь вопроса, касающагося его лично или всѣхъ вообще. Въ одинъ изъ вечеровъ послѣ чаю было объявлено, что Богословскій собираетъ сходку. Когда всѣ собрались, Богословскій всталъ и торжественно произнесъ:

— Господинъ Духовецкій! я прошу васъ дать предъ всѣми отчетъ въ тѣхъ пожертвованіяхъ, которыя вы получали для насъ во время заключенія въ центральной тюрьмѣ.

Духовецкій нѣсколько смутился, но затѣмъ быстро отвѣтилъ:

— Они были переданы по принадлежности.

— Я обвиняю васъ въ противномъ, а вотъ мои свидѣтели: Дударинъ, Александровъ, Ивановъ, Введенскій! скажите, правду ли я говорю?

— За все время мы ничего не получали, заявили названные.

Воцарилось мертвое молчаніе. Духовецкій покраснѣлъ такъ, что можно было думать, что съ нимъ случится ударъ.

— Я спрашиваю теперь, какъ назвать поступокъ Духовецкаго? спросилъ Богословскій, поднявшись во весь ростъ.

— Позвольте, вмѣшался другъ и пріятель Духовецкаго—Воронинъ,—можетъ быть Ивановъ и другіе не получали не по винѣ Духовецкаго, а по какимъ-нибудь другимъ причинамъ?

— Да, да, конечно, это надо сначала выяснить, закричало нѣсколько голосовъ.

Духовецкій ободрился.

— Узнавать нечего, мрачно возразилъ Богословскій,—все

нѣшнихъ своихъ послѣдователей, то отказался бы отъ своей програмы. Всѣхъ ихъ вообще можно раздѣлить на три части. Первая и самая малочисленная, почти ничтожная—это фанатики, которые, дѣйствительно, воображаютъ, что они призваны для обновленія міра. Но фанатики—это люди больные, поэтому о нихъ нечего и говорить. Вторая часть—это люди, которые ничѣмъ не могли выдвинуться изъ массы, а между тѣмъ, затеряться въ толпѣ имъ не позволяло развивщееся честолюбіе, — люди, о которыхъ еще покойный Катковъ сказалъ: „Дайте имъ орденъ и приличное мѣсто—и они сдѣлают-ся ярыми консерваторами". И, наконецъ, третья самая многочисленная и самая жалкая часть,—это увлеченные по молодости, по неопытности,—увлеченные всѣми этими внѣшними проявленіями quasi освободителей, ихъ страданіями за правду и т. д. и т. д. Вскорѣ, впрочемъ, они узнаютъ, что то, что издали казалось имъ сіяніемъ, при ближайшемъ знакомствѣ оказывается горящей смрадной навозной кучей. Счастливы тѣ, которые узнаютъ это заблаговременно, но большинство узнаетъ это тогда, когда бываетъ уже поздно, когда они пріобрѣтаютъ новое званіе, званіе „*государственнаго преступника*", послѣдствія котораго остаются чуть не на всю жизнь. Такіе люди, поневолѣ, пополняютъ контингентъ партіи, часто поневолѣ же участвуютъ въ дальнѣйшихъ преступленіяхъ, которыя противны имъ, или же остаются въ положеніи между небомъ и землею. Изъ-за чего же наша бѣдная молодежь шла въ ссылку, шла въ каторгу, шла на висѣлицу? Тяжелое, невыносимо тяжелое состояніе тѣхъ, которые пришли къ убѣжденію, что *не изъ-за чего*! Что они шли за какимъ-то призракомъ, который при приближеніи разсѣялся, какъ дымъ. Вотъ для чего я описываю всѣ эти мелкіе, повидимому, ничего незначащіе факты.

Если разсказъ мой заставитъ задуматься хоть одного изъ тѣхъ, кто считаетъ героями и страдальцами за правду всѣхъ этихъ людей, то цѣль его будетъ достигнута.

Богословскій, дѣйствительно сошелъ съ ума. Объясняли это долговременнымъ одиночнымъ заключеніемъ и соединенными съ этимъ тяжелыми нравственными условіями,—но между тѣмъ каждый чувствовалъ, что не малую роль въ его сумасшествіи играла также и исторія съ Духовецкимъ. Богословскій несомнѣнно былъ фанатикъ, и такое отступленіе отъ

тѣхъ правилъ, которыя люди, подобные Богословскому, возвели въ догматъ,—такое отступленіе, какое совершилъ Духовецкій, онъ считалъ преступленіемъ. Когда же увидалъ, что преступленіе это людьми, считавшимися единомышленниками, не считается преступленіемъ, — мало того, его же обвиняютъ въ мелочности,—тогда больныя умственныя способности его окончательно пошатнулись. Исторія эта не могла быть причиною окончательнаго съумасшествія, но поводомъ была. Это сознавалъ каждый, и всѣ были словно какъ-то сконфужены, Духовецкій же почти не показывался изъ своей камеры.

Наступила осень, и отвратительная погода, не позволявшая намъ гулять по двору, еще болѣе усиливала тоскливое настроеніе, которое овладѣло почти всѣми. Чтеніемъ занимались немногіе. Книгъ хотя было и довольно, но это были книги все серьезныя, чтеніе которыхъ требовало солидной подготовки, а такой, за малыми исключеніями, мы не обладали. Нѣкоторые, впрочемъ, брались читать, но скоро бросали. Между заключенными было нѣсколько человѣкъ простыхъ рабочихъ, едва умѣющихъ читать. Этихъ субъектовъ лица *съ солиднымъ прошлымъ* считали долгомъ своимъ развивать—и вотъ несчастные развиваемые принялись за чтеніе политической экономіи Милля, Маркса, Рикарда и т. п. Ослушаться они не смѣли.

— Много вы прочитали, Александровъ? спросилъ я одного изъ нихъ, услыхавъ, какъ онъ по складамъ читаетъ Милля.

— До двадцатой страницы дошелъ, отвѣчалъ онъ.

— Ну что жъ, нравится вамъ?

— Книга хорошая.

— О чемъ же вы прочитали?

— А кто его знаетъ; можетъ, когда окончу, узнаю, отвѣчалъ Александровъ, принимаясь снова за свой египетскій трудъ.

Но такихъ было немного. Другіе безъ церемоніи бросали чтеніе и бродили, какъ сонные, изъ угла въ уголъ. Вскорѣ, впрочемъ, найдено было развлеченіе. Еще съ самаго прибытія въ N—скую тюрьму, намъ было разрѣшено выписывать въ небольшомъ количествѣ для нездоровыхъ водку. Сперва позволеніемъ этимъ пользовались очень немногіе, но затѣмъ начали пить уже прямо отъ скуки, и выпивка водки приняла размѣры довольно широкіе. Тѣмъ не менѣе пить просто мы считали неприличнымъ и пріискивали всегда какой-нибудь благовидный предлогъ. — Одинъ день имянины кого-нибудь изъ членовъ,

тамъ годичный юбилей его дѣятельности, но чаще всего мы справляли новоселье. Новосельемъ называлось, если кто-нибудь изъ своей камеры переходилъ въ другую. Переселяющійся обязанъ былъ поставить двѣ бутылки, а затѣмъ уже ставили новые товарищи. Такія новоселья повторялись въ недѣлю раза три, четыре. Пили за революцію, за пострадавшихъ, за будущихъ дѣятелей; пѣли революціонныя пѣсни—послѣ нѣсколькихъ бутылокъ затягивалась неизмѣнная марсельеза, а подъ конецъ обязательно кто-нибудь перессоривался и расходились врагами. На другое же утро пили за примиреніе враждующихъ.

Съ половины зимы стали подвозить новыхъ преступниковъ. Привезли четырехъ крестьянъ-хохловъ, участниковъ Чигиринскаго дѣла. Почти всѣ уже они были старики. Въ особенности обращалъ вниманіе на себя одинъ изъ нихъ Теренчукъ, которому было около 60 лѣтъ.—Съ длинной бѣлой бородою, съ изборожденнымъ морщинами лицомъ, своимъ видомъ онъ напоминалъ какого-то ветхозавѣтнаго патріарха, вслѣдствіе нелѣпаго анахронизма попавшаго въ нашу компанію. Казалось, онъ и самъ чрезвычайно былъ удивленъ тѣмъ, что съ нимъ случилось. Но прибывшіе раньше ихъ два видные дѣятеля Чигиринскаго дѣла чрезвычайно гордились, какъ они выражались, своею креатурою.

— Что, діду, обращался одинъ изъ нихъ—Мановскій, къ Теренчуку, съ торжествомъ поглядывая на окружающихъ: — славное дѣло мы съ тобой сдѣлали!

— Воно й выдно, що славно! грустно улыбаясь, отвѣчалъ Теренчукъ, но слушатели понимали его отвѣтъ буквально и были въ восторгѣ.

Какъ-то разъ, когда мы остались вдвоемъ съ Теренчукомъ, я спросилъ его, какъ это онъ въ такихъ лѣтахъ попалъ въ дѣло.

— Выдно Господь мене покаравъ, отвѣчалъ онъ со вздохомъ,—що до старости доживъ, а разумъ потерявъ, а тілько гріхъ на тіхъ буде, кто насъ, дурніхъ сліпцівъ обманувъ... Разорыли воны насъ, глухимъ голосомъ докончилъ онъ, и слезы показались на его глазахъ [1]).

За крестьянами привезли дѣятелей послѣднихъ процессовъ, преимущественно за распространеніе запрещенныхъ изданій.

[1]) Въ ссылкѣ они пробыли недолго и по Высочайшему повелѣнію были вскорѣ освобождены.

Между ними былъ молоденькій мальчикъ лѣтъ 18, съ чрезвычайно добродушнымъ лицомъ. Хилый и болѣзненный, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка не отъ міра сего.—Обыкновенно всѣхъ вновь прибывшихъ, если дѣла ихъ не были извѣстны, въ столовой, при собраніи всѣхъ, разспрашивали, за что приговоренъ.

— За принадлежность къ фракціи террористовъ-народниковъ, добродушно отвѣчалъ на обращенный къ нему вопросъ Миритовъ.

— Это что же за фракція? обращались съ удивленіемъ къ нему,—новая какая-нибудь?

— Да, она только-что образовалась.

— Какія же цѣли она преслѣдуетъ?

— Посредствомъ террора облегчить положеніе рабочаго класса.

— То есть, какъ же?

— Да, такъ. Допустимъ, что какой-нибудь помѣщикъ или фабрикантъ злоупотребляетъ силою своего капитала, мы ему посылаемъ предписаніе, чтобы онъ увеличилъ заработную плату и уменьшилъ рабочіе часы. Если онъ не соглашается, мы его убиваемъ. Это очень просто.

Простота эта, казалось, озадачила не одного меня, такъ какъ нѣсколько времени всѣ молчали. Миритовъ продолжалъ улыбаться самою невинною улыбкою.

— И много вы имѣете послѣдователей?

— Пока еще очень немного, но увѣренъ, что будутъ. Дѣло само за себя говоритъ.

— А были примѣненія вашей системы.

— Пока тоже нѣтъ.

— Слава Богу! неожиданно раздалось изъ угла, гдѣ, обыкновенно молча сидѣлъ высокій брюнетъ Хохловъ. На всѣхъ собраніяхъ, на всѣхъ сходкахъ онъ всегда присутствовалъ, но говорить ничего не говорилъ. Никто не зналъ, за что онъ ссылается, самъ же онъ на вопросы отвѣчалъ уклончиво и нехотя

— Слава Богу! повторилъ онъ,—это было бы простое, подлое убійство".

Миритовъ сконфузился.

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Мы дѣйствовали въ интересахъ партіи, началъ онъ.

— Какой? перебилъ Хохловъ,—партіи убійцъ и разбойниковъ?

Миритовъ окончательно потерялся.

— Да, вѣдь, есть же террористы? Они тоже убиваютъ? растерянно спросилъ онъ.

Хохловъ провелъ рукой по лбу.

— Да, вы правы! они тоже убиваютъ, проговорилъ онъ и какъ бы подъ тяжестью нахлынувшихъ мыслей, опустился на скамейку.

Всѣ смотрѣли на него съ удивленіемъ.

Поднялся Воролинъ, который считался ораторомъ.

— Достоуважаемый членъ Хохловъ,—началъ онъ, — выразился нѣсколько странно, назвавъ новую фракцію террористовъ-народниковъ разбойниками; кромѣ того, онъ также двусмысленно отозвался и о фракціи террористовъ, а потому собраніе проситъ разъяснить, какъ понимать эти слова.

Хохловъ всталъ.

— И это спрашиваете меня вы? Вы, которые говорите, что желаете избавить народъ отъ насилія,—и сами проповѣдуете грубое насиліе?!

— Для того, чтобы освободить цѣлый народъ отъ рабства, насиліе надъ немногими, захватившими власть, совершенно законно. Цѣль оправдываетъ средства.

— Полюбуйтесь же на послѣдствія вашихъ средствъ, съ ироніей сказалъ Хохловъ, указывая на Миритова,—вы проповѣдуете терроръ противъ власти, а эти пошли дальше: они, просто, проповѣдуютъ убійство. Они будутъ убивать каждаго состоятельнаго человѣка, который не захочетъ дѣлиться своимъ состояніемъ, скопленнымъ трудомъ и умомъ, со всякимъ тунеядцемъ и лѣнтяемъ. За убійствомъ естественное слѣдствіе —ограбленіе убитаго съ тою же нравственною цѣлью... Опомнитесь, оглянитесь, куда мы идемъ, куда зашли?

— Вы увлекаетесь, сказалъ Пажинъ.

— Увлекаюсь? А давно ли проходилъ черезъ эту самую тюрьму Крижановскій за ограбленіе почты и за убійство несчастнаго, ни въ чемъ неповиннаго ямщика, а затѣмъ городоваго? Давно ли былъ обокраденъ банкъ? И все это съ тою же похвальною цѣлью!

— Для силы партіи нужны деньги.

— И поэтому ихъ нужно добывать воровствомъ и убійствомъ?

— Хохловъ! Вы оскорбляете!

— Позвольте, вмѣшался Пышкинъ, Хохловъ, очевидно,

принадлежитъ къ той же партіи, которая полагала, что для совершенія переворота нужно начинать снизу, съ народа. Смотрите, Хохловъ; здѣсь предъ вами большинство лицъ, которыя когда-то думали такъ же. Вотъ Рогалевъ, вотъ Воролинъ, вотъ Войроновъ, вотъ многіе другіе, которые ходили въ народъ. И что же они вынесли? Что русскій народъ прежде всего такъ привязанъ къ своему Государю, что побудить его къ чему-либо въ томъ смыслѣ, въ какомъ желали бы мы, или вовсе невозможно, или возможно обманомъ, какъ это видно изъ Чигиринскаго дѣла. Что же остается дѣлать? Остается начать сверху, и тутъ-то террор и можетъ сослужить намъ службу.

— Какую же? спросилъ Хохловъ.

— Посредствомъ террора мы уничтожимъ власть, мы уничтожимъ то, что тяготѣетъ надъ народомъ, мы сдѣлаемъ его свободнымъ и дадимъ ему возможность самому создать такое правленіе, какое онъ найдетъ для себя удобнымъ.

— Я не согласенъ съ Пышкинымъ! вскочилъ одинъ изъ слушателей—Ситычъ,—уничтоживъ одну власть, мы не должны допускать никакой другой власти, мы должны стоять на-сторожѣ и не допускать этого.

— Къ чорту всякую власть! закричало нѣсколько голосовъ.

— Видите, Пышкинъ, заговорилъ улыбаясь Хохловъ, вы выражаетесь *мы*, а между тѣмъ Ситычъ и многіе другіе тутъ же не согласны съ вами. Но я сначала отвѣчу вамъ. Вы сказали, что вы сдѣлались террористами, послѣ того какъ убѣдились, что съ народомъ ничего нельзя сдѣлать, такъ какъ онъ преданъ своему Государю, т. е., другими словами, преданъ правительству, или, по-вашему, власти. Если народъ преданъ, значитъ, онъ желаетъ этого правительства. Затѣмъ вы говорите, что уничтожите это правительство и предоставите народу избрать его по своему желанію. Но, вѣдь, народъ любитъ Государя, значитъ, онъ *желаетъ его* правленія. Какъ же понять васъ? Что же касается Ситыча, то я не слыхалъ ни объ одномъ народѣ, даже въ самомъ первобытномъ состояніи, который бы не признавалъ никакой власти; съ другой стороны, не будетъ ли Ситычъ, стоя на стражѣ и уничтожая малѣйшее желаніе народа избрать образъ правленія, не будетъ ли Ситычъ тѣмъ самымъ изображать власть, и притомъ власть, идущую прямо въ разрѣзъ съ желаніемъ народа?

Между слушателями раздался ропотъ.

— Если народъ по глупости не хочетъ быть счастливымъ,

мы заставимъ его насильно! вскричалъ Ситычъ, ударивъ кулакомъ по столу.

— Браво, Ситычъ! закричало громко нѣсколько голосовъ.

— Я не могу ни за кѣмъ признать права навязывать народу идеи, противныя исторіи и здравому смыслу, громко сказалъ Хохловъ и вышелъ изъ столовой.

— Что это за птица? раздалось со всѣхъ сторонъ, кто онъ такой?

Никто не зналъ.

— Да не шпіонъ ли?

Рѣшено было узнать объ этомъ у начальства.

Почти каждую недѣлю подвозили новенькихъ, въ томъ числѣ и административно-ссыльныхъ.

— За что ссылаетесь?

— За принадлежность къ революціонной партіи! съ апломбомъ отвѣчали они.

Если же ихъ просили разсказать болѣе подробно, то каждый изъ нихъ являлся спасителемъ міра. Въ особенности отличался одинъ изъ нихъ—Ленченко. По его словамъ, съ его арестомъ партія понесла незамѣнимую утрату. Похожденія его, по собственнымъ его разсказамъ, являлись въ какомъ-то фантастическомъ свѣтѣ. Сначала ему вѣрили, но подъ конецъ стали относиться недовѣрчиво.. Черезъ нѣсколько времени онъ окончательно провалился. Какъ-то въ столовой онъ началъ разсказывать о совершенномъ имъ кругосвѣтномъ путешествіи. Въ самомъ разгарѣ его повѣствованія, когда онъ перечислялъ мѣста, гдѣ онъ былъ, вдругъ кто-то перебилъ его:

— А на Монбланѣ вы были?

— Какъ же, помилуйте! Нашъ пароходъ стоялъ тутъ цѣлыя сутки. Еще здѣсь я имѣлъ продолжительное свиданіе съ извѣстнымъ нѣмецкимъ соціалистомъ... какъ его... вотъ забылъ...

Гомерическій хохотъ заглушилъ разсказчика, который, кромѣ вранья, показалъ и свое образованіе.

Между тѣмъ въ честь каждаго вновь прибывшаго устраивалась приличная выпивка. Рядомъ съ этимъ по-прежнему справлялись новоселья и т. п. Выписка вина дошла до двухъ ведеръ въ недѣлю.

Послѣ одной изъ попоекъ, на которой перепилась бо̀льшая половина, а нѣкоторые и передрались, рѣшено было собрать сходку по поводу пьянства.—Пажинъ говорилъ рѣчь, въ ко-

торой указывалъ на то, что мы, вмѣсто того, чтобы вести себя такъ, какъ прилично людямъ, пострадавшимъ за идею, предаемся самому отвратительному пьянству.

— Въ то время, говорилъ онъ,—когда братья наши гибнутъ, (какъ разъ въ это время разбирался крупный процессъ), мы предаемся безобразію. Что подумаютъ о насъ, когда узнаютъ нашу жизнь? Какой примѣръ мы подаемъ? Мы, на которыхъ смотритъ вся наша русская честная молодежь!

Онъ говорилъ съ увлеченіемъ и, когда кончилъ, столовая огласилась рукоплесканіями. Было постановлено употреблять водку только въ случаѣ болѣзни.

На слѣдующій же день у пятерыхъ оказалось разстройство желудка; на другой день заболѣло еще нѣсколько человѣкъ, а затѣмъ болѣзнь приняла, повидимому, эпидемическій характеръ и не прекращалась до конца пребыванія въ N-ской тюрьмѣ. Единственнымъ средствомъ, которое облегчало страданія заболѣвающихъ, оказывалась водка, къ которой такимъ образомъ и оставалось прибѣгать, какъ утверждали сами больные, противъ всякаго желанія.

Къ концу зимы было получено разрѣшеніе имѣть свиданія съ родными и знакомыми. Пріѣхавшихъ было очень много и почти все женщины: сестры, дальнія родственницы, жены, невѣсты. Бо́льшая половина заключенныхъ ходила на свиданія, которыя устраивались въ верхнемъ этажѣ въ отдѣльной большой комнатѣ. Впрочемъ, и тѣ, къ кому и не пріѣзжалъ никто, ходили вверхъ и знакомились съ посѣтителями; свиданія продолжались съ утра и до вечера. Первое время, понятно, было посвящено разспросамъ и разсказамъ объ обстоятельствахъ, интересующихъ какъ посѣтителей, такъ и тѣхъ, къ кому они приходили, а затѣмъ, когда все было переговорено, комната для свиданій обращалась въ гостиную, гдѣ заводились новыя связи.

Проводили время вообще весело: пѣли, выпивали и даже танцовали подъ пѣніе.

Вскорѣ мы узнали, что предполагаются двѣ свадьбы. Къ одному изъ ссыльныхъ пріѣхали двѣ сестры, молоденькія дѣвушки. Онѣ познакомились съ членами нашей тюрьмы, получили предложеніе, и ихъ молодыя головы закружились отъ блестящей перспективы быть женами пострадавшихъ за правду. Онѣ уже

воображали себя тѣми *русскими женщинами*, которыхъ воспѣлъ поэтъ,—и съ радостью согласились. Свадьба должна была состояться на дняхъ. О законномъ же бракѣ, т. е. такомъ, послѣ котораго жена могла бы оффиціально слѣдовать за мужемъ, послано было прошеніе о разрѣшеніи [1]). Въ день свадьбы рѣшено было устроить обѣдъ, на который приглашены были и всѣ посѣтители. Съ утра уже стали приготовляться, всѣ были въ какой-то ажитаціи. Стали съѣзжаться и гости. Вдругъ Войроновъ, который былъ у насъ старостой, собираетъ въ столовую.

— Господа! Всѣмъ обѣдать вверху нельзя, такъ какъ негдѣ помѣститься, и потому я распорядился половину обѣда подавать сюда.

Слова эти произвели впечатлѣніе ушата холодной воды.

— Насъ, значитъ, не нужно! проговорилъ Александровъ, простой рабочій.

— Гдѣ намъ! Съ суконнымъ рыломъ! Тамъ аристократы, заговорили со всѣхъ сторонъ.

Войроновъ исчезъ. Тутъ только замѣтили, что здѣсь оставалась только половина членовъ и именно все люди, не имѣющіе громкаго прошлаго, всѣ же другіе, хотя и не имѣющіе права свиданія, были вверху.

— Видно мы недостойны, началъ опять Александровъ,—а какъ дѣло было, такъ и насъ считали людьми.

— Нѣтъ, братцы, давно я вижу, что что-то не ладно, заговорилъ другой,—говорятъ: коммуна, коммуна,—а какая же это коммуна, коли у Пажина деньги на сторонѣ, и онъ ихъ сюда не выписываетъ, а выпишетъ, какъ отъ работы освободится, да на поселеніи будетъ жить?

— Видно, для тѣхъ коммуна, у кого нѣтъ ничего, а у кого есть,—тотъ про себя бережетъ.

— Говорите, говорите, а все-таки васъ навер[illegible] не пустили, подзадоривалъ Ленченко, тоже оставшійся [illegible]гомъ.

— Ну, не пустить не могутъ, а только м[illegible] сами не пойдемъ, коли они поступили не по-товарищески.

Между тѣмъ, наверху пиръ шелъ горой. Вся компанія помѣстилась за длиннымъ столомъ, составленнымъ изъ нѣсколькихъ столовъ. Мужчины сидѣли въ перемежку съ женщинами. Послѣ перваго блюда пили въ честь соединяющихся, затѣмъ начались рѣчи. Говорили много. Указывали на свою силу,

---

[1]) Разрѣшенія не послѣдовало.

которую даже и въ тюрьмахъ не могутъ сковать, чему нагляднымъ примѣромъ служитъ поводъ къ настоящему торжеству. Пили за успѣхи пропаганды въ дальнѣйшее время, за террорь и т. п. Когда обѣдъ кончился, запѣли революціонную пѣсню, подъ звуки которой *молодые* удалились въ заранѣе приготовленныя камеры...

Примѣръ заразителенъ: вскорѣ и другія парочки стали удаляться, а такъ какъ въ верхнемъ этажѣ камеръ было немного, то въ одну и ту же удалялось по нѣскольку паръ...

Въ столовой обѣдъ проходилъ шумно. Выпито было тоже не мало. У всѣхъ лица были раздраженныя. Говорили по нѣскольку человѣкъ заразъ.

— А! видно справедливо говорилъ Богословскій! Какъ въ централкѣ дѣлали, такъ и тутъ дѣлаютъ!

— Они, братъ, аристократы, а мы демократы, наставительно говорилъ другой.

— А по-моему, кричалъ третій, стуча кулакомъ по столу, — здѣсь всѣ должны быть равны!

— Подождешь!

— Дуракъ, кто будетъ ждать, а я пойду на-прямикъ.

— Теперь какъ же это, заговорилъ среднихъ лѣтъ чухонецъ съ плотояднымъ выраженіемъ лица, — говорили: деньга — общій, все общій, а какъ баба, — такъ насъ — фью!

— Ишь, чего захотѣлъ! захохотали вокругъ.

— Чево смѣешься? Ты слушай, потомъ смѣешься. Ты — человѣкъ, онъ — человѣкъ, я — человѣкъ. Бабъ мало. Жребій бросить.

— Урра! загремѣло вокругъ, — молодецъ! Браво! Выпьемъ за его здоровье!

Вино начало дѣлать свое.

— Айда вверхъ! закричалъ кто-то, и вся ватага со свистомъ и криками пронеслась по корридору, а затѣмъ повалила на лѣстницу въ верхній этажъ...

. . . .

Чтò произошло вверху, точно мнѣ не удалось узнать, знаю только, что черезъ пять минутъ свиданіе прекратилось. Посѣтители ушли, а всѣ члены съ шумомъ и руганью толпой направились въ столовую. Но и тутъ тотчасъ же насъ пригласили разойтись по камерамъ.

— Скажите, Копанскій, чтò произошло вверху? спрашивалъ я, когда мы остались одни.

-- Трусы! Испугались Пажина! лежа на кровати и угрожая кому-то кулаками, отвѣчалъ Копанскій, еле ворочая языкомъ. На всѣ мои дальнѣйшіе вопросы онъ только икалъ.

Зима кончилась. Въ воздухѣ чувствовалось приближеніе весны. Яркіе лучи весенняго солнца все чаще и чаще заглядывали къ намъ сквозь рѣшетки нашихъ оконъ и какъ-будто приглашали выдти изъ душныхъ камеръ. Мы по цѣлымъ днямъ гуляли по двору. На солнечной сторонѣ была скамейка, на которой я любилъ сидѣть, грѣясь на солнышкѣ.

Былъ какой-то праздникъ. Вдали слышался благовѣстъ; за стѣной тюрьмы женскій голосъ пѣлъ какую-то заунывную пѣсню. Воздухъ былъ какъ-то особенно чистъ и прозраченъ. На дворѣ, кромѣ меня, никого не было. Я сидѣлъ и прислушивался къ этимъ звукамъ, доносившимся *оттуда*, *съ воли*... И я былъ вольнымъ, свободнымъ человѣкомъ, а теперь... Зачѣмъ же?.. Зачѣмъ я оставилъ родину, зачѣмъ я оставилъ все, что было для меня дорого, зачѣмъ?

Какъ жужжаніе надоѣдливой мухи слышался тамъ гдѣ-то внутри у меня этотъ вопросъ, и не находилось отвѣта.

Я пытался себя обмануть:

„Я пострадалъ за правду“, думалъ я, но оттуда, откуда-то сейчасъ же выползалъ вопросъ:

„За какую?“

„Я хотѣлъ принести пользу народу“.

„Чѣмъ?“ спрашивалъ кто-то, и ехидно прибавлялъ:

„Не прокламаціями ли?“

„Я все-таки сочувствовалъ страданію народа“, пытался я укрыться хоть въ эту лазейку.

„А гдѣ ты изучалъ страданія народа? Не на школьной ли скамейкѣ, не по учебнику ли исторіи?“

И опять этотъ вопросъ:

„Зачѣмъ?“

Я не замѣтилъ, какъ ко мнѣ подошелъ и сѣлъ рядомъ Хохловъ.

За послѣднее время я почувствовалъ какое-то особое влеченіе къ нему. И онъ не бѣгалъ отъ меня, какъ отъ другихъ. Онъ никогда не разспрашивалъ меня; я же, хотя мнѣ и крайне было интересно узнать, за что могъ попасть такой человѣкъ какъ онъ, не рѣшался спросить его.

— Что задумались? спросилъ онъ.

— Да вспомнилось прошлое.

Хохловъ опустилъ голову.

— Да! задумчиво проговорилъ онъ,—прошло и нѣтъ его, ничѣмъ не воротишь! А хотѣлось бы вамъ вернуть прошлое? вдругъ спросилъ онъ.

— Еще бы! вырвалось у меня.

— Вѣроятно и настоящаго тогда бы не было?

Я промолчалъ.

— Много въ этомъ мірѣ родомъ человѣческимъ было дѣлано глупостей, началъ онъ, какъ бы самъ съ собою,—но такой глупости, какую дѣлаетъ наша молодежь теперь, врядъ ли исторія когда-нибудь увидитъ.

Я посмотрѣлъ на него. Сегодня онъ показался совсѣмъ старикомъ. Глубокія морщины избороздили его высокій лобъ, въ бородѣ его, на яркомъ солнечномъ свѣтѣ, блестѣло множество серебристыхъ волосковъ. Онъ весь какъ-то осунулся.

— И прежде шли въ темницы, продолжалъ онъ,—шли на пытки, шли на костры, но, несмотря часто на всю нелѣпость ихъ убѣжденій, все-таки у нихъ были убѣжденія эти тверды, они знали, во что они вѣруютъ, чего хотятъ и за что идутъ. Теперь цѣлыя толпы здоровой, могущей быть полезной, молодежи гибнутъ,—гибнутъ добровольно и... не знаютъ за что!

Я сознавалъ, что, по долгу добропорядочнаго революціонера, я долженъ не слушать его и, если не могу его убѣдить, то долженъ бѣжать отъ него и отрясти прахъ отъ ногъ своихъ. Но я продолжалъ сидѣть.

— Сколько вамъ лѣтъ? обратился онъ ко мнѣ.

— Восемнадцать, отвѣчалъ я, краснѣя.

— Не стыдитесь, что вы молоды,—это лучшее оправданіе пребыванія вашего здѣсь. Кто зло сотворилъ по неразумѣнію, съ того менѣе взыщется.

Мнѣ слѣдовало оскорбиться, но когда я взглянулъ на Хохлова, то не могъ. Столько грусти выражало его лицо, что мнѣ невольно сдѣлалось жаль его.

— За что же онъ идетъ? думалъ я, глядя на этого сгорбленнаго человѣка, очевидно, когда-то здороваго, полнаго силъ и энергіи.

Онъ какъ будто прочиталъ мою мысль.

— Вы, вѣроятно, думаете: „Читаетъ нравоученія, а самъ туда же?“

Я сознался, что мысль эта, хотя и въ нѣсколько другой формѣ, являлась у меня.

Онъ закурилъ папиросу, помолчалъ и затѣмъ началъ:

— Ей было тоже 18 лѣтъ. Она была круглая сирота. Родителей она лишилась рано, и судьба устроила такъ, что мнѣ привелось замѣнить ей ихъ. Какой это былъ живой ребенокъ! Я былъ также одинокъ, но съ тѣхъ поръ, какъ она у меня поселилась, ожилъ весь домъ. Все наполнилось жизнью. Все, къ чему бы только ни прикасалась ея маленькая ручка, какъ будто оживало, принимало новый, свѣтлый, праздничный видъ. Я чувствовалъ, что и я молодѣю, жизнь стала затрогивать и меня. Незамѣтно пролетѣло пять лѣтъ, въ которые она успѣла кончить гимназію одною изъ первыхъ.

Онъ замолчалъ и провелъ рукой по глазамъ.

— Жизнь меня съ молоду не баловала, — продолжалъ онъ грухимъ голосомъ,—но пришло время, когда я начиналъ думать, что и на мою долю выпадутъ счастливые дни. Я боялся повѣрить, а вмѣстѣ съ тѣмъ сознавалъ, что въ отношеніяхъ ко мнѣ Вѣрочки начало проглядывать новое чувство. Это была уже не простая привязанность къ человѣку, который замѣнялъ для нея родныхъ,—это было уже что-то другое. И въ себѣ я замѣтилъ что-то новое. Я старался скрыть это самъ отъ себя, приводилъ себѣ доводы, что я старше ея чуть не вдвое, что она еще ребенокъ, а я ужь слишкомъ много испыталъ отъ жизни, но это *что-то* не поддавалось ничему и, послѣ каждаго усилія заглушить, съ новой силой поднималось наружу. Говорятъ первая любовь — самая сильная любовь. Но если она сильна въ молодыхъ годахъ, то въ моихъ она должна быть еще сильнѣе. А я, несмотря на мои годы, любилъ въ первый разъ! Въ это время ко мнѣ пріѣхалъ дальній родственникъ, котораго я помнилъ еще мальчикомъ. Это былъ молодой представительный человѣкъ, недавно вышедшій изъ университета вслѣдствіе какой-то исторіи, о которой я подробно не помню. Онъ былъ присланъ въ нашъ городъ административнымъ порядкомъ; точно такъ же, какъ теперь отправляюсь я,—замѣтилъ онъ съ горькой усмѣшкой.

— На правахъ родственника онъ поселился у меня. Я былъ тогда такъ счастливъ, такъ доволенъ жизнью, что на все смотрѣлъ сквозь розовую дымку, и потому съ радостью принялъ его. Надо вамъ сказать, что я не могу считать себя образованнымъ человѣкомъ. Учился я на мѣдные гроши; учась, дол-

женъ былъ заработывать какъ для себя, такъ и для родителей, а затѣмъ началъ тянуть канцелярскую лямку. Случай далъ мнѣ выиграть въ тиражъ небольшую сумму, и я думалъ кончить вѣкъ свой старымъ холостякомъ. До пріѣзда Всеволода,—такъ звали моего родственника,—мы жили тихо. У насъ почти никто не былъ и мы—никуда. Я съ удовольствіемъ видѣлъ, что и Вѣрочкѣ нравится такая наша жизнь. Но Всеволодъ нарушилъ наше уединеніе. Стали появляться разные молодые люди, по вечерамъ у нихъ происходили часто споры, на которыхъ присутствовала и Вѣрочка. Я видѣлъ, что она съ увлеченіемъ прислушивается къ новымъ для нея рѣчамъ, и началъ бояться. Безотчетная тоска сдавливала мнѣ грудь. Нѣсколько разъ собирался я отказать Всеволоду отъ дому, но боялся показаться нехорошимъ въ глазахъ Вѣрочки. Я только пересталъ присутствовать при этихъ разговорахъ;—я все ожидалъ, что Вѣрочка меня спроситъ, почему я удаляюсь, и тогда я выскажусь передъ нею вполнѣ. Глупецъ!.. Старое должно было уступить молодому! Проходя разъ мимо комнаты Всеволода, я услыхалъ чрезвычайно оживленные голоса. Я вошелъ. У Всеволода было много народу,—все молодежь. Всеволодъ стоялъ и говорилъ по поводу только-что окончившагося крупнаго политическаго процесса. Онъ говорилъ то, что̀, вѣроятно, и вамъ приходилось не разъ слышать. Все это слова громкія, пустыя, но тѣмъ не менѣе возбуждающія молодую кровь. Я посмотрѣлъ на Вѣрочку: она слушала, не сводя съ него глазъ. Лицо ея разгорѣлось, глаза сверкали... Я понялъ все и тихонько вышелъ...

Прошло около года. Всеволодъ жилъ у насъ. Я съ удивленіемъ замѣтилъ, что образъ жизни его перемѣнился. Къ нему заходили очень рѣдко, самъ же онъ почти никуда не выходилъ, постоянно запирался, и въ комнату къ нему имѣла доступъ только одна Вѣрочка. Мнѣ онъ говорилъ, что пишетъ диссертацію. За то во мнѣ тоже произошла перемѣна. Часто, просидѣвъ до глубокой ночи съ своими невеселыми думами, я отправлялся бродить по пустыннымъ улицамъ. Чѣмъ бы все это кончилось, я не знаю, но судьба положила такой конецъ, какого я не ожидалъ. Однажды ночью нашъ домъ наполнился полиціей, жандармами, прокуроромъ и понятыми. Произвели обыскъ у Всеволода, у Вѣрочки — не нашли ничего. Я съ удивленіемъ смотрѣлъ на все это, такъ какъ послѣ перемѣны, замѣченной мной во Всеволодѣ, не ожидалъ ничего подобнаго. Ко мнѣ обратился жандармскій офицеръ:

— Чтобы вполнѣ исполнить долгъ, мы попросимъ позволенія осмотрѣть и вашу комнату, сказалъ онъ.

— Съ удовольствіемъ! отвѣчалъ я спокойно, но, взглянувъ на Вѣрочку, я замѣтилъ на лицѣ ея страшный испугъ. Не понимая причины, я вслѣдъ съ другими вошелъ въ свою комнату. Повидимому, никто не надѣялся найти у меня что-либо, почему и обыскъ производили самымъ поверхностнымъ образомъ. Я смотрѣлъ на Вѣрочку и недоумѣвалъ, почему лицо ея принимаетъ все болѣе и болѣе испуганный видъ.

— Ого! вдругъ воскликнулъ офицеръ.

Я оборотился и увидалъ у него въ рукахъ толстую связку печатной бумаги. Всѣ подошли ближе. Это былъ пукъ новенькихъ, очевидно, еще не бывшихъ въ употребленіи, прокламацій.

— Это вамъ принадлежитъ? спросилъ офицеръ.

Я взглянулъ на Вѣрочку. Она съ такой тоской смотрѣла на Всеволода, что у меня сжалось сердце.

— Мнѣ, твердо отвѣчалъ я.

Вѣрочка слабо вскрикнула. Какой взглядъ благодарности она подарила мнѣ! Я спасалъ человѣка, который разбилъ мои надежды, но я зналъ, что человѣкъ этотъ дорогъ для нея. Объяснить, откуда у меня прокламаціи, я отказался, что̀ для меня было тѣмъ легче, что я и самъ не зналъ. Арестовали тѣмъ не менѣе и Всеволода, но вскорѣ освободили. Мнѣ же пришлось долго просидѣть!

Онъ замолчалъ. Я былъ подавленъ его разсказомъ. Ничего подобнаго не приходилось мнѣ слышать.

— Что же она, счастлива? спросилъ я, видя, что онъ не продолжаетъ.

— Ея нѣтъ. Она застрѣлилась, тихо отвѣчалъ Хохловъ.

— Застрѣлилась?! чуть не вскрикнулъ я.

— Подлецъ увлекъ ее и затѣмъ бросилъ. Такая, какъ Вѣрочка, ему не годилась.

— А онъ гдѣ?

— Онъ? Объ немъ вы, навѣрно, слыхали, и онъ назвалъ имя, громкое въ революціонномъ муравейникѣ.

Мы сидѣли и молчали. Хохловъ, вѣроятно, думалъ о прошломъ, о разбитой жизни. Я же видѣлъ передъ собою не ходульнаго, а настоящаго страдальца...

Въ числѣ лицъ, прибывшихъ къ намъ по послѣднимъ процессамъ, былъ молодой мальчикъ,—Легкій. Въ *дѣло* онъ по-

палъ прямо съ школьной скамейки. Это былъ въ высшей степени впечатлительный, увлекающійся мальчикъ. На судѣ онъ всѣми силами выгораживалъ другихъ, за что̀ и поплатился. Онъ шелъ съ лишеніемъ правъ въ Восточную Сибирь.

Въ публикѣ, присутствовавшей на судѣ, была одна молодая женщина изъ числа тѣхъ созданій, нахватавшихся разныхъ передовыхъ мыслей, которыми, къ сожалѣнію, такъ изобиловали семидесятые года. Не долго думая, она рѣшила, что должна выйти замужъ за Легкаго. Выпросила разрѣшеніе видѣться съ нимъ, явилась къ нему на свиданіе, бросилась ему на шею и объявила, что любитъ его и желаетъ соединить съ нимъ свою жизнь. Довольно красивая собою, она съумѣла увлечь Легкаго, и тотъ не только женился на ней, но и, дѣйствительно, полюбилъ ее.

Какъ ни странно то, что я сейчасъ разсказалъ, но такіе браки бывали не рѣдкостью.

Въ нашу тюрьму она пріѣхала тоже и приходила каждый день на свиданіе. Но если она увлеклась Легкимъ, то, попавъ въ центръ, такъ сказать, революціонной партіи, какой представлялъ изъ себя контингентъ N-ской тюрьмы, она окончательно потерялась. Если она восхищалась взглядами и воззрѣніями Легкаго, то что же она могла почувствовать послѣ того, какъ услыхала Пажина, Пышкина и другихъ? Образъ Легкаго начиналъ блѣднѣть, а вмѣсто него ярко выступали другіе. Въ особенности ухаживалъ около нея Войроновъ. Видный мужчина, обладающій умѣньемъ говорить, онъ обратилъ на себя вниманіе Маруси, — какъ звали ее у насъ, — и она почти все время проводила въ разговорахъ съ нимъ. Легкій видѣлъ все это и съ каждымъ днемъ становился пасмурнѣе. Войроновъ будто не замѣчалъ и продолжалъ ухаживаніе. Наконецъ, разъ, при прощаніи, Войроновъ обнялъ и поцѣловалъ ее. Въ эту самую минуту Легкій показался на порогѣ комнаты. Онъ весь задрожалъ, но удержался и, пока всѣ не разошлись, не сказалъ ни слова. Но лишь только они остались одни, онъ подошелъ къ Войронову и размахнулся, чтобъ дать ему пощечину. Войроновъ, очевидно, предвидѣлъ это и, быстро схвативъ его за руки, набросился на него всѣмъ туловищемъ и повалилъ на землю. Произошла короткая, отвратительная борьба.

— Пусти! захрипѣлъ Легкій, придавленный колѣномъ Войронова.

— Будешь драться? спросилъ съ ироніей Войроновъ.

— Пусти! съ яростью отъ своего безсилія хрипѣлъ Легкій.

Войроновъ поднялся. Вслѣдъ за нимъ поднялся и Легкій.

— Товарищи такъ не дѣлаютъ! проговорилъ онъ.

— Какъ? улыбаясь спросилъ Войроновъ.

— Не отбиваютъ женъ.

— И вамъ не стыдно это говорить? *Женъ*! Вы,—человѣкъ партіи, придаете значеніе слову *жена*! Почему она для васъ—жена? Потому, что иначе она не могла бы слѣдовать за вами,—только потому. Зачѣмъ же вы ударяете на словѣ *жена*? Она для васъ женщина, которая любила васъ, но разъ она увидала, что другой человѣкъ болѣе подходитъ къ ней, она въ правѣ совершенно свободно сдѣлать новый выборъ. Иначе чѣмъ же мы, люди прогресса и свободы, будемъ отличаться отъ тѣхъ, противъ которыхъ мы идемъ!—Наконецъ, допустимъ, что она находитъ насъ обоихъ равно подходящими для себя. Кто заслуживаетъ предпочтенія? Я ли, который нѣсколько лѣтъ просидѣлъ въ страшномъ заключеніи, или вы? Я ли, который принесъ партіи столько пользы, или вы? Можете ли вы отвѣтить, положа руку на сердце?

Легкій молчалъ, подавленный такимъ наглымъ самохвальствомъ.

— Вы молчите,—значитъ, я правъ! торжественно проговорилъ Войроновъ и оставилъ Легкаго.

На слѣдующій день Легкій не выходилъ на свиданіе. Жена его была съ Войроновымъ. Внизу не было никого: кто былъ на свиданіи, кто гулялъ по двору. Мнѣ нужно было взять какую-то вещь, и я зашелъ внизъ. Проходя мимо одной изъ камеръ, я услыхалъ заглушаемое всхлипываніе. Я отворилъ дверь и увидалъ Легкаго. Онъ лежалъ на кровати, спрятавъ голову подъ подушку, и истерически рыдалъ.

— Легкій! Что съ вами? спросилъ я, подходя къ нему.

— Подлецы! Негодяи! сквозь рыданія проговорилъ онъ. Господи! Куда я попалъ? Гдѣ я?..

Я старался его успокоить, хотя чувствовалъ, что слова тутъ не помогутъ.

— Силъ у меня нѣтъ покончить самому съ собой, но я не могу жить. Я сдѣлаю, что меня повѣсятъ, какъ-то дѣтски-злобно проговорилъ онъ.

Наступилъ май. Въ этомъ мѣсяцѣ мы должны были отправляться на мѣста назначенія, а потому и начались приготовле-

*

нія. Назначена была коммисія для распредѣленія денегъ, книгъ и т. п. между всѣми членами. Рѣшено было всѣ деньги, находящіяся у насъ, раздѣлить поровну между всѣми: пришлось каждому около 60 рублей. За недѣлю до отправленія была собрана сходка, гдѣ каждому было объявлено, сколько и чего приходится на его долю. Когда очередь дошла до Легкаго, онъ отъ денегъ отказался, объявивъ, что ему изъ дома пришлютъ, а эти деньги пусть раздѣлятъ между другими. Кромѣ Легкаго, заявленія не сдѣлалъ никто. Коммисія, очевидно, предчувствовала что-то, потому что, покончивъ съ деньгами, быстро хотѣла перейти къ другимъ вопросамъ, но одинъ изъ членовъ—Матвѣевъ, попросилъ слова.

— Я хотѣлъ спросить, неужели изъ всѣхъ насъ только одинъ Легкій — человѣкъ со средствами? Сколько я знаю, почти половина изъ присутствующихъ здѣсь — люди состоятельные. Почему же одинъ Легкій отказался отъ общественныхъ денегъ?

— Эти вопросы не подлежатъ нашему обсужденію, возразилъ Пажинъ.

— А почему, позвольте узнать?

— Потому что мы не можемъ знать, у кого и какія средства.

— Мы знаемъ и безъ этого, закричали сторонники Матвѣева,—у Цѣхоцкаго, Пажина, Туескова есть болѣе чѣмъ хорошія средства.

— А вы считали что-ли у меня въ карманѣ? закричалъ Цѣхоцкій.

— Что же, вы скажете, что у васъ нѣтъ средствъ?

— А хотя бы и были, да вамъ какое дѣло?

— Какъ какое? Да, вѣдь, вы же берете наши деньги.

— Наши деньги! передразнилъ Цѣхоцкій,—да были ли онѣ когда-нибудь *вашими?*

— Что это? оскорбленіе? закричали со всѣхъ сторонъ.

— Тише, господа, тише! успокоивали другіе.

Но шумъ не утихалъ.

— Хороша коммуна! Хорошъ соціализмъ! Ай-да братья-товарищи! кричали одни.

— Ишь чего захотѣли? Не подѣлиться ли и нашимъ капиталомъ съ вами? отвѣчали другіе.

— Капиталисты!

— Успокойтесь, господа! закричалъ Пышкинъ, взобрав-

шись на скамейку.—Не время теперь намъ ссориться. Черезъ нѣсколько дней мы отправляемся. Всю дорогу мы будемъ опять, такъ сказать, на глазахъ нашихъ враговъ и потому покажемъ имъ, что мы твердо и сплоченно стоимъ другъ около друга. Если между нами и есть рознь, пусть не видитъ ее врагъ нашъ!

Долго говорилъ Пышкинъ въ томъ же духѣ и успокоилъ всѣхъ. Когда онъ кончилъ, всталъ Туесковъ.

— Господа! началъ онъ, — вы говорили, что у меня есть деньги. Увѣряю васъ, — у меня нѣтъ. Есть у жены, а не у меня.

Общій хохотъ заглушилъ слова Туескова.

Насталъ день отправки. Жены тоже помѣстились въ тюрьму, чтобы быть отправленными вмѣстѣ. Кто-то изъ нихъ принесъ букетъ ландышей. Тотчасъ же постановили раздать каждому по вѣточкѣ, чтобъ онъ пришпилилъ себѣ къ шапкѣ. Всѣ такъ и сдѣлали. Насъ вывели на дворъ, а затѣмъ поодиночкѣ выводили за ворота и сажали на пролетку. Рядомъ садился жандармъ, а по бокамъ шли съ ружьями на перевѣсъ солдаты. Такъ какъ насъ было болѣе 50 человѣкъ, то поѣздъ растянулся на большое пространство. Картина выходила эффектная. Мы проѣзжали къ вокзалу черезъ весь городъ, и улицы были запружены любопытными.

— Словно на свадьбу отправляются! замѣчали въ толпѣ, указывая на ландыши.

Мы достигли своего. Мы показывали публикѣ свою казовую сторону и, кто знаетъ, можетъ быть, этотъ эффектный, торжественный поѣздъ вскружилъ не одну бѣдную, молодую голову.

Въ Т. партія наша раздѣлилась. Нѣсколько человѣкъ остались, а остальныхъ повезли дальше. О судьбѣ ихъ я знаю не много. По традиціи, въ дорогѣ они произвели *бунтъ*, чтобы показать протестъ предъ правительствомъ. Хохловъ умеръ въ дорогѣ. Жена Легкаго отправилась дальше за Войроновымъ. Черезъ годъ я прочиталъ, что Легкій въ И. былъ повѣшенъ.

Возможно ли, чтобы все то, что я описалъ, происходило въ стѣнахъ тюрьмы, и притомъ тюрьмы спеціальной? Многое непонятно въ мірѣ, а N-ская политическая тюрьма могла занять не послѣднее мѣсто въ этомъ непонятномъ...

Д. П.

Изъ записокъ генерала Марбо [1].

Въ исторической литературѣ послѣдняго времени весьма замѣтное пріобрѣтеніе составляютъ „Записки генерала Марбо", появившіяся, въ двухъ довольно объемистыхъ томахъ, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ. Записки отличаются и обиліемъ фактовъ и замѣчательною живостію повѣствованія. Онѣ составлены въ 1844 году (генералъ Марбо родился въ 1782 году, умеръ въ 1854). Посвящая ихъ своей женѣ и двумъ сыновьямъ, авторъ пишетъ: „Милая жена, милыя дѣти, вы были свидѣтелями, дѣти, хотя и въ самомъ раннемъ возрастѣ, великой и страшной революціи 1789 года. Я жилъ при Конвентѣ и Директоріи. Я видѣлъ имперію. Участвовалъ въ ея гигантскихъ войнахъ, и мы не были раздавлены ея паденіемъ. Не разъ былъ въ близкихъ сношеніяхъ съ императоромъ. Я служилъ въ штабѣ его знаменитѣйшихъ маршаловъ Бернадота, Ожеро, Мюрата, Ланна и Массены. Я зналъ всѣхъ выдающихся лицъ эпохи. Подвергся изгнанію въ 1815 году. Имѣлъ честь часто видѣть короля Людовика Филиппа, когда онъ былъ еще герцогомъ Орлеанскимъ, а послѣ 1830 года состоялъ адъютантомъ его августѣйшаго сына, графа Парижскаго". Уже эти автобіографическія строки свидѣтельствуютъ о томъ, сколько лицъ, сколько событій, которыхъ авторъ былъ не только зрителемъ, но и участникомъ, прошло предъ его глазами, его, умѣвшаго съ замѣчательною живостію впечатлѣній отмѣтить видѣнное въ своихъ интересныхъ мемуарахъ.

Генералъ Марбо родился въ богатой, пользовавшейся ува-

---

[1]) *Mémoires du General Baron de Marbot*. Paris, 1891.

женіемъ въ своей мѣстности дворянской семьѣ, на берегу Дордоньи, на границѣ Керси и Лимузена. Его отецъ, и прежде служившій въ военной службѣ, въ эпоху революціи вступилъ въ Пиренейскую армію и чрезъ четыре года достигъ званія дивизіоннаго генерала; затѣмъ въ Лигуріи командовалъ дивизіей въ арміи Массены; умеръ при осадѣ Генуи.

Здѣсь мы приведемъ нѣсколько живыхъ страницъ изъ Записокъ, относящихся къ любопытной эпохѣ. Выборъ не затруднителенъ. Записки сплошь интересны.

I.

Дѣтство.

Три брата моей матери и почти все дворянство страны эмигрировало. Война казалась неизбѣжной. Чтобы заставить гражданъ вооружиться, или, быть можетъ съ цѣлью узнать, насколько можно разсчитывать на силу населенія, правительство распространило въ народѣ слухи, что *разбойники*, подъ предводительствомъ эмигрантовъ, появились въ странѣ и хотятъ уничтожить новыя учрежденія. На всѣхъ церквахъ забили въ набатъ, каждый вооружался чѣмъ могъ; образовались *національныя гвардіи*; страна приняла воинственный видъ и стала ждать мнимыхъ разбойниковъ, о которыхъ въ каждомъ селѣ говорили, что они находятся по сосѣдству. Никто не явился, но дѣло было сдѣлано: Франція вооружилась и доказала свою готовность къ защитѣ.

Въ то время мы были въ деревнѣ только съ матерью. Тревога эта, которую въ странѣ назвали *страшнымъ днемъ*, удивляла меня и, безъ сомнѣнія, испугала бы, еслибы мать наша не оставалась покойной. Полагаю, что отецъ, зная ея скромность, предупредилъ ее о предстоящихъ событіяхъ.

Въ нашей сторонѣ крестьяне, сохранившіе уваженіе къ старымъ родамъ, не позволяли себѣ вначалѣ никакихъ крайностей. Вскорѣ, однако, побуждаемые городскими демагогами, сельскіе жители, подъ предлогомъ поисковъ спрятавшихся эмигрантовъ, но въ сущности съ цѣлью вымогательства денегъ и

захвата процентныхъ феодальныхъ бумагъ, которыя они сжигали на большихъ кострахъ, набросились на жилища дворянъ. Съ нашей террасы мы видѣли, какъ эти бѣснующіеся, съ факелами въ рукахъ, бѣжали къ замку д'Естресъ, откуда мужчины эмигрировали и гдѣ оставались однѣ только женщины. Это были лучшія пріятельницы моей матери, и она сильно была потрясена тѣмъ, что̀, несмотря на мою крайнюю юность, я называлъ разбоемъ. Волненіе моей матери усилилось, когда къ намъ прибыла ея старуха-мать, которую выгнали изъ замка, объявленнаго *народною собственностью*, въ виду эмиграціи трехъ ея сыновей. Семью моего отца пока еще не трогали, тѣмъ болѣе, что патріотизмъ его былъ общеизвѣстенъ; но для большаго доказательства онъ поступилъ капитаномъ горныхъ стрѣлковъ въ Пиренейскую армію послѣ истеченія срока его полномочій въ законодательномъ собраніи. Революціонный потокъ, захватывая все въ своемъ теченіи, былъ, однако, причиною конфискаціи дома Сенъ-Сере, купленнаго отцомъ десять лѣтъ назадъ у господина де Ляполони. Домъ этотъ былъ объявленъ *національною собственностью* на томъ основаніи, что подпись продавца, въ виду его эмиграціи, не успѣли засвидѣтельствовать у нотаріуса. Матери моей дали только нѣсколько дней сроку, чтобы увезти бѣлье, затѣмъ былъ проданъ домъ съ аукціона и купленъ тѣмъ предсѣдателемъ округа, который побудилъ конфисковать домъ!.. Наконецъ толпа крестьянъ, по наущенію вожаковъ изъ Больe, пришла въ замокъ моего отца, и съ большою осторожностью и даже вѣжливостью объявила матери, что они не могутъ не сжечь имѣющіяся еще у насъ феодальныя процентныя бумаги, а также должны убѣдиться, не прячутся ли въ замкѣ эмигрировавшіе ея братья. Мать не растерялась, отдала имъ бумаги и замѣтила, что, зная ея братьевъ за людей умныхъ, нельзя предполагать, что они эмигрировали затѣмъ, чтобы вернуться во Францію и прятаться въ замкѣ. Замѣчаніе это показалось имъ основательнымъ; они наѣлись и напились въ замкѣ, сожгли бумаги на дворѣ и, не причинивъ никакого вреда, удалились съ криками: да здравствуетъ нація и гражданинъ Марбо! Они даже поручили матери написать отцу, что очень его любятъ и что семья его въ безопасности среди нихъ.

Помню, когда разнеслась вѣсть о страшной казни Людовика XVI, госпожа Монгальви [1]) заставила всѣхъ пансіонерокъ на колѣняхъ молиться за упокой души несчастнаго короля. Еслибы кто-либо изъ насъ проговорился объ этомъ, это навлекло бы большія непріятности на г-жу Монгальви, но всѣ ея ученицы были настолько велики, что уже понимали, а я чувствовалъ, что объ этомъ говорить нельзя, поэтому все осталось въ тайнѣ.

Въ этомъ тихомъ пристаницѣ я оставался до ноября 1793 года. Мнѣ было одиннадцать съ половиною лѣтъ, когда отецъ получилъ командованіе лагеремъ у Тулузы... Онъ рѣшилъ увезти меня съ собою...

Я уѣхалъ, расцѣловавшись съ моими юными подругами. Мы направились въ Кресансакъ, гдѣ застали капитана Голь, адъютанта моего отца. Пока подмазывали экипажъ, Спиръ, старый слуга отца, зная о намѣреніи его безостановочно ѣхать день и ночь, заготовлялъ провизію на дорогу. Въ это время я увидѣлъ новое для меня зрѣлище: движущаяся колонна жандармовъ національной гвардіи и волонтеровъ входила въ мѣстечко Кресансакъ. Никогда не видалъ я ничего подобнаго и находилъ это великолѣпнымъ, но никакъ не могъ понять, зачѣмъ солдаты окружали нѣсколько повозокъ со стариками, дамами и дѣтьми, которые всѣ казались очень печальными.

Видъ этой колонны разсердилъ отца. Онъ отошелъ отъ окна и, прохаживаясь большими шагами со своимъ адъютантомъ, въ которомъ былъ увѣренъ, воскликнулъ: „Эти негодяи, члены Конвента, испортили революцію, которая могла быть прекрасной! Вотъ опять ведутъ невинныхъ въ тюрьму, потому только, что они дворяне или родственники эмигрантовъ; это ужасно!“ Я понялъ все, что говорилъ отецъ, и подобно ему сталъ ненавидѣть партію террористовъ.

Но мнѣ могутъ замѣтить, зачѣмъ отецъ мой служилъ правительству, которое онъ презиралъ? Потому, отвѣчу я, что онъ считалъ дѣломъ почетнымъ охранять французскую территорію отъ вторженія непріятеля и потому еще, что это не дѣлало военныхъ солидарными въ тѣхъ жестокостяхъ, которыя Конвентъ совершалъ внутри страны.

---

[1]) Содержательница пансіона для дѣвицъ, куда помѣстила мать маленькаго Марбо, захворавшаго во время отъѣзда ея къ мужу.

Слова отца возбудили во мнѣ сожалѣніе къ сидящимъ въ повозкахъ. Я узналъ, что это дворянскія семьи, которыя были схвачены утромъ въ своихъ замкахъ и теперь отправлялись въ тюрьмы, въ Сульякъ. Тутъ были старики, женщины, дѣти, и я задавалъ себѣ вопросъ, чѣмъ могли эти слабыя существа быть опасными для края. Вдругъ я услышалъ, какъ нѣсколько дѣтей просили ѣсть. Одна изъ дамъ спросила у солдата національной гвардіи разрѣшенія пойти купить провизіи, но тотъ грубо отказалъ въ просьбѣ; тогда дама, подавая ему деньги, просила его купить хлѣба, на что̀ солдатъ отвѣтилъ: должно быть ты считаешь меня однимъ изъ твоихъ бывшихъ лакеевъ? Грубость эта возмутила меня. Я видѣлъ, какъ Спиръ клалъ въ карманы экипажа хлѣбцы, внутри которыхъ находилась колбаса. Я сходилъ за двумя изъ нихъ и, когда солдаты отвернулись, кинулъ ихъ дѣтямъ. Мать и дѣти съ такою благодарностью посмотрѣли на меня, что я рѣшилъ надѣлить также и другихъ плѣнныхъ, и вотъ я переносилъ имъ весь запасъ провизіи, которую приготовилъ Спиръ для четырехъ человѣкъ на двое сутокъ, которыя мы должны были провести въ дорогѣ до Тулузы. Наконецъ мы уѣзжаемъ, а Спиръ и не подозрѣваетъ, какъ я распорядился его запасами. Маленькіе плѣнные посылаютъ мнѣ поцѣлуи, родители ихъ кланяются; но едва отъѣхали мы немного, какъ отецъ, торопившійся уѣхать отъ тяжелаго для него зрѣлища и не желавшій поэтому закусывать въ гостинницѣ, проголодался и спросилъ покушать. Спиръ указалъ на карманы, куда онъ положилъ провизію. Отецъ и г. Голь обыскали все въ экипажѣ и ничего не нашли. Отецъ бранитъ Спира, который съ высоты своего сидѣнья клянется всѣми святыми, что запасъ провизіи на два дня. Я не зналъ, какъ мнѣ быть; однако мнѣ жалко стало, какъ бранили Спира, и я разсказалъ о своемъ поступкѣ. Я ожидалъ выговора за то, что распорядился безъ спроса, но отецъ нѣжно обнялъ меня и спустя много лѣтъ съ восторгомъ вспоминалъ мое поведеніе въ этомъ случаѣ. Вотъ почему, дѣти мои, я разсказалъ объ этомъ. Чувствуешь себя счастливымъ при мысли, что заслужилъ одобреніе тѣхъ, кого любилъ и которыхъ лишился!

Въ декабрѣ 1793 года отецъ получилъ приказъ отправиться съ его отрядомъ въ Восточные Пиренеи. Я былъ помѣщенъ въ коллегію Соревъ, которою завѣдывали бенедиктинцы.

Орденъ бенедиктинцевъ состоялъ вообще изъ людей очень привѣтливыхъ. Они часто бывали въ обществѣ и часто прини-

мали у себя, что̀ принесло большую пользу монахамъ Сореза во время революціи. Директоромъ заведенія былъ тогда отецъ Десподъ, человѣкъ необыкновенныхъ достоинствъ, но который, не считая себя въ правѣ принять *гражданскую присягу*, которой требовали отъ членовъ духовенства, оставилъ свое мѣсто, прожилъ нѣсколько лѣтъ въ уединеніи и былъ впослѣдствіи назначенъ императоромъ на одну изъ главнѣйшихъ должностей въ университетѣ. Остальные бенедиктинцы приняли присягу: о. Ферлюсъ сдѣлался директоромъ, о. Абаль его помощникомъ, и коллегія, несмотря на революціонные безпорядки, продолжала занятія, соблюдая прекрасный порядокъ, заведенный отцомъ Десподомъ. Но вотъ издается законъ о секуляризаціи духовенства и о продажѣ ихъ имущества; предвидѣлась неминуемая гибель заведенія. Однако всѣ вліятельные люди въ странѣ, воспитавшіеся въ Сорезѣ, желали, чтобы и дѣти ихъ могли тамъ обучаться. Городскіе жители, ремесленники, даже крестьяне, уважали добрыхъ отцовъ и поняли, что уничтоженіе коллегіи повлечетъ за собою бѣдствіе страны. Отцу Ферлюсу предложили пріобрѣсти коллегію и громадныя земли, къ ней принадлежащія. Никто не явился на аукціонъ, и директоръ сдѣлался собственникомъ монастыря и обширныхъ земель. Правители департамента разсрочили уплату на долгое время. Отца Ферлюса со всѣхъ сторонъ ссужали деньгами, и онъ расплачивался за долги лѣсомъ. Обширныя фермы училища доставляли припасы, а за неимѣніемъ денегъ отецъ Ферлюсъ уплачивалъ приходящимъ профессорамъ съѣстными продуктами, что̀ очень было кстати въ то время, такъ какъ во Франціи былъ голодъ.

Сорезская коллегія была единственнымъ большимъ учебнымъ заведеніемъ, которое революція пощадила. Монахи одѣли свѣтское платье и названіе *гражданинъ* замѣнило названіе „отецъ“. За исключеніемъ этого никакихъ существенныхъ перемѣнъ не произошло въ коллегіи, которая мирно существовала въ уголкѣ Франціи въ то время, когда страна подвергалась самымъ жестокимъ распрямъ. Я сказалъ, что не было никакихъ существенныхъ измѣненій, потому что лекціи шли своимъ чередомъ и порядокъ не нарушался, но невозможно было однако, чтобы лихорадочныя волненія страны не отразились на училищѣ. Скажу болѣе, отецъ Ферлюсъ, какъ человѣкъ ловкій, одобрялъ повидимому то, чему не могъ воспротивиться. Стѣны училища были испещрены республиканскими изреченіями; запрещено было произносить слово *monsieur*. Ученики шли въ столовую

или на прогулку не иначе, какъ съ пѣніемъ марсельезы или инаго республиканскаго гимна. Слыша же постоянно о блестящихъ побѣдахъ нашей арміи, — такъ что болѣе старшіе изъ учениковъ пошли волонтерами, а остальные очень этого желали, — вся эта молодежь, которая впрочемъ была воспитана среди оружія, потому что и до революціи Сорезъ былъ военнымъ училищемъ, гдѣ обучались гимнастикѣ, фехтованію, фортификаціи и проч., вся эта молодежь, говорю я, приняла съ нѣкоторыхъ поръ воинственную осанку и направленіе, что повлекло за собою слишкомъ безцеремонныя манеры. При этомъ самый костюмъ чрезвычайно способствовалъ приданію ей страннаго вида. Дѣйствительно, ученики носили толстые башмаки, которые чистились только черезъ десять дней, сѣрые носки, коричневыя панталоны и куртки безъ жилета, небрежно одѣтыя рубахи, запятнанныя чернилами и краснымъ карандашемъ; прибавьте къ этому совершенное отсутствіе галстуха и шляпы, волосы въ косичку, зачастую растрепанные и руки!.. настоящія руки угольщиковъ.

И вотъ я чистенькій, нарядный, одѣтый съ иголочки, очутился среди семисотъ мальчишекъ, походившихъ на бѣсенятъ, которые, услышавъ крикъ одного изъ нихъ: „вотъ новички!" съ шумомъ оставили свои игры, окружили насъ и стали разглядывать, точно диковинныхъ животныхъ.

Отецъ поцѣловалъ насъ и уѣхалъ. Отчаяніе мое было ужасно. Вотъ я совершенно одинъ, одинъ въ первый разъ въ жизни, такъ какъ братъ мой былъ на большомъ дворѣ, а я на маленькомъ; была полная зима; было очень холодно, а по правиламъ училища, въ комнатахъ учениковъ не топилось.

Впрочемъ въ Сорезѣ хорошо кормили учениковъ, въ особенности для этого времени. Несмотря на голодъ, поразившій Францію, благодаря распорядительности отца Ферлюса, училище ни въ чемъ не нуждалось. Лучшаго содержанія учениковъ трудно было требовать. Однако ужинъ показался мнѣ очень мизернымъ, и видъ подаваемыхъ блюдъ возбуждалъ во мнѣ отвращеніе. Впрочемъ, еслибы мнѣ предложили рябчиковъ, и до тѣхъ я бы не дотронулся, такъ я былъ опечаленъ. Ужинъ кончился, какъ и начался, патріотическимъ гимномъ. При пѣніи марсельезы, которая начинается словами: „Священная любовь къ отчизнѣ"... всѣ преклонили колѣна, затѣмъ отправились, какъ и пришли, подъ звуки барабана. Наконецъ мы въ спальнѣ.

Ученики большаго двора имѣли каждый отдѣльную комнату,

гдѣ ихъ запирали вечеромъ; ученики же малаго двора спали по четыре въ одной комнатѣ, въ каждомъ углу которой стояло по кровати. Меня помѣстили съ Гиро, Роместаномъ и Лягардомъ, моими товарищами по столу, почти такими же новичками, какъ и я. Это мнѣ понравилось. Они показались мнѣ добрыми мальчиками, какими и были въ дѣйствительности, но я не могъ прійти въ себя отъ изумленія при видѣ тоненькаго одѣяла и такого же матраца. Особенно же мнѣ не понравилась желѣзная кровать, какой я не видѣлъ въ жизни! Впрочемъ, все было очень чисто и, несмотря на свое огорченіе, я уснулъ, какъ убитый, до такой степени я усталъ отъ испытанныхъ мною въ этотъ злосчастный день нравственныхъ потрясеній.

На другой день, съ ранняго утра послышался бой барабана, и дробь его громко раздавалась во всѣхъ дортуарахъ, что мнѣ показалось положительно дикимъ. Но что испыталъ я, увидя, что во время моего сна унесено мое красивое платье, тонкіе чулки, прекрасные башмаки, и все это замѣнено толстою одеждою и тяжелою обувью училища! Я заплакалъ съ досады...

Познакомивъ васъ съ первыми впечатлѣніями при вступленіи моемъ въ коллегій, я не стану утомлять васъ разсказомъ о тѣхъ мученіяхъ, которыя я испытывалъ въ теченіе полугода. Я слишкомъ былъ изнѣженъ у госпожи Монгальви, чтобы не страдать нравственно и физически въ моемъ новомъ положеніи. Я очень скучалъ и при болѣе слабомъ сложеніи навѣрное бы заболѣлъ. Время это было самое горькое въ моей жизни. Наконецъ, благодаря работѣ и привычкѣ, я втянулся въ эту жизнь. Я очень полюбилъ уроки французской литературы, географіи и особенно исторіи, и дѣлалъ въ нихъ успѣхи. Довольно хорошо я занимался также математикой, латинскимъ языкомъ, ѣздою въ манежѣ и фехтованіемъ, прекрасно изучилъ ружейные пріемы и съ удовольствіемъ участвовалъ въ маневрахъ батальона, сформированнаго изъ учениковъ, которымъ командовалъ старый отставной капитанъ.

Время моего вступленія въ коллегію (въ концѣ 1793 года) было эпохой, когда кровавый скипетръ Конвента тяготѣлъ надъ Франціей. Представители народа объѣзжали съ полномочіями провинціи, и многіе изъ нихъ посѣщали Сорезское училище, названіе котораго *„военное“* звучало пріятно для уха. Гражданинъ Ферлюсъ обладалъ особеннымъ даромъ убѣждать представителей въ томъ, что они обязаны поддерживать училище, цѣль котораго воспитывать многочисленное юношество, *ни-*

дежду отечества; поэтому онъ получалъ все, чего желалъ, и зачастую они оставляли ему большую часть провіанта, предназначаемаго для арміи, частью которой мы были, по словамъ нашего директора. И представителей этихъ у насъ принимали и чествовали.

Во время ихъ прибытія, ученики надѣвали военные мундиры; батальонъ маневрировалъ передъ ними. У всѣхъ дверей ставились часовые, точно на парадѣ, разыгрывались подходящія пьесы, въ которыхъ преобладалъ величайшій патріотизмъ, распѣвались національные гимны, и когда они посѣщали классы, особенно во время преподаванія исторіи, всегда находили случай привести нѣсколько разсказовъ о превосходствѣ республиканскаго правленія и о патріотическихъ доблестяхъ, имъ вызываемыхъ. Помню, какъ представитель Шабо, бывшій капуцинъ, задавая мнѣ вопросы изъ римской исторіи, спросилъ, какого я мнѣнія о Коріоланѣ, который, послѣ оскорбленія, нанесеннаго ему согражданами, забывшими его прежнія заслуги, ушелъ къ вольскамъ, заклятымъ врагамъ римлянъ. О. Ферлюсъ и профессора дрожали, опасаясь, что я одобрю поведеніе римлянина, но я не похвалилъ его и сказалъ: „Что добрый гражданинъ никогда не долженъ ни поднимать оружія противъ своей родины, ни думать о мести, какъ бы основательно не было его неудовольствіе“. Мой отвѣтъ до такой степени понравился представителю, что онъ обнялъ меня и похвалилъ начальника училища и профессоровъ за тѣ хорошія правила, которыя они внушаютъ своимъ ученикамъ.

Эта маленькая удача не ослабила моей ненависти къ членамъ Конвента и, несмотря на мою молодость, представители эти возбуждали во мнѣ отвращеніе. Я уже могъ соображать, что для спасенія страны не было никакой необходимости купаться въ крови, и что гильотинированіе и рѣзня были ужасными преступленіями.

Не стану говорить вамъ о системѣ притѣсненій, царившей въ то время въ нашемъ несчастномъ отечествѣ, это извѣстно изъ исторіи. Но какими бы яркими красками ни описывали тѣ ужасы, въ которыхъ повинны террористы, картина всегда будетъ ниже дѣйствительности. Болѣе всего поразительна глупость, съ какою массы позволяли управлять собою людямъ, въ большинствѣ случаевъ бездарнымъ. Что бы ни говорили, но почти всѣ участники Конвента были ниже посредственности, и ихъ хваленое мужество порождалось *страхомъ* одного передъ

другимъ, потому что, изъ боязни быть гильотинированными, они соглашались на все, чего хотѣли вожаки. Во время моего изгнанія въ 1815 году, я видѣлъ много бывшихъ участниковъ Конвента; принужденные, какъ и я, покинуть Францію, они не имѣли ни малѣйшаго мужества и признавались мнѣ, что они осудили Людовика XVI и согласились на множество отвратительныхъ приговоровъ, только чтобы самимъ избѣгнуть смерти. Воспоминанія объ этой эпохѣ до такой степени повліяли на меня, что я питаю отвращеніе къ демократіи. Я вполнѣ убѣжденъ, что массы слѣпы, и что самое худшее правленіе— это правленіе народа.

II.

Марбо-гусаръ. Первая встрѣча съ Бонапартомъ. Эпизодъ гусарской жизни.

Мнѣ исполнилось шестнадцать лѣтъ въ августѣ 1798 года. Чрезъ шесть мѣсяцевъ я покинулъ коллегію... Была весна 1799 года. Республика еще существовала и правительство представляла исполнительная Директорія изъ пяти членовъ и двѣ палаты—совѣтъ старшинъ и совѣтъ пятисотъ...

Отецъ мой получилъ назначеніе въ итальянскую армію. „Хочешь ли ѣхать со мною въ Италію и поступить въ армію“, спросилъ онъ сына. Я бросился ему на шею и съ радостію принялъ предложеніе. Скоро отправились въ путь.

Отецъ мой остановился въ Маконѣ у стараго друга, у котораго мы пробыли цѣлыя сутки, и затѣмъ двинулись дальше къ Ліону. Не доѣзжая нѣсколькихъ миль, при перемѣнѣ лошадей въ Лимонестѣ, мы замѣтили, что всѣ почтальоны украсили свои шляпы трехцвѣтными лентами, а также, что подобные флаги красовались на всѣхъ домахъ. На нашъ вопросъ о причинѣ этихъ украшеній намъ отвѣтили, что въ Ліонъ только-что прибылъ главнокомандующій Бонапартъ. Вполнѣ увѣренный, что Бонапартъ находится еще внутри Египта, отецъ счелъ этотъ разсказъ басней, но онъ былъ пораженъ, когда, призвавъ смотрителя почты, только-что вернувшагося изъ Ліона, услышалъ отъ того: „Я *видѣлъ* генерала Бонапарта, котораго знаю прекрасно, такъ какъ служилъ подъ его начальствомъ

въ Италіи. Онъ остановился въ Ліонѣ въ гостинницѣ. Съ нимъ его братъ Людовикъ, генералы Бертье, Ланнъ и Мюра, а также много офицеровъ и одинъ мамелюкъ".

Трудно было быть болѣе точнымъ. Однако революція вызывала столько обмановъ, и разныя партіи были такъ изобрѣтательны на вымыслы полезныхъ для нихъ цѣлей, что мой отецъ все еще сомнѣвался. Но вотъ мы въѣзжаемъ въ Ліонъ черезъ предмѣстье Вэзъ. Всѣ дома иллюминованы и разукрашены флагами, взвиваются ракеты, толпа заняла улицы, такъ что мы едва двигаемся; на площадяхъ танцуютъ, и въ воздухѣ носятся крики:

„Да здравствуетъ Бонапартъ, спаситель отечества"!

Нужно было повѣрить очевидности и согласиться, что Бонапартъ дѣйствительно въ Ліонѣ. Отецъ воскликнулъ:

— Я зналъ, что его выберутъ, но не подозрѣвалъ, что такъ скоро: дѣло сдѣлано хорошо! Нужно ожидать важныхъ событій. Теперь я вполнѣ доволенъ своимъ отъѣздомъ изъ Парижа: по крайней мѣрѣ, въ арміи я буду полезенъ странѣ, не участвуя ни въ какомъ государственномъ переворотѣ, который совершенно мнѣ не по душѣ. Проговоривъ это, онъ глубоко задумался и не выходилъ изъ задумчивости все время, пока мы пробирались сквозь толпу къ гостинницѣ, гдѣ было приготовлено для насъ помѣщеніе.

По мѣрѣ приближенія къ гостинницѣ, толпа становилась плотнѣе. По прибытіи къ мѣсту, мы увидѣли массу горящихъ шкаликовъ и у дверей цѣлый батальонъ гренадеръ. Тутъ остановился генералъ Бонапартъ, которому отвели помѣщеніе, заказанное отцомъ недѣлю тому назадъ. Обыкновенно вспыльчивый, отецъ на этотъ разъ не сказалъ ни слова, и когда хозяинъ гостинницы вышелъ къ намъ и сконфуженно извинялся, говоря, что онъ принужденъ былъ повиноваться городскимъ властямъ, отецъ ничего не отвѣтилъ, а когда тотъ прибавилъ, что приготовилъ для него хорошее помѣщеніе, но въ гостинницѣ второстепенной, содержимой его родственникомъ, отецъ поручилъ господину Голь приказать кучеру везти насъ туда. По прибытіи туда, мы застали тамъ нашего курьера. Это былъ человѣкъ очень горячій, который, возбужденный длиннымъ путемъ и многочисленными выпивками на каждой станціи, прибывъ за нѣсколько часовъ до насъ въ первую гостинницу и, узнавъ, что комнаты, оставленныя для его господина, отданы

генералу Бонапарту, нашумѣлъ тамъ страшно. Адъютанты Бонапарта, услыша шумъ и узнавъ о причинѣ его, отправились къ генералу съ докладомъ о случившемся. Въ эту минуту Бонапартъ, окна у которого были открыты, увидѣлъ предъ гостинницей оба экипажа моего отца. Бонапартъ зналъ, какъ невѣжливо поступили съ отцомъ, и въ виду того, что генералъ Марбо, недавній комендантъ Парижа и въ настоящее время начальникъ дивизіи итальянской арміи, былъ слишкомъ важнымъ лицомъ, чтобы съ нимъ поступать такъ безцеремонно, при томъ же Бонапартъ возвратился съ намѣреніемъ *жить въ ладу* со всѣми; онъ приказалъ одному изъ офицеровъ сойти поскорѣе и предложить генералу Марбо помѣститься съ нимъ вмѣстѣ, *по-военному*. Но видя, что экипажи моего отца уѣхали раньше, чѣмъ съ нимъ успѣлъ переговорить адъютантъ, генералъ Бонапартъ вышелъ самъ и пѣшкомъ отправился къ отцу, чтобы *лично* извиниться передъ нимъ. Толпа, слѣдовавшая за нимъ, провожала его радостными криками, которые должны были бы обратить наше вниманіе; но мы столько наслышались криковъ со времени въѣзда въ городъ, что никто изъ насъ и не подумалъ посмотрѣть въ окно. Мы всѣ были въ залѣ, гдѣ отецъ, въ глубокой задумчивости, прохаживался большими шагами, какъ вдругъ слуга, открывая настежь дверь, доложилъ:

— Генералъ Бонапартъ!

Послѣдній быстро направился къ отцу и обнялъ его, а тотъ встрѣтилъ его очень вѣжливо, но холодно. Они были знакомы давно. Конечно, разговоръ между такими лицами о квартирѣ не могъ продолжаться долго; у нихъ были для обсужденія дѣла поважнѣе. И дѣйствительно, оба они удалились въ спальню, гдѣ оставались болѣе часа.

Пертелей [1]) повелъ меня въ небольшой трактиръ, залъ котораго былъ наполненъ гусарами, гренадерами и солдатами всѣхъ оружій. Намъ подаютъ ѣсть и ставятъ на столъ громадную бутылку крѣпкаго краснаго вина, котораго Пертелей наливаетъ мнѣ полный стаканъ. Мы чокаемся; онъ выпиваетъ стаканъ, а я ставлю свой на столъ, не дотронувшись, такъ

[1]) Унтеръ-офицеръ, подъ руководство котораго былъ отданъ Марбо при поступленіи въ гусарскій полкъ.

какъ никогда не пилъ чистаго вина, и запахъ его былъ мнѣ непріятенъ. Въ этомъ я сознался своему дядькѣ, который закричалъ громовымъ голосомъ:

— Человѣкъ, подай стаканъ лимонаду этому мальчишкѣ, который не пьетъ никогда вина!

Вся зала покатилась со смѣха; мнѣ было очень непріятно, но я не могъ рѣшиться отвѣдать вина и не посмѣлъ спросить воды, такъ что я ѣлъ, ничѣмъ не запивая.

Солдатская жизнь всегда бываетъ трудна. Она была особенно тяжела въ описываемую мною эпоху. На мою долю досталось не мало горькихъ минутъ. Но что было положительно невыносимо, это обязанность спать вдвоемъ, потому что по уставу одна кровать полагалась для двухъ солдатъ. Только унтеръ-офицеры спали отдѣльно. Не успѣлъ я лечь въ первую ночь, проведенную мною въ казармѣ, какъ громадный гусаръ, вернувшійся послѣ всѣхъ, подошелъ къ моей кровати, и желая разсмотрѣть, кто лежитъ, снялъ лампу со стѣны и поднесъ къ самому моему лицу, затѣмъ онъ началъ раздѣваться. Смотря на него, мнѣ и въ голову не приходило, что онъ ляжетъ вмѣстѣ со мною. Но вскорѣ я увидѣлъ свое заблужденіе. Онъ грубо сказалъ мнѣ: двигайся, рекрутъ, и улегся на постели, занявъ три четверти ея. Вскорѣ раздалось его храпѣніе. Я не могъ сомкнуть глазъ; при томъ какой-то свертокъ, положенный моимъ товарищемъ подъ подушку, чтобы было выше головѣ, распространялъ невозможный запахъ. Я не могъ понять, что̀ бы это могло быть. Наконецъ ощупываю осторожно и убѣждаюсь, что это кожаный передникъ, весь пропитанный сапожнымъ варомъ. Мой пріятный товарищъ по кровати былъ однимъ изъ помощниковъ полковаго сапожника. Мнѣ стало такъ противно, что я всталъ, одѣлся и ушелъ въ конюшню, гдѣ растянулся на связкѣ соломы. На слѣдующій день я разсказалъ о моемъ приключеніи Пертелею, который сообщилъ объ этомъ подпоручику взвода. Это былъ воспитанный молодой человѣкъ, по имени Лейштеншнейдеръ. Во время Имперіи онъ достигъ чина полковника, былъ первымъ адъютантомъ Бесьера и былъ убитъ. Понимая, какъ мнѣ непріятно спать съ сапожникомъ, онъ устроилъ меня въ комнатѣ унтеръ-офицеровъ, за что̀ я былъ ему крайне обязанъ.

Хотя революція и ввела нѣкоторыя послабленія въ формѣ войскъ, однако первый гусарскій полкъ строго сохранялъ свою старую форму Бершени. Такимъ образомъ, за исключе-

ніемъ физическаго несходства, всѣ всадники должны были походить другъ на друга, а такъ какъ гусарскіе полки носили въ то время не только косички сзади, но также длинныя заплетенныя косы на вискахъ и закрученные вверхъ усы, то и требовалось, чтобы всѣ принадлежавшіе къ корпусу гусары носили усы и косы. У меня не было ни того, ни другаго; мой дядька свелъ меня къ парикмахеру, гдѣ я пріобрѣлъ фальшивыя косы, которыя довольно хорошо можно было привязать къ моимъ волосамъ, которые я отпустилъ со времени вступленія въ полкъ. Нарядъ этотъ очень меня стѣснялъ вначалѣ, однако, я скоро къ нему привыкъ; онъ даже нравился мнѣ, такъ какъ мнѣ казалось, что въ немъ я похожъ на стараго гусара. Труднѣе было справиться съ усами, которыхъ у меня не было и признака. Между тѣмъ безусое лицо могло испортить ряды эскадрона, а потому Пертелей, сообразуясь съ обычаемъ Бершени, взялъ банку съ лакомъ и провелъ мнѣ пальцемъ два толстыхъ крюка, покрывшихъ верхнюю губу и достигавшихъ почти до глазъ. Въ это время кивера были безъ козырьковъ, а потому во время смотра или стоянія на часахъ, когда нужно быть неподвижнымъ, жаркое итальянское солнце, забравъ всю влагу съ моихъ усовъ, пребольно стягивало мнѣ кожу. Но я стоялъ не моргнувъ бровью! Вѣдь я былъ гусаръ! Слово это имѣло для меня нѣчто магическое; впрочемъ, поступая въ военную службу, я хорошо понималъ, что первою моею обязанностью было подчиняться уставамъ.

Нужно упомянуть, что въ эту пору у пояса кавалеристовъ не было крючка, такимъ образомъ при ходьбѣ приходилось держать саблю лѣвой рукой и волочить конецъ ея по землѣ. На мостовой это производило страшный громъ и придавало намъ видъ буяновъ, поэтому я и усвоилъ себѣ этотъ способъ ношенія сабли. Входя однажды въ садъ трактира, концомъ своей сабли я задѣлъ громаднаго артиллериста, развалившагося на стулѣ съ вытянутыми ногами. Конная артиллерія, называемая въ то время летучей артиллеріей, была сформирована изъ гренадеровъ.

Летучіе канонеры славились своею храбростью, но также и сварливостью. Тотъ, котораго я задѣлъ, закричалъ мнѣ грубо: „Гусаръ, твоя сабля слишкомъ волочится“. Я хотѣлъ пройти не отвѣчая, но Пертелей подтолкнулъ меня и шепнулъ: отвѣть

ему: приди, подними ее. Я повторилъ громко: приди, подними ее.—Это не трудно, отвѣтилъ тотъ. А Пертелей снова шепчетъ мнѣ: посмотримъ! Послѣ чего канонеръ, или вѣрнѣе Голіаѳъ, потому что въ немъ было около шести футовъ, всталъ съ угрожающимъ видомъ, но между имъ и мною устремился мой дядька. Всѣ находившіеся въ саду канонеры вступились за своего товарища, но возлѣ меня и Пертелея также собралась толпа гусаръ. Всѣ волнуются, кричатъ, говорятъ въ одинъ голосъ. Я полагалъ, что будетъ общая свалка, но такъ какъ гусаровъ было почти вдвое больше, они держали себя спокойнѣе. Артиллеристы поняли, что если они обнажатъ сабли, то будутъ побиты, поэтому удалось убѣдить великана, что, задѣвъ его, я вовсе не желалъ его оскорблять и что дѣло должно быть окончено. Однако во время ссоры артиллерійскій трубачъ, юноша двадцати лѣтъ, подскочилъ ко мнѣ съ ругательствами, на что̀ я отвѣтилъ такимъ толчкомъ, что онъ упалъ головою въ грязный ровъ, поэтому было рѣшено намъ драться на сабляхъ.

Мы выходимъ изъ сада въ сопровожденіи всѣхъ бывшихъ тамъ и отправляемся на морской берегъ, гдѣ и располагаемся на мелкомъ и твердомъ пескѣ. Пертелей зналъ, что я плохо владѣю саблей, однако онъ даетъ мнѣ нѣсколько указаній, какъ нападать на противника, и привязываетъ рукоятку сабли къ моей рукѣ, большимъ платкомъ, которымъ обматываетъ мою руку.

Тутъ кстати будетъ сказать, что отецъ мой ненавидѣлъ дуэли, и это, помимо его личнаго мнѣнія объ этомъ варварскомъ обычаѣ, происходило, полагаю, отъ того, что, во время пребыванія его въ гвардейскомъ корпусѣ, онъ былъ свидѣтелемъ смерти любимаго товарища, который былъ убитъ на дуэли, состоявшейся по самому ничтожному поводу. Какъ бы то ни было, но, принимая командованіе частью, отецъ мой предписывалъ жандармамъ хватать всѣхъ военныхъ, которыхъ они застанутъ скрещивающими оружіе, и приводить къ нему.

Хотя артиллерійскій трубачъ и я знали это распоряженіе, мы тѣмъ не менѣе приготовлялись драться. Я стоялъ спиной къ городу Савони, а противникъ мой лицомъ. Но только-что мы хотѣли начать поединокъ, какъ трубачъ мой кидается въ сторону, хватаетъ свой долманъ и убѣгаетъ. „А „негодяй“, закричалъ я, „ты убѣгаешь“. Я кидаюсь за нимъ, но двѣ желѣзныя руки хватаютъ меня сзади за воротникъ. Оглядываясь, я вижу, что окруженъ восемью или девятью жандармами. Тогда я

понялъ, почему убѣгалъ мой противникъ, а также всѣ присутствовавшіе, включая и Пертелея; всѣ боялись быть пойманными и попасть на глаза генералу.

И вотъ я обезоруженъ и арестованъ. Я надѣваю свой долманъ и съ растеряннымъ видомъ слѣдую за жандармами, которымъ не называю своей фамиліи и которые ведутъ меня въ епископскій домъ, гдѣ жилъ мой отецъ. Въ это время онъ былъ съ генераломъ Сюше (впослѣдствіи маршалъ), который прибылъ въ Савони для обсужденія служебныхъ дѣлъ. Они прохаживались по галлереѣ со стороны двора. Жандармы ведутъ меня къ генералу Марбо, не подозрѣвая, что я его сынъ. Ефрейторъ объясняетъ причину моего ареста, и отецъ дѣлаетъ мнѣ строгій выговоръ. Затѣмъ, обращаясь къ ефрейтору, говоритъ: сведите этого гусара въ крѣпость. Я ухожу, не сказавъ ни слова, и генералъ Сюше, который не зналъ меня, не подозрѣвалъ, что вся сцена, которой онъ былъ свидѣтелемъ, происходила между отцомъ и сыномъ. Только на другой день генералъ Сюше узналъ о нашемъ родствѣ и впослѣдствіи часто напоминалъ мнѣ, смѣясь, объ этой сценѣ. По прибытіи въ крѣпость—старое генуэзское зданіе, воздвигнутое возлѣ порта,—меня заперли въ громадный залъ, освѣщенный маленькимъ окошечкомъ, выходящимъ на море. Тутъ я немного пришелъ въ себя. Выговоръ былъ мною заслуженъ; но я былъ менѣе взволнованъ неповиновеніемъ генералу, чѣмъ огорченіемъ, принесеннымъ отцу. Весь остальной день я былъ очень грустенъ.

Вечеромъ старый инвалидъ генуэзской арміи принесъ мнѣ кружку воды, порцію хлѣба и связку соломы, на которой я растянулся, не будучи въ состояніи приняться за ѣду. Но я не могъ уснуть, во-первыхъ, потому, что былъ очень встревоженъ, а во-вторыхъ по случаю эволюцій большихъ крысъ, прыгавшихъ вокругъ меня, которыя вскорѣ завладѣли моимъ хлѣбомъ. Въ совершенной темнотѣ я предавался моимъ грустнымъ размышленіямъ; но вотъ около десяти часовъ дверь моей тюрьмы отворилась. Я увидѣлъ Спира, вѣрнаго стараго слугу моего отца. Отъ него я узналъ, что послѣ отправленія меня въ крѣпость, полковникъ Менаръ, капитанъ Голь и всѣ офицеры отца просили меня освободить, и вотъ ему поручили пойдти за мною и передать коменданту приказъ о моемъ освобожденіи. Меня повели къ этому коменданту, генералу Бюдже, прекрасному человѣку, лишившемуся руки на войнѣ. Онъ меня зналъ и любилъ очень отца моего. Поэтому, отдавая мнѣ саблю, онъ счелъ

своимъ долгомъ прочесть мнѣ длинное наставленіе, которое я выслушалъ терпѣливо, но которое напомнило мнѣ, что мнѣ предстоитъ еще другое, болѣе строгое,—отъ отца. У меня не хватало мужества выслушать его, и я рѣшилъ всѣми силами избѣжать его. Наконецъ мы за воротами цитадели. Ночь была темная, Спиръ освѣщалъ путь фонаремъ и, выступая по узкимъ и неровнымъ улицамъ города, добрякъ, въ восторгѣ отъ того, что ведетъ меня къ отцу, перечислялъ всѣ удобства, какія ждутъ меня въ генеральской квартирѣ. Но, прибавилъ онъ, жди хорошей головомойки! Эта послѣдняя фраза утвердила меня въ моемъ рѣшеніи. Чтобы дать время улечься гнѣву отца, я рѣшилъ не являться къ нему ранѣе нѣсколькихъ дней и отправиться теперь прямо въ лагерь въ долинѣ Мадонны. Я могъ бы убѣжать, но побоялся, что Спиръ будетъ меня преслѣдовать, а потому я выбилъ ногою у него изъ рукъ фонарь и убѣжалъ впотьмахъ, пока онъ ощупью отыскивалъ фонарь и ворчалъ: погоди, негодникъ, все разскажу отцу. Нечего сказать, хорошо онъ сдѣлалъ, что опредѣлилъ тебя къ этимъ бандитамъ, бершенійскимъ гусарамъ; хороша школа для мальчишки!

Проплутавъ нѣкоторое время по пустыннымъ улицамъ, я отыскалъ наконецъ дорогу, ведущую въ долину Мадонны, и добрался до лагеря. Какъ только меня узнали при свѣтѣ костровъ, меня окружили, стали разспрашивать и покатываться со смѣху при моемъ разсказѣ о томъ, какъ я отдѣлался отъ генеральскаго довѣреннаго, которому поручили меня привести. Члены *шайки* [1]) особенно довольны моимъ поступкомъ и единогласно рѣшаютъ допустить меня въ свое общество, которое отправляется въ эту ночь въ экспедицію. Рѣшено дойти до воротъ Дего и увести стада воловъ, принадлежащія австрійской арміи. Въ виду того, что нельзя было правильно доставать провизію, какъ французскіе генералы, такъ и начальники отрядовъ, принуждены были дѣлать видъ, что не знаютъ о тѣхъ выходкахъ, какія позволяли себѣ солдаты за аванпостами для добыванія припасовъ. Въ каждомъ полку самые храбрые солдаты формировали шайки мародеровъ, которые до поразительности точно знали мѣста заго-

---

[1]) Въ полку составлялись отряды изъ самыхъ отчаянныхъ головорѣзовъ; членами этихъ отрядовъ или шаекъ дѣлались солдаты только послѣ извѣстныхъ испытаній, когда желавшій поступить въ члены выкидываетъ какую-нибудь особенную продѣлку.

товки припасовъ для непріятеля, и чтобы овладѣть ими, прибѣгали и къ хитрости, и къ ловкости.

Плутъ-барышникъ предупредилъ *шайку* 1-го гусарскаго полка, что стадо быковъ, которое онъ продалъ австрійцамъ, пасется на лугу въ четверти версты отъ Дего. Шестьдесятъ человѣкъ гусаръ, вооружившись только штуцерами, тотчасъ собрались увести быковъ. Нѣсколько миль мы прошли горами по извилистымъ и узкимъ тропинкамъ, съ цѣлью избѣгнуть большой дороги, и застали пять человѣкъ кроатовъ—которымъ порученъ былъ надзоръ за стадомъ—спящими подъ навѣсомъ. Изъ боязни, чтобы они не увѣдомили гарнизонъ въ Дего, мы перевязали ихъ и спокойно увели стадо. Вернулись мы въ лагерь чрезвычайно уставшими, но довольными нашей продѣлкой.

Я привелъ этотъ случай для того, чтобы показать, въ какомъ печальномъ положеніи уже находилась итальянская армія и до какой степени распущенности такое положеніе можетъ довести войскà, начальники которыхъ не только принуждены терпѣть подобныя похожденія, но и пользоваться добываемыми такимъ путемъ припасами, дѣлая видъ, что происхожденіе ихъ имъ неизвѣстно.

III.

Смерть отца Марбо.

Во время осады Генуи въ 1800 году къ ужасамъ голода и тифа присоединились ужасы ожесточенной и неустанной войны. Французскія войска сражались съ австрійцами на сушѣ, а когда ночь прекращала атаку послѣднихъ, флоты англійскій, турецкій и неаполитанскій, скрываясь въ темнотѣ отъ пушекъ порта и береговой батареи, подходили къ городу, въ который они пускали массу бомбъ, производившихъ страшныя опустошенія. Такимъ образомъ не было ни минуты покоя.

Выстрѣлы орудій, крики умирающихъ проникали къ раненому отцу и волновали его. Онъ сожалѣлъ, что не можетъ стать во главѣ своей дивизіи. Нравственныя эти волненія ухудшали его положеніе; болѣзнь его обострялась ежедневно, онъ видимо терялъ силы. Колиндо [1]) и я не покидали его ни на минуту.

[1]) Колиндо Трепано—сынъ пармскаго банкира, секретарь генерала Сакл э.

Наконецъ въ одну ночь, когда я стоялъ на колѣняхъ и промывалъ его рану, онъ заговорилъ со мною въ полномъ сознаніи, затѣмъ, чувствуя свой конецъ, ласково погладилъ меня по головѣ и сказалъ: бѣдное дитя, что будетъ съ тобой? Одинъ и безъ поддержки среди ужасовъ этой страшной осады!" Онъ пробормоталъ еще нѣсколько словъ, среди которыхъ я разслышалъ имя моей матери, рука его опустилась, и онъ закрылъ глаза.

Несмотря на свою молодость и недавнее поступленіе на службу, я видѣлъ много смертей на полѣ разныхъ сраженій и особенно на улицахъ Генуи, но тамъ умирающіе падали въ разгарѣ боя, одѣтые, что производитъ совершенно другое впечатлѣніе, нежели человѣкъ, умирающій въ кровати. Я никогда не бывалъ свидѣтелемъ такого печальнаго зрѣлища и думалъ, что отецъ мой уснулъ. Колиндо понялъ, но не имѣлъ мужества сказать мнѣ объ этомъ. Спустя нѣсколько часовъ, меня вывелъ изъ заблужденія докторъ Ляшезъ, который, покрывъ лицо отца простыней, сказалъ: семья и товарищи понесли великую утрату! Тогда только я понялъ, какъ велико мое несчастіе. Горе мое было такъ ужасно, что оно тронуло даже главнокомандующаго Массену, сердце котораго не легко поддавалось жалости, особенно при настоящихъ обстоятельствахъ, когда требовалось столько твердости. Критическое положеніе, въ которомъ находился Массена, заставило его принять по отношенію меня мѣру, которая показалась мнѣ *жестокою*, но которую тѣмъ не менѣе я примѣнилъ бы самъ, если бы командовалъ осажденнымъ городомъ.

Для избѣжанія всего, что могло бы ослабить твердость войскъ, генералъ Массена запретилъ торжественныя похороны. Зная, однако, что я не покидалъ останковъ горячо любимаго мною отца и буду провожать его до могилы, онъ боялся, что видъ юнаго офицера, съ плачемъ идущаго за гробомъ отца, генерала дивизіи, павшаго жертвою войны, можетъ тронуть войска. Поэтому на слѣдующій день, раннимъ утромъ, генералъ Массена пришелъ въ комнату, гдѣ лежалъ мой отецъ и подъ какимъ-то предлогомъ увелъ меня за руку за нѣсколько комнатъ; въ это время двѣнадцать гренадеровъ, въ сопровожденіи только одного офицера и полковника Саклё потихоньку унесли тѣло и опустили во временную могилу на берегу моря. Только послѣ окончанія печальной церемоніи генералъ сказалъ мнѣ о своемъ распоряженіи и объяснилъ причину, вызвавшую

его. Нѣтъ, я никогда не буду въ состояніи выразить тогдашнее мое отчаяніе! Мнѣ казалось, что я вторично лишился отца, которому я не могъ отдать послѣдняго долга! Но жалобы мои были напрасны, мнѣ оставалось только помолиться на его могилѣ. Я не зналъ, гдѣ она, но мой другъ Колиндо, слѣдовавшій за шествіемъ издали, указалъ мнѣ ее. Этотъ добрый молодой человѣкъ выказалъ мнѣ столько теплоты въ то именно время, когда каждый заботился только о себѣ.

Почти всѣ штабные офицеры моего отца были убиты или унесены тифомъ. Изъ одиннадцати человѣкъ, начавшихъ кампанію, осталось только двое: Р. и я. Но Р. думалъ только о себѣ и, вмѣсто того, чтобы быть опорой сына своего генерала, продолжалъ жить одинъ въ городѣ. Господинъ Ляшезъ также покинулъ меня. Только добрый полковникъ Саклё выказывалъ мнѣ нѣкоторое вниманіе; но главнокомандующій поручилъ ему бригаду, и онъ постоянно былъ за городомъ, преграждая подступленіе непріятеля. Въ громадномъ дворцѣ Центуріонъ я оставался одинъ съ Колиндо, Бастидомъ (слугою) и старымъ привратникомъ.

Не прошло еще и недѣли со смерти моего отца, какъ генералъ Массена, которому нужно было много офицеровъ (такъ какъ ежедневно ихъ много ранили и убивали), потребовалъ меня къ себѣ въ качествѣ адъютанта, каковымъ служилъ у него Р. и всѣ офицеры генераловъ, убитыхъ или раненыхъ. Я повиновался, и цѣлыми днями слѣдовалъ за главнокомандующимъ въ сраженіяхъ; освободившись же отъ занятій въ главной квартирѣ, я возвращался домой, а съ наступленіемъ ночи, шагая среди умирающихъ и труповъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, валявшихся на улицахъ, отправлялся съ Колиндо на могилу отца.

IV.

Маршалъ Ожеро.

Большинство генераловъ, составившихъ себѣ имя во время первыхъ войнъ революціи, происходили изъ низшихъ слоевъ общества. Объ нихъ сложилось ложное мнѣніе, что это были люди безъ всякаго образованія, обязанные своимъ успѣхомъ исключительно неустрашимой храбрости. Въ особенности не-

вѣрно изображенъ Ожеро. Его описывали всегда хвастуномъ, буяномъ и злымъ человѣкомъ. Это вполнѣ несправедливо. Хотя молодость свою онъ провелъ очень бурно и не разъ впадалъ въ политическія ошибки, но онъ былъ добръ, вѣжливъ и привѣтливъ. Я смѣло говорю, что изъ пяти маршаловъ, подъ начальствомъ которыхъ мнѣ приходилось служить, безспорно онъ болѣе всѣхъ облегчалъ ужасы войны, лучше всѣхъ относился къ населенію и обращался съ офицерами, съ которыми жилъ, какъ отецъ съ дѣтьми. Жизнь маршала Ожеро была очень бурной, но, чтобы судить о ней, нужно принять во вниманіе обычаи и нравы той эпохи.

Петръ Ожеро родился въ Парижѣ въ 1757 г. Отецъ его велъ обширную торговлю фруктами и нажилъ состояніе, давшее ему возможность хорошо образовать своихъ дѣтей. Мать его была урожденная Мюнихъ, и постоянно говорила съ сыномъ не иначе, какъ по-нѣмецки; онъ превосходно владѣлъ этимъ языкомъ, что̀ и принесло ему большую пользу въ путешествіяхъ и на войнѣ. Ожеро былъ красивъ, большаго роста и хорошо сложенъ. Онъ любилъ всѣ тѣлесныя упражненія и былъ очень ловокъ; прекрасно ѣздилъ верхомъ и превосходно стрѣлялъ. Въ семнадцать лѣтъ Ожеро лишился матери. Одинъ изъ ея братьевъ, служившій у старшаго брата короля, опредѣлилъ его въ стрѣлки, которыми командовалъ этотъ принцъ.

Нѣсколько лѣтъ Ожеро провелъ въ Сомюрѣ, гдѣ стрѣлки квартировали постоянно. Благодаря усердію къ службѣ и хорошему поведенію, его вскорѣ произвели въ унтеръ-офицеры. Къ несчастью, въ эту пору была манія на дуэли. Извѣстность хорошаго стрѣлка, какою пользовался Ожеро, заставила его имѣть нѣсколько поединковъ, въ виду того, что бретеры считали особеннымъ шикомъ не допускать ни въ комъ и никакого превосходства. Дворяне, офицеры, солдаты—всѣ дрались изъ-за самыхъ ничтожныхъ причинъ. И вотъ, когда Ожеро былъ въ Парижѣ, извѣстный учитель фехтованія, Сенъ-Жоржъ, видя его идущимъ по улицѣ, сказалъ въ присутствіи нѣсколькихъ лицъ, что это лучшій боецъ Франціи. Одинъ молодой драгунъ, Белэръ, который считалъ себя первымъ послѣ Сенъ-Жоржа, написалъ послѣ того къ Ожеро, что онъ желаетъ съ нимъ драться; впрочемъ, если тотъ признаетъ за нимъ первенство, онъ отказывается отъ своего желанія. Конечно, Ожеро не исполнилъ требованія, и они сошлись въ Елисейскихъ поляхъ, гдѣ

Белэръ получилъ ударъ шпаги насквозь. Бретеръ этотъ выздоровѣлъ и, оставивъ службу, женился. Не зная, какъ прокормить своихъ восьмерыхъ дѣтей, ему пришло на умъ обратиться, въ первые дни Имперіи, къ своему бывшему противнику, въ то время уже маршалу. Белэръ, котораго я зналъ, былъ очень не глупъ и большой шутникъ. Онъ явился къ Ожеро со скрипкой и сказалъ, что, не имѣя чѣмъ кормить дѣтей, станетъ играть имъ для развлеченія кадрили, если только маршалъ не поможетъ ему добыть болѣе существенную пищу. Ожеро узналъ Белэра, пригласилъ обѣдать, снабдилъ деньгами, вскорѣ далъ ему очень хорошее мѣсто и помѣстилъ въ лицей двухъ его сыновей. Поступокъ этотъ не требуетъ комментарій.

Однако не всѣ дуэли Ожеро оканчивались такимъ образомъ. Въ силу страннаго обычая, между нѣкоторыми полками существовала издавна ненависть, причина которой не была даже извѣстна. Но ненависть эта, передаваемая изъ поколѣнія въ поколѣніе, неминуемо вызывала дуэли при всякой встрѣчѣ отрядовъ. Такимъ образомъ жандармы Люневиля и стрѣлки враждовали болѣе полувѣка, хотя и не видѣли другъ друга въ этотъ долгій промежутокъ времени. Наконецъ, въ началѣ царствованія Людовика XVI, два этихъ отряда сошлись въ компьенскомъ лагерѣ и чтобы не считаться менѣе храбрыми, нежели ихъ предшественники, стрѣлки и жандармы рѣшили драться. Обычай этотъ такъ вкоренился, что начальство считало за лучшее смотрѣть на него сквозь пальцы. Однако для избѣжанія большаго кровопролитія, рѣшено было устроить одну дуэль, для чего каждый изъ отрядовъ долженъ былъ назначить своего представителя. Самолюбіе партій было задѣто; каждая изъ нихъ хотѣла, чтобы представитель ея былъ побѣдителемъ. Стрѣлки избрали изъ своей среды двѣнадцать лучшихъ стрѣлковъ, въ числѣ которыхъ находился Ожеро, и рѣшили кинуть жребій, кому достанется защита полка. Судьба въ этотъ день была еще болѣе слѣпа, чѣмъ обыкновенно, она указала на унтеръ-офицера Донадье, у котораго было пять человѣкъ дѣтей. Ожеро замѣтилъ, что люди семейные должны быть исключены изъ числа двѣнадцати человѣкъ, и что поэтому онъ желаетъ заступить мѣсто товарища. Донадье заявляетъ, что жребій палъ на него, и онъ будетъ драться. Ожеро настаиваетъ. Наконецъ этотъ великодушный споръ рѣшаютъ члены собранія, которые принимаютъ предложеніе Ожеро. Вскорѣ сдѣлалось извѣст-

нымъ, кого избрали жандармы, остается только найти какой-нибудь предлогъ для ссоры.

Противникъ Ожеро былъ человѣкъ страшный. Прекрасный стрѣлокъ и завзятый дуэлистъ, онъ, въ ожиданіи встрѣчи, убилъ на дняхъ двухъ сержантовъ французской гвардіи. Ожеро, не испугавшись этого, отправился въ кофейню, куда тотъ долженъ былъ явиться, и, въ ожиданіи его, сѣлъ за столъ. Жандармъ входитъ и какъ только ему указали противника, поднимаетъ полы сюртука и садится на столъ задомъ къ Ожеро. Послѣдній, который пилъ въ это время горячій кофе, вылилъ его на невѣжливаго жандарма, который вскочилъ взбѣшенный. Вотъ и предлогъ для дуэли. Противники отправляются къ мѣсту въ сопровожденіи стрѣлковъ и жандармовъ. По пути, забіяка, желая потрунить надъ тѣмъ, кого онъ считалъ уже своею жертвою, спрашиваетъ у Ожеро съ насмѣшкой: гдѣ вы хотите лежать въ городѣ или въ деревнѣ?—Я предпочитаю деревню, отвѣчаетъ Ожеро, я всегда любилъ свѣжій воздухъ.—Ну, такъ похорони его рядомъ съ тѣми, которыхъ я уложилъ вчера и третьяго дня, продолжалъ жандармъ, обращаясь къ одному изъ своихъ свидѣтелей.—Это было мало тревожно, и всякій другой на мѣстѣ Ожеро почувствовалъ бы себя непріятно. Но онъ не струсилъ, а рѣшилъ сильно защищаться и велъ дуэль такъ хорошо, что противникъ его, разсердившись, что не можетъ его задѣть, сдѣлалъ двѣ ошибки, которыми воспользовался Ожеро, не терявшій спокойствія, и всадилъ ему саблю въ бокъ, проговоривъ: вы будете лежать въ деревнѣ!

По окончаніи лагеря стрѣлки вернулись въ Сомюръ, гдѣ Ожеро продолжалъ мирно службу, какъ вдругъ несчастный случай толкнулъ его на жизнь полную приключеній.

Молодой знатный офицеръ, отличавшійся вспыльчивымъ характеромъ, остался недоволенъ чисткою лошадей, разсердился на Ожеро и, въ припадкѣ гнѣва, хотѣлъ его ударить хлыстомъ при всемъ эскадронѣ. Возмущенный Ожеро выбилъ хлыстъ у офицера. Тогда тотъ, въ бѣшенствѣ, выхватилъ саблю и кинулся на Ожеро, закричавъ: защищайтесь! Ожеро въ началѣ парировалъ только удары, но, получивъ рану, сталъ нападать, и офицеръ былъ убитъ на поваль.

Генералъ графъ Мальсень, который командовалъ стрѣлками отъ имени принца, скоро узналъ объ этомъ дѣлѣ. Хотя всѣ свидѣтели утверждали, что Ожеро, вызванный несправедливымъ оскорбленіемъ, находился въ правѣ законной защиты, генералъ,

который былъ расположенъ къ Ожеро, счелъ необходимымъ удалить его. Для этого онъ призвалъ стрѣлка, уроженца Генуи, по фамиліи Папонъ, срокъ службы котораго истекалъ чрезъ нѣсколько дней, и попросилъ его дать свой пропускъ Ожеро, пообѣщавъ выхлопотать ему другой. Папонъ согласился, за что̀ Ожеро оставался ему вѣчно благодарнымъ. По прибытіи въ Генуя, Ожеро узналъ, что военный совѣтъ, несмотря на свидѣтельство очевидцевъ, приговорилъ его къ смерти за то, что онъ дерзнулъ драться съ офицеромъ.

Семейство Папонъ занималось поставкой часовъ на Востокъ. Ожеро рѣшилъ сопутствовать посылаемому туда прикащику и побывалъ съ нимъ въ Греціи, въ Іонійскомъ Архипелагѣ, въ Константинополѣ и на прибрежіи Чернаго моря. Онъ находился въ Крыму, когда полковникъ русской службы, рѣшивъ по выправкѣ Ожеро, что онъ былъ военнымъ, предложилъ ему мѣсто фельдфебеля. Ожеро согласился, прослужилъ нѣсколько лѣтъ въ русской арміи, которою командовалъ знаменитый Суворовъ противъ турокъ, и былъ раненъ при взятіи Измаила. Послѣ заключенія мира между Россіей и Портой, полкъ, въ которомъ служилъ Ожеро, былъ отправленъ въ Польшу. Ожеро не захотѣлъ болѣе оставаться въ Россіи, дезертировалъ въ Пруссію, гдѣ началъ службу въ полку принца Генриха и благодаря своему росту и красотѣ былъ вскорѣ переведенъ въ извѣстную гвардію Фридриха Великаго. Тутъ онъ служилъ уже два года, и капитанъ обѣщалъ ему повышеніе, но король, производя смотръ гвардіи, остановился предъ Ожеро и замѣтилъ: „Вотъ красавецъ гренадеръ! Откуда онъ?“— Французъ, ваше величество. — Тѣмъ хуже, отвѣтилъ Фридрихъ, который сталъ ненавидѣть французовъ настолько, насколько ихъ прежде любилъ, тѣмъ хуже; еслибы это былъ швейцарецъ или нѣмецъ, мы сдѣлали бы изъ него кое-что.

Убѣжденный, что ему нечего ждать въ Пруссіи, такъ какъ слышалъ это изъ устъ самого короля, Ожеро рѣшилъ покинуть эту страну. Однако это было очень трудно, потому что какъ только пушечный выстрѣлъ извѣщалъ жителей о побѣгѣ солдата, все населеніе кидалось его преслѣдовать, съ цѣлью получить положенную награду, и пойманный дезертиръ немедленно разстрѣливался.

Чтобы избѣгнуть этого несчастья и получить свободу, Ожеро, знавшій, что треть гвардейцевъ, иностранцевъ подобно ему, готовы были бы бѣжать изъ Пруссіи, сговорился съ ними,

выставивъ на видъ, что побѣгъ въ одиночку губителенъ, такъ какъ достаточно двухъ, трехъ человѣкъ, чтобы задержать дезертира, между тѣмъ какъ, уходя компаніей съ оружіемъ и провизіей, можно защищаться. Это и было приведено въ исполненіе подъ руководствомъ Ожеро. Около шестидесяти бѣжавшихъ, люди храбрые, выдержали по дорогѣ нападеніе крестьянъ и даже отряда солдатъ, потеряли нѣсколько человѣкъ убитыми, но уложили много непріятеля и въ одну ночь добрались до мѣстности, принадлежащей къ Саксоніи и находящейся въ десяти миляхъ отъ Потсдама. Ожеро направился въ Дрезденъ, гдѣ давалъ уроки танцевъ и фехтованья до времени рожденія перваго дофина, сына Людовика XVI, рожденіе котораго французское правительство ознаменовало амнистіей всѣхъ дезертировъ. Это дало возможность Ожеро не только вернуться въ Парижъ, но и поступить снова въ стрѣлки, въ виду отзыва объ немъ генерала Мальсень, какъ объ одномъ изъ лучшихъ унтеръ-офицеровъ. Такимъ образомъ Ожеро вернулъ и свой чинъ, и свое положеніе.

Въ 1788 г. неаполитанскій король, сознавая необходимость улучшить свою армію, просилъ короля Франціи прислать ему для обученія солдатъ нѣсколько офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, которыхъ онъ повыситъ въ чинѣ. Графъ Померель, который впослѣдствіи былъ генераломъ и префектомъ Имперіи, былъ назначенъ начальникомъ всѣхъ инструкторовъ, посланныхъ въ Неаполь. Въ этомъ отрядѣ находился также Ожеро, который по прибытіи туда получилъ чинъ подпоручика. Тамъ онъ прослужилъ нѣсколько лѣтъ и былъ произведенъ въ поручики. Но вотъ онъ влюбился въ дочь греческаго негоціанта. Отецъ дѣвушки не соглашался на этотъ бракъ, и молодые люди обвѣнчались тайно, сѣли на первый корабль, готовый къ отплытію, и отправились въ Лиссабонъ, гдѣ спокойно прожили нѣкоторое время.

Былъ конецъ 1792 года. Французская революція дѣлала быстрые успѣхи. Всѣ монархи Европы, опасаясь проникновенія въ ихъ страны новыхъ началъ, стали строго относиться къ французамъ. Ожеро часто увѣрялъ меня, что, во время пребыванія своего въ Португалія, онъ не дѣлалъ и не говорилъ ничего, что̀ могло бы обезпокоить правительство, тѣмъ не менѣе его арестовали и посадили въ тюрьму инквизиціи. Тутъ онъ томился нѣсколько мѣсяцевъ. Но вотъ госпожа Ожеро, женщина рѣшительная, увидѣла въ гавани корабль съ трех-

цвѣтнымъ флагомъ. Она отправляется къ капитану и передаетъ ему письмо, въ которомъ увѣдомляетъ французское правительство о беззаконномъ арестованіи ея мужа. Хотя капитанъ французскаго судна не состоялъ въ военномъ флотѣ, онъ тѣмъ не менѣе посѣтилъ португальскихъ министровъ, потребовалъ освобожденія своего соотечественника и, получивъ отказъ, объявилъ имъ отъ имени Франціи угрозу. Испугались ли португальцы или же поняли, что поступили несправедливо, но Ожеро былъ освобожденъ и на кораблѣ храбраго капитана возвратился въ Гавръ вмѣстѣ съ женою.

По прибытіи въ Парижъ, Ожеро получилъ чинъ капитана и былъ посланъ въ Вандею, гдѣ своими совѣтами и храбростью спасъ войско неспособнаго генерала Русенъ. За это онъ получилъ командованіе батальономъ. Не желая сражаться противъ французовъ, Ожеро испросилъ переводъ въ Пиренеи и былъ посланъ въ тулузскій лагерь, гдѣ командовалъ мой отецъ, который, оставшись доволенъ службою Ожеро, назначилъ его старшимъ адъютантомъ и вообще выказывалъ ему расположеніе, чего никогда Ожеро не забывалъ. Въ чинѣ генерала онъ отличился въ войнахъ испанскихъ, затѣмъ въ Италіи и особенно въ битвѣ при Кастильонѣ.

Наканунѣ этого сраженія, французское войско, окруженное со всѣхъ сторонъ, находилось въ самомъ критическомъ положеніи, и главнокомандующій Бонапартъ созвалъ военный совѣтъ, единственный, мнѣніе котораго онъ запросилъ. Всѣ генералы, даже Массена, стояли за отступленіе, какъ вдругъ Ожеро, объяснивъ, что̀ нужно сдѣлать, чтобы выйти изъ затрудненія, закончилъ словами: уйдете вы всѣ, я останусь и завтра же утромъ атакую непріятеля со своей дивизіей. Бонапартъ, убѣжденный доводами Ожеро, сказалъ ему.—И я останусь съ тобою. Объ отступленіи не было больше и рѣчи, а на слѣдующій день блестящая побѣда, одержанная главнымъ образомъ благодаря доблести и распорядительности Ожеро, надолго укрѣпила въ Италіи позиціи французской арміи. И вотъ когда завистники сплетничали на Ожеро въ присутствіи императора, онъ отвѣчалъ всегда: „не забывайте, что онъ насъ спасъ при Кастильонѣ“. И создавая, впослѣдствіи, новое дворянство, онъ даровалъ Ожеро титулъ герцога Кастильонскаго.

За смертью генерала Гошъ, Ожеро заступилъ его мѣсто въ рейнской арміи, а послѣ установленія консульства, ему поручено командованіе галло-батавской арміей, составленной изъ

войскъ французскихъ и голландскихъ, съ которыми онъ сдѣлалъ кампанію во Франконіи въ 1800 году и выигралъ сраженіе при Бургъ-Эберахѣ.

Послѣ заключенія мира онъ купилъ замокъ и землю де Ля Гуссэ. По поводу этой покупки я скажу, что состояніе нѣкоторыхъ генераловъ итальянской арміи было слишкомъ преувеличено. Ожеро, получая въ теченіе двадцати лѣтъ жалованье главнокомандующаго или же маршала, пользуясь въ теченіе семи лѣтъ арендой въ двѣсти тысячъ франковъ, и содержаніемъ по двадцати пяти тысячъ франковъ, какъ кавалеръ ордена почетнаго легіона, умирая, оставилъ только сорокъ восемь тысячъ франковъ дохода. Я не зналъ человѣка болѣе великодушнаго, болѣе безкорыстнаго и любезнаго. Можно привести этому много примѣровъ, но я ограничусь двумя.

Генералъ Бонапартъ, сдѣлавшись консуломъ, образовалъ многочисленную гвардію, назначивъ генерала Ланна командовать пѣхотой. Ланнъ, изящный военный человѣкъ, но плохой хозяинъ, вмѣсто того, чтобы сообразоваться съ цѣнами, установленными на покупку сукна, полотна и другихъ предметовъ, всегда выбиралъ все самое лучшее. Лица, завѣдывавшія экипировкою гвардіи, видя возможность входить безнаказанно въ сдѣлку съ поставщиками съ пользою для себя и полагая, что хищенія ихъ ограждены именемъ генерала Ланна, друга перваго консула, сдѣлали такую роскошную форму, что, при сведеніи счетовъ, общая сумма превысила на триста тысячъ смѣту, опредѣленную министерствомъ. Первый консулъ, твердо рѣшившій упорядочить финансы и принудить начальниковъ не выходить изъ кредита, несмотря на свое расположеніе генералу Ланну и на увѣренность, что онъ не воспользовался ни однимъ сантимомъ, для примѣра прочимъ, обвинилъ его въ дефицитѣ на триста тысячъ франковъ и назначилъ ему недѣлю для пополненія этой суммы, подъ страхомъ быть судимымъ военнымъ совѣтомъ. Строгое это рѣшеніе подѣйствовало прекрасно и прекратило растраты въ отчетности войскъ; но генералъ Ланнъ, хотя и женившійся недавно на дочери сенатора Геенека, былъ не въ состояніи уплатить эту сумму. Генералъ Ожеро, узнавъ о стѣсненномъ положеніи своего друга, отправляется къ своему нотаріусу, беретъ триста тысячъ и поручаетъ своему секретарю внести ихъ въ кассу гвардіи отъ имени генерала Ланна. Первый консулъ былъ очень благодаренъ Ожеро за его поступокъ и, чтобы дать генералу Ланну возможность заплатить этотъ долгъ,

назначилъ его посланникомъ въ Лиссабонъ. Мѣсто это было очень доходное.

Вотъ второй примѣръ великодушія Ожеро. Генералъ Бернадотъ, съ которымъ онъ не былъ особенно друженъ, купилъ землю Лягранжъ и разсчитывалъ уплатить за нее изъ приданаго жены. Однако деньги не были ему во̀-время сданы, а кредиторы ждать не хотѣли. Тогда Бернадотъ обратился къ Ожеро съ просьбой одолжить ему двѣсти тысячъ на пять лѣтъ, что̀ тотъ и исполнилъ. Когда же госпожа Бернадотъ спросила, какой онъ возьметъ процентъ, онъ отвѣтилъ: „сударыня, я понимаю, что банкиры получаютъ проценты на деньги, отдаваемыя ими взаймы, но когда маршалъ имѣетъ счастіе одолжить товарища,—то удовольствіе оказать услугу уже считается процентомъ“.

Вотъ человѣкъ, котораго считали скупымъ и черствымъ.

V.

Эпизодъ при первыхъ пожалованіяхъ орденомъ почетнаго легіона.

...Послѣ суда надъ Моро въ 1804 г. мы возвратились въ Брестъ, а оттуда вскорѣ прибыли въ Парижъ, гдѣ маршалъ Ожеро долженъ былъ присутствовать 14 іюля при раздачѣ новоустановленнаго императоромъ ордена почетнаго легіона. Я долженъ по этому поводу разсказать анекдотъ, надѣлавшій тогда большаго шуму. Чтобы наградить всѣхъ военныхъ, отличившихся въ республиканской арміи, императоръ потребовалъ подробнаго отчета о дѣйствіяхъ всѣхъ, которые получили почетное оружіе, и многихъ ихъ нихъ наградилъ орденомъ почетнаго легіона, хотя они снова вернулись къ частной жизни. Де-Нарбоннъ, вернувшійся на родину эмигрантъ, жилъ въ то время въ Парижѣ, въ улицѣ Мирамениль, по сосѣдству съ моею матерью. Въ день присужденія ордена, де-Нарбоннъ, узнавъ, что этимъ крестомъ награжденъ его лакей, бывшій солдатомъ въ Египтѣ, призываетъ его во время обѣда и говоритъ: „не годится кавалеру почетнаго легіона подавать тарелки и нельзя ему отказаться отъ ордена, чтобы продолжать службу; садитесь, пообѣдаемъ вмѣстѣ, а завтра отправляйтесь въ мое имѣніе на должность смотрителя охоты, гдѣ вы смѣло можете носить вашъ орденъ“.

Узнавъ объ этомъ, императоръ захотѣлъ видѣть де-Нарбонна, умъ и опытность котораго давно ему хвалили, и такъ былъ доволенъ этимъ знакомствомъ, что впослѣдствіи пригласилъ его къ себѣ адъютантомъ. Послѣ раздачи орденовъ въ Парижѣ, императоръ для той же цѣли отправился въ Булонскій лагерь, гдѣ войска были расположены полукругомъ, въ виду океана. Церемонія была очень торжественна. Впервые императоръ появился на тронѣ, окруженный маршалами. Восторгъ былъ неописуемый... Англійскій флотъ, завидя церемонію, послалъ нѣсколько легкихъ судовъ съ цѣлью помѣшать торжеству сильной канонадой, на которую наши батареи отвѣтили тотчасъ. На возвратномъ пути въ Булонь, послѣ окончанія празднества, императоръ остановился за этими батареями и, подзывая генерала Мармона, служившаго въ артиллеріи, сказалъ: „А что, помнимъ ли мы наше прежнее дѣло, посмотримъ, кто изъ насъ пуститъ бомбу на этотъ англійскій бригъ, который подошелъ такъ близко, точно дразнитъ насъ". И устраняя фейерверкера, императоръ навелъ мортиру; раздался выстрѣлъ, и бомба, задѣвъ парусъ, упала въ море. Генералъ Мармонъ въ свою очередь прицѣлился, но также не попалъ въ бригъ, откуда, видя на батареѣ генераловъ, удвоили огонь. „Займи свой постъ", сказалъ Наполеонъ фейерверкеру. Этотъ цѣлитъ въ свою очередь и попадаетъ бомбой въ центръ брига, который, получивъ громадную пробоину, наполняется водою и величественно погружается въ воду въ виду французскаго войска. Армія, считая это счастливымъ предзнаменованіемъ, издаетъ радостные клики, между тѣмъ какъ англійскій флотъ уходитъ на всѣхъ парусахъ. Императоръ поблагодарилъ фейерверкера и тутъ же надѣлъ ему орденъ.

Я также былъ въ числѣ награжденныхъ въ этотъ день. Свыше пяти лѣтъ я былъ уже подпоручикомъ и участвовалъ въ нѣсколькихъ походахъ. По представленію маршала Ожеро, императоръ произвелъ меня въ поручики, но было мгновеніе, когда я думалъ, что онъ откажетъ мнѣ въ чинѣ. Припомнивъ, что одинъ изъ Марбо былъ адъютантомъ Бернадота во время заговора въ Реннѣ, онъ наморщилъ брови при просьбѣ генерала за меня и, пристально глядя, спросилъ: „Это вы, который...? Нѣтъ, ваше величество, это не я, который!.. Отвѣтилъ я поспѣшно.—А, ты хорошій... бывшій въ Генуѣ и при Маренго... жалую тебя поручикомъ". Императоръ помѣстилъ также моего младшаго брата Феликса въ военную школу въ Фонтенебло, и

съ этого дня онъ болѣе не смѣшивалъ меня со старшимъ братомъ, который былъ ему всегда антипатиченъ, хотя вовсе не заслужилъ его ненависти.

VI.

Начало богатства Ротшильдовъ.

Вынужденный покинуть Кассель и искать убѣжища въ Англіи, гессенскій курфюрстъ, считавшійся однимъ изъ богатѣйшихъ капиталистовъ въ Европѣ, не могъ захватить съ собою всѣхъ денегъ. Онъ призвалъ поэтому къ себѣ франкфуртскаго еврея Ротшильда, банкира третьестепеннаго и мало извѣстнаго, но который отличался точнымъ соблюденіемъ своихъ религіозныхъ обрядовъ; курфюрстъ рѣшился довѣрить ему пятнадцать милліоновъ. Проценты съ этихъ денегъ должны были идти въ пользу банкира, который обязанъ былъ вернуть только капиталъ.

Послѣ занятія Кассельскаго дворца нашими войсками, агенты французскаго министерства финансовъ захватили тутъ много драгоцѣнныхъ вещей, особенно картинъ, но денегъ не нашли. Между тѣмъ, было трудно предположить, чтобы курфюрстъ, при поспѣшномъ бѣгствѣ, захватилъ всѣ деньги. По законамъ же войны капиталы, найденные въ непріятельской землѣ, принадлежали побѣдителю, поэтому хотѣли непремѣнно узнать, куда дѣвались кассельскія богатства. По наведеннымъ справкамъ оказалось, что до отъѣзда курфюрстъ провелъ цѣлый день съ евреемъ Ротшильдомъ, у котораго поэтому императорская коммисія тщательно повѣрила кассу и списки, но при этомъ не найдено и признака вклада курфюрста. Угрозы и запугиванія не произвели дѣйствія, такъ что коммисія, сознавая, что такой набожный человѣкъ, какъ Ротшильдъ, несмотря на всѣ выгоды, не станетъ клятвопреступникомъ, хотѣла привести его къ присягѣ. Онъ отказался исполнить это требованіе. Тогда хотѣли его арестовать, но императоръ воспротивился этому насилію, считая его недѣйствительнымъ. Наконецъ прибѣгли къ не совсѣмъ честному средству и попытались сломить упорство банкира, предложивъ ему оставить въ свою пользу половину капитала, если онъ выдастъ другую французскому правительству. При этомъ ему обѣщали дать удостовѣреніе, что деньги были захвачены силою, такъ что онъ будетъ изба-

вленъ отъ необходимости возвращать капиталъ. Однако честность еврея устояла и на этотъ разъ и по неволѣ нужно было оставить его въ покоѣ.

Такимъ образомъ, пятнадцать милліоновъ оставались у Ротшильда съ 1806 года до паденія Имперіи въ 1814 году. Послѣ возвращенія курфюрста въ свою страну, франкфуртскій банкиръ возвратилъ довѣренный ему вкладъ. Можно себѣ представить, сколько процентовъ принесли въ теченіе восьми лѣтъ пятнадцать милліоновъ въ рукахъ еврейскаго банкира и притомъ франкфуртца! Поэтому съ этихъ поръ именно начинается богатство фирмы братьевъ Ротшильдъ, которые своимъ высокимъ положеніемъ, занимаемымъ ими въ финансовомъ мірѣ, обязаны исключительно честности ихъ отца.

VII.

Эпизодъ битвы подъ Эйлау.

8 февраля 1807 года расположеніе обѣихъ армій предъ битвой подъ Эйлау было слѣдующее: лѣвое крыло русскихъ было у Серпаллена, центръ впереди Ауклапена, а правое крыло у Шмодиттена. Восемь тысячъ пруссаковъ ожидались со стороны Альтгофа, чтобы занять мѣсто на правомъ флангѣ. По фронту непріятельской линіи виднѣлось пятьдесятъ орудій, изъ коихъ треть была большаго калибра. Положеніе французовъ было менѣе благопріятно, въ виду неприбытія еще части войскъ. Въ началѣ дѣйствія, съ императоромъ была только часть арміи. Корпусъ маршала Суль сталъ по правую и лѣвую стороны Эйлау, гвардія заняла городъ, а корпусъ Ожеро помѣстился между Ротененъ и Эйлау, лицомъ къ Серпаллену.

Маршалъ Даву, котораго ожидали на правомъ крылѣ у Мольвитена, и маршалъ Ней, который долженъ былъ образовать лѣвое крыло со стороны Альтгофа, еще не являлись. Между тѣмъ русскіе, съ ранняго утра, начали атаку сильной канонадой. Наша артиллерія, хотя менѣе многочисленная, отвѣчала и тѣмъ болѣе успѣшно, что стрѣлки наши, болѣе свѣдущіе, нежели непріятельскіе, прицѣливались въ ничѣмъ не защищенную массу, тогда какъ большинство русскихъ пуль попадали въ стѣны Ротенена и Эйлау. Большая колонна непріятеля двинулась вскорѣ съ цѣлью занять этотъ послѣдній городъ, но была оттѣснена гвардіей и войскомъ маршала Суль. Въ эту

минуту императору доложили о появленіи корпуса маршала Даву, идущаго чрезъ Мольвитенъ по направленію къ Серпалдену, откуда онъ прогналъ лѣвое крыло русскихъ, отступившихъ къ Клейнъ-Саусгартену.

Русскій маршалъ Бенингсенъ, видя пораженіе лѣваго крыла маршаломъ Даву, который сталъ угрожать тылу, рѣшилъ одолѣть его численностью своихъ войскъ и двинуть ихъ большую часть на Даву. Желая помѣшать этому, Наполеонъ приказалъ Ожеро ударить въ центръ непріятеля, хотя и сознавалъ всю трудность этого движенія. Но на полѣ сраженія бываютъ минуты, когда приходится жертвовать нѣсколькими полками, чтобы спасти большую часть ихъ и обезпечить побѣду. Маршалъ Ожеро прошелъ съ двумя дивизіями между Ротененомъ и Эйлау и смѣло ударилъ въ центръ непріятеля. Уже 14-й полкъ, составлявшій нашъ авангардъ, овладѣлъ позиціей, которую императоръ приказалъ занять и отстаивать всѣми силами, какъ вдругъ многочисленныя орудія большаго калибра выпустили такой градъ ядеръ, какого не запомнятъ въ лѣтописяхъ исторіи.

Въ минуту двѣ наши дивизіи были искрошены этимъ желѣзнымъ дождемъ! Убило генерала Дежардена и опасно ранило генерала Гёделе. Однако наши держались, пока почти весь корпусъ не былъ окончательно уничтоженъ. Остатки его пришлось отодвинуть къ кладбищу Эйлау, за исключеніемъ впрочемъ 14-го полка, который, окруженный непріятелемъ, остался на занятомъ имъ холмѣ. Положеніе наше было тѣмъ болѣе непріятно, что повалилъ снѣгъ, мѣшавшій видѣть предметы дальше пятнадцати шаговъ, и нѣкоторыя батареи французовъ стрѣляли въ насъ одновременно съ непріятелями. Маршалъ Ожеро былъ раненъ осколкомъ гранаты.

Однако усилія 7-го корпуса не пропали даромъ. Маршалъ Даву, благодаря нашей атакѣ, могъ не только удержаться на своихъ позиціяхъ, но овладѣлъ даже Клейнъ-Саусгартеномъ и двинулъ свой авангардъ въ тылъ непріятеля, къ Кюсшиттену. Желая нанести рѣшительный ударъ, императоръ велѣлъ двинуть между Эйлау и Ротиненомъ девяносто эскадроновъ, подъ командою Мюра. Эта ужасная масса кидается въ центръ русскихъ, пробиваетъ ихъ, сѣчетъ и приводитъ въ страшный безпорядокъ. Въ этой схваткѣ былъ убитъ храбрый генералъ Гаутпуль во главѣ своихъ кирасировъ, а также генералъ Дальманъ, принявшій послѣ генерала Морланъ командованіе гвардей-

скими стрѣлками. Успѣхъ нашей кавалеріи обезпечилъ намъ побѣду.

Напрасно восемь тысячъ пруссаковъ, избѣжавъ преслѣдованія маршала Нея, пытались, выйдя изъ Альтгофа, произвести новую атаку и кинулись на Кюсшиттенъ вмѣсто того, чтобы повернуть на Эйлау. Ихъ отразилъ маршала Даву. Съ прибытіемъ въ исходѣ дня въ Шмодиттенъ маршала Нея, Бенингсенъ, опасаясь быть отрѣзаннымъ, приказалъ отступать къ Кенигсбергу, предоставивъ французамъ поле сраженія, усѣянное трупами и умирающими. Со времени изобрѣтенія пороха не было болѣе страшнаго зрѣлища. Сравнительно съ численностью сражавшихся войскъ подъ Эйлау, – это одна изъ битвъ, гдѣ потери были самыя значительныя. У русскихъ выбыло изъ строя двадцать пять тысячъ человѣкъ, и хотя число жертвъ съ нашей стороны опредѣляли въ десять тысячъ человѣкъ, я ихъ считаю не менѣе двадцати тысячъ. Такимъ образомъ двѣ арміи лишились въ общемъ сорока пяти тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ половина убитыхъ.

Корпусъ Ожеро почти совершенно былъ уничтоженъ. Изъ пятнадцати тысячъ начавшихъ сраженіе къ вечеру осталось не болѣе трехъ тысячъ подъ командою подполковника Масси. Маршалъ, генералы и всѣ полковники получили раны или были убиты.

Трудно понять, почему Бенингсенъ, зная, что Даву и Ней были далеко позади, не воспользовался ихъ отсутствіемъ для атаки города Эйлау по утру, вмѣсто того, чтобы терять время на обстрѣливаніе насъ. Превосходство его силъ навѣрно дало бы ему возможность овладѣть городомъ до прибытія Даву. Императоръ пожалѣлъ бы тогда, что двинулся такъ далеко, вмѣсто того, чтобы укрѣпиться у Цигельгофа, въ ожиданіи своихъ войскъ, какъ предполагалъ это наканунѣ. На другой день послѣ битвы, императоръ приказалъ преслѣдовать русскихъ до воротъ Кенигсберга. Въ виду же укрѣпленія города, сочли несвоевременнымъ атаковать его съ усталымъ войскомъ, тѣмъ болѣе, что въ Кенигсбергѣ находилась почти вся русская армія.

Нѣсколько дней Наполеонъ провелъ въ Эйлау съ цѣлью помочь раненымъ и преобразовать свои войска. За уничтоженіемъ корпуса маршала Ожеро, остатки его были распредѣлены по другимъ отрядамъ, и маршалу разрѣшено было вернуться во Францію для излѣченія раны. Послѣ удаленія главной части

русскихъ войскъ, императоръ расквартировалъ свою армію въ городахъ, мѣстечкахъ и селахъ по Вислѣ. Конецъ зимы не ознаменовался болѣе ничѣмъ выдающимся, за исключеніемъ взятія Данцига.

Я не хотѣлъ прерывать описаніе битвы подъ Эйлау, чтобы разсказать вамъ о томъ, что случилось со мною въ этой ужасной схваткѣ. Но чтобы вы поняли это печальное происшествіе, мнѣ необходимо вернуться къ осени 1805 года, когда офицеры арміи, готовясь къ битвѣ подъ Аустерлицемъ, запасались лошадьми. У меня было двѣ хорошихъ лошади, но я искалъ еще третью, боевую. Найти такую лошадь было трудно. Хотя лошади были тогда дешевле нынѣшняго, все же цѣна ихъ была слишкомъ высока, а денегъ у меня было мало; но случай помогъ мнѣ въ этомъ дѣлѣ.

Я встрѣтилъ нѣмецкаго ученаго, Айстера, съ которымъ познакомился во время его профессорства въ Сорезѣ; онъ былъ воспитателемъ богатаго швейцарскаго банкира Шерера, поселившагося въ Парижѣ, компаньона Фингерлина. Айстеръ сказалъ мнѣ, что у Фингерлина громадная конюшня, и указалъ на прелестную лошадь Лизету, быструю какъ лань и такъ превосходно выѣзженную, что съ нею можетъ справиться ребенокъ. Но лошадь эта имѣла страшный и, къ счастью, рѣдко встрѣчающійся порокъ. Она кусала, какъ бульдогъ и бросалась на тѣхъ, кто ей не нравился, вслѣдствіе чего г. Фингерлинъ хотѣлъ ее продать. И вотъ ее купили по порученію госпожи Лористонъ, мужъ которой, адъютантъ императора, писалъ женѣ приготовить ему лошадь для похода. Продавая Лизету, Фингерлинъ не предупредилъ о ея недостаткѣ, и въ день покупки нашли убитымъ конюха, которому она вырвала внутренности. Испуганная госпожа Лористонъ потребовала признанія покупки недѣйствительной. Не только желаніе ея было исполнено, но въ предупрежденіе несчастій, полиція приказала повѣсить надъ стойломъ Лизеты надпись, предупреждавшую покупателей о ея злости, причемъ продажа ея должна быть признана несостоявшеюся, если покупатель не удостовѣритъ письменно, что ему былъ извѣстенъ ея порокъ.

Понятно, что при этихъ условіяхъ продать Лизету было очень трудно, и вотъ Айстеръ предупредилъ меня, что владѣлецъ ея готовъ уступить ее за любую предложенную цѣну. Я

далъ тысячу франковъ и получилъ Лизету, которая стоила Фингерлину пять тысячъ. Въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ животное это причинило мнѣ много хлопотъ. Четыре, пять человѣкъ едва могли осѣдлать ее; для взнуздыванія приходилось закрывать ей глаза и привязывать за всѣ четыре ноги, но разъ вы на ней, лошадь эта дѣйствительно была безподобна.

Однако я уже думалъ сбыть ее, потому что она уже успѣла укусить нѣсколькихъ человѣкъ и въ томъ числѣ меня. Въ это время ко мнѣ въ услуженіе поступилъ Франсуа Воарлянъ, который ничего не боялся. Узнавъ о порокѣ Лизеты, онъ подошелъ ней съ горячимъ кускомъ баранины и, когда животное кинулось на него, чтобы укусить, подставилъ ей баранину, которую она схватила зубами. Обжогши себѣ весь ротъ, лошадь закричала, выпустила баранину и съ этихъ поръ не пыталась болѣе кусать Воарляна и повиновалась ему. Я прибѣгъ къ тому же средству и также успѣшно. Со мною и съ Воарляномъ Лизета стала кроткой, какъ собака, и даже переносила штабныхъ конюховъ, которыхъ видала ежедневно, но постороннихъ къ ней нельзя было допускать. Я бы могъ привести десятки примѣровъ ея злости, но ограничусь только однимъ.

Во время пребыванія маршала Ожеро въ замкѣ Бельвю, возлѣ Берлина, штабная прислуга замѣтила, что во время ихъ обѣда исчезаютъ изъ конюшни мѣшки съ овсомъ; по просьбѣ прислуги Воарлянъ оставилъ Лизету у воротъ конюшни непривязанною. Воръ прокрадывается въ конюшню, беретъ мѣшокъ, какъ вдругъ лошадь хватаетъ его зубами за шиворотъ, выволакиваетъ на дворъ, гдѣ ломаетъ ему два ребра ногами. На крикъ вора, котораго Лизета не выпускала, сбѣжалась вся прислуга. Мнѣ и Воарляну едва удалось высвободить несчастнаго. Свирѣпость этого животнаго еще увеличилась послѣ сабельной раны, полученной ею на полѣ битвы подъ Іеной въ лопатку.

На такой-то лошади я бк лт подъ Эйлау, когда остатки корпуса маршала Ожеро, спасаясь отъ града картечи и бомбъ, старались стянуться возлѣ кладбища. Вы помните, что 14-й полкъ остался одинъ на холмѣ, который могъ покинуть только по приказу императора. Снѣгъ прекратился, и глазамъ представились эти храбрецы, окруженные непріятелемъ; они махали знаменемъ въ доказательство, что они еще держатся и просятъ помощи. Тронутый преданностью этихъ людей, императоръ попытался спасти ихъ. Онъ приказалъ Ожеро послать къ нимъ

офицера съ приказаніемъ оставить холмъ, образовать маленькое карэ и направиться къ намъ, между тѣмъ какъ бригада кавалеристовъ двинется имъ на помощь.

Было почти невозможно выполнить волю императора. Масса казаковъ отдѣляла насъ отъ 14-го полка, и очевидно всякій офицеръ, направляющійся къ этому полку, будетъ убитъ или взятъ въ плѣнъ ранѣе, чѣмъ попадетъ туда. Но приказъ былъ отданъ, оставалось только повиноваться.

Въ императорской арміи адъютанты становились обыкновенно въ рядъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ генерала. Первый съ краю, отбывъ свое порученіе, возвращаясь, становился въ хвостѣ, такимъ образомъ всѣ чередовались и одинаково подвергались опасностямъ. Инженеръ капитанъ Фруассаръ, хотя и не былъ адъютантомъ Ожеро, находился въ его свитѣ и въ этотъ разъ стоялъ первымъ возлѣ него. Ему поручили отправиться къ 14-му полку. Фруассаръ поскакалъ галопомъ. Онъ затерялся среди казаковъ, и никогда болѣе мы объ немъ не слыхали. Маршалъ, видя, что 14-ый полкъ не двигается, послалъ еще офицера, по фамиліи Давидъ. Его постигла участь Фруассара. Нужно предположить, что, убитые и ограбленные, они не могли быть узнаны среди тысячи труповъ, покрывавшихъ землю. Въ третій разъ маршалъ закричалъ: „Очередной офицеръ!“—Очередь была за мною.

Увидя сына своего стараго друга и, смѣю сказать, своего любимаго адъютанта, лицо добраго маршала выразило тревогу, и глаза наполнились слезами. Онъ не сомнѣвался, что посылаетъ меня на вѣрную смерть. Нельзя было ослушаться императора: я былъ солдатъ, нельзя было замѣнить меня товарищемъ, и я не допустилъ бы такого позора. И вотъ я поскакалъ. Но жертвуя жизнью, я считалъ необходимымъ по возможности спасти ее. Я замѣтилъ, что оба офицера, отправившіеся раньше меня, обнажили сабли, предполагая вѣроятно защищаться въ пути отъ нападенія казаковъ. Такое поведеніе казалось мнѣ нецѣлесообразнымъ. Я поступилъ иначе. Оставивъ саблю въ ножнахъ, я считалъ себя всадникомъ, который, желая выиграть призъ, скачетъ по кратчайшей линіи къ намѣченной цѣли, не обращая вниманія на то, что находится направо и налѣво по дорогѣ. Цѣль моя была 14-й полкъ на холмѣ. И такъ я рѣшилъ скакать туда, не обращая вниманія на казаковъ, которыхъ мысленно считалъ не существовавшими.

Планъ мой удался. Лизета, легче ласточки, летѣла, а не скакала; она перескакивала груды труповъ, рвы, сломанные лафеты и полупотухшіе огни биваковъ. Масса казаковъ была разсѣяна по долинѣ. Первые, замѣтившіе меня, поступили, какъ охотники при облавѣ, которые, при видѣ зайца, увѣдомляютъ товарищей о его присутствіи криками: „смотри, смотри". Но ни одинъ изъ казаковъ не пытался задержать меня, во-первыхъ, благодаря быстротѣ моей ѣзды и затѣмъ, полагая вѣроятно, что мнѣ не уйти отъ нихъ, въ виду ихъ многочисленности. Такимъ образомъ я достигъ до 14-го полка и ни я, ни моя лошадь не получили ни малѣйшей царапины.

Четырнадцатый полкъ сомкнулся въ карэ на вершинѣ холма. Откосы были очень покаты, и непріятельская кавалерія нѣсколько разъ подступала, но была храбро отбиваема. Кругомъ образовался валъ изъ труповъ людей и лошадей, дѣлавшій позицію французовъ почти недоступной для кавалеріи. Несмотря на помощь нашихъ пѣхотинцевъ, я съ трудомъ пробрался чрезъ эту кровавую и страшную ограду. Наконецъ я въ карэ. Со времени смерти полковника Савари, убитаго при переправѣ чрезъ Юкру, 14-мъ полкомъ командовалъ начальникъ батальона. Когда среди града пуль я передалъ этому офицеру приказаніе оставить позицію и попытаться соединиться съ арміей, онъ мнѣ отвѣтилъ, что непріятельская артиллерія, обстрѣливая полкъ болѣе часу, унесла у него столько людей, что остатокъ ихъ безусловно будетъ уничтоженъ, если онъ спустится въ долину, притомъ у него нѣтъ даже времени выполнить этотъ маневръ, въ виду приближенія русской пѣхотной колонны, которая вотъ уже подходитъ тамъ.

— Я не могу спасти полкъ, сказалъ начальникъ батальона;—вернитесь къ императору, передайте ему привѣтъ 14-го полка, свято выполнившаго его приказъ и снесите ему знамя, которое мы не можемъ больше защищать. Было бы слишкомъ тяжело умирать, еслибы оно попало въ руки непріятеля.

Командиръ передалъ мнѣ знамя, которое солдаты, храбрые остатки этого неустрашимаго полка, въ послѣдній разъ привѣтствовали крикомъ:

— Да здравствуетъ императоръ!

Это было Тацитовское: „Цезарь, умирающіе привѣтствуютъ тебя". Но здѣсь крикъ этотъ исходилъ изъ груди героевъ.

Пѣхотныя знамена были очень тяжелы, и тяжесть увеличивалась еще большимъ и толстымъ дубовымъ древкомъ, на вер-

шинѣ котораго они укрѣплялись. Длина древка очень мнѣ мѣшала. Палка эта, лишенная орла, не могла быть трофеемъ для непріятеля, и я, съ согласія командира, рѣшилъ ее сломать, чтобы унести только знамя. Въ ту минуту, какъ я наклонился, чтобы имѣть больше упора, одна изъ многочисленныхъ русскихъ пуль задѣла сзади уголъ моей шляпы, пройдя на дюймъ отъ головы. Сотрясеніе было тѣмъ сильнѣе, что шляпа, притянутая ремнемъ, представляла большое сопротивленіе удару. Я былъ ошеломленъ, но усидѣлъ на лошади. У меня пошла кровь носомъ, ушами и даже изъ глазъ; тѣмъ не менѣе, я слышалъ, видѣлъ, понималъ и сохранилъ всѣ умственныя способности, хотя члены мои были парализованы, и я не могъ пошевелить даже пальцемъ.

Но вотъ русская пѣхотная колонна уже у холма. Это были гренадеры, шапки которыхъ, обложенныя металломъ, имѣли форму митръ. Люди эти, значительно превосходя числомъ французовъ, кинулись на остатки несчастнаго 14-го полка, солдаты котораго питались нѣсколько дней картофелемъ и талымъ снѣгомъ, а сегодня не успѣли даже приготовить и этой скудной пищи. Тѣмъ не менѣе, храбрые французы мужественно оборонялись штыками, а когда карэ было прорвано, они разбились на маленькіе отряды и долго выдерживали эту неровную борьбу.

Въ этой страшной стычкѣ многіе изъ нашихъ, для защиты себя отъ ударовъ сзади, оперлись на мою лошадь, которая, противъ своего обыкновенія, оставалась спокойной. Еслибы я могъ двигаться, я пустилъ бы ее впередъ, чтобы уйти съ этого поля рѣзни, но я не могъ сжать ногъ и передать лошади свое желаніе. Положеніе мое тѣмъ болѣе было ужасно, что, какъ я уже сказалъ, у меня сохранилось чувство зрѣнія и слуха. Вокругъ меня не только дрались, что̀ подвергало меня ударамъ штыковъ, но русскій офицеръ дѣлалъ напрасныя усилія достать меня саблей. Сражающіеся мѣшали ему добраться до меня, и жестомъ онъ указывалъ на меня солдатамъ, которые, принимая меня за начальника, потому что только я одинъ былъ верхомъ, стрѣляли въ меня чрезъ головы товарищей. Многочисленныя пули одна за другой жужжали вокругъ меня. Одна изъ нихъ, конечно, уложила бы меня, еслибы ужасный случай не удалилъ меня съ этого страшнаго мѣста.

Въ числѣ оперпшихся на мою лошадь, былъ одинъ солдатъ, котораго я часто видѣлъ у маршала. Человѣкъ этотъ, раненый

непріятельскими гренадерами, упалъ подъ брюхо Лизеты и, желая подняться, схватилъ мою ногу. Тогда русскій гренадеръ, стараясь прикончить его, направилъ на него свой штыкъ, но поскользнулся и попалъ штыкомъ въ мой плащъ, который развѣвался по вѣтру. Оставивъ тогда солдата, онъ нанесъ мнѣ нѣсколько ударовъ, безполезныхъ въ началѣ, но изъ которыхъ одинъ угодилъ мнѣ въ лѣвую руку. Гренадеръ размахнулся еще разъ, но теперь онъ ранилъ мою лошадь въ бедро. Боль вернула ей дикіе инстинкты, она устремилась на русскаго и въ одинъ мигъ сорвала ему всю кожу съ лица, сдѣлавъ изъ него красную мертвую голову. Затѣмъ, кинувшись въ бѣшенствѣ въ средину сражающихся, она грызетъ и топчетъ всѣхъ на своемъ пути. Непріятельскій офицеръ, пытавшійся убить меня, хотѣлъ удержать ее за узду. Она хватаетъ его за грудь, выноситъ изъ схватки и бросаетъ бездыханнаго внизу холма, изорвавъ его зубами; затѣмъ усиленнымъ галопомъ направляется въ обратный путь къ кладищу Эйлау. Благодаря гусарскому сѣдлу, я усидѣлъ на лошади, но новая опасность уже ожидала меня.

Снова повалилъ снѣгъ, и большіе хлопья затемняли свѣтъ. Подъѣзжая къ Эйлау, я очутился впереди батальона старой гвардіи, который, не въ состояніи разглядѣть, кто скачетъ, принимаетъ меня за непріятельскаго офицера, ведущаго взводъ кавалеріи. Батальонъ даетъ залпъ... Мой плащъ и сѣдло пробиты во многихъ мѣстахъ, но я и лошадь уцѣлѣли. Лизета, продолжая бѣгъ, минуетъ батальонъ. Но это послѣднее усиліе истощило ее. Она потеряла много крови изъ раны, и бѣдное животное упало точно подкошенное. Падая вмѣстѣ съ нею, я былъ отброшенъ въ сторону.

Лежа на снѣгу, среди груды мертвыхъ и умирающихъ, не имѣя возможности пошевелиться, мало-по-малу я сталъ лишаться сознанія. Мнѣ казалось, что меня укачиваютъ потихоньку. Наконецъ, я въ полномъ обморокѣ, изъ котораго меня не вывелъ даже шумъ девятидесяти эскадроновъ, проходившихъ на аттаку возлѣ меня и, быть можетъ, даже черезъ меня. Полагаю, что обморокъ мой продолжался часа четыре. Я очнулся вотъ въ какомъ ужасномъ положеніи: совершенно голый, на мнѣ была только шляпа и правый сапогъ. Одинъ изъ солдатъ, считая меня мертвымъ, ограбилъ меня по обычаю и, желая снять единственный сапогъ, оставшійся еще на мнѣ, тянулъ меня за ногу.

Вѣроятно, я очнулся отъ толчковъ этого человѣка; мнѣ удалось немного приподняться и отплюнуть сгустки крови, засѣвшіе въ горлѣ. Сотрясеніе, причиненное полетомъ пули, было такъ сильно, что мое лицо, плечи и грудь совершенно почернѣли, между тѣмъ какъ кровь изъ раны окрасила другія части тѣла. Шляпа и волосы покрыты были окровавленнымъ снѣгомъ, и видъ мой, должно быть, былъ ужасенъ. Поэтому солдатъ отвернулся и ушелъ, унося мои вещи. Я не могъ ему сказать ни слова, такъ велика была моя слабость. Но ко мнѣ вернулись умственныя способности, и мысли мои устремились къ Богу и къ семьѣ.

Заходящее солнце бросало слабые лучи, я прощался съ нимъ навсегда. Еслибы, по крайней мѣрѣ, не ограбили меня, то кто-нибудь изъ проходящихъ узналъ бы во мнѣ адъютанта маршала по золотымъ галунамъ и отправилъ бы меня на перевязочный пунктъ. Но обнаженнаго меня трудно отличить отъ многочисленныхъ труповъ, число которыхъ вскорѣ увеличится мною. Я не въ состояніи закричать о помощи; наступаетъ ночь, которая отниметъ всякую надежду на спасеніе. А холодъ все увеличивается. Снесу ли я его до завтра, когда и теперь члены мои уже костенѣютъ. Я ожидалъ смерти. Спасенный чудомъ изъ страшной свалки между 14-мъ полкомъ и русскими, я не могъ ожидать, что второе чудо спасетъ меня и теперь. Между тѣмъ, это случилось, и вотъ какимъ образомъ. У маршала Ожеро былъ лакей, по имени Петръ Даннель. Очень расторопный и услужливый, онъ любилъ иногда противорѣчить. Во время пребыванія нашего въ Ля-Гуссэ, онъ нагрубилъ маршалу и былъ разсчитанъ. Даннель обратился ко мнѣ съ просьбою похлопотать за него предъ маршаломъ, что̀ я исполнилъ, и съ успѣхомъ. Съ этихъ поръ Даннель былъ очень ко мнѣ привязанъ. Человѣкъ этотъ, оставивъ всѣ экипажи маршала въ Ляндсбергѣ, въ день битвы отправился туда за провизіей для своего господина, которую онъ везъ въ легкомъ фургонѣ, легко проходящемъ повсюду и содержащемъ всѣ вещи, необходимыя для маршала. Фургономъ правилъ солдатъ, служившій въ одномъ отрядѣ съ солдатомъ, меня ограбившимъ. Повстрѣчавшись со знакомымъ, этотъ послѣдній похвасталъ ему богатой добычей, снятой съ мертваго.

Нужно вамъ сказать, что во время нашей стоянки на берегу Вислы, въ одну изъ поѣздокъ Даннеля за провизіей въ Варшаву, я поручилъ ему снять у меня съ мундира черный

барашекъ и замѣнить его сѣрымъ, недавно появившимся въ лагерѣ князя Бертье, вводившаго моду въ нашей арміи. Изъ офицеровъ маршала Ожеро пока только у меня одного былъ нашитъ сѣрый барашекъ. Даннель, увидя вещи, раскладываемыя солдатомъ, узналъ мой мѣхъ, что̀ заставило его болѣе внимательно осмотрѣть остальныя вещи мнимоумершаго, между которыми были часы съ буквами моего отца. Лакей не сомнѣвался въ моей смерти, но, оплакивая меня, захотѣлъ проститься въ послѣдній разъ и велѣлъ солдату свезти себя на то мѣсто, гдѣ я лежалъ. Тутъ онъ нашелъ меня живымъ.

Радость этого человѣка, которому я обязанъ жизнью, была чрезвычайна. Онъ послалъ за моимъ слугою и нѣсколькими вѣстовыми, велѣлъ перенести меня въ сарай, гдѣ растеръ ромомъ въ ожиданіи доктора Раймона. Послѣдній появился, перевязалъ рану и объявилъ, что потеря крови спасетъ меня.

Вскорѣ меня окружили братъ и товарищи. Солдату, овладѣвшему моимъ платьемъ, дано было немного денегъ, и онъ возвратилъ его охотно, но все было пропитано снѣгомъ и кровью, и маршалъ Ожеро велѣлъ подать мнѣ свое бѣлье. Императоръ разрѣшилъ маршалу отправиться въ Ляндсбергъ. Однако, рана его не дозволяла ему садиться на лошадь. Тогда адъютанты его раздобыли сани, на которыя былъ поставленъ кузовъ кабріолета. Маршалъ не хотѣлъ оставлять меня и велѣлъ привязать къ себѣ, такъ какъ отъ слабости я не могъ сидѣть самъ.

Передъ тѣмъ, какъ меня унесли съ поля битвы, я видѣлъ Лизету возлѣ себя. Холодъ остановилъ кровотеченіе изъ ея бедра; она поднялась и ѣла солому, оставшуюся отъ бивуака. Человѣкъ мой, очень любившій ее, вернулся за нею послѣ того, какъ меня подняли; перевязали ей ногу бѣльемъ, снятымъ съ мертваго солдата, и отвели въ Ляндсбергъ. Начальникъ небольшаго здѣшняго гарнизона озаботился приготовленіемъ помѣщенія для раненыхъ, и я, вмѣсто того, чтобы провести ночь на снѣгу, былъ положенъ на удобную постель и сталъ пользоваться уходомъ брата, товарищей и добраго доктора Раймона. Онъ принужденъ былъ разрѣзать сапогъ, не стащенный съ меня солдатомъ, и даже тогда было трудно его снять, до такой степени распухла моя нога. Дальше вы увидите, что случай этотъ чуть не лишилъ меня ноги и даже чуть не свелъ меня въ могилу.

Въ Ляндсбергѣ мы пробыли больше сутокъ. Благодаря от-

дыху, въ соединеніи съ хорошимъ уходомъ, я получилъ возможность говорить и двигать членами, и когда, на другой день послѣ битвы, маршалъ Ожеро поѣхалъ въ Варшаву, меня, хотя и слабаго, могли помѣстить въ сани. Путешествіе наше длилось цѣлую недѣлю, потому что штабъ дѣлалъ маленькіе переѣзды на своихъ лошадяхъ. Ко мнѣ понемногу возвращались силы, но правая моя нога страшно зябла. По прибытіи въ Варшаву меня помѣстили во дворцѣ, отведенномъ для маршала. Рука моя заживала, кровь, прилившая къ поверхности отъ контузіи, начала вбираться, и цвѣтъ моей кожи сталъ дѣлаться натуральнымъ, поэтому докторъ не зналъ, чему приписать то, что я не могъ встать съ постели. Однако, слыша постоянныя жалобы на ногу, онъ осмотрѣлъ ее. И что же онъ увидѣлъ? Нога моя была въ антоновомъ огнѣ! Случай, бывшій со мною, давно былъ причиною моего новаго несчастья. Въ Сорезѣ, во время фехтованія, товарищъ проткнулъ мнѣ правую ногу, не защищенной рапирой. Повидимому, ослабѣвшіе отъ этого мускулы сильно пострадали отъ холода, когда я безчувственный лежалъ на полѣ Эйлауской битвы, чѣмъ и объясняется опухоль и невозможность снять сапогъ. Нога была отморожена, и такъ какъ мѣры не были приняты во-время, то антоновъ огонь появился на мѣстѣ старой раны и образовалъ струпъ, величиною въ пятифранковую монету. Докторъ поблѣднѣлъ, увидѣвъ мою ногу; затѣмъ приказалъ держать меня четыремъ человѣкамъ и, вооружившись ножомъ, снялъ струпъ и сталъ копаться въ моей ногѣ и вырѣзывать гнилыя части, на подобіе того, какъ чистятъ испорченное яблоко.

Я страдалъ очень, но не жаловался. Однако, когда ножъ дошелъ до живаго мяса и вскрыли мускулы и кости, я закричалъ отъ боли. Докторъ всталъ на стулъ и, помочивъ губку въ теплое вино въ сахаромъ, по каплѣ пускалъ его въ рану. Боль стала невыносимой. Тѣмъ не менѣе, въ теченіе недѣли, утромъ и вечеромъ, я долженъ былъ подвергаться этой ужасной пыткѣ, но нога моя была спасена.

Въ нынѣшнее время, когда такъ щедры на производства и раздачу орденовъ, безъ сомнѣнія, наградили бы офицера, который, подобно мнѣ, подвергся столькимъ опасностямъ на пути къ 14-му полку. Однако, во время Имперіи подобную самоотверженность считали настолько естественной, что креста мнѣ не дали, а мнѣ и въ голову не приходило подумать о немъ.

Для лѣченія раны маршала Ожеро требовался продолжительный покой. Императоръ написалъ ему поэтому и разрѣшилъ ему вернуться во Францію. Изъ Италіи же былъ вытребованъ маршалъ Массена, при которомъ остался мой братъ и нѣкоторые изъ моихъ товарищей. Маршалъ Ожеро взялъ съ собою меня, доктора Раймона и своего секретаря.

Въ Парижъ мы прибыли къ 15 марта. Я едва ходилъ, носилъ руку на перевязи и не могъ оправиться отъ контузіи, но счастье видѣть мать, ея ласковый уходъ и вліяніе весны возстановили меня окончательно.

Уѣзжая изъ Варшавы, я хотѣлъ бросить шляпу, пробитую пулей, но маршалъ приказалъ ее сохранить и передалъ моей матери. Шляпа эта находится еще у меня...

Н.

(*Оконч. въ слѣд. №*).

ЧЕРНОГОРСКІЕ РАЗСКАЗЫ

Симо Матавуля.

(Из Црне Горе и Приморја. Приповиjетке. I свеска).

I.

Медаль.

Присталъ къ главарямъ малый, не даетъ проходу: давай ему медаль, и конецъ! Говоритъ: могу поклясться передъ всѣми образами, что ее заслужилъ. Есть и свидѣтели въ Цѣлинскомъ батальонѣ, да не знаю ихъ по имени. А вы только скажите, буду ихъ искать хоть цѣлый годъ!

Это обстоятельство смущало „великій сборъ", и выходили споры, даже очень крупные. Главари видятъ, что малый не хвастунъ, да вѣдь у другихъ заслуги виднѣе. Какъ тутъ быть? Одни говорятъ одно, другіе другое, и конца нѣтъ. Наконецъ воевода поручилъ командиру четы рѣшить дѣло на собраніи.

Такъ то и было. Въ первое же воскресенье послѣ этого, Шуньо, командиръ, надѣлъ саблю и направился къ церкви. Никуда не сворачивая, ни съ кѣмъ не говоря, одинъ пришелъ онъ туда, сѣлъ въ оградѣ и закурилъ. Сжегъ онъ, полагать надо, не меньше десяти папиросъ, пока явился старый причетникъ, да другихъ сосѣдей десять, пока подошелъ попъ. Страшное дѣло, сколько дыма могъ проглотить этотъ костлявый! Онъ былъ, отъ дыма должно быть, весь черный, съ огромными бровями, жилистъ и сухъ, какъ палка, а глаза бѣгали, какъ звѣрки. Попъ поздоровался съ нимъ и хотѣлъ было вступить въ разговоръ, но Шуньо вынулъ часы изъ кармана, посмотрѣлъ на нихъ и говоритъ попу:

— Торопись, брате попе [1]), некогда!

И прошелъ за нимъ въ церковь, чтобы во время службы сообразить, какъ быть и что дѣлать.

Сейчасъ же послѣ обѣдни, безъ дальнихъ околичностей, Шуньо, командиръ четы, подозвалъ къ себѣ Милуна и сказалъ ему:

— Слушай, Милунъ! Сдѣлаю для тебя то, чего не сдѣлалъ бы ни для кого другаго. Въ нашей четѣ восемьдесятъ человѣкъ; если только десять изъ нихъ признаютъ, что ты достойнѣе Мираша, медаль твоя.

Высказалъ онъ это, а Милунъ обрадовался и снялъ шапку:

— Вотъ за это спасибо тебѣ, капитане!

Люди переглянулись. Человѣкъ тридцать постарше отошли въ сторону, не курятъ, не здороваются, а ворчатъ, недовольные, что Шуньо распорядился такъ самъ собой, не посовѣтовавшись со „сборомъ“.

Слышалъ это и попъ. Подумать только: не обернулся на церковь, не перекрестился три раза, какъ это подобаетъ всякому христіанину, а тѣмъ болѣе попу. Вышелъ изъ церкви, опѣшилъ отъ удивленія, стоитъ и держитъ шапку въ рукѣ.

Знаменщикъ Пима открылъ было ротъ, чтобы сказать что-то, но, замѣтивъ попа, разсмѣялся и головою качаетъ.

— Ну что ты, попе, вытаращилъ глаза? Посмотрите на него! И мертваго разсмѣшить можетъ, а не то что меня, хоть мнѣ и вовсе не до смѣха!

Попъ надѣлъ шапку, скрестилъ руки на груди и подошелъ къ Шуньо.

— Какъ вы сказали, господинъ?

Шуньо выпустилъ огромный клубъ дыма, протеръ глаза и отвѣчалъ:

— А ты, попе, развѣ не слышалъ? Что сказано, то сказано. Милунъ, бѣги живо къ Петку-трубачу, вели играть сборъ.

Милунъ, крѣпкій, приземистый малый, но стройный и красивый, какъ дѣвушка, перекрестился, перескочилъ двѣ или три могилы, перепрыгнулъ черезъ ограду и въ село.

Всѣ уставились глазами на попа. „Вотъ онъ ему сейчасъ задастъ!“ думаютъ люди. Но куда тамъ! Сѣлъ попъ рядомъ съ сыномъ и ни слова.

---

[1]) Слово „попъ“ въ сербскомъ языкѣ ничего насмѣшливаго не заключаетъ, и инаго слова не употребляется.

*

Знаменщикъ Пима готовъ былъ биться объ закладъ, что Шуньо подмигнулъ попу. Какъ это въ самомъ дѣлѣ: смолчать и перевесть разговоръ совсѣмъ на другое? И потомъ попъ человѣкъ щекотливый, особенно когда дѣло идетъ объ его Мирашѣ.

Посмотрѣли люди на Мираша, что-то скажетъ онъ. Это былъ юноша, цѣлой головой выше Милуна, лицомъ похожъ на отца, только полнѣе. Хотѣлъ онъ что-то сказать, но попъ толкнулъ его въ колѣно и прошепталъ: „молчи!"

Крѣпко не понравилось это знаменщику Пимѣ, и онъ нетерпѣливо началъ поправлять воротникъ рубашки, а глаза блеснули, какъ двѣ молніи. Подъ его орлинымъ носомъ надъ красивой губой едва рисовались маленькіе тонкіе усики; хотя ему шелъ всего тридцатый годъ, но слава о его геройствѣ уже разнеслась по Черной горѣ и Семигорью. Юнакъ изъ ряда вонъ! Шуньо былъ тоже юнакъ изъ ряда вонъ, и вотъ между ними было постоянное соперничество.

Мирашъ, однако, не выдержалъ:

— А что, ежели, чортъ побэри, найдется десятокъ, которые будутъ за него, неужто медаль отдадутъ ему?

— Ну, конечно!

— А справедливо это?

— Ужь про это я знаю, это дѣло мое! отвѣчалъ Шуньо.

— Ну, нѣтъ, вмѣшался знаменщикъ Пима, косясь на командира.—Не мѣшало бы посовѣтоваться и съ нами. А то такъ довольно будетъ незаконно...

Поднялся говоръ. Нѣкоторые говорили: „Это такъ", другіе: „Нѣтъ, не такъ!" Осторожные только покашливали и не говорили ничего.

Шуньо повыждалъ, пока шумъ утихнетъ. Затѣмъ онъ зѣвнулъ и произнесъ:

— Ахъ, люди, люди! Да вѣдь я сказалъ, а не отрубилъ. Найдется ли между вами десятокъ, чтобы покривить душой за Милуна?

Настала тишина.

— Такъ какъ же? спросилъ Шуньо.

— А кто знаетъ? буркнулъ Пима.

Но Шуньо наморщилъ правую бровь и произнесъ насмѣшливо:

— Ну? А я такъ поручусь, что во всей четѣ не найдется десятка людей, чтобы принять заклятье противъ совѣсти.

Теперь многіе покачали головой.

— Даже о многихъ насквозь закаленныхъ юнакахъ еще не скажешь сразу, кто изъ нихъ храбрѣе! сказалъ Шуньо, прямо смотря въ глаза Пимѣ-знаменщику.

— Вѣрно, не скажешь сразу! Это ты хорошо сказалъ, замѣтили многіе.

— А про этихъ цыплятъ тѣмъ болѣе! А каково принимать присягу, что такой-то изъ нихъ достойнѣе?

— Не дай Богъ! подтвердили люди.

— Такъ чего жъ вы ворчите? Никакой несправедливости не будетъ, а молодцу будетъ еще больше чести.

— Вѣрно, вѣрно, сказалъ теперь и попъ.

— Погоди, попе, и вы остальные! продолжалъ Шуньо.—Я сказалъ, что трудно узнать, который изъ нихъ двоихъ достойнѣе. Но я не сказалъ, что это невозможно. Такъ вотъ, если десять человѣкъ согласятся присягнуть, это уже будетъ на чистоту. Не бойся, будутъ знать, о чемъ присягаютъ; а будутъ знать, такъ и намъ разскажутъ. Такъ ли, брачо?

— У тебя все выйдетъ хорошо, сказалъ взводный.

— Хорошо, хорошо! подтвердили всѣ, кромѣ Пимы, Мираша и попа.

— Ну и ладно, а теперь становись въ ряды, чтобы надъ вами не величалась молодежь.

Выстроились.

Шуньо поднялся, поставилъ на флангѣ Пиму, выстроилъ чету по немъ и сказалъ громко:

— Мнѣ бы и не нужно пускаться въ эти разговоры; вы не забывайте, что я и самъ имѣю право рѣшить это дѣло. Но я предпочитаю сдѣлать сообща, посовѣтовавшись. А то станутъ говорить: Шуньо пристрастенъ, кривитъ душой и все такое.

— Ну, извини, господинъ Шуньо!... Не сердись, господинъ командиръ!.. отозвались многіе изъ рядовъ, опуская передъ нимъ глаза.

Какъ разъ въ эту минуту трубачъ заигралъ сборъ. Сквозь влажный воздухъ звуки могучимъ эхомъ перекатились по горамъ.

Попъ началъ креститься на церковь и кланяться, словно пополняя то, что пропустилъ. Уходя, онъ погладилъ бороду и покачалъ головой.

— Напрасно ты все это затѣялъ, брате, напрасно.

Шуньо сердито махнулъ ему рукой, чтобы уходилъ, но попъ показалъ пальцемъ на лобъ и промолвилъ:

— Напрасно! Не поможетъ это тому, у кого вотъ здѣсь свищетъ.

Попъ ушелъ. Шуньо поморщился, заложилъ руки за спину и сталъ ходить взадъ и впередъ передъ церковью. Его глаза блестѣли, грудь поднималась, онъ ругался про себя.

Старый причетникъ Риста вынесъ изъ притвора саблю Шуньо и хотѣлъ затворить церковь.

— Не запирай, крикнулъ командиръ.

— А почему бы и не запирать? спросилъ старикъ.

— А потому, что не запирать, если я приказываю, закричалъ Шуньо, такъ что можно было услышать въ концѣ села. Онъ терялъ терпѣніе и былъ золъ, а Риста былъ глухъ.

Затѣмъ командиръ надѣлъ саблю и вышелъ изъ-за могилъ на широкую поляну, гдѣ собирались „сборы“.

Трубачъ бѣжалъ издали. За нимъ бѣжало нѣсколько черногорцевъ съ ружьями. Кучка дѣтей и подростковъ провожала бѣгущихъ.

Шуньо не далъ ни посидѣть, ни отдохнуть, какъ это было въ обычаѣ; какъ только подбѣжалъ Петко, онъ сію же минуту приказалъ трубить сигналъ.

Построились и выровнялись.

— Мир-но! скомандовалъ Шуньо.

— Люботинскій батальонъ!

— Восьмая чета!

— Богуты!

— Слышали вы, какъ намедни на великомъ сборѣ подѣлили военныя отличія? Нашей четѣ достались: двѣ золотыхъ медали. Два георгіевскихъ креста. Двадцать пять бѣлыхъ медалей. По приговору же четы получили: первую золотую медаль командующій четой Шуньо, при этомъ онъ показалъ себѣ на грудь. Вторую золотую медаль и георгіевскій крестъ Пима-знаменщикъ.—онъ закашлялся. Второй георгіевскій крестъ Грубанъ Пея-Миловъ, онъ показалъ рукой на человѣка среднихъ лѣтъ съ необыкновенно широкою грудью. Двадцать четыре бѣлыхъ медали были даны слѣдующимъ войникамъ. Онъ вынулъ изъ-за пазухи списокъ и громко прочелъ имена. Остается двадцать пятая медаль, и за нее спорятъ Мирашъ поповъ и Милунъ Крцуновъ. Мирашъ, на середину!

Молодой человѣкъ выступилъ на нѣсколько шаговъ и повернулся лицомъ къ строю.

— Чѣмъ заслужилъ ты медаль? Говори!

— Въ бою подъ Долянами я вынесъ двухъ раненыхъ товарищей. Одинъ умеръ, другой здѣсь, выздоровѣлъ. Вотъ онъ, Радое Іовановъ!

— Радое, на середину!

— Въ бою подъ Крсцемъ я вскочилъ въ укрѣпленіе; но драться не могъ, потому что былъ раненъ въ правую руку. За мною вскочили четверо изъ нашей четы. Двухъ убили на мѣстѣ, другіе здѣсь, въ строю.

Онъ назвалъ ихъ по именамъ. Командиръ велѣлъ выйти и имъ.

— Вотъ на васъ троихъ ссылается Мирашъ поповъ. Можете ли вы клятвою подтвердить, что все было такъ, какъ онъ разсказываетъ?

— Можемъ!

— Хорошо. Берегите душу и честь! Взводный, иди съ ними въ церковь. Пусть поцѣлуютъ иконы и поклянутся по очереди.

— Мирашъ, во фронтъ! Крцуновъ Милуне, на середину! Разсказывай свое.

Бѣдняга Милунъ даже позеленѣлъ. Въ груди у него сжалось, духъ захватило. Онъ едва могъ говорить.

— И я тоже въ бою подъ Долянами въ самомъ началѣ вынесъ на себѣ раненаго дядю Джоку, а что его тутъ же потомъ изрубили турки, вина не моя.

— Знаемъ это. Далѣе!

— На Крсцу, я зарубилъ трехъ турокъ, одного изъ нихъ уже совсѣмъ на мнѣ, когда онъ хотѣлъ приколоть меня штыкомъ... Это было въ лощинѣ, въ то самое время, какъ на нашихъ напали турки сзади, и мы побѣжали...

— Хорошо, хорошо, перебилъ командиръ.—Кто это видѣлъ?

— Со мною были четыре изъ нашего братства. Когда турки наскочили сверху намъ на спины, я ужь и не знаю, что было. Повалились мы всѣ пятеро. Что я знаю? Что знаютъ тѣ тридцать юнаковъ изъ нашей четы, которые легли тамъ навсегда? Но только я могу поклясться, что упалъ я около самыхъ тѣхъ трехъ головъ, которыя я отрубилъ своей рукой. Когда наступило утро, я очнулся уже между цеклиньянами, далеко отъ Крсца. Я былъ совсѣмъ израненъ, не могъ пошевельнуть пальцемъ, а какъ только очнулся, прежде всего спросилъ: а

куда вы, люди, дѣли мои три головы? Ну, а они смѣялись надо мною. Говорятъ: „благодари Бога, что свою-то четвертую тамъ не потерялъ“.

И Милунъ заплакалъ.

— Зачѣмъ такое на меня несчастье, что не остался я тамъ, а дожилъ до такого позора!

— Какого позора?! прогремѣлъ командиръ.

— Такого позора, что мнѣ не вѣрятъ и не признаютъ моего юначества. Умоляю тебя, господинъ командиръ, собери цеклиньянъ и...

— Перестань, дитя! мягко прервалъ его Шуньо.—Ну слыханное ли дѣло собирать батальонъ изъ-за одной бѣлой медали? Гдѣ это видано? Да они и взяться въ это дѣло не станутъ! А ты скажи мнѣ: могъ бы ты во всемъ этомъ поклясться?

— Хоть передъ всѣми четырьмя патріархами!

— Хорошо, хорошо, не нужно! Во фронтъ!

Взводный вернулся со свидѣтелями, объявивъ, что присяга принята. Всѣ стали снова во фронтъ.

— Мирно! скомандовалъ Шуньо.

— Брачо! Ну, вотъ вы слышали обоихъ. Крцунову Милуну вѣрю я также, какъ будто видѣлъ все самъ собственными глазами. Лгать онъ не умѣетъ, а все его братство — славные были юнаки. Еслибъ у Мираша попова не было живыхъ свидѣтелей, я бы по-просту бросилъ жребій, кому медаль достанется. Но теперь такъ нельзя. У Мираша свидѣтели, хотя по-моему юначество Милуна больше. Не шутка вѣдь зарубить трехъ турокъ, да еще гдѣ? На Крсцу! Тотъ вынесъ двухъ раненыхъ товарищей, а этотъ хоть одного, да такого, который стоитъ двадцати,—потому что покойный Джока былъ наша „перьяница“ [1]). Воевода передалъ все это дѣло на мое усмотрѣніе. А потому я рѣшаю такъ: если только десять человѣкъ изъ васъ признаютъ и клятвенно подтвердятъ, что Милунъ болѣе юнакъ, чѣмъ Мирашъ, я отдамъ медаль Милуну на мою отвѣтственность. Кто за Милуна, пусть подниметъ ружье кверху!

Начался смѣшанный говоръ. Нѣкоторые сразу начинаютъ качать головами, приговаривая: „нѣтъ“. Многіе пожимаютъ плечами и колеблются, посматривая на товарищей. Но вотъ поднимается одно ружье, за нимъ другое, третье, четвертое... Неохотно едва-едва поднимается за ними пятое, и затѣмъ всѣ вмѣстѣ сразу опускаются.

[1]) Гордость, слава цѣлаго племени.

Не легко видно взять на душу клятву въ томъ, чего хорошо не знаешь!

Снова раздалось: „мир-но!“

Командиръ вынулъ изъ-за пазухи медаль, подошелъ ближе и сказалъ:

— По приговору сбора медаль получаетъ Мирашъ поповъ.

Затѣмъ онъ отступилъ шагъ назадъ, отсалютовалъ саблей и скомандовалъ:

— Предъ пр-си! (на караулъ).

Трубачъ игралъ поздравительный сигналъ. Шуньо опустилъ саблю, вложилъ ее въ ножны и пошелъ домой, не оборачиваясь. Восемьдесятъ войниковъ постояли еще немного на мѣстѣ сбора, да и разошлись въ разныя стороны.

Много было разговору объ этомъ въ Богутѣ. Были недовольны многіе и изъ тѣхъ, которые не рѣшились поднять ружье за Милуна. „Нехорошо говорилъ командиръ“, говорили иные, „могъ бы растолковать дѣло лучше“. Другіе, наоборотъ, говорили, что вовсе не нужно было даже собирать чету, такъ какъ Мирашу слѣдовало дать медаль безъ всякаго разговора. Пима-знаменщикъ уже какъ будто склонялся къ тому заключенію, что медаль слѣдовало дать Милуну.

Люди—всегда люди. Сегодня у нихъ одно, завтра другое.

А что говорятъ женщины? Объ этомъ не стоитъ и спрашивать. Воскресный день, время близится къ осени, онѣ высыпали отовсюду, какъ муравьи изъ муравейниковъ, и столпились кучками по гумнамъ, у оградъ, на межахъ. О чемъ онѣ, бѣдныя? Вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ женщины въ Богутѣ день и ночь оплакиваютъ тѣхъ, чьи богатырскія кости разбросаны на границахъ Герцеговины и Албаніи. Да и не по богутамъ только плачутъ женщины, а и по всѣмъ черногорцамъ, разсыпаннымъ по всей сырой землѣ, отъ Фундина и до самаго Вучьяго Дола. Сколько полегло ихъ въ эту несчастную годину. Вся земля переплетена родствомъ и кумовствомъ, каждой женщинѣ найдется кого оплакивать.

Но не только слезы, наскучиваетъ даже и пированье. Женщины начинаютъ понемногу заводить свои обычные разговоры. А на этотъ разъ и поговорить есть о чемъ: всѣ толкуютъ о Милунѣ, да о Мирашѣ, и о рѣшеніи сбора по ихъ дѣлу. Каждая передаетъ, что слышала, кое-что и присочиняютъ—нельзя, женщины! „Мнѣ мой разсказывалъ, что Милунъ больше юнакъ“. „А я отъ нашего слышала, что Мирашу надо бы дать и золо-

тую медаль, да командиръ сердитъ на попа за то, что попъ всегда держитъ руку Пимы“, говоритъ другая. Третья разсказываетъ иначе, четвертая опять по-другому, судятъ, извѣстно, по-женски. Даже дѣвушки, родственницы обоимъ юнакамъ, вмѣшиваются въ споръ, что̀ уже считается не совсѣмъ приличнымъ.

Такъ происходило на селѣ; посмотримъ теперь, что дѣлается въ домѣ у Милуна.

Прибѣжали ребятишки со сбора, разсказали, какъ что̀ было. Сейчасъ же нѣсколько подругъ направились къ Госпавѣ Крцуновой, чтобы потолковать о несправедливомъ рѣшеніи, о Шуньо и другихъ главаряхъ.

Госпава, крупная здоровая женщина, еще въ полной силѣ, была не изъ такихъ, что бѣснуются изъ-за каждаго пустяка. Она закалилась, какъ сталь, въ долгіе годы нужды и борьбы, пока воспитала Милуна и его сестру, дѣвушку. Мужъ ея погибъ во время нашествія Омеръ-паши, и она осталась молодою двадцатипятилѣтнею вдовою, одна, съ двумя дѣтьми на рукахъ.

Когда Госпава увидала женщинъ, въ первую минуту она подумала, что тѣ несутъ радостную вѣсть. Услыхала, какъ было дѣло, махнула рукой и промолвила:

— Не велика потеря!

Но женщины такъ ловко умѣли уколоть ее своими рѣчами въ материнское сердце, что и Госпава, въ концѣ концовъ, расплакалась.

Какъ разъ въ эту самую минуту Милунъ съ нѣкоторыми изъ братства появился на дворѣ. Женщины разбѣжались. Госпава быстро утерла рукавомъ глаза и принялась за работу у очага.

— Богъ помочь, нана, сказалъ онъ, вѣшая ружье на мѣсто.

— Спасибо, сынокъ, отвѣчала она, раздувая огонь.—Ты не голоденъ?

— Если у тебя готово, давай, пожалуй!

— Готово, готово, только подожди Лале.

На этомъ кончился ихъ разговоръ.

Милунъ вышелъ и началъ звать Лале. Это былъ ихъ пріемышъ родомъ откуда-то изъ Катунской Нахіи, живой и расторопный малый и притомъ такой весельчакъ и шутникъ, что еслибы захотѣлъ, могъ разсмѣшить даже покойника.

Когда Лале пришелъ, мать вздохнула свободнѣе. Она накрыла столъ во дворѣ подъ большимъ орѣховымъ деревомъ.

— Подожди, нана, я позову еще Бошко и Радое.

— Зови, сынокъ, если хочешь.

Это были бѣдняки, двоюродные братья Милуна. Сначала они отказывались, но запахъ жареной свинины заставилъ ихъ согласиться.

Милуновъ домъ считался однимъ изъ самыхъ богатыхъ въ селѣ. Въ будній день каша изъ кукурузы, сметана, картофель, бобы, всего въ изобиліи, по праздникамъ мясо, свинина ли, баранина или говядина. Отъ хорошей пищи щеки пріемыша Лале надулись, какъ пузыри: казалось, ударь по одной, другая треснетъ.

Сѣли за столъ. Сѣла съ ними и Госпава. Хоть это и не обычай, но вѣдь она ужъ женщина пожилая и вдобавокъ старшая въ домѣ.

Двое гостей заговариваютъ о случившемся на сборѣ, но Милунъ все переводитъ на другое. „Что это значитъ?“ думаютъ тѣ и поглядываютъ на мать. Наконецъ, въ разговоръ вмѣшался Лале.

— А я не разсказывалъ вамъ, какъ моя мать ходила въ Цетинье за медалью!

Женщина за медалью!!

— Эка, что вздумала, говоритъ Бошко. — Ну, разсказывай.

— Ей-Богу, брачо, не выдумываю, ни вотъ на столько, — онъ показалъ орѣховый листикъ — истинная правда! Пошла туда, прямо къ господамъ-воеводамъ. Давайте, говоритъ, моему сыну медаль. И онъ дрался.—А кто, говорятъ, твой сынъ?— Лале, говоритъ, а то кто же?—Это Чеговичъ, что ли? спрашиваютъ господа. — Лале, говоритъ, Милета Мишанова Цуце!— А отчего же не пришелъ твой Лале самъ, а послалъ тебя?—Да совѣстится онъ самъ. Да и меня онъ не посылалъ, а я сама пришла. Ужъ какъ бы онъ былъ радъ медали!

— А вѣдь ты, божья твоя вѣра, въ самомъ дѣлѣ посылалъ ее! сказалъ Радое,—и всѣ засмѣялись.

— Нѣтъ, брачо, клянусь святой литургіей! Это она сама придумала.

— Ну, и что же?

— Да посмѣялись, говоритъ, надо мной и прогнали меня домой... А знаете, почему она думаетъ, что ей не дали медаль?

— Ну, ну?

— Какъ увидали, говоритъ, какая я маленькая, вѣрно подумали: ну, какъ такая жужелица можетъ родить этого юнака? А будь я повыше ростомъ, навѣрное бы Лале получилъ медаль!

Шутка понравилась, но не очень. Въ другое время смѣху было бы больше. Милунъ всталъ, остальные за нимъ.

— Я, нана, пойду на виноградники, сказалъ онъ, уходя, но пошелъ не туда, а побрелъ задумчиво, куда понесли его молодыя ноги. Такъ бываетъ всегда, когда думаешь о другомъ и теряешь мысли. Идешь-себѣ идешь, да и очутишься тамъ, гдѣ и не думалъ.

Милунъ удивился, увидавъ себя на кладбищѣ. Оглянулся онъ кругомъ, сѣлъ на могилу и оперся головой на руки.

Шагахъ въ десяти отъ него пролегала тропинка къ ключу. Прошла одна дѣвушка за водой, прошла другая, прошло еще нѣсколько, порознь и кучками. Удивляются, что̀ это такое. Странній ли это человѣкъ, или сумасшедшій? И торопятся пройти мимо. Прошла и одна изъ его родственницъ, и то какъ разъ, когда онъ поднялъ голову.

— Милунъ, родимый, что съ тобой? спросила женщина.

Онъ тутъ только замѣтилъ, что солнце уже близко къ закату, и удивился, что просидѣлъ онъ съ самаго обѣда, а показалось ему всего нѣсколько минутъ.

— Голова болитъ, тета, оставь меня въ покоѣ! отвѣчалъ онъ, вставая. Прошелъ нѣсколько шаговъ и сѣлъ опять на межу.

Кто знаетъ, сколько времени просидѣлъ бы онъ такъ еще, но, взглянувъ изъ подлобья, онъ замѣтилъ, что кто-то идетъ по тропинкѣ.

— Это она! шепнулъ Милунъ. — Конечно, она, идетъ по воду.

Онъ легъ на землю, и сердце его затрепетало, какъ будто хотѣло выскочить. Лежа разсуждалъ онъ: „вотъ она подходитъ; вотъ она подошла“. Наконецъ ему показалось, что она уже прошла, и онъ выглянулъ изъ-за межи.

А она какъ разъ въ эту минуту была противъ него, и глаза ихъ встрѣтились.

Милунъ, застыдившись, вновь легъ на землю и отвернулся, а пропустивъ ее, всталъ и началъ смотрѣть ей вслѣдъ, точно очарованный. И ее какъ будто привлекалъ этотъ пристальный взглядъ; противъ обычая дѣвушка оглянулась на юношу.

Онъ тронулся назадъ къ селу, но какъ-то вышло такъ, что оказался на ея дорогѣ, когда дѣвушка возвращалась назадъ. И покраснѣла же она—Боже мой!

— Здравствуй, Ружа.

Ружа подняла свои большіе черные глаза, посмотрѣла на него, затѣмъ испуганно оглянулась кругомъ, не видитъ ли кто ея позора. А грудь трепещетъ, готова, кажется, разорваться.

— Ты видишь... знаешь, тово!.. началъ онъ.

— Пусти меня, прошептала она, трогаясь дальше.

Онъ качнулъ головой, словно рѣшился:

— Вотъ, что, Ружа: нашей свадьбѣ не бывать. Выходи за кого хочешь, Богъ съ тобой. Выходи замужъ за юнака, а не за такого, какъ я!

Сказалъ онъ это и пошелъ прочь отъ нея.

Ружа поблѣднѣла, потомъ покраснѣла. По ея лицу потекли слезы. Поровнявшись съ церковью, она перекрестилась нѣсколько разъ, шепча что-то, и пошла домой.

Госпава сидѣла во дворѣ, когда вернулся Милунъ.

— Что съ тобой, сынокъ? Что съ тобой, ако Бога знашь? воскликнула. Можно подумать, ужъ не убилъ ли онъ кого, такое страшное было выраженіе его лица.

Милунъ опомнился. Сѣлъ, отеръ рукой холодный потъ со лба и сказалъ:

— Ничего, нана, ничего!... Знаешь, тово... Завтра пойду я на Цетинье, приготовь-ка мнѣ платье и деньжонокъ.

Мать уже знала его характеръ и не противорѣчила ему ни однимъ словомъ.

— Платье готово, отвѣчала она. — А деньги въ сундукѣ. Тамъ семь талеровъ и двѣ цванцики, которыя за теленка мы получили. Возьми сколько тебѣ нужно. Возьми всѣ, понадобятся пожалуй!

— Нѣтъ, всѣхъ много.

Помолчали. Она посмотрѣла на него съ сомнѣніемъ.

— Ничего съ тобой не случилось? Ни съ кѣмъ ты, Милуне, не говорилъ?

— Нѣтъ, нана.

— Такъ чего жъ ты торопишься? Въ четвергъ Успеньевъ день, ну и иди тогда, а въ эти два дня ты и дома нуженъ. Собрали бы абрикосы.

Милунъ опустилъ голову и ни слова.

— Миле, солнце мое!

Мать приблизилась къ нему, желая его обнять. Но онъ вскочилъ, словно ужаленный.

— Господи, ужь ты не рехнулся ли, помилуй Богъ! едва могла выговорить Госпава.

— Не рехнулся, а вотъ мнѣ докуда дошло! (Онъ провелъ рукой по горлу)... Я уже сказалъ Ружѣ, что можетъ выходить замужъ за кого угодно...

Бѣдная женщина глаза вытаращила и раскрыла ротъ, но проговорить ничего не могла.

— Кончено, все кончено, продолжалъ онъ. Продадимъ всю эту рвань, и маршъ отсюда. И ты со мной. Не пропадетъ, авось, Черная гора и безъ насъ!

Госпава покачала головой, и слезы полились изъ ея глазъ въ два ручья.

— Что ты говоришь, нана? Не пойдешь? Пойдешь, нечего намъ здѣсь дѣлать! Только слышишь: никому ни слова объ этомъ, если тебѣ моя жизнь дорога!

Сказавъ это, Милунъ прошелъ въ домъ и сейчасъ же легъ спать.

* * *

На другой день съ зарей Милунъ былъ уже въ Цетиньѣ. Дома, лавки, шинки, все еще заперто. Никто не вставалъ. Пошелъ онъ къ „бресту“ [1]) передъ „билльярдой“ [2]) и началъ дожидаться, пока взойдетъ солнце.

Выходятъ изъ „билльярды“ княжескіе перьяники и удивляются путнику, явившемуся такъ рано. Одинъ изъ его села поздоровался съ нимъ и спросилъ, за какимъ дѣломъ пришелъ. Милунъ придумалъ какой-то предлогъ, чтобы отвязаться, и пошелъ лугомъ внизъ къ монастырю.

Было уже по его разсчету очень поздно, когда наконецъ появились „господа“. На губахъ у нихъ еще сладость отъ кофе, глотаютъ и выпускаютъ дымъ, собираются кучками и толкуютъ о прекрасной погодѣ, объ урожаѣ, о политикѣ. Милунъ впился глазами въ одного воеводу и ждетъ, пока онъ от-

---

[1]) Брестъ—дерево, посаженное княземъ Даніиломъ.

[2]) „Бильярда“ билліардная. Маленькое зданіе, гдѣ стоялъ первый привезенный княземъ въ Черногорію билліардъ, теперь кордегардія и разныя канцеляріи.

дѣлится отъ остальныхъ. Наконецъ Милунъ улучилъ минуту и пошелъ за нимъ.

— Ты ко мнѣ, момче [1])? спросилъ главарь.

— Къ тебѣ, воевода!

— Съ чѣмъ хорошимъ?

Разсказалъ Милунъ все подробно, какъ было на сборѣ. Воевода выслушалъ его и покачалъ головой.

— Ничего не могу, говоритъ. Какъ рѣшила чета, такъ и быть. На каждую чету дано по двадцати пяти бѣлыхъ медалей, а тамъ ужь дѣло сбора. Ну, братецъ, иди себѣ съ Богомъ! Будемъ воевать еще, ты молодъ, получишь и золотую, Богъ приведетъ!

Милунъ горько улыбнулся и пошелъ къ другому главарю. И тотъ говоритъ то же. Пошелъ къ третьему, къ четвертому. До полудня обошелъ всѣхъ. И все понапрасну, все то же.

Измученный, усталый, пошелъ онъ въ корчму и крѣпко проспалъ до ночи. Ночь всю проходилъ. Раза два или три останавливали его сторожа, и ему не оставалось ничего другаго, какъ уйти за городъ.

На другой день съ ранняго утра Милунъ снова подъ брестомъ. Поблѣднѣвъ, какъ мертвецъ, едва держится на ногахъ. Нашло много народа со всѣхъ сторонъ; передъ Успеньемъ въ Цетинье сходится всегда много. Всякій хочетъ видѣть господаря. Много здѣсь главарей, много славныхъ юнаковъ, и видитъ Милунъ, что добраться до князя не такъ-то легко.

Предъ полуднемъ вышелъ господарь изъ конака, съ большой свитой. Люди поразступились и образовали вокругъ бреста широкій кругъ.

Сѣлъ господарь.

Начали люди подходить одинъ за однимъ. По старому сербскому обычаю всякій цѣлуетъ князю руку, кланяется и отходитъ въ сторону. Лично кого знаетъ, спрашиваетъ князь, какъ поживаетъ, какъ семейство, что̀ новаго въ племени, каковъ урожай? Милунъ занялъ мѣсто какъ разъ съ краю и подошелъ къ князю вдругъ гораздо раньше, чѣмъ думалъ. Первый воевода, съ которымъ онъ вчера говорилъ, стоялъ около князя и что-то шепнулъ ему, кивая головой на Милуна. Господарь пронизалъ его взглядомъ.

— Тебя обидѣли? спросилъ онъ. — Не дали медали?

---

[1]) Момакъ — юноша.

— Да, господарь!

— А командиръ твой здѣсь?

— Вотъ я, господарь, отозвался изъ толпы Шуньо и вошелъ въ кругъ.

— Ты что̀ скажешь?

— Скажу, господарь, что Милунъ малый храбрый, какъ и всѣ въ моей четѣ, да ничего нельзя было сдѣлать.

— Жаль, жаль! сказалъ князь и обратился къ новому просителю.

У Милуна потемнѣло въ глазахъ, онъ едва устоялъ на ногахъ и пошелъ, какъ убитый, въ биллъярду.

— Позвольте мнѣ паспортъ, спросилъ онъ.

— Куда?

— Въ Сербію.

— А свидѣтельство есть?

— Какое свидѣтельство?

— Отъ капитана о томъ, что ты никому не долженъ безъ поручительства и не вызванъ на судъ.

— Я этого не зналъ!

— Ну, такъ узнай теперь! говоритъ чиновникъ и продолжаетъ свое дѣло.

..Что тутъ дѣлать? Завтра всѣ канцеляріи закрываются до конца праздника. Положимъ, капитанъ въ Цетиньѣ, да ему нужно приложить печать, а за этимъ, конечно, возвращаться въ село онъ не хочетъ. — Не умрешь до послѣзавтра, говорятъ ему.

Послѣ полдня ноги сами принесли Милуна опять къ бресту. Хотѣлъ онъ приступить къ князю еще разъ. Уставился глазами въ его лицо; долженъ же господарь замѣтить, что дѣлается съ юношей! Но только было замѣтилъ Милуна,—какъ ему показалось,—князь, толпа народу оттерла его и закрыла.

Пошелъ Милунъ въ корчму, поѣлъ чего-то и выпилъ однимъ духомъ цѣлую „конату“ вина. Столько не пилъ онъ раньше никогда въ жизни. Потребовалъ и другую конату, но выпилъ уже съ передышками. Требуетъ вина еще.

Сѣлъ Милунъ къ столу, подперъ голову рукой и смотритъ, какъ все вертится кругомъ него. Входятъ и выходятъ люди и диву даются, видятъ молодаго черногорца пьянаго. Рѣдкость большая! Сказать надо правду!

Вотъ сталъ онъ громко разговаривать и плакать. Кулакомъ застучалъ по столу и приговариваетъ:

— На душу моимъ односельцамъ! На душу тому воеводѣ, который меня очернилъ предъ господаремъ. А хотѣлъ мнѣ ее дать господарь—я по лицу видѣлъ.

— Что съ тобой, человѣче? спрашиваютъ его.

— Что со мной? Ничего! Оставьте меня! вотъ что! Что пристали? Знаете всѣ, а спрашиваете!

— Да не знаемъ мы ничего! А ты разскажи.

— Чего разсказывать. Я Милунъ Крцуновъ, юнакъ изъ юнаковъ, а мнѣ медали не дали.

И опять въ плачъ.

Когда онъ проснулся, солнце было уже высоко. Голова трещитъ, всего поводитъ. Вышелъ на улицу и увидалъ многихъ изъ Богута. Ему стало стыдно, началъ онъ прятаться отъ односельчанъ и вмѣшался въ толпу около князя.

Господарь гулялъ. За нимъ толпились сотни народа. Вотъ онъ повернулъ назадъ. Народъ разступился и — нужно же такое счастье! — очутился Милунъ какъ разъ передъ княземъ. Господарь узналъ его.

— Ну, какъ ты, момче? спросилъ его вслухъ передъ всѣми.

— Ничего, во здравіе твое, господарь!

Столько-то еще разума у него осталось, чтобъ отвѣтить какъ слѣдуетъ.

— Такъ какже? Очень тебѣ обидно, что не дали медали?

— Вотъ какъ обидно, господарь, до конца жизни моей! отвѣчаетъ онъ съ такимъ отчаяніемъ, что и князю въ примѣту.

Оглянулся кругомъ себя. Около него ближе всѣхъ стояли воеводы и адъютанты всѣ съ орденами безъ числа, всѣ въ золотомъ шитьѣ. Между ними забрался только одинъ небольшаго роста старичокъ, одѣтый, какъ простой черногорецъ, въ суконное платье. Худой, костлявый, на груди всего одна единственная медаль. Кажется бы, зачѣмъ онъ сюда и попалъ-то?

— Видишь ты, момче, этихъ господъ? спросилъ князь.

— Вижу, господарь!

— Ну, скажи мнѣ, кого изъ нихъ ты храбрѣе? Такъ и быть, ужь я тебѣ дамъ медаль.

Окинулъ взоромъ Милунъ господареву свиту.

— Можно говорить, господарь?

— Говори, говори!

— Если я не храбрѣе вотъ этого старичка, господарь, то пусть я пропаду!

И онъ положилъ руку на плечо старичка съ медалью.

Господи! Какой поднялся хохотъ! Сколько ни было людей, всѣ тутъ засмѣялись.

Поблѣднѣлъ Милунъ. Понять не можетъ что такое.

— Ну, братъ, молодецъ же ты, если ты храбрѣе его! говоритъ князь ласково. А знаешь ли ты кто это?

— Не знаю, господарь!

— Это Новакъ Рамовъ, дитя мое.

Тотъ самый Новакъ, который въ своей жизни столько въ бою былъ, что не сосчитать. Слышалъ о немъ Милунъ, но никогда его не видалъ.

Упалъ Милунъ на колѣна передъ старичкомъ.

— Ой, прости меня, Новаче, прости ты глупую мою голову!

Поднялъ его старый юнакъ, поцѣловалъ въ голову, успокоилъ:

— Ну, что жъ? Ничего, ты сказалъ не худо. Богъ дастъ будешь храбрѣй, чѣмъ я. Пока стоитъ Черная гора, найдутъ въ ней и Новаки, и храбрѣй Новаковъ.

Сказалъ онъ эти слова отечески ласково и не разсердился, ничего. А князь снялъ медаль съ груди одного изъ перьяниковъ и своей рукой приколодъ Милуну.

— На, вотъ тебѣ, и будь счастливъ!

— На счастье, дай Богъ! крикнули всѣ.

— И будь какъ Новакъ!

— Дай Боже! снова закричала толпа.

Милунъ поцѣловалъ руку сначала у господаря, потомъ у Новака и пошелъ—веселись его мамо!

Теперь Ружу зовутъ „Ружа Милунова", а Госпава цѣлый день возится... съ внучатами!

Милунъ ждетъ не дождется случая выровняться съ Новакомъ Рамовымъ Іововичемъ.

Давай ему Боже!

II.

Ягода.

Было это осеннимъ утромъ 1885 года. Толстая, пожилая женщина вышла со двора одного изъ домовъ на Иванъ-Беговой улицѣ и завопила:

— Куку, помогайте! Кто есть, помогайте!

Два стражника умывались какъ разъ въ эту пору, близъ

„Малой судницы“, и какъ были мокрые, такъ и побѣжали на зовъ.

— Зовите капитана! Скорѣй, скорѣй, Миро, бѣги за капитаномъ, крикнула женщина и бросилась назадъ въ домъ.

Удивленные момки обмѣнялись нѣсколькими словами, затѣмъ одинъ пошелъ за женщиной, другой въ главную улицу.

По сосѣдству уже начали отворяться окна и двери. Обыватели высовывались съ просонья на улицу и спрашивали, въ чемъ дѣло.

— Въ Яниной корчмѣ что-то случилось, крикнулъ кто-то.

Этого было довольно, чтобы толпа человѣкъ двадцать мужчинъ, женщинъ и дѣтей, быстро собралась передъ корчмой.

Изнутри слышались стоны и говоръ, но такъ какъ словъ разобрать было невозможно, то въ толпѣ догадывались и передавали другъ другу шепотомъ свои предположенія. Кто-то ударилъ палкой подошедшую собаку, и та завизжала. Какая-то старуха стала костлявымъ кулакомъ стучать въ ворота.

— Куда, бабушка, крикнули ей? Тамъ въ избѣ десечаръ [1]).

— Какой тамъ десечаръ? окрысилась старуха и застучала еще сильнѣе.

Стражникъ отворилъ ворота и готовъ уже былъ крѣпко изругать собравшуюся толпу, но утихъ, замѣтя, что по улицѣ спѣшитъ капитанъ.

— Пропустите капитана! крикнулъ онъ.

Разступились всѣ и дали дорогу высокому человѣку, въ военномъ плащѣ. За нимъ вошелъ другой стражникъ, а тамъ, толкаясь, ворвалась въ корчму и толпа.

Какъ только хозяйка корчмы увидала главаря, она тотчасъ же начала жалобно причитать, пока ее не остановили.

— Что тутъ у васъ? спросилъ капитанъ, снимая съ головы башлыкъ.

— Мертвый человѣкъ, господине капитане, отвѣчалъ Миро.

— Гдѣ? быстро спросилъ капитанъ.

— Да не увидишь, господине, двери отворены. Заприте двери, Богъ васъ убей! крикнула къ толпѣ Яня.

Въ углу комнаты, къ одной изъ кроватей, была прилѣплена тонкая, восковая свѣча. Ея пламя, задуваемое вѣтромъ со двора, колебалось. Когда заперли двери, пламя выпрямилось одѣяла и освѣтило желтую, косматую голову, выступавшую изъ-подъ.

---

[1]) Десятскій, городской сторожъ.

— Кто это умеръ? спросилъ капитанъ, подходя къ постели, но остановился, чуть не наткнувшись на что-то темное на полу.

— А это что? Кто это?

Но Яня уже забыла про капитана, разсказывая о случившемся сосѣдкамъ.

— Эй, ты, корчмарица, замолчи! Отвѣчай мнѣ, да дай свѣту! сказалъ капитанъ сердито.

— Сейчасъ, господине, сейчасъ.

Яня выхватила головню, подула на нее, зажгла свѣчу и подняла ее надъ головой.

На полу стояла на колѣняхъ женщина. Она оперлась головою о край постели и стонала.

— Это кто?

— А это его дочь.

Капитанъ осмотрѣлъ корчму. Яня свѣтила, куда онъ поворачивался.

У стѣнъ, по обѣимъ сторонамъ комнаты, стояло еще пять простыхъ, деревянныхъ кроватей. На полкахъ три ряда мисокъ, тарелокъ и кофейныхъ чашекъ. У очага нагромождены были столики и табуреты, а на самомъ очагѣ чугуны и горшки. Здѣсь была вся утварь Яни.

— Ну, разсказывай теперь, обратился къ ней капитанъ, ставъ къ кровати съ покойникомъ.

— Боже мой! Я уже все подробно разсказала Миро; да если приказываешь, я разскажу съизнова. Вотъ какъ это было...

Тутъ она плюнула на два пальца и, намѣтившись снять со свѣчи, погасила ее вовсе. Всѣ остались въ потьмахъ.

— Зажги свѣчу, ты, чортова баба! крикнулъ десечаръ.

— Сейчасъ, сейчасъ.

И она опять схватила головню. Женщины захихикали.

— Вы что здѣсь собрались? крикнулъ капитанъ. Все притихло, и Яня начала разсказывать.

— Пришли, господине, вчера эти двое. Старикъ дрожалъ, какъ прутъ, весь потемнѣлъ, ей-Богу, лучше не былъ, какъ вотъ сейчасъ. Можно, переночевать? спрашиваютъ въ дверь; можете, можете, говорю я, вѣдь у меня корчма, стало быть, какъ разъ. А чтò, говорятъ, сколько за ночлегъ?—За ночлегъ, за тепло и за кофей, говорю, мнѣ платятъ по три гроша съ человѣка. Хорошо, говоритъ старикъ...

— Короче, короче, перебилъ главарь.

— Ну, вотъ, господине, какъ увидала я ихъ, такъ мнѣ ихъ жалко стало, что я и говорю: съ васъ двоихъ возьму я одну цванцику. А онъ мнѣ говоритъ: спасибо тебѣ, добрая душа, ужь мы заплатимъ, какъ и прочіе. Я у тебя и прежде останавливался. Я сейчасъ же догадалась, что они герцеговины. Самъ посуди, развѣ бы нашъ кто-нибудь отказался?

— Будетъ тебѣ разводить... говори короче, опять перебилъ главарь.

— Хорошо, хорошо! Вотъ тебѣ въ двухъ словахъ... Только на чемъ, бишь, я остановилась?.. Да, да! Ну, сѣли они около огня. Старику зубъ на зубъ не попадаетъ, а въ груди хрипитъ... ужасъ просто! Спрашиваю я... Нѣтъ, погоди, спуталъ ты меня. Забыла разсказать, что раньше было!

— Короче, короче! кричали теперь уже и другіе.

— Боже ты мой! Ну, коротко вамъ сказать: выпилъ онъ стаканчикъ ракіи, легъ и померъ, отвѣчала Яня, вывернувъ ладони.

— Что? Такъ вотъ сейчасъ и померъ?

— Ну, какъ такъ сейчасъ? Кто же это послѣ ракіи умираетъ? Да вѣдь вы кричите: короче, короче!

Капитанъ вздохнулъ, придвинулся ближе къ корчмарицѣ, покрутилъ свои длинные усы и сказалъ строго:

— Слушай, ты, баба! Я долженъ тебя допросить первую по порядку. А то бы давно послалъ я тебя къ чорту. Отвѣчай мнѣ только на то, что я буду спрашивать самъ. Кто этотъ человѣкъ и откуда?

— Не знаю! отвѣчала Яня въ смущеніи.

— Кто еще былъ у тебя въ это время?

— Никого не было на мое несча...

— Ѣлъ онъ что-нибудь?

— Ничего. Я ему говорю...

— Легъ онъ сейчасъ же?

— Легъ, сейчасъ и легъ, а зубы у него др-др-др...

— Ну, они легли, а ты что̀ дѣлала?

— Я-то? Ушла въ коморку и заснула.

Капитанъ оглянулся. Коморка эта была небольшое отдѣленьице, отгороженное старыми закоптѣлыми „штицами“.

— Звали ли тебя ночью?

— Нѣтъ, господине, грѣшная моя душа, не звали! Ничего я не знаю больше, господине капитане, и вы, господа десечаре, а только вотъ, передъ зарей, какъ заплачетъ его дочка! Я вы-

скочила, какъ была, босая и нечесаная, какъ вотъ вы меня застали, и спрашиваю—что такое? Рветъ дѣвушка свои волоса и кричитъ:—умеръ мой бабо! Ну, я отворила дверь и позвала вотъ ихъ.

— Довольно! сказалъ капитанъ и направился къ кровати, гдѣ около дѣвушки уже собралась кучка женщинъ и шушукала. Яня, думая, что такъ нужно капитану, начала трясти дѣвушку и поднимать ее за плеча.

— Оставь ее и уходи прочь! сказалъ капитанъ.—Ступайте вонъ всѣ!

Такъ какъ солнце уже взошло, то десечаре отворили двери и сняли съ тростниковой крыши особую заслонку, закрывавшую на ночь отверстіе. Въ комнатѣ стало свѣтло. Народъ запруживалъ цѣлую улицу.

— Встань, дѣвушка! сказалъ капитанъ ласково.

Дѣвушка тихо поднялась, не отнимая рукъ съ лица.

Всѣ удивились ея высокому росту и красивому стану. Одѣта была она не тольно не бѣдно, но скорѣе богато. Герцеговинская кофточка-безрукавка, шитая шерстями, вязаный фартукъ, опанки, пестрые чулки, а на головѣ черногорская шапочка. Молодая, только-что налившаяся грудь дѣвственно-упруго трепетала подъ чистой рубашкой.

— Дитя мое, надо намъ спросить и тебя. Только нѣсколько словъ! началъ капитанъ.

Дѣвушка опустила руки, и ея длинныя рѣсницы задрожали. Прядь густыхъ черныхъ волосъ упала на лобъ. Нѣжныя пушистыя щеки покраснѣли, какъ вишни. Маленькія розовыя губы шевелились безъ звука.

Какая-то женщина, увидавъ ее такую красивую и несчастную, громко расплакалась. Сирота посмотрѣла на нее, оглянулась на покойника и вдругъ бросилась къ дверямъ съ громкимъ рыданіемъ.

— Куку мнѣ несчастной...

Десечаре вѣжливо остановили дѣвушку и подвели къ своему начальнику.

— Перестань, полно, дитя мое! Твоего отца уже не воскресишь. Надо подумать о томъ, чтобы его по-христіански похоронить. А хоронить его нельзя, пока не узнаемъ, кто онъ и откуда... Тебя какъ звать?

— Я-го-да!

— Ягода, чья?

— Си-ни-ши-на!

— Значитъ, этотъ покойникъ Синиша?

Она кивнула головой.

— Вы изъ Герцеговины?

— Изъ Заводжа.

— Усташи [1]), вѣрно?

— Да.

— Давно вы въ Черногоріи?

— Два го-да.

— Изъ какого вы братства?

— Джуричи.

— Ну, пока довольно. Ну, а теперь...

Капитанъ вдругъ спохватился, какъ бы что-то вспомнивъ.

— На васъ, можетъ быть, напалъ кто-нибудь дорогой?

Она покачала головой.

— Значитъ, самъ собой умеръ, отъ болѣзни? А можешь ты мнѣ сказать, зачѣмъ вы пришли въ Цетинье?

Ягода опустила голову и молчала.

Онъ посмотрѣлъ на нее, затѣмъ вышелъ къ народу и, отыскавъ въ толпѣ чисто одѣтую красивую женщину среднихъ лѣтъ, подошелъ къ ней.

— Ста́ница, сказалъ онъ,—у меня къ тебѣ есть просьба...

— И просить не нужно, господине капитане...

— Возьми ты эту дѣвочку къ себѣ дня на два, на три, пока дѣло выяснится. Надо помѣстить ее въ какую-нибудь порядочную семью, напримѣръ у тебя. Я знаю, твой хозяинъ не разсердится. Вуле добрая душа. А если что израсходуете...

— Ну вотъ еще! быстро перебила женщина.—За деньги не возьмемъ никогда, а такъ для души... какъ не взять!

Она пошла за нимъ въ корчму.

Ягода хотѣла что-то сказать еще, но языкъ не слушался.

— Знаю, знаю, дитя мое! сказалъ капитанъ. — Ты хочешь просить, чтобы тебѣ не мѣшали оправить и оплакать отца на похоронахъ? Правда, отгадалъ? Ты не безпокойся! Оправимъ и похоронимъ его по-братски, какъ и быть слѣдуетъ. А ты иди вотъ къ этой женщинѣ; когда будетъ время, она тебя приведетъ.

Ягода поцѣловала его руку, затѣмъ нагнулась, чтобы по-

---

[1]) Усташи—повстанцы.

цѣловать руку Ста́ницы, но та привлекла ее къ себѣ и сердечно обняла. Затѣмъ обѣ вышли.

Капитанъ посмотрѣлъ на покойника. Изъ-подъ высокаго лба выставлялись большія скулы, а подъ горбатымъ носомъ торчали въ разныя стороны короткіе сѣдоватые усы. Когда его открыли, оказалось, что онъ былъ высокаго роста и худъ. Подъ лѣвой ключицей нашли старую, заросшую рану отъ ружейной пули. Лѣтъ ему могло быть примѣрно шестьдесятъ.

Осмотрѣли его платье и поясъ, но не нашли ничего, кромѣ пятнадцати цванцикъ, завязанныхъ въ платкѣ. Исполнивъ это, капитанъ сѣлъ къ огню и началъ отдавать приказанія.

— Ты, корчмарица, найди еще кого-нибудь и вмѣстѣ хорошенько омойте и одѣньте покойника. Покровъ, свѣчи, ладанъ, все, что требуется, возьмешь, знаешь гдѣ, за мой счетъ. Ты, Миро, позовешь цирульника обрить человѣка, да кстати свернешь къ попу. Скажешь ему, пусть придетъ въ два часа пополудни „опѣть“ и проводить покойника. Потомъ пойдешь и закажешь гробъ. Когда это сдѣлаешь, сходишь въ городъ и оповѣстишь всѣхъ герцеговинцевъ, не окажется ли знакомыхъ ему. Ну, соколе, иди съ Богомъ!..

— Ты, Шуто, останься здѣсь, наблюдай за порядкомъ и смотри, чтобы мои приказанія были исполнены.

— А вы, остальные, кому нечего дѣлать, ступайте отсюда.

Сказавъ это, капитанъ потѣснилъ слегка толпу и вмѣстѣ съ нею вышелъ изъ корчмы.

Черезъ часъ Миро привелъ человѣкъ двадцать герцеговинцевъ; никто изъ нихъ не зналъ покойника, ибо изъ Заводжа не было никого. Все-таки они сложились между собою и передали Язѣ пятьдесятъ цванцикъ на поминъ души.

Когда наступило время похоронъ, собралось въ Иванъ-Бегову улицу все выдающееся въ Цетиньѣ. Шествіе открывали ученики городскихъ школъ со своими учителями. За ними шли горожане, затѣмъ несли покойника, шелъ попъ, герцеговинцы, множество женщинъ, а впереди нихъ между Ста́ницей и попадьей—Ягода, причитая по-герцеговински. Это причитанье разжалобило многихъ женщинъ, и онѣ стали тоже причитать по своимъ покойникамъ. Чѣмъ ближе подвигалась къ церкви похоронная процессія, тѣмъ это причитанье становилось громче. Случись теперь какой-нибудь путникъ со стороны Ба́ица, онъ могъ бы подумать, что хоронятъ какого-нибудь знатнаго черногорца, а никакъ не простаго усташа.

Прости, Боже, и помилуй душу бѣднаго старика Станиша Джурича!

* * *

На другой день рано утромъ пришелъ городской стражникъ къ Вуле въ домъ и нашелъ тамъ цѣлую толпу женщинъ. Онѣ собрались, чтобы хорошенько разспросить Ягоду, но не успѣвъ добиться отъ нея ни одного слова, оставили ее со Стáницей, а сами устроили нѣчто въ родѣ митинга. Споры были въ самомъ разгарѣ, и шумъ выходилъ страшный, когда стражникъ, ставъ у дверей, закричалъ:

— Гдѣ эта заводжанка? Зовутъ ее на великій судъ!

Ягода задрожала, какъ въ лихорадкѣ, и бросилась на шею Стáницѣ съ крикомъ:

— Не давай меня, пò Богу мамо, не давай!

Вуловица, хоть и тронутая этой наивной мольбой, не могла не разсмѣяться:

— Ты что же боишься? Вѣдь чай не повѣсить тебя хотятъ, а какъ-нибудь устроить твое сиротство.

Но дѣвушка обвилась вокругъ нея, качаетъ головой и твердитъ свое:

— Нечего мнѣ говорить....нечего!

Женщины заглушили ее своимъ стрекотаньемъ.

— Иди, дѣвушка, сказалъ десечаръ. Судъ всѣ дѣла отложилъ, чтобы тебя выслушать поскорѣе. Нельзя же задерживать „гòсподу“; иди, пожалуйста.

— Нечего мнѣ говорить!

Десечаръ вышелъ, а женщины цѣлымъ стадомъ заговорили:

— Иди, милая, иди, не бойся!

Стáница надѣла ей шапочку и отерла глаза. Другая надѣла на нее „струкъ“, родъ платка; третья—слегка подпихнула ее рукой, другимъ не оставалось ничего, какъ работать языкомъ.

Ягода, смущенная и напуганная, видя, что ничего не подѣлаешь, стала просить Стáницу не посылать ее одну.

— Ну хорошо, пойду и я съ тобой.

Когда онѣ пришли, великій судъ былъ уже въ сборѣ, а именно: шесть судей и два главныхъ секретаря. Въ передней, гдѣ имъ приходилось разстаться, стояла толпа горожанъ, сбѣжавшихся изъ любопытства.

Десечаръ ввелъ дѣвушку въ залъ.

— Ты ли Ягода Синишина Джурича, заводжанка? спросилъ ее старый воевода, предсѣдатель суда.

— Я, отвѣчала смиренно дѣвушка.

Воевода ласковымъ, почти отеческимъ голосомъ сталъ спрашивать дальше. Ягода робко, съ большими передышками разсказала все то, что уже раньше говорила капитану; затѣмъ, оправившись отъ своего страха подъ вліяніемъ ласковаго обращенія, она прибавила, что ея мать умерла отъ холеры, когда она была еще маленькая; что брата ея убили цесаревцы (австрійцы) въ послѣднее возстаніе, а она съ отцомъ убѣжала въ Черную гору.

— Гдѣ же вы пристроились?

— Въ Граховѣ, съ остальными усташами. Оттуда перевели насъ въ Никшичскій округъ и подарили землю и домъ.

Судьи взглянули на секретаря, а тотъ досталъ огромную книгу, повернулъ нѣсколько листовъ и прочелъ вслухъ:

„Нумеръ сорокъ первый. Синиша Арсовъ Джуричъ изъ Заводжа съ дочерью Ягодой, перешелъ границу въ мартѣ 1883 года. Въ сентябрѣ того же года дано ему на никшичскомъ полѣ семь ралъ пахотной земли, какъ военную долю и часть дома бывшаго Хаджимусича“.

Помолчавъ немного, воевода спросилъ:

— Есть ли тамъ еще кто-нибудь изъ вашего братства?

— Нѣтъ, госпóдине! Изъ братства Джуричей не осталось ни одного мущины. Братство наше и безъ того было всегда маленькое, да вотъ поморила насъ холера, а тутъ еще въ „установкъ“ погибло много народу. Такъ мы всѣ и перевелись.

— Твой отецъ больной тронулся въ дорогу, или заболѣлъ на дорогѣ?

— Съ тѣхъ поръ, какъ Райко убили, онъ все время хворалъ, хоть и не ложился. А простудился онъ дорогой. Не хотѣлъ умирать на Рѣци, а все торопился сюда...

Дѣвушка горько заплакала.

— Успокойся, дитя мое, не плачь! Такъ ужь ему было, значитъ, суждено! Онъ, бѣдный, торопился въ Цетинье, а попалъ въ могилу. Все, моя милая, отъ Бога. Скажи намъ, твой отецъ ничего тебѣ при смерти не поручалъ.

— Ничего мнѣ не-счаст-ной... отвѣчала едва слышно Ягода. Затѣмъ она неожиданно выпрямилась, отерла глаза и начала рѣшительнымъ тономъ:

— Видите, господа, у меня грѣхъ на душѣ, за который

Богъ меня никогда не проститъ. Легли мы съ нимъ спать. Знала я, несчастная, что онъ боленъ, очень боленъ, мнѣ бы надо не спать, а его стеречь, а я заснула. Проснулась я, а онъ уже хрипитъ. Стала я его звать, а онъ только смотритъ на меня и плачетъ. А потомъ такъ и умеръ безъ покаянія и безъ свѣчи... Вотъ за что меня Богъ не проститъ... никогда, никогда!

Ягода снова зарыдала.

Одинъ изъ судей шепнулъ сосѣду:

— У человѣка отнялся языкъ, а она думала, что онъ не хочетъ уже говорить. Бѣдное дитя!

Воевода обратился къ ней:

— Не виновата ты за это передъ Богомъ. Если всѣ твои грѣхи такіе, такъ это ничего. Вѣдь ты же не знала, что онъ умираетъ? И не думала даже, скажи.

Ягода покачала головой.

— Ну такъ и успокойся.

Другой судья прибавилъ:

— А что умеръ онъ безъ покаянія, такъ что же дѣлать. Несчастіе! Мало ли умираютъ такъ? Вѣдь не по своей же волѣ! Кто напримѣръ въ бою погибъ! Неужели же ему Богъ это въ грѣхъ поставитъ? И твоему отцу не поставитъ, не бойся. Богъ —не люди! Онъ справедливъ.

Но такъ какъ она все плакала—всѣ присутствующіе утѣшали ее, какъ умѣли. Затѣмъ предсѣдатель обратился къ ней снова:

— А теперь скажи намъ еще одно, и мы тебя отпустимъ. Зачѣмъ покойный Синиша пришелъ на Цетинье и тебя привелъ?

Ягода опустила голову и перебирала бахрому платка.

— Можетъ быть, вы шли въ судъ на кого-нибудь жаловаться?

Она молчитъ и все ниже опускаетъ голову.

— Или дѣло у васъ какое-нибудь было?

Опять молчаніе. Судьи переглянулись.

— Отвѣчай же что-нибудь, жéнска глàво! сказалъ предсѣдатель уже строже.

— Не знаю, прошептала Ягода.

— Какъ это ты не знаешь? Вышли изъ Никшича въ такую стужу, что твой отецъ даже жизнью поплатился, а ты не зна-

ешь, зачѣмъ?.. Нѣтъ, милая, это не шутки; тебѣ придется принять присягу.

Она оглянулась на переднюю и закрыла лицо руками.

— Ты можетъ быть не хочешь сказать при народѣ? Я велю всѣмъ выйти.

— Нѣтъ, нѣтъ! Нечего мнѣ говорить.

— Богъ съ тобой, дитя мое! Не говори такъ. Всякій понимаетъ, что не гулять вы пошли, а по дѣлу. Ну, такъ и скажи: пришли, молъ, по дѣлу. Если вы не въ судъ, то намъ и знать не надо по какому вы дѣлу. Вѣдь это мы для тебя же спрашиваемъ. Можетъ быть, васъ обидѣлъ кто-нибудь?

Она опять оглянулась на переднюю.

— Видите, она ищетъ кого-то между народомъ, сказалъ младшій судья.

— Можетъ быть позвать Стàницу Вулову? добавилъ секретарь. Хочешь, чтобъ она за тебя говорила?

— Нѣтъ, нѣтъ! Не дай Богъ! Нечего говорить, быстро отвѣчала Ягода.

— Ну такъ ужь намъ приходится Богъ знаетъ, что думать, сказалъ воевода-предсѣдатель, вставая. Всѣ встали также.— Пойдемте господа! Она не хочетъ говорить. Можетъ быть, покойникъ-Синиша именно на нее и жаловаться шелъ...

— Не грѣшите, гòсподо, не говорите такъ! воскликнула дѣвушка, и слезы вновь полились у нея градомъ. Не за этимъ пришли мы... и не къ вамъ совсѣмъ!

— Ну такъ зачѣмъ же и къ кому?

Она одной рукой закрыла глаза, другой прижимала платокъ къ трепещущей груди.

— Ну! къ кому же вы пришли?

— Къ владыкѣ, едва выговорила дѣвушка.

Судьи переглянулись съ улыбкой.

— Ну, утѣшь тебя, Господь, дитя мое! сказалъ старикъ-предсѣдатель ласково.—Теперь все хорошо. Пойдешь къ владыкѣ...

— Ради Бога, госпòдине, не надо, не надо! Пожалѣйте вы меня несчастную...

— Не сегодня, ну, завтра, послѣ завтра... Когда захочешь!

— Не надо, не пойду я никогда! Охъ, не могу я...

— А ты не возьмешь на душу грѣха, если будешь молчать? Подумай-ка!

— Не знаю... Если...

Слезы опять не дали ей говорить, и она простонала только:

— Пустите меня, го̀сподо, Христа ради!

Судьи пошептались, и предсѣдатель сказалъ:

— Ну иди себѣ съ Богомъ. Довольно ты наплакалась: и по нуждѣ и безъ нужды!

Ста̀ница увела ее домой.

* * *

Прошли два дня. Тайна такъ и оставалась тайною. Заводжанка находилась по-прежнему у Ста̀ницы въ домѣ. Вулина семья обращалась съ дѣвушкой, какъ съ родной дочерью, и ей было хорошо; но она не успокоивалась, постоянно чего-то боялась, страдала, а когда отворялась дверь, дрожала, какъ въ лихорадкѣ. Она почти ничего не ѣла и вовсе не спала. Ляжетъ на свою постель и тихо причитаетъ по Райко и Синишѣ.

Вечеромъ на второй день у огня сидѣли: хозяинъ, его старая родственница, хозяйка и Ягода. Ста̀ница была бездѣтна и потому полюбила дѣвушку чисто материнскою любовью.

Всѣ эти люди сидѣли вокругъ огня скучные. Вуле, человѣкъ среднихъ лѣтъ, приземистый и крѣпкій, съ огромными рыжими усами, признанный юнакъ, набивалъ и выколачивалъ уже десятую трубку, когда Ягода встала, поцѣловала его руку и сказала:

— Прости меня, по̀ Богу отецъ, я завтра на зарѣ пойду въ Никшичъ.

Вуле перекрестился и посмотрѣлъ на жену.

— Богъ съ тобой, дитя мое!

— Надо мнѣ идти, пустите меня!

— Въ Никшичъ? Одной? По такому холоду? Въ пустой домъ? Слышишь, Ста̀ница! Да она съ ума сошла!

— Боже ты мой! Я и не знаю, что съ нею дѣлать. Я думаю, могла видѣть, что намъ она не въ тягость. Ну, а если ужъ мы ей такъ противны, пусть идетъ, куда хочетъ!

— Не сердись, нана, милая! Нужно мнѣ.

— Да что у тебя такое? спросили разомъ мужъ и жена.

— Имущество посмотрѣть...

— За этимъ могу и я сходить, сказалъ Вуле.

— Глупости, сказала Ста̀ница. — Ты вѣдь знаешь, что за

этимъ судъ присмотритъ. И она это знаетъ. У нея совсѣмъ другое въ головѣ, да только сказать не хочетъ.

— Мучаетъ меня то, что вамъ я въ тягость...

Ста́ница прервала ее немного ласковѣе.

— Опять я тебѣ говорю: не въ тягость ты намъ нисколько. Тебя намъ Богъ послалъ на утѣшеніе, а мы тебѣ вмѣсто родителей. А если ты сомнѣваешься, что мы тебя даромъ кормимъ, ты работай, помогай въ домѣ. Вотъ я тебя научу ткать, будешь мнѣ помощница.

Вуле надоѣло все это, и онъ вмѣшался.

— Довольно! Ужь это дѣло покончено. Иди-ка лучше, Ягода, спать. Ты, баба, тоже! Старуха, спать!

Пока Вуловица выходила, тушила огонь и справлялась съ дѣлами, Вуле и старуха уже заснули. Ягода притаилась и молчитъ. Легла-было Ста́ница и тоже заснула, но скоро проснулась: кто-то стонетъ. Поднялась добрая душа и пошла къ Ягодѣ.

— Брось ты это, перестань! Правду говорилъ Вуле: ну, куда ты пойдешь? Да тамъ, въ пустомъ домѣ, тебѣ еще хуже будетъ. А что̀ люди скажутъ? Какъ это одной идти? Ты знаешь, у насъ дѣвушки однѣ не живутъ. А тутъ, по крайней мѣрѣ, отцовская могила. На этой недѣлѣ закажемъ обѣдню и панихиду, пойдемъ въ церковь. Потомъ сорокоустъ... Ну, перестань же!

— Милая нано! Знаю я это все... да боюсь я, что будутъ опять меня звать на судъ; оттого и уходить хочу.

— Ахъ ты, глупенькая! разсмѣялась Ста́ница.

Она легла около дѣвушки и обняла ее.

— А ты вотъ скажи мнѣ лучше, какъ тутъ замѣшался владыка? Я тебя не приневоливаю, сохрани Богъ. Да ужь очень ты убиваешься! Скажи мнѣ, въ чемъ дѣло, можетъ быть, я тебѣ помогу. Ну! Открой мнѣ сердце, какъ родной матери, я сама схожу къ владыкѣ.

Долго еще уговаривала любопытная женщина свою пріемную дочь, заводя рѣчь то прямо, то издалека. Наконецъ, она остановилась и поднялась на локтѣ, чтобы услыхать отвѣтъ.

Но Ягода все молчала. Посмотрѣвъ на нее поближе, Ста́ница тутъ только замѣтила, что она сладко спитъ. Она не спала подъ-рядъ три ночи, и сонъ подкрался незамѣтно и одолѣлъ ее наконецъ.

Утромъ всѣ встали—дѣвушка спитъ.

Солнце уже поднялось къ завтраку—она спитъ.

Пошла Ста̀ница по какому-то дѣлу на Дольній Край и поручила мужу не будить дѣвушку.

* * *

Старецъ-владыка вышелъ изъ монастыря и, наслаждаясь яснымъ, тихимъ осеннимъ утромъ, гуляетъ-себѣ по широкому ровному лугу, разстилающемуся между монастыремъ и „бильярдой“.

Проходятъ на свою должность судьи и чиновники. Воевода и двое его товарищей, увидавъ владыку, пошли ему навстрѣчу принять благословеніе. Онъ остановился, увидавъ ихъ, и зоветъ зайти къ нему въ домъ.

— Нѣтъ, владыко, отговариваются воеводы;—еслибы дома было лучше, мы бы не вышли.

Затѣмъ они проводили старца до угла, но онъ вернулся и опять пошелъ съ ними.

Когда они возвращались, какой-то человѣкъ ждалъ ихъ у тропинки. Это былъ Вуица Озриничъ, самый младшій изъ княжескихъ перьяниковъ.

— Что хорошаго, Вуле?

Онъ подошелъ къ рукѣ и поклонился.

— Да вотъ я пришелъ вамъ разсказать, зачѣмъ приходилъ этотъ заводжанинъ.

Они переглянулись.

— А ты это откуда знаешь?

— Вотъ какъ это было. Послали меня намедни въ Лѣшанскую нахію. На обратномъ пути, пройдя Рѣку, около Янковича догналъ я старика-герцеговинца и съ нимъ дѣвушку. Старикъ едва двигался и поминутно садился отдыхать. Посмотрѣлъ я ему въ лицо и удивился, какъ и такъ-то онъ могъ идти; совсѣмъ умираетъ человѣкъ. Шелъ я скоро, захотѣлось отдохнуть, я къ нимъ и присталъ. Слово за слово, мнѣ старикъ и разсказалъ.

„— Я, говоритъ, сынко, изъ Заводжа, усташъ, а это моя дочь. Пока мы тамъ еще были, просваталъ я ее за молодца изъ хорошей семьи. Это, говоритъ, у насъ такой обычай, просватывать еще дѣтьми, и у васъ, говоритъ, прежде это дѣлалось. А мое братство съ тѣмъ братствомъ всегда въ любви жили. Ну вотъ, ждемъ мы. Но одинъ Богъ знаетъ, что будетъ на утро. На наше несчастіе раздались выстрѣлы, и закипѣлъ цѣлый край. Былъ у меня одинъ сынъ, вотъ какъ ты, тебѣ на здо-

ровье, что ужь тутъ говорить? Попалъ и онъ туда и пропалъ! Разорили насъ, пожгли, поперевѣшали, проклятые цесаровцы! Повѣсили двухъ моихъ племянниковъ. А еще я тебѣ не сказалъ, что передъ этимъ насъ семь лѣтъ холера душила. Да установокъ пять лѣтъ, да вотъ опять это! Не могъ я смотрѣть на пустую усадьбу, бросилъ я все и побѣжалъ на княжеву землю — умру хоть здѣсь! Годъ проходитъ, другой. Растетъ моя дѣвочка, а я въ могилу смотрю. Умру я, останется сирота безпріютная. Границу затворили—птица не пролети! Ни оттуда, ни туда не смѣй никто! Что мнѣ дѣлать горькому? И „вѣру нарушить" нельзя, и дочь пора пристраивать. Думалъ я, думалъ и послалъ-таки одного человѣка къ моему пріятелю. Поручилъ ему, пусть уладитъ дѣло. А того, жениха-то, посадили было сначала въ тюрьму, да потомъ выпустили. Съ этимъ же посланнымъ жениховъ отецъ и отвѣтилъ мнѣ: ничего теперь нельзя. Цесаровцы не даютъ вѣнчаться съ усташескими дѣвушками, дѣлай, другъ, какъ тебя Богъ вразумитъ. Было это на Спасовъ день. А дѣвушку ужь у меня сватаютъ. Какъ тутъ быть? Грѣха боюсь, пойду, думаю себѣ, къ владыкѣ, пусть разсудитъ по Божьей вѣрѣ. Спѣшить, говоритъ, надо, потому что чувствую, какъ у меня земля изъ-подъ ногъ уходитъ".

— Вотъ что, господа, разсказалъ мнѣ старикъ, закончилъ Вуица, а измученъ былъ такъ, какъ-будто онъ ворочалъ каменья.

— Ну, а потомъ? Такъ вы и разошлись, или вмѣстѣ пришли въ Цетинье?

— Я съ нимъ попрощался и пришелъ сюда утромъ. На другой день послали меня въ Приморье. Оттуда вернулся я только вчера вечеромъ. Ну, здѣсь товарищи разсказали, какъ умеръ старикъ, и какъ вы допрашивали дѣвушку. Вотъ я и пришелъ.

— Хорошо сдѣлалъ, сынко. Спасибо! Теперь дѣло ясно, и все можно покончить. Что вы скажете, господине владыко, не послать ли намъ за ней? спрашиваетъ старшій воевода.

— Можно, можно. Лучше всего теперь же.

Подозвали десечара, стоявшаго какъ разъ передъ судомъ.

— Ступай за этой заводжанкой. Пусть идетъ къ церкви, а не въ судъ, слышишь ты? Скажи, что ее зоветъ пріятель ея отца. Да ты весело ей скажи, понялъ?

Они пошли дальше, а Вуица сѣлъ на скамейку. Черезъ

полчаса возвращаются стражники и съ ними Ягода. Она опустила глаза и не смотритъ на господъ, а замѣтивъ Вуицу, покраснѣла, какъ маковъ цвѣтъ.

Владыка подошелъ къ ней.

— Все уже я знаю, дитя мое! Богъ тебя благословитъ! Выходи замужъ за кого хочешь. Церковь тебѣ разрѣшаетъ, а я тебя благословляю.

Богъ знаетъ, поняла ли Ягода что-нибудь изъ этого, но когда десечаръ сказалъ ей, что она свободна, она повернулась и пошла назадъ.

Вуица поцѣловалъ руку владыки, поклонился господамъ и пошелъ тихими шагами по другому направленію. Но едва лишь отошелъ онъ за уголъ, такъ что скрылся изъ глазъ у господъ, онъ свернулъ съ дороги, перескочилъ черезъ ограду, затѣмъ вышелъ воротами въ проходной дворъ и побѣжалъ на перерѣзъ Ягодѣ.

— Дѣвойка, постой!

Она остановилась, какъ вкопаная.

— Одно слово! Скажи мнѣ только одно слово! Пошла бы за меня замужъ?

Она оглянулась, закрыла платкомъ лицо и побѣжала безъ оглядки...

Вуица проводилъ ее долгимъ взглядомъ и остался на мѣстѣ.

Поздно вечеромъ отыскалъ его Вуле.

— Добрый вечеръ, тёска!

— Здравствуй.

— Ну, какъ ты, тёска!

— Ничего! А ты?

И Вуица пошелъ, не ожидая отвѣта.

— Постой, куда торопишься? А не выпить ли намъ ради вечера по одной?

— Отчего не выпить!

И Вуица повелъ его въ корчму.

— Не сюда, человѣче, пойдемъ туда, гдѣ вино получше.

— Ладно, отвѣчалъ молодой перьяникъ, въ разсѣянности и не замѣчая, что Вуле ведетъ его къ себѣ домой.

Стáница вышла имъ на встрѣчу, обняла и расцѣловала Вуицу.

— Ну, миленькій, спасибо тебѣ и какъ пріятелю, и какъ человѣку... Все она мнѣ разсказала!.. Да она не только за-

мужъ за тебя, она съ тобой въ мутную воду кинется... Да какая дѣвушка за тебя и не пойдетъ!

Сѣли. Вуица оглянулся кругомъ себя.

— Ну и нечего тутъ мудрить, замѣтилъ Вуле. Передъ великимъ постомъ, если хочешь, можешь сватать мою пріемную дочь, а насчетъ свадьбы тогда уговоримся. А я бы совѣтовалъ подождать со свадьбой до будущей осени. Пусть помянетъ хорошенько отца и оправится.

— Я согласенъ, сказалъ Вуица.

Выпили по три и расцѣловались на прощанье.

* * *

Всякій, кто услыхалъ эту новость, на первый разъ удивился, но только на первый разъ, а разобравъ хорошенько, всякій похвалилъ Вуицу.

Многіе жалѣли:

— Этакій момакъ, изъ такой славной семьи, могъ бы выбрать себѣ дѣвушку изъ любаго дома на Черной горѣ, а онъ выбралъ усташенскую дочку изъ угасшаго братства. Не принесетъ она ему ни друзей, ни добрыхъ свойственниковъ.

Но за то вся Черная гора сказала единогласно:

— Выбралъ себѣ Вуица горскую вилу. Свойственницей ему будетъ вся юначеская Герцеговина. Рано ли, поздно ли, а ужь будетъ онъ пить тамъ руйно-вино, если приведетъ Господь.

Послѣдніе Лузиніаны[1]).

IV.

Географическое положеніе острова Кипра обусловливаетъ его политическое существованіе. Востокъ и Западъ и ихъ вѣковѣчная борьба. Римское владычество на Кипрѣ. Апостолы Павелъ и Варнава. Быстрое распространеніе христіанства. Кипрскіе епископы и святые Византійское владычество. Лузиніаны. Венеція. Владычество турокъ. Капуданъ-паша. Греческое возстаніе. Рѣзня на Кипрѣ христіанъ. Война Россіи съ Турціей 1828—1829 годовъ. Вознагражденіе пострадавшихъ отъ нея. Появленіе потомка кипрскихъ королей Лузиніановъ въ Петербургѣ Сообщенія о немъ нашей прессы.

Островъ Кипръ, третій по величинѣ своей изъ средиземныхъ острововъ послѣ Сициліи и Сардиніи, лежитъ въ самомъ углу восточной части Средиземнаго моря и вмѣщаетъ въ площади своей, имѣющей причудливую форму окорока, до 4-хъ т. кв. миль. Географическое его положеніе краснорѣчивѣе всего объясняетъ, почему онъ не имѣлъ возможности образовать изъ себя самостоятельную, навсегда упроченную, политическую единицу, такъ же какъ и оставаться изолированнымъ отъ движенія, совершавшагося въ лежащихъ вокругъ него—Малой Азіи, Сиріи, Египтѣ, Іоническихъ островахъ и Греціи; онъ постоянно находился на перепутьи у нихъ и оставался въ чертѣ театра міровой борьбы Востока съ Западомъ, вслѣдствіе чего и пережилъ длинный рядъ политическихъ бурь и переворотовъ.

Востокъ и Западъ искони составляютъ два совершенно отдѣльныхъ міра, по населенію, обычаямъ, вѣрованіямъ, и между ними постоянно существовали и по нынѣ существуютъ глубокій антагонизмъ и стремленіе къ преобладанію, которые

---

[1]) См. „Русск. Вѣстн." 1891 г. кн. VII.

*

вели ихъ къ столкновеніямъ и страшнымъ кровопролитіямъ. Въ древности, нашествія персидскихъ царей на Грецію, блистательно ею отраженныя, затѣмъ походы Александра Македонскаго во внутрь средней Азіи и въ заключеніе міровое римское владычество, казалось, должны были обезпечивать навсегда торжество Запада и его цивилизаціи, тѣмъ болѣе, что новая религія, имѣвшая источникомъ своимъ Божественное Откровеніе и принятая Римскою Имперіею, призывала къ себѣ всѣ народы безъ различія ихъ національностей, мирила ихъ между собою и просвѣщала во имя любви и общаго братства. Но и этого всего оказалось недостаточнымъ для окончательнаго прекращенія борьбы Востока съ Западомъ, и возникновеніе ислама, съ необыкновенной быстротой и страстностію распространившагося, съ мечемъ въ рукѣ, изъ Аравіи въ Сирію, Египетъ, Малую Азію, на берега Африки, а оттуда на европейскій материкъ Испаніи, и охватившаго потомъ многочисленныя кочующія племена Средней Азіи, снова разбудило Востокъ, объединивъ его страшною силою, и онъ опять ознаменовалъ потоками крови и разрушеніемъ наступленіе свое на Западъ. Расшатанный организмъ Византійской Имперіи не выдержалъ всесокрушающаго напора азіатскихъ ордъ, крестовые походы не спасли его, онъ рухнулъ, и на развалинахъ его создалась мусульманская монархія Оттомановъ, въ теченіе почти двухъ вѣковъ грозившая существованію Западной Европы. Къ счастію для ея цивилизаціи, государство, сложившееся грубою силою, вдохновляемое религіею, деспотически налагающею свою руку на всѣ политическія, гражданскія и семейныя обязанности своихъ исповѣдниковъ, и вслѣдствіе того признающее всѣхъ неисповѣдующихъ этой религіи за стадо (раія), съ которымъ распоряжалось по своему произволу и съ безпощадною жестокостію, не могло само по себѣ дольше сохранять своего могущества. Оно и держалось-то такъ долго, благодаря раздорамъ между собою западно-европейскихъ государствъ и крайнему несочувствію латинянъ къ грекамъ, имѣющему корень свой въ религіозномъ разладѣ ихъ церквей. Въ борьбѣ съ Турціею западныя государства дальше оборонительнаго положенія не пошли, остановивъ наступленіе ея границей Балканскаго полуострова, и лишь на долю нашего отечества, искони имѣвшаго къ себѣ симпатіи всѣхъ восточныхъ христіанъ, выпала роль болѣе активная. Походы Петра, Анны Іоанновны и въ особенности Екатерины II нанесли рѣшительное пораженіе Турціи, а войны нынѣшняго столѣтія,

въ которыхъ подъ конецъ она находила противъ насъ дѣятельное содѣйствіе и дружественныхъ намъ европейскихъ державъ, только продолжали процессъ ея разрушенія и довели до положенія искусственно поддерживаемаго, политическаго тѣла, сдѣлавшагося запутаннымъ узломъ чреватаго и роковаго восточнаго вопроса.

Въ ходѣ этой многовѣковой исторіи острову Кипру приходилось играть роль по преимуществу пассивную; но бывали впрочемъ моменты, когда и онъ выступалъ на сцену и обращалъ на себя вниманіе современниковъ. Памятники финикійскіе, египетскіе, халдейскіе, греческіе, римскіе въ видѣ надписей, саркофаговъ, статуй, барельефовъ, монетъ, развалинъ храмовъ и колоссальныхъ сооруженій, находимые на Кипрѣ, указываютъ на длинный рядъ различныхъ на немъ владычествъ; входить въ подробности о нихъ не составляетъ нашей задачи, и мы заглянемъ въ исторію Кипра съ того лишь момента, какъ онъ присоединенъ былъ Римомъ.

Однимъ изъ первыхъ проконсуловъ былъ тутъ знаменитый Цицеронъ. Онъ нашелъ островъ въ неустроенномъ положеніи. Большинство населенія состояло изъ грековъ и римлянъ, а среди разноплеменнаго меньшинства крупный контингентъ образовывали собою евреи, начавшіе тогда, вслѣдствіе внутреннихъ междоусобицъ на родинѣ, выселяться изъ нея. Цицеронъ долго и разумно правилъ островомъ, а когда вернулся въ Римъ, всегда живо интересовался кипріотами и усердно за нихъ ходатайствовалъ передъ сенатомъ. Увеличивающаяся эмиграція евреевъ составляла тогда насущный вопросъ для Кипра, они раскидались группами по всему острову, устроили множество синагогъ и начинали тревожить мѣстное населеніе своею неуживчивостію, назойливостію и эгоистическимъ преслѣдованіемъ своихъ интересовъ. Населеніе требовало ихъ удаленія, власти же, какъ и всегда, медлили. Но вотъ однажды, въ царствованіе Тиверія, на кораблѣ изъ Антіохіи прибыли въ Саламинъ трое евреевъ, высадились на берегъ и начали проповѣдывать въ синагогахъ новое ученіе, совершившее переворотъ въ тогдашнемъ мірѣ. То были апостолы Варнава (уроженецъ Кипра), Савлъ (онъ же Павелъ) и Іоаннъ. Послѣдствія ихъ проповѣди извѣстны изъ дѣяній апостоловъ. Павелъ совершилъ обращеніе проконсула Сергія Павла, а за такимъ высокимъ лицомъ увѣровало множество язычниковъ и составило ядро кипрской церкви. Рукоположивъ себѣ намѣстниковъ и

установивъ священство, апостолы уѣхали вскорѣ обратно въ Антіохію и Іерусалимъ; но Варнава вернулся и сталъ при помощи своего двоюроднаго брата Іоанна Марка устраивать кипрскую церковь. Послѣдователями его были почти исключительно язычники-греки и римляне, тогда какъ евреи, въ особенности учителя ихъ синагогъ, страшно на него злобствовали и покончили побіеніемъ его камнями, какъ и діакона св. Стефана. Ученики апостола успѣли спасти его тѣло отъ поруганій и похоронили съ такою таинственностію, что мѣсто погребенія святыхъ мощей Варнавы долго оставалось въ неизвѣстности.

Между тѣмъ евреи дошли до вооруженныхъ возстаній противъ римлянъ. Укрощенные въ Іудеѣ Веспасіаномъ и Титомъ, подняли они знамя бунта въ своихъ колоніяхъ и въ царствованіе Траяна сдѣлали Кипръ мѣстомъ страшнаго кровопролитія. Ихъ набралось тутъ такъ много, что они организовали настоящую армію подъ предводительствомъ Артеміона и, по свидѣтельству современниковъ, во время этой рѣзни избили до 200 тыс. грековъ и римлянъ. Бѣшенство ихъ обрушивалось больше всего на христіанъ, которыхъ они обвиняли во всѣхъ своихъ несчастіяхъ. Римскіе легіоны ихъ одолѣли, а, въ предупрежденіе на будущее время подобныхъ кровавыхъ рецидивовъ, евреевъ выселили съ Кипра, воспретивъ имъ возвращаться сюда подъ страхомъ смертной казни Распространеніе христіанства пошло тогда быстрыми шагами, сѣмена, посѣянныя первыми апостолами, прочно укоренились среди кроткихъ и мирныхъ кипріотовъ, изъ Сиріи прибыли къ нимъ новые апостолы и учители, а съ ними и не мало семействъ принявшихъ уже христіанство. По преданіямъ кипрской церкви, святые Гераклитъ, Эпафрасъ, Оксибій, Филагріосъ, Эпафродитъ, Тихонъ и Лазарь, воскрешенный Іисусомъ Христомъ, были первыми ея епископами. Сначала старшимъ изъ нихъ считался старѣйшій годами, затѣмъ старшинство установилось за епископомъ города Паѳоса, резиденціи проконсула, а впослѣдствіи Константинъ Великій старшаго кипрскаго епископа возвелъ въ санъ митрополита и подчинилъ патріарху антіохійскому. Но въ 477 г., совершенно случайно были отрыты въ землѣ, близъ Саламина, мощи св. апостола Варнавы, его нашли лежащимъ со спискомъ евангелія Матѳея на груди, списокъ былъ его собственноручный, и такое великое обрѣтеніе кипрской церкви заставило императора Зенона возстановить ея автокефальность, каковую она сохраняетъ и по сіе время; на мѣстѣ же обрѣтенія мощей

св. Варнавы воздвигнутъ былъ монастырь. Митрополитъ кипрскій считается съ тѣхъ поръ равнымъ всѣмъ восточнымъ патріархамъ и лишь, по древле установившемуся обычаю, получаетъ святое мvро отъ патріарха Антіохійскаго. Ему присвоена пурпуровая мантія и посохъ патріаршіе, подписываетъ онъ документы киноварью, носитъ титулъ „блаженства" и имѣетъ власть хиротонисать епископовъ.

Церковь кипрская всегда особенно чтилась византійскими императорами. Св. Елена, мать императора Константина, возвращаясь изъ паломничества своего въ Іерусалимъ, посѣтила Кипръ въ тяжелую для него годину, когда рядъ страшныхъ землетрясеній на островѣ, саранча и нѣсколько лѣтъ засухи довели населеніе до крайняго бѣдствія. Насколько велики были ея благодѣянія острову, видно изъ того, что и до сихъ поръ нѣтъ на немъ города и селенія, гдѣ бы не существовало легенды объ ея пребываніи, чудесахъ и милостяхъ. Кипріотской церкви она принесла въ даръ часть древа отъ креста Спасителя и крестъ, на которомъ былъ распятъ вмѣстѣ съ Нимъ раскаявшійся разбойникъ. Въ XI столѣтіи императоръ Алексѣй Комненъ принесъ въ даръ той же церкви драгоцѣннѣйшую святыню—икону Божьей Матери, писанную евангелистомъ Лукой; она находится въ Киксскомъ монастырѣ, носитъ названіе „Панаіи Киксской" и является чудотворной покровительницей острова, которую чтутъ даже и сами мусульмане, а наши русскіе паломники ко гробу Господню заѣзжаютъ на Кипръ для поклоненія ей. Изъ множества святыхъ кипрскихъ наша церковь въ особенности чтитъ угодниковъ: Епифанія, Ѳеодосія, Спиридона, Георгія и Екатерину.

За время владычества Византіи на Кипрѣ образовалось довольно значительное и пестрое населеніе иновѣрческое – армянъ, маронитовъ, несторіанъ или халдеевъ, яковитовъ, имеретинъ, грузинъ, коптовъ или абисинцевъ, цыганъ, пришедшихъ изъ Египта, и евреевъ, явившихся сюда въ самомъ бѣдственномъ и приниженномъ положеніи.

Въ первой главѣ нашей статьи мы объяснили уже, какимъ путемъ, въ концѣ XII вѣка, образовалось на островѣ Кипрѣ феодальное франкское королевство Лузиніановъ, носившихъ титулъ королей іерусалимскихъ, кипрскихъ и армянскихъ. Лузиніаны нашли островъ послѣ нашествій на него аравитянъ, начавшихся въ половинѣ VII вѣка, въ положеніи бѣдственномъ. Онъ нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ аравитянъ въ руки

грековъ, его города и села разрушались, населеніе спасалось бѣгствомъ на острова Архипелага и въ Сирію и бродило толпами съ своимъ духовенствомъ, нося на себѣ святыни своей церкви. Въ этотъ періодъ исчезли всѣ знаменитѣйшія сооруженія древности языческія, въ Паѳосѣ, Идаліи, Амафонтѣ, Саламинѣ, пощаженныя христіанами; Лузиніаны, за исключеніемъ нѣсколькихъ водопроводовъ, остальное все застали въ развалинахъ.

Основавъ тутъ феодальное государство съ герцогами, графами, маркизами, баронами и раздавъ имъ лены, они водворили и латинскую церковь. Папа Целестинъ III поставилъ своего архіепископа въ Никозіи и трехъ епископовъ—въ Паѳосѣ, Лимасолѣ и Фамагустѣ, т. е. тамъ, гдѣ были и архіепископъ и епископы кипрской церкви апостола Варнавы. Латинская церковь была объявлена господствующею и вскорѣ стала проявлять свою нетерпимость къ схизматикамъ-кипріотамъ; но глухой ропотъ населенія далъ понять Лузиніанамъ опасность отъ такого усердія не по разуму католическихъ прелатовъ, и они сдержали ихъ въ надлежащихъ границахъ. За то латинская церковь, обставивъ себя великолѣпною помпою, понастроивъ аббатствъ и монастырей готической архитектуры, стала оказывать особое покровительство армянамъ, маронитамъ и т. д. Нельзя не замѣтить, что армяне на востокѣ въ особенности какъ-то сближались съ франками и вообще латинянами и были съ ними всегда заодно въ Сиріи—противъ турокъ, арабовъ и грековъ, въ Константинополѣ—противъ грековъ и болгаръ. Отдѣленные отъ всѣхъ восточныхъ исповѣданій своимъ собственнымъ церковнымъ обрядомъ, съ необыкновенною точностію ими сохраняемымъ, а затѣмъ и общею къ себѣ ненавистью, они льнули къ франкамъ, имѣя въ виду, главнымъ образомъ, матеріальные свои интересы, которые, какъ извѣстно, они никогда и нигдѣ не позабываютъ. Сближеніе такъ пошло успѣшно, что между ними пошли браки, а затѣмъ и родственныя связи. Всѣхъ королей Лузиніановъ, со включеніемъ и Екатерины Корнаро, было семнадцать. Первые изъ нихъ управляли островомъ настолько умѣло, что снискали себѣ среди населенія популярность. Они сами и ихъ феодальные бароны обстроились укрѣпленными замками, искусно защищали берега Кипра отъ многочисленныхъ пиратовъ, сновавшихъ по Средиземному морю, и блистательно отражали нашествія сарацинъ, египетскихъ султановъ и турокъ; но по мѣрѣ того какъ пылъ крестовыхъ по-

ходовъ началъ охлаждаться и новыя боевыя силы стали менѣе притекать изъ Европы, кипрскіе бароны пошли и сами отсюда эмигрировать. Защита острова отъ пиратовъ и отраженіе нашествія мусульманъ дѣлались все менѣе надежными, престижъ Лузиніановъ падалъ, и дошло наконецъ до того, что генуэзцы напали въ 1376 году, при королѣ Петрѣ II, на Фамагусту и ею завладѣли. Король и преемникъ его Яковъ I не смогли, несмотря на неоднократныя попытки, ихъ отсюда вытѣснить, а при наслѣдникѣ Якова I, Янусѣ, надъ Кипромъ разразился цѣлый рядъ бѣдствій: чума, саранча, война съ египетскимъ пашей и, наконецъ, плѣненіе въ ней самого короля. Янусъ шесть лѣтъ томился въ Каирѣ, пока не внесъ за себя шесть тысячъ дукатовъ выкупа. Іоаннъ II, преемникъ его, не имѣя законныхъ сыновей, сдѣлалъ наслѣдницей своей дочь, Шарлоту, выдавъ ее замужъ за Людовика, герцога Савойскаго. Но она не долго удержалась на тронѣ. Незаконнорожденный братъ ея, Яковъ, бѣжалъ къ египетскому султану, съумѣлъ снискать его расположеніе и, получивъ отъ него значительное войско, напалъ на Фамагусту, выбилъ оттуда генуэзцевъ и потребовалъ отъ сестры уступки ему престола. У Якова, какъ человѣка мужественнаго, доказавшаго на дѣлѣ свою храбрость, образовалась сильная партія; Шарлота искала убѣжища въ Киринейской крѣпости, гдѣ держалась въ теченіе трехъ лѣтъ, но, оставленная всѣми, принуждена была наконецъ удалиться въ Европу и тамъ отреклась отъ своихъ королевскихъ правъ въ пользу Карла I-го, герцога Савойскаго, брата покойнаго ея мужа, что́ ни мало не помѣшало незаконнорожденному Якову короноваться и сдѣлаться кипрскимъ королемъ Іаковомъ II. Освободивъ островъ отъ генуэзцевъ, онъ попалъ, однакожъ, въ зависимость венеціанцевъ, владѣвшихъ на островѣ большими имѣніями и значительными капиталами; они запутали его своими финансовыми услугами, и одинъ изъ нихъ, милліонеръ, по фамиліи Корнаро, женилъ его на своей красавицѣ дочери, Екатеринѣ. Послѣ его смерти, а также и смерти малютки, его сына, Венеція подобрала себѣ Кипръ, обставивъ королеву всѣми удовольствіями жизни и роскошью. Переѣхавъ въ Венецію, она тамъ и скончалась. По словамъ монаха Степана Лузиніана [1]), послѣ Іакова II-го осталось завѣщаніе, кото-

---

[1]) Déscription de toute l'isle de Cypre et des rois, princes et seigneurs qui ont comandé en icelle jusqu'à l'an 1572, par le K. P. Fr. Estienne de

рымъ, въ случаѣ пресѣченія законнаго потомства его отъ брака съ Екатериной Корнаро, онъ передавалъ корону побочному сыну своему Янусу, прижитому имъ до брака. Понятно, что если такое завѣщаніе дѣйствительно существовало, то не въ интересахъ венеціанцевъ было его поддерживать, и они, конечно, приняли свои мѣры, чтобы не дать ему хода.

Если орденъ Меча, установленный Лузиніанами, имѣвшій девизомъ своимъ „*pour loyauté maintenir*", указывалъ на благородную и безкорыстную основу ихъ царственной дѣятельности, то венеціанская республика не руководствовалась такими традиціями и дальше эксплоатаціи въ свою пользу населенія и естественныхъ богатствъ острова не пошла. Не задолго до захвата Кипра она имѣла первое столкновеніе съ Турціею. Въ 1463 году султанъ Магометъ II объявилъ ей войну и принудилъ уступить ему Крою и Скутари въ Албаніи, острова Негропонтъ и Лемносъ въ Архипелагѣ, съ обязательствомъ платить ежегодную дань въ 10 тысячъ дукатовъ. Венеція старалась послѣ того сохранять добрыя отношенія съ султаномъ; но итальянскіе ея враги вскорѣ нарушили ихъ, и въ 1499 г. Магометъ напалъ на островъ Корфу, принадлежавшій республикѣ, и послалъ флотъ въ 300 кораблей и громадное войско къ берегамъ Далмаціи. На помощь венеціанцамъ явились родосскіе рыцари, двадцать два французскихъ корабля, а въ то же время польскій король и персидскій шахъ, опасаясь усиленія Турціи, сдѣлали диверсію въ пользу Венеціи. Это спасло ее на этотъ разъ, турокъ отбили, послѣ чего начались у нея несогласія съ итальянцами и французами, возгорѣлась новая война, въ которую вмѣшался германскій императоръ; она тянулась слишкомъ двадцать лѣтъ съ перерывами и покончилась крайне невыгодно для Венеціи. Императоръ заставилъ республику заплатить себѣ выкупъ за прежнія ея владѣнія на итальянскомъ материкѣ 300 тысячъ дукатовъ. Затѣмъ составился у нея союзъ съ папой, императоромъ и мальтійскими рыцарями противъ Турціи. Съ этой поры начинается замѣтный упадокъ Венеціи, особенно въ торговомъ отношеніи. Открытіе новаго пути вокругъ мыса Доброй Надежды отняло у ней монополію въ торговлѣ съ Востокомъ, а частыя столкновенія съ Турціей совершенно ее истощили.

Lusignan de la royale maison de Cypre, lecteur en théologie aux frères Prescheurs, de présent à Paris, in 4°, 1580.

Все это отзывалось и на Кипрѣ. Республика тянула съ него все, что только могла, облагала населеніе непосильными налогами и мало заботилась о внутреннемъ его благоустройствѣ. Рыцари, бароны и вообще французы спѣшили вернуться въ свое отечество; съ ихъ отъѣздомъ мѣстный боевой элементъ исчезалъ и давалъ просторъ пиратамъ, безпощадно грабившимъ береговые города и села и увозившимъ оттуда жителей для продажи на невольничьихъ рынкахъ. Такъ протянулось столѣтнее владычество Венеціи на Кипрѣ и покончилось трагически.

Султанъ Селимъ II, глубоко развращенный государь, не соображавшійся съ государственными интересами, когда дѣло шло о его личныхъ прихотяхъ, давно уже помышлялъ о захватѣ Кипра, потому только, что тамъ было прекрасное, любимое его вино. Португальскій жидъ, Іосифъ Наси, состоявшій при немъ въ той же роли, какъ нѣкогда Петроній при Неронѣ, и носившій титулъ герцога Цикладскаго, мечталъ сдѣлаться кипрскимъ королемъ, а потому безпрестанно напоминалъ султану о его намѣреніи отнять островъ у венеціанцевъ. Наконецъ, онъ добился своего. 1-го августа 1570 года, турецкій флотъ появился передъ Лимасолемъ и сдѣлалъ дессантъ стотысячной арміи. Никозія держалась недолго и, когда сдалась, въ ней вырѣзано было до 20 тысячъ душъ; пришла очередь Фамагусты, та защищалась съ замѣчательнымъ мужествомъ въ теченіе цѣлаго года, и лишь недостатокъ снарядовъ и съѣстныхъ припасовъ заставилъ коменданта цитадели, венеціанца Брагандино, сдаться на капитуляцію подъ условіемъ свободнаго пропуска гарнизона. Турки не стѣснились нарушить его, перерѣзали вышедшій гарнизонъ, самого Брагандино подвергли страшнымъ истязаніямъ, содрали съ него кожу и, набивъ изъ нея чучело, послали въ Стамбулъ. Кипръ былъ покоренъ, и отсюда пошла для него темная, непроглядная ночь варварскаго владычества турокъ.

Латинскіе монастыри и аббатства еще при венеціанскомъ владычествѣ стали пустѣть, а при туркахъ и совсѣмъ запустѣли, церковь апостола Варнавы, переживъ четырехвѣковое давленіе латинства, снова стала господствующею и самоотверженно приняла на себя святую миссію попеченія о нуждахъ бѣдствующей своей паствы. Турки во всѣхъ покоряемыхъ ими христіанскихъ земляхъ избирали посредниками между собой и населеніемъ высшее духовное лицо, оказывали ему, до

поры до времени, почетъ, и такимъ образомъ оно становилось руководящимъ духовными и свѣтскими дѣлами своего народа. Такъ было, какъ мы видѣли, у армянъ, то же образовалось и у кипріотовъ-грековъ, и ихъ митрополитъ-патріархъ получилъ до извѣстной степени возможность, конечно, цѣною крупныхъ магарычей и взятокъ, вліять на турецкія власти. Это повело къ тому, что изъ среды латинянъ, оставшихся на островѣ и не имѣвшихъ у себя такого ближайшаго защитника, пошло обращеніе въ православіе. Церковь апостола Варнавы принимала съ особенною радостію такихъ неофитовъ, тѣмъ болѣе, что между ними попадались и потомки славныхъ историческихъ родовъ крестоносцевъ, она высоко ихъ цѣнила и конечно охраняла метрики, доказывающія ихъ происхожденіе. Нѣтъ ничего невѣроятнаго, что въ числѣ подобныхъ древнихъ родовъ были и потомки Лузиніановъ.

Что происходило на Кипрѣ съ конца XVI по конецъ XVIII вѣка, сказать съ отчетливостію покуда нельзя, такъ какъ если и существуютъ относительно этого періода какіе-либо историческіе матерьялы въ мѣстныхъ источникахъ, то они еще не тронуты. Посѣщавшіе впрочемъ еще въ недавнее время Кипръ туристы говорятъ, что при тамошнихъ монастыряхъ и церквяхъ нѣтъ ни библіотекъ, ни архивовъ; истреблены они турками при періодическихъ истребленіяхъ христіанъ. Островъ, какъ и всѣ турецкіе острова Средиземнаго моря, подчинялся въ эту пору безконтрольному управленію капудана-паши, т. е. генералъ-адмирала турецкаго флота, облеченнаго неограниченною властію, въ цѣляхъ преслѣдованія пиратовъ, кишившихъ на этихъ островахъ и образовавшихъ сильную организацію, которая дѣйствовала подъ часъ и въ руку христіанъ. Каково было управленіе капудана-паши, можно видѣть изъ того, что въ концѣ прошлаго столѣтія, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, на Кипрѣ населеніе не доходило и до 100 т. душъ. Въ это же время началась и реакція. Кучукъ-Кайнарджійскій миръ, заставившій турокъ отказаться въ Закавказьи отъ дани съ христіанъ „*отроками* и *отроковицами*“, которыми комплектовались ряды янычаръ и гаремы, былъ лучемъ свѣта для всей забитой и безгласной раіи. Она поняла тогда же, что изъ Закавказья это неминуемо распространится, благодаря нашей настойчивости, и на другія христіанскія страны Турціи, и не ошиблась. Западныя государства Европы, такъ давно и упорно боровшіяся съ турками, не додумались до подобной инпціативы по своей

ненависти къ схизматикамъ, а потому и не могли встрѣчать той искренности сочувствія ихъ, которою тѣ дарили наше отечество. Духовное единеніе наше съ Византіей, начавшееся съ крещенія Руси равноапостольнымъ княземъ Владиміромъ, ни мало не ослабѣвшее въ теченіе двухъсотлѣтняго монгольскаго ига, въ особенности окрѣпло въ ту пору, когда, освободившись отъ татаръ, мы образовали у себя московское царство, а единовѣрный намъ Востокъ и Византія подпали подъ власть турокъ. Мы по себѣ знали, что̀ значило быть мусульманскою раіею, а потому въ сочувствіи нашемъ къ грекамъ и другимъ порабощеннымъ христіанскимъ народамъ не было и тѣни сантиментальности. Русскій православный народъ съ глубокою сердечностію и искренностію встрѣчалъ всѣхъ пришельцевъ оттуда и, начиная съ самаго Царя до послѣдняго крестьянина, всякій отдавалъ все, что только могъ, угнетеннымъ братьямъ. Понятно, что, видя къ себѣ такое сочувствіе, шли къ намъ эти несчастные люди и, возвращаясь домой, щедро одаренные, внушали увѣренность своимъ землякамъ, что рано или поздно русскій царь ихъ освободитъ отъ турокъ. Да и понятно также и то, что эта святая миссія сдѣлалась завѣтомъ для православнаго царя и его народа. Съ злорадствомъ глядѣли на эти наши связи съ греками на Западѣ. „Греки",—писалъ въ 1670 году, англійскій историкъ Рико,—изъ всѣхъ государей христіанскихъ болѣе всего чтятъ московскаго царя и преданы ему всею душою, они называютъ его своимъ покровителемъ и императоромъ, и вѣрятъ въ существующее у нихъ пророчество, что онъ долженъ возстановить ихъ церковь". „Они утѣшаютъ себя надеждою, — говоритъ Турнефоръ, путешествовавшій въ 1700 году по Архипелагу, что московскіе цари извлекутъ ихъ изъ бѣдствія, ими переносимаго, и разрушатъ Турцію?—„Они увѣрены", говоритъ іезуитъ Сусье, миссіонеръ въ Салоникахъ, въ 1708 году, что русскій царь освободитъ ихъ современемъ отъ турецкаго владычества". Эти пророчестваo ченъ не нравились Европѣ и, вмѣсто сочувствія къ порабощеннымъ христіанамъ на востокѣ, Франція, Англія и Голландія, оспаривавшія другъ у друга преобладаніе на Средиземномъ морѣ и заискивавшія другъ передъ другомъ расположенія къ себѣ Порты, всячески старались возбудить въ ней опасеніе относительно приближенія нашего къ Черному морю, а въ то же время Польша и Швеція въ союзѣ съ нѣмцами и крымскимъ ханомъ не на шутку замышляли

наше полное разгромленіе, и Карлъ XII-й до того былъ увѣренъ въ успѣхѣ своего похода, что, разсчитывая, при измѣнѣ Мазепы, на крымскаго хана, явился подъ Полтаву съ 16-ти тысячною только арміей. Къ счастію для христіанскихъ народовъ Турціи, всѣ эти интриги и ковы противъ насъ парализовались всегда собственною внутреннею неурядицею западныхъ государствъ и счетами ихъ между собою, порождавшими безпрерывныя войны на материкѣ Европы, мы же тѣмъ временемъ шли да шли себѣ впередъ, и во всѣхъ нашихъ войнахъ съ турками постоянно находили надежныхъ и естественныхъ союзниковъ въ мѣстномъ населеніи, что̀ и обезпечивало намъ успѣхъ.

Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, имѣя уже свой черноморскій флотъ, мы свободно выходили, въ силу Букарештскаго трактата, въ Средиземное море, и вопросъ о проливахъ озабочивалъ не турокъ, а французовъ и англичанъ...

Реформы Порты, послѣдовавшія за Кучукъ-Кайнарджійскимъ миромъ, коснулись и Кипра; онъ, какъ и другіе острова, взятъ былъ изъ компетенціи капудана-паши, а управленіе имъ возложено было на особаго губернатора, получившаго право собирать указанныя ему статьи доходовъ въ свою пользу, съ обязанностію платить Портѣ 25 тыс. фунтовъ стерлинговъ и руководствоваться данною ему инструкціею въ дѣлахъ администраціи. Даже и этотъ способъ оказался въ сравненіи съ режимомъ капудана-паши шагомъ впередъ къ лучшему, и островъ сталъ снова заселяться, тогдашнее же наше сосѣдство съ Кипромъ при оккупаціи нами Іоническихъ острововъ сдерживало губернатора въ предѣлахъ гуманности.

Но вотъ въ началѣ двадцатыхъ годовъ вспыхнуло греческое возстаніе. Гетеріи и паликары, негласно поддерживаемые комитетами, разбросанными по всей Европѣ, со включеніемъ и Петербурга, дружно сплотились между собою и подняли знамя освобожденія отъ вѣковаго рабства. Движеніе это быстро распространилось по Архипелагу и сообщилось Кипру. Испытывая съ инсургентами одни лишь неудачи и пораженія, турки позабыли, что живутъ въ XIX столѣтіи, и вернулись къ своимъ прежнимъ пріемамъ. Кровь полилась, пощады ни женщинамъ, ни дѣтямъ не давалось; нашли, что и этого мало, и 21 апрѣля 1821 года, въ день Пасхи, во время богослуженія, константинопольскіе фанатики мусульмане ворвались въ соборъ, вытащили оттуда вселенскаго патріарха Григорія, трехъ архі-

епископовъ, восемьдесятъ епископовъ, архимандритовъ, священниковъ и всѣхъ ихъ повѣсили передъ патріаршимъ домомъ. Такое неистовство турокъ еще болѣе воодушевило грековъ, они рѣшили умереть, но не сдаваться, что и оправдывали на дѣлѣ. Четыре года уже продолжалась ужасная драма, когда, въ 1825 году, губернаторъ острова Кипра, Ахметъ паша, видя возрастающее сочувствіе кипріотовъ къ инсургентамъ Мореи, повторилъ у себя константинопольское избіеніе. Пригласивъ митрополита съ его духовенствомъ и почетнѣйшихъ жителей Никозіи, будто бы на совѣщаніе, всѣхъ ихъ, до восьмидесяти человѣкъ, приказалъ приколоть, и затѣмъ начались повсемѣстныя избіенія на островѣ, продолжавшіяся цѣлый мѣсяцъ.

Россія вышла наконецъ изъ нейтральнаго положенія, когда увидѣла, что для вразумленія турокъ недостаточнымъ оказалось и Наваринское сраженіе, и 20 апрѣля 1828 года послѣдовалъ манифестъ о войнѣ, блистательно покончившейся Адріанопольскимъ миромъ. Греція получила полную независимость, а вмѣстѣ съ тѣмъ правовое положеніе всѣхъ христіанскихъ подданныхъ Оттоманской монархіи настолько улучшилось, что они вездѣ вздохнули свободнѣе и перестали считаться безгласною раіею.

Эта война была у насъ популярнѣйшею изъ всѣхъ турецкихъ войнъ и въ продолженіи многихъ лѣтъ спустя богатые дома и крестьянскія избы украшались у насъ портретами нашихъ полководцевъ и героевъ грековъ. По Адріанопольскому трактату, Турція обязалась уплатить намъ 125 мил. франк. контрибуціи и болѣе 10 милліоновъ для вознагражденія нашихъ купцовъ и всѣхъ пострадавшихъ отъ войны. Понаѣхала тогда къ намъ масса именитыхъ молдаванъ, валаховъ, грековъ, сербовъ и т. д., обиженныхъ и разоренныхъ, и всѣ они искали своего удовлетворенія. Не мало лицъ съ княжескими фамиліями, ведущими свое происхожденіе отъ греческихъ императоровъ, разгуливало тогда десятки лѣтъ по Петербургу и хлопотало о себѣ въ министерствѣ, помѣщающемся противъ Александровской колонны. Говорили, что въ числѣ ихъ находится и королевскій принцъ Іерусалима, Кипра и Арменіи, Людовикъ Лузиніанъ, совершенно обобранный турками и имѣющій при себѣ несомнѣнныя доказательства какъ своего высокаго происхожденія, такъ утраченныхъ имѣній и сокровищъ на Кипрѣ въ эпоху греческаго возстанія.

Года шли, оккупація наша Балканскаго полуострова покон-

чилась, турки заплатили всю сполна контрибуцію, княжества получили автономію, война стала позабываться, выступили впередъ новые интересы, новые дѣятели, новые вопросы сороковыхъ годовъ и послѣ всего этого, въ сентябрѣ 1851 года, въ Journal de St. Petersbourg, появилась слѣдующая замѣтка:

„Имя госпожи Кайлія, игравшей столь важную роль въ царствованіе Людовика XVIII-го, снова дало о себѣ знать публикѣ процессомъ, который эта особа выиграла въ Бордосскомъ судѣ. Маркиза Кайлія, 15 лѣтъ тому назадъ еще молоденькая и красавица, оставила свою политическую карьеру и удалилась отъ свѣта. Въ этомъ уединеніи попали ей въ руки бумаги маркиза Лузиніана, недавно передъ тѣмъ скончавшагося; она нашла въ нихъ факты для начатія судебнаго процесса въ пользу фамиліи Лафаетовъ, предложила маркизу Жоржу Лафаету вести дѣло на ея счетъ, съ условіемъ, въ случаѣ успѣха, подѣлить между собой все имѣніе Лузиніана. Она дѣйствительно выиграла процессъ, который принесъ ей 1.200.000 франковъ, т. е. во что̀ была оцѣнена половина дачи имѣнія, находящагося въ Бри.

„Лузиніаны царствовали на Кипрѣ до конца XV-го столѣтія. Въ 1570 году, когда султанъ Селимъ II-й отнялъ этотъ островъ у венеціанцевъ, нѣкоторые изъ Лузиніановъ вернулись во Францію, а другіе остались на востокѣ. Потомки этой послѣдней вѣтви владѣли землями на Кипрѣ еще до 1821-го года.

„Одинъ изъ нихъ, признанный и правительствомъ, сохраняющій во всѣхъ своихъ документахъ титулъ анакса-принца королевской крови, высочества—князь Людовикъ Третруа Пелендри Лузиніанъ—очень заинтересованъ вышеупомянутымъ процессомъ, такъ какъ онъ полагаетъ, что право владѣнія имѣніями Лузиніановъ скорѣе должно принадлежать самимъ Лузиніанамъ, чѣмъ Лафаетамъ.

„Желательно было бы поэтому знать: можетъ ли онъ, кн. Людовикъ, надѣяться на возстановленіе своихъ правъ во Франціи, что̀ именно слѣдуетъ ему для того предпринять, какъ дѣйствовать, какіе будутъ тутъ расходы, не помѣшаетъ ли ему давность, какъ приходится маркизъ Жоржъ Лафаетъ родственникомъ маркизу Лузиніану, какими документами доказывается ихъ родство и, наконецъ, гдѣ теперь находятся всѣ эти лица?“

Эта статья показывала только, что князь, или принцъ, Лузиніанъ проживаетъ все еще у насъ въ Петербургѣ, а зачѣмъ живетъ и что онъ тутъ дѣлаетъ, никого не заинтересовало;

но слишкомъ десять лѣтъ спустя, 28-го января 1863 года, появившаяся въ № 27 „Сѣверной Пчелы“, новая статья о томъ же кипрскомъ принцѣ обратила уже на себя общее вниманіе. Приводимъ ее здѣсь дословно:

Еще кандидаты на престолъ греческаго королевства (Къ издателю „Сѣверной Пчелы“).

„Вотъ еще новая кандидатура на греческій престолъ, заключающаяся въ двухъ лицахъ, проживающихъ въ Россіи, предки которыхъ нѣкогда царствовали надъ народомъ одного племени и одного происхожденія съ эллинами.

„Здѣсь идетъ рѣчь о древнѣйшей европейской фамиліи Лузиніановъ (Lusignan), которая еще со времени крестовыхъ походовъ начала свое царствованіе на Востокѣ, а именно, въ Іерусалимѣ, Кипрѣ и Арменіи. Члены этой фамиліи находились, между прочимъ, въ ближайшихъ родственныхъ связяхъ съ двумя императорскими династіями Византійской имперіи, именно съ домомъ Кантакузеновъ и съ династіей Палеологовъ.

„Потомки же королевской династіи Лузиніановъ и по настоящее время сохранились, и послѣдними представителями ея служатъ два лица: отецъ и сынъ. Первый - принцъ Луи Лузиніанъ, послѣдній—принцъ Михаилъ Лузиніанъ, еще находящійся въ юношескомъ возрастѣ. Оба эти принца принадлежатъ къ православной восточной церкви. Помянутые принцы и есть новые кандидаты на открывшуюся вакансію греческаго короля.

„Считаемъ неизлишнимъ сказать, что еслибы греки захотѣли принять въ соображеніе какъ вѣру, такъ и то, что предки Лузиніановъ царствовали надъ народомъ одного съ ними племени, а главное, родство ихъ съ византійскими императорами, то конечно они, т. е. греки, нашли бы, что кандидатура этихъ двухъ принцевъ передъ всѣми до сихъ поръ бывшими имѣетъ гораздо болѣе преимуществъ и даже правъ на ихъ корону“.

Изъ какого бы источника ни выходила эта статья, имѣвшая, какъ и предыдущія, характеръ рекламы, только она не помѣшала датскому принцу Георгу, нынѣ благополучно царствующему королю Греціи, тогда же занять вакантный ея тронъ.

Прошло три года, и 18 ноября 1866 года, въ № 288, газета „Биржевыя Вѣдомости“ опять напомнила о кипрскомъ принцѣ. „Въ № 263 „Биржевыхъ Вѣдомостей“,—писали они—было помѣщено свѣдѣніе о томъ, что потомки королевской фамиліи

Лузиніановъ (Lusignan) именно: королевскій принцъ Луи и его сынъ принцъ Михаилъ остаются въ полномъ убѣжденіи получить, при содѣйствіи европейскихъ державъ, съ турецкаго правительства принадлежащій имъ капиталъ, превышающій сумму 320.000.000 франковъ (80 мил. р. сер.), и что обстоятельство это можетъ имѣть, между прочимъ, вліяніе на ходъ политическихъ событій на востокѣ.

„Нынѣ намъ сообщаютъ, что эти претенденты, угрожающіе финансамъ Турецкой имперіи, происходятъ по прямой линіи отъ той знаменитой и извѣстной своимъ богатствомъ королевской династіи Лузиніановъ, которая еще со временъ крестовыхъ походовъ начала свое царствованіе и въ продолженіе многихъ вѣковъ царствовала на востокѣ, а именно: въ Кипрѣ, Іерусалимѣ и Арменіи“.

Замѣтка эта перечатана была на другой же день и въ № 250 „Вечерней газеты“.

Послѣ одиннадцати-лѣтней паузы снова появилось печатное напоминаніе о кипрскомъ принцѣ, на этотъ разъ въ № 220 „Петербургскаго листка“, отъ 12 ноября 1877 г.

„*Еще по поводу капиталовъ князя Лузиніана.* Въ С.-Петербургѣ находится князь Луи-де Лузиніанъ, потомокъ рода Лузиніановъ, царствовавшаго на востокѣ со времени первыхъ крестовыхъ походовъ въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Еще отецъ его Христодулъ, именовавшійся принцемъ кипрскимъ, іерусалимскимъ и армянскимъ и королемъ острова Кипра, жилъ до кончины своей въ части прежнихъ владѣній своихъ, на островѣ Кипрѣ и имѣлъ, сверхъ того, громадный капиталъ, хранившійся въ Константинополѣ, въ кассѣ никомидійскаго митрополита Аѳанасія (родственника его по женѣ). 29 декабря 1820 года, митрополитъ Аѳанасій, препровождая принцу Христодулу Лузиніану 50 т. червонцевъ, писалъ: „великій принцъ! Я привелъ въ извѣстность вашъ капиталъ, хранящійся въ моей кассѣ: голландскихъ червонцевъ 4.800.000, испанскихъ дублоновъ 495 т., махмудій 170 т., рупій 200 т., испанскихъ талеровъ 3.169.485, серебряныхъ русскихъ рублей 600 т.“

„Весь этотъ капиталъ, равно и свое недвижимое имѣніе, принцъ Христодулъ Лузиніанъ отказалъ по духовному завѣщанію, отъ 22 февраля 1821 года, единственному сыну своему и наслѣднику, князю Луи. Но этому послѣднему не суждено было воспользоваться этимъ богатствомъ. 10 апрѣля 1821 года, въ день Св. Пасхи, по приказанію турецкаго султана Махму-

да II-го и распоряженіемъ визиря его Бендерли-Али-паши, повѣсили никомидійскаго митрополита Аѳанасія вмѣстѣ съ патріархомъ Григоріемъ и другими архіереями. Турецкое правительство, конфискуя имущество митрополита, вмѣстѣ съ тѣмъ захватило и присвоило себѣ весь исчисленный громадный капиталъ Лузиніановъ. При этомъ Луи Лузиніанъ чуть было не подвергся печальной участи своего дяди (митрополитъ былъ роднымъ братомъ матери его) и спасся, только благодаря испанскому послу при турецкомъ дворѣ и знакомымъ ему англичанамъ, членамъ британскаго библейскаго общества, которые укрывали его у себя нѣсколько дней. Черезъ годъ онъ прибылъ въ Аѳины и поступилъ въ греческую службу, но позже, въ 1828 году, Луи Лузиніанъ явился въ Россію, изъявилъ желаніе поступить въ русскую военную службу и, по всемилостивѣйшему соизволенію въ Бозѣ почившаго Государя Императора Николая Павловича, былъ зачисленъ въ одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ съ чиномъ капитана, находился въ походахъ и сраженіяхъ, а по окончаніи турецкой войны, вышелъ въ отставку. Преслѣдуя цѣль взысканія съ турецкаго правительства захваченнаго имъ громаднаго капитала Лузиніановъ, онъ постоянно встрѣчалъ препятствія къ ея осуществленію, а, между тѣмъ, его средства къ жизни, въ продолженіе такого значительнаго періода времени, постоянно истощаясь, довели его до крайности. Князь Луи Лузиніанъ родился 19 апрѣля 1808 года. Онъ имѣетъ всѣ документы на принадлежность ему означенныхъ капиталовъ, захваченныхъ турецкимъ правительствомъ, и несмотря на свои преклонныя лѣта, остается въ полной надеждѣ, что хотя быть можетъ часть этихъ капиталовъ могла бы быть ему возвращена, еслибы на его права было обращено вниманіе. Онъ готовъ пожертвовать половину той суммы, которая будетъ ему возвращена въ пользу того, кто приметъ на себя ходатайство и искъ по этому дѣлу".

Газетныя сообщенія о принцѣ кипрскомъ, проживающемъ въ Петербургѣ, урывками продолжались и дальше; но новыхъ данныхъ о его личности не прибавляли, а между тѣмъ рождали два вопроса: 1) Насколько все сообщаемое объ этомъ лицѣ было достовѣрно? 2) Если было достовѣрно все, то почему же онъ въ своихъ справедливыхъ домогательствахъ не искалъ себѣ прямой поддержки у нашего правительства, а возлагалъ надежды на европейскія державы?

Пользуясь не изданными до сихъ поръ документами и въ

виду того, что Луи-де-Лузиніанъ давно уже покоится на Смоленскомъ кладбищѣ, попытаемся дать отвѣты на эти вопросы, и тогда, быть можетъ, читатели не найдутъ излишнимъ нашъ вступительный историческій очеркъ Кипра.

V.

Нѣкто Людовикъ Христодуло Пелендри Третруа, проживая въ 1833 году въ Букарестѣ, ходатайствуетъ, при посредствѣ нашего министерства иностранныхъ дѣлъ о вознагражденіи его турецкихъ правительствомъ, какъ пострадавшаго отъ нападенія на него, въ предѣлахъ Турціи, разбойниковъ и, получилъ отказъ, пріѣзжаетъ въ 1839 году въ Петербургъ для хлопотъ по тому же дѣлу.—Потерпѣвъ и тутъ неудачу, онъ проситъ Государя о выдачѣ ему пособія для возвращенія на родину. — По Высочайшему повелѣнію ему назначена для сего выдача 300 р., но онъ медлитъ своимъ выѣздомъ, дотягиваетъ пребываніе свое въ Петербургѣ до декабря 1843 года, а въ это время подпадаетъ подъ уголовное слѣдствіе.

Въ октябрѣ 1833 года, министромъ иностранныхъ дѣлъ графомъ Нессельроде получено было на плохомъ французскомъ языкѣ слѣдующее письмо:

Ваше Превосходительство,

Извѣстная всѣмъ черезмѣрная ваша доброта даетъ мнѣ смѣлость, при подачѣ прошенія на Высочайшее имя, при семъ прилагаемаго, просить васъ принять во вниманіе мою жалобу, исполненную одной лишь истины и вытекающую изъ глубины искренняго сердца. Умоляю васъ довести ее до Государя и поддержать своимъ милостивымъ словомъ. Съ совершеннымъ почтеніемъ и проч.

Людовикъ Христодуло Пелендри Третруа.

Букарестъ
25 сентября 1833 г.

Приложенія къ письму:

Копія № 1. *переводъ съ греческаго.*

1833 г., августа 4-го, Букарестъ.

Я нижеподписавшійся симъ удостовѣряю, что въ іюнѣ мѣсяцѣ 1831 года, во время поѣздки своей вмѣстѣ съ г-мъ Луи Христодуло Пелендри Третруа въ Константинополь, недалеко отъ

Коварны, въ мѣстности, называемой Дели-Орманъ, напали на насъ турецкіе разбойники. Нѣсколько человѣкъ изъ насъ принуждены были искать спасенія въ сосѣднемъ лѣсу, гдѣ спрятались, бросивъ свои экипажи, при которыхъ остались нашъ слуга и г. Луи, а турки не только ихъ истиранили, но и ограбили до чиста. Бумаги, находившіяся при г. Луи, были ими изорваны. Вслѣдствіе чего по возвращеніи изъ лѣса, увидавъ случившееся и самого г. Луи въ самомъ печальномъ положеніи, о томъ и свидѣтельствую, скрѣпляя своею подписью.

Николай Д. X. Игнатіонъ. Свидѣтельствую, что, увидавъ г. Луи въ бѣдственномъ положеніи, ограбленнаго, помогъ ему ссудою (размѣръ не обозначенъ) по своимъ средствамъ.

Петръ Димонъ.

Я также помогъ по своимъ средствамъ Панагіоти Зервасъ.
Я " " " Никола Хаджи.
Я " " " Константинъ Элефтеріадесъ.

Писано по-французски: удостовѣряю Ж. М. Раймондъ.

Я нижеподписавшійся слышалъ о несчастномъ приключеніи г. Луи и, видя его въ бѣдственномъ положеніи, помогъ ему по христіанству, сколько могъ. Букарестъ, 7-го августа 1833 г. Костаки Чигасъ, и русскій переводчикъ.

Переводъ съ молдавскаго.

Я нижеподписавшійся, сличивъ копію съ подлинникомъ, нашелъ ее вѣрною, что̀ и удостовѣряю приложеніемъ печати. 1833 г. 6 сентября. М. П. Коммиссаръ Эпурдоропуло. Временно управляющій валашскимъ консульствомъ, коллежскій совѣтникъ Котовъ удостовѣряетъ засвидѣтельствованіе, сдѣланное мѣстною полиціею.

Переводилъ съ греческаго М. Калакоци.

(Подлинный документъ обратно получилъ Луи Пелендри Третруа, подписался по-гречески).

Копія № 2. *Переводъ съ греческаго.*

Заявленіе.

Оставивъ свою родину въ малолѣтствѣ и не припоминая подписи своей фамиліи, я подписывалъ свои прошенія Его Императорскому Величеству фамиліею Луи Ангеловича. Впослѣдствіи, узнавъ отъ одного изъ своихъ родственниковъ, живущихъ здѣсь, что я происхожу изъ семейства, носящаго фа-

милію Пелендри Третруа, считаю долгомъ своимъ заявить, что на будущее время моя подпись будетъ Луи Христодуло Пелендри Третруа, а не Ангеловичъ, съ Кипра. *Подпись* Луи Христодуло Пелендри Третруа.

Я нижеподписавшійся удостовѣряю, что г. Савва Пелендри Третруа былъ дядей вышеподписавшагося Луи. Базилеонъ Неофилатонъ.

Переводилъ съ греческаго М. Калакоци.

(Подлинный документъ получилъ обратно Луи Пелендри Третруа. Подпись по-гречески).

Необходимо обратить вниманіе на то, что въ этомъ документѣ не проставлено *года*, *мѣсяца* и *числа* его составленія и не обозначено *мѣста*, въ которомъ жили родственники Луи Пелендри Третруа, называвшаго себя прежде Ангеловичемъ. Изъ удостовѣренія Базилеона Неофилатона видно только, что какой-то г. Савва Пелендри Третруа—дядя Луи.

Прошеніе къ Государю, по-французски.

Ваше Величество.

Примите благосклонно жалобу отъ всепокорнѣйшаго Вашего, который въ 1827 году, при отъѣздѣ лицъ, служащихъ въ императорской миссіи при Оттоманской портѣ изъ Константинополя, получилъ порученіе сопровождать ихъ въ Одессу. Пріѣхавъ въ этотъ городъ и зная языки французскій и турецкій, я принялъ мѣсто переводчика при его превосходительствѣ, генералѣ Дибичѣ, при которомъ служилъ въ лагерѣ слишкомъ два года подъ рядъ, употребляя, при Браиловѣ, Силистріи, Шумлѣ, Варнѣ, величайшее свое усердіе къ службѣ, перенося трудности, невзгоды и подвергая жизнь свою опасности. Между прочимъ, былъ при пашахъ Тульчинскомъ и Костенджинскомъ, представлявшихся Вашему Императорскому Величеству, когда Вы изволили проѣзжать близъ Карасу. Былъ посылаемъ генераломъ Бенкендорфомъ требовать сдачи крѣпости Варны. Государь, бумаги мои всѣ были въ исправности и удостовѣряли мою службу; но поѣхавъ на родину, на дорогѣ, въ лѣсу Дели-Орманъ я былъ ограбленъ до рубашки и въ числѣ похищеннаго у меня находились и мои аттестаты. Возстановивъ ихъ, при помощи очевидныхъ свидѣтелей случившейся со мною бѣды, разоренный, несчастный, павшій въ отчаяніе, вернулся я въ Букарестъ, и вотъ въ такомъ положеніи рѣшаюсь въ третій разъ повергнуть къ сто-

памъ Вашимъ прилагаемыя при семъ удостовѣренія и молю Вашей, всему свѣту извѣстной, отеческой милости. Обратите вниманіе на бѣдственное мое положеніе и службу при двухъ вышепоименованныхъ генералахъ.

Вашего Императорскаго Величества нижайшій и покорнѣйшій слуга, Луи Христодуло Пелендри Третруа.

(Подпись по-гречески).

Букарестъ
28 сентября 1833 г.

Изъ этого письма видно, что ему предшествовали еще два другихъ прошенія къ Государю того же содержанія и съ тѣми же удостовѣреніями, на которыхъ вѣроятно подписывался онъ фамиліею Пелендри Третруа, а не Ангеловича, и которыя, къ сожалѣнію, не отыскались. Между тѣмъ существуетъ достовѣрное указаніе на то, что при нашей миссіи въ Константинополѣ, съ половины двадцатыхъ годовъ до выѣзда ея оттуда, курьеромъ при ней состоялъ валашскій подданный Василій Ангеловичъ, а потому рождается предположеніе—не въ связи ли съ нимъ просителя слѣдуетъ искать разгадку его первоначальной фамиліи? Луи Ангеловичу, какъ мы увидимъ дальше, въ 1827 году, когда онъ сопровождалъ нашу миссію въ Одессу, было всего 19 лѣтъ, слѣдовательно, онъ былъ еще юношей, и возложили на него такое порученіе, вѣроятно, какъ на состоявшаго уже при ней годъ, два и испытаннаго въ своей расторопности и благонадежности, и взятаго на службу не иначе, какъ по особой рекомендаціи человѣка хорошо извѣстнаго миссіи. Необходимо припомнить, что въ тогдашнюю пору турецкіе христіане, всѣ безъ исключенія, рвались пристроиваться, такъ или иначе, къ русскимъ; между предлагающими свои услуги миссіи существовала огромная конкурренція, и весьма вѣроятно, что заслуженный уже курьеръ Василій Ангеловичъ нашелъ возможнымъ пристроить своего протеже, выдавъ его за своего однофамильца и родственника. Тогда вѣдь ни за метриками, ни за паспортами у христіанъ нельзя было гоняться, а собирать свѣдѣнія о желающихъ поступить къ намъ на службу у турецкаго правительства значило бы подвергать ихъ серьезной опасности. И такъ, изо всего этого можно только вывести слѣдующее заключеніе: до войны нашей съ турками (1827—1829 гг.) при нашей миссіи въ Константинополѣ служилъ мальчикъ кипріотъ, пристроенный курьеромъ Василіемъ Ангеловичемъ, назвавшимъ его

своимъ однофамильцемъ. Кто онъ былъ такой въ дѣйствительности, никого это не интересовало и еслибы онъ сталъ объяснять, что происходитъ отъ какого-нибудь царскаго рода, никого бы это не удивило и никому не показалось бы невѣроятнымъ, въ виду того, что режимъ турецкій не придавалъ никакого значенія историческимъ традиціямъ раіи, ничего не щадилъ и дѣлалъ среди христіанъ безпрестанную перетасовку своими ихъ кровопусканіями. Мальчикъ, какъ это видно изъ его послѣдующаго заявленія, писалъ какія-то прошенія на Высочайшее имя, подъ фамиліею Ангеловича, а потомъ, встрѣтивъ гдѣ-то, быть можетъ, и въ самомъ Константинополѣ, своихъ дѣйствительныхъ родственниковъ, а между ними и роднаго дядю, Савву Пелендри Третруа, принявъ его фамилію—тогда же написалъ заявленіе о переименованіи своемъ изъ Ангеловича въ Пелендри Третруа.

Но какъ бы то ни было, девять мѣсяцевъ спустя, графъ Нессельроде получилъ отъ Луи Пелендри Третруа, отъ 20 іюня 1834 года, изъ Букареста повтореніе той же жалобы и тоже на плохомъ французскомъ языкѣ, съ просьбой ускорить свой отвѣтъ по его дѣлу, въ виду крайне стѣсненнаго его положенія, безъ всякой необходимости проживающаго въ Букарестѣ. Графъ Нессельроде какъ это послѣднее, такъ и предыдущее посланіе препроводилъ къ военному министру, прося его сообщить имѣющіяся въ министерствѣ свѣдѣнія о службѣ Луи Пелендри Третруа, во время послѣдней кампаніи, на что̀ отъ 17 августа 1834 года за № 3591 получился отъ послѣдняго отзывъ, что въ дѣлахъ военнаго министерства о бытности Пелендри Третруа въ званіи переводчика при нашихъ войскахъ въ Турціи и объ оказанныхъ имъ тогда услугахъ, за которыя онъ проситъ себѣ вознагражденія, никакихъ слѣдовъ не нашлось. Военный министръ присовокуплялъ, что съ подобною же просьбою и къ нему обращался въ 1833 году Луи Пелендри Третруа и черезъ бывшаго полномочнаго предсѣдателя дивана княжествъ Молдавіи и Валахіи ему было объявлено, что домогательство его о вознагражденіи не можетъ быть удовлетворено, по неимѣнію удостовѣреній въ оказанныхъ имъ услугахъ.

Годъ спустя послѣ того въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ получилось конфиденціально слѣдующее письмо:

Ваше Превосходительство,

Милостивый Государь!

„Имѣю честь донести объ человѣкѣ Луи Третруа, что онъ изъ первыхъ плутовъ и что онъ прибылъ сюда съ пустыми выдумками и мошенническими дѣлами, которыя вездѣ уже извѣстны, также и мнѣ извѣстно было про его поведеніе тогда, какъ я былъ въ Константинополѣ, что онъ никогда не терпѣлъ отъ турокъ никакого грабежа, а только претерпѣлъ побои отъ турецкихъ извощиковъ за свой дерзкій языкъ и послѣ того убѣжалъ онъ, вышеписанный Третруа, опять назадъ въ Букарестъ и объявилъ, что будто его ограбили турки на нѣсколько тысячъ червонцевъ, о которыхъ вамъ извѣстно, и которые онъ требуетъ своими пустыми бумагами, а онъ не только чтобы имѣлъ у себя тысячи, но даже и сотни никогда не имѣлъ, и этакія же пустыя просьбы свои нѣсколько разъ въ Константинополѣ онъ подавалъ султану. Султанъ же, уважая мундиру русскому, велѣлъ выдать ему 3 т. леви, а которыхъ бы ему по настоящему праву не слѣдовало бы выдавать и ничего; я очень удивляюсь, что онъ пишетъ, какъ будто бы былъ переводчикомъ въ арміи, а онъ никакой языкъ совершенно не знаетъ, а былъ просто слуга Добровольцова.

„Еще увѣдомляю васъ, что онъ совсѣмъ не изъ грековъ, и никогда Греціи не видалъ, а онъ націи халдейской и вѣры латынской, и онъ былъ знакомъ съ нѣкоторыми людьми, которыхъ убѣдилъ своими лестными словами, чтобы они были со стороны его свидѣтелями и подписались бы въ свидѣтельствѣ, что онъ изъ грековъ и города Атына (Аѳинъ).

„Ясно уже можно изъ этого видѣть, что у него въ свидѣтельствѣ подписался числящійся по арміи маіоръ Калули, а все это ложное, ибо маіоръ Калули въ то самое время, какъ онъ въ свидѣтельствѣ его показываетъ, находился до 1834 г. въ С.-Петербургѣ и ничего этого не знаетъ и никогда въ свидѣтельствѣ у него не подписывался, а подписано въ свидѣтельствѣ подъ его руку ложно; при всемъ томъ можно знать, что маіоръ Калули въ 1834 году подавалъ Государю Императору просьбу, то Императоръ, разгнѣвавшись на оную просьбу и велѣлъ его генералъ-адъютанту Клейнмихелю, чтобы онъ приказалъ онаго маіора Калули выслать за городъ, и послѣ того маіоръ Калули былъ высланъ за городъ и проживалъ до 1835 года.

„Довольно можно удостовѣриться и по самой службѣ означеннаго Третруа, что онъ совсѣмъ не бывалъ никогда переводчикомъ, ибо, еслибы былъ, то дали бы ему званіе офицерское, а не канцелярское и при всемъ томъ не худо бы было этого мерзавца выслать его совсѣмъ изъ Россіи, а то неравно этотъ безсовѣстный человѣкъ осмѣлится подать Государю Императору просьбу.

Вашего Превосходительства покорный слуга
Михаилъ Шестаковъ".

Между тѣмъ, Пелендри Третруа не переставалъ, проживая въ Букарестѣ, хлопотать и въ нашей константинопольской миссіи, откуда 5 (17) ноября 1837 года получился отвѣтъ генеральному консулу въ Букарестѣ, что визирь Ахметъ-паша мало имѣетъ надежды на полученіе какихъ-либо достовѣрныхъ свѣдѣній о происшествіи съ Третруа, случившемся 7 лѣтъ уже тому назадъ. Однако же, онъ все-таки обѣщаетъ помочь чѣмъ возможно просителю. Консулъ нашъ донесъ о томъ министру.

Пелендри Третруа поѣхалъ, наконецъ, и самъ въ Константинополь, и 21 января 1838 года снова подалъ прошеніе въ нашу миссію, одновременно съ другимъ, посланнымъ къ министру.

„Вашему Сіятельству извѣстно", писалъ онъ, „что у меня похитили 4.570 червонцевъ и 15.920 піастровъ. Случилось это въ іюнѣ 1831 г., близъ Дели-Ормана, и фактъ грабежа былъ подтвержденъ свидѣтелями. И несмотря на ваше милостивое за меня ходатайство, ничего изъ того не вышло и рейсъ-эффенди во всемъ мнѣ отказалъ. Защитите меня, какъ русскаго подданнаго, и пусть турецкое правительство дастъ мнѣ средства уплатить здѣсь небольшіе мои долги и уѣхать отсюда. Луи Третруа, а за этой подписью слѣдуетъ оговорка въ скобкахъ (illetré), т. е. неграмотный на французскомъ языкѣ. Пера, Константинополь, 5-го января 1838 года".

Эта замѣтка на счетъ его безграмотности имѣетъ большое значеніе. Онъ, значитъ, только болталъ по-французски, а писать не умѣлъ и находя себѣ сочинителей писемъ на этомъ языкѣ, сочинителей, конечно, не высокой пробы, стоялъ въ полной зависимости отъ ихъ фантазіи и искусства.

Точно также, не зная вовсе въ то время русскаго языка и обращаясь къ разнымъ лицамъ для изложенія на немъ своихъ

просьбъ, онъ получалъ такія литературныя произведенія, въ которыхъ трудно было съ точностью опредѣлить, гдѣ начиналось его собственное повѣствованіе и гдѣ кончалось повѣствованіе и цвѣты краснорѣчія авторовъ. Образчикомъ тому можетъ служить прошеніе его, поданное уже въ Петербургѣ графу Нессельроде отъ имени *„канцеляриста Луиза Емануилова Пелендри Третруа.*

„Во время войны Россіи съ Турціей, писалось въ немъ, „поступилъ я на службу переводчикомъ восточныхъ языковъ и находился во всѣхъ походахъ до самаго окончанія.

„По заключеніи же мира, получа отъ начальства шестимѣсячный отпускъ въ іюлѣ 1831 года, отправился я попутчикомъ изъ Букареста въ Константинополь. Проѣзжая лѣсомъ Дели-Орманъ, близъ Коварны, были (мы) окружены турецкими разбойниками, кои послѣ неимовѣрныхъ побоевъ и изувѣченій ограбили *насъ всѣхъ* и похитили у меня какъ вещей, такъ и наличныхъ денегъ 4.570 голландскихъ червонцевъ и 15.292 турецкихъ піастровъ, какъ явствуетъ изъ прилагаемаго при семъ документа подъ литерою А.

„Пролежавъ около двухъ лѣтъ въ тяжкой болѣзни отъ нанесенныхъ мнѣ увѣчій и не имѣя никакихъ средствъ возвращаться въ Россію, я только могъ заявить тогда о приключившемся мнѣ россійскому генеральному консулу въ Букарестѣ, а въ 1837 году, прибывши въ Одессу, имѣлъ честь прибѣгнуть съ прошеніемъ къ Вашему Сіятельству въ городѣ Вознесенскѣ, поданнымъ о воззрѣніи на бѣдственное мое положеніе; посему изволили вы отнестись къ прибывшему тогда въ Россію турецкому послу Ахмету-пашѣ объ исходатайствованіи мнѣ отъ двора его удовлетворенія и меня снабдить рекомендательнымъ письмомъ къ россійскому императорскому повѣренному въ дѣлахъ въ Константинополѣ, гдѣ послѣ восьми мѣсяцевъ пребыванія, послѣ неоднократныхъ моихъ просьбъ, его султанскому величеству принесенныхъ, россійская императорская миссія, подъ предлогомъ, что не представилъ я достаточныхъ доказательствъ на званіе русскаго подданнаго, не удостоила своимъ ходатайствомъ по сему дѣлу, и турецкій министръ иностранныхъ дѣлъ, основываясь на томъ, что разбойники, ограбившіе меня, не были пойманы, отказалъ въ слѣдующемъ мнѣ удовлетвореніи, сказавъ, что Порта заплатила уже 1½ милліона червонныхъ для удовлетворенія убытковъ россійскихъ подданныхъ. А дабы отклонить меня отъ дальнѣй-

шихъ домогательствъ, по сему столь справедливому требованію моему, приказалъ выдать мнѣ въ видѣ подарка 3 тысячи піастровъ.

„Свѣтлѣйшій графъ! удостойте милостивымъ вниманіемъ мое прошеніе, ибо, что я состоялъ въ россійской службѣ его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя моего, то сіе не можетъ подлежать сомнѣнію, какъ по прилагаемому при семъ документу подъ литерою В., такъ и паспорту, выданному мнѣ полицеймейстеромъ бывшей второй арміи, и многимъ аттестатамъ, кои похищены ограбившими меня разбойниками. Что я предъявилъ своевременно россійскому императорскому генеральному консульству въ Валахіи о приключившемся со мною несчастіи, сіе также подтверждается имѣющимися при дѣлахъ консульства актами. Относительно же того, что я былъ дѣйствительно ограбленъ въ лѣсу Дели-Орманъ, сіе обстоятельство весьма подробно извѣстно турецкому правительству, и самъ рейсъ-еффенди и Ахметъ-паша не отрицали сего и основали отказы свои единственно на томъ, что разбойники не были пойманы.

„По всѣмъ вышеизложеннымъ обстоятельствамъ, я пріемлю смѣлость всепокорнѣйше просить во уваженіе *безвозмезднаго служенія моего* при дѣйствовавшей арміи во время продолженія турецкой кампаніи, претерпѣннаго мною отъ разбойниковъ разоренія, какъ равно и безуспѣшной поѣздки моей по распоряженію вашего сіятельства въ Константинополь, а оттоль, по неполученіи просимаго мною правосудія, обратно въ С.-Петербургъ, исходатайствовать мнѣ отъ щедротъ монаршихъ или же отъ турецкаго правительства, на основаніи существующихъ съ Портою Оттоманскою трактатовъ, соотвѣтственнаго моимъ потерямъ вознагражденія.

„Прибывъ въ столицу безъ всякихъ средствъ пропитанія и нуждаясь въ хлѣбѣ насущномъ, я предаю участь мою великодушію вашего сіятельства, прилагаемые же при семъ документы, по миновании въ нихъ надобности, соблаговолите кому слѣдуетъ приказать мнѣ возвратить.—Марта 9-го, 1839 года,—2-ой части, 3-го квартала, домъ купца Звѣркова, подъ № 15. Руку приложилъ вѣрноподданный канцеляристъ Луиза Емануловъ сынъ Пелендри Третруа. (Подпись по-гречески).

Приложенія. документъ лит. А.

переводъ съ греческаго.

Мы, нижеподписавшіеся удостовѣряемъ, что въ 1830 г., въ іюнѣ мѣсяцѣ, отправившись вмѣстѣ съ Луи Христодуломъ Пелендри Третруа въ Константинополь и достигши близъ Коварны до мѣста, называемаго Дели-Орманъ, встрѣтили насъ разбойники оттоманской націи, какъ въ то время съ прочими товарищами принужденъ былъ искать въ лѣсу спасенія жизни, оставя подводы, съ однимъ только слугою, къ сему же остался и г. Луи, котораго не только что мучали немилосердно, но все его имущество взяли съ ними, письменности же (документы), которые имѣлъ г. Луи, разорваны ими; сіе мы нашли по возвращеніи нашемъ изъ лѣса и, видя г. Луи въ крайнемъ семъ положеніи, выдаемъ за собственноручными нашими подписями ему сіе удостовѣреніе. Августа 4-го дня 1833 года, городъ Букарестъ.—Проинъ архіерей Червеносъ Яковосъ (и) Проинъ архіерей Гревеску Неофитъ и Николай Д. Х. Игнатіу.—Свидѣтельствую Савва Петрисъ. Свидѣтельствую по чистой совѣсти, удостовѣряю вышеписанное, Петръ Г. Дему. Я нижеподписавшійся, услышавъ несчастныя происшествія г. Луи отъ достойныхъ довѣрія лицъ, по христіанскому долгу, соразмѣрно моему состоянію, пособилъ ему и свидѣтельствую, 7 августа 1833 года, Константинъ Чихо. Букарештъ. Прусскій драгоманъ Напосіосъ Зервасъ. Тоже Никола Хаджій, тоже Іосефъ Раймондъ, тоже Константинъ Гасфтеріу.

Коммисія Красной части.

Явившись въ коммисію всѣ на оборотѣ сего подписавшіеся показали не только, что подписи ихъ собственноручныя и всѣ значущіяся въ немъ (обстоятельства) справедливы и что дали сіе по ихъ доброй волѣ. Коммисія по просьбѣ ихъ удостовѣряетъ подписью и приложеніемъ казенной печати, 6 сентября 1833 года. Г. Букарештъ, коммисаръ Георгій Урдоряно. Перевелъ вѣрно съ копіей, 1-го пѣхотнаго полка юнкеръ Мачедонскій.

Pour copie conforme à l'original à nous exibé par le sieur Lois Tretrois et à lui restitué le 10 decembre 1836. La presente copie dont l'original restera dans les actes de chancelerie du consul de S. M. E. Caisse original № 94 (L. S.).

Переводъ съ греческаго.

Опись (деньгамъ и) вещамъ, заграбленнымъ разбойниками отъ меня въ Дели-Орманѣ въ 1831 г. іюнѣ.

	Червонцы.	Леви.
Голландскихъ червонцев натурою, имѣвшихся для меня на издержки	3.500	3.106
12 окъ серебра, выдѣланнаго 14 пробы, по 1000 левовъ за оку	—	12.000
1 перстень брилліантовый.	80	—
другой также брилліантовый	36	—
idem	22	—
одинъ антикъ	12	—
четыре дюжины рубахъ голландскихъ . .	72	23
двѣ дюжины подштанниковъ.	28	19
3-е старыхъ панталонъ	57	26
12 лѣтнихъ панталонъ	15	16
10 чулокъ бѣлыхъ.	7	16
6 таловскихъ шелковыхъ.	9	—
1 халатъ лазуревой шали	150	—
другой тоже	38	—
12 подушекъ дамасковыхъ	28	—
1 приборъ для дивана дамасковый . . .	5	—
1 копа для кровати шелковая	12	—
1 шкатулка съ бритвами	8	—
туалетъ серебряный	80	—
1 брилліантовая булавка	95	—
1 „ „	23	—
1 табакерка съ музыкой	13	—
5 паръ сапогъ.	8	15
2 пары башмаковъ	2	18
часы золотые	88	—
2 сабли съ ножевниками серебряными. .	66	—
1 серебряный позолоченый тазъ	18	—
4 пары пистолетовъ.	18	—
2 ружья	38	—
Количество	4.570	15.298

№ 2229. (М.П.) Что сія копія удостовѣренія по сличеніи съ таковою же (подлинною) оказалось вѣрна и канцеляристу Христодуло Пелендри Третруа, по прошенію его, выдана, въ томъ Одесскій уѣздный судъ подписомъ и приложеніемъ казен-

ной печати свидѣтельствуетъ. Сентября 27 дня 1837 года. Подписалъ дворянскій засѣдатель Кольчевскій. Секретарь П. Абумія. Протоколистъ Колчинъ.

Документъ подъ лит. В.

Копія.

Аттестатъ.

Канцеляристъ Луиза Емануиловъ, сынъ Пелентрини Третруа, происходящій изъ кипрскихъ въ Греціи дворянъ и имѣющій отъ роду лѣтъ 25, первоначально въ службу
№ 547. вступилъ въ канцелярію генералъ-полицеймейстера 2-й арміи, съ званіемъ канцеляриста 24 февраля 1829 года, переводчикомъ на восточныхъ языкахъ, продолжая службу въ оной должности, при похвальномъ поведеніи, дѣятельности и усердіи. 2 же апрѣля мѣсяца выступилъ изъ города Яссъ съ главною квартирою, проходилъ черезъ княжества Молдавію и Валахію и прибылъ къ Дунаю, по переправѣ черезъ рѣку сію при крѣпости Гирсовѣ, 23 числа того же мѣсяца оставался во время осады по 24, а сего числа выступилъ изъ Силистріи съ главными силами арміи. 27 прибылъ въ с. Казлуджи-Ларъ, гдѣ оставался въ вагенбургѣ войскъ, слѣдуя черезъ Энибазаръ въ крѣпость Шумлу, гдѣ находился по 15 іюля. Имѣетъ серебряную медаль, установленную за турецкую войну 1828 и 1829 годовъ.

Въ засвидѣтельствованіе чего данъ сей за подписомъ герба моего печати въ г. Ренны, мая 12 дня 1830 года. Подлинное подписалъ:

Его Императорскаго Величества Всемилостивѣйшаго Государя моего арміи, генералъ-маіоръ, генералъ-полицеймейстеръ 2-й дѣйствующей арміи и разныхъ орденовъ кавалеръ Добровольскій.

Прошеніе это, съ приложеніями къ нему, было возвращено Луи Пелендри Третруа за подпискою с.-петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ отъ 4 августа, за № 2051, съ объявленіемъ, что оно не подлежитъ удовлетворенію, такъ какъ Пелендри Третруа получилъ уже отъ турецкаго правительства три тысячи піастровъ.

Послѣдовало за симъ прошеніемъ новое, отъ 16 октября 1839 года объемомъ своимъ чуть не вдвое больше предъидущаго, но не заключавшее въ себѣ ни одного новаго и существеннаго обстоятельства, и Пелендри Третруа, проживавшій

въ это время 2-й Адм. ч., 3 кв. въ домѣ протоіерея Молова, № 8, получилъ снова черезъ оберъ-полицеймейстера отказъ министра иностранныхъ дѣлъ отъ 23 октября 1839 года.

Такъ покончилось хожденіе лица, называвшагося сначала Луи Ангеловичемъ, а затѣмъ Луи Пелендри Третруа, у нашего министра иностранныхъ дѣлъ. Суть вся этого дѣла заключалась въ томъ, что, какъ мы сказали въ предъидущей главѣ, по Адріанопольскому трактату, Турція обязалась, между прочимъ, заплатить болѣе 10 мил. франковъ, въ видѣ вознагражденія нашихъ купцовъ и другихъ лицъ, пострадавшихъ отъ войны, и этотъ пунктъ договора расшевелилъ апетитъ и вожделѣнія цѣлой массы претендентовъ, а въ ряды ихъ сталъ и вышепоименованный кипріотъ. Всѣ эти ходатайства шли черезъ генеральныхъ консуловъ, константинопольскую нашу миссію и министра иностранныхъ дѣлъ; набралось ихъ чуть ли не впятеро большую сумму противъ ассигнованной Турціею, и разобраться въ такомъ ихъ наплывѣ было не легко. Если г. Пелендри Третруа, разсказывая объ ограбленіи его разбойниками, представлялъ оформленныя свидѣтельства и удостовѣренія и доходилъ даже до такихъ наивныхъ откровенностей, что перечислялъ министру иностранныхъ дѣлъ всѣ пропавшія у него вещи, не исключая нижняго бѣлья и табакерки съ музыкой, то онъ не былъ единственнымъ въ этомъ родѣ, были конечно субъекты и почище его. Генеральнымъ консуламъ, стоявшимъ ближе къ мѣстному населенію, виднѣе была правда, но и тѣмъ мудрено было самимъ доходить до всего, а потому они, по всему вѣроятію, имѣли своихъ по этой части агентовъ, къ числу которыхъ принадлежалъ Михаилъ Шестаковъ, давшій въ своемъ письмѣ совсѣмъ уже отрицательную аттестацію Пелендри Третруа. Краски его отзыва такъ уже густо наложены, что переходятъ черту безпристрастія и мотивируются, пожалуй, личнымъ нерасположеніемъ Шестакова къ кипріоту, вслѣдствіе чего его и приняли только къ свѣдѣнію, не прибѣгая къ крутыхъ мѣрамъ съ Третруа.

Послѣдній однакоже потерпѣвъ неудачу съ вѣдомствомъ министерства иностранныхъ дѣлъ, не остановился въ дальнѣйшихъ своихъ ходахъ. Прослышалъ онъ, что есть у насъ добрѣйшій сердцемъ великій князь Михаилъ Павловичъ и послалъ къ нему 31 января 1847 года прошеніе, назвавъ себя въ немъ капитаномъ греческой службы. Разсказавъ о себѣ цѣлую эпопею, онъ кончалъ тѣмъ, что просилъ пособія на возвратный проѣздъ въ свое отечество. Гофмейстеръ великаго князя,

Вишняковъ препроводилъ (чего, конечно, никакъ не ожидалъ Третруа) прошеніе къ графу Нессельроде, прося его свѣдѣній о просителѣ, буде они имѣются въ министерствѣ. Министръ отвѣтилъ, что 1) Третруа ходатайствовалъ о вознагражденіи заслугъ его, оказанныхъ во время войны, но военное министерство не нашло никакихъ слѣдовъ этихъ заслугъ. 2) Подавалъ онъ же прошенія о вознагражденіи его за ограбленіе турецкими разбойниками, но турецкое правительство, изслѣдовавъ это дѣло, не нашло никакихъ фактическихъ доказательствъ, подтверждающихъ заявленіе Третруа о грабежѣ, поданное лишь три года спустя послѣ совершившагося, по его словамъ, факта. И хотя ему отказано было въ этой претензіи, но султанъ, по милосердію своему, приказалъ выдать ему пособіе въ три тысячи піастровъ (на наши деньги 150 р.) и 3) Вслѣдствіе чего Третруа называетъ себя теперь капитаномъ греческой службы, министру неизвѣстно.

Что случилось дальше съ этимъ ходатайствомъ у великаго князя, неизвѣстно. По всему вѣроятію, дѣйствительно, добрѣйшій въ Бозѣ почившій великій князь послалъ Третруа пособіе, такъ какъ тотъ сидѣлъ смирно до іюля мѣсяца, а въ іюлѣ, 30-го числа 1841 года, подалъ статсъ-секретарю при принятіи прошеній кн. А. Ѳ. Голицыну прошеніе на Высочайшее имя. Тутъ уже пріискалъ онъ борзописца, и тотъ сдѣлалъ вступленіе, въ которомъ, изложивъ извѣстныя обстоятельства, призвавшія въ Петербургъ просителя, заговорилъ въ такомъ стилѣ:

„Я грекъ. Родъ мой нѣкогда царствовалъ на островѣ Кипрѣ; но въ подлунномъ мірѣ нѣтъ ничего вѣчнаго, судьбы Божіи неисповѣдимы. Предокъ мой палъ подъ мечемъ оттомановъ, прадѣдъ, бывшій губернаторомъ въ Кипрѣ, казненъ султаномъ, какъ христіанинъ. Дядя, Никомидійскій митрополитъ Аѳанасій, повѣшенъ въ Константинополѣ, въ 1821 году, за приверженность къ Россіи. Огромное имѣніе ихъ расхищено. Съ остатками я бросился въ ряды воюющей Греціи, служилъ въ чинѣ капитана. Она возникла изъ пепла могучею волею Твоею. Соотчичи мои благословили священное имя Твое, пламя войны угасло на берегахъ Архипелага, и я съ живымъ усердіемъ моимъ къ тебѣ, Государь, явился въ россійскую армію, расположенную въ Молдавіи, куда вступилъ безъ жалованья въ корпусъ волонтеровъ, но какъ оный не состоялся, то меня употребляли переводчикомъ и записали въ дѣйствительную служ-

бу“ и т. д. Въ заключеніе Третруа ничего больше не просилъ, „какъ пособія для возвратнаго пути на родину“.

Такой стиль былъ тогда въ модѣ, и князь А. Ѳ. Голицынъ, не обративъ даже вниманія на то, что проситель „служилъ безъ жалованья въ корпусѣ волонтеровъ, не состоявшемся“, прежде чѣмъ докладывать Государю прошеніе, спросилъ письмомъ графа К. В. Нессельроде, въ какомъ размѣрѣ, по мнѣнію его, можно было бы выдать капитану греческой службы пособіе. Графъ Карлъ Васильевичъ полагалъ, что трехсотъ рублей будетъ достаточно; въ такомъ смыслѣ сдѣланъ былъ княземъ Александромъ Ѳедоровичемъ всеподданнѣйшій докладъ, и Государь Императоръ соизволилъ повелѣть: выдать греку Пелендри Третруа 300 р., при отъѣздѣ его на родину. Высочайшее повелѣніе это было объявлено министру иностранныхъ дѣлъ, а тотъ сообщилъ его с.-петербургскому оберъ-полицеймейстеру отъ 29 сентября 1841 года за № 2526, для точнаго исполненія и объявленія за подпискою греку Пелендри Третруа, чтобы затѣмъ тотъ не смѣлъ утруждать Государя Императора своими прошеніями.

Такой конецъ дѣла очень не понравился просителю. Образцовый стиль прошенія и памятная всѣмъ старикамъ обворожительная любезность стараго времени, князя А. Ѳ. Голицына, обѣщали ему великія и богатыя милости, онъ ожидалъ получить тысячи въ полное свое распоряженіе и дождался только 300 рублей, которые должны были быть вручены ему только при отъѣздѣ его на родину, слѣдовательно, чтобы ихъ получить, надо было обязательно ѣхать изъ Петербурга, а ему вовсе того не хотѣлось. За три года пребыванія въ немъ, онъ составилъ себѣ знакомство и, какъ интересный греческій капитанъ, принимался всѣми съ радушіемъ. Онъ сталъ тогда отлынивать, такъ что 16-го февраля 1842 года, за № 1738, с.-петербургскій оберъ-полицеймейстеръ сообщилъ азіатскому департаменту, что хотя грекъ Третруа и обязался отправиться на родину 15-го сего февраля, но подалъ отзывъ (т. е. на другой же день), что онъ выполнить сего не можетъ прежде апрѣля, при чемъ проситъ выдать ему до отъѣзда ассигнованныя ему деньги для расплаты съ долгами. На просьбу Третруа послѣдовалъ отказъ, и ему внушено, что Высочайшая воля должна быть въ точности выполнена, т. е. 300 р. выдадутся ему только при отъѣздѣ.

Третруа продолжалъ сидѣть въ Петербургѣ, и 5 августа по-

далъ прошеніе оберъ-полицеймейстеру, объясняя, что онъ долженъ разнымъ лицамъ 1.350 р. и прежде уплаты ихъ не можетъ выѣхать отсюда.

29-го октября 1842 года черезъ оберъ-полицеймейстера подаетъ онъ новое прошеніе на Высочайшее имя, гдѣ проситъ объ уплатѣ его долговъ въ размѣрѣ 1.350 рублей. Подъ этимъ прошеніемъ онъ, каракулями, по-русски, впервые подписывается Луи Христодуломъ Пелендри Третруа Лузиніаномъ. Проживаетъ онъ въ это время у Каменнаго моста, въ домѣ Черткова.

4-го декабря 1842 года по всеподданнѣйшему докладу кн. Голицына, Государь повелѣваетъ выдать греку Третруа при отъѣздѣ, кромѣ 300 р. путевыхъ, еще 100 р. пособія.

Оберъ-полицеймейстеръ торопитъ грека выѣздомъ изъ столицы; но тотъ подаетъ заявленіе, что, по случаю перелома кости лѣвой руки и до уплаты долговъ, онъ не можетъ выѣхать и проситъ выдать ему хотя 100 р., разрѣшенныхъ Государемъ.

100 рублей выдали, а въ 300-хъ отказали.

24 апрѣля 1843 года Третруа подаетъ прошеніе министру иностранныхъ дѣлъ объ уплатѣ его долговъ и ихъ перечисляетъ:

Греку Поликроньялу	435	р.	72	коп.
Куппу Петруми	488	„	„	—
Полковнику Задоевичу	416	„	„	—
Мелочной лавочкѣ, въ Демидовомъ переулкѣ въ д. Линдена . .	60	„	„	—
Куппу Карачалли.	156	„	14	—
Княжнѣ Святополкъ-Мирской .	65	„	„	—
Г-жѣ Дережинской	150	„	„	—
Всего	2126	р.	86	коп. [1])

Прошеніе подписано русскими каракулями. Анаксъ, Князь Греческой службы Капитанъ и переводчикъ бывшей 2-ой Арміи русской Луи Хрустодуло Пелендри Лузиніанъ.

На прошеніе послѣдовалъ отказъ.

Въ декабрѣ 1843 года подалъ Третруа снова прошеніе оберъ-полицеймейстеру, объясняя въ немъ, что у него была горячка, онъ еще слабъ, бѣдствуетъ и проситъ выдать ему разрѣшенные

[1]) Этотъ списокъ указываетъ на кругъ его знакомыхъ. Среди богатыхъ грековъ стоятъ двѣ русскія дамы съ хорошимъ именемъ, что̀ не мало говоритъ въ пользу его личности.

*

Государемъ 300 р. На это послѣдовалъ отвѣтъ, что деньги эти препровождены уже обратно въ государственное казначейство— а тутъ какъ нарочно у капитана греческой службы завязалось пренепріятнѣйшее дѣло.

VI.

При переѣздѣ съ квартиры на квартиру въ Литейную часть, Третруа представилъ мѣстному приставу свой видъ залитымъ чернилами. Приставъ донесъ объ этомъ управѣ благочинія, и она, усмотрѣвъ въ этомъ умышленное скрытіе своего дѣйствительнаго званія, возстановила слѣдствіе. Третруа между тѣмъ просилъ министра иностранныхъ дѣлъ сношенія съ вѣнскимъ кабинетомъ объ истребованіи изъ венеціанскаго архива родословной его, какъ потомка Лузиніановъ, царствовавшихъ на Кипрѣ. Отзывъ венеціанскаго архива. Изъ управы благочинія дѣло поступаетъ въ надворный судъ. Приговоръ его. Капитанъ греческой службы заключенъ въ тюрьму. Приговоръ уголовной палаты. Освобожденіе на поруки. Приговоръ въ 1849 г. Сената.

Приставъ исполнительныхъ дѣлъ, Литейной части, рапортомъ отъ 11-го іюля 1844 года за № 10811, представляя во 2-ой департаментъ управы благочинія видъ капитана греческой службы Третруа, залитый чернилами и съ изломанной печатью, а также двѣ копіи съ аттестата Третруа и отзывъ его, въ которомъ онъ, изъясняя, что аттестатъ и копія съ онаго залиты чернилами, при переѣздѣ его изъ квартиры, испрашивалъ на прописку таковаго вида разрѣшенія. Вслѣдствіе чего по дознанію 2-го департамента управы благочинія оказалось, что капитанъ греческой службы Третруа проживалъ 3-й части, 1-го квартала въ домѣ Либриха и въ 3-мъ кварталѣ, въ д. Аничкова, но видъ его прописанъ не былъ, потому что залитъ чернилами и на немъ нельзя было разсмотрѣть—въ какое время и откуда онъ выданъ. Во 2-й же части проживавшимъ капитана греческой службы Лузиніана Третруа не оказалось, а проживалъ тамъ, во 2-мъ кварталѣ, отставной канцеляристъ Пелентрини Луизъ Эмануловъ Третруа, по аттестату, выданному отъ полицеймейстера 2-й дѣйствующей арміи отъ 1-го мая 1830 года за № 247, и въ 3-мъ кварталѣ въ домѣ Жадиміровскаго (бывшаго Звѣркова) какъ по домовымъ книгамъ за 1838 и 1839 годы оказалось, что Третруа Луизо Емануиловъ Пелентрини проживалъ въ этомъ домѣ по указу 2-ой дѣйствующей арміи за № 547, за подписаніемъ генералъ-полицеймейстера.

Вышла, значитъ, преуморительная исторія. Г. Пелендри Тре-

труа, пріѣхавъ въ Петербургъ, прописался по свидѣтельствамъ, выданнымъ ему генераломъ Добровольскимъ: одно было за № 247, отъ 1-го мая 1830 г., а другое отъ 12-го мая 1830 г. за № 547. Переѣзжая съ квартиры на квартиру, онъ залилъ первое чернилами, а со втораго почему-то удержалъ только копію; подлинное же неизвѣстно гдѣ находилось. Поселившись же въ домѣ Либриха, вида своего, какъ залитаго чернилами, совсѣмъ не прописалъ, а оказался въ томъ кварталѣ и части капитаномъ греческой службы, а не канцеляристомъ, какъ то значилось въ свидѣтельствахъ генерала Добровольскаго.

Если переименованіе себя самимъ изъ канцеляристовъ въ капитаны греческой службы въ высшихъ учрежденіяхъ не произвело ничего кромѣ удивленія, и г. Третруа оставили въ покоѣ, въ новомъ его званіи, точно также никому не мѣшавшемъ, какъ и званіе канцеляриста, то полиція отнеслась совершенно иначе къ этому факту и усмотрѣла въ немъ злой умыселъ. Залитіе аттестата чернилами и произвольное прозываніе себя капитаномъ греческой службы сдѣлались ей очень подозрительными. Вслѣдствіе чего управа благочинія, имѣя передъ собою копію съ аттестата за № 547, не запачканную чернилами, просила инспекторскій департаментъ военнаго министерства увѣдомить ее, къ кому она должна обратиться для провѣрки этого аттестата Третруа.

Инспекторскій департаментъ отъ 11 декабря 1844 года, за № 9518, увѣдомилъ управу, что къ кому должно ей обращаться съ этимъ заключеніемъ, указать не можетъ, ибо генералъ Добровольскій 18 января 1834 года уволенъ въ отставку и по дѣламъ бывшей 2-й арміи о капитанѣ греческой службы Третруа никакихъ свѣдѣній не найдено, при чемъ департаментъ присовокупилъ, что генералъ-маіоръ Добровольскій жительствуетъ въ Могилевской губерніи.

Снеслись тогда съ могилевскимъ губернаторомъ и просили его истребовать отъ г. Добровольскаго свѣдѣніе: дѣйствительно ли въ 1830 г. данъ былъ имъ аттестатъ *капитану греческой службы* Луи Третруа; препровожденъ былъ и самый аттестатъ. На что генералъ-маіоръ Добровольскій отозвался, что подпись на аттестатѣ онъ не признаетъ за свою, тѣмъ болѣе, что въ бытность его генералъ-полицеймейстеромъ 2-й арміи греческій капитанъ Третруа на службѣ не состоялъ.

Ясно, что тутъ произошелъ, что называется, qui-pro-quo. Въ аттестатѣ Третруа значился канцеляристомъ, а управа запра-

шивала генерала о какомъ-то капитанѣ греческой службы. Генералъ, по всему вѣроятію, смутился, подумалъ, быть можетъ, что не кроется ли тутъ чего-нибудь, не дай Богъ, политическаго, и отказался даже и отъ своей подписи. Дѣло стало принимать тревожный характеръ для капитана греческой службы Луи Христодуло Лузиніана Пелендри Третруа.

Онъ объяснилъ приставу слѣдственныхъ дѣлъ Литейной части, что ему неизвѣстно, почему генералъ Добровольскій не признаетъ своей подписи, но онъ, Третруа, съ этимъ аттестатомъ прибылъ въ 1838 году въ Петербургъ и представилъ его въ министерство иностранныхъ дѣлъ къ своимъ прошеніямъ, а потому копія съ него находится тамъ. Кромѣ того званіе его удостовѣряется еще копіей съ вида, даннаго ему отъ греческаго консульства въ Петербургѣ, 15 сентября 1842 года за № 1, на основаніи представленнаго въ консульство паспорта Миссіи Его Величества короля Греціи, въ Константинополѣ отъ 31 мая 1838 года за № 377, при чемъ присовокупилъ, что другихъ доказательствъ по службѣ своей переводчикомъ въ арміи не имѣетъ.

Покуда стали справляться въ указанныхъ Третруа источникахъ, онъ подалъ слѣдующее прошеніе.

Господину государственному канцлеру графу Нессельроде.

Отставнаго греческой службы капитана князя Луи Лузиніана.

Прошеніе.

Для представленія въ подлежащія присутственныя мѣста документовъ, относящихся до происхожденія моего, нужно мнѣ имѣть копію съ хранящихся въ Венеціанскихъ архивахъ бумагъ, относящихся до моего рода. Посему покорнѣйше прошу Ваше Сіятельство приказать истребовать, откуда слѣдуетъ, касающіеся до рода моего документы по представляемымъ у сего объясненіямъ.

„Яковъ, изъ рода Лузиніановъ, царь Кипрскій и Іерусалимскій, незаконный сынъ Жеана II, женился на Катеринѣ Корнаро, дочери Марка Корнаро, венеціанскаго дворянина, скончался въ Венеціи 1553 года, оставивъ послѣ себя одного сына и двухъ дочерей. Въ 1560 году папа Пій IV, послѣ смерти Катерины Корнаро и ея законныхъ дѣтей, перенесъ всѣ документы этой фамиліи въ Венеціанскій архивъ.

„Въ 1570 г. султанъ Селимъ II отнялъ у Венеціи Кипрскіе

острова; одна часть Лузиніановъ эмигрировала во Францію, а другая осталась на Востокѣ.

„Эта послѣдняя отрасль, владѣя потомственнымъ (имѣніемъ), по мѣрѣ увеличиванія какой-либо изъ линіи этого рода, тщательно вносила всѣ документы въ архивъ.

„По полученіи въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ нужныхъ мнѣ документовъ, покорнѣйше прошу выдать мнѣ оные съ надлежащимъ удостовѣреніемъ. Отставной капитанъ греческой службы князь Луи де Лузиніанъ. Апрѣля 10 дня 1845 г. Жит. д. Тимнера, у Банковскаго моста.

Министерство иностранныхъ дѣлъ вошло въ сношеніе, 14 августа 1845 года, съ Вѣнскимъ кабинетомъ и 10/12 октября того же года князь Меттернихъ препроводилъ министру гр. Нессельроде слѣдующій отзывъ Венеціанскаго архива:

Переводъ съ итальянскаго.

„Разсмотрѣно, на чемъ основано изложеніе фактовъ, представленныхъ капитаномъ Лузиніаномъ и сообразно ли оно съ истиной. На таковой конецъ недостаточно ссылаться на исторію, которая разсматриваетъ происшествія вообще и хотя бы факты тѣ и были удовлетворительны, но управленіе архивомъ отъискало въ своихъ актахъ, въ особенности въ III томѣ сочиненія, rattalo della Precendenza, юриста Гаспара Лоничо, писаннаго по случаю возникшаго спора съ Савойскимъ дворомъ подробнѣйшія свѣдѣнія на счетъ послѣднихъ кипрскихъ королей, на коемъ управленіе (архивомъ) основываетъ отвѣтъ свой.

Капитанъ Лузиніанъ полагаетъ, что Яковъ, король кипрскій. незаконнорожденный сынъ Жіована II-го, будто-бы умеръ въ Венеціи въ 1553-мъ году, оставивъ одного сына и двухъ дочерей, что въ 1560 году послѣдовала смерть Екатерины Корнаро, за смертію ея дѣтей. Будто-бы папа Пій IV отправилъ въ Венецію всѣ документы, относящіеся до фамиліи Лузиніановъ.

Приступимъ къ разсмотрѣнію фактовъ.

Яковъ Лузиніанъ, лишивъ въ 1462 году престола сестру свою Шарлоту, сдѣлался владѣльцемъ всего острова и въ 1468 году просилъ руки Екатерины Корнаро, съ которою заочно вступилъ въ бракъ, черезъ представителя Венеціи. Она однакожъ прибыла на Кипръ не ранѣе, какъ въ 1471 году.

Яковъ умеръ на островѣ Кипрѣ 5-го августа 1473 года, оста-

вивъ жену беременною, проживъ съ нею только два года и имѣвъ отъ нея перваго сына, который тотчасъ же по рожденіи умеръ.

Родившійся послѣ смерти Якова сынъ, названный именемъ отца, Яковомъ III-мъ, жилъ только два года и нѣсколько мѣсяцевъ, мать же его царствовала до 1489 г., когда отказалась отъ престола въ пользу Венеціи, гдѣ и умерла въ 1510 году.

А потому, если Екатерина Корнаро не имѣла другаго сына и умерла въ 1510-мъ году, какимъ же образомъ можно предположить, что въ 1560-мъ году, послѣ смерти Екатерины (50 лѣтъ спустя) и законныхъ ея дѣтей, а именно короля Якова III-го (смерть котораго, какъ кажется, предполагаютъ послѣ смерти Екатерины въ 1560 г.) Пій IV отправилъ въ Венецію принадлежащіе фамиліи Лузиніановъ документы, которые неизвѣстно какимъ образомъ могли ему достаться, если ни Яковъ II, ни жена его никогда не были въ Римѣ, развѣ если допустить даже отъ смерти послѣдняго промежутокъ времени по крайней мѣрѣ 60 лѣтъ.

Все это заимствовано (капитаномъ Лузиніаномъ) изъ исторіи, но въ вышеупомянутомъ сочиненіи присовокупляется, что Яковъ имѣлъ якобы еще трехъ незаконныхъ дѣтей—Яна, Жіовани и Шарлоту, которые привезены были въ Венецію вмѣстѣ съ Екатериною Корнаро, но что Шарлота жила недолго и умерла въ Падуѣ, гдѣ погребена въ церкви Св. Августина; что одинъ изъ сыновей потонулъ въ каналѣ, но что одинъ изъ нихъ (неизвѣстно который) жилъ еще, не говорится именно гдѣ, около 15 лѣтъ, до того времени какъ монахъ Стефанъ Лузиніанъ (отъ котораго, какъ кажется, Лоничо заимствовалъ эти свѣдѣнія) писалъ исторію Кипра, напечатанную въ Болоньи въ 1573 году.

А поэтому ни одно изъ обстоятельствъ, излагаемыхъ капитаномъ Лузиніаномъ, не согласно съ фактами и изъ оныхъ вовсе не видно, какимъ образомъ документы фамиліи Лузиніановъ могли достаться папѣ Пію IV. Они не могли быть также приняты за основаніе ни для какого доказательства, потому что нельзя имѣть вѣры къ изложенію отдѣльнаго и, такъ сказать, вставочнаго факта, изложенію, составленному лицомъ, вовсе не знакомымъ съ извѣстнѣйшими фактами.

Впрочемъ, изъ провѣрки чиселъ и изъ вышесказаннаго сочиненія явствуетъ, что Шарлота, единственная дочь Іоанна II-го, слѣдовательно сестра (побочнаго) Іакова (II-го) въ за-

мужествѣ по первому браку за Іоанномъ Португальскимъ и потомъ за графомъ Людовикомъ-де-Женеврскимъ, по безуспѣшномъ, какъ высказано, у Якова оспариваніи правъ на престолъ, не имѣла дѣтей, уступила въ 1482 году права свои герцогу Савойскому, и поелику она удалилась потомъ въ Римъ, гдѣ и умерла въ 1487 году, то быть можетъ, что она оставила тамъ принадлежащіе ея фамиліи документы (хотя вѣроятно, что она отдала ихъ тому же лицу, кому уступила и свои права), которые (т. е. документы) можетъ быть и хранились тамъ до временъ папы Пія IV-го. Равнымъ образомъ разсмотрѣны всѣ акты, какъ Сената, такъ и Совѣта десяти, не только за одинъ 1560 годъ, но и по 1565 годъ, включительно, когда умеръ Пій IV-ый, такъ равно и разсмотрѣны тѣ акты, въ коихъ заключается переписка съ посланниками, черезъ посредство коихъ безъ всякаго сомнѣнія должны были дѣлаться сношенія по сему, но не отыскано даже ни малѣйшихъ слѣдовъ къ объясненію излагаемыхъ обстоятельствъ.

Впрочемъ всѣ эти розысканія сдѣланы только для удостовѣренія въ томъ, что ничего не упущено, изъ чего бы можно было извлечь какія-либо по сему свѣдѣнія, хотя управленіе (архивомъ) достовѣрно знало, что въ здѣшнихъ архивахъ не имѣется никакихъ другихъ документовъ, касающихся до Кипра, кромѣ относящихся до гражданскаго и военнаго управленія сего королевства во время нахожденія онаго подъ владычевомъ республики“.

Покуда шла эта совершенно безплодная для дѣла переписка у министерства иностранныхъ дѣлъ съ княземъ Меттернихомъ, управа благочинія не оставалась въ бездѣйствіи и запросила о Третруа бывшаго адъютанта графа Дибича Забалканскаго, генералъ-маіора Долинскаго, и тотъ отозвался, что Третруа не помнитъ, да и вообще ничего не знаетъ обо всѣхъ переводчикахъ арміи, находившихся въ вѣдѣніи квартермистра.

Обратилась управа отъ 21 мая 1846 года за № 11613, съ запросомъ по тому же дѣлу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, прося сообщить ей свѣдѣніе о хожденіи въ этомъ министерствѣ грека Третруа, и министерство препроводило всю касающуюся до него переписку съ 1833 по 1841 годъ, намъ уже извѣстную, объяснивъ при этомъ, что ни въ одной изъ своихъ просьбъ грекъ Третруа не называлъ себя капитаномъ греческой службы, а подписывался въ нѣкоторыхъ изъ нихъ россійскимъ подданнымъ, въ иныхъ же канцеляристомъ.

Министерство затѣмъ прислало въ управу копію съ аттестата, выданнаго Третруа генераломъ Добровольскимъ, и присовокупило, что Баварская миссія въ С.-Петербургѣ, завѣдующая греческими дѣлами, отозвалась, что баронъ Гюндерроде, бывшій баварскимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, въ Петербургѣ, дѣйствительно выдалъ 15 сентября 1842 года греку Третруа паспортъ на основаніи письменнаго вида, полученнаго симъ послѣднимъ отъ Греческой миссіи въ Константинополѣ 31-го мая 1838 подъ № 377. Что же касается до происхожденія Третруа, то въ бумагахъ Баварскаго консульства свѣдѣній такого рода, относящихся до греческихъ подданныхъ, не имѣлось. Tout ce qui lui est connu à cet egard, consiste en ce que le Sieur Tretray pretend descendre de la famille Luzignan de Chypre" [1]). Такъ отзывался самъ консулъ.

Управа спросила Третруа, какія имѣетъ онъ доказательства на происхожденіе отъ Лузиніановъ, царствовавшихъ на островѣ Кипрѣ, и онъ отвѣтилъ, что всѣ древніе по сему документы *захвачены были у него* турецкими разбойниками, вмѣстѣ съ имуществомъ и деньгами, и хотя онъ обращался съ просьбой въ министерство иностранныхъ дѣлъ объ истребованіи другихъ документовъ изъ Венеціанскаго архива, но оттуда получился отвѣтъ неудовлетворительный. Впрочемъ, въ удостовѣреніе своего высокаго происхожденія, онъ представилъ выданное ему въ Букарестѣ свидѣтельство слѣдующаго содержанія:

„Мы ниже подписавшіеся свидѣтельствуемъ о г-нѣ Анаксѣ (т. е. князѣ) Луи де Лузиніанѣ Христодуло Третруа, что знаемъ его, что онъ состоялъ капитаномъ при нынѣшнемъ возстаніи Греціи во многихъ ея странахъ, какъ-то: въ Аѳинахъ, Мисалонги, при Мельницахъ Навплійскихъ и пр. съ 1822 г. до конца 1825 года, и во свидѣтельство, что знаемъ его таковымъ, вручили его великодушію сіе свидѣтельство, собственноручно нами подписанное 1836 года ноября 26-го въ Букарестѣ. Архимандритъ Константій, сопровождавшій на войнѣ въ Мореѣ тысяченачальника г-на Діонисія Евмарфопуло (свидѣтельствую), я отецъ Антонію Ксено изъ Занте (свидѣтельствую) моею подписью. Д. Базиле, греческой (службы) чиновникъ". Подпись Базиле засвидѣтельствована Молдаво-Валахскимъ консуломъ.

Затѣмъ азіатскій департаментъ сообщилъ управѣ благочинія

[1]) Все что ему только извѣстно по этому, что г. Третруа имѣетъ претензію на происхожденіе отъ кипрскихъ Лузиніановъ.

копію съ отношенія повѣреннаго нашего въ дѣлахъ въ Греціи дѣйст. ст. сов. Персіани, изъ которой видно, что по розысканіямъ, сдѣланнымъ въ архивѣ греческаго военнаго министерства, никакихъ слѣдовъ о службѣ Пелендри Третруа въ греческихъ войскахъ не оказались и что по допросамъ, сдѣланнымъ офицерамъ, участвовавшимъ въ войнахъ за независимость Греціи, невозможно было узнать, дѣйствительно ли означенный Третруа находился на службѣ въ греческихъ войскахъ.

Въ дополненіе къ объясненіямъ своимъ Третруа добавилъ, что въ турецкую кампанію 1828 и 29 годовъ, лично зналъ квартермистра арміи, графа Сухтелена, генераловъ Кауста, Понсета, графа Бенкендорфа, штабъ и оберъ-офицеровъ Мавчевскаго, Трукова, Димитрія Савельевича Смирнова и др. Самъ находился въ дѣлахъ при взятіи Браилова, Исакчи, Карасу, Бабадага, Патраджака, Варниса, Енибазара, Шумлы, Проводы, Каварны, Мангаліи.

Уголовный надворный судъ, куда дѣло это поступило изъ управы благочинія 29 сентября 1847 года положилъ: *„подсудимаго Третруа, признавъ бродягою, отдать въ солдаты, а въ случаѣ неспособности, въ арестантскія роты гражданскаго вѣдомства на 12 лѣтъ и сверхъ того наказать 40 ударами розогъ“*.

Третруа былъ арестованъ и посаженъ въ тюрьму; недовольный постановленіемъ суда, онъ обжаловалъ его въ уголовную палату.

Изъ тюрьмы подалъ онъ шефу жандармовъ прошеніе на Высочайшее имя:

„Предки моего родителя,—писалъ онъ въ немъ,—царствовали въ Греціи на островѣ Кипрѣ, но съ 1570 года, со временъ завладѣнія онымъ турецкимъ султаномъ Селимомъ II, продолжалось имъ и потомками его преслѣдованіе на весь родъ Лузиніановъ, и посему отецъ мой, Христодулъ Лузиніанъ, хотя имѣлъ права, по степени родства, быть на престолѣ, но, во избѣжаніе тѣхъ гоненій, не искалъ средствъ къ достиженію онаго, а, имѣя княжеское достоинство, имѣлъ одно лишь на этомъ островѣ жительство, но напослѣдокъ вынужденнымъ нашелся скрыться оттуда въ Италію, а впослѣдствіи, черезъ довольно значительное время, возвратившись опять на родину, желалъ тутъ провести остатокъ дней своихъ, но, къ несчастью, таковое его въ Кипрѣ пребываніе сдѣлалось для турокъ гласнымъ, и потому онъ вторично оставилъ тѣ мѣста и удалился

во внутрь Греціи, но въ это благопріятное время, когда мой отецъ обиталъ въ своемъ отечествѣ, а именно въ 1808 году, родился я и былъ въ 1822 году опредѣленъ въ Бѣлопонессіи на службу и таковую продолжая тамъ, достигъ званія капитана, и со своими единоплеменниками, капитанами же, Дмитріемъ Ипсилантомъ, Маркомъ Ботсаромъ, Өедоромъ Колокотрономъ и прочими, защищалъ свое отечество отъ нападеній турокъ, и въ 1827 году вышелъ я въ отставку, а въ 1828 году, въ городѣ Кишиневѣ, при главнокомандующемъ Вингенштейнѣ, поступилъ переводчикомъ въ Задунайскую Вашего Императорскаго Величества армію, при коей находился все время турецкой кампаніи, въ которое былъ очевидцемъ достойно примѣчательнаго взятія крѣпости Саксы, по указанію казака, въ той странѣ скрывавшагося отъ службы бѣгствомъ, коему за эту оказанную пользу въ то же время Вашимъ Императорскимъ Величествомъ пожалованъ чинъ полковника, а товарищи его были награждены орденскими знаками св. Георгія Побѣдоносца [1]), и послѣ того, по прибытіи къ крѣпости Варнѣ, по указанію къ ней дороги плѣннымъ Дмитріемъ Рейзэ, я былъ посылаемъ командовавшимъ полкомъ, графомъ Сухтелемъ, для переговора во внутрь той крѣпости къ пашѣ, тамъ начальствовавшему, чтобы онъ сдалъ оную безъ кровопролитія, но сей ожесточенный честолюбіемъ иновѣрецъ, не желая повиноваться могущественной власти, сказалъ мнѣ: „роспу-кибикале-вермемъ“ (я не какая-нибудь проститутка, чтобы продаваться) и присовокупилъ къ тому, что если имѣете силу, то отбирайте ее могуществомъ и больше чтобы я не показывался, а велитъ голову снять съ меня долой, о чемъ при возвращеніи изъ крѣпости я объяснилъ графу Сухтелю, но отъ долговременнаго военнаго дѣйствія войско было утомлено и по этому Сухтель отступилъ отъ оной, а при вторичномъ приступѣ собственнымъ распоряженіемъ Вашего Императорскаго Величества крѣпость Варна была взята вмѣстѣ съ ея хранителемъ пашою. По окончаніи же турецкой кампаніи получилъ я отставку, а съ тѣмъ вмѣстѣ и паспортъ съ прописаніемъ службы отъ полицеймейстера 2-й арміи генералъ-маіора Добровольскаго.

А въ 1838 году прибылъ я въ С.-Петербургъ и случайно сказанный паспортъ залилъ чернилами, и при переѣздѣ моемъ на другую квартиру въ 1844 году, Литейной части въ 4 квар-

---

[1]) Запорожцы и атаманъ ихъ Гладкій.

талъ, мѣстный надзиратель объявилъ мнѣ, что прописать его, по случаю залитія чернилами, онъ не можетъ и отобравъ оный отъ меня, представилъ своему начальству, а оно распорядилось производить изслѣдованіе безъ вѣдома посольства и истребованія для нахожденія при томъ депутата и не пригласила переводчика по случаю неразумѣнія мною вполнѣ россійскаго языка и во все время помянутаго изслѣдованія выдавались мнѣ виды подобно представляемому у сего свидѣтельству за № 2023, выданному изъ 2-го департамента С.-Петербургской управы благочинія, изъ коего явствуетъ, что объясняемое слѣдствіе затѣяно было полицейскимъ начальствомъ подъ предлогомъ тѣмъ, что я неправильно именую себя княземъ и капитаномъ греческой службы Лузиніаномъ.

Ваше Императорское Величество, я счастіе имѣю представить при семъ на благоусмотрѣніе монаршей особы вашей въ подлинникѣ паспортъ за № 1, данный мнѣ консуломъ Греціи и посланникомъ 11 января 1844 года, засвидѣтельствованный, изъ коего ясно видно, что я дѣйствительно Анаксъ (князь) изъ роду Лузиніанъ, царствовавшихъ въ Кипрѣ и капитанъ греческой службы Луи Христодуловъ Лузиніанъ и полагаю достаточнымъ оное изволите счесть доказательствомъ на мое происхожденіе, сверхъ этого, я къ дѣлу при слѣдствіи также представилъ актъ, засвидѣтельствованный въ городѣ Букарестѣ 26 января 1836 года англійскимъ генеральнымъ консуломъ, данный мнѣ моимъ сослуживцемъ и двумя архимандритами, которымъ они удостовѣряютъ, что я находился въ Греціи на службѣ въ чинѣ капитана, послѣ же всѣхъ этихъ доказательствъ о личности, я не находилъ даже въ правѣ себя представлять какія-либо еще другія удостовѣренія.

Второй же департаментъ С.-Петербургской управы благочинія дѣло отослалъ на разсмотрѣніе въ здѣшній уголовный надворный судъ, а сей 23 числа сентября сего года, не объявляя мнѣ приговора, не взирая на то, что я не содѣялъ никакого преступленія и на званіе мое не обративъ должнаго вниманія, отправилъ меня для содержанія въ градскую тюрьму, гдѣ и понынѣ нахожусь, и даже не объявилъ причины моего заарестованія и потому таковое распоряженіе есть для меня наказаніе безъ суда и самая позорная обида и обнаруживаетъ явное отступленіе отъ правилъ для судебныхъ мѣстъ, установленныхъ закономъ. С.-Петербургскій же губернскій прокуроръ, поставленный въ особую обязанность закономъ наблюдать за точ-

нымъ исполненіемъ онаго, защищать невинно страждущихъ въ заточеніи,—не оказалъ мнѣ съ своей стороны отъ притѣсненій защиты, къ которому въ октябрѣ мѣсяцѣ подалъ я просьбу и оною просилъ его мнѣ объявить причину заарестованія меня, но однакожъ удовлетворенія я до сего времени отъ него не получалъ, а надворный уголовный судъ, пользуясь таковымъ его бездѣйствіемъ, не вызывая меня даже въ свое присутствіе для вычитанія данныхъ мною во время слѣдствія показаній, постановилъ по дѣлу тому свое мнѣніе и съ онымъ представилъ его на ревизію въ С.-Петербургскую уголовную палату, но и она, получивши это дѣло 1 числа ноября, меня до сихъ поръ еще отъ изнурительнаго ареста не освобождаетъ. 19-го ноября 1847 года Анаксъ князь Луи Христодуловъ Пелендри Третруа Лузиніанъ, капитанъ греческой службы".

По прошенію этому подсудимый и отданъ былъ на поруки служащаго въ 1-мъ департаментѣ гражданской палаты засѣдателя отъ дворянства г. Шаміота.

По поступленіи дѣла этого въ уголовную палату оказалось, что Третруа, 41 года, прежде подъ судомъ не находился. Разобравъ его дѣло, палата опредѣлила: „подсудимаго Третруа въ *ложномъ наименованіи себя* капитаномъ греческой службы Луи Христодуломъ Лузиніаномъ и переводчикомъ бывшей 2-й арміи, а также въ *пріобрѣтеніи на то фальшиваго аттестата* и въ умышленномъ залитіи его чернилами, по силѣ 1177 ст. XV Т. Св. Зак., оставить въ *сильномъ подозрѣніи*, и затѣмъ представить управѣ благочинія: не слѣдуетъ ли, по силѣ примѣчанія къ 61 ст. Улож., сдѣлать административнымъ порядкомъ распоряженіе о высылкѣ Третруа заграницу, если нѣтъ къ тому законныхъ препятствій.

Третруа остался недоволенъ этимъ рѣшеніемъ и перенесъ дѣло въ Правительствующій Сенатъ, въ прошеніи своемъ объясняя слѣдующее:

„Формальнаго патента на чинъ капитана греческой службы онъ не могъ представить, такъ какъ служилъ не въ благоустроенномъ государствѣ, а во владѣніяхъ греческихъ, гдѣ капитанами назывались въ то время, при войнѣ за независимость, всѣ, кто могъ набрать нѣсколько человѣкъ, и содержа ихъ на свой счетъ, становился съ ними въ ряды воюющихъ съ турками грековъ".

5-го іюня 1848 года, палата уголовнаго суда представила дѣло въ Правительствующій Сенатъ, а подсудимый Третруа

къ числу доказательствъ представилъ 23 октября 1848 года слѣдующее свидѣтельство:

„Дано сіе Луи Христодулу Пелендри Третруа Лузиніану въ томъ, что въ концѣ 1827 и 1828 гг., во время удаленія нашей миссіи изъ Константинополя, означенный Лузиніанъ плылъ на одномъ со мною кораблѣ до Одессы. Познакомясь съ нимъ во время того вояжа и узнавъ о званіи и желаніи служить при россійской арміи переводчикомъ, по знанію его многихъ языковъ, я въ главной квартирѣ рекомендовалъ его г. генералъ-квартирмейстеру графу Сухтелену, который по надобности переводчика, принялъ его въ службу, въ которой онъ и находился до окончанія войны, въ чемъ и свидѣтельствую. Подлинное подписалъ: генералъ-адъютантъ баронъ Ливенъ. С.-Петербургъ 1-го сентября 1848 года.“

Въ прошеніи, при которомъ представлено было это свидѣтельство, подсудимый объяснилъ слѣдующее: „Дабы обнаружить несообразность съ существомъ дѣла рѣшенія уголовной палаты, нахожу себя въ обязанности всепокорнѣйше просить Правительствующій Сенатъ обратить вниманіе на слѣдующія обстоятельства: 1) что коренная моя фамилія Лузиніанъ, а Третруа и Пелендри суть титулы, происходящіе отъ названія помѣстій, принадлежавшихъ моему родителю и отнятыхъ турецкимъ правительствомъ въ 1821 году. Эти названія я удерживаю для будущихъ видовъ; 2) что до залитія аттестата чернилами я прожилъ въ сей столицѣ 7 лѣтъ, какъ прилично честному человѣку, ибо въ теченіе того времени и донынѣ не подалъ никому ни малѣйшаго повода къ жалобамъ на себя частнымъ лицамъ и правительству поведеніемъ своимъ не далъ случая сомнѣваться въ моемъ ложномъ будто-бы происхожденіи; 3) что я не обязанъ знать и отвѣчать за то, что по жительству моему на разныхъ квартирахъ дворники неправильно писали мою фамилію; 4) что генералъ Добровольскій легче вспомнилъ бы мою коренную фамилію и что именно потому онъ усумнился въ своей подписи, что не зналъ моего прилагательнаго титула Третруа; 5) что я былъ принятъ и служилъ переводчикомъ при 2-й арміи, это явствуетъ изъ свидѣтельства генералъ-адъютанта барона Ливена, который во время слѣдствія, затѣяннаго управою благочинія, находился заграницей, а потому я и не могъ ссылаться на его высокопревосходительство; 6) чтобы благоволено было выслушать поданную мною въ Правительствующій Сенатъ апелляціонную жалобу подлинни-

комъ и удостовѣрясь въ томъ, что я не имѣлъ никакой пользы умышленно залить чернилами мой аттестатъ, такъ и въ томъ, что меня, какъ будто-бы преступника заковавъ, приговорили, невиннаго иностранца, къ тѣлесному наказанію и къ отдачѣ въ солдаты и содержали два мѣсяца въ тюремномъ заключеніи, тогда какъ все дѣло заключалось только въ рѣшеніи вопроса: дать или не дать копію съ аттестата, залитаго чернилами по неосторожности, а не изъ какихъ-либо видовъ корысти, и все это сообразивъ, доставить мнѣ законное удовлетвореніе. Октября 21-го дня 1848 года Луи Христодуловъ сынъ Лузиніанъ Третруа Пелендри, капитанъ греческой службы, князь и переводчикъ россійской арміи.

Изъ дальнѣйшихъ объясненій подсудимаго видно, что въ аттестатѣ, залитомъ чернилами, онъ названъ былъ: 1) потомкомъ королей кипрскихъ, лишенныхъ престола турками въ XVI столѣтіи, и потому титулуется „анаксомъ", т. е. принцемъ крови; 2) что служилъ капитаномъ въ войнѣ грековъ за независимость и 3) служилъ переводчикомъ при 2-й дѣйствовавшей русской арміи. Языки онъ зналъ: греческій, молдавскій, французскій, итальянскій и турецкій.

„Еслибы по залитому мною аттестату я просилъ признать себя княземъ (говоритъ въ другомъ мѣстѣ подсудимый), и домогался быть внесеннымъ въ сословіе россійскаго дворянства для того, чтобы получить принадлежащія ему права, или хлопоталъ объ утвержденіи его въ чинѣ капитана русской службы или въ классномъ чинѣ, его можно было бы обвинять въ честолюбивыхъ намѣреніяхъ; но онъ ничего подобнаго не просилъ и не искалъ".

„Касательно происхожденія отъ Кирпскихъ королей представилъ я свидѣтельство двухъ архимандритовъ и чиновника Базиле, въ виду того, что архимандриты знали меня еще, когда я былъ при дядѣ своемъ, братѣ моей матери, митрополитѣ никомидійскомъ Аѳанасіи. Дядя былъ членомъ константинопольскаго сѵнода; жилъ въ Константинополѣ и пострадалъ въ день Св. Пасхи 1821 года вмѣстѣ со вселенскимъ патріархомъ Григоріемъ".

Сообразивъ все изложенное, Правительствующій Сенатъ нашелъ, что представленные подсудимымъ документы, не подлежащіе въ подлинности сомнѣнію, какъ-то: билетъ, выданный ему бывшимъ баварскомъ повѣреннымъ въ дѣлахъ, на основаніи паспорта, даннаго ему греческою миссіею въ Константи-

нополѣ, и два свидѣтельства, имъ полученныя—одно въ Букарестѣ, а другое отъ барона Ливена, въ Петербургѣ, служатъ достаточнымъ удостовѣреніемъ означенныхъ въ сихъ документахъ званій его и службы и справедливости данныхъ имъ при производствѣ дѣла объясненій, а потому, не находя основанія подозрѣвать его въ ложномъ именованіи себя капитаномъ греческой службы и переводчикомъ бывшей 2-ой арміи русской и въ пріобрѣтеніи на то фальшиваго аттестата, а тѣмъ менѣе въ умышленномъ залитіи чернилами сего аттестата, какъ такого вида, по которому онъ проживалъ безпрепятственно,—Правительствующій Сенатъ опредѣлилъ: *его, Луи Христодуло Лузиніана Третруа Пелендри*, греческаго подданнаго, отъ всякой по настоящему дѣлу отвѣтственности освободить; но обязать его имѣть на жительство закономъ установленный видъ, согласно 1371 г. ст. IX т. Св. З. и правилъ, изложенныхъ въ уставѣ о паспортахъ XIV т. Св. З., изданія 1842 года. О чемъ къ исполненію во 2-ой департаментъ С.-Петербургской управы благочинія и въ С.-Петербургскую уголовную палату, съ обращеніемъ подлиннаго дѣла, послать указы.

Такимъ образомъ покончилось пять слишкомъ лѣтъ тянувшееся судебное дѣло потомка Кипрскихъ королей Лузиніановъ. Онъ въ полной мѣрѣ вкусилъ всю горечь судебныхъ процедуръ и мытарствъ, и пройдя съ стоическимъ спокойствіемъ черезъ тяжкія испытанія, добился наконецъ того, что самъ Сенатъ сталъ называть его Лузиніаномъ, а проживая въ Петербургѣ въ теченіе одиннадцати лѣтъ, своимъ личнымъ характеромъ и образомъ жизни привлекъ къ себѣ не мало доброжелателей и друзей, искренно сочувствовавшихъ его горю.

По окончаніи дѣла онъ уѣхалъ на свою родину, а въ 1851 году, какъ мы видѣли изъ замѣтки, помѣщенной въ Journal de St. Petersbourg, былъ опять уже въ Петербургѣ.

К. БОРОЗДИНЪ.

(*Продолженіе будетъ*).

ТОРЖЕСТВО ВААЛА[1].

РОМАНЪ.

(Продолженіе романа „Тамара Бендавидъ“).

ГЛАВА XI.

Маленькій съѣздикъ.

Наканунѣ сочельника дѣти были распущены по домамъ, и школа на все время рождественскихъ праздниковъ закрылась. На третій день Рождества, около полудня, вдругъ пожаловалъ туда г-нъ Агрономскій, въ сопровожденіи старшины, сельскаго старосты и сотскаго, и приказалъ Ефимычу попросить учительницу къ нему въ классную.

— А мы тутъ у васъ хотимъ маленькую пертурбацію произвести, — любезно обратился онъ къ Тамарѣ: — нужно будетъ на время очистить эту комнату.

Та, не зная еще въ чемъ дѣло и въ ожиданіи дальнѣйшихъ разъясненій, только глядѣла на него съ выраженіемъ молчаливаго вопроса.

— Помните, я говорилъ вамъ насчетъ маленькаго съѣзда, пояснилъ онъ: — Ну-съ, такъ вотъ, предполагается помѣстить тутъ у васъ четырехъ учителей, — вы ничего не будете имѣть противъ?

— Если это необходимо,—склоняя голову, поневолѣ согласилась Тамара, которой вовсе не улыбалась перспектива такого стѣснительнаго сосѣдства.

— Совершенно необходимо, удостовѣрилъ онъ тономъ хотя и мягкимъ, но недопускающимъ дальнѣйшихъ возраженій: —

[1]) См. „Русск. Вѣстн.“ 1891 г. IX.

совершенно-съ, потому что иначе никакъ не обойдемся. У меня въ домѣ больше нѣтъ свободнаго мѣста, все уже распредѣлено и расписано, кому гдѣ, и вотъ, къ сожалѣнію, четыремъ человѣкамъ не хватаетъ помѣщенія. А тутъ у васъ цѣлый классъ свободенъ. Васъ это не стѣснитъ, надѣюсь, такъ какъ всѣ дни и вечера мы будемъ проводить тамъ, у меня, а сюда только на ночь.—Куда же имъ, бѣднымъ, дѣваться, сами согласитесь!

Тамара заявила, что еслибы даже и стѣсняло, то что же дѣлать, когда нельзя иначе!

— Значитъ, вы согласны? обрадовался Агрономскій:—Ну, вотъ и прекрасно... А затѣмъ, и еще маленькая просьбица! слегка залебезилъ онъ, потирая себѣ ручки.

— Что прикажете? отозвалась дѣвушка.

— Прошу-съ, *прошу*, — приказывать не смѣю!—съ усиленною любезностію поправилъ онъ ея выраженіе:—Дѣло въ томъ, что не пріютите ли вы у себя, кстати, и одну учительницу, которой тоже не хватаетъ мѣста?

— Отчего же, съ удовольствіемъ,—согласилась Тамара, но замѣтила только, что у нея въ комнатѣ нѣтъ ни лишней постели, ни дивана, гдѣ могла бы помѣститься эта гостья.

— О, это ничего не значитъ! это все вамъ доставятъ,—вотъ, почтеннѣйшій нашъ Сазонъ Флегонтовичъ,—любезно указалъ онъ на старшину:—это онъ уже всѣмъ распорядится... Онъ у насъ такой милый человѣкъ и другъ просвѣщенія, къ тому же,—всѣ хлопоты по этой части на себя взялъ... Кровати и сѣннички будутъ,—это онъ уже намъ раздобудетъ на селѣ,—ну, а насчетъ подушекъ тамъ, простынь, да одѣялъ, я уже оповѣстилъ учительскій персоналъ, чтобъ они все это съ собой захватили... У каждаго есть вѣдь какая-нибудь подушчонка, да пледъ,—это-то не представитъ затрудненій... Главное, теплый уголъ былъ бы.

— Да ужь этто я распорядимши насчетъ дровъ, это не сумлевайтесь! отозвался польщенный „другъ просвѣщенія“ не безъ самодовольнаго бахвальства:—сегодня же начнемъ жарить всѣ печи, такъ что—что̀ твоя баня будетъ!

Агрономскій распорядился перенести черную доску къ себѣ въ усадьбу, для надобностей съѣзда, а парты убрать на время въ сарай,—и комната получила достаточно простора хоть бы и для восьми кроватей. Открытіе съѣзда предполагалось на слѣдующій день; но Тамарѣ, въ виду навязаннаго ей сожительства

пяти постороннихъ лицъ, было главнымъ образомъ интересно знать, сколько времени можетъ онъ продолжаться.

— Это будетъ зависѣть отъ расположенія, — поморщился Агрономскій:—смотря какъ... дня два, можетъ и три, но больше-то едва-ли. Вѣдь тутъ главное — доставить *вамъ* всѣмъ маленькое развлеченіе, поспѣшилъ онъ пояснить ей съ елейною улыбкой: — для нравственнаго, такъ сказать, освѣженія, чтобы съ новыми силами бодрѣе потомъ приняться за дѣло, — вотъ что-съ!.. Ну, и педагогическіе вопросы, конечно,—это ужь само собою, — въ интересахъ общаго сближенія и обмѣна мысли... Знаете, для единства направленія въ преподаваніи, это очень важно. А вамъ въ особенности — прибавилъ онъ: — будетъ полезно: познакомитесь съ товарищами, съ интеллигенціей нашей,—людей, по крайней мѣрѣ, увидите.

Къ вечеру всѣ постели, собранныя у кое-кого изъ зажиточныхъ крестьянъ, были уже поставлены старостой на мѣсто, полы подметены, печи натоплены, — словомъ, какъ въ школѣ, такъ равно и въ барскомъ домѣ Агрономскаго, все уже приготовлено къ пріему ожидаемыхъ гостей. А на слѣдующій день Тамара съ утра уже разновременно видѣла въ окно, какъ по селу плелись трусцою къ усадьбѣ на одиночныхъ крестьянскихъ кляченкахъ, — кто на розвальняхъ, кто въ санкахъ, — сельскіе учителя и учительницы, закутавшись выше ушей въ свои пледы, со своими саками, узелками и чемоданчиками. Около часу дня, по направленію къ усадьбѣ же, прокатили вдоль села на двухъ тройкахъ съ бубенцами какіе-то, должно быть городскіе, пріятели Агрономскаго, съ двумя какими-то дамами, а за ними проковылялъ по ухабамъ закрытый со всѣхъ сторонъ возокъ стариннаго помѣщичьяго типа, на „собственныхъ“ саврасыхъ выкормышахъ. Вскорѣ послѣ этого работникъ изъ усадьбы привезъ въ школу и сдалъ съ рукъ на руки Ефимычу скромные пожитки четырехъ учителей, а самъ заявилъ Тамарѣ, что „баринъ прислали-де по васъ лошадь и просятъ поскорѣе, всѣ уже собрамшись“.

Легкія санки въ одиночку живо доставили ее къ Агрономскому, гдѣ она застала уже довольно большое общество. Комнаты, въ которыхъ собралось это общество, во многомъ сохранили еще слѣды стариннаго барства, но, разумѣется, не изъ желанія со стороны новаго хозяина сохранить ихъ, какъ завѣтную память прошлаго (да и что̀ могло быть тутъ для него завѣтнымъ!), а просто по невниманію и равнодушію къ нимъ,

либо потому, что тотъ или другой остатокъ старины не успѣлъ еще пока получить у него болѣе утилитарнаго примѣненія. Высокіе потолки и стѣны съ лѣпными карнизами, со старинными люстрами посерединѣ, съ хрустальными бра и бронзовыми кенкетами въ простѣнкахъ, носили на себѣ въ иныхъ комнатахъ орнаментацію во вкусѣ рококо̀, а въ другихъ были росписаны въ классическомъ стилѣ „empire", изображая по угламъ и бордюрамъ жертвенные треножники, пламенники Гименея, колчаны Амура, да вакхическіе тирсы съ бубнами и масками въ гирляндахъ цвѣтовъ и винограда. На стѣнахъ висѣло нѣсколько закоптѣлыхъ картинъ въ массивныхъ, когда-то золоченыхъ рамахъ, и нѣсколько старинныхъ родовыхъ портретовъ, въ костюмахъ XVIII-го и начала нынѣшняго вѣка; но все это въ страшно запущенномъ видѣ. Въ залѣ стояли англійскіе часы въ высокомъ деревянномъ футлярѣ, а въ углахъ, на мраморныхъ тумбахъ, бронзовые канделябры, въ видѣ египетскихъ обелисковъ, и фарфоровыя вазы старинной Невской фабрики. Мебель въ жанрѣ Luis XV, или Жакобъ, старинныя кресла и стулья краснаго дерева, либо корельской березы, съ деревянными спинками и подушками безъ пружинъ. Все это уцѣлѣло здѣсь еще со временъ дѣдовъ и прадѣдовъ нынѣшнихъ безпомѣстныхъ представителей рода Гвоздово-Самуровыхъ. Новый же хозяинъ внесъ сюда лишь нѣсколько фотографій, изображавшихъ, вѣроятно, его друзей и родственниковъ, да какой-то особенный патентованный спиртомѣръ, да еще разбросанные по всѣмъ подоконникамъ и, вообще, гдѣ попало отчеты и протоколы очередныхъ и экстренныхъ земскихъ собраній, нумера „Голоса" и книжки либеральныхъ журналовъ. Самъ онъ похаживалъ теперь между своими гостями, что̀ называется, гоголемъ, въ нѣсколько приподнятомъ, отчасти, даже торжественномъ настроеніи, точно бы именинникъ. Онъ представилъ Тамару всѣмъ своимъ гостямъ, въ числѣ коихъ были почему-то двѣ земскія акушерки, и особо перезнакомилъ ее со всѣми учителями и учительницами. Учителя—все молодые люди—по бо̀льшей части, отличались скромнымъ, неуклюже застѣнчивымъ видомъ и глядѣли вначалѣ бирюками, точно бы дивясь самимъ себѣ,—ка̀къ это, молъ, попали мы въ такое большое общество и что̀ изъ этого выйдетъ?.. Они каждый разъ неловко вставали передъ Агрономскимъ, если тотъ обращался къ кому изъ нихъ съ какимъ-либо вопросомъ, и разговаривали съ нимъ не иначе, какъ стоя. Видно было, что этотъ народъ если и не чувствуетъ себя за-

битымъ, то съ непривычки вообще стѣсняется передъ „начальствомъ“. За-то учительницы держали себя гораздо развязнѣе и даже сами первыя заговаривали и зашучивали съ этимъ „начальствомъ“, какъ бы желая показать передъ учителями и даже другъ передъ дружкой, что хотя оно и начальство, а мнѣ это все равно, я-де съ нимъ безъ чиновъ, совсѣмъ запросто! но тѣмъ не менѣе всѣ онѣ порядочно-таки передъ нимъ лебезили и старались быть какъ можно любезнѣе; даже кокетничали съ нимъ по-своему. Учителя были одѣты скромно, но прилично, въ чистомъ бѣльѣ и черныхъ сюртукахъ, и только одинъ изъ нихъ, болѣе всѣхъ угрюмый и кашлатый, рѣзко отличался отъ остальныхъ своею вышитою рубахой-косовороткой, отсутствіемъ галстука, клѣтчатымъ пиджакомъ и смазными сапожищами. Впрочемъ, и у остальныхъ сапоги были, большею частію, высокіе. Изъ четырехъ учительницъ двѣ оказались стриженными и въ очкахъ; но затѣмъ, въ остальномъ костюмѣ между всѣми четырьмя не замѣчалось почти никакого различія. На каждой изъ нихъ, поверхъ черной шерстаной юбки довольно узкаго и короткаго покроя, была надѣта сѣрая или синяя кофта,—въ родѣ рабочей блузы, стянутая кожанымъ кушакомъ, при совершенномъ отсутствіи корсета, такъ что темное кашмировое платьице Тамары, несмотря на всю свою скромность, рѣзко выдѣлялось между ними своимъ, болѣе или менѣе, моднымъ фасономъ, изящно обрисовывая стройную фигуру дѣвушки. Этотъ нарядъ ея составлялъ бы здѣсь совершенный диссонансъ, еслибъ не Марья Антоновна Шпицбортъ,—особа для педагогіи посторонняя, но приглашенная сюда собственно „для пріятной компаніи“ земскихъ друзей г-на Агрономскаго. Это была одна изъ земскихъ акушерокъ,—дѣвица или дама весьма бойкаго и „моднаго“ вида, съ золотымъ пенснé на носу, хотя и стриженная, но за-то очень кокетливо завитая барашкомъ, и одѣтая даже съ извѣстнымъ „шикомъ“ въ шелковое платье со шлейфомъ, и въ кокетливую полумужскую жакетку съ бархатными отворотами и шелковымъ галстучкомъ на шеѣ, изъ-подъ котораго спускалась длинная золотая цѣпочка отъ часовъ, а изъ нагруднаго кармашка торчалъ наружу кончикъ пунсоваго фуляра. Другая акушерка—крупная, краснощекая и круглоликая поповна съ красными руками,—дѣвица изъ такъ называемыхъ „ядреныхъ“, у которыхъ, какъ говорится, хоть орѣхи на плечѣ щелкай! — Эта хотя и приближалась по тону и ухваткамъ къ стриженнымъ учительницамъ, но „соблюдала себя“ бо-

лѣе по-женски, отличаясь, между прочимъ, роскошною косою, которая длиннымъ жгутомъ падала ей на спину. Всѣ эти дѣвицы, для приданія себѣ пущей независимости, разговаривали и смѣялись нарочито громко и съ апломбомъ, ходили по залѣ очень бойко, размахивая руками, глядѣли самоувѣренно и безпрестанно дымили папиросами. Тамару, благодаря ея, не подходящей подъ ихъ шаблонъ, наружности, встрѣтили онѣ искоса и отнеслись къ ней съ самаго начала довольно сухо, за исключеніемъ, впрочемъ, нарядной Марьи Антоновны, которая сразу изъявила даже нѣкоторую тенденцію взять ее какъ-бы подъ свое покровительство.

Кромѣ учительскаго и акушерскаго „персонала“ здѣсь находились на лицо и нѣсколько пріятелей Агрономскаго, его соратниковъ по земству, изъ торжествующей, то-есть правящей партіи. Одинъ изъ нихъ, г-нъ Ратафьевъ, съ почтенною наружностію кряжеваго „русскаго человѣка“, съ широкими скулами и маленькими медвѣжьими глазками, былъ достопримѣчателенъ тѣмъ, что ухитрялся занимать одновременно чуть ли не до дюжины теплыхъ мѣстъ и хлѣбныхъ должностей въ разныхъ общественныхъ учрежденіяхъ уѣзда. Будучи членомъ земской управы, онъ состоялъ, между прочимъ, товарищемъ директора общественнаго банка и бухгалтеромъ того же банка, и приходорасходчикомъ управы, и опекуномъ надъ имуществомъ какихъ-то малолѣтнихъ, и членомъ конкурснаго управленія надъ дѣлами нѣсколькихъ несостоятельныхъ купцовъ, и почетнымъ мировымъ судьею, превратясь постепенно изъ простаго управскаго писца въ богатаго бабьёгонскаго домовладѣльца и воротилу въ городскомъ и земскомъ самоуправленіи.

Другой, г-нъ Семіоковъ, извѣстный болѣе подъ именемъ „милаго Петра Ильича“, или „милаго Пьерò“,—высокій, не безъ умѣреннаго дородства, брюнетъ нѣсколько армянскаго типа, съ прелестными подкрашенными усами и вѣчно подвитою шевелюрой—кòками впередъ, въ томъ родѣ, какъ обыкновенно изображаются франты на провинціальныхъ парикмахерскихъ вывѣскахъ, одѣтый всегда изысканно, по модѣ самаго современнаго, но дурнаго тона, съ брильянтовыми запонками и множествомъ сверкающихъ самоцвѣтными камнями перстней и колецъ на короткихъ, припухлыхъ пальцахъ выхоленныхъ, бѣлыхъ рукъ. Воображая себя большимъ сердцеѣдомъ и, между прочимъ, покровительствуя подъ сурдинку Марьѣ Антоновнѣ, г-нъ Семіоковъ ухитрялся служить безплатнымъ членомъ одно-

временно въ обѣихъ управахъ: и въ земской, и въ городской,— изъ одной-де безкорыстной любви къ „принципу зельфгувернемента". Но злые языки эту безкорыстную любовь объясняли тѣмъ, что „милый Петръ Ильичъ" очень любилъ браться за всякаго рода общественныя сооруженія „хозяйственнымъ способомъ" и вообще за всякія земскія и городскія дѣла и работы, если онѣ отдавались съ подряда. Является подрядъ въ земствѣ,—онъ, какъ „свой человѣкъ" обѣихъ управъ, очень обязательно доставляетъ „сходныя" справочныя цѣны на весь потребный матеріалъ изъ городской управы въ земскую; открывается какая-либо работа для города,—„милый Пьеро̀" уже тутъ какъ тутъ со справочными цѣнами изъ земской управы въ городскую. Затѣмъ онъ приглашаетъ ту или другую управу къ себѣ на завтракъ, послѣ котораго келейно, съ глазу на глазъ, обусловливается круговая дѣлежка между Петромъ Ильичемъ и приглашенными членами,—и выгодный подрядъ всегда благополучно остается за нимъ, какъ за самымъ „благонадежнымъ" и „добросовѣстнымъ" человѣкомъ, съ единогласнымъ устраненіемъ всѣхъ прочихъ конкурентовъ. Поэтому милаго Пьеро̀ заглазно называютъ также „ходячею или перемётною справкой"; но насколько первыя двѣ клички ему нравятся, настолько же послѣднюю онъ не любитъ, считая ее прямо за „диффамирующее его обстоятельство".

Третьимъ гостемъ, изъ самыхъ почетныхъ, являлся нѣкій гладенькій, чистенькій, всегда свѣже выбритый и надушенный старичекъ, съ отложными воротничками à l'enfant, съ младенческою улыбкой на устахъ, сложенныхъ всегда ситою, какъ будто-бы онъ собирается произнести французское слово „pomme", и съ глянцемъ на румяныхъ щечкахъ, дѣлавшихъ его похожимъ на крымское яблочко. То былъ Несторъ Модестовичъ Пихимовскій, спорадически уцѣлѣвшій какими-то судьбами остатокъ отъ прежнихъ помѣщичьихъ временъ, котораго крестьянская реформа, вмѣстѣ съ Герценомъ и Огаревымъ, сбили когда-то съ панталыку — даже до подачи „петиціи" о снятіи съ него дворянскихъ правъ, или о приравненіи таковыхъ къ правамъ крестьянскаго сословія, причемъ онъ такъ и остался безъ панталыку уже на вѣки, являя собою, въ нѣкоторомъ родѣ, либеральныя земскія мощи. На восьмомъ десяткѣ жизни и въ состояніи почти уже полнаго рамолисмента, онъ, подобно другу своему де-Казатису, тоже неукоснительно причислялъ себя къ „молодому поколѣнію" и вообще былъ очень озабоченъ

тѣмъ, что̀ о немъ подумаетъ „молодое поколѣніе“, что̀ оно скажетъ и, въ особенности, что̀ напишетъ о немъ въ газетахъ. И если въ какой-либо газетѣ появлялся о немъ порою отзывъ, хотя бы короче воробьинаго носа, какъ о либеральномъ земскомъ дѣятелѣ, онъ носился съ этимъ номеромъ, какъ „Хома съ писаною торбой“, разъѣзжая по всѣмъ своимъ знакомымъ и съ умиленіемъ показывая имъ лестныя для себя строки,— вотъ, дескать, вспомнили-таки, оцѣнили наконецъ и поняли!.. Несомнѣнно, впрочемъ, одно, что это былъ человѣкъ чистаго сердца, мягчайшей души и невиннѣйшаго міровоззрѣнія на практическую сторону жизни. Надувать его можно было сколько угодно—была бы только охота!—равно какъ и занимать у него деньги безъ отдачи, и этимъ, конечно, пользовались. Старый холостякъ и чуть ли не извѣчный дѣвственникъ, никогда не вкушавшій отъ древа познанія добра и зла, и потому крайне умѣренный въ личныхъ своихъ потребностяхъ, даже до такой степени, что не ѣлъ никогда никакого мяса, питая къ нему природное отвращеніе,—онъ обладалъ очень хорошимъ состояніемъ, котораго ему некуда было проживать и некому оставить, развѣ только какимъ-то внучатымъ племянникамъ. Поэтому онъ основалъ въ уѣздѣ на собственныя средства „образцовую женскую школу раціональнаго мыловаренія“, съ курсомъ химіи и „мыловѣдѣнія“, отстроилъ ее роскошнымъ образомъ, въ изобиліи снабдилъ всѣмъ необходимымъ и, въ заключеніе, презентовалъ ее своему земству, продолжая ежегодно затрачивать немалыя суммы на поддержаніе этого, въ сущности, ни на что и никому не нужнаго, своего дѣтища; но съ тѣмъ, однако, условіемъ, чтобы оно навсегда сохранило наименованіе „земской школы Пихимовскаго“ и значилось бы подъ этимъ названіемъ во всѣхъ земскихъ отчетахъ. Въ этомъ состояло главное его самолюбіе. Кромѣ того, несмотря на свой рамолисментъ, а можетъ быть, именно вслѣдствіе таковаго, онъ вмѣнялъ себѣ какъ-бы въ священнѣйшій долгъ не пропускать, по возможности, ни одного земскаго собранія въ своемъ уѣздномъ и губернскомъ городѣ и ни одного частнаго съѣзда земскихъ „дѣятелей и сѣятелей“, если только съѣздъ этотъ мало-мальски могъ касаться „молодаго поколѣнія“. На всѣхъ такихъ собраніяхъ и съѣздахъ онъ непремѣнно „подымалъ вопросъ“ о государственномъ значеніи спеціально женскаго, раціональнаго мыловаренія и о настоятельной необходимости пропагандировать его во всѣхъ земствахъ Россійской

Имперіи, дабы дать этой важнѣйшей отрасли государственнаго хозяйства возможно широкое распространеніе и полное примѣненіе. Обложенный и заткнутый ватою, обмотанный пуховымъ шарфомъ и окутанный мѣхами, онъ разъѣзжалъ въ такомъ видѣ живой муміи по земскимъ съѣздамъ и по своимъ знакомымъ—лѣтомъ въ старинномъ дормезѣ, зимою въ закрытомъ возкѣ, и всегда не иначе, какъ со здоровою, молодою мамкою, которая садилась съ нимъ рядомъ и обязанность которой состояла въ томъ, чтобы кормить его грудью, когда запроситъ, и обтирать ему потомъ губы. Не кушая почти ничего, кромѣ манной кашки, онъ увѣрялъ своихъ друзей, да и самъ, повидимому, былъ глубоко убѣжденъ, что женское молоко лучше всего поддерживаетъ его силы и даетъ энергію пропагандировать на общественныхъ съѣздахъ дорогое ему мыловареніе.

Поговоривъ о высокомъ значеніи „ученыхъ мыловарокъ“ и вдосталь посочувствовавъ задачамъ и невзгодамъ „молодаго поколѣнія“, онъ выходилъ на время изъ залы засѣданія, или изъ гостиной добрыхъ знакомыхъ пососать грудь у своей мамки, все равно какъ отправляются люди покурить, и затѣмъ, если не засыпалъ на полчасика на ея груди, то всегда „возвращался къ вопросу“. Не только въ уѣздѣ, но и въ губерніи всѣ уже давно привыкли къ тому, что безъ этихъ либеральныхъ земскихъ мощей и безъ ихъ „мыловаренія“ не обходится ни одно собраніе, и выходило даже такъ, что если какому-либо собранію желательно было придать особую помпэзность или солидность, то оно казалось немыслимымъ безъ наличности сихъ земскихъ мощей, которыя какъ бы санкціонировали его своимъ досточтимымъ присутствіемъ. Поэтому всѣ уже, такъ сказать, по преданію, относились къ нимъ со знаками благодушно-почтительнаго вниманія, а за спиною не менѣе благодушно подсмѣивались надъ „досточтимѣйшимъ младенцемъ“ и его „соской“.

Нѣсколько позднѣе пріѣхали еще земскій врачъ мѣстнаго участка Гольдштейнъ, земскій провизоръ Гюнцбургъ и земскіе инспектора: сыроваренія—Миквицъ, технологіи—Коганъ, лѣсоводства—Лифшицъ и земскій дорожный мастеръ Шапиръ. Всѣ они пріѣхали на одной тройкѣ, наглядно изображая собою во время пути если не сельдей въ боченкѣ, то пучекъ цыбулекъ въ кошикѣ, всѣ являли собою совершенно либеральныхъ и достаточно развязныхъ жидочковъ, всѣ, „какъ образованнаво люди“, даже очень довольно „зачустовали“ дѣлу народ-

наго просвѣщенія, и всѣ поэтому были встрѣчены хозяиномъ съ живѣйшимъ восторгомъ, какъ лучшіе друзья и пріятели.

Для пріѣзжающихъ гостей еще съ утра были выставлены въ буфетной комнатѣ разныя консервныя закуски и домашнія соленья и копченья, съ цѣлою батареей различныхъ водокъ „собственнаго" завода Агрономскаго, а для барышень—чай съ вареньемъ и бисквитами Алибера и цѣлый подносъ бутербродовъ съ сыромъ и колбасою. Барышни успѣли уже „сокрушить" стакана по три чаю и поѣсть всѣ бутерброды, а „дѣятели и сѣятели" раза по три приложиться „съ дорожки" къ уёмистымъ рюмкамъ и разсказать при этомъ другъ другу всѣ новости и сплетни своего уѣзда, обсудить вчерашнюю интересную партію въ винтъ у мироваго, пересудачить отсутствующихъ друзей и знакомыхъ, обругать и распять враговъ, похвалить послѣднюю передовую „Голоса" и послать ко всѣмъ чертямъ ненавистнаго Каткова, перемыть бока администраціи и правительству, уволить отъ министерства графа Толстаго и словесно спасти погибающую Россію, съ помощью, конечно, самой либеральной конституціи и земства. Все это они уже совершили, какъ слѣдуетъ, даже выслушали мимолётомъ коечто о спасительномъ для Россіи значеніи мыловаренія и сыроваренія, и находились теперь въ пріятномъ раздумьи—не дернуть ли, чортъ возьми, по четвертой, — а засѣданіе учительскаго съѣзда, между тѣмъ, все еще не открывалось, и несчастные, всѣми забытые сельскіе учителя, опасаясь, при всемъ желаніи, выпить въ присутствіи „начальства" даже по второй, чтобъ не сомлѣть неравнò къ началу засѣданія, уныло торчали въ ожиданіи его, рядкомъ на стульяхъ, или скучно бродили по залѣ, какъ сонныя мухи въ дождливый осенній день по оконнымъ стекламъ. Агрономскій поджидалъ еще почетныхъ своихъ гостей, въ лицѣ предсѣдателя управы де-Казатиса и уѣзднаго предводителя Коржикова, безъ которыхъ ему не хотѣлось приступать къ дѣлу. Но вотъ, славу Богу, пріѣхали наконецъ и они, да еще привезли съ собой и третьяго, тоже замѣчательнаго въ своемъ родѣ субъекта.

То былъ Ермолай Касьяновъ Передéрнинъ, земскій дѣлецъ изъ „мужичковъ"—тѣхъ типичныхъ „мужичковъ-простачковъ" и „самородковъ". какими обыкновенно хвастаютъ квасные патріоты, когда хотятъ привести примѣры „русской" смышлености, находчивости, удали, дѣловитости и т. п. „Мужичекъ" этотъ хоть и кажется „простачкомъ", но всегда себѣ-

на-умѣ и шельма преестественная, доточно знающая, гдѣ раки зимуютъ и какъ ловить ихъ себѣ на пользу богобоязненнымъ способомъ, такъ что пальца въ ротъ ему не клади: благословясь, откуситъ. Ермолай Касьяновъ — красновато-рыжая, кренасто-приземистая фигура лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ красноватымъ лицомъ, которое отъ множества никогда не сходящихъ веснушекъ казалось тоже какимъ-то рыжимъ,—вышелъ въ „дѣятели“ изъ простыхъ крестьянъ бабьёгонскаго уѣзда, и не потому, чтобы его „тянулъ“ кто-либо изъ „высокихъ“ земцевъ, а просто самъ по себѣ, благодаря своему „талану“ и „планидѣ“. Но выйдя „въ люди“, онъ остался вѣренъ своему крестьянскому обычаю и привычкамъ, по средамъ и пятницамъ неукоснительно рыгалъ рѣдькою, ходилъ не иначе какъ въ чуйкѣ и смазныхъ сапогахъ, что́, однако, не мѣшало ему быть за панибрата со всѣми земскими „дѣятелями“ и уѣздными чиновниками, загибалъ „словца́“ и рѣзалъ якобы по простотѣ „правду-матку“, если находилъ это для себя выгоднымъ. Мужикъ плутоватый, мозговитый и дошлый, мастеръ на всякую изворотливую штуку, онъ отъ природы былъ тѣмъ, что́ называется тонко-продувною бестіей, и потому очень ловко и весьма быстро пролѣзъ изъ простыхъ „гласныхъ“ въ „члены“ земской управы, гдѣ и сдѣлался въ самомъ скоромъ времени рѣшительно необходимымъ, „золотымъ“ человѣкомъ, такъ-какъ въ корень понималъ сельскія дѣла и порядки и разносторонне, а главное, практически зналъ свой уѣздъ положительно лучше всѣхъ остальныхъ сочленовъ. Безъ него не вершилось тамъ никакое, маломальски важное, дѣло. Отъ земскаго пирога онъ откромсалъ на свою долю хотя и не казистую, но сытную краюшку, по части завѣдыванія вообще практическими дѣлами управы и черными работами, въ родѣ вывоза больничныхъ ничистотъ, очистки выгребныхъ ямъ и исправленія дорогъ и мостовъ „подрядно-хозяйственнымъ способомъ“, то-есть съ подряда безъ торговъ, причемъ самъ же всегда являлся и подрядчикомъ, и наблюдающимъ за производителемъ и производствомъ работъ, и расходчикомъ ассигнованныхъ на нихъ суммъ, и уполномоченнымъ отъ земства контролеромъ надъ тѣми же суммами и работами. Въ результатѣ всего этого, у Ермолая Касьянова не вѣсть откуда выросли въ Бабьёгонскѣ, одинъ за другимъ, два прехорошенькихъ домика и уже приторговывался третій, съ банями и лавками и съ помѣщеніемъ подъ „трактирное заведеніе съ нумерами для пріѣзжающихъ“,

какъ вдругъ, за какія-то земскія прорухи попалъ Ермолай Касьяновъ подъ слѣдствіе и былъ, по предложенію губернатора, устраненъ пока-что̀ отъ должности. Казалось бы, полной конфузъ и для него, и для „членовъ“, но нѣтъ!—стыдъ не дымъ, глаза не выѣстъ, и такъ-какъ Ермолай Касьяновъ, въ качествѣ дѣльца и свѣдущаго человѣка, былъ рѣшительно необходимъ для предсѣдателя и остальныхъ членовъ управы, ибо безъ него управа была какъ безъ рукъ, то на первомъ же экстренномъ земскомъ собраніи предсѣдатель, въ обходъ губернаторскаго предложенія и, такъ сказать, „въ контру“ и „въ пику“ администраціи, добился отъ гласныхъ „единогласнаго“ признанія Ермолая Касьянова „временно уполномоченнымъ отъ земства *при* управѣ“. Да мало того: еще назначили ему и содержаніе, въ видѣ „благодарности“ за якобы понесенные труды, и даже поднесли „выраженіе общественнаго сочувствія“ въ особомъ адресѣ. И вотъ такимъ-то образомъ, Ермолай Касьяновъ Передéрнинъ, первый другъ и пріятель всѣхъ „выдающихся“ бабьёгонскихъ земцевъ, продолжалъ фактически оставаться членомъ управы и ворочать дѣлами по-прежнему, даже и въ усъ себѣ не дуя на счетъ слѣдствія, въ полной увѣренности, что такъ или иначе, а ужь непремѣнно выкрутится. И всѣ были увѣрены въ томъ же.

Войдя въ залу, онъ первымъ дѣломъ трижды перекрестился на передній уголъ, хотя тамъ и не обрѣталось никакого образа, а затѣмъ, съ радостными восклицаніями и распростертыми объятіями, какъ нежданный, но достолюбезный гость, былъ встрѣченъ хозяиномъ и пустился лобызаться въ обѣ щеки, начиная съ Агрономскаго и переходя поочередно въ объятія каждаго изъ своихъ управскихъ друзей и земскихъ пріятелей, не исключая и досточтимѣйшаго Нестора Модестовича Пихимовскаго, тоже подставившаго ему для прикладыванія свои крымскія яблочки. Его наскоро пригласили въ буфетную „догнать“, вмѣстѣ съ де-Казатисомъ и Коржиковымъ, ранѣе прибывшихъ гостей на счетъ „подкрѣпленія“, и такъ какъ теперь всѣ „почетные“ были въ сборѣ, то оставалось только не очень уже длить догоночную закуску и неизбѣжное при ней земское празднословіе.

ГЛАВА XII.

Экспериментально-развивательная конференція.

Наконецъ Агрономскій громогласно пригласилъ всѣхъ гостей своихъ въ залу, посреди которой былъ поставленъ продолговатый столъ подъ зеленымъ сукномъ, нарочно позаимствованнымъ для этого изъ земской управы. Вокругъ стола, съ трехъ сторонъ, стояло нѣсколько креселъ, а противъ него—полукругомъ ряды легкихъ стульевъ и старинныхъ бальныхъ скамеекъ, крытыхъ штофною матеріей и составлявшихъ принадлежность этой залы. Въ сторонѣ былъ приготовленъ особый столикъ для „секретаря съѣзда“, на обязанности коего лежало веденіе журнала засѣданій.

Самъ хозяинъ взялъ на себя роль „руководителя съѣзда“ и потому помѣстился по серединѣ большаго стола, на предсѣдательскомъ мѣстѣ, а въ секретари выбралъ кашлатаго учителя въ вышитой косовороткѣ. Почетные гости, какъ де-Казатисъ, Коржиковъ, Пихимовскій, Ратафьевъ и Семіоковъ, помѣстились въ креслахъ за тѣмъ же столомъ, по обѣ стороны отъ Агрономскаго, и къ нимъ сюда же присосѣдился съ краю, по собственной наглости, никѣмъ не прошенный Ермолай Касьяновъ, который, подобно прочимъ, тоже взялъ себѣ чистый листъ писчей бумаги и карандашъ „для замѣтокъ“. Остальная вся публика размѣстилась на предназначенныхъ для нея стульяхъ и скамейкахъ, на одной изъ которыхъ, въ заднемъ ряду, разсѣлся, въ качествѣ „друга просвѣщенія“, и волостной старшина Сазонъ Флегонтовичъ,—„потому какъ и имъ таперича очинно лестно было тоже посидѣть съ господами и послухать умныхъ разговоровъ телигенцыи“. Онъ не безъ ироніи, но и не безъ зависти посматривалъ на Ермолая Касьянова, бормоча про-себя: „Ишь ты, залетѣла тоже ворона въ высокія хоромы!“

Помямливъ съ минуту и совѣщательно пошептавшись о чемъ-то съ де-Казатисомъ съ одной и Коржиковымъ съ другой стороны, Агрономскій привсталъ съ мѣста и, обведя исподлобья глазами всю публику, торжественно произнесъ:

— Объявляю засѣданіе съѣзда открытымъ.

Послѣ этого онъ, во вступительной рѣчи своей къ милостивымъ государынямъ и государямъ, изъяснилъ, что уважае-

мое Бабьёгонское земство предполагаетъ устроить будущимъ лѣтомъ общій съѣздъ учителей и учительницъ всего уѣзда, ради каковой цѣли уже ассигновано ему до тысячи рублей изъ земскихъ суммъ, и что для осуществленія этого съѣзда ведутся оффиціальныя сношенія съ попечителемъ учебнаго округа и приглашенъ уже въ руководители одинъ изъ нашихъ извѣстнѣйшихъ и наиболѣе уважаемыхъ педагоговъ, Іона Филипповичъ Бубнаковъ, составившій себѣ громкое имя, какъ опытный руководитель учительскихъ съѣздовъ во многихъ земствахъ. Но такъ какъ отношенія съ оффиціальномъ міромъ министерства народнаго просвѣщенія вообще затруднительны и отличаются досадною медлительностію, въ особенности при нынѣшнемъ его прискорбномъ и глубоко ненавистномъ для всѣхъ честно мыслящихъ людей направленіи, то онъ, Агрономскій, по совѣщаніи со своими многоуважаемыми друзьями и сотрудниками по земскому дѣлу (при этомъ благосклонный кивокъ полупоклономъ направо и такой же налѣво), рѣшился устроить предварительно маленькій съѣздикъ, въ видѣ опыта, совершенно частнымъ образомъ, воспользовавшись для сего праздничнымъ временемъ, дабы соединить полезное съ пріятнымъ и доставить нашимъ достойнымъ труженикамъ и труженицамъ народной школы возможность свободнаго и освѣжающаго обмѣна мысли, внѣ стѣснительнаго контроля министерскихъ приставниковъ, вмѣстѣ съ возможностію повеселиться въ дружескомъ, единомышленномъ кружкѣ. Далѣе онъ заявилъ, что по сношеніи съ предъизбраннымъ руководителемъ будущаго съѣзда, этотъ достойнѣйшій педагогъ уже прислалъ ему свой сочувственный откликъ, въ видѣ начертанной имъ самимъ программы вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на будущемъ съѣздѣ, каковую программу онъ, Агрономскій, будетъ имѣть честь сегодня же сообщить милостивымъ государямъ и государынямъ, дабы они, основательно познакомясь съ нею, могли подготовить къ будущему съѣзду свои рефераты по предложеннымъ въ ней, чрезвычайно важнымъ и жизненнымъ, вопросамъ первоначальной народной школы. А теперь, прежде чѣмъ приступить къ дальнѣйшимъ занятіямъ, онъ желалъ бы предложить высокоуважаемому собранію почтить вставаніемъ достойную память нѣкоторыхъ невинно пострадавшихъ и безвременно погибшихъ товарищей-педагоговъ народной школы и, въ томъ числѣ, одной сельской учительницы, отравившейся сѣрными спичками отъ избытка

гражданской скорби, такъ какъ она была не въ силахъ оставаться дольше свидѣтельницею торжествующаго зла и тѣхъ гоненій, какія воздвигнуты нынѣ на все честно мыслящее въ Россіи и, въ особенности, на наше дорогое молодое поколѣніе. Къ этому онъ желалъ бы также присоединить и почтеніе памяти тѣхъ юныхъ учащихся, которые въ безвременномъ самоубійствѣ нашли себѣ единственный исходъ изъ нестерпимаго гнета Толстовской системы просвѣщенія.

Все это было сказано совершенно серьезно и даже торжественно, съ надлежащимъ паѳосомъ, — и по знаку Агрономскаго, все собраніе тихо поднялось съ мѣстъ и простояло около минуты въ полномъ молчаніи, съ прилично удрученнымъ видомъ. Тишина прерывалась порою только чавканьемъ мягкихъ губъ Пихимовскаго, который точно бы по-младенчески искалъ и не находилъ съ просонья своей достолюбезной соски. Затѣмъ Агрономскій перешелъ къ программѣ Бубнакова, заранѣе уже оттиснутой въ земской управѣ гектографическимъ способомъ на отдѣльныхъ листкахъ, розданныхъ имъ теперь всѣмъ присутствующимъ, и прочелъ слѣдующее:

„1) Психологическія данныя, служащія основою для правильной постановки обученія и нравственнаго воздѣйствія школы и учениковъ. Образованіе представленій и понятій. 2) Разъясненіе принципа наглядности и примѣненія его, во-первыхъ, по всѣмъ предметамъ элементарнаго курса и, во-вторыхъ, въ формѣ самостоятельнаго предмета, называемаго „нагляднымъ обученіемъ“. 3) Теорія чувствованій и желаній.—О темпераментахъ.—Принципъ индивидуальный и принципъ соціальный. 4) Законы сочетанія душевыхъ продуктовъ. 5) Общія свойства правильнаго, доступнаго и прочнаго элементарнаго обученія, какъ внутреннія, такъ и внѣшнія“.

— Скажите мнѣ откровенно, поняли вы здѣсь что-нибудь?—тише чѣмъ вполголоса обратилась къ Тамарѣ ея сосѣдка-учительница, которой было отведено у нея мѣсто ночлега, вслѣдствіе чего обѣ онѣ сочли нужнымъ познакомиться между собою поближе.

— Откровенно говоря, многаго не понимаю,—пожала плечами Тамара:—слишкомъ ужь туманно!

— И я тоже, призналась ей сосѣдка.—Но вѣдь на всѣ эти вопросы намъ отвѣчать и писать придется?!

— Ну, что жъ, такъ отвѣтимъ, что не понимаемъ, и только.

— Ой, что̀ вы!.. Это значило бы потерять въ ихъ глазахъ

всю свою репутацію педагогическую... Лучше ужь притвориться понимающими.

— О чемъ вы, сударыни, говорите?—вдругъ обратился къ нимъ Агрономскій, обводя ту и другую вопрошающимъ взглядомъ:—Вы, кажется, сказать хотите что-то?

— Н...нѣтъ, я ничего... я такъ только, — замялась въ отвѣтъ ему смутившаяся учительница.

— Въ такомъ случаѣ, я попросилъ бы болѣе вниманія,—замѣтилъ ей несовсѣмъ довольнымъ тономъ „руководитель“ и перевелъ глаза на Тамару: — Можетъ бы, *вы* имѣете что̀ спросить или замѣтить?

— Если позволите, поднялась та съ мѣста.

— Пожалуйста-съ.

— Въ этой программѣ, начала она:—кое-что для меня совсѣмъ непонятно, и я просила бы разъяснить мнѣ...

— Что̀ же именно? наморщился Агрономскій.—Напримѣръ?

— Напримѣръ, что̀ это за „психологическія данныя“ вопервыхъ,—прочла она въ своемъ листкѣ:— „служащія основою для правильной постановки обученія“? Во-вторыхъ, „теорія чувствованій и желаній“, или вотъ тоже „принципъ индивидуальный и принципъ соціальный“?.. и еще вотъ эти „законы сочетанія душевныхъ продуктовъ“?..

— Что же тутъ непонятнаго? притворно удивился „руководитель“, съ видомъ напускнаго авторитета: — Самыя простыя, элементарныя вещи!

— Да все, если хотите, откровенно созналась дѣвушка.

— Какъ „все“?!. что̀ вы хотите этимъ сказать?.. Что это значитъ „все“?

— Просто, *все* непонятно, и только.

— Хм!.. Въ такомъ случаѣ, извините, мнѣ остается только пожалѣть о степени вашего развитія,—не безъ ядовитости замѣтилъ ей Агрономскій.

— Вотъ потому-то я и прошу разъяснить мнѣ, скромно отвѣтила Тамара.

— Не будемте забѣгать впередъ; въ свое время все разъяснится,—увильнулъ онъ отъ прямаго отвѣта и прибавилъ внушительнымъ тономъ, что покорнѣйше просилъ бы господъ слушателей не нарушать вообще хода конференціи.

— Очевидно, онъ и самъ не понимаетъ, шепнула Тамара на ухо сосѣдкѣ, которая только улыбнулась на это, закусивъ себѣ губы.

— Предметомъ сегодняшней нашей бесѣды—началъ между тѣмъ докторальнымъ тономъ Агрономскій:—имѣетъ быть „раціональное обученіе и воспитаніе вообще", а въ частности, какъ путь къ его достиженію,—экспериментально развивательный методъ элементарнаго образованія и его преимущества передъ наглядно-звуковой и членораздѣльно-образовательною системой, по методѣ, рекомендуемой авторитетнымъ нашимъ педагогомъ, г. Паульсономъ.

Вслѣдъ за этимъ онъ позвонилъ въ стоявшій передъ нимъ бронзовый колокольчикъ, на звукъ котораго въ дверяхъ появился какой-то домашній парень—не то лакей, не то работникъ.

— Внесите сюда, прошу васъ, вещественные предметы, приказалъ ему хозяинъ,—и черезъ минуту парень притащилъ и положилъ на полъ, передъ столомъ, старую телѣжную ось, дугу, пилу, ухватъ, кочергу и печную заслонку.—Благодарю васъ, можете удалиться, кивнулъ ему „руководитель".—Или, нѣтъ, останьтесь! остановилъ онъ уходившаго парня:—вы намъ сейчасъ пригодитесь.

Парень скромно отошелъ къ сторонкѣ и сталъ за стульями.

— Первая наша задача, продолжалъ Агрономскій, обращаясь къ „учебному персоналу":—первый нашъ, такъ сказать, педагогическій долгъ, если мы желаемъ быть сознательно-раціональными педагогами начальной народной школы, это—не столько учить, сколько развивать, или иными словами: учить поменьше, развивать побольше, и притомъ не иначе, какъ забавляя, непремѣнно забавляя. Все ученіе, въ сущности, должно быть легкою забавой.

— Да, и вотъ семь даровъ Фребеля, началъ было, прервавъ его рѣчь, Пихимовскій, но на первыхъ же словахъ запнулся и далѣе не продолжалъ, будучи во̀-время предупрежденъ дружескимъ толчкомъ де-Казатиса,—не перебивайте, молъ, досточтимѣйшій!

— Но каждый разъ, прежде чѣмъ приступить къ своей задачѣ, продолжалъ, какъ бы не слыхавъ его, Агрономскій:—учитель непремѣнно долженъ *фиксировать* вниманіе учениковъ. Напримѣръ: учитель хлопаетъ въ ладоши и спрашиваетъ учениковъ: „что̀ я сдѣлалъ?"—Ученики должны отвѣчать ему: „вы ударили въ ладоши". Тогда учитель приступаетъ къ черченію пальцемъ въ воздухѣ различныхъ предметовъ; напримѣръ, чертитъ крестъ, или лѣстницу и т. д. и спрашиваетъ каждый разъ учениковъ: „что̀ начертилъ я?" А тѣ отвѣчаютъ: „вы на-

чертили крестъ", или „вы начертили лѣстницу", и когда вниманіе ихъ достаточно уже будетъ этимъ способомъ фиксировано, — только тогда, но никакъ не раньше, можетъ учитель приступить къ экспериментально-развивательной лекціи. Госпожа Культяпкина, пожалуйте къ доскѣ! вызвалъ онъ одну изъ учительницъ и затѣмъ обратился къ парню-работнику: — Иванъ, подымите первый предметъ, лежащій на полу справа, считая по порядку отъ меня, то-есть отъ вашей лѣвой руки къ правой.

Иванъ ровно ничего не понялъ и тщетно искалъ по-полу глазами, что̀ именно приказываютъ ему поднять, пока наконецъ не схватилъ на удачу кочергу съ заслонкой.

— Э, Боже мой, какъ вы невнимательны! передернулся Агрономскій: — справа, говорю, справа! то-есть отъ васъ первый предметъ слѣва.

— Это ось-то? домекнулся наконецъ работникъ.

— Ну, конечно! Развѣ не видите?

— Да вы бы, сударь, давно такъ сказали!

— Что̀ такое „давно"!.. Кажется, ужь и то, мой способъ изъясненія точнѣе точнаго и не требуетъ никакихъ переспросовъ, а только маленькаго вниманія.

Парень поднялъ ось и, положивъ ее горизонтально на руки, сталъ передъ столомъ въ совершенномъ недоумѣніи,—зачѣмъ, молъ, это? и что изъ этого будетъ?

— Повернитесь, Иванъ, лицомъ къ этой барышнѣ, которую вы видите у черной классной доски, и покажите ей вашъ предметъ.

При этихъ словахъ, парень сразу точно бы обомлѣлъ и, метнувъ недоумѣвающій взглядъ сначала на своего хозяина, потомъ на барышню, потомъ опять на хозяина, продолжалъ стоять неподвижно, — только физіономія его приняла нѣсколько смущенное и потому глупо улыбающееся выраженіе.

— Покажите же, говорю, вашъ предметъ этой барышнѣ, вразумительно повторилъ ему Агрономскій.

— То-ись... ка̀къ это... мой предметъ?.. запнулся въ замѣшательствѣ парень, готовый въ-конецъ уже сконфузиться.

— Какой вы странный! солидно пристыдилъ его хозяинъ: — Понятно, тотъ предметъ, который вы держите въ рукахъ.

Парень повернулся къ дѣвицѣ у доски и протянулъ впередъ руки съ осью.

*

— Госпожа Культяпкина! чтó вы видите въ рукахъ у Ивана?

— Вижу ось, отозвалась барышня.

— Хорошо-съ. Возьмите мѣлъ и напишите на доскѣ это слово, сначала печатными, а затѣмъ письменными буквами.

Та написала „ось" два раза, какъ требовалось.

— Объясните, чтó именно вы написали?

— Я написала два раза слово „ось", изъ которыхъ первое по печатному, а второе по письменному алфавиту.

— Прекрасно-съ. Теперь вы должны фиксировать вниманіе учениковъ на составные элементы данныхъ литеръ, то-есть, чтó именно мы въ нихъ находимъ?—Мы находимъ въ нихъ сначала кружокъ или нóликъ, затѣмъ полкружка или полноліка и наконецъ палочку съ булочкой или съ присасывающимся къ палочкѣ обратнымъ полуноликомъ, чтó и составляетъ нѣмую букву, глупо называвшуюся въ старыхъ букваряхъ *„ерикомъ"*, и служащую для обозначенія мягкаго окончанія звука, а въ совокупности, все это составляетъ?..

— Составляетъ слово „ось", подхватила барышня.

— Превосходно-съ! Теперь пожалуйте поближе и разсмотрите внимательно данный предметъ, который вы видите въ рукахъ у Ивана. Разсмотрѣли?

— Разсмотрѣла.

— Хорошо разсмотрѣли?

— Кажется.

— „Казаться" ничего не должно въ нашемъ дѣлѣ, позвольте вамъ замѣтить, внушительно проговорилъ Агрономскій:—Здѣсь все требуетъ совершенно положительнаго опредѣленія и самаго точнаго выраженія. И такъ, хорошо ли вы разсмотрѣли предметъ?

— Разсмотрѣла хорошо, удостовѣрила его г-жа Культяпкина.

— Прекрасно-съ. Разскажите же и назовите намъ его составныя части. Что вы здѣсь видите?

Дѣвушка недоумѣло окинула его взглядомъ, потомъ перевела глаза на ось, потомъ—совершенно такъ же, какъ и Иванъ за минуту предъ этимъ—опять взглянула на „руководителя" и молчала въ видимомъ недоумѣніи—чего ему отъ нея надо? чего онъ присталъ къ ней?

— Ну-съ, чтó же мы видимъ въ этомъ предметѣ? продолжалъ онъ:—Начинайте-съ.

— Ось вижу, и только,—пожала она плечами, съ такимъ выраженіемъ въ лицѣ, которое невольно говорило: да отвяжитесь же, наконецъ, будьте такъ милостивы!

— Нѣтъ, не то! сдѣлалъ нетерпѣливую гримасу Агрономскій, начиная уже досадливо и нервно корёжиться. — Мы видимъ здѣсь, докторально продолжалъ онъ недовольнымъ и какъ бы вдалбливающимъ тономъ:—первое—подушку; показывайте рукою на подушку... Вотъ такъ!.. Ну-съ, второе—плечи;—показывайте на плечи, одно правое, другое лѣвое; третье—рога;—указывайте рога въ томъ же порядкѣ, одинъ правый рогъ, другой лѣвый рогъ. Затѣмъ слѣдуютъ: шкворень, чеки, гайки и т. д. Вотъ что̀ мы видимъ, понимаете-съ? Технически, на языкѣ педагоговъ, это называется педагогическимъ *разсмотрѣніемъ* предмета.

— Да, и вотъ семь даровъ Фребеля, началъ было опять Пихимовскій, но опять замолкъ, не договоривъ, во̀-время остановленный де-Казатисомъ. Вмѣсто продолженія членораздѣльныхъ звуковъ его рѣчи, слышалось нѣкоторое время одно только чавканье его губъ, какъ бы смаковавшихъ что-то, но и то вскорѣ затихло подъ наитіемъ старческой дремоты.

— Затѣмъ, продолжалъ Агрономскій:—вы должны сдѣлать *описаніе* предмета, то-есть опредѣлить, что̀ такое ось, изъ чего она сдѣлана, ея назначеніе и употребленіе, а кстати, пересчитать составныя части телѣги и другихъ колесныхъ экипажей, отъ телѣги до фаэтона и ландо, и объяснить при этомъ, кто ѣздитъ въ телѣгѣ, а кто въ ландо, возбудить сочувствіе къ первому, и внушить достодолжное отношеніе ко второму. Послѣ этого наступаетъ очередь *катехизаціи* предмета. Учитель беретъ данный предметъ и спрашиваетъ у ученика: „что у меня въ рукахъ“? Тотъ отвѣчаетъ: „ось“.—„Что такое ось? изъ чего она сдѣлана? какія ея составныя части? къ чему она служитъ?“ и т. д. Затѣмъ, когда изъ катехизаціи предмета учитель убѣдится, что ученикъ достаточно усвоилъ себѣ, наконецъ, понятіе о томъ, что̀ такое ось и ея назначеніе, роль ея въ составныхъ частяхъ экипажа и прочее, тогда онъ, для *гимнастики языка*, заставляетъ ученика произносить скороговоркой—непремѣнно скороговоркой!—слѣдующее упражненіе: „Оси не о̀сы, и о̀сы не о̀си. У осы усы. Нѣтъ, не усы у осы, у осы усики, и суслики съ усиками“. Учитель заставляетъ повторять эту скороговорку до тѣхъ поръ, пока ученикъ не научится произносить ее быстро, чисто и безъ запинки, а тогда уже, для *гимнастики мозга*, мо-

жетъ задать соотвѣтствующую загадку,какъ относительно оси, такъ и относительно осы. Затѣмъ уже, въ слѣдующій урокъ, какъ совѣтуетъ г. Паульсонъ, можно въ послѣдовательномъ порядкѣ перейдти къ экспериментально-развивательному упражненію съ дугой, ухватомъ, кочергой, заслонкой и т. д. Но каждое упражненіе обязательно кончать, для развлеченія и забавы, непремѣнно соотвѣтствующими скороговоркой и загадкой.

— Ну, нѣтъ, позвольте, однако! авторитетно перебилъ его вдругъ Ермолай Касьяновъ:—Вы говорите,—загадки. Какова загадка тоже!.. Загадка загадкѣ рознь!.. Иная такая загадка, что бабамъ только платкомъ закрываться въ пору отъ сраму-то. Это такъ тоже нельзя, не годится.

— Хорошо-съ, но я не понимаю, къ чему вы это клоните? обратился къ нему Агрономскій, очень недовольный, что опять его перебили:—вы потрудитесь изложить намъ вашу мысль яснѣе.

— А къ тому и клоню, изволите ли видѣть, что приходитъ этта ко мнѣ онамедни мой мальчонка младшій изъ школы. Хошь говоритъ, тятенька, я те загадку загадаю?—Ну, загадывай. А онъ мнѣ—нá-ко-сь!—и выложи вдругъ, да такое, что при дамскомъ полѣ, извините, и сказать не отважусь. Я такъ и обомлѣлъ, —ушамъ своимъ не вѣрю!—да за вихоръ его, за вихоръ!.. Ахъ ты, мерзавецъ, говорю, смѣешь ты отцу такія мерзости докладывать! Да и оттаскалъ же его за вихры-то, благо своя рука владыка!.. А онъ реветъ этта, а самъ пытаетъ: зáшто, тятенька, бьешь? у насъ эта самая загадка въ книжкѣ пропечатана.— Врешь, говорю, пострѣлъ! Станутъ въ книжкахъ экой срамъ печатать! Ни въ жисть не повѣрю!—А ей-Богу же, пропечатано! и самъ сейчасъ этта книжку приноситъ и показываетъ.—На, говоритъ, гляди. Глянулъ я, и самъ не понимаю, во снѣ ли мнѣ это, аль и въ самъ-дѣлѣ на яву по-печатному читаю?!—Какая такая книжка, думаю? Глядь на обложку,—Паульсонова „Первая учебная книжка" прозывается, „классное пособіе". Хорошо пособіе!.. А вѣдь одобрена тоже!.. Такъ вотъ какія загадки-то бываютъ,—благодарю покорно! [1])

Это сообщеніе Передернина произвело во всемъ обществѣ

[1]) Щадя чувство скромности читателя, авторъ не можетъ себѣ позволить привести данную загадку, которую желающіе провѣрить автора могутъ найдти на стр. 46 „Первой учебной книжки" г. Паульсона. Неприличный смыслъ этой загадки извѣстенъ всему русскому простонародью.

нѣкоторый эффектъ скандала и вызвало въ меньшинствѣ отчасти смущеніе, а въ большинствѣ возбудило главнымъ образомъ игривый интересъ скабрезнаго свойства. Всѣмъ захотѣлось познакомиться съ курьёзною загадкой,—что̀, молъ, тамъ такое? и какими судьбами могла она попасть въ „классное пособіе“? Потребовали на сцену инкриминованную книжку и предложили Ермолаю Касьянову указать, гдѣ именно вычиталъ онъ такую прелесть? Тотъ отыскалъ страницу и молча, съ торжествующимъ видомъ, передалъ перегнутую книжку Агрономскому, который прочелъ въ ней про себя отмѣченную загадку, но, къ удивленію Передернина, ни мало не смутился.

— Не понимаю, что̀ жъ вы тутъ нашли такого? пожалъ онъ плечами и недоумѣло оглянулся на своихъ сосѣдей:—Посмотрите пожалуйста, господа,—можетъ быть, вы что̀-нибудь найдете, а я, признаюсь, не вижу ровно ничего непристойнаго. Самая невинная загадка!

Книжка пошла по рукамъ у всѣхъ засѣдающихъ за большимъ столомъ и вызвала нѣсколько удивленныхъ или двусмысленныхъ улыбокъ и нѣсколько пикантныхъ замѣчаній и поясненій на ухо между сосѣдями. Явилось предположеніе, что это кто-нибудь, вѣроятно, подшутилъ надъ г. Паульсономъ, сообщивъ ему такую загадку, а онъ, какъ нѣмецъ, чуждый русскому народному быту и духу, взялъ да и вклеилъ ее, ничто же сумняся, въ свою книжку,—иначе оно, конечно, и быть не могло бы.

— Да нѣтъ, вѣдь это ка̀къ понимать-съ! заспорилъ съ вѣчнымъ своимъ капризнымъ кривляньемъ Агрономскій:—зачѣмъ же непремѣнно видѣть въ ней неприличный смыслъ, когда ее можно пріурочить къ чему хотите,—напримѣръ, къ орѣшку, къ куриному яичку, или къ улью съ медомъ, а можетъ и еще къ чему, такому же,—сто̀итъ только напрячь немножко свое остроуміе и подумать!

— Полноте! чего тамъ думать еще, куда пріурочивать, если она испоконъ вѣка уже пріурочена извѣстно къ чему, и весь народъ крещеный знаетъ это! возразилъ ему Передернинъ.

— А знаетъ, такъ изъ-за чего же вы тогда гвалтъ поднимаете?! довольно рѣзко обратился онъ къ послѣднему.—Важность какая, скажите пожалуйста, если дѣти ваши прочтутъ въ книжкѣ то, что̀ они и безъ того уже знаютъ!.. Истинно реальное воспитаніе въ томъ-то, батюшка мой, и состоитъ, чтобы пріучать ребенка смотрѣть на вещи прямо, и понимать ихъ наголо̀, безъ

флера и прикрасъ, а какъ есть въ самой природѣ, чтобы называть вещи настоящими ихъ именами. Въ этомъ весь смыслъ реальнаго воспитанія, и—воля ваша—я не понимаю, чѣмъ вы тутъ возмущаетесь!? Это—извините—съ вашей стороны порядочнотаки ретроградство, катковщина какая-то выходитъ!

— Да что̀ вы мнѣ каждый разъ все катковщина да катковщина! обиженно возвысилъ голосъ Передернинъ: — Что̀ я за Катковъ такой дался вамъ!.. Вы не смѣете обижать такъ порядочнаго человѣка!.. Я не позволю!.. Катковщина, скажите пожалуйста!.. У кого катковщина, а у кого жидовщина!.. Эдакъто коли учнемъ попрекать другъ друга...

— Господа!.. господа, позвольте! солидно убѣждающимъ и примирительнымъ тономъ поспѣшилъ остановить ихъ де-Казатисъ: —Ермолай Касьянычъ! Алоизій Марковичъ!.. что̀ вы это?!. зачѣмъ?.. Помилуйте!.. Позвольте помирить вашъ споръ... Позвольте-съ, одинъ вопросъ: книжка эта одобрена ученымъ комитетомъ, или не одобрена?

— Одобрена! откликнулось ему нѣсколько голосовъ со скамеекъ и стульевъ.

— Тогда и толковать не о чемъ! значитъ, она признана удобной и полезной для юношества, и никакого въ ней смысла особеннаго въ этихъ загадкахъ не найдено,—ну, и успокоимтесь на этомъ, не будемте спорить!.. Правительство одобряетъ, цензура пропустила, такъ намъ-то что̀!

— Я прошу слова! неожиданно, но какъ разъ кстати, поднялся съ мѣста Несторъ Модестовичъ Пихимовскій.

— Ну-у, заведетъ теперь машинку на счетъ мыловаренія! подмигнулъ по сосѣдству Семіоковъ Ратафьеву, въ то время какъ Агрономскій съ Передернинымъ обмѣнивались между собою примирительными кивками и улыбками, выражая тѣмъ взаимныя извиненія.

— Я прошу слова! повторилъ погромче старецъ, поводя, словно котикъ, направо и налѣво головкой.

— Пожалуйста, пожалуйста!.. Просимъ!.. Господа, вниманіе!.. Слово досточтимѣйшему! засуетился Агрономскій.

— Семь даровъ Фребеля, началъ Несторъ Модестовичъ и призадумался.

— Семь даровъ Духа Святаго, хотите сказать вы? громко и съ чуть-чуть насмѣшливою улыбкой поправилъ его Передернинъ.

— Духа? удивленно взглянулъ въ его сторону старецъ, не

взявъ еще себѣ въ толкъ, про какого духа говорятъ ему и что̀ имъ надо:—зачѣмъ духа?.. Нѣтъ, семь даровъ *Фребеля*, хочу сказать я... Не сбивайте меня, пожалуйста... семь даровъ Фребеля, которые усвоены теперь въ моей образцовой школѣ мыловаренія, смѣю думать, служатъ наилучшимъ моторомъ для развитія юныхъ способностей. Дары эти суть: первый даръ—мячики, такіе хорошенькіе разноцвѣтные мячики, лиловенькій, красненькій, синій, желтый и прочіе, съ цвѣтными шнурочками; второй даръ цилиндрики, третій даръ—кубики, много, много кубиковъ!.. четвертый даръ—кирпичики, пятый даръ—призмочки, шестой—планочки, седьмой—дощечки. Изъ этихъ семи даровъ составляются всѣ познавательныя, математическія, жизненныя и изящныя формы.

— Позвольте, то-есть какъ же это? съ недоумѣніемъ спросилъ де-Казатисъ:—и математическія, и жизненныя, и что̀ еще?..

— Изя-ящныя! протянулъ Пихимовскій съ граціознымъ жестомъ въ родѣ воздушнаго поцѣлуя.—О, это чрезвычайно занимательно! Я самъ даже увлекаюсь иногда до такой степени, что дня по два, по три провожу съ этими кубиками,—ей-Богу!.. И даже времени не замѣчаю!.. Видите ли, какъ это дѣлается: начинается курсъ образованія ребенка съ мячиковъ; я беру мячикъ за шнурочекъ и начинаю то вращать, то качать его передъ глазами моей ученицы, или ученика,—это какъ угодно. Вращаю и приговариваю, по руководству: „вотъ мячикъ! видишь, мячикъ!.. красный мячикъ, красный мячикъ, красный мячикъ...“ Или „синій мячикъ, синій мячикъ, синій мячикъ“ и т. д., до тѣхъ поръ, пока ребенокъ не познаетъ всѣхъ цвѣтовъ спектра. Тогда я перехожу къ послѣдовательнымъ эволюціямъ съ мячикомъ, при чемъ есть и пѣсенка, которую обучающій долженъ сперва самъ выучить наизустъ:

„Катись, катись,
То вверхъ, то внизъ!
На ящикъ скокъ,
Чрезъ правый бокъ!
Чрезъ ящикъ скокъ,
На лѣвый бокъ!“

— Это все чрезвычайно развиваетъ вниманіе и познавательную способность ума! умиленно воскликнулъ Пихимовскій.—Потомъ, милостивыя государыни и государи, перехожу къ кубикамъ, продолжалъ онъ:—и на этомъ второмъ дарѣ, въ

цѣломъ рядѣ строго послѣдовательныхъ упражненій, развиваю въ обучаемомъ понятія о дѣлимости тѣлъ, но и тутъ непремѣнно съ пѣсенкой:

„Цѣлый кубикъ, цѣлый кубикъ,
Половинокъ двѣ:
Одна тутъ, одна тамъ,—
Вотъ и кубикъ пополамъ!"

— И при этомъ, конечно, варьирую посредствомъ манипуляцій, соединенныхъ съ эволюціями, соотвѣтствующія положенія кубиковъ:

„Двѣ половинки, двѣ половинки,—
Эта вверхъ, эта внизъ.
Четыре четверки, четыре четвертушки,—
Двѣ четверки наверху,
Двѣ четверочки внизу.
Вотъ и двѣ впереди,
Вотъ и двѣ назади,—
Восемь вышло здѣсь восьмушекъ
Полезныхъ игрушекъ!"

— Я, вѣдь, нарочно ѣздилъ за этимъ въ Петербургъ, похвалился старецъ:—да, нарочно!.. и бралъ уроки въ „дѣтскомъ саду" у фребеличекъ.

— Въ Демидронѣ? съ комическою серьезностью спросилъ Семіоковъ.

При этой выходкѣ, многіе, не выдержавъ, такъ и прыснули со смѣху.

Агрономскій съ безпокойствомъ оглянулся вокругъ себя и обвелъ укоризненно строгимъ взглядомъ не въ мѣру смѣшливыхъ слушателей.

— Прекрасно-съ, такъ что̀ же собственно вы желаете? поспѣшилъ онъ обратиться къ старцу, чтобы хоть этимъ вопросомъ притушить поскорѣе не въ пору взыгравшуюся веселость собранія, и предвидя, что если не положить всему этому конецъ сейчасъ же, то съ одной стороны кубикамъ и пѣсенкамъ, а съ другой смѣшливому фырканью, пожалуй, и конца не будетъ.

— Я?.. я собственно ничего не желаю, скромно развелъ руками Пихимовскій:—но я хочу предложить почтенному собранію ввести семь даровъ Фребеля въ наши народныя школы, какъ главную основу для раціональнаго образованія русскаго народа, въ лицѣ его молодыхъ поколѣній, и если предложеніе мое будетъ удостоено благосклоннаго пріема, то я готовъ по-

жертвовать эти дары для каждой земской школы нашего уѣзда, отъ моего имени, на пользу общественную.

— Собраніе своевременно обсудитъ ваше предложеніе, обнадежилъ его Агрономскій:—а пока постановляетъ—надѣюсь, господа, единогласно? обвелъ онъ пригласительнымъ жестомъ всю залу:—выразить нашему достойнѣйшему сочлену, за его великодушное предложеніе, общественную признательность.

— Согласны!.. Постановляемъ и утверждаемъ... Единогласную! общественную!.. Урра-а! раздались со всѣхъ концовъ дружные голоса, смѣшавшіеся съ общими аплодисментами и шумомъ передвигаемыхъ при вставаніи стульевъ.

Осчастливленный знаками такого вниманія и раскланиваясь на всѣ стороны, старецъ умилился, прослезился и дробными шажками поспѣшилъ удалиться на время изъ залы, чувствуя необходимость въ мамкѣ.

ВС. КРЕСТОВСКІЙ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Наши переселенцы въ Бразиліи.

I.

Въ послѣднее время общество было заинтересовано, и весьма сильно, на первый взглядъ неяснымъ и не вполнѣ объяснимымъ массовымъ движеніемъ переселенцевъ изъ Европы именно въ Бразилію. Съ августа же мѣсяца прошлаго 1890 года замѣчается массовое движеніе изъ нашихъ западныхъ окраинъ въ Бразилію; въ августѣ мѣсяцѣ эмигрировало болѣе трехъ тысячъ человѣкъ, въ сентябрѣ — болѣе пяти тысячъ, въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ — болѣе, чѣмъ по семи тысячъ.

Такое движеніе меня заинтересовало, и я въ ноябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года выѣхалъ изъ Петербурга въ Бразилію, съ цѣлью его прослѣдить.

Соединенные штаты Бразиліи, обнимая собою все пространство бывшей имперіи, представляютъ громадную площадь земли въ 8.337.218 километровъ, на коей размѣщается 1.895.825 семействъ, составляющихъ въ общемъ числѣ 14.383.462 жителя. Такая незначительная цифра обитателей на громадной территоріи при богатой природѣ постоянно наводила на мысль правителей Бразиліи заботиться о привлеченіи въ страну эмигрантовъ. Бразилія особенно нуждается въ цивилизованныхъ европейцахъ: нынѣ изъ общаго числа жителей *бѣлые* составляютъ только около 37%, остальные жители — негры и индѣйцы, или же смѣшанное племя бѣлыхъ съ ними. Но, несмотря на заботы правительства, населеніе возрастаетъ въ незначительной степени. Такъ, по свѣдѣніямъ мѣстнаго статистическаго комитета, за послѣдніе двадцать лѣтъ, съ 1872 года, насе-

леніе Бразиліи увеличилось только на 4.277.401, что составляетъ 563.551 семейство.

Нынѣ правительство республики проявило по заселенію страны значительную энергію. Оно въ одинъ годъ роздало частнымъ лицамъ и компаніямъ болѣе земли, чѣмъ Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты въ продолженіе десяти лѣтъ. Издающійся въ Ріо-Жанейро „Journal do Commercio" говоритъ, что розданныя въ частное владѣніе земли въ первый годъ существованія республики равняются по своей величинѣ цѣлой Франціи. Пригласивъ частныхъ лицъ къ участію въ колонизаціи страны, правительство республики гарантировало успѣхъ ихъ предпріятія изданнымъ 28 іюня 1890 года закономъ „о привозѣ и поселеніи иммигрантовъ". Этотъ законъ послужилъ главною причиною массовой эмиграціи отъ насъ въ Бразилію. Конечно, кромѣ политики Бразиліи, мы имѣемъ много причинъ къ эмиграціи и у себя дома, но наши домашнія причины не могли бы вызвать такого явленія, еслибы не появился законъ Бразиліи объ иммиграціи. Этимъ закономъ приглашались капиталисты чужеземныхъ странъ къ участію въ колонизаціи не только чрезъ посредство пріобрѣтенія земельныхъ участковъ, но и чрезъ доставку эмигрантовъ, т. е. приглашались пароходныя компаніи трансатлантическаго передвиженія. Появились повсюду агенты, матеріально заинтересованные въ пріисканіи эмигрантовъ—отъ правительства Бразиліи, отъ землевладѣльцевъ-капиталистовъ и отъ пароходныхъ компаній. Во время моего проѣзда въ Бразилію, въ Польшѣ было арестовано до 200 агентовъ-подстрекателей. Такъ какъ судъ надъ ними и корреспонденціи изъ Бразиліи о неудачной поѣздкѣ туда не останавливаютъ эмиграціоннаго движенія, то мы приведемъ болѣе подробно узаконенія „о привозѣ и поселеніи иммигрантовъ, тѣмъ болѣе, что при необходимости колонизаціи Уссурійскаго края, Сибири, Кавказа, Закаспійскаго и Туркестанскаго края, интересно посмотрѣть, а быть можетъ, и поучиться хорошимъ сторонамъ колонизаціи у другихъ.

Законоположенія о привозѣ и поселеніи иммигрантовъ въ Бразилію, изданныя 28-го іюня 1890 года, состоятъ въ слѣдующемъ:

Пріѣздъ въ Бразилію открытъ чрезъ всѣ порты безъ всякаго стѣсненія для иммигрантовъ, обладающихъ здоровьемъ и желающихъ работать, если они не были подъ судомъ криминальнымъ на своей родинѣ, за исключеніемъ лицъ, которыя

имѣютъ родину въ Азіи и Африкѣ. Портовая полиція республики не допуститъ выхода съ парохода на берегъ Бразиліи лицамъ этихъ странъ, также какъ не допуститъ нищихъ и людей безъ средствъ. Капитаны пароходовъ, которые привезутъ ихъ, въ первый разъ штрафуются суммою отъ двухъ до пяти милліоновъ рейсъ (отъ 4 до 10 тысячъ франковъ) и, въ случаѣ повторенія, теряютъ всѣ привилегіи, дарованныя имъ отъ правительства Бразиліи. За перевозъ иммигрантовъ правительство республики уплачиваетъ при слѣдующихъ случаяхъ: за семейства земледѣльцевъ, если представитель фамиліи имѣетъ не болѣе 50 лѣтъ; за холостыхъ земледѣльцевъ, мужчинъ, имѣющихъ болѣе 18 лѣтъ и не старше 50, за художниковъ, механиковъ, ремесленниковъ и лицъ для домашней услуги. За больныхъ и увѣчныхъ уплачивается только въ томъ случаѣ, если они принадлежатъ къ семейству, имѣющему не менѣе двухъ здоровыхъ лицъ, способныхъ къ труду. Правительство республики уплачиваетъ пароходнымъ обществамъ за каждаго взрослаго иммигранта 120 франковъ; половину этой суммы за дѣтей отъ 8 до 12-ти-лѣтняго возраста и четверть суммы за дѣтей отъ 3 до 8 лѣтъ, съ условіемъ, что эти компаніи будутъ обязываться исполнять настоящее узаконеніе и получать съ иммигрантовъ только добавочную плату, согласно своей перевозной таксы и вышепоименованныхъ суммъ, что̀ должно быть утверждено свидѣтельствомъ за подписью перевозимыхъ иммигрантовъ. Всѣ иммигранты, прибывшіе согласно этихъ условій, должны имѣть свидѣтельство отъ бразильскаго консула, живущаго въ портѣ выѣзда, въ которомъ должно быть обозначено: имя и фамилія, возрастъ, холостъ или женатъ, занятіе, а также поименованы всѣ члены каждаго семейства. Никто изъ иммигрантовъ не можетъ пользоваться помощью правительства, если онъ не объяснитъ и не докажетъ, чѣмъ онъ хочетъ заниматься по пріѣздѣ въ республику. Тѣ изъ иммигрантовъ, которые желаютъ заниматься земледѣліемъ, должны знать, что они не могутъ ничего требовать отъ правительства, кромѣ безплатнаго перевоза и доставки ихъ на мѣста поселенія или въ колоніи центральныя, если они того пожелаютъ, и въ послѣднемъ случаѣ, правительство предоставитъ для иммигрантовъ все необходимое, согласно настоящаго закона. Художники, механики и проч. тоже должны свидѣтельствовать своею подписью, что они не будутъ требовать отъ правительства, чтобы оно отыскало и дало имъ то или другое занятіе, но могутъ требовать покро-

вительства, какъ всякій другой гражданинъ, и безплатнаго проѣзда на мѣста, ими избранныя для занятій. Желающіе принять иммигрантовъ землевладѣльцы, банки, общества и лица, полагающіе устроить на своихъ земляхъ колоніи, должны обращаться для этой цѣли съ прошеніемъ въ канцелярію инспектора земледѣлія и колонизаціи и указать число лицъ или семействъ, сколько они желаютъ имѣть, а также обозначить какой націи рабочихъ принимаютъ за плату и какую работу предоставятъ иммигрантамъ. Копія этого прошенія посылается агенту того мѣста, откуда приглашаются иммигранты, и онъ долженъ перевести ее на туземный языкъ и объяснить въ то же время сумму заработка, считая стоимость мѣстными деньгами. Этотъ документъ въ двухъ экземплярахъ подписывается иммигрантомъ съ удостовѣреніемъ, что онъ согласенъ на предлагаемыя условія.

Иммигранты остаются подъ особымъ покровительствомъ правительства и инспекторовъ земледѣлія и колонизаціи въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ по пріѣздѣ ихъ въ республику. Тѣ иммигранты, которые поселились у частныхъ землевладѣльцевъ и желаютъ переселиться въ другое таковое же мѣсто или въ правительственныя колоніи, могутъ это сдѣлать въ продолженіе первыхъ шести мѣсяцевъ по пріѣздѣ, но должны обязаться выполнить распоряженіе правительства. Тѣ иммигранты, которые находятся въ приморскихъ городахъ республики, могутъ требовать, чтобы ихъ перевезли въ то или другое мѣсто на казенный счетъ, но только туда, гдѣ есть регулярное морское или сухопутное сообщеніе. Землевладѣлецъ или его агентъ, когда будетъ доказано, что они не выполнили своихъ обязательствъ, будутъ принуждены всѣми законными средствами исполнить ихъ, и кромѣ того, теряютъ право требовать поселенцевъ отъ правительства въ продолженіе отъ 6 мѣсяцевъ до 2 лѣтъ, сообразно съ обстоятельствами дѣла. Агенты по передвиженію иммигрантовъ должны платить вышепоименованные денежные штрафы, если по разслѣдованію окажется, что иммигранты, о коихъ было произведено слѣдствіе, не земледѣльцы, но были привезены какъ таковые. Если контракты сдѣланы неточно, то взыскивается штрафъ въ половину стоимости привоза цѣлой семьи или одного лица, если онъ пріѣхалъ одинъ. Пароходныя компаніи, которыя доставили въ продолженіе года не менѣе 10.000 иммигрантовъ и на которыя не было жалобъ за

потерю багажа или же за содержаніе и обхожденіе во время пути, имѣютъ право на полученіе преміи въ 100.000 франковъ.

Право на возвращеніе на родину за правительственный счетъ имѣютъ только вдовы и сироты, которыя похоронили своихъ родителей и мужей въ теченіе года по ихъ прибытіи въ республику, а также иммигранты, которые по какому-нибудь несчастному случаю получили увѣчье и не могутъ работать, если они прожили не болѣе года въ республикѣ. Находящіеся въ такихъ условіяхъ иммигранты получаютъ не только безплатный проѣздъ на родину, но еще вспомоществованіе отъ 50 до 150 мильрейсовъ (приблизительно 100—300 франковъ), согласно съ количествомъ душъ въ ихъ семействѣ, для расходовъ во время путешествія и на первоначальное обзаведеніе по возвращеніи на родину. Все это относится лишь къ иммигрантамъ, прибывшимъ въ республику на правительственный счетъ.

Земледѣльческія имѣнія. Каждый землевладѣлецъ, желающій имѣть на своей землѣ европейскихъ иммигрантовъ, можетъ пользоваться облегченіями, выраженными ниже, но при выполненіи слѣдующихъ условій. Земли, предназначенныя для устройства поселеній иммигрантовъ, не должны быть по размѣру менѣе 500 гектаровъ, если онѣ не обработаны, и не менѣе 300 гектаровъ, если онѣ уже культивированы. Эти земли не должны быть слишкомъ удалены отъ рынковъ сбыта, или станцій желѣзной дороги. Земли должны имѣть точную опись съ обозначеніемъ качества ея, пригодна ли она къ культурѣ, какова мѣстность для здоровья, есть ли тамъ рѣка или другой источникъ, что наилучше можетъ тамъ произростать. Если земли уже культивированы, то должно быть въ описи объяснено: существуютъ ли дороги для сообщеній, разныя постройки, машины и все то, что находится при хозяйствѣ. Земли должны быть раздѣлены на участки, въ каждомъ изъ коихъ должна быть вода и необходимый для топлива лѣсъ. На земляхъ некультивированныхъ, эти участки должны быть не менѣе 15 гектаровъ, тамъ же, гдѣ была культура, эти участки могутъ быть не менѣе 5 гектаровъ, и въ этомъ случаѣ половина участка должна быть совершенно готова для культурныхъ работъ. Эти участки должны по крайней мѣрѣ тропинками соединяться между собою, а равнымъ образомъ съ существующими и съ проектированными дорогами.

Продажа участковъ и срокъ уплаты денегъ. Помощь иммигрантамъ. Купчая крѣпость. Участки земли, гдѣ находится уже провизуарный домъ, стоющій не менѣе 250 мильрейсовъ и построен-

ный по плану, утвержденному правительствомъ, могутъ быть проданы семейному иммигранту за цѣну не свыше 25 мильрейсовъ за гектаръ, гдѣ земля еще не культивирована, или же за 50 мильрейсовъ, если земля культивирована. Въ этой цѣнѣ стоимость дома не заключается. Плата производится ежегодно, начиная съ перваго дня втораго года; уплата всей суммы должна быть произведена въ срокъ не менѣе десяти лѣтъ, и землевладѣльцамъ не позволяется брать болѣе 9% за долгъ. Землевладѣльцы должны дать поселенцамъ плуги, бороны и другія орудія, сѣмена и проч. и даже средства для каждаго семейства въ продолженіе 9-ти мѣсяцевъ, т. е. до того времени, пока они могутъ воспользоваться результатами своихъ работъ. Стоимость орудій труда причисляется къ цѣнѣ участка, который со всѣми улучшеніями остается въ гипотекѣ землевладѣльцевъ до полной уплаты долга со стороны иммигрантовъ, получающихъ при своемъ поселеніи запродажную запись. Въ ней обозначается цѣна участка и цѣны орудій труда и сѣмянъ. Въ этомъ же документѣ записывается произведенная уплата. Когда будутъ уплачены всѣ деньги, запродажная запись перемѣняется на купчую крѣпость, которая служитъ главной квитанціей въ уплатѣ денегъ и документомъ на собственность.

Неуплата денегъ и отъѣздъ съ участка. Передача участка. Оцѣнка улучшенія участка. Если иммигрантъ не уплачиваетъ за землю въ продолженіе двухъ лѣтъ, землевладѣлецъ можетъ требовать, чтобы онъ оставилъ участокъ, но при этомъ землевладѣлецъ долженъ уплатить иммигранту за всѣ произведенныя улучшенія и, кромѣ того, возвратить половину произведенной уже уплаты денегъ, вычитая изъ этого стоимость выданныхъ земледѣльческихъ орудій и сѣмянъ. Если иммигрантъ оставляетъ участокъ, не уплачивая выкупа за него, то онъ теряетъ право требовать то или другое вознагражденіе. Каждый иммигрантъ можетъ передать свой участокъ другому лицу, до уплаты стоимости его, но съ согласія на то землевладѣльца. Въ случаѣ неудовольствія на оцѣнку по улучшенію участка, мѣстный мировой судья назначаетъ третейскаго судью, мнѣніе котораго безапелляціонно.

Вознагражденіе отъ правительства. Всѣ землевладѣльцы, общества и др., которые выполнили всѣ условія, указанныя выше, имѣютъ право на слѣдующее вознагражденіе отъ правительства согласно категорій, къ которымъ относится ихъ имѣніе. Всѣхъ категорій три. Къ первой категоріи относятся тѣ обра-

ботанныя уже земли, на которыхъ можетъ быть поселено не менѣе 30 семействъ. Вознагражденіе, которое предназначается отъ правительства для имѣній этой категоріи, состоитъ изъ преміи въ 200 мильрейсовъ за поселеніе каждаго семейства, кромѣ того выдаются 250 мильрейсовъ за всякій провизуарный домъ, предназначенный для первоначальной жизни. Ко второй категоріи принадлежатъ таковыя же земли, на коихъ можетъ быть поселено не менѣе 200 семействъ и гдѣ уже проведены проѣздныя дороги и сообщенія съ рынками для сбыта продуктовъ, съ станціями желѣзныхъ дорогъ, съ рѣками или морскимъ портомъ; кромѣ того земли эти должны имѣть фабрики и машины для сельско-хозяйственныхъ производствъ. Имѣнія этой категоріи получаютъ, кромѣ вознагражденія за каждое семейство и провизуарный домъ, еще сумму въ 1.500 мильрейсовъ за каждый километръ дороги, которыя необходимы для соединенія поселеній съ ближайшими станціями желѣзной дороги или съ рынками сбыта. Къ третьей категоріи принадлежатъ большія имѣнія, какъ напримѣръ, центральныя, сахарныя или другія фабрики, имѣющія достаточно обработанной или необработанной земли для населенія не менѣе 150 семействъ и удовлетворяющія второй категоріи условіямъ, однимъ словомъ—тѣ имѣнія, которыя пріобрѣтены обществами съ намѣреніемъ устроить поселки на земляхъ республики. Эти общества обязаны выполнить всѣ условія закона и поселить не менѣе соотвѣтствующаго числа семействъ и имѣть необходимыя для производствъ орудія и фабрики, и устроить школы и больницы. Имѣнія третьей категоріи получаютъ не только вознагражденіе, указанное для двухъ предъидущихъ категорій, но еще 800 мильрейсовъ для проложенія тропинокъ, кромѣ того, право пріобрѣсти земли казенныя, необходимыя для поселенія двойнаго числа семействъ, т. е. 1000. Если правительство найдетъ болѣе выгоднымъ, оно можетъ поступить такъ: вмѣсто уплаты за устройство проселочныхъ дорогъ между населеніями и станціями желѣзныхъ дорогъ, рынками сбыта и морскими портами, правительство уплачиваетъ землевладѣльцу согласно условій, которыя будутъ для этого заключены, по 6% ежегодно въ продолженіи 20 лѣтъ за устройство желѣзной дороги, стоимость которой не болѣе 15.000 мильрейсовъ за каждый километръ.

Каждый землевладѣлецъ, окончательно благоустроивъ на своей землѣ 100 семействъ, получаетъ премію въ 5.000 миль-

рейсовъ. Эта премія повторяется всякій разъ, какъ землевладѣлецъ исполнитъ эти требованія, и уплата денегъ производится тотчасъ по удостовѣреніи въ этомъ.

Какимъ образомъ уплачивается вознагражденіе. Какъ только имѣніе классифицировано, преміи за провизуарные дома и за населеніе иммигрантовъ, въ группахъ не менѣе 10 семействъ, будутъ уплачены по истеченіи 90 дней послѣ благоустройства всѣхъ семействъ; но въ то же время должно быть представлено свидѣтельство отъ мѣстнаго инспектора, удостовѣряющаго, что семейства населены согласно существующихъ правилъ и живутъ въ провизуарныхъ домахъ, построенныхъ по плану, утвержденному правительствомъ. Въ той же самой пропорціи выплачиваютъ деньги для проведенія путей сообщенія, согласно измѣреній, указанныхъ на генеральныхъ картахъ имѣній и заселенныхъ участковъ. Уплата суммъ, предназначенныхъ на устройство путей сообщенія, производится послѣ осмотра со стороны правительства и увѣренности въ томъ, что четвертая часть семействъ, необходимыхъ для этого имѣнія, уже заселены. Всегда, когда одно или нѣсколько семействъ, за которыя уже преміи получены, оставляютъ землевладѣльца, послѣдній долженъ увѣдомить объ этомъ мѣстнаго инспектора, чтобы преміи за нихъ не повторялись другой разъ. При заключеніи разсчетовъ, стоимость провизуарнаго дома, находящагося на оставляемомъ участкѣ, вычитается.

Какимъ образомъ землевладѣльцы доказываютъ, что они имѣютъ право на вознагражденіе. Землевладѣльцы, которые пожелаютъ воспользоваться выгодами, предоставленными закономъ, должны обращаться для этого въ канцелярію главнаго инспектора земледѣлія и колонизаціи письменно, прошеніемъ и приложить планъ имѣнію. Послѣ формальнаго осмотра это прошеніе представляется къ министру агрикультуры, который обсуждаетъ: удовлетворяетъ ли имѣніе требованіямъ и къ какой категоріи оно принадлежитъ. Имѣніе тотчасъ же послѣ этого можетъ пользоваться вышеозначенными выгодами, но само собою разумѣется, что землевладѣлецъ долженъ выполнить всѣ требованія закона. Лица, намѣревающіяся составить компаніи, должны приложить къ своему прошенію документы, удостовѣряющіе ихъ состоятельность и средства для выполненія проекта, изложеннаго въ прошеніи. По благопріятномъ исходѣ ходатайства, общества должны въ теченіе одного года сдѣлать измѣреніе земли и потомъ уплатить за каждый гектаръ земли по

1 мильрейсу и 33 рейса въ главное или губернское казначейство. Въ общемъ числѣ семействъ иммигрантовъ, поселенныхъ въ имѣніи, позволяется имѣть 25% семействъ мѣстныхъ, національныхъ, но съ хорошимъ поведеніемъ, трудолюбивыхъ и способныхъ выполнять земледѣльческія работы. Они имѣютъ право на всѣ выгоды, предоставленныя европейскимъ семействамъ.

Едва минулъ мѣсяцъ со времени опубликованія этого закона, мѣсяцъ, необходимый для доставленія морскимъ путемъ изъ Ріо-Жанейро на материкъ Европы текста его, какъ уже въ Бременѣ пароходная компанія Ллойда приспособляетъ нѣсколько пароходовъ для перевозки эмигрантовъ и пріобрѣтаетъ многочисленныхъ агентовъ-коммисіонеровъ; въ то же время правленіями компаній и частныхъ лицъ, пріобрѣвшихъ въ Бразиліи земли, разсылаются адресы ихъ конторъ, гдѣ можно было получить точныя указанія объ условіяхъ эмиграціи. Все это немедленно по полученіи телеграфнаго извѣстія о выходѣ новаго узаконенія объ иммигрантахъ въ Бразилію и ко дню привоза почтою текста законоположеній, все уже было готово, не исключая партій эмигрантовъ изъ нашихъ западныхъ губерній. Само собою разумѣется, что, не имѣя въ рукахъ законоположеній объ иммигрантахъ, агенты могли говорить только приблизительно, изъ личныхъ выгодъ преувеличивая тѣ преимущества, которыя должны выпасть на долю всякаго эмигранта въ Бразиліи.

Агитація агентовъ нашла себѣ удобную почву у насъ въ Польшѣ; ихъ разсказы и письма быстро облетѣли города и селенія, и передавались изъ устъ въ уста. Должно правду сказать, что поляки умѣютъ вести всякую пропаганду: никто и никогда не подмѣтитъ, какъ слухъ у нихъ распространяется, они скрытны, сомкнуты, объединены между собою. Это проявилось не только въ эмиграціонномъ движеніи въ Америку. Это можно наблюдать и въ Петербургѣ и въ Москвѣ, гдѣ учащаяся молодежь представляетъ изъ себя строго обособленную среду, также въ Парижѣ, въ Ріо-Жанейро и въ другихъ городахъ Европы и Америки, гдѣ у нихъ находятся свои комитеты. Это настроеніе пособило немало агентамъ по эмиграціи въ Бразилію отыскать для себя доходныхъ простаковъ. Тому же немало способствовало большое количество безземельныхъ и малоземельныхъ. Послѣднихъ насчитываютъ до 200.000 семействъ,

изъ коихъ каждое имѣетъ менѣе трехъ морговъ земли, т. е. менѣе чѣмъ полторы десятины на семью. Заработки на фабрикахъ тоже въ послѣднее время уменьшились. Мнѣ пришлось видѣть разсчетную книжку одного изъ лучшихъ рабочихъ фабрики, ѣхавшаго на одномъ пароходѣ со мною въ Бразилію. За двадцать недѣль труда, его заработокъ былъ въ 94 руб. 91 к., при чемъ у него вычитали изъ этой суммы по 3 руб. въ мѣсяцъ за квартиру и 8 руб. 33 коп. за поломанныя спицы на вязальной фабрикѣ. Такимъ образомъ, еженедѣльный заработокъ равнялся 3 руб. 72 коп. при своихъ харчахъ. Но этотъ заработокъ еще сносный: чернорабочіе, земледѣльцы получаютъ еще меньше, нерѣдко по 7, по 9 коп. въ сутки на своихъ харчахъ и при вычетѣ за нерабочіе часы ненастнаго времени. Безземельные, не имѣющіе средствъ и приложенія труда, сообразили, что они очень мало потеряютъ, если поѣдутъ въ Америку: за проѣздъ съ нихъ ничего не возьмутъ, за харчи тоже самое. Многихъ прельщало и то, что, среди черныхъ и индѣйцевъ, они, культурный народъ, вскорѣ могутъ занять выдающееся положеніе. Забавно было слушать, какъ иной портняжка, ѣдучи на пароходѣ, пресерьезно велъ разговоръ о томъ, что онъ можетъ быть въ Бразиліи губернаторомъ. Нѣкоторые даже подъ такимъ обѣщаніемъ увлекали за собою женщинъ.

Мнѣ пришлось ѣхать изъ Бремена съ партіей поляковъ-эмигрантовъ въ 800 человѣкъ. Большинство изъ нихъ были ремесленники: портные, сапожники, столяры, кузнецы, слесаря, плотники, булочники, каменьщики и проч. Семейные составляли не болѣе четвертой части общаго числа. Почти всѣ эмигранты были поляки, только одно семейство, потерпѣвшее неудачу на Кавказѣ, было великорусское. Изъ общаго числа эмигрантовъ, едва насчитывалось 5% семействъ, имѣвшихъ средства на обратный путь изъ Бразиліи, въ случаѣ неудачи. Семействъ, имѣвшихъ нѣсколько тысячъ рублей, было только два: великоруссы съ Кавказа и одинъ изъ проигравшихся въ карты польскихъ помѣщиковъ. Почти всѣ ѣхали въ Бразилію, не взявъ заграничныхъ паспортовъ, уйдя тайкомъ. Труденъ и опасенъ перевалъ чрезъ заграничную цѣпь, иногда весьма дорогъ, но въ силу разныхъ обстоятельствъ, почему-то предпочитали убѣжать, захвативъ только метрическое свидѣтельство или же паспортъ на прожитіе внутри имперіи. Всѣ ѣхавшіе со мною эмигранты не знали ни узаконеній Бразиліи объ иммигрантахъ, ни господствующаго тамъ португальскаго язы-

ка, ни вообще условій жизни,— климатическихъ, экономическихъ и др.,—словомъ, не ѣхали какъ разумные люди, а бѣжали зря, неизвѣстно куда, куда-то далеко.

II.

Для рабочаго люда отдыхъ во время пути на пароходѣ и сладкія грезы о свободѣ и богатствахъ въ Америкѣ представляли уже сами по себѣ удовольствіе. Безъ особыхъ приключеній прошелъ мѣсяцъ морскаго пути, и мы въ „новомъ свѣтѣ". Пароходъ бросаетъ якорь въ устьѣ Ріо-Жанейро, въ верстѣ разстоянія отъ города. Туманъ и дождь мѣшали любоваться очаровательной панорамой разбросаннаго по множеству холмовъ города, утопающаго въ роскошной зелени южной растительности. По устью разбросано нѣсколько островов, вѣчно зеленѣющихъ и лѣто и зиму. Одинъ изъ острововъ, Флора, былъ мѣстомъ, гдѣ предстояло временно остановиться эмигрантамъ. Тамъ есть для нихъ особыя зданія съ спальнями, столовыми, кладовыми и разными службами.

Былъ январь мѣсяцъ, но онъ соотвѣтствуетъ нашему іюлю, т. е. срединѣ лѣта. Послѣ экваторіальныхъ морей, гдѣ вода морская буквально жгла руки, гдѣ едва можно было выносить духоту, въ устьѣ рѣки, при ненастной погодѣ, мы не чувствовали особой жары. Изъ многочисленныхъ пассажировъ я былъ единственный, ѣхавшій на свой счетъ, по платному билету. Таможенная стража осмотрѣла на пароходѣ мои вещи, и я отправился въ городъ на катерѣ пароходнаго агента. Флотилія, расположенная передъ городомъ, немногочисленна: пять-шесть пароходовъ военныхъ, десятка два коммерческихъ судовъ, нѣсколько миноносокъ. Близъ пристани прекрасное зданіе министерства земледѣлія, а поближе, шаговъ полтораста не болѣе, гостинница „Альбіонъ", куда я направился по указанію агента Хозяинъ, младочехъ, знающій десятка два-три русскихъ словъ, любезно отвелъ мнѣ номеръ, маленькую комнатку-спальню, за которую вмѣстѣ со столомъ, завтракомъ и обѣдомъ, мнѣ приходилось платить десять франковъ ежедневно. Въ Ріо-Жанейро всѣ гостинницы таковы, повсюду маленькіе номера-спальни отдаются со столомъ; обѣдаютъ въ общей болѣе обширной комнатѣ, служащей и пріемной. „Альбіонъ"—гостинница, гдѣ можно встрѣтить и русскихъ.

Тяжело и грустно становится на душѣ—въ странѣ, языка которой не знаешь. Встрѣтишься съ кѣмъ,—нельзя слова сказать; возьмешь газету, журналъ—ничего не понимаешь. Въ такихъ условіяхъ очутился я, также какъ и всѣ иммигранты. Иду въ книжныя лавки и магазины отыскать какую-нибудь подходящую книжку для разговора на португальско-русскомъ или польскомъ языкѣ, но ничего подобнаго не оказывается. Есть португальско-французскія, португальско-нѣмецкія, португальско-испанскія, итальянскія, англійскія, но для насъ ничего. Радъ радешенекъ, когда встрѣтишься съ лицомъ, которое можетъ понимать хотя немного и объяснить что-нибудь на французскомъ языкѣ.

Исходилъ я и изъѣздилъ городъ по разнымъ направленіямъ. Городъ дѣлится на двѣ части: на старый, съ узкими улицами, и новый—съ широкими, обсаженными по обѣимъ сторонамъ деревьями. Большое количество конно-желѣзныхъ дорогъ по всѣмъ направленіямъ даетъ возможность ѣздить на самыя отдаленныя загородныя мѣста и подняться на крутые холмы. Театры, библіотеки, музей, госпиталь, общественные сады, ботаническій, зоологическій, морская терраса—въ европейскомъ вкусѣ; во всемъ видно приспособленіе къ югу, къ жаркому климату. Городъ большой, болѣе 400.000 жителей. Но всѣ почти постройки въ два-три этажа, не выше. Молодая палата депутатовъ болѣе оживлена, чѣмъ въ Парижѣ, гдѣ зачастую можно видѣть дремлющихъ представителей народа. На каждомъ шагу можно встрѣтить негра или негритянку, одѣтыхъ по-европейски, въ снѣжно-бѣломъ бѣльѣ. На центральныхъ улицахъ масса движущагося народа. То тамъ, то здѣсь разбросаны кофейныя съ прохладительными, но роскошныхъ и обширныхъ не видно. Цѣны въ магазинахъ на все большія, вдвое, втрое противъ европейскихъ. Русскихъ товаровъ не имѣется, хотя говорятъ, что мочала, канаты и веревки, смазочное масло изъ нефтяныхъ остатковъ, а также мануфактурные товары нашли бы тамъ хорошій сбытъ. Въ городѣ до шестидесяти періодическихъ изданій преимущественно на португальскомъ языкѣ, есть и на нѣмецкомъ; много изданій вечернихъ: бразильянцы покупаютъ ихъ на расхватъ. Но ни въ одной редакціи нельзя было найти русскую или польскую газету: тамъ нѣтъ переводчиковъ съ этихъ языковъ.

Исполнявшій обязанности русскаго консула, туземецъ, хорошо владѣющій нѣмецкимъ и французскимъ языками и ни

слова не знающій по-русски и по-польски, любезно принялъ меня. На другой день онъ обѣщалъ представить меня главному инспектору земледѣлія и колоній, заявляя при этомъ, что онъ имѣетъ предписаніе отнюдь не вмѣшиваться въ дѣло эмиграціи и хочетъ оказать мнѣ содѣйствіе, какъ частный человѣкъ, торговецъ, не болѣе.

Трехъ-этажный, маленькій, въ три окна по фасаду, домикъ, противъ зданія министерства земледѣлія отъ ранняго утра до вечера былъ переполненъ народомъ разныхъ націй. Это канцелярія главнаго инспектора земледѣлія и колонизаціи. Въ нижнемъ этажѣ толпятся эмигранты, поочередно подходящіе къ проволочной сѣткѣ, отдѣляющей столы чиновниковъ и переводчиковъ. Здѣсь дѣлаются всевозможныя справки о багажѣ, о колоніяхъ, и получаютъ проѣздные, даровые билеты до мѣста, избраннаго для жизни. Въ среднемъ этажѣ — кабинетъ инспектора и его адъютанта, въ верхнемъ—канцелярія. На площадкѣ, лишь только поднимешься во второй этажъ, размѣщены ряды стульевъ для просителей. Регистраторъ, красный туземецъ, элегантно одѣтый, сидя за столомъ, принимаетъ бумаги, визитныя карточки и словесныя заявленія. Онъ, также какъ и просители, то и дѣло обмахивается вѣерами; жара и духота едва переносимыя. Иные подложили свои носовые платки подъ воротнички рубахъ, обтирая постоянно влажныя руки другимъ платкомъ. Между просителями находятся инженеры и врачи, ищущіе занятій землевладѣльцы и эмигранты. Узнавъ, что я не владѣю португальскимъ языкомъ и принявъ отъ меня бумагу о желаніи собрать свѣдѣнія о состояніи эмигрантовъ изъ Россіи, меня попросили придти на другой день. Любезность инспектора была такъ велика, что, прійдя въ канцелярію на слѣдующій день, я нашелъ уже приготовленнаго для меня переводчика, природнаго француза, получившаго воспитаніе въ русскомъ учебномъ заведеніи, старичка временъ Николая I-го. Онъ былъ на военной службѣ и въ Россіи, и во Франціи, а теперь уже третій годъ проживаетъ въ Бразиліи. Инспекторъ, принявшій меня весьма радушно, далъ мнѣ узаконенія иммиграціи и нѣсколько брошюръ о состояніи колоній, а также разрѣшилъ бывать на островѣ Флора, гдѣ находились пріѣзжіе эмигранты.

Я былъ тому очень радъ. Найти переводчика русскому въ столицѣ Бразиліи весьма трудно. Тамъ всего три великорусса-эмигранта, да и тѣ при мѣстахъ, при постоянныхъ занятіяхъ. Одинъ изъ нихъ старичекъ-профессоръ, лѣтъ тридцать живу-

щій въ Бразиліи, постоянно занятъ въ школахъ и на биржѣ, въ качествѣ переводчика для нѣмцевъ, поляковъ и евреевъ. Живетъ онъ не богато, но занятія постоянно имѣетъ. Другой— дворянинъ изъ центральной Россіи, бывшій офицеръ. Ему года три пришлось пробыть гарсономъ въ ресторанѣ, прежде чѣмъ могъ получить мѣсто въ одной банкирской конторѣ. Скучно ему: женился на туземкѣ и имѣетъ уже двоихъ краснокожихъ дѣтей. Есть еще одинъ молодой человѣкъ, тоже семейный, служащій въ коммерческой конторѣ. Русскій коммерсантъ, кофейный плантаторъ, женившійся на туземкѣ и слывущій за милліонера, конечно, переводчикомъ быть не можетъ. Вотъ и всѣ русскіе. Поляковъ, евреевъ, немного говорящихъ по-русски, тѣхъ много.

Маленькій катеръ инспекторіи дважды въ день отходитъ отъ гребной пристани на островъ Флора, поутру и вечеромъ. Иммигранты отпускаются съ острова въ городъ только по воскреснымъ днямъ, или тогда, когда предъявятъ приглашеніе на какое-нибудь занятіе. Небольшій островокъ Флора, саженъ въ триста въ діаметрѣ, прилично и чистенько обстроенъ. Тамъ живетъ постоянно мѣстный начальникъ, имѣющій помощника и канцелярію. На набережной острова устроена громадная крытая терраса, могущая служить защитой отъ солнечныхъ лучей и дождя не одной тысячѣ человѣкъ. За ней большая кладовая для багажа иммигрантовъ. Далѣе—корпусы спаленъ и столовыхъ. Въ спальныхъ залахъ, на нѣсколько сотъ человѣкъ каждая, устроены деревянныя нары съ настилками изъ мѣстной морской травы. Въ столовыхъ—столы съ мраморными досками; для сидѣнья— деревянныя скамьи. Рядомъ—больница, аптека, кухня, кладовая для съѣстныхъ припасовъ и канцелярія. Нѣсколько поодаль—домикъ начальника съ садикомъ и службами. Есть на островѣ много и свободнаго мѣста, но пока не устроено ни огородика, ни образцовой плантаціи. Въ продолженіе восьми дней иногда и болѣе иммигранты пользуются казеннымъ столомъ. Имъ даютъ по утру кофе съ сахарнымъ пескомъ и бѣлымъ хлѣбомъ; завтракъ съ одиннадцати часовъ, состоящій изъ двухъ блюдъ съ мясомъ, обѣдъ тоже изъ двухъ блюдъ. Мясо или свѣжее или мѣстное сушеное. Пища вообще прекрасная. Два врача, чередуясь, обходятъ съ утра до вечера. По стѣнамъ террасы развѣшены большія доски съ обозначеніемъ условій эмиграціи. Въ опредѣленное время иммигрантамъ напоминаютъ записываться кто и куда желаетъ выѣхать на жительство. Въ

канцеляріи и въ больницѣ было по одному переводчику спеціально для поляковъ. Но при многочисленности иммигрантовъ и полномъ незнаніи ими географіи Бразиліи, переводчики эти приносятъ пользу лишь администраціи. Впрочемъ, на всемъ пути, начиная съ Бремена, поляки слышали, что въ Бразиліи жарко, что надо будетъ избирать мѣста въ провинціяхъ, болѣе отдаленныхъ отъ экватора. Поэтому они всегда стремились записаться въ провинціи С. Пауло, С. Катерина и въ портъ Аллегро, не имѣя возможности оріентироваться въ вопросахъ— гдѣ мѣстность болѣе возвышена, гдѣ есть равнины, строевой лѣсъ, и вообще гдѣ болѣе удобно для колонизаціи. Записывались и уѣзжали совершенно очертя голову. Даже не задавали себѣ вопроса, въ какомъ помѣщеніи будутъ жить въ колоніи, какъ будутъ добывать себѣ насущный хлѣбъ. Везли ихъ морями и кормили на казенный счетъ, не обижая; ну, думаютъ, и тамъ, въ колоніи, тоже не обидятъ, устроятъ. Но, конечно, этого не могло быть на дѣлѣ. Въ исторіи такихъ поселеній—съ домами, инвентаремъ и скотомъ, землей—все даромъ—только одинъ примѣръ: нѣмцы въ Россіи. Иммигранты наши на островѣ Флора рѣзко отличались отъ другихъ своею набожностію. Какъ во время пути, такъ и на островѣ, часто пѣли церковные гимны; не однажды обращались къ начальнику съ просьбой, чтобы онъ привезъ имъ ксендза, но такія ихъ просьбы никогда не удовлетворялись. Еще черта особенности эмигрантовъ-католиковъ— ихъ нечистоплотность. Хотя необходимыя мѣста были устроены удобно, по близости и содержатся безукоризненно, они ими не пользовались, а засорили всю мѣстность кругомъ. Это было предметомъ неоднократныхъ и непріятныхъ пререканій, весьма понятныхъ со стороны мѣстной администраціи.

Изрѣдка пріѣзжали на островъ горожане выбрать себѣ прислугу изъ иммигрантовъ. Иногда пріѣзжалъ посланный отъ польскаго общества и бралъ съ собою десятками мужчинъ для работъ, производимыхъ обществомъ по сооруженію зданій съ дешевыми квартирами для поляковъ. Поляки обыкновенно переѣзжаютъ въ городъ, поступая рабочими по сооруженію этихъ зданій. Тамъ цѣна для всѣхъ одинакова—по два мильрейса въ день. За каменной работой можно встрѣтить и столяра, и булочника, и слесаря, и сапожника, и портнаго, и лицъ другихъ ремеслъ. Тяжела непривычная работа, страшно жарко подъ открытымъ небомъ. Потъ съ лица катитъ градомъ, силы изнемогаютъ, человѣкъ истощается и наконецъ болѣетъ. Такъ бы-

ваетъ почти съ каждымъ вновь прибывшимъ. Безъ привычки наши приступаютъ къ работѣ со свойственной имъ, какъ сѣверянамъ, энергіей. Но въ Бразиліи это неумѣстно. Надо ходить потихоньку, брать тяжести помаленьку, дѣлать все неспѣшно, заботясь, чтобы не надорвать своего разслабленнаго отъ жары организма. Поработаютъ здѣсь недѣлю, другую, а тамъ, глядь, нашлась и соотвѣтствующая профессія: булочникъ пристраивается у булочника, сапожникъ у сапожника. Всѣ рады радешеньки не менѣе самого мастероваго. Но не проходитъ двухъ, трехъ дней, какъ туземецъ-хозяинъ отказываетъ поляку, такъ какъ, въ силу незнанія послѣднимъ языковъ португальскаго и французскаго, они не могутъ понимать другъ друга, работа не спорится, встрѣчаются недоразумѣнія. Радъ бы хотя опять камни таскать при постройкѣ, да тамъ уже стоитъ другой иммигрантъ, мѣсто занято. Остаются такимъ образомъ безъ работы. Жизнь въ городѣ не дешева. Маленькая комнатка-квартира—отъ 10 до 20 мильрейсовъ въ мѣсяцъ, завтракъ и обѣдъ стоятъ мильрейсъ въ сутки. Да и пища-то все не наша, не подходящая къ нашимъ желудкамъ, трудно переваривается, приходится болѣть. Пока есть еще излишнія вещи—часы, кольца, костюмъ, бѣлье,—можно продать ихъ и жить. А тамъ далѣе продается и ежедневно носимое платье, иммигрантъ облачается въ посконные шаровары, въ синюю блузу вмѣсто пиджака, въ изорванную обувь вмѣсто сапогъ, постоянно находясь въ грязномъ до отвращенія бѣльѣ. Такъ влачатъ жизнь большинство нашихъ иммигрантовъ въ Ріо-Жанейро. Незнаніе языка и общихъ условій жизни заставляютъ ихъ страдать. Болѣзнь желудка, и головы, климатическія болѣзни и лихорадки подрываютъ здоровье. Черезъ двѣ-три недѣли послѣ пріѣзда, инаго и узнать нельзя, такъ онъ истощалъ, видоизмѣнился.

Но вотъ выпало на долю быть приглашенными въ провинцію на частную плантацію тоже за два мильрейса въ сутки. Ѣдутъ. Но и тамъ тѣ же недоразумѣнія, тѣ же болѣзни. Есть работа,—хозяинъ платитъ; нѣтъ—сиди безъ куска хлѣба. Пришлось мнѣ встрѣтить одну партію, возвратившуюся съ частной плантаціи на островъ Флора. Говорятъ, прожили тамъ два мѣсяца. Одинъ изъ иммигрантовъ получилъ вознагражденіе только за восемь рабочихъ дней, другой—за пять, а третій—только за два. Ихъ жены и дѣти больны, слегли. Приглашеній на работу помѣсячно, погодно не дѣлаютъ. Другая возвратившаяся

партія съ частной плантаціи поссорилась съ хозяиномъ, не понимая другъ друга. Хозяинъ отдаетъ приказъ, его не понимаютъ. Тотъ кричитъ, сердится, грозитъ. Наши показываютъ ему кулаки. Наконецъ хозяинъ беретъ ружье и стрѣляетъ,— а тѣ разбѣгаются.

— Ну, что же, отдалъ онъ вамъ заработокъ? спрашиваю.

— Какое отдалъ, ни рейса. Та́къ прожили свои деньги и возвратились.

— А не пробовали вы подать на него къ мировому?

— Да гдѣ онъ живетъ? Кто его знаетъ? Какъ спросить? Ужь Богъ съ нимъ!

И правда—разобраться во время грабежа, воровства и плутовства, весьма нелегко, не зная языка и условій жизни.

Не менѣе плачевно положеніе русскихъ иммигрантовъ, отправляющихся въ казенныя колоніи. Прежде другихъ большою партіею переселились въ Бразилію нѣмцы-колонисты изъ одной приволжской губерніи. Но они вскорѣ, не проживши и двухъ лѣтъ, снялись съ мѣста и оставили страну. Имъ не нравились не только тяжкія климатическія условія, но и экономическія — нѣтъ дорогъ, нѣтъ рынковъ сбыта. Пріѣзжали финны и литовцы—то же разочарованіе. Теперь вмѣстѣ съ поляками ѣдутъ великороссы изъ Ковенской, Гродненской, Виленской и другихъ губерній. Но это единичныя поѣздки, а не массовое движеніе, какое мы замѣчаемъ у поляковъ. Послѣднихъ въ Бразиліи насчитывается не менѣе тридцати тысячъ.

Всѣхъ заселенныхъ колоній въ Бразиліи около пятидесяти, отъ 3 до 30 тысячъ жителей каждая. Есть колоніи, заселенныя исключительно однимъ какимъ-нибудь народомъ: нѣмцами, итальянцами, поляками и др.; много смѣшанныхъ, гдѣ можно встрѣтить и француза, и испанца, и англичанина, и поляка, и нѣмца. Обыкновенный типъ колоній таковъ: около одного центральнаго селенія, гдѣ находится нѣсколько торговыхъ лавокъ, размѣщается на разстояніи двухъ-пяти верстъ нѣсколько другихъ въ пятьдесятъ-семьдесятъ домовъ каждое. Судя по внѣшней постройкѣ, живется повсюду пока плохо: не болѣе десятой части всѣхъ семействъ имѣютъ кирпичныя, или каменныя постройки въ нѣсколько комнатъ, остальные представляютъ или маленькія хижинки или убогія лачужки. Но у иммигрантовъ-поляковъ и этого нѣтъ.

Не прошло двухъ-трехъ мѣсяцевъ со времени пріѣзда, какъ поляки повсюду стали выражать неудовольствіе, бросали

колоніи и работы по проведенію дорогъ, и возвращались изъ отдаленнѣйшихъ мѣстъ въ Ріо-Жанейро, настоятельно требуя, чтобы ихъ отправили обратно въ Европу. Поднялась неурядица въ южныхъ провинціяхъ С. Пауло, С. Катерина и въ портѣ Аллегро. Дѣло въ томъ, что поляки были прельщены агентами-подстрекателями и выѣхали въ Бразилію, всецѣло не удовлетворяя требованіямъ закона Бразиліи объ иммиграціи, изданнаго 28 іюня 1890 года. Они ѣхали безъ средствъ, необходимыхъ для устройства домоводства и полеводства, ѣхали въ надеждѣ найти себѣ заработки, да и то бо́льшіе и при лучшихъ условіяхъ жизни, чѣмъ они ихъ могли имѣть у себя дома. Заработокъ они въ Бразиліи могли имѣть, но при условіяхъ невыносимыхъ для обитателей сѣверной равнины.

Въ короткое время двухмѣсячнаго пребыванія въ Бразиліи, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ выраженія неудовольствія поляковъ въ трехъ провинціяхъ.

По пріѣздѣ одной партіи иммигрантовъ ихъ спрашиваютъ: куда желаютъ приписаться? Въ портъ Аллегро, говорятъ. Отправляютъ. Назначаютъ мѣсто для колоній. Даютъ казенныя подводы, кладутъ пожитки иммигрантовъ, привѣшиваютъ къ экипажамъ корзины съ грудными дѣтьми, кладутъ на подводы харчи на нѣсколько дней и отправляютъ водворять. Пріѣхали. Ни домика, ни заборчика, лишь горы крутыя, да природа дикая: невеселая картина! Говорятъ: селись; устраивай такъ-то и такъ-то шалаши, а завтра на работу. Дали на каждую семью казенныхъ вещей—мотыгу, топоръ и большой, въ родѣ серпа, ножъ для срѣзанія дикой травы и кустарника. Нарубили кустарничку, надѣлали шалашики, прикрыли ихъ листьями мѣстной растительности и стали жить. Пошелъ дождь, насквозь промочилъ крышу шалаша—и сами, и пожитки мокрые. Лѣса строеваго по близости нѣтъ. Для полей, огородовъ, садовъ и вообще плантацій земли не расчищены. Все покрыто мелкимъ, но колючимъ кустарникомъ. Взглянешь на горы, такъ ужасъ беретъ, такъ онѣ круты. Какъ приступить къ хозяйству? Гдѣ расчищать поляну для посѣва — не знаешь; за что приняться—тоже. Нѣтъ ни скота, ни птицъ. Изъ харчей рѣшительно все должно быть покупаемо. Идутъ на заработки: верстахъ въ шести прокладываютъ рельсовый путь. Работу даютъ, хотя она и тяжела. Проходитъ недѣля, спрашиваютъ деньги. Вмѣсто причитающагося заработка инженеръ выдаетъ росписки, „валлесы“, что вотъ такой-то-де рабочій имѣетъ получить изъ

казначейства такую-то сумму за трудъ. Каждые три-четыре мѣсяца по этимъ роспискамъ выдаютъ деньги. Но рабочему ждать нельзя. Ему нужны средства на мелочные расходы по закупкѣ харчей. Поневолѣ несутъ росписочки инженера къ мѣстному торговцу и забираютъ подъ нихъ все необходимое. Лавочникъ съ неохотой принимаетъ „валлесы“, говоря, что по нимъ еще не скоро можно получить деньги; за это время мало ли что можетъ случиться. Наконецъ, поломавшись, торговецъ соглашается отпустить провизію за половинную стоимость „валлеса“. Такимъ образомъ вмѣсто двухъ мильрейсовъ ежедневнаго заработка получается только одинъ. Но это еще не все. Пользуясь монополіей, лавочникъ беретъ за все сколько хочетъ, для него, при хорошихъ отношеніяхъ съ инженеромъ, таксы не существуетъ. Пока идешь на работу, безъ пути, безъ дороги, — все обдерется — и одежда и обувь; примешься за работу,—весь перепачкаешься и износишься. Въ результатѣ и получилось, что всѣ привезенныя съ собою деньжонки, всѣ пожитки проживутъ въ два, въ три мѣсяца, а тамъ и жить нечѣмъ. Къ этому надо прибавить еще всевозможныя болѣзни. Земляныя блохи, залѣзая подъ кожу ногъ, производятъ раны; отъ жары и отъ изнуренія появляются климатическія болѣзни — опухоль краснота и язвы ногъ; отъ солнечныхъ лучей—головныя боли и удары; многіе слѣпнутъ, страдаютъ желудкомъ, лихорадками.

Выясняютъ поляки на сходѣ, что жить тутъ нельзя, побросаютъ свои колоніи и идутъ,захвативъ съ собою своихъ семейныхъ, въ мѣстный провинціальный городъ къ начальству съ заявленіемъ, что такъ жить невозможно, что они не желаютъ оставаться въ Бразиліи и просятъ отправить ихъ обратно въ Европу. Говорятъ они начальству по-польски, по привычкѣ жестикулируя. Ихъ конечно не понимаютъ, убѣждаютъ, чтобы возвращались въ колоніи. Поляки упираются, не идутъ и, нуждаясь въ хлѣбѣ, ходятъ по улицамъ и христарадничаютъ. Наконецъ всѣ, тысячной толпой, направляются къ губернаторскому дому и ложатся передъ окнами. Являются конные жандармы, потряхиваютъ саблями возлѣ самаго носа иммигрантовъ и водворяютъ до нѣкоторой степени порядокъ. Такъ проходитъ день, два, три. Поляки все лежатъ противъ дома начальника. Наконецъ въ силу его ходатайства министръ земледѣлія велѣлъ дать имъ возможность прибыть вновь въ Ріо-Жанейро.

Пріѣзжаютъ на пароходѣ и размѣщаются на островѣ Флора. Ихъ поятъ, кормятъ недѣлю, двѣ, три,—думая, что авось опомнятся и возвратятся къ труду. Но поляки никакихъ предложеній не принимаютъ, настаивая на томъ же, чтобы ихъ отправили обратно въ Европу. Ничего другаго администраціи не оставалось дѣлать, какъ прибѣгнуть къ силѣ. Появилась на островѣ полиція и силою, ударами своихъ полицейско-американскихъ палокъ, отправила часть недовольныхъ иммигрантовъ на пароходъ и въ колонію. Затѣмъ, при ослушаніи и угрозахъ со стороны поляковъ, появились на островѣ вооруженные солдаты и силою оружія заставили другую часть тоже отправиться въ колоніи. Были случаи, когда мужчинъ вязали по рукамъ и въ такомъ состояніи вталкивали на пароходъ. Прибѣгали и къ другимъ пріемамъ. Такъ въ одной колоніи, отказавшейся отъ работъ, всѣхъ посадили въ деревянныя колодки и такъ продержали полмѣсяца.

А. РОГОВЪ.

Р. А. Ѳадеевъ и его сочиненія[1].

II.

Дворянство и земство.

Свои политическія убѣжденія и чаянія, свою политическую программу и предположенія необходимыхъ преобразованій, чтобы упорядочить нашу общественную, земскую и церковную жизнь, Р. А. Ѳадеевъ высказалъ въ двухъ трактатахъ. Первый подъ заглавіемъ „Русское общество въ настоящемъ и будущемъ" („Чѣмъ намъ быть?") печатался сначала въ „Русскомъ Мірѣ", а затѣмъ въ 1874 году появился отдѣльною книгою; второй, подъ заглавіемъ „Письма о современномъ состояніи Россіи", впервые появился въ Лейпцигѣ въ 1881 году. Среди публицистическихъ произведеній нашей литературы эти два трактата занимаютъ весьма видное мѣсто, и первый изъ нихъ, при своемъ появленіи, вызвалъ цѣлую бурю. Автору приписывали вожделѣнія „революціоннаго консерватизма", стремящагося вырвать всѣ демократическія начала изъ реформъ прошлаго царствованія. Между тѣмъ, Ѳадеевъ исходилъ изъ той характеристической черты времени, которая признавалась безусловно всѣми бытописателями, современными Ѳадееву, какъ бы ни были различны и даже противоположны точки зрѣнія, съ которыхъ они наблюдали явленія русской современной жизни. У всѣхъ у нихъ звучитъ одна согласная нота общей неудовлетворенности, но выходы предлагались различные, далеко расходившіеся съ вѣрнымъ и здравымъ разрѣшеніемъ вопроса Ѳадеевымъ. Политическая программа его настолько своеобразна и характерна, высказанныя имъ мнѣнія и наблюденія надъ разными сторонами русской жизни настолько мѣтки, что теперь, когда нѣкоторыя изъ реформъ, предлагавшихся

[1]) См. „Русск. Вѣстн." 1891 г. IX.

Ѳадеевымъ, осуществились, — является необходимость болѣе близкаго и внимательнаго знакомства съ двумя вышеупомянутыми публицистическими трактатами.

„Представимъ себѣ сонъ: намъ снится, что всѣ *частные* русскіе люди, семьдесятъ девять съ половиною милліоновъ изъ восьмидесяти, перенесены мгновенно на другую планету и имъ приходится устраивать свой общественный бытъ безъ помощи готовой правительственной склейки, которою у насъ все держится — писалъ Р. А. въ 1874 году, начиная въ „Русскомъ Мірѣ“ рядъ статей подъ заглавіемъ „Чѣмъ намъ быть“; этимъ частнымъ людямъ — продолжалъ онъ, — надобно сложиться въ общество и государство одною силою своей исторической закваски и современныхъ убѣжденій“. Всякій изъ большихъ европейскихъ народовъ, поставленный въ такое положеніе, по мнѣнію нашего публициста, несомнѣнно долго не затруднялся бы, возсоздавшись по своему историческому складу. Такъ, „у англичанъ не возобновилось бы, вѣроятно, одно царство, но управленіе осталось бы на новой планетѣ въ нынѣшнихъ же привычныхъ рукахъ; между французами не обошлось бы безъ рѣзни, такъ какъ у нихъ лишь рѣзнею устанавливается законность всякаго новаго правительства, но одна изъ *готовыхъ* партій очень скоро захватила бы власть и снова опеленала бы народъ административной паутиной; французамъ опять пришлось бы платонически увлекаться пристрастіемъ къ той или другой формѣ верховной власти, оставаясь подъ тою же самою ежечасною и мелочною опекой чиновниковъ, назначаемыхъ всякимъ ихъ правительствомъ почти изъ тѣхъ же людей. Нечего и говорить объ американцахъ: почва новой планеты никакъ не показалась бы имъ въ политическомъ отношеніи мудренѣе почвы Новаго Свѣта. То же сравненіе, приблизительно, можно распространить и на нѣмцевъ и на итальянцевъ. Но что дѣлали бы въ такомъ положеніи мы, русскіе? Одна сторона вопроса вѣроятно рѣшилась бы скоро. Судя по понятіямъ всей массы нашего народа, признающаго законною властью одну только царскую власть, безъ всякаго ея опредѣленія, мы должны были бы снова прибѣгнуть къ самодержавію, хотя подобное возстановленіе не обошлось бы безъ большой смуты: нашъ народъ вѣритъ не столько

въ отвлеченный принципъ, какъ въ освященный родъ". Не такъ просто рѣшилась бы другая сторона вопроса. Дѣло въ томъ, что самодержавіе есть только принципъ, способный облекаться въ самыя разнообразныя формы въ управленіи государствомъ и областями, доказательствъ чему можно привести немало изъ отечественной исторіи. „Но какой же монархъ, спрашивалъ Ѳадеевъ, — можетъ взяться за устройство управленія, не зная, въ чемъ состоятъ условія и потребности даннаго народа. А кто же, какое мнѣніе, какая группа единомышленниковъ — могли бы указать у насъ, при возсозданіи общественнаго порядка, наши потребности, — указать такимъ образомъ, чтобы голосъ ихъ покрылъ тысячи другихъ голосовъ, настоящую кошачью музыку, которая поднялась бы по этому поводу? Можно сказать съ достаточною вѣрностью одно: большинство русскихъ голосовъ не захотѣло бы возобновленія бюрократическаго управленія посредствомъ столоначальниковъ, *внѣ необходимыхъ размѣровъ*. Но чѣмъ замѣнить столоначальниковъ? кто сказалъ бы это на новой планетѣ съ такимъ авторитетомъ, чтобы въ немъ можно было узнать голосъ страны, по крайней мѣрѣ, голосъ нравственной силы, первенствующій въ странѣ, что̀ одно и то же? Можно думать, однако же, что, даже не переѣзжая на другую планету, мы находимся и на этой землѣ въ положеніи довольно близкомъ къ вышеописанному, за однимъ исключеніемъ—за исключеніемъ прочности верховной власти, безъ которой все у насъ разсыпалось бы прахомъ. Конечно, существованіе твердой власти есть спасительный фактъ, обезпечивающій наше настоящее и близкое будущее въ государственномъ смыслѣ; но само по себѣ оно не предрѣшаетъ формъ общественнаго устройства, соотвѣтствующихъ нашему складу, росту и потребностямъ. Правительство состоитъ не изъ волшебниковъ, которые могли бы знать то, чего не знаетъ самъ народъ; у насъ же не существуетъ покуда никакого связнаго мнѣнія (возможнаго только при связности людей), въ которомъ выражалось бы хотя приблизительно направленіе большинства русскаго общества".

Такова была исходная точка мнѣній Ѳадеева о причинахъ неурядицъ въ нашей общественной жизни:—у насъ нѣтъ связности людей, а существуютъ, наоборотъ, разбродъ и безличье; у насъ каждый разсуждаетъ въ одиночку, не зная, что̀ и кто за него, что̀ и кто противъ него; отъ безсвязности происходятъ и недостатки гражданской доблести и вялость въ исполненіи

своихъ обязанностей, и равнодушіе къ общему дѣлу. Эта безсвязность сказывается не только въ жизни, но и въ литературѣ, особенно газетной, за весьма малыми исключеніями. „Она исключительно живетъ, говоритъ Ѳадеевъ,—фельетономъ, обращеннымъ въ потѣху для публики, принявшимъ всѣ свойства стариннаго помѣщичьяго увеселенія, съ шутами и скоморохами. Наши нигилистскіе журналы издаются для гимназистовъ, такъ-называемыя серьезныя газеты во всемъ, что онѣ говорятъ отъ своего имени, — ровно ни для кого: читатели ищутъ въ нихъ шутокъ, телеграммъ, извѣстій изъ областей, городской хроники, иногда останавливаются на случайномъ словѣ кого-нибудь изъ читателей же, рѣшившагося высказаться—и только".

Въ первомъ своемъ публицистическомъ трактатѣ, появившемся въ 1874 году („Чѣмъ намъ быть") Ѳадеевъ объяснялъ эту безсвязность, разбродъ и безличіе однѣми причинами, ближе подходящими къ истинѣ; въ „Письмахъ же о современномъ состояніи Россіи" встрѣчаются другія объясненія, болѣе односторонніе, изъ которыхъ видно, что авторъ, въ виду какихъ-то обстоятельствъ, долженъ былъ сдѣлать уступку (вольно или невольно—это другой вопросъ). Такъ въ „Чѣмъ намъ быть" Ѳадеевъ говорилъ, что въ шестидесятыхъ годахъ мы сдѣлали опытъ, никому еще не удававшійся въ Европѣ и шедшій въ разрѣзъ всему содержанію нашей послѣпетровской исторіи, — окунулись въ полную безсословность, растворили въ массѣ свое еще недостаточно связное, еще не созрѣвшее культурное сословіе, требовавшее времени и самодѣятельности, чтобы стать на ноги. Такимъ образомъ, причиной безсвязности являются до нѣкоторой степени реформы 60-хъ годовъ, о которыхъ Ѳадеевъ говоритъ слѣдующее: „великія преобразованія шестидесятыхъ годовъ, вполнѣ вѣрныя духу русской исторіи съ своей отрицательной стороны и въ своей современности, неоспоримо вѣрныя также въ коренномъ основаніи, въ освобожденіи народа съ землей, оказались *теоретическими*, не совсѣмъ русскими, со стороны положительной, въ задуманномъ ими новомъ общественномъ устройствѣ, очевидно *сочиненномъ* людьми того времени". Вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ говорилъ, что русское дворянство, организованное и открытое, составляющее союзъ образованныхъ русскихъ родовъ, какого бы они происхожденія ни были, тѣсно сплоченное съ верховною властью, надолго обезпечитъ правильное развитіе Россіи, обезпечитъ его до тѣхъ поръ, пока

*

не воспитаетъ народъ до всесословности—не на словахъ, а на дѣлѣ.

На иныя причины Ѳадеевъ указываетъ въ „Письмахъ". Здѣсь и шестидесятые года, и раствореніе культурнаго дворянскаго сословія въ безсословности отодвигается на второй планъ и почти совсѣмъ не упоминается. Здѣсь онъ сосредочиваетъ вниманіе на послѣдствіяхъ „почти двухъ-вѣковаго подавленія жизни бюрократической формальностью", приведшей къ „онѣмѣнію" духовныхъ началъ русскаго общества. Бюрократизмъ является источникомъ всѣхъ золъ, такъ какъ онъ породилъ: „безсиліе несвязнаго общества и исходящее изъ того полное равнодушіе къ покушенію на самыя существенныя основы; фактическое (къ счастью, не нравственное) отчужденіе подданныхъ отъ верховной власти, отгороженной отъ нихъ непроницаемой стѣной бюрократіи; поголовное недовольство правительственными порядками и общее недовѣріе къ орудіямъ власти, пустые промежутки въ государственномъ строѣ, недосягаемые ни сверху, ни снизу, въ которыхъ всякое злоумышленіе безпрепятственно можетъ свить себѣ гнѣздо; постепенное разореніе государства вслѣдствіе нагроможденія новыхъ учрежденій надъ старыми, не уступающими своего мѣста; сосредоточеніе всей дѣйствительной практической власти правительства въ рукахъ второстепенныхъ, невидныхъ и не отвѣтственныхъ агентовъ; безмѣрное разростаніе злоупотребленій вслѣдствіе этой безотвѣтственности; безобразное положеніе печати, которая, тѣмъ не менѣе, прямо вліяетъ на настроеніе русскихъ умовъ; наконецъ, омертвѣніе церкви и оскудѣніе или уклоненіе въ сторону нашей религіозной жизни". Конечно, въ такомъ мнѣніи есть большая доля правды, но все-таки не вся правда. Очевидно, авторъ съузилъ точку зрѣнія по тѣмъ или другимъ причинамъ. Выходомъ изъ такого положенія Ѳадеевъ считалъ перенесеніе „центра тяжести съ песка на камень"; онъ говорилъ, что лѣкарство— въ развитіи „всесословныхъ земскихъ учрежденій до законнаго ихъ предѣла", поставленныхъ притомъ въ правильныя отношенія къ крестьянскому населенію и тѣсно связанныхъ съ правительствомъ. Съ этою цѣлію Ѳадеевъ находилъ необходимымъ разсредоточить власть въ рукахъ генералъ-губернаторовъ, людей, имѣющихъ прямой доступъ къ Государю. Такихъ генералъ-губернаторовъ—при естественномъ дѣленіи Россіи на полосы, представляющія значительные от-

тѣнки экономическіе и этнографическіе и свои мѣстныя нужды—будетъ нѣсколько „подъ рукою умнаго генералъ-губернатора, особенно при взаимной связи земствъ ввѣренныхъ ему губерній, эти нужды могутъ добиться своего отдѣльнаго удовлетворенія, между тѣмъ какъ въ рукахъ самаго умнаго министра онѣ сливаются въ общую заботу о благѣ Россіи". Что же касается земства, то самый надежный путь для его упроченія заключался въ развитіи первоначальнаго установленія мировыхъ посредниковъ, скошеннаго вслѣдствіе „ревности бюрократіи". Теперь же земство должно заимствовать отъ этого упраздненнаго учрежденія во-первыхъ „непосредственную связь просвѣщенныхъ руководителей съ крестьянскимъ населеніемъ" и, во-вторыхъ, „самостоятельность ихъ положенія передъ мѣстными властями". Въ третьихъ, земство должно стать дѣйствительнымъ хозяиномъ всего хозяйства своей мѣстности, простирая свое дѣйствіе на владѣнія частныя, общественныя и государственныя, распоряжаясь взысканіемъ прямыхъ казенныхъ налоговъ и оброчныхъ доходовъ безъ вмѣшательства со стороны при его неисправности, иначе полицейская практика снова обратитъ зарождающееся самоуправленіе въ фикцію. По мнѣнію Ѳадеева, черезъ нѣсколько времени, послѣдовательный рядъ мѣръ, расширяющихъ права земства и сближающихъ его съ властью, приведетъ нечувствительно, безъ измѣненія въ коренныхъ законахъ и безъ видимаго перелома, къ всероссійскимъ совѣщательнымъ земскимъ соборамъ, свободно созываемымъ властію.

Несомнѣнно, что радужныя надежды, возлагавшіяся Ѳадеевымъ на земство въ такомъ видѣ неизвѣстное по своему составу, имѣющее въ своей средѣ какихъ-то „просвѣщенныхъ руководителей", — едва-ли основательны и едва-ли привели бы къ тому оздоровленію и развитію мѣстной областной жизни Россіи, о комъ говорилъ публицистъ. Если, по мнѣнію Ѳадеева, теперь всѣ лучшія силы страны облекаются въ вицъ-мундиръ и если предположить, что, съ сокращеніемъ бюрократизма, часть ихъ перейдетъ въ земскую жизнь, то все-таки ихъ будетъ недостаточно для тѣхъ важныхъ обязанностей, которыя публицистъ возлагаетъ на земство. Другое совсѣмъ дѣло, если будетъ образованъ цензовой дворянскій слой, въ рукахъ котораго сосредоточатся земскія дѣла, какъ объ этомъ говорится въ „Чѣмъ намъ быть". Кромѣ того, функціи земства при новомъ положеніи настолько сложны, что потребовали бы несом-

нѣнно дѣятелей съ большимъ административнымъ и хозяйственнымъ опытомъ, а откуда ихъ взять, если и при нынѣшнемъ-то положеніи дѣла земства идутъ кое-какъ. Такіе земскіе дѣятели могутъ явиться только при условіи существованія цензоваго дворянства. Затѣмъ, на земство Ѳадеевъ возлагаетъ слишкомъ уже много обязанностей, съ которыми оно едва-ли справилось бы, продолжая составляться изъ нынѣшнихъ гласныхъ. Легко, конечно, сказать — „земство должно быть дѣйствительно *хозяиномъ* своей мѣстности", — но каково это сдѣлать? Наконецъ, повторяемъ, кто же войдетъ въ составъ новаго земства—объ этомъ Ѳадеевъ прямо не говоритъ, и если каждый генералъ-губернаторъ будетъ личнымъ докладчикомъ Государя, то зачѣмъ же собирать еще земскій соборъ? Всякое земство или рядъ земствъ даннаго округа найдетъ въ генералъ-губернаторѣ своего ходатая и защитника. Да и вообще идея земскаго собора въ настоящее время примѣнима ли, и нужна ли. Въ допетровской Руси, при патріархальныхъ отношеніяхъ власти къ подданнымъ и обратно, при маломъ знакомствѣ власти съ землею, широко-раскинувшеюся и разъединенною неудобствомъ путей сообщенія, вслѣдствіе чего многое могло ускользнуть отъ центральнаго правительственнаго надзора, конечно, являлась необходимость въ собираніи время-отъ-времени земскихъ людей. Но въ настоящее время земскій соборъ обратится въ говорильню, вродѣ совѣщанія извѣстныхъ „свѣдущихъ людей", которые ни до чего не дотолковались. Нужно еще замѣтить, что Ѳадеевъ вѣроятно предполагалъ будущій составъ своего земства слишкомъ идеальнымъ и безкорыстнымъ, или людьми богатыми и досужими, которые ради общаго блага возьмутъ на себя всѣ обязанности въ уѣздѣ, кромѣ полицейскихъ и судебныхъ. Однимъ словомъ, намъ кажется, что въ „Письмахъ" положительная сторона разработана гораздо слабѣе, нежели въ „Чѣмъ намъ быть". Нельзя того же сказать о сторонѣ отрицательной: въ первомъ сочиненіи она также хороша, какъ и во второмъ, причемъ особенно мѣтко охарактеризована наша бюрократія; остроумно также письмо, посвященное разъясненію недостатковъ нашей печати и роли цензуры—странно сказать—въ дѣлѣ распространенія нигилизма; много, наконецъ, высказано правдивыхъ мыслей и въ письмѣ, трактующемъ о положеніи русской церкви, несущей на себѣ, вмѣстѣ со всѣмъ прочимъ, „гнетъ мертвящаго бюрократизма". Такимъ образомъ, со стороны отрицательной „Письма" во мно-

гомъ дополняютъ „Чѣмъ намъ быть", положительная же сторона наиболѣе полно выразилась въ послѣднемъ сочиненіи; поэтому на немъ мы и остановимся подольше, дополняя отрицательную картину при помощи „Писемъ".

Ѳадеевъ находилъ, что переходъ отъ безсвязности и безформенности къ прочной общественной организаціи не требуетъ большой ломки въ порядкахъ, установленныхъ шестидесятыми годами, а можетъ быть осуществленъ при помощи нѣсколькихъ малозамѣтныхъ дополненій къ дѣйствующимъ постановленіямъ. Такъ нужно:

1) Опредѣлить новыя права вступленія въ потомственное и личное дворянство, права соотвѣтственныя сомкнуть прямо или косвенно около высшаго сословія, остающагося главнымъ орудіемъ правительственнаго дѣйствія—весь русскій культурный слой; вмѣстѣ съ тѣмъ предоставить этому сословію извѣстныя права надъ своими членами.

2) Перенести избраніе властныхъ лицъ уѣзднаго управленія въ дворянское собраніе, не трогая ни городскаго, ни крестьянскаго самоуправленія.

3) Поставить надъ волостями попечителей, по избранію дворянства.

4) Ограничить кругъ дѣйствія всесословныхъ земскихъ собраній утвержденіемъ земскихъ налоговъ и выборомъ лицъ, завѣдывающихъ общественными суммами, съ предоставленіемъ мѣста въ собраніи всякому владѣльцу цензоваго имущества или капитала, личному и сборному.

5) Отдать уѣздъ, во всѣхъ отношеніяхъ въ полное завѣдываніе мѣстному самоуправленію, обращенному въ отвѣтственную инстанцію управленія государственнаго.

6) Предоставить губернскому предводителю право созывать *сословное* собраніе губернское, а собраніямъ этимъ—свободу сноситься между собою и дѣйствовать по отношенію къ правительству на основаніи существующихъ, никогда не отмѣненныхъ, законовъ императрицы Екатерины II.

7) Сокращать постепенно бюрократію до необходимыхъ предѣловъ, по мѣрѣ передачи земству заботъ, лежащихъ теперь на ней *дѣйствительно*, обращая остатки отъ сокращеній на земскія потребности.

8) Ясно отграничить гражданскія должности властныя отъ

приказныхъ и замѣщать первыя преимущественно земскими дѣятелями.

9) Опредѣлить особыя обязательныя отношенія дворянства къ всесословной воинской повинности и службѣ въ арміи.

Разсмотримъ эти выводы въ подробностяхъ, замѣтивъ при этомъ, что желаніе Ѳадеева видѣть попечителей надъ волостями исполнилось въ лицѣ земскихъ начальниковъ, въ земствѣ данъ перевѣсъ дворянству, и оно сдѣлано отвѣтственнымъ передъ правительствомъ, хотя въ этомъ отношеніи многія предположенія Ѳадеева остались втунѣ.

Ѳадеевъ считалъ главнымъ орудіемъ правительственной власти — высшее сословіе, объединяющее весь культурный слой, вопреки порядкамъ, унаслѣдованнымъ отъ нашего петровскаго „воспитательнаго" періода, сдѣлавшаго главнымъ орудіемъ бюрократію. Между тѣмъ, правительство, говоритъ Ѳадеевъ, не настолько владѣетъ ею, чтобы „провести сверху до низу духъ какой-либо мѣры". Оно можетъ проводить только форму, которая часто прилагается на практикѣ въ смыслѣ, прямо противоположномъ правительственной волѣ. Это вполнѣ понятно при непомѣрной громадности русскаго бюрократическаго механизма, въ которомъ рѣшеніе по каждому дѣлу обусловливается хорошо подобранными формальностями. Такимъ образомъ, всякій начальникъ отдѣленія сильнѣе министра въ дѣлахъ своего круга дѣйствій, каждый изъ нихъ можетъ вынудить желательное для себя рѣшеніе у зауряднаго министра, теряющагося въ хаосѣ текущихъ дѣлъ". „Каждый слышалъ", — говоритъ далѣе нашъ публицистъ, — „десятки анекдотовъ о томъ, что министръ пробовалъ постановить рѣшеніе, сдѣлать назначеніе противъ воли начальника отдѣленія или директора, — и сдался. Но изъ этого выходитъ, что если вслѣдствіе какого-либо вреднаго направленія, вкравшагося въ общество, найдется въ длинномъ іерархическомъ ряду хотя одно лицо, имъ зараженное, то, начиная съ этой ступени, мѣра осуществляется въ духѣ этого лица, а не въ правительственномъ, конечно, съ точнымъ соблюденіемъ формальностей. Извѣстно, что тонкой прослойки какого-либо посторонняго тѣла между двумя стеклами достаточно, чтобы переломить лучъ, дать ему иное направленіе. Но какъ въ нынѣшнемъ русскомъ обществѣ сильно распространенъ духъ безсодержательнаго либерализма и недовольства всѣмъ настоящимъ, и какъ при томъ въ Россіи все, выростающее изъ зипуна, почти поголовно воплощается

въ чиновничествѣ (кромѣ военныхъ), не говоря объ инородцахъ, часто враждебныхъ по принципу, то наша администрація переполнена лицами, дѣйствующими не въ правительственномъ духѣ, тѣми именно прослойками, въ которыхъ лучъ преломляется". Для существованія и развитія такихъ прослоекъ бюрократическая среда является очень благопріятной.

„Человѣкъ", говоритъ Ѳадеевъ, „живущій практическою жизнью въ какомъ бы то ни было званіи—въ земствѣ, на желѣзной дорогѣ, въ промышленномъ предпріятіи, ежедневно соприкасается съ толпою и видитъ собственными глазами исходъ своихъ мѣропріятій; онъ безпрестанно наталкивается на случаи, заставляющіе его свѣрять дѣйствительность съ идеями, взятыми имъ на вѣру; черезъ нѣсколько лѣтъ такой жизни онъ не можетъ уже оставаться глухимъ утопистомъ и проникается живою средою, не заносною, а своею, русскою, въ которой вращается. Для чиновника канцеляріи, или учителя (къ нимъ еще надобно причислить большинство сотрудниковъ періодической нашей печати) рѣдко возможенъ житейскій опытъ. Чиновникъ, особенно же петербургскій, вычитываетъ свои идеи или принимаетъ ихъ съ чужихъ словъ, не видитъ практическихъ послѣдствій своихъ распоряженій, не можетъ повѣрять своихъ мнѣній на опытѣ и судитъ все на свѣтѣ съ точки зрѣнія теоріи, къ которой однажды приблизился,—случайно или по складу своего ума. Оттого наши чисто-канцелярскіе дѣятели, дослужившіеся даже до званія дѣятелей государственныхъ (а такихъ немало), остаются во многихъ отношеніяхъ существами полудѣтскими, съ заимствованными понятіями, безъ собственной провѣрки. При такой закваскѣ людей самый утопическій либерализмъ, дѣйствительно привлекательный въ чистой теоріи, легко внѣдряется въ душу. Намъ же почти два вѣка ставили въ первое достоинство—объевропеиться; тѣ изъ насъ, которые жили преимущественно въ безвоздушномъ пространствѣ оффиціальной среды, и объевропеились въ самомъ модномъ и прогрессивномъ вкусѣ".

Если правительственная опека нужна была послѣ Петра Великаго, довѣрявшаго только своимъ людямъ, выбраннымъ и поставленнымъ имъ чиновникамъ, потому что прочіе не соотвѣтствовали духу новаго направленія, то въ настоящее время, послѣ реформъ 60-хъ годовъ, этотъ порядокъ пережилъ свой законный срокъ и ведетъ не къ силѣ, а къ обезсиленію прави-

тельства. Бюрократическая стѣна, заслонившая верховную власть отъ народа, должна быть разрушена.

Хотя воспитательный періодъ нашей исторіи, продолжавшійся полтора вѣка, съ Петра I до 19-го февраля 1861 года, не давалъ возможности нашему культурному дворянскому слою жить общественною жизнью, хотя дворяне сходились между собою въ полкахъ, канцеляріяхъ и разъ въ три года на съѣздахъ, гдѣ выбирали предводителей и нѣсколькихъ чиновниковъ, и общаго дѣла у нихъ не являлось; хотя, наконецъ, политическое воспитаніе дворянства оказывалось очень слабо, и старые и новые дворяне воспитывались лично, учились въ одиночку и зачастую проникались иностранными понятіями, не имѣя возможности свѣрить ихъ съ своею дѣйствительностью; несмотря на все это, дворянство было проникнуто чувствомъ своей обязанности къ престолу и Россіи; оно вносило, говоритъ Ѳадеевъ, это чувство въ государственную службу, военную и гражданскую; дворяне, получавшіе жалованье, были служилыми людьми своего отечества, а не простыми наемниками; мелкіе исполнители стояли подъ ихъ рукой; въ русскую службу вносился духъ не какихъ-либо личностей только, а духъ сословія и сословія наслѣдственно образованнаго. Слѣдовательно, задача настоящаго времени — дать нашему культурно-дворянскому классу политическое воспитаніе, которое образовало бы изъ него *„русскихъ земскихъ людей“*. Эти люди, при усиліяхъ хотя бы одного поколѣнія, непремѣнно явятся, сплотятся въ политическое сословіе, сознательно служащее видамъ верховной власти и твердо руководящее народомъ въ каждой мѣстности. Подтвержденіе своимъ чаяніямъ Ѳадеевъ усматривалъ въ томъ обстоятельствѣ, что „слабосиліе русскаго образованнаго общества не порокъ органическій, а чисто наружный, происходящій отъ отвычки къ серьезному дѣлу“. Если наслѣдственность нужна для систематическаго политическаго воспитанія, то еще больше въ высшемъ слоѣ она нужна,—говоритъ Ѳадеевъ,—„для упроченія и развитія самостоятельнаго русскаго образованія“, такъ какъ истинно просвѣщеннымъ человѣкомъ, кромѣ рѣдкихъ исключеній, становится только „образованный потомокъ нѣсколькихъ образованныхъ поколѣній“: въ семьѣ своей и своемъ обществѣ онъ получаетъ массу знаній и исторически вызрѣвшихъ взглядовъ, которыхъ не можетъ дать никакой университетъ. Поэтому дворянство, не являясь всею умственною силою Россіи, способною пользоваться политическими правами, должно несомнѣнно

стать „законнымъ средоточіемъ и устоемъ всей этой силы“. Такимъ образомъ, внѣ дворянства, можетъ быть предоставлено только право *лично* пользоваться его земскими правами, вступать въ кругъ его земской дѣятельности, при опредѣленныхъ условіяхъ, вытекающихъ или изъ высокаго ценза, или изъ довѣрія и уваженія къ личности, къ заслугамъ въ сферѣ умственнаго труда.

„Единственная группа людей внѣ дворянства, — говорилъ Ѳадеевъ, — обладающая у насъ самостоятельнымъ значеніемъ, а потому имѣющая несомнѣнное право голоса въ общихъ дѣлахъ, это—купечество. Изъ всѣхъ общественныхъ группъ наше купечество—самая связная, наиболѣе способная отстаивать свои сборныя выгоды, какъ она постоянно доказывала. Со всѣмъ тѣмъ, нельзя назвать русское купечество сословіемъ въ западномъ смыслѣ: до сихъ поръ оно не могло сложиться въ крѣпкое сословіе, такъ какъ наши купцы, невольно покоряясь историческому складу русскаго общества, или постепенно переходили въ дворянство, или же разорялись и вновь утопали въ народѣ. Если же изъ купцовъ не выработалось сословія до сихъ поръ, то уже не выработается никогда; теперь въ немъ нѣтъ больше надобности“. Поэтому Ѳадеевъ предлагалъ облегчить переходъ въ дворянство крупнымъ купцамъ, остающимся купцами, и такимъ образомъ богатое наслѣдственное купечество всецѣло перевести въ привилегированный слой общества: англійское и голландское купечество большихъ домовъ давно считается частью мѣстной аристократіи, въ Италіи знаменитый банкирскій домъ Торлонія носилъ герцогскій титулъ, не переставая держать банкъ. Что же касается остальныхъ общественныхъ званій, то правомъ участія въ общественномъ самоуправленіи должны пользоваться только люди умственнаго труда, каковы ученые, писатели и т. п., число которыхъ будетъ возрастать съ развитіемъ общества. Такой притокъ свѣжихъ силъ въ дворянство изъ культурной подпочвы, служащей высшему классу какъ бы питомникомъ, необходимъ потому, что сословія, наслѣдственно пользующіяся благосостояніемъ, размножаются туго и черезъ нѣкоторый срокъ, безъ подновленія, даже сокращаются въ числѣ. Доступъ въ дворянство все-таки долженъ подлежать серьезнымъ условіямъ, и только два-три поколѣнія пользованія правами личнаго дворянства могутъ давать званіе дворянства потомственнаго. Изъ этого, конечно, нужно исключить права потомственнаго дворянства, пріобрѣ-

таемыя государственной службой, а также права, даруемыя за общественныя заслуги милостью верховной власти. Образовавшееся, такимъ образомъ, цензовое дворянство представитъ нравственную силу русской земли, являясь въ то же время сословіемъ охранительнымъ, тѣсно связаннымъ съ престоломъ и между собою; находясь въ рукахъ дворянства, самоуправленіе станетъ тогда положительнымъ дѣломъ, на почвѣ котораго свяжутся русскія культурныя силы; „тогда, — говоритъ Ѳадѣевъ, — все у насъ постепенно обратится въ дѣло, и общественное мнѣніе, и печать, и даже акціонерныя компаніи".

При передачѣ земскаго самоуправленія въ руки цензоваго дворянства, правильно устроенное земство должно быть признано „прямымъ звеномъ государственной власти", мѣстнымъ ея орудіемъ, съ ограниченіемъ земской дѣятельности отъ чисто административной не въ сущности, а только въ степени, въ послѣдовательности инстанцій. За коронной администраціей оставалось бы значеніе высшей инстанціи и наблюденіе надъ законностью дѣйствій земства. Не въ одномъ хозяйствѣ, а во всѣхъ отправленіяхъ уѣздной жизни хорошіе и образованные мѣстные дѣятели не только болѣе знакомы съ нуждами управленія и болѣе внимательны къ нимъ, но даже въ чисто правительственныхъ видахъ они гораздо благонадежнѣе мелкихъ чиновниковъ, изъ которыхъ составляется нынѣшняя уѣздная власть. Земскіе люди лучше могутъ присмотрѣть за мѣстною полиціею, за тюрьмой, за неблагонадежными (даже политически) людьми, за сборомъ податей, чѣмъ „вицъ-мундирный фракъ, облекающій кого бы то ни было" Нѣкоторыя спеціальныя части управленія,—какъ напримѣръ, казначейство,—правительство, конечно, найдетъ нужнымъ удержать за собой, но въ остальномъ предоставитъ дѣйствовать земству, такъ что вмѣшательство администраціи будетъ ограничиваться только: – 1) надзоромъ за точнымъ исполненіемъ правительственныхъ распоряженій, 2) утвержденіемъ или назначеніемъ должностныхъ лицъ изъ мѣстныхъ жителей, 3) преслѣдованіемъ виновныхъ судомъ и 4) пріостановкою несогласныхъ съ правительственными видовъ. Все преобразованное земство съ его выдающимися дѣятелями, упразднивъ, конечно, табель о рангахъ, можетъ послужить матеріаломъ для обновленія администраціи съ цѣлью доведенія ея до образцовой и вполнѣ правительственной, съ цѣлью удаленія изъ нея неблагонадежныхъ прослоекъ. „Всѣ властные люди, распорядители оффиціальной среды, должны были бы

впредь поставляться у насъ землею,—говоритъ Ѳадеевъ—выбираться правительствомъ изъ людей, заявившихъ себя въ общественной дѣтельности и облеченныхъ общественнымъ довѣріемъ, а не изъ выростающихъ на канцелярскомъ полѣ". Но вмѣстѣ съ тѣмъ, конечно, русское дворянство есть и должно быть прежде всего сословіемъ служилымъ. Въ ранней молодости дворяне по доброй волѣ съ успѣхомъ могутъ служить на государственной службѣ, чтобы затѣмъ, между тридцатью и сорока годами, возвратиться въ свое помѣстье человѣкомъ болѣе опытнымъ, съ несравненно болѣе развитымъ характеромъ и умомъ, чѣмъ его сосѣди, навѣки засѣвшіе въ захолустьѣ. „Желательно,—говоритъ Ѳадеевъ—чтобы въ Россіи завелся всеобщій обычай (созданіе котораго также совершенно зависитъ отъ правительства), чтобы всѣ цензовые дворяне, гдѣ бы они ни находились, возвращались временно на родину и были бы для того по закону увольняемы въ отпускъ изъ службы, къ трехлѣтнимъ выборамъ; чтобы каждый государственный сановникъ, каждый министръ являлся къ этимъ выборамъ и садился на скамьѣ избирателей своего уѣзда на ряду съ прочими".

Во главѣ уѣзда будетъ находиться предводитель дворянства, который можетъ имѣть помощника для управленія мѣстною полиціей. Подъ руководствомъ этихъ лицъ и по выбору всего мѣстнаго дворянства должно состояться изъ дворянъ назначеніе волостныхъ попечителей, живущихъ въ волости или вблизи нея, причемъ каждый такой попечитель является вмѣстѣ съ тѣмъ и мировымъ судьей. Выборный изъ крестьянъ волостной голова можетъ служить помощникомъ начальнику и исправлять должность въ его короткія отсутствія. Управленіе уѣздомъ тогда сосредоточится въ съѣздѣ этихъ волостныхъ начальниковъ, подъ предсѣдательствомъ предводителя. Мѣстная сельская полиція перейдетъ въ руки волостныхъ попечителей, служба которыхъ должна быть безплатной и обязательной на извѣстный срокъ для всякаго неслужащаго государству цензоваго дворянина. При такой постановкѣ дѣла, другія сословія не лишатся голоса въ дѣлахъ, прямо касающихся ихъ пользы. „Мы считаемъ,—говоритъ Ѳадеевъ,— не только необходимымъ сохраненіе городскаго и сельскаго самоуправленія, но полагаемъ также, что голосъ въ мѣстномъ самоуправленіи долженъ принадлежать по праву каждой группѣ людей, связанныхъ взаимными интересами... Тѣмъ не менѣе, въ благоустроенномъ обществѣ обширность права голоса (если можно такъ выразиться),

кругъ предоставляемыхъ ему вопросовъ долженъ соотвѣтствовать его умственному кругозору, иначе самоуправленіе обращается въ ложь и интригу, вопросы голосуются безсознательно какъ нынѣ“. Такимъ образомъ, назначеніе въ дѣлахъ земства представителей другихъ сословій должно состоять исключительно въ утвержденіи земскихъ налоговъ, въ разсмотрѣніи денежной отчетности, заявленіи объ общественныхъ нуждахъ и выборѣ лицъ, распоряжающихся общественными суммами. Что же касается выбора должностныхъ лицъ, облеченныхъ исполнительною властью во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, пользующихся правами полиціи, суда и нравственнаго надзора за населеніемъ, также какъ правомъ вести сношенія съ высшими инстанціями о мѣстныхъ потребностяхъ и общихъ вопросахъ, то они должны принадлежать собранію цензоваго дворянства и лицъ, допущенныхъ имъ въ свой кругъ.

Если главой уѣзднаго земства явился бы уѣздный предводитель дворянства, то каждая губернія должна была бы кромѣ того имѣть главу, представителя и ходатая о своихъ дѣлахъ передъ правительствомъ—губернскаго предводителя дворянства, который такимъ образомъ преобразуется изъ теперешняго амфитріона въ лицо съ государственнымъ значеніемъ. Губернаторъ же останется представителемъ правительства, начальникомъ коронной администраціи и высшимъ прокуроромъ государственной власти; съ него должно быть снято только званіе хозяина губерніи, составляющее уже теперь вопіющее противорѣчіе, такъ какъ оффиціально хозяйство передано въ руки земства.

Такова была въ общихъ чертахъ реформа мѣстнаго самоуправленія, предлагавшаяся Ѳадеевымъ еще въ 1874 году. Многія предположенія даровитаго публициста исполнились черезъ десять съ небольшимъ лѣтъ въ законодательномъ порядкѣ, и такимъ образомъ Ѳадеевъ предлагалъ грядущія реформы. Земство преобразовано, въ немъ началъ преобладать элементъ дворянскій, земцы сдѣланы отвѣтственными передъ правительствомъ, хотя и не получили такой самостоятельности, какъ желалъ Ѳадеевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ дворянство призвано, въ лицѣ земскихъ начальниковъ, къ руководству сельскимъ самоуправленіемъ, причемъ, какъ желалъ Ѳадеевъ, судебная и административная власть соединена въ одномъ лицѣ. Но бюрократическая опека надъ земской жизнью не уменьшилась, а, пожалуй, напротивъ увеличилась, такъ что одинъ изъ главныхъ пунктовъ

политической программы остался невыполненнымъ и, вѣроятно, долго еще не исполнится, о чемъ можно только пожалѣть, такъ какъ напр. выборъ земскихъ начальниковъ мѣстнымъ дворянствомъ каждой губерніи, какъ предлагалъ Ѳадеевъ, вѣроятно, могъ бы быть удачнѣе теперешняго. На этотъ счетъ имѣются свѣдѣнія изъ разныхъ губерній. Если, такимъ образомъ сдѣланъ крупный шагъ въ отношеніи упорядоченія земской жизни, то относительно бюрократіи вопросъ остается все еще въ томъ же положеніи, какъ и при Ѳадеевѣ, и по-прежнему требуетъ разрѣшенія. Хотя до нѣкоторой степени, въ исключительныхъ случаяхъ, дѣйствительно властные люди у насъ поставляются землею, но это еще далеко не общее правило. Послѣдствія бюрократической опеки продолжаютъ сказываться и въ настоящемъ положеніи русской церкви, и въ положеніи печати, которая выражаетъ не болѣе, какъ личныя, рѣдко выдержанныя мнѣнія, мимолетныя впечатлѣнія петербургскаго или московскаго дня.

С. ТР—ВЪ.

(До слѣд. №).

Письма объ искусствѣ.

Мотивы современнаго русскаго театра.

„Виды поэзіи суть: поэзія эпическая, поэзія лирическая и поэзія драматическая“

Изъ стариннаго учебника словесности.

I.

На ряду съ сѣтованіями объ упадкѣ современнаго драматическаго творчества каждый изъ насъ навѣрно не разъ читалъ и слышалъ разсужденія болѣе утѣшительнаго свойства о томъ, что переживаемое нами время никакимъ особеннымъ пониманіемъ художественности не отличается, что во всѣ времена раздавались жалобы на упадокъ современнаго искусства сравнительно съ эпохами минувшими, и что стоитъ только заглянуть въ старинныя газеты, журналы и критическія статьи, чтобы видѣть, какъ критики поютъ постоянно одну и ту же пѣсню, и какъ литературные памятники наиболѣе превозносимыхъ нынче эпохъ безпощадно осуждались ихъ современниками, усматривавшими и въ нихъ „шагъ назадъ“ противъ прежняго; и такъ до безконечности, вплоть до тѣхъ временъ, когда критическое чувство еще не было въ человѣческомъ обиходѣ. Развѣ произведенія, предъ которыми мы теперь преклоняемся, какъ предъ образцами, были когда-нибудь признаваемы современниками? Развѣ все геніальное, новое, выходившее изъ общей рутины, не казалось всюду и всегда ересью или бездарной претензіей? Развѣ пророкъ былъ когда-нибудь пророкомъ въ своемъ отечествѣ, а Мольеръ—великимъ человѣкомъ въ глазахъ его кухарки? Все дѣло въ томъ, говорятъ оптимисты, что современнаго зрителя или читателя удо-

влетворить гораздо труднѣе, чѣмъ нашихъ отцовъ и дѣдовъ, не говоря уже о людяхъ прошлыхъ столѣтій. Въ быстромъ поступательномъ движеніи своего интеллектуальнаго развитія человѣчество накопило уже массу художественныхъ цѣнностей по всѣмъ видамъ проявленія эстетическаго творчества, всѣ изгибы духовной природы нашли уже художественныя воплощенія въ искусствѣ, а такъ какъ подъ луною ничто не ново, а человѣкъ, какъ объектъ искусства, все тотъ же въ сущности, что̀ и прежде, то современному искусству трудно дать намъ что-нибудь такое, что не было бы уже давно создано въ высочайшей степени художественной красоты и геніальности. Все, что ни дай теперь искусство человѣку „fin du siécle" все будетъ „vieux jeu". Но и кромѣ такой критической „строгости", такой художественной пресыщенности современный человѣкъ отличается значительною *трезвостію* вкуса сравнительно съ человѣкомъ временъ минувшихъ; и тѣ средства воздѣйствія на эстетическую впечатлительность, которыя годились для прежняго читателя или зрителя, оказываются уже несостоятельными для зрителя и читателя современнаго.

Нельзя, конечно, не признать въ извѣстной степени и справедливости такого взгляда; но если присмотрѣться къ вопросу пристальнѣй, то это окажется и не совсѣмъ такъ.

Дѣйствительно, современный человѣкъ смотритъ на окружающее его иначе, чѣмъ предшествовавшія поколѣнія. Мы переросли классическую величавость и грезы романтизма; мы чужды паѳосу древнихъ трагиковъ, мы снисходительно улыбаемся возвышеннымъ тирадамъ Сидовъ, Горацієвъ и Федръ и остаемся холодны предъ страстью героевъ Шиллера и Виктора Гюго. Авторы классической школы и эпохи романтизма представляются современному человѣку какими-то, не то большими дѣтьми, принимающими вымыслы фантазіи за живую правду, не то больными мечтателями, смотрѣвшими на все кругомъ себя сквозь телескопы, годные развѣ для небесныхъ міровъ. Мы сознали себя свободными отъ этихъ „заблужденій", и только *художественно-реальное* имѣетъ въ нашихъ глазахъ настоящую цѣну и значеніе истиннаго идеала въ искусствѣ.

Отдадимъ однако же должное этимъ развѣнчаннымъ нами кумирамъ прошлыхъ поколѣній и, отложивъ въ сторону нашу современную „трезвость", преклонимся предъ неугасимыми свѣточами художественной красоты и *поэзіи*, которые будутъ вѣчно сіять сквозь вымыслы, преувеличенія и миражи клас-

сиковъ и романтиковъ. Какъ ни трезвы наши взгляды, какъ ни холодны наши критическія воззрѣнія, но лучи истинной поэзіи найдутъ себѣ путь и къ современной человѣческой душѣ, и нужно особенное упорство, чтобы не поддаться очарованію величавыхъ образовъ, возвышенныхъ чувствъ и музыкѣ рѣчей героевъ классическаго театра эпохи романтизма. Мы не примемъ Тезея Расина за *греческаго* героя, но всегда будемъ любоваться художественною красотою Федры; мы затаимъ улыбку надъ „рожкомъ" Гомеца де-Сильва, но не перестанемъ наслаждаться поэзіею рѣчей Эрнани и, выйдя изъ театра, унесемъ съ собою перечувствованныя красóты образовъ и отклики поэтическихъ гармоній, какъ, выходя изъ храма, какъ-бы уносишь съ собою ароматы жертвенныхъ ѳиміамовъ. Поэзія образовъ, поэзія чувствъ и поэзія рѣчей—вотъ драгоцѣнное наслѣдіе, завѣщанное классиками и романтиками позднѣйшимъ поколѣніямъ, тѣ сокровища искусства, въ которыхъ всѣ вымыслы, заблужденія и преувеличенія превращены въ перлы силою поэтической идеализаціи.

Величайшій изъ реалистовъ—Шекспиръ—выросъ въ колосса міроваго искусства силою той же поэтической идеализаціи, которою освѣщены и согрѣты его строго *реальныя* изображенія. Если его творенія пережили вѣка и остались свѣжи и близки всѣмъ эпохамъ, если даже мы, люди почти XX-го вѣка, не можемъ оторвать восхищенныхъ взоровъ отъ шекспировскихъ созданій, несмотря на чуждую уже намъ условность пріемовъ и трехсотлѣтнюю обветшалость формъ, то это не потому только, что реализмъ Шекспира сроденъ художественнымъ требованіямъ нашей эпохи, и что объектомъ своихъ изображеній онъ бралъ все того же „стараго" человѣка, съ его все тою же, вѣчно полною тайнъ душою, а потому, что реализмъ Шекспира *художественъ*, т. е. *поэтиченъ* въ высшемъ значеніи слова, что его изображенія тайниковъ человѣческой духовной природы добыты путемъ *поэтическаго проникновенія*, а не путемъ только реальнаго изслѣдованія съ помощью скальпеля анатома или соображеній психолога. Силою одной только реальной правды изображеній Шекспиръ никогда не достигъ бы безсмертія, точно также, какъ творенія ново-классиковъ и романтиковъ не пережили бы своей эпохи, еслибы въ нихъ не было ничего, кромѣ заблужденій, ошибокъ и преувеличеній; *художественность*, воплощеніе *поэтическаго идеала*—вотъ, чтò дало значеніе *образцовъ искусства* соз-

даніямъ Шекспира и вписало въ скрижали всемірной литературы имена Расина, Шиллера и Виктора Гюго.

Какъ въ природѣ солнце освѣщаетъ и грѣетъ все находящееся подъ его лучами, такъ въ художественномъ творчествѣ поэтическій идеалъ не знаетъ различія между нравственнымъ, добрымъ и порочнымъ или ужаснымъ и даже смѣшнымъ; онъ воплощается въ одинаковой степени въ Ромео и Ричардѣ III, въ Калибанѣ и Офеліи, въ Лирѣ и въ Сганарелѣ, въ положительныхъ формахъ драмы и въ отрицательныхъ пріемахъ комедіи, въ вопляхъ страданій и въ смѣхѣ сатиры и юмора.

Еслибы пьесы Мольера давали только реальныя изображенія порочныхъ и смѣшныхъ сторонъ современной ему дѣйствительности и выведенныя имъ лица были бы только фотографіями, хотя и безукоризненно-точными, людей, его окружавшихъ, то навѣрно его созданія не пережили бы царствованія Людовика XIV-го и исчезли бы съ лица земли вмѣстѣ съ оригиналами этихъ портретовъ и той средой, въ которой всѣ эти люди жили и дѣйствовали. Поэтическая одухотворенность мольеровскаго комизма, художественность его реальныхъ созданій увѣковѣчили его имя и сохранили въ нетлѣнной свѣжести и силѣ, сквозь рядъ столѣтій, его Тартюфовъ и Альцестовъ близкими и понятными намъ, людямъ эпохи Эдиссоновъ и Бисмарковъ.

Одухотворенность поэтическихъ идеаловъ, художественность творчества есть первое условіе для воздѣйствія на человѣческую душу, безразлично къ какой бы эпохѣ ни относилось художественное произведеніе, въ какихъ бы формахъ оно ни выражалось и къ какому бы направленію оно ни принадлежало. Временъ ли Великой Армады или временъ Севастопольской кампаніи, въ видѣ ли классической трагедіи или въ видѣ бытовой комедіи—театръ овладѣваетъ душою зрителя своею *поэтическою* силой, онъ становится *храмомъ* только при свѣтѣ *идеала*, онъ—*искусство* только тогда, когда онъ *художественъ*.

II.

Русскій театръ съ первыхъ шаговъ своего существованія шелъ въ ногу съ театромъ Западной Европы, отражая какъ вѣрная тѣнь, всѣ его формы и характерныя черты. Въ продолженіе полуторастолѣтняго подражательнаго періода своей

исторіи онъ пережилъ и перевоспроизвелъ всѣ формы современнаго ему западноевропейскаго репертура, начиная съ псевдоклассическихъ трагедій въ Вольтеровскомъ вкусѣ Сумарокова до романтическихъ драмъ Коцебу и мелодрамы Парижскихъ бульваровъ, въ безчисленныхъ переводахъ и подражаніяхъ русскихъ драматурговъ.

За все это долгое время рабскаго подражанія Западу, русская сцена выказала безспорную талантливость русскихъ актеровъ-исполнителей, зачастую не уступавшихъ въ дарованіи и техникѣ исполненія своимъ западнымъ собратьямъ, но не выдвинула ни одного истинно-крупнаго дарованія изъ числа театральныхъ писателей, которое могло бы быть поставлено на ряду съ корифеями театра европейскаго. Можно подумать, что чуждый, не самостоятельный характеръ русскаго театра не представлялъ необходимой почвы для истинной талантливости, таившейся въ нѣдрахъ русской земли въ ожиданіи другихъ вѣяній, другой атмосферы.

Первая четверть XIX вѣка ознаменовалась первыми проблесками новыхъ, болѣе національныхъ стремленій въ театрѣ, правда робкими и слабыми въ началѣ, но приведшими всетаки къ „Горю отъ Ума", и „Ревизору". Имена Грибоѣдова и Гоголя засіяли надъ русской землей и озарили своимъ блескомъ новый путь русскому искусству, путь художественнаго реализма.

Не только все время до Гоголя, но и позже его вплоть до шестидесятыхъ годовъ, все убѣждаетъ насъ, что какъ ни велико было увлеченіе нашихъ соотечественниковъ ложно-классическою и романтическою школами и пріемами сентиментальной мелодрамы, но истинно глубокое, вполнѣ искреннее сочувствіе русскаго зрителя тяготѣетъ только къ реально-правдивому, какъ лежащему въ характерѣ художественныхъ запросовъ нашей русской натуры. На всѣхъ поприщахъ художественнаго творчества, русская талантливость едва-ли не ранѣе всѣхъ другихъ прозрѣла отъ заблужденій обветшалыхъ направленій и признала реализмъ своимъ идеаломъ.

Художественная чуткость русскаго трезваго критическаго чувства раньше многихъ оцѣнила геніальность великихъ реалистовъ Запада: Шекспира и Мольера, съ этой именно стороны ихъ міроваго значенія. По этому же пути пошелъ величайшій русскій геній—Пушкинъ,—воплотившій въ себѣ не только все *геніальное*, но и все *русское* и запечатлѣвшій „Борисомъ Году-

новымъ" право художественнаго реализма на господство въ русскомъ искусствѣ. Наконецъ съ Островскимъ русскій театръ сталъ на ноги самостоятельно, *національно*, на своей *русской* почвѣ, сильный и правдиво-прекрасный, уничтоживъ всякую возможность поворота къ прежнему или уклоненія отъ истинно-реальнаго пути, на которой его направили Пушкинъ, Гоголь и Грибоѣдовъ.

При самомъ бѣгломъ взглядѣ на исторію русскаго репертура нельзя не замѣтить, что за время господства классическаго направленія *трагедія*, понятно, занимала первенствующее мѣсто; подъ господствомъ романтизма въ репертуарѣ преобладала *драма*, реализмъ же проложилъ себѣ путь къ русской сценѣ отрицательными формами, чрезъ посредство *комедіи*, которая съ тѣхъ поръ пересилила всѣ прочіе виды театральнаго творчества. Можно подумать, что идея реально-правдиваго, нашедшая для себя въ комедіи такую богатую почву, труднѣе уживается для насъ, русскихъ, съ формами трагедіи или драмы, представляющихъ какъ будто слишкомъ опасную близость къ преувеличеніямъ въ сторону ужаснаго или сентиментальнаго, т. е. за-частую ложнаго и потому нереальнаго. Эта опасность не пугала, конечно, драматурговъ выдающейся талантливости, давшихъ русской сценѣ нѣсколько хорошихъ трагедій (исключительно почти историческаго характера), и драмъ, истинно-художественныхъ и реальныхъ, но *среднія* производительныя силы посвящали себя болѣе всего комедіи, составляющей и до сихъ поръ преобладающій элементъ репертуара.

Либеральныя теченія шестидесятыхъ годовъ выдвинули впередъ задачи *обличенія* и тенденціи „прогресса". Ничто такъ не подходило къ этимъ цѣлямъ, какъ комедія нравовъ (?), и русская сцена была завалена комедіями, въ которыхъ отжившія убѣжденія, реформируемыя условія общественнаго строя и „отсталые" типы бичевались съ такою же безпощадностію, съ какою окружались ореоломъ типы и вѣянія „новой" эры русской жизни. Цѣлямъ обличенія нужны были описанія, изображенія („съ натуры") отрицательныхъ, темныхъ сторонъ общества, и *бытоописательный* элементъ комедіи развивается съ особенною силой и *на счетъ идеальной* стороны драматическаго творчества, находящей лишь весьма блѣдное воплощеніе въ тенденціозныхъ положительныхъ типахъ 60-хъ годовъ.

Въ этотъ медовой мѣсяцъ гласности и прогресса нашимъ драматургамъ было не до художественности ихъ произведеній,

они прежде всего и болѣе всего были публицисты, обличители „стараго" и проповѣдники „новаго". Въ Гоголѣ, отрицателѣ по самой сущности его таланта, они видѣли только образчикъ отрицательныхъ изображеній, окрылявшій ихъ на этомъ пути. Въ Островскомъ они не цѣнили его *народности* въ смыслѣ національности, а видѣли только народность въ смыслѣ *простонародности*, какъ одно изъ направленій особенно симпатичныхъ эпохѣ; они закрыли глаза на художественную объективность Островскаго, на его безпристрастный реализмъ истиннаго поэта, а видѣли, вслѣдъ за Добролюбовымъ,—только Островскаго *бытоописателя* и бытоописателя тенденціознаго, обличителя „темнаго царства".

Взявъ лишь одну сторону реально-художественныхъ созданій Островскаго, наши драматурги всецѣло отдались *описаніямъ* окружающей (конечно, темной) дѣйствительности съ цѣлями обличенія и *сочиненію* (какъ антитезы этой „тьмы") типовъ „новыхъ" людей, героевъ положительныхъ тенденцій эпохи. Сцена наводнилась, съ одной стороны,—крѣпостниками-помѣщиками, терзавшими своихъ рабовъ до роковаго апоплексическаго удара, каравшаго ихъ лютость вмѣстѣ съ манифестомъ 19-го февраля, отцами-деспотами, ставившими преграды счастію своихъ „эмансипированныхъ" (какъ тогда выражались) дочерей и „либеральныхъ" сыновей, взяточниками-сановниками, кончавшими тоже или ударомъ, или позоромъ суда, глупыми офицерами (непремѣнно глупыми) и развратными аристократами (непремѣнно развратными) и проч. — а съ другой — все *доброе* олицетворялось въ „свѣтлыхъ личностяхъ" изъ семинаристовъ, „труженикахъ" писателяхъ и труженицахъ учительницахъ, въ честныхъ докторахъ, энергичныхъ студентахъ „изъ народа" и влюбленныхъ судебныхъ слѣдователяхъ при „новыхъ судахъ" и т. д. Все это смѣшное сочинительство принималось наивно за театръ художественно-реальный, идущій по стопамъ Гоголя и Островскаго къ указаннымъ ими идеаламъ.

Теперь, когда уже болѣе четверти вѣка отдѣляютъ насъ отъ этой эпохи, мы можемъ безпристрастно смотрѣть на эти задорныя выходки и юныя увлеченія преобразовывавшагося строя жизни; мы вполнѣ понимаемъ неизбѣжность ихъ на зарѣ новой эры, могли бы даже умиляться предъ молодыми горячими порывами „передовыхъ" (какъ тогда говорили) писателей шестидесятыхъ годовъ, еслибы наше общественное сознаніе и художественные запросы ушли съ того времени далеко впередъ,

но, какъ мы увидимъ ниже, успѣха въ этомъ отношеніи, къ сожалѣнію, незамѣтно и во всякомъ случаѣ, предъ судомъ *чисто художественной* критики, драматическая литература разсматриваемой нами эпохи должна быть признана и не реальною и не художественною въ настоящемъ смыслѣ слова.

Она не можетъ быть признана *реальною*, т. е. вѣрною дѣйствительности, уже въ силу одной своей односторонней тенденціозности. Преувеличивая намѣренно темныя стороны изображеній, подлежавшихъ обличенію, *сочиняя* героевъ, украшенныхъ всѣми добродѣтелями по либеральному рецепту того времени, драматурги „направленія“ впадали въ заблужденія того же свойства, какъ и заблужденія сентиментальныхъ романтиковъ сороковыхъ годовъ, только иначе направленныя. И тѣ, и другіе авторы, хоть и не съ одинаковыми цѣлями, одинаково искажали истину, одинаково грѣшили противъ реальности изображеній.

Плоды этой драматургіи были далеки и отъ *художественности*, такъ какъ опять-таки только тенденціозный, а не поэтическій смыслъ руководилъ выборомъ матерьяла и одухотворялъ ея изображенія. Эти изображенія бывали иногда весьма точны, „взяты съ натуры“, какъ говорится, съ подробност чистаго натурализма, но не будучи освѣщены идеаломъ искусства, идеаломъ, чистымъ отъ всякихъ полемическихъ задачъ, они не были реально-художественными.

Можетъ возникнуть сомнѣніе: возможно ли вообще примирить условія реальныхъ бытоописаній, въ особенности въ сферѣ отрицательныхъ пріемовъ комедіи нравовъ, съ требованіями поэтической идеализаціи? Возможно ли поэтическое, т. е. художественное одухотвореніе *комическихъ* изображеній, смѣшныхъ или отвратительныхъ сторонъ жизни? Что важнѣе для задачъ современнаго театра: реальная ли *точность* изображеній дѣйствительности или *художественная идеализація* этихъ изображеній? Другими словами, умѣстно ли предъявлять требованія *поэзіи* къ сценическимъ изображеніямъ, подробно и *точно* воспроизводящимъ *неэстетическія стороны* дѣйствительной жизни?

Во-первыхъ, если мы признаемъ театръ формою *искусства*, то *не всякая* конкретная дѣйствительность можетъ служить матерьяломъ для его изображеній, а только тѣ черты ея, которыя имѣютъ *художественное* значеніе,—это, впрочемъ, вопросъ чистой эстетики.

Во-вторыхъ, какъ ни избита параллель между натурализ-

момъ и художественнымъ реализмомъ съ одной стороны и фотографіей и живописью съ другой, но она точнѣе всего отвѣчаетъ на вопросъ. И фотографія, и живопись имѣютъ объектомъ одни и тѣ же предметы видимаго міра. Фотографія воспроизводитъ ихъ съ математическою точностью, *какъ они есть* въ дѣйствительности и съ мельчайшими подробностями ихъ, искусство же живописи беретъ ихъ, какъ сырой матерьялъ, и даетъ изображенія, не только соблюдая реальную вѣрность, но освѣщая *художественными* намѣреніями живописца все въ нихъ типичное, соотвѣтствующее выражаемому въ картинѣ *творческому настроенію* художника и *поэтическимъ* идеаламъ искусства. То же самое и въ театрѣ; одна реальная точность изображеній еще не дѣлаетъ пьесу произведеніемъ искусства: нужно, чтобы эти изображенія были художественны, т. е. идеально одухотворены, иначе они не выйдутъ изъ предѣловъ ремесленнаго мастерства.

Истинный авторскій талантъ съумѣетъ найти художественныя черты въ самыхъ разнообразныхъ формахъ дѣйствительности и всевозможныя изображенія согрѣетъ поэтической струей своего художественнаго дарованія. Описательныя задачи Гоголя, Островскаго и другихъ драматурговъ-художниковъ, какихъ бы уродливыхъ или комическихъ сторонъ дѣйствительности ни касались, не лишали однако же эти изображенія поэтическаго элемента и высоко-художественнаго интереса. Развѣ мало поэзіи юмора въ „всепокорнѣйшей просьбѣ“ Добчинскаго или художественной красоты въ торжествующемъ городничемъ, предвкушающемъ сладости „корюшки и ряпушки“? Оборванный пьяница Любимъ Торцовъ и шулеръ Расплюевъ поэтичны въ своемъ безобразіи, тогда какъ „свѣтлыя личности“ и судебные слѣдователи—художественно-ничтожны и мелки, несмотря на то, что драматурги 60-хъ годовъ украсили ихъ всѣми добродѣтелями, требовавшимися гражданскимъ идеаломъ того времени.

Въ какія-нибудь 15—20 лѣтъ отъ всей массы сочиненій владыкъ тогдашняго репертуара не осталось и слѣда; безпощадная Лета поглотила всю эту тенденціозную наивность. Стремленіе навязать театру проповѣдь гражданскихъ идеаловъ оказалось настолько же несостоятельнымъ, какъ и увлеченія воспитательнымъ значеніемъ пьесъ, поучающихъ добродѣтели посредствомъ купца Иголкина, Минина и Пожарскаго и проч., забывая, что морализующая сила театра *только въ его художественности*, и что только истинно *художественное*, одухотворен-

ное поэтическимъ идеаломъ, имѣетъ значеніе въ искусствѣ· переживаетъ временные вкусы и вѣянія извѣстныхъ эпохъ.

Пьесы репертуара шестидесятыхъ годовъ исчезли со сцены, но русская драматургія и до настоящаго времени продолжаетъ носить на себѣ слѣды укоренившихся съ той поры пріемовъ и направленія. Съ наступленіемъ восьмидесятыхъ годовъ либеральныя тенденціи нѣсколько поулеглись, и обличительныя намѣренія утратили часть своего воинственнаго задора, но интересы искусства отъ того нисколько не выиграли. Не сознавая въ себѣ, вѣроятно, достаточныхъ силъ для болѣе широкихъ и художественныхъ задачъ, драматическіе писатели послѣдней формаціи ограничиваются заѣзженною уже колеею фотографическихъ бытоописаній и мелочныхъ изображеній сѣренькой дѣйствительности, прикрывая свое художественное безсиліе якобы цѣлью отражать на сценѣ современныя жизненныя явленія, и въ *огульномъ пессимизмѣ* складывая на современную жизнь всю вину мелочности и худосочія ихъ произведеній.

Установленіе свободы театровъ и улучшеніе условій театральнаго авторства породило безчисленное количество драматурговъ, расплодившихъ, въ постоянной погонѣ за успѣхомъ, чисто ремесленное сочинительство до небывалыхъ размѣровъ. Убѣжденные въ непогрѣшимости своего реализма, новые драматурги продолжаютъ все ту же копировальную работу, что̀ и писатели 60-хъ годовъ, съ тою, однако же, разницею, что тѣми руководили болѣе идейныя задачи—тенденціи и обличеній, ихъ же окрыляетъ болѣе всего погоня за интересными *положеніями*, обезпечивающими *успѣхъ* пьесы. Въ этой скачкѣ за успѣхомъ натуралистическія воспроизведенія жизни чередуются съ самыми фантастическими измышленіями, попытки уловить текущія жизненныя формы — съ заѣзженными клише прежнихъ лѣтъ, и все это въ видѣ комедій и драмъ составляетъ художественное богатство современнаго театра.

Въ самомъ дѣлѣ, присмотритесь къ пьесамъ современнаго репертуара, и вы безъ труда подмѣтите ихъ двигающій нервъ, ихъ руководящую цѣль, какъ бы она ни маскировалась бо̀льшимъ или меньшимъ мастерствомъ автора распоряжаться сценическими задачами. Цѣль эта—купить успѣхъ *во что бы ни стало*. Для этой цѣли авторъ готовъ принести въ жертву, не говоря уже о художественности пріемовъ, но и реальную точность изображеній, и современную „свѣжесть“ выводимыхъ типовъ, и даже простую житейскую правдоподобность. Средствами для дости-

женія этой цѣли служатъ: „интересные“ *типы* дѣйствующихъ лицъ и „интересныя“ *положенія*, въ которыя эти дѣйствующія лица поставлены волею автора. Дѣла нѣтъ, что эти типы не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, что они представляютъ собою или повтореніе давно-извѣстныхъ шаблоновъ или просто выдуманы авторомъ, что положенія, въ которыя они поставлены, или неправдоподобны или искусственны, что ихъ дѣйствія и поступки совершаются по какой-то особой „театральной“ логикѣ, не имѣющей ничего общаго съ логикой житейской, что все вмѣстѣ взятое даетъ изображеніе какой-то условной жизни, такой, какую видишь только на сценѣ—если всѣмъ этимъ арсеналомъ автору удалось *занять* или *насмѣшить* театральную толпу—цѣль достигнута, и пьесѣ присуждается успѣхъ въ современномъ репертуарѣ.

Для зрителя болѣе требовательнаго или упорствующаго въ своей отсталой наивности видѣть въ театрѣ форму *поэтическаго творчества*, нынѣшнія пьесы представляются чѣмъ-то совсѣмъ страннымъ. Онъ видитъ на сценѣ или воспроизведеніе житейскихъ мелочей безъ всякаго художественнаго содержанія, или изображеніе какого-нибудь случая совершенно анекдотическаго свойства, гдѣ цѣлая толпа *типовъ* сомнительной реальности быстро двигаетъ *дѣйствіе* къ развязкѣ, роняя по дорогѣ „смѣшныя слова“, но не давая ни изображенія *характеровъ*, ни сколько-нибудь содержательныхъ *рѣчей*. Въ концѣ концовъ это *зрѣлище поступковъ* дѣйствующихъ лицъ принимаетъ характеръ какой-то *балетной программы* и съ паденіемъ занавѣса ничего не оставляетъ ни въ душѣ, ни въ головѣ, ни въ воспоминаніи угнетеннаго зрителя. Въ ложно-классической школѣ онъ чувствовалъ красоту образовъ и мыслей, у романтиковъ онъ заслушивался поэзіею рѣчей,—въ современномъ театрѣ онъ *ничего не перечувствовалъ*, ему *нечего было слушать*, а то, что онъ *видѣлъ*, подымало въ немъ только одинъ навязчивый вопросъ: какая же это *драматическая поэзія*, причемъ тутъ *искусство?*

III.

Тѣмъ не менѣе попробуемъ разсмотрѣть ближе, какіе новые пріемы творчества выработали наши современные драматурги, какіе новые типы и жизненныя явленія современной намъ дѣйствительности открыты и уловлены авторской наблюдатель-

ностью и какимъ метаморфозамъ подверглись положенія и лица прежняго театра подъ вліяніемъ позднѣйшихъ условій?

Надо замѣтить, что наши самые современные драматурги очень рѣдко пишутъ просто *драмы* или просто *комедіи*, а опредѣляютъ родъ своихъ пьесъ самымъ разнообразнымъ и неожиданнымъ образомъ: *драматическіе этюды*, драматическіе *эскизы*, современные *силуэты*, *картинки* современной жизни, *лѣтнія* сцены, *дачныя* сцены, *городскія* сцены, *сцены изъ жизни небогатаго люда*, *изъ семейной хроники такого-то рода* и даже „*старая погудка* въ 3-хъ дѣйствіяхъ". Къ какому роду драматическихъ произведеній должны быть отнесены эти силуэты, эскизы, и погудки—понять трудно, и что должны обозначать лѣтнія, дачныя и городскія сцены, сценки и картинки — рѣшить не беремся, но съ каждымъ годомъ такія *новыя* опредѣленія становятся все многочисленнѣе и разнообразнѣе, и надо надѣяться, что мы дождемся въ скоромъ будущемъ чего-нибудь вродѣ: „Турусы на колесахъ" *сезонное водотолченіе въ трехъ ступкахъ, соч. N N и т. п.*

Мы положительно не знаемъ, чему приписать эту новую манеру: скромности ли авторовъ, сознающихся, что слишкомъ многаго недостаетъ въ ихъ пьесахъ для того, чтобы онѣ могли считаться *комедіями* или *драмами*, или же признанію старыхъ раздѣленій слишкомъ тѣсными и недостаточно опредѣляющими внутреннія *особенности* ихъ произведеній.

Для нашихъ изслѣдованій мы не станемъ умышленно *подбирать* пьесы; мы просто возьмемъ на выдержку нѣсколько пьесъ, шедшихъ у насъ въ послѣднее время или данныхъ уже на Московской сценѣ и поставленныхъ на репертуаръ Александринскаго театра въ сезонъ 189¹|₂ г.

Авторами этихъ пьесъ являются г. г. Шпажинскій, В. Крыловъ, Боборыкинъ, Гнѣдичъ, кн. Сумбатовъ, Чайковскій, Вл. Александровъ, Ладыженскій, Вл. Немировичъ-Данченко, Луговой и Саловъ. Если прибавить къ нимъ имена г.г. Ѳедотова, Невѣжина, Тиханова, Карпова и Лихачева [1]), то мы получимъ почти полный списокъ петербургскихъ и московскихъ драматурговъ, имена которыхъ чаще всего встрѣчаются на афишахъ казенныхъ театровъ или, другими словами, списокъ авторовъ, завладѣвшихъ современнымъ репертуаромъ столичныхъ сценъ, т. е. современнымъ русскимъ драматическимъ искусствомъ.

¹) У меня не было подъ рукою произведеній этихъ авторовъ, и потому они здѣсь не цитируются.

Нельзя не замѣтить, что въ этомъ спискѣ очень немного чисто *литературныхъ* именъ, большинство же принадлежитъ писателямъ, работающимъ *исключительно для театра* и совершенно неизвѣстнымъ на другихъ поприщахъ отечественной словесности. Это явленіе составляетъ принадлежность весьма недавняго времени и только въ одной русской литературѣ замѣчается съ такою яркостью и въ такомъ обиліи. Нигдѣ на Западѣ нельзя указать примѣра, чтобы театральный дилеттантизмъ, поощряемый скудостію художественной драматургіи, дошелъ до созданія особой группы театральныхъ поставщиковъ, ничѣмъ не связанныхъ съ художественными теченіями общей литературы и пишущихъ подъ господствомъ какого-то особаго, спеціально-театральнаго кодекса литературныхъ пріемовъ, направленій и кулиссной философіи.

Итакъ, для нашихъ розысканій мы беремъ пьесы: „Душа-Человѣкъ“ и „Водоворотъ“ Шпажинскаго, „Божья коровка“ Боборыкина, „Цѣпи“ кн. Сумбатова, „Симфонія“ М. Чайковскаго, „Разладъ“ Крылова, „Въ неравной борьбѣ“ Вл. Александрова, „Подъ властью сердца“ Ладыженскаго, „Новое дѣло“ Вл. Немировича-Данченко, „Озимь“ Луговаго и „Дармоѣдка“ Салова, итого 12 пьесъ, изъ числа которыхъ 6 драмъ и 6 комедій по характеру содержанія. Въ шести пьесахъ авторы избрали деревню и провинцію предметомъ своихъ описаній и въ шести—даютъ изображенія типовъ свѣтскаго общества и вообще городской жизни.

Посмотримъ же, *что* и *какъ* описываютъ наши драматурги, и начнемъ съ *деревни.*

Предъ нами пять типовъ дворянъ-помѣщиковъ, двое изъ нихъ: Тоболинъ-Турскій („Въ неравной борьбѣ“) и Фронтасьевъ („Дармоѣдка“) носятъ на себѣ признаки лицъ драматическихъ, остальные очерчены болѣе или менѣе комическими штрихами.

Сергѣй Николаевичъ Тоболинъ-Турскій, богатый помѣщикъ, вдовецъ, живетъ въ деревнѣ со своей экономкой и имѣетъ отъ нея дочь. Говоритъ мало и странно. (—„Ты чего насупилась? А? Если что надо, спроси. А, что? Можешь толкомъ объяснить что, поймутъ“... (ласковымъ тономъ). „Сердитая! (*погладилъ* по головѣ). „Въ меня характеромъ“). Во всѣхъ явленіяхъ пьетъ коньякъ, и пьянѣя то раздражается на дочь, мѣшающую ему пить [(ударилъ кулакомъ по столу). „Это что? А? Какъ ты смѣешь? *Да я тебя изуродую.* Посадилъ за столъ, какъ равную —

такъ помни, кто ты."], то впадаетъ въ слезливую чувствительность [„смотрѣлъ сейчасъ портретъ покойницы"... (всхлипываетъ)... Ну... выпилъ двѣ рюмки коньяку, ослабъ... *Я теперь что... я теперь жалкій...* А мнѣ всѣхъ жаль, и тѣхъ жаль, а вамъ, вамъ никого не жаль"]. Когда неожиданно пріѣхавшая за его законной дочерью, Зиной, сестра его, г-жа фонъ-Штенгъ, потребовала удаленія изъ дому экономки и незаконной дочери, то онъ протестуетъ очень слабо и уступаетъ этому требованію; когда же обнаружилось, что г-жа фонъ-Штенгъ этимъ не удовольствовалась и затѣваетъ учредить надъ нимъ опеку (?), и предательское письмо объ этомъ къ предводителю попадаетъ къ нему въ руки, то: „(читаетъ, скомкалъ, топчетъ ногами) Низость... А? Каково? Вотъ оно что. Ну, сестрица. Неужели и дочь, Зина?! Не могли безъ ея согласія. А? что вы сказали? Конечно, всѣ сообща.. Вотъ какъ... Меня въ опеку, расточитель, пьяница?! Ну, расточитель, ну, пьяница, свое расточаю.. Лгутъ. Еслибъ и правда, кто же, сестра, дочь.. Погодите!" „...подъ опеку меня взять надо.. Что? Надо?" Ну, любви ко мнѣ у васъ нѣтъ, насильно не заставишь, да благодарность.. Лишалъ васъ чего? А? Ну, скажи, что? Молчите? Пріѣхали... по-вашему все, нѣтъ отказу... Близкихъ, годы со мной возились, все переносили, да, переносили,—ихъ обидѣлъ... По заграницамъ мыкались, когда отца вспоминали? Что? Когда? деньги требовались— тогда? Онѣ здѣсь со мной были. Не чужія"... „Лиза, подойди, прости, (*съ рыданіемъ*) Лиза, Лизокъ мой.. Хлопотать буду права ей".. „Молчите.. я здѣсь хозяинъ, не подъ опекой пока"...„ Уѣзжайте изъ моего дома, сегодня же.. слышите... Состояніе отняли, мало, дочь отняли, врагомъ сдѣлали! Да, отнять все хотите... Нѣтъ, нѣтъ, не удастся (схватился за голову).. Что, дурно, темно, помогите"... Падаетъ разбитый параличемъ и въ послѣднихъ двухъ дѣйствіяхъ появляется уже катаемый въ креслахъ безъ движенія и рѣчей.

Другой помѣщикъ—Валерьянъ Николаевичъ Фронтасьевъ, молодой человѣкъ 35 лѣтъ. Въ „*характеристикѣ* дѣйствующихъ лицъ", предпосланной пьесѣ, авторъ описываетъ его такъ: „красивый и видный мущина, лѣтъ тридцати-пяти, съ кудрявыми темными волосами, открытымъ лицомъ и смѣлымъ энергичнымъ взглядомъ. Небольшая бородка окаймляетъ его лицо. Говоритъ *съ увѣренностію*, съ увлеченіемъ, и *въ тоже время* съ апломбомъ. Манеры изящныя, салонныя (sic). Вспыльчивъ, какъ порохъ, и не отступаетъ ни передъ какими пре-

пятствіями (?) *Въ борьбѣ съ ними* не помнитъ самого себя и способенъ доходить до бѣшенства. Не золъ, не мстителенъ, а напротивъ великодушенъ *и во всю свою жизнь не дѣлалъ ничего безчестнаго*" (!).

Всѣ эти качества г. Фронтасьева, конечно, можно было бы показать въ самомъ дѣйствіи пьесы, и тогда эта „характеристика" оказалась бы совсѣмъ ненужною, и мы готовы уже были повѣрить автору на слово, еслибы его показанія не оказались въ нѣкоторомъ противорѣчіи съ показаніями самого г. Фронтасьева и смысломъ нѣкоторыхъ сценъ самой пьесы.

Въ дружеской бесѣдѣ съ пріѣхавшимъ къ нему въ деревню пріятелемъ, докторомъ Кудрявцевымъ, онъ вспоминаетъ свой прежній образъ жизни, когда онъ „былъ богатъ, избалованъ; никто мнѣ никогда не противорѣчилъ, ну вотъ я и ералашилъ!" Докторъ напоминаетъ о чемъ-то ужасномъ, что̀ онъ свершилъ Павловскѣ и въ Москвѣ. „Ничего ужаснаго не было", отвѣчаетъ Фронтасьевъ (увѣренно и въ то же время съ апломбомъ). „Собралась насъ компанія, подкутили, конечно... начали требовать повторенія какого-то вальса, вальса не повторили, это меня взорвало (какъ порохъ). Ну, я и разгромилъ оркестръ... поломалъ скрипки, барабанъ продавилъ... (въ борьбѣ съ препятствіями) только и всего!"

„А въ Москвѣ я, братецъ, угнетенную невинность спасалъ! Барышня одна влюблена была въ моего пріятеля... Любила его *до безумія*, а родители хотѣли выдать ее за богатаго старика генерала (sic). Дѣвушка бѣжала, но была тотчасъ же изловлена и *засажена въ психіатрическую лѣчебницу*, къ какому-то доктору нѣмцу. Это дошло до меня, и вотъ я явился освободителемъ... *Ворвался въ больницу*, переколотилъ окна, двери... *нѣмца въ окошко вышвырнулъ,* схватилъ барышню въ охапку, на тройку, въ церковь и въ ту же ночь повѣнчалъ съ пріятелемъ".

За всѣ эти рыцарскіе подвиги мамаша героя перестала давать деньги и вынудила его поселиться для исправленія въ деревнѣ. Прощаясь съ веселой столичной жизнью, онъ въ Москвѣ „верхомъ на коровѣ по Тверскому бульвару ѣхалъ" и „раскланивался на обѣ стороны (съ салонными манерами?) и при этомъ говорилъ: „Прощайте-съ, я въ пустыню удаляюсь"... „Это превосходно... это лучше всего"... заключаетъ докторъ свои дружескія воспоминанія.

Пріѣхавъ въ деревню, Фронтасьевъ, опять-таки по собствен-

ному сознанію, „дѣйствительно, что куралесилъ... Тоска меня, братецъ, одолѣвала! Деревня казалась мнѣ тюрьмой!.. И вотъ, чтобы заглушить эту тоску, я пьянствовалъ, игралъ въ карты и *предавался оргіямъ*. Я цѣлыми вагонами выписывалъ сюда цыганъ изъ Москвы и вотъ *на этомъ балконѣ* (указываетъ) *совершались эти оргіи*". Но *теперь* онъ „опомнился и уже не тотъ, какимъ былъ прежде", теперь онъ „за дѣло принялся... Хозяйничаю, работаю, мельницу выстроилъ, маслобойню... подсолнечное масло вырабатываю.. А посмотри, какая у меня *школа, больничка*". „Прежде я не выносилъ деревни, а теперь наоборотъ я привязался къ ней. Сознаю, что я *необходимъ здѣсь, полезенъ*"... и *драться* продолжаетъ только по благороднымъ мотивамъ: „побилъ недавно купца *за мошенничество*", и на сценѣ чуть не убиваетъ стуломъ его сына, молодаго купчика, клоуна пьесы.

Своимъ *перерожденіемъ* Фронтасьевъ обязанъ... *крестьянской дѣвушкѣ*, Маришѣ, ангелу-хранителю всего околотка, любящей его безгранично и безкорыстно. Онъ съ негодованіемъ отвергаетъ предлагаемый ему его матерью-генеральшей бракъ съ дочерью какого-то милліонера барона Шевицъ и объявляетъ матери, что онъ скорѣй оставитъ это имѣніе и пойдетъ управлять какимъ-нибудь чужимъ. „Не забывайте, что я теперь не тотъ, какимъ былъ десять лѣтъ тому назадъ! тогда я не зналъ, что значитъ *трудъ*, а *теперь я умѣю трудиться*!.. Десять лѣтъ тому назадъ я чуть не умеръ здѣсь отъ тоски, этотъ домъ казался мнѣ тюрьмой, а деревня — адомъ... Но, теперь не то! Повторяю вамъ, что теперь я *умѣю трудиться и люблю трудъ*... Я вошелъ въ этотъ домъ съ глазами, полными слезъ, съ тоскующимъ сердцемъ, но уйду, не выронивъ ни одной слезы сожалѣнія и *съ гордымъ сознаніемъ, что честный трудъ всегда дастъ мнѣ кусокъ хлѣба*". Его перерожденіе настолько полно, что онъ „смѣло можетъ назвать себя *честнымъ гражданиномъ*", и замѣтьте „гражданиномъ", а не „дворяниномъ", какъ требуетъ генеральша, по *ядовитому* намѣренію автора.

Наконецъ, когда Мариша, по просьбѣ генеральши, скрывается отъ него, принося свою любовь въ жертву (какъ дама съ камеліями), онъ отыскиваетъ ее и женится на ней, съ согласія, впрочемъ, генеральши, побѣжденной благородствомъ сына и безкорыстіемъ Мариши.

Самый разсѣянный, самый бѣглый взглядъ узнаетъ въ этихъ двухъ помѣщикахъ лицъ, или лучше сказать, *персонажей*, давнымъ давно знакомыхъ изъ тысячи книжекъ и сотни

театральныхъ пьесъ, и именно изъ книжекъ и пьесъ, болѣе, чѣмъ изъ жизни, до такой степени они *признанные шаблоны* повѣстей и драмъ. Самовластный, деспотъ, ругатель и гроза окружающихъ, крѣпостникъ-помѣщикъ, одинъ изъ длиннаго ряда нашихъ ландлордовъ, восходящаго до блаженной памяти генералъ-анъ-шефа Троекурова, поетъ все тотъ же „громъ побѣды раздавайся!“ на разные лады по фантазіи нашихъ писателей. Въ Тоболинѣ-Турскомъ троекуровская эссенція для чего-то разбавлена коньякомъ и пьяненькими слезами жалкаго старичка, но типъ отъ того не сдѣлался ни современнѣе, ни жизненнѣе, и позволительно усумниться, чтобы всѣ, пережившіе 19-е февраля, Троекуровы пили постоянно коньякъ въ ожиданіи традиціонной апоплексіи. А Фронтасьевъ? Одинъ изъ безчисленныхъ, не скажу сыновей, но племянниковъ Бурцева, ёры и забіяки, лихой гусаръ со страницъ Чужбинскаго, *очеловѣчиваемый* новыми вліяніями, одинъ изъ русскихъ Самсоновъ скандала, укрощенный деревенскими Далилами,—развѣ не старый нашъ знакомый? Еще недавно г. Шпажинскій въ драмѣ „Въ старые годы“ укротилъ такого же витязя Рахманова съ помощью нѣжной Маши. Но онъ и отнесъ этотъ типъ къ началу настоящаго столѣтія, развязавъ себѣ руки этой ссылкой для повторенія древней исторіи; Фронтасьева же авторъ намъ выдаетъ за типъ современной дѣйствительности. Онъ у него „гражданинъ“, познавшій сладость труда по выдѣлкѣ подсолнечнаго масла, онъ строитъ школы и „больнички“, и если дерется еще по старой привычкѣ, то только по благороднымъ гражданскимъ побужденіямъ; онъ отрекся отъ ѣзды на коровахъ и сталъ совсѣмъ „свѣтлой личностью“, перескочивъ изъ эпохи гусарскихъ мордобитій прямо въ расцвѣтъ идеаловъ 60-хъ годовъ, но тамъ и застрялъ, и несмотря на всѣ старанія и „характеристики“ автора, мы не видимъ въ немъ живаго лица нашего времени, а такую же странную амальгаму *книжныхъ* шаблоновъ, какъ и въ Тоболинѣ-Турскомъ.

Такова современная жизненность, *реальность* типовъ *драматическихъ* помѣщиковъ. О *художественности* этихъ типовъ распространяться, полагаю, нечего.

Однимъ изъ болѣе характерныхъ типовъ представляется, несомнѣнно, князь Ханыковъ-Алсуфьевъ въ комедіи П. П. Гнѣдича „Перекати-Поле“, лицо, которое могло бы быть настолько интереснымъ, что жалко видѣть одинъ только „силуэтъ“ его. Князь *прикрѣпился* къ землѣ, на которой онъ *самъ работаетъ*;

онъ *опростился*, ходитъ въ блузѣ и длинныхъ сапогахъ, съ суковатой палкой („*заграничнаго, впрочемъ, происхожденія*", какъ замѣчаетъ авторъ) въ рукѣ и назидательными книжками въ карманѣ, въ родѣ „Пьянство—порожденіе сатаны", въ которой губернскій архитекторъ неестественно изобразилъ раздутую печень, чтобы страшнѣе было. Какъ мировой судья, князь, судитъ мужиковъ „по совѣсти" среди копенъ сѣна и въ концѣ пьесы женится на ограниченной, но *здоровой* дѣвицѣ, съ которой, онъ надѣется, ему будетъ лучше „въ дышлѣ—парой".

Надѣюсь, что приведеннаго достаточно, чтобы угадать въ этомъ типѣ не только несомнѣнную *современность* силуэта, но даже копію со всѣмъ извѣстной „actualité".

Василій Евдокимычъ Столбцовъ („Новое Дѣло") могъ бы быть лицомъ очень живымъ и интереснымъ. Помѣщикъ-спекуляторъ, проживающійся на всевозможныхъ предпріятіяхъ, которыя ему, конечно, никогда не удаются, въ вѣчной лихорадкѣ новыхъ дѣлъ, финансистъ-фантазеръ и фанатикъ отечественной промышленности, онъ жить не можетъ безъ какой-нибудь новой финансовой затѣи, и ни долги, ни неудачи не въ силахъ его образумить.

Жаль, что авторъ не обошелся безъ пересола и тѣмъ лишилъ это лицо большой доли реальной жизненности. Невозможно повѣрить, что такой россійскій Меркадэ, проѣвшій зубы на всякихъ концессіяхъ и акціонерныхъ компаніяхъ, настолько ужь наивенъ, чтобы воображать, напримѣръ, что Никитскіе крестьяне, на землѣ которыхъ открылись залежи каменнаго угля, имѣя въ виду предложеніе какой-то бельгійской компаніи арендовать у нихъ эту землю за наличныя деньги, уступятъ ее ему, Столбцову, не только чуть не даромъ, но еще и дадутъ ему взаймы для начатія дѣла „тысченки три-четыре", если имъ поговорятъ, что „*надо, молъ, уважить* Василія Евдокимыча. Вѣдь онъ всю жизнь работалъ на васъ, все дѣлалъ для бѣднаго русскаго мужика, для нашего сѣятеля и хранителя". Необъяснимою фальшью звучатъ также въ устахъ Столбцова такія лирическія рѣчи: „вѣдь мнѣ отказаться отъ этой разработки угля, отъ этихъ *милыхъ шахтъ, рабочихъ, этого запаха, движенія*... да я не знаю... застрѣлиться легче. Не деньги мнѣ нужны, а вотъ это новое дѣло, новое, новое, новое—и двадцать разъ готовъ повторить новое, чтобы оно застряло у васъ въ ушахъ, и вы поняли меня наконецъ. Вы будете увѣрять, что я увлекаюсь. Но что же вы подѣлаете съ Донъ-Жу-

аномъ, когда онъ увлекается новой женщиной? Такъ и я. Я Донъ-Жуанъ, а эти каменноугольныя копи—мой новый идеалъ... Я долженъ или умереть, или быть ея (?) любовникомъ".

Высказавъ такое дон-жуанское легкомысліе въ дѣлахъ, Столбцовъ не въ правѣ ожидать сочувствія зрителя-патріота, на которое очевидно разсчитываетъ авторъ, заставляя его произносить слѣдующія слова: „въ Парижъ буду ѣздить со своими проектами, въ Лондонъ. Тамъ не удастся—въ Австралію, къ дикимъ въ Америку. И тѣ будутъ поотзывчивѣе васъ. Свой человѣкъ, русскій, будетъ изъ кожи лѣзть, чтобы хоть немного расшевелить ваше олимпійское степенство, такъ вы сейчасъ „не сурьезный онъ господинъ", *а вотъ какъ начнутъ иностранцы наживаться на русскихъ богатствахъ*, тогда вы запищите, да пойдете хлопотать, чтобы ихъ гнали вонъ изъ Россіи". Напрасно авторъ такъ сердится на русскихъ купцовъ, отказавшихъ въ деньгахъ Столбцову; вѣдь дѣйствительно—„не сурьезный онъ господинъ!"

Д. К—ВЪ.

(До слѣд. №).

НОВОСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.

Русской.

I.

Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива собственной Е. И. В. канцеляріи. Выпускъ четвертый. Изданъ подъ редакціею Н. Дубровина. Спб. 1891, стр. 493+XXIII.

Новый выпускъ архивныхъ матеріаловъ, издаваемыхъ подъ редакціей академика Дубровина, состоитъ изъ двухъ отдѣловъ. Въ первомъ отдѣлѣ помѣщены Высочайшіе указы и рескрипты, состоявшіеся по собственной Его Величества канцеляріи въ 1814—1816 годахъ, Высочайшія повелѣнія, объявленныя въ тотъ же періодъ времени тогдашнимъ начальникомъ канцеляріи графомъ Аракчеевымъ, а также исходящій журналъ отношеніямъ графа Аракчеева къ разнымъ лицамъ. Всѣ эти документы не отличаются содержательностью и касаются предметовъ, лишенныхъ общаго интереса, но нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ значеніе для характеристики лицъ и порядковъ эпохи и проливаютъ свѣтъ на мелкія, правда, но остававшіяся до сихъ поръ загадочными, явленія изъ области административной жизни. Въ послѣднемъ отношеніи довольно любопытно сообщеніе монаршей воли управлявшему въ 1814 году министерствомъ полиціи, генералу Вязьмитинову, по дѣлу о профессорѣ московскаго университета Виллерсѣ. Этотъ профессоръ исправлялъ въ Москвѣ, во время нахожденія тамъ непріятеля, должность полицеймейстера, за что̀, разумѣется, попалъ подъ судъ и содержался въ тюрьмѣ вмѣстѣ съ другими лицами,

отличившимися такою же ревностью къ полицейской службѣ подъ начальствомъ французовъ. Но нѣкая г-жа Бассанжъ обратилась къ Александру Благословенному, въ бытность императора въ Феръ-Шампенуазѣ, съ ходатайствомъ за „несчастнаго преступника“, и послѣдствіемъ ея ходатайства было слѣдующее распоряженіе, сообщенное 23-го марта 1814 г. графомъ Аракчеевымъ генералу Вязьмитинову: „Государь Императоръ, вѣдая несчастье человѣка сего и мѣру преступленія его, поручаетъ вашему высокопревосходительству перевести Виллерса съ семействомъ въ С.-Петербургъ и спустя нѣкоторое время въ Ригу и оттоль дать ему свободу возвратиться въ свое отечество; но учредить сіе такъ, чтобы настоящая причина удаленія его изъ Москвы не была извѣстна въ тамошней столицѣ, и чтобы прочимъ людямъ, замѣшаннымъ въ означенномъ дѣлѣ, не подать повода просить Государя Императора о равномѣрномъ освобожденіи“. Снисходительный къ государственнымъ преступленіямъ иностранцевъ, императоръ Александръ I не давалъ поблажки иноземнымъ „тунеядцамъ“, пріютившимся у насъ въ эпоху французской революціи. На представленіе Его Высочества цесаревича, во время достопамятныхъ ста дней, о желаніи полковника князя де-Брогліо и штабсъ-ротмистра Шарлемо, „отправиться къ королю французскому, на защиту отечества, не оставляя вовсе службы нашей“, Государь повелѣлъ Аракчееву донести Его Высочеству, „что у короля французскаго нѣтъ ни одного солдата, слѣдовательно князь Брогліо и Шарлемо будутъ праздными при немъ, какъ напротивъ въ нашей арміи съ пользою служить могутъ. Ежели же непремѣнно желаютъ они быть при королѣ, то по окончаніи войны не могутъ поступить паки въ нашу службу и на сей собственно счетъ Государь Императоръ изволилъ изъявить, что тунеядцевъ въ службѣ у себя имѣть не желаетъ“. Не большимъ успѣхомъ пользовались у императора и попытки лицъ изъ русскаго купечества достигнуть дворянскаго званія путемъ покупки чиновъ подъ благовидною формою награды за пожертвованія. Цесаревичъ сообщилъ въ 1816 г. Аракчееву письмо сѣвскаго 1-ой гильдіи купца Трофимова, подтверждавшее готовность его къ пожертвованію 50.000 р. подъ условіемъ награды чиномъ коллежскаго ассесора. Прочтя это письмо, Государь повелѣлъ увѣдомить купца Трофимова, что просьба его не можетъ быть удовлетворена, „ибо въ нынѣшнее время чинъ коллежскаго ассе-

сора и служащіе дворяне не иначе получають за заслуги, какъ по выдержаніи закономъ установленнаго экзамена". Въ такомъ же ходатайствѣ, которое поддерживалъ дюкъ Ришелье, отказано и братьямъ Штиглица.

Заслуживаетъ вниманія, что войска наши во время войнъ съ Наполеономъ нуждались въ иностранномъ вооруженіи. 2-го января 1814 г. предписывалось изъ Базеля статсъ-секретарю графу Нессельроду, чтобы онъ вошелъ „въ сношеніе съ кѣмъ слѣдуетъ о доставленіи къ Балтійскимъ портамъ нашимъ изъ Англіи, *по прежнему примѣру*, 50.000 ружей съ штыками". Нашъ оружейный тульскій заводъ работалъ плохо и по окончаніи Наполеоновскихъ войнъ, не по своей, впрочемъ, винѣ. При проѣздѣ Государя черезъ Тулу, въ 1816 г., тамошніе мастера подали жалобу, „что изъ Сибирскихъ Воткинскихъ заводовъ доставляется худой укладъ для стали, и что сему единственно приписать должно, что стальныя оружейныя вещи, при всемъ искусствѣ мастеровъ и стараніи, не имѣютъ того внутренняго достоинства, какого бы ожидать надлежало". Но наши пушки считались образцовыми въ Европѣ, и петербургскій арсеналъ изготовлялъ для Виртемберга чертежи сверлильныхъ машинъ и модели орудій. Въ то время зорко слѣдили за тѣмъ, чтобы въ печать не попало политическое извѣстіе, оффиціально не объявленное или происходящее не изъ того источника, который признавался желательнымъ. 12-го іюня 1815 г. министру просвѣщенія гр. Разумовскому предписано поставить на видъ цензурѣ, что въ прибавленіяхъ къ „Сыну Отечества" напечатанъ рескриптъ къ графу Островскому отъ 18-го апрѣля, „коимъ такъ сказать возвѣщается Россіи принятіе Его Величествомъ титула короля польскаго, тогда какъ правительство россійское не имѣло ничего на сей предметъ оффиціальнаго, и слѣдовательно цензура не была въ правѣ позволять печатать въ общенародное свѣдѣніе статей, до перемѣнъ государственныхъ относящихся". Въ январѣ 1814 года Государь усмотрѣлъ изъ „Сѣверной почты", что печатается журналъ, главнокомандующимъ (Барклаемъ-де-Толли) издаваемый, о которомъ графъ Аракчеевъ, соглашаясь съ мнѣніемъ с.-петербургскаго главнокомандующаго ген. Вязьмитинова, раньше писалъ, чтобы „не былъ онъ публикованъ". По повелѣнію Государя, Аракчеевъ спрашивалъ: „отчего сіе происходитъ?" и сообщалъ монаршую волю, дабы отнынѣ „во всѣхъ журна-

лахъ и газетахъ не помѣщать инаго военнаго журнала, какъ только издаваемаго при главной Его Величества квартирѣ". О частныхъ корреспонденціяхъ съ театра военныхъ дѣйствій, разумѣется, не могло быть и рѣчи.

Міровыя событія 1814—1815 гг. оставили ничтожные слѣды въ архивѣ канцеляріи, которою въ тѣ годы завѣдывалъ графъ Аракчеевъ. Нѣсколько замѣтнѣе выступаетъ, по умиротвореніи Европы, внутренняя устроительная дѣятельность правительства. „Желая, чтобы Москва, сія древняя столица, облеклась паки въ свойственное ей величіе и красоту", Государь повелѣлъ 4 мая 1816 г. отпустить изъ государственнаго казначейства на обстройку города 8.765.832 р. и нарядить для работъ четыре пѣхотные полка, двѣ піонерныя роты и особенно два рабочіе батальона. Приняты мѣры къ сокращенію бюджетовъ всѣхъ вѣдомствъ; численность войскъ уменьшена, но значительно увеличено жалованье военно-служащихъ. Въ видахъ сбереженій казны приступлено къ опытамъ поселенія войскъ. Замѣчательно, что нѣкоторыя частныя лица приходили на помощь казнѣ въ дѣлѣ содержанія войскъ. Такъ вдова фельдмаршала графиня Анна Род. Чернышева приняла на свой счетъ продовольствіе частей, въ ея имѣніи расположенныхъ. Графъ и графиня Браницкіе пожертвовали огромныя суммы при учрежденіи земскаго войска въ 1807 году. Не обошлось и безъ хищниковъ, которые запятнали себя незаконными стяжаніями въ годину всенароднаго бѣдствія. Графы Гудовичи были преданы въ 1816 году военному суду особой коммисіи за то, что, находясь въ 1812 году съ малороссійскимъ ополченіемъ въ Могилевской губерніи и обязаны будучи защищать отъ непріятеля мѣстныхъ жителей, „сами дѣлали имъ различныя обиды и позволяли себѣ даже грабежъ и разореніе имѣній". Одинъ документъ свидѣтельствуетъ о назойливости нѣкоторыхъ лицъ, домогавшихся казеннаго жалованья за то только, что они состоятъ въ родствѣ съ сановными особами. Документъ этотъ— Высочайшій рескриптъ, отъ 25 мая 1816 года, на имя дѣйств. тайнаго совѣтника Державина. Приводимъ его цѣликомъ:

„Гавріилъ Романовичъ! Статсъ-секретарь Кикинъ представлялъ мнѣ письмо ваше къ нему о родственникѣ вашемъ Львовѣ, оставшемся безъ мѣста по новому штату коммисіи законовъ. Видя *сомнѣніе* ваше на счетъ присланной ко мнѣ Львовымъ просьбы о назначеніи ему должности, Я извѣщаю васъ, что просьба сія не забыта, но оставлена мною безъ

вниманія потому, что въ мѣстахъ должны быть употреблены чиновники по удостоенію того начальства, подъ которымъ оныя состоятъ. Предсѣдатель же коммисіи законовъ не назначилъ Львова въ числѣ выбранныхъ имъ для оставленія въ коммисіи; а продолжать производство жалованья ему въ то время, когда ничѣмъ онъ не занимается, было бы противно справедливости, особливо когда онъ, сколько мнѣ извѣстно, по состоянію своему не имѣетъ въ немъ нужды и получаетъ пенсіонъ".

Второй отдѣлъ настоящаго выпуска носитъ особое заглавіе: „Матеріалы для исторіи освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости". Они состоятъ изъ оффиціальныхъ документовъ, относящихся до освобожденія крестьянъ эстляндскихъ (1811—1816 гт.) и курляндскихъ (1814—1815 гг.) и двухъ записокъ: „Нѣчто о состояніи крѣпостныхъ крестьянъ въ Россіи" и „Объ облегченіи рабства въ Россіи посредствомъ уничтоженія дворовыхъ людей". Первая изъ этихъ записокъ принадлежитъ перу статскаго совѣтника Николая Тургенева и представлена имъ Государю въ 1819 году, а вторая, состоящая изъ двухъ частей, разновременно поданныхъ, не имѣетъ даты, но, по мнѣнію академика Дубровина, должна быть отнесена къ началу двадцатыхъ годовъ; она составлена сенаторомъ княземъ Иваномъ Алексѣевичемъ Гагаринымъ, присутствовавшимъ въ московскихъ департаментахъ сената. Изданная впослѣдствіи за-границею высокопарная записка Тургенева производитъ въ настоящее время впечатлѣніе весьма страннаго проекта. Тургеневъ предлагалъ, для ослабленія помѣщичьяго „тиранства", учредить въ губерніяхъ особыхъ коммисаровъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и особыя присутствія изъ трехъ лицъ: коммисара предводителя дворянства и губернатора. Этотъ комитетъ получалъ значеніе спеціальнаго надзора за помѣщиками и судилища надъ ихъ неправильными дѣйствіями, а коммисаръ игралъ въ комитетѣ роль народнаго трибуна, представляя интересы крестьянъ и будучи „въ полной мѣрѣ обезпеченъ (казною) со стороны содержанія". Записка кн. Гагарина отличается большею дѣловитостію. Хорошо изучивъ положеніе вольныхъ крестьянъ на Западѣ (особенно въ Богеміи) и сравнивъ его съ положеніемъ нашихъ крѣпостныхъ крестьянъ, кн. Гагаринъ нашелъ, что „крестьянинъ вольный и крѣпостной имѣетъ очень много въ подчиненности сходства: крестьянинъ крѣпостной въ Россіи, равно какъ и вольный иныхъ государствъ, обязанъ работать положенное

время на помѣщика своего [1]). Крестьянинъ вольный, равно какъ и крѣпостной, при продажѣ селенія, къ коему онъ приписанъ, переходитъ изъ-подъ власти прежняго помѣщика подъ власть новаго; крестьянинъ вольный, равно какъ и крѣпостной, помѣщикомъ тѣлесно наказывается. Разница же между ними состоитъ въ томъ: 1) что помѣщикъ вольнаго крестьянина продать власти не имѣетъ; 2) что крестьянинъ вольный хотя тѣлесно и наказывается, но не свыше позволеннаго числа ударовъ [2]); 3) что крестьянинъ вольный властенъ оставить своего господина, и что 4) крестьянина вольнаго помѣщикъ не имѣетъ власти отвлечь отъ земледѣлія, перемѣнить родъ его жизни, взять въ домашнюю къ себѣ услугу и разлучить его съ сыномъ, съ дочерью и даже съ женою".

„Когда же,—говорится далѣе въ запискѣ, — разобрать подробнѣе сію представляющуюся разницу, то найдемъ, что помѣщикъ, если продавать крестьянъ и не властенъ, то не властенъ ихъ продавать по одиночкѣ, но продавая селеніе (хотя о продажѣ людей въ купчихъ и не упоминается), продаетъ неоспоримо и крестьянъ, когда за деньги передаетъ свои надъ ними права [3]); касательно же того, что крестьянинъ вольный властенъ оставить своего господина и перейти къ другому, то сіе право перехожденія въ Богеміи (гдѣ крестьяне вольными считаются) состоитъ болѣе въ словѣ, нежели въ дѣлѣ. Правительство, предвидя въ томъ неудобство, столько оное затруднило, что сему рѣдко и видимы примѣры [4]); слѣдовательно, власть

---

[1]) „Императоръ Павелъ I установилъ указомъ, чтобъ господскіе крестьяне работали три дня въ недѣлю на себя и три дня на господина; въ Богеміи же, гдѣ крестьяне вольными почитаются, обязаны правительствомъ работать положенное число дней въ году на помѣщика своего".

[2]) „Въ Богеміи помѣщикъ крестьянина 20-ю только ударами въ одинъ разъ наказать можетъ; въ иныхъ мѣстахъ Имперіи властенъ посадить въ тюрьму и наложить денежный штрафъ, тѣлесно же безъ суда наказать права не имѣетъ; но помѣщикъ въ судѣ есть первый судья своего крестьянина".

[3]) „Въ Богеміи при продажѣ въ купчихъ не упоминаютъ о числѣ душъ, въ селеніи находящихся, пишутъ только число рабочихъ дней; въ прочихъ частяхъ Нѣмецкой Имперіи пишутъ число работъ, которыми поселяне обязаны помѣщику".

[4]) „Въ Богеміи крестьянинъ не иначе можетъ оставить селеніе, какъ съ дозволенія помѣщика своего и съ передачею своихъ повинностей заступающему его мѣсто; въ другихъ мѣстахъ Имперіи менѣе сіе перехожденіе затруднительно. Извѣстно, что крестьяне въ Малороссіи имѣли

помѣщика надъ вольными крестьянами, въ сказанныхъ трехъ пунктахъ, въ иномъ ограничена, а въ иномъ представлена для крестьянъ въ пріятнѣйшемъ только видѣ, но въ существѣ своемъ имѣютъ совершенное сходство, а затѣмъ рѣшительно можно сказать, что единственная и настоящая разница состоитъ въ томъ: *„что помѣщикъ вольнаго крестьянина не имѣетъ власти, какъ въ Россіи, отвлечь его отъ земледѣльческихъ работъ, перемѣнить родъ его жизни противъ желанія крестьянина, разлучить его съ женою, съ дѣтьми и продать по одиночкѣ за деньги, какъ скотину“*. Дѣйствительными рабами были только *дворовые* люди, на состояніе которыхъ и Тургеневъ указывалъ, какъ на главное зло крѣпостнаго права, а потому кн. Гагаринъ полагалъ, что съ воспрещеніемъ держать дворовыхъ и вообще имѣть домашнюю прислугу изъ крѣпостныхъ прекратится „самая важнѣйшая тяжесть подданства крѣпостныхъ“ и сблизится „въ государствѣ нашемъ крестьянское состояніе съ крестьянами вольными иныхъ государствъ“. Вовсе не поднимали вопроса о надѣлѣ крестьянъ землею, такъ какъ *деревенскіе* крестьяне искони пользовались земельными угодьями, и безземельный пахотный крестьянинъ былъ немыслимъ въ Россіи.

Второй отдѣлъ, конечно, самый интересный въ 4-мъ выпускѣ „Сборника историческихъ матеріаловъ“. Помѣщенные въ немъ документы наводятъ на размышленія, весьма далекія отъ крѣпостническихъ вожделѣній, но не настолько „передовыя“, чтобы на нихъ могли остановиться наши „редакціонныя коммисіи“ пятидесятыхъ годовъ, стремившіяся перещеголять Европу.

II.

Матеріалы для исторіи колонизаціи и быта Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губ. въ XVI—XVIII ст., собранные въ разныхъ архивахъ и редактированные Д. И. Багалѣемъ. Томъ 2-й. Харьковъ. 1890 г. Стр. 433+XV.

Издаваемые г. Багалѣемъ на средства Харьковскаго Историко-Филологическаго общества матеріалы имѣютъ важное

сіе право перехожденія, но злоупотребленіе, нищета крестьянъ, отъ онаго воспослѣдовавшая, и запущеніе земель, не обработываемыхъ никѣмъ, понудило Императрицу Екатерину II отнять право сіе отъ крестьянъ и приписать ихъ къ селеніямъ, въ которыхъ они находились“.

значеніе для областной исторіи Россіи вообще и въ частности для исторіи колонизаціи и быта Слободской Украйны. Настоящій 2-й томъ (1-й томъ изданъ въ свѣтъ въ 1886 году) заключаетъ себѣ 52 документа. Одна часть ихъ найдена въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, другая въ харьковскомъ историческомъ архивѣ, третья добыта изъ рукописнаго отдѣленія церковно-археологическаго музея при кіевской духовной академіи, четвертая—изъ частныхъ рукъ. Оказывается, что частныя лица владѣютъ значительными коллекціями мѣстныхъ актовъ. Представители мѣстнаго дворянства П. П. Флотà и князь Д. Ѳ. Голицынъ обладаютъ цѣлыми семейными архивами. По свидѣтельству г. Багалѣя, бабаевскій архивъ П. П. Флотà представляетъ настолько значительное собраніе документовъ для исторіи мѣстнаго общества XVIII вѣка, что заслуживаетъ отдѣльнаго изданія, которое уже и предпринято владѣльцемъ архива. Такого же отдѣльнаго изданія заслуживаютъ-де и нѣкоторыя бумаги изъ архива князя Голицына.

Изъ московскаго министерства юстиціи г-мъ Багалѣемъ позаимствованы для 2-го тома 19 самыхъ древнихъ документовъ (древнѣйшій относится къ 1599 г.). Здѣсь видное мѣсто занимаютъ „строельныя книги“ разныхъ городовъ, содержащія въ себѣ цѣнный матеріалъ для исторіи заселенія степной полосы между Днѣпромъ и Дономъ и для характеристики сословныхъ отношеній поселенцевъ. Дорожа мѣстомъ, г. Багалѣй пропускалъ именные перечни населенія, ограничиваясь общими итогами, но сдѣлалъ исключеніе для г. Карпова, чтобы представить хотя одинъ примѣръ переписи въ ея подлинномъ видѣ. Благодаря этому примѣру, мы видимъ, что откуда бы ни являлись переселенцы, приходили ли они добровольно или по распоряженію правительства (т. е. были ли они *сходцами* или *сведенцами*)—это были не сбродныя толпы голытьбы, какъ большинство нашихъ нынѣшнихъ переселенцевъ, а партіи хозяевъ, двигавшіяся на новыя мѣста со всѣми своими „животами“. Кромѣ рабочихъ лошадей, каждая семья имѣла не менѣе одной коровы, почти у всѣхъ были овцы и свиньи. Такіе переселенцы, понятно, осѣдали на хозяйствѣ сразу и если нуждались иногда въ царскомъ жалованьѣ хлѣбомъ, то лишь покуда распашутъ землю. Поучительна наша старина своею хозяйственностью. Эта хозяйственность создала матеріальную силу московскихъ князей, а затѣмъ сплотила русскую землю подъ единою царскою державою.

III.

Стихотворенія И. С. Тургенева. Изданіе второе, исправленное и дополненное. Спб. 1891 г.

Въ началѣ своей литературной дѣятельности Тургеневъ, какъ извѣстно, довольно усердно писалъ стихи. Въ концѣ сороковыхъ и особенно въ началѣ пятидесятыхъ годовъ стихотворенія Тургенева очень часто появлялись какъ въ тогдашнихъ журналахъ, такъ и въ литературныхъ сборникахъ, большія же вещи—поэмы—выходили даже отдѣльнымъ изданіемъ. Въ то время Тургеневъ надѣялся достигнуть на поэтическомъ поприщѣ не одного внѣшняго мастерства, но и солиднаго значенія. Впослѣдствіи авторъ совершенно измѣнилъ взглядъ на свое стихотворство. Онъ не только не хотѣлъ издавать ихъ, но избѣгалъ даже о нихъ разговора. Такъ, въ одномъ изъ писемъ Тургеневъ замѣчаетъ: „Я чувствую положительную, чуть не физическую антипатію къ моимъ стихотвореніямъ, и не только не имѣю ни одного экземпляра моихъ поэмъ, но дорого бы далъ, чтобы ихъ вообще не существовало на свѣтѣ“. Такая строгость къ своимъ юношескимъ произведеніямъ, конечно, вполнѣ понятна въ человѣкѣ, уже достигшемъ европейской извѣстности и понимавшемъ, что стихотворство въ сущности никогда не было его призваніемъ. Несмотря на это, многія изъ стихотвореній Тургенева, особенно же поэмы, не уступаютъ стихотвореніямъ иныхъ поэтовъ по призванію. Относительно внѣшней формы Тургеневъ достигъ значительнаго совершенства, владѣя звучнымъ, прекраснымъ стихомъ. Напримѣръ, вотъ хоть эти стихи:

А между тѣмъ ночь наступаетъ... Въ рядъ
Вдали ложатся тучи. Ровной мглою
Наполненъ воздухъ. Липы чуть шумятъ,
И яблони надъ темною травою,
Раскинувъ вѣтки, неподвижно спятъ.
Лишь изрѣдка промчится легкій трепетъ
Въ березахъ; тамъ за рѣчкой соловей
Поетъ себѣ—и слышенъ долгій лепетъ,
Немолчный шепотъ дремлющихъ степей.
И въ комнату, какъ вздохъ земли безсонной,
Влетаетъ робко вѣтеръ благовонный—
И манитъ въ садъ, и въ поле, и въ лѣса...

Въ концѣ своей литературной дѣятельности, повинуясь внутренней потребности, подъ тѣмъ или другимъ впечатлѣ-

ніемъ текущей жизни, передавать въ словѣ мимолетныя замѣтки, мысли и образы, Тургеневъ обратился уже не къ стихамъ, а къ прозѣ, создавъ цѣлый рядъ несравненныхъ и неподражаемыхъ „Стихотвореній въ прозѣ", въ которыхъ именно съ особой силой сказался его крупный живописный талантъ. Не будь они написаны Тургеневской прозой, а стихами — они потеряли бы свою прелесть.

Изъ поэмъ Тургенева, по исполненію и замыслу, должны быть признаны болѣе удачными „Параша" и „Помѣщикъ". Въ первой недурно очерчены характеры Параши и ея жениха, вторая — любопытная жанровая картинка изъ помѣщичьяго быта. Остальныя двѣ поэмы—„Разговоръ" и „Андрей" значительно уступаютъ первымъ.

Первое изданіе стихотвореній, вышедшее въ 1885 году, въ настоящее время все разошлось. Отзывы объ этомъ изданіи были полны указаній на пропуски, недосмотры, ошибки и опечатки. Издатель воспользовался сдѣланными указаніями. Кромѣ того, во второе изданіе вошло 18 новыхъ отдѣльныхъ пьесъ и одинъ отрывокъ. Такимъ образомъ, съ библіографической точки зрѣнія новое изданіе болѣе удовлетворяетъ, чѣмъ первое. Съ точки же зрѣнія художественной цѣнность его остается прежней, такъ какъ вновь помѣщенныя пьесы не возвышаются надъ уровнемъ прежнихъ, и вся вообще стихотворная дѣятельность Тургенева имѣетъ, конечно, интересъ исключительно историко-литературный.

Иностранной.

Gabriel Charmes — „L'Egypte", Paris. 1891.

Кто только не писалъ о странѣ Фараоновъ! Въ большинствѣ случаевъ, однако, книги или поверхностны по содержанію, или же черезчуръ сухо-спеціальны, такъ что не даютъ читателю вообще ни удовлетворенія, ни болѣе широкаго кругозора. Шармъ пытается дать и то, и другое. Авторъ нѣсколько лѣтъ провелъ на Нилѣ, ради укрѣпленія здоровья зимой, но въ то же время живо интересовался всѣмъ, касающимся мѣстной древней культуры. Французъ, гордый тѣмъ, что именно Шампольіонъ дешифрировалъ іероглифы и въ качествѣ близкаго

друга египтолога Маріэта-паши, авторъ разбираемыхъ очерковъ говоритъ о странѣ съ особымъ одушевленіемъ, рисуетъ ее выразительно, сжато и ярко, взываетъ къ усиленному ея изученію, подъ просвѣщеннымъ покровительствомъ своего правительства. Получающееся отъ его книги впечатлѣніе весьма полно, становится яснымъ величіе достигнутыхъ за послѣднія десятилѣтія результатовъ въ области археологическаго знанія. Современный Египетъ, обогащенный открытыми въ его нѣдрахъ духовными сокровищами, озаренными блескомъ великаго прошлаго, приковываетъ къ себѣ взоры образованнаго міра. По ознакомленіи съ Карнакскимъ святилищемъ, насчитывается уже до трехсотъ именъ, относящихся исключительно къ древней географіи Сиріи. Въ Деиръ-эль-Бахари есть свидѣтельство о древнемъ походѣ туземцевъ въ Красное море, въ Мединетъ-Абу объ ихъ первомъ столкновеніи съ малоазійскими греками въ XIII в. до нашей эры, и т. д. Образъ минувшаго выясняется иногда съ такими подробностями и такою достовѣрностью, что Лепсіусъ шутя предлагаетъ издать о Фараонахъ своего рода „готскій альманахъ“, на что есть полная возможность.

Шармъ справедливо останавливается на значеніи скромныхъ, но недостаточно оцѣненныхъ работъ покойнаго Маріэта, который пренебрегалъ удобствами и, рискуя жизнью, не щадя силъ, посвящалъ себя въ теченіе тридцати лѣтъ изысканіямъ на мѣстѣ, или среди опасныхъ пустынь, или у пороговъ жилищъ недовольнаго вторженіемъ европейца феллахскаго населенія. Нижній Египетъ и Нубія его сравнительно мало интересовали. За то знаменитый изслѣдователь чувствовалъ себя какъ дома и особенно сосредоточивалъ вниманіе среди останковъ Мемфиса. Щедрый хедивъ Измаилъ поощрялъ его труды въ своей странѣ, устроилъ музей, который систематически началъ составлять коллекціи, ничѣмъ не пренебрегая, тогда какъ собиратели рѣдкостей для продажи или украшенія радѣли преимущественно объ эффектной внѣшности находимыхъ предметовъ и бросали полусохранившіяся находки. Маріэтъ все включалъ въ отведенное ему зданіе, во все всматривался, во всемъ находилъ отвѣты на занимавшіе египтологовъ вопросы. Наконецъ силы стали покидать труженика. Врачи предписывали строгое лѣченіе и осторожность въ занятіяхъ. Но для пытливаго дѣятеля это было невыполнимо. Онъ предпочелъ страдать, продолжая не отставать отъ своей задачи.

Шармъ очень талантливо разсказываетъ о наиболѣе любопытныхъ или сколько-нибудь загадочныхъ моментахъ въ исторіи Египта, напримѣръ о рѣзкомъ различіи между памятниками древнѣйшихъ династій и позднѣйшими, послѣ совершенно непонятнаго, затеряннаго въ забвеніи промежутка въ 436 лѣтъ, когда археологическія данныя вдругъ прекращаются. Хотя уже Платонъ говорилъ, что тамошняя культура десять тысячъ лѣтъ продержалась въ искусствѣ въ неизмѣнныхъ пріемахъ и образцахъ, но контрастъ древняго съ позднѣйшимъ невольно бросается въ глаза: чѣмъ древнѣе, чѣмъ болѣе первобытной простоты, жизнерадостности настроенія—позднѣе же на всемъ уже замѣтенъ болѣе мрачный отпечатокъ; произведенія скульптуры какъ бы понижаются въ достоинствѣ. Человѣческую душу уже тревожитъ мысль о загробныхъ скитаніяхъ и мученіяхъ, отчасти напоминающихъ представленія ламаизма. Грѣшниковъ ожидаетъ полное уничтоженіе. Одинъ мрачно неподвижный видъ муміи уже вселяетъ уныніе.

Въ глубокой древности было, повидимому, иначе. Египтяне того „золотаго“ вѣка, когда Нилъ разливался шире, на землѣ еще цвѣлъ рай, растительность блистала тропическими красками и роскошью, смотрѣли на смерть (подобно сѣвернымъ дикарямъ), какъ на переходъ въ лучшее существованіе, въ чудный край съ невиданно многочисленными стадами, безусловнымъ покоемъ и благополучіемъ, — воплощеніе идеала блаженства. Ремесленнику, воину, землепашцу, жрецу, царедворецу—всѣмъ за могилой сулится одинаковый жребій.

Шармъ искусно очерчиваетъ исконную неподатливость туземцевъ никакимъ вѣяніямъ и напорамъ извнѣ. Египетъ могъ покоряться, но глухо-упорная реакція была всегда здѣсь неотразима. Она вліяла тѣмъ сильнѣе, что, кромѣ автохтоновъ, никто долго не уживался среди окружающей природы. Или завоеватель ассимилировался, принималъ культуру побѣжденныхъ. Такъ было съ персами, съ эѳіопами, съ выходцами изъ Малой Азіи.

Въ разбираемой нами книгѣ такимъ трагизмомъ проникнуто повѣствованіе о паденіи нѣкогда могущественныхъ Ѳивъ, прославленныхъ геніальными царями. Роскошный край обѣднѣлъ за отсутствіемъ торговыхъ рессурсовъ, какіе были у нижнеегипетскихъ городовъ. Гигантскія постройки пріостановились. Скопленіе голоднаго рабочаго люда вызвало смуты. Отчаяніе и безвѣріе довели до того, что подняли руку на разграбленіе

царственныхъ и священныхъ гробницъ. Покой некрополей нарушился. Жрецамъ съ трудомъ удавалось сохранить тайны могилъ.

Русская литература понесла новую большую, невознаградимую утрату: скончался 15-го сего сентября старѣйшій славный представитель литературной плеяды сороковыхъ годовъ, Иванъ Александровичъ Гончаровъ. Разсмотрѣнію его дѣятельности въ нашемъ журналѣ будутъ посвящены особыя статьи.

ИЗЪ ЖИЗНИ И ПЕЧАТИ.

Общеполезныя работы, какъ положительная программа въ дѣлѣ помощи голодающимъ.—Инструкція лѣснаго вѣдомства.—Ожиданіе развитія меліоративныхъ работъ.—Значеніе частно-владѣльческихъ хозяйствъ.—Высокій примѣръ воздержанія.—Виды на урожай озимей.—Страхованіе посѣвовъ—единственная раціональная мѣра воспособленія земледѣльцу посѣвнымъ зерномъ.—Невѣрный показатель роста народнаго благосостоянія.—„Россійскій 3% золотой заемъ“.—Рѣчь министра народнаго просвѣщенія.

Высказанная нами въ прошломъ мѣсяцѣ мысль о помощи голодающему населенію *трудовымъ* хлѣбомъ, т. е. о предоставленіи народу возможности трудомъ пріобрѣтать средства къ существованію въ тяжкую годину недорода хлѣбовъ и вынужденной безработицы,—не только оказалась вполнѣ согласною съ общественнымъ мнѣніемъ о наиболѣе дѣйствительной мѣрѣ борьбы съ бѣдственными послѣдствіями неурожая, но, повидимому, легла въ основу положительной программы дѣйствій правительства и земствъ. Существенный вопросъ о денежныхъ суммахъ, необходимыхъ для производства въ большихъ размѣрахъ общественныхъ работъ, въ настоящее время уже устраненъ заключеніемъ новаго государственнаго займа. Въ именномъ указѣ министру финансовъ, отъ 17-го сентября, сказано, что заемъ этотъ предназначается на покрытіе „сдѣланныхъ и предстоящихъ расходовъ по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и по исполненію *другихъ общеполезныхъ работъ*, какъ непосредственнымъ распоряженіемъ правительства, такъ и чрезъ частныя желѣзнодорожныя общества“. Подчеркнутыя нами слова даютъ, кажется, достаточное основаніе къ заключенію, что новые чрезвычайные рессурсы государственнаго казначейства послужатъ источникомъ средствъ не для однѣхъ только работъ, проекти-

рованныхъ вѣдомствомъ путей сообщенія. Хотя и очевидно, что поступающими по реализаціи займа суммами могутъ воспользоваться, кромѣ предпріятій частныхъ желѣзнодорожныхъ обществъ, только такія работы, которыя производятся или будутъ производиться непосредственнымъ распоряженіемъ правительства, но такъ какъ путейское вѣдомство еще не составляетъ правительства и можетъ распоряжаться лишь въ кругѣ своей точно опредѣленной спеціальности, то не подлежитъ сомнѣнію право и другихъ казенныхъ вѣдомствъ разсчитывать на указанный источникъ средствъ для „общеполезныхъ“ работъ, подъ непремѣннымъ условіемъ ихъ производства собственнымъ распоряженіемъ. Начало этому уже положено министерствомъ государственныхъ имуществъ. Лѣсной департаментъ распорядился произвести усиленныя работы въ казенныхъ лѣсахъ повсемѣстно, гдѣ въ нынѣшнемъ году сельское населеніе пострадало отъ неурожая. По инструкціи, выборъ дачъ сообразуется съ губернаторскими сообщеніями о пострадавшихъ мѣстностяхъ. Работы производить безъ торговъ, хозяйственнымъ способомъ. Давать работу лишь наиболѣе нуждающимся (по удостовѣреніямъ полиціи). Наемъ производить и выдавать задатки (въ размѣрѣ $^1/_3$ договорной платы) въ волостныхъ и сельскихъ правленіяхъ безъ всякихъ посредниковъ. Поденныя цѣны (пильщикамъ и землекопамъ отъ 30 до 40 коп. и одноконной подводѣ 1 р.) и цѣны задѣльныя понижать лишь въ томъ случаѣ, если сами рабочіе будутъ просить о пониженіи въ виду предоставленія занятій большему числу нуждающихся. По окончаніи работы уплачивать деньги безъ малѣйшаго замедленія.—Нельзя не признать за такою инструкціей важныхъ достоинствъ въ дѣлѣ помощи голодающимъ. Совершенно устраняя посредниковъ и допуская пониженіе установленной платы за работу лишь въ исключительномъ случаѣ ходатайства о томъ самихъ рабочихъ, она не даетъ никакой возможности эксплоатировать нужду населенія, что̀ неизбѣжно было бы при производствѣ работъ подряднымъ способомъ. Желательно, чтобы и земскія учрежденія руководствовались тѣми же правилами найма на работы, ими нарочито учреждаемыя въ настоящее время, тѣмъ болѣе, что работы эти принимаютъ обширные размѣры. Такъ, особою коммисіею, засѣдающею въ Тамбовѣ, рѣшено сооруженіе шоссированныхъ дорогъ на Саратовъ, Пензу, Кузнецкъ и Вольскъ, и кредитъ на это сооруженіе опредѣленъ около 4.500 000 рубл.; нижегородское зем-

ство испрашиваетъ субсидію въ 600.000 рубл. для приведенія въ порядокъ существующихъ грунтовыхъ дорогъ въ губерніи; въ разныхъ мѣстностяхъ поднятъ вопросъ о сооруженіи центральныхъ запасныхъ магазиновъ, о постройкѣ школьныхъ зданій и т. д. Весьма вѣроятно, что удѣльное вѣдомство поставитъ на практическую почву вопросъ о меліораціяхъ. Принимая же во вниманіе обширность удѣльныхъ имѣній и значительную сосредоточенность ихъ въ наиболѣе пострадавшей отъ неурожая черноземной полосѣ (напр. въ Симбирской губ.), можно надѣяться, что удѣльное вѣдомство, ни въ какихъ субсидіяхъ не нуждающееся, широко разовьетъ меліоративныя работы въ настоящую критическую пору для земледѣлія и тѣмъ окажетъ великую услугу не только голодающему населенію, но и русскому сельскому хозяйству. Настоятельно необходимо, конечно, привлечь къ меліораціямъ и частно-владѣльческія хозяйства, но ожидать осуществленія этого пожеланія въ сколько-нибудь значительныхъ размѣрахъ едва-ли возможно въ настоящее время, при отсутствіи у насъ спеціальнаго кредита для меліорацій. Насущная забота нашего задолженнаго землевладѣнія сводится покуда къ улаженію вопроса объ отсрочкѣ платежей по ссудамъ изъ государственнаго дворянскаго и акціонерныхъ земельныхъ банковъ. То и дѣло появляются публикаціи о назначеніи въ продажу владѣльческихъ имѣній цѣлыми сотнями! Между тѣмъ съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе выясняется значеніе благоустроенныхъ имѣній, какъ важнѣйшихъ источниковъ средствъ къ существованію окрестныхъ крестьянъ. Изъ этихъ настоящихъ хозяйственныхъ центровъ исходитъ самая дѣятельная и своевременная помощь голодающему населенію. Отрадно слышать, что нѣкоторые зажиточные помѣщики (къ сожалѣнію, число *зажиточныхъ* постоянно уменьшается) отказали въ продажѣ своего хлѣба купцамъ и, несмотря на существующую дороговизну, раздаютъ его по 70 коп. за пудъ работающимъ у нихъ крестьянамъ и даже по 60 коп. тѣмъ, у кого нѣтъ кабака въ деревнѣ. Недавно пущенный въ газеты слухъ о предосудительной дѣятельности одного изъ предводителей дворянства по заготовкѣ для крестьянъ посѣвнаго зерна на деньги, отпущенныя земствомъ, оказался гнуснымъ вымысломъ, въ настоящее время вполнѣ разоблаченнымъ. Изобилуютъ доказательства отзывчиваго отношенія дворянъ-помѣщиковъ къ нуждамъ сельскаго населенія, и безъ доброхотнаго попеченія нѣкоторыхъ изъ нихъ

о меньшей братіи бѣдственныя послѣдствія недорода несомнѣнно обострились бы въ глухихъ мѣстностяхъ, несмотря на энергію, съ которой принялось правительство за борьбу съ голодомъ. Чтобы не быть голословными, мы сошлемся на свидѣтельство г-жи Наталіи Гротъ, которая взяла на себя почтенный трудъ организаціи частной помощи крестьянамъ, ближайшимъ къ ея имѣнію въ Рязанской губерніи. Отдавая гласный отчетъ въ употребленіи собранныхъ ею пожертвованій, г-жа Гротъ пишетъ: „Помощь сѣменами спасла многихъ не въ настоящемъ только, но и въ будущемъ, такъ какъ земскія сѣмена пришли уже послѣ 16-го августа и многіе — именно бѣднѣйшіе — пособія не получили. Намъ объясняли это тѣмъ, что земская помощь, будучи только заимообразна, должна была имѣть въ виду отдачу, а круговая порука не хотѣла ручаться за самыхъ бѣдныхъ“.

* * *

Съ высоты трона поданъ примѣръ должнаго воздержанія отъ расходовъ на развлеченія въ годину народнаго бѣдствія. Государю Императору благоугодно было отмѣнить придворные балы въ наступающемъ зимнемъ сезонѣ и повелѣть, чтобы суммы, предназначавшіяся на устройство баловъ, были направлены въ помощь пострадавшимъ отъ неурожая. Многіе изъ нашего веселящагося общества поймутъ, конечно, все неприличіе роскошныхъ пировъ въ блистающихъ убранствомъ палатахъ, когда за стѣнами этихъ палатъ бродятъ какъ тѣни многія тысячи людей, изнуренныхъ голодомъ. Развлеченія имѣютъ и свою хорошую сторону; но всему есть мѣра, и бываютъ моменты, когда скромность въ образѣ жизни становится обязательною, какъ непремѣнное условіе благопристойности и даже соціальнаго мира.

* * *

Какъ ни тяжело русскому народу переносить постигшее его нынѣ бѣдствіе, смиренный духомъ и крѣпкій вѣрою въ милость Божію, онъ будетъ, конечно, терпѣливо ждать будущей весны, которая, быть можетъ, и оправдаетъ пробуждающуюся уже надежду на лучшій урожай. По послѣднимъ оффиціальнымъ извѣстіямъ, всходы озимей имѣютъ большею частью вполнѣ удовлетворительный видъ, мѣстами представляются прекрасными; даже на югѣ Россіи въ сентябрѣ полосою прошли

столь необходимые послѣ засухи дожди и тамъ спѣшно приступили къ посѣвамъ. Если дожди продолжатся, то и южная полоса, страдавшая отъ недостатка влаги, вступитъ въ новый сельскохозяйственный годъ также при болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Особенно утѣшительно, что, по свидѣтельству „Вѣстника Финансовъ", благодаря своевременному выясненію главныхъ раіоновъ неурожая ржи и немедленному принятію соотвѣтственныхъ мѣръ, земства имѣли возможность во-время пріобрѣсти посѣвныя сѣмена и снабдить ими нуждающіяся сельскія общества, такъ что, за весьма немногими исключеніями, посѣвъ хлѣбовъ въ мѣстностяхъ, пострадавшихъ отъ неурожая, произведенъ своевременно вездѣ, гдѣ это было возможно по метеорологическимъ условіямъ. О значительномъ сокращеніи площади озимаго посѣва, сравнительно съ нормальными размѣрами, получены свѣдѣнія лишь изъ Оренбургской губерніи. Тамъ уже наступили холода, а потому и невозможно предпринять что-либо для обсѣмененія незасѣянныхъ озимыхъ полей. Въ общемъ по Европейской Россіи площадь озимыхъ посѣвовъ не только не уменьшилась, но даже можно ожидать нѣкотораго ея увеличенія, какъ какъ блестящій урожай хлѣбовъ на сѣверномъ Кавказѣ, главнымъ образомъ въ Кубанской области, вызвалъ такое усиленіе распашекъ, что владѣльцы складовъ земледѣльческихъ орудій не въ состояніи были удовлетворить мѣстнаго спроса на плуги. Однако все же оказались *недосѣвы* на нѣкоторыхъ надѣльныхъ крестьянскихъ земляхъ. Хотя недосѣвы эти столь незначительны, что не могутъ имѣть вліянія на общіе итоги сбора хлѣбовъ будущаго урожая, но они несомнѣнно произведутъ ухудшеніе матеріальнаго быта крестьянъ, сравнительно съ прежнимъ временемъ, и ослабятъ также и въ будущемъ году обезпеченіе народнаго продовольствія.

* * *

Недосѣвы, каковы бы они ни были, ясно обнаруживаютъ неудовлетворительность существующей системы снабженія крестьянъ посѣвнымъ зерномъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ. При заимообразной выдачѣ и спѣшной закупкѣ зерна совершенно неизбѣжны и огульные подсчеты, и гадательныя цифры, въ чемъ обвиняются нѣкоторыя земства, запросившія слишкомъ крупныя ссуды, и еще болѣе неизбѣжны урѣзыванія ссудъ кредитующимъ казеннымъ вѣдомствомъ. Если же присоединить

сюда наше бездорожье, недостатокъ вообще перевозочныхъ средствъ у крестьянъ и неохоту состоятельныхъ участвовать въ круговой порукѣ наравнѣ съ неимущими, то „незначительные“ недосѣвы представляются блистательною побѣдою энергіи населенія и правительства, результатомъ почти невѣроятнаго напряженія человѣческихъ силъ и способностей. Но и незначительный недосѣвъ есть зло, пагубное для земледѣльческаго хозяйства. Совершенно же устранить его невозможно, не измѣняя самаго порядка снабженія крестьянъ посѣвнымъ зерномъ, не измѣняя этого перваго шага къ обезпеченію народнаго продовольствія. Въ чемъ же, однако, его существенный недостатокъ?

Въ томъ, что всякая ссуда факультативна: ее могутъ выдать въ томъ или другомъ размѣрѣ и даже вовсе отказать въ выдачѣ. Между тѣмъ, для вѣрности обезпеченія народнаго продовольствія въ ближайшемъ будущемъ настоятельно необходимо, чтобы каждый производитель хлѣба могъ получить посѣвное зерно въ мѣрѣ своей дѣйствительной потребности въ немъ, опредѣляемой силою его хозяйства, независимо отъ чьихъ бы то ни было постороннихъ соображеній и подсчетовъ. Этого требуетъ и непрерывность хозяйственной дѣятельности — условіе sine qua non всякой культуры, земледѣльческой же въ особенности. Но такое соотвѣтственное въ полной мѣрѣ удовлетвореніе спроса на посѣвное зерно можетъ послѣдовать лишь въ томъ случаѣ, если каждый земледѣлецъ пріобрѣтетъ на него неоспоримое право, явится не просителемъ, а требователемъ съ заранѣе опредѣленнымъ и неподлежащимъ произвольному измѣненію размѣромъ требованій. Такое право дается *страхованіемъ посѣвовъ*. Нашимъ читателямъ хорошо извѣстно, что именно мы понимаемъ подъ страхованіемъ посѣвовъ, подъ организаціей этого вида важнѣйшей въ земледѣльческой, но мало культурной, странѣ хозяйственной самопомощи. Организація эта была предложена раньше насъ, почти 11 лѣтъ тому назадъ, и теперь предлагается многими. Она, конечно, трудна и сложна, а потому недоступна даже и пониманію бюрократовъ, незнакомыхъ съ мельчайшими подробностями сельскаго быта. Возбуждать о ней вопросъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ поэтому некому, тѣмъ болѣе, что излюбленныхъ нашими канцеляріями иностранныхъ примѣровъ не оказывается на лицо. Наше земледѣліе еще ищетъ себѣ заступника и ходатая, и когда най-

детъ его, когда образуется настоящее сельскохозяйственное вѣдомство въ живой связи съ настоящими хозяевами и съ настоящимъ хозяиномъ во главѣ, тогда — надѣемся — вопросъ о страхованіи посѣвовъ будетъ подвергнутъ по меньшей мѣрѣ дѣятельному и всестороннему обсужденію, ибо и теперь уже понятно многимъ, что удовлетворительное разрѣшеніе этого вопроса несравненно важнѣе примѣненія наилучшихъ способовъ сушки плодовъ и другихъ подобныхъ же техническихъ задачъ, дѣлающихъ карьеру чиновникамъ сельскаго хозяйства. Мы, разумѣется, ничего не имѣемъ и противъ сушки плодовъ усовершенствованными способами, но прискорбно видѣть, что за придумываніемъ подобныхъ полезностей не замѣчаютъ: какъ и почему самые плоды перестаютъ родиться и возникаетъ основательное опасеніе за самую будущность земледѣльческой Россіи.

* * *

Есть одно общераспространенное заблужденіе, сильно мѣшающее ясному пониманію упадка народнаго хозяйства. Принято щеголять такъ называемыми народными сбереженіями, ссылаясь на балансы сберегательныхъ кассъ. Еслибы мы не знали, что переживаемъ нынѣ голодный годъ, то, отправляясь отъ упомянутаго заблужденія, могли бы указывать на отчеты нашихъ сберегательныхъ кассъ вѣдомства государственнаго банка и почтово-телеграфныхъ, какъ на доказательство роста народнаго благосостоянія въ текущемъ году. Въ самомъ дѣлѣ, за годъ, съ 1-го августа 1890 по 1-е августа 1891 года, общая сумма остающихся на лицо вкладовъ въ сберегательныя кассѣ увеличилась со 132.663.256 р. до 176.256.724 р., за одинъ же послѣдній іюль мѣсяцъ, т. е. въ то самое время, когда наиболѣе обострилась нужда въ хлѣбѣ и стала быстро усиливаться его дороговизна, увеличеніе сбереженій составляло 5.115.699 р. [1]) противъ 1.917.041 р. за іюль 1890 г. Очевидно, что современное состояніе нашего „народнаго“ хозяйства не играетъ никакой роли въ ростѣ общаго итога вкладовъ въ сберегательныя кассы. 917.122 вкладчика, числившихся къ 1-му августа текущаго года, по всей вѣроятности, даже и не

[1]) За этотъ мѣсяцъ, противъ того же мѣсяца въ прошломъ году, прибыло 20.368 новыхъ вкладчиковъ, слѣдовательно на каждаго изъ нихъ, въ среднемъ, приходилось по 251 рублю. Какъ средняя цифра вкладовъ въ сберегательныя кассы, это число очень велико и ясно показываетъ, что вновь прибывшіе вкладчики—люди съ достаткомъ (это особенно можно сказать о вкладчикахъ въ городскія кассы государственнаго банка за исключеніемъ столичныхъ).

принадлежатъ къ производительнымъ классамъ населенія. Свободные денежные капиталы обыкновенно сосредоточиваются въ рукахъ мало производительныхъ лицъ и тѣмъ быстрѣе и успѣшнѣе, чѣмъ менѣе устойчива обезпеченность матеріальнаго быта тружениковъ, т. е. чѣмъ болѣе нарушена равномѣрность въ распредѣленіи средствъ къ существованію.

* * *

Въ началѣ настоящаго обозрѣнія сказано о новомъ займѣ. Мы нѣсколько остановимся на немъ.

Намъ кажется, что прежде всего не слѣдуетъ сравнивать новый заемъ, названный „Россійскимъ 3% золотымъ займомъ 1891 года", съ бывшими до него конверсіонными займами. Для плательщиковъ податей, конечно, все равно, къ какой категоріи заемъ относится, но это не равно для реализаторовъ, обезпечивающихъ его успѣшность. Проведеніе конверсіоннаго займа требуетъ меньшихъ усилій и меньшихъ затратъ, потому что не сопряжено съ вывозомъ изъ страны золота: въ большинствѣ случаевъ дѣло ограничивается обмѣномъ банкирами одной бумаги на другую. Золото только временно задерживается при подпискѣ (во время которой принимаются, однако, и процентныя бумаги, особенно подлежащія конверсіи) и затѣмъ снова поступаетъ въ народное обращеніе. Облигаціи прямого иностраннаго займа требуютъ, напротивъ, оплаты наличными деньгами, которыя затѣмъ уже не возвратятся въ національныя кассы или возвратятся только по частямъ, въ теченіе долгаго срока, если не будутъ проданы заграницу. Вотъ почему, при равенствѣ всѣхъ другихъ обстоятельствъ, условія реализаціи заграницей прямого займа должны быть, для дѣлающаго заемъ государства, менѣе выгодны, чѣмъ условія реализаціи займа конверсіоннаго. Говорятъ, что по несостоявшейся сдѣлкѣ съ Ротшильдомъ относительно конверсіи $4\frac{1}{2}\%$ закладныхъ листовъ бывшаго общества взаимнаго поземельнаго кредита въ 3% листы были договорены и болѣе высокій эмиссіонный курсъ и болѣе дешевая банкирская провизія, чѣмъ по реализаціи нынѣшняго займа, порученной новой группѣ капиталистовъ. Хотя нарицательный капиталъ обоихъ займовъ почти одинаковъ, но существенная между ними разница въ томъ, что нынѣшній заемъ—не конверсіонный. Образовавшійся для его реализаціи синдикатъ не можетъ произвести простого обмѣна процентныхъ бумагъ въ банкирскихъ конторахъ, а долженъ вынести новыя облигаціи на рынокъ, гдѣ свободнѣе дѣйству-

ютъ различныя теченія и соперничества, съ которыми волей-неволей приходится вступать въ борьбу и во всякомъ случаѣ нельзя не считаться, а въ биржевомъ мірѣ все это стоитъ денегъ. Быть можетъ, и дѣйствительно французскій синдикатъ „учелъ“, какъ увѣряютъ, нашъ нынѣшній неурожай, воспользовался нашимъ народнымъ бѣдствіемъ, чтобы „поприжать“ министра финансовъ. Но въ подобныхъ предположеніяхъ—если это не болѣе, какъ предположенія—нѣтъ надобности для объясненія ни сравнительно [1]) низкой подписной цѣны ($79^3/_4$%), ни весьма значительной банкирской провизіи ($3,_3$%). Уже одно то обстоятельство, что въ синдикатѣ нѣтъ представителей такъ называемой haute finance (т. е., въ сущности, еврейской клики), должно было послужить достаточнымъ основаніемъ и для большихъ расходовъ и для предоставленія подписчикамъ особыхъ выгодъ, какую бы роль ни играли въ новомъ займѣ „франко русскія симпатіи“. Особыя выгоды подписчиковъ состоятъ въ значительной разницѣ между нарицательною и подписною цѣною облигацій. При обязательствѣ производить тиражи два раза въ годъ и оплачивать вышедшія въ тиражъ облигаціи полностію по ихъ нарицательной цѣнѣ, эта разница является для будущихъ владѣльцевъ облигацій настоящею преміей [2]).

Во всякомъ случаѣ, едва-ли возможно было въ настоящее время назначить болѣе высокую подписную цѣну для 3% бумаги. На парижской биржѣ 4% облигаціи прежнихъ нашихъ золотыхъ займовъ котируются по $96,_5$ за 100, соотвѣтственно этому рыночная цѣна 3% бумаги должна бы стоять не выше $72,_4$, подписная же цѣна облигацій новаго займа договорена, какъ мы видѣли, въ $79^3/_4$, а за вычетомъ отсюда банкирской провизіи ($3,_3$) получится въ очистку $76,_{45}$. Очевидно, что настоящій 3% заемъ выгоднѣе даже такого 4% займа, который былъ бы реализованъ al pari, безъ всякихъ расходовъ.

По поводу инцидента съ Ротшильдомъ мы говорили, что одною изъ ближайшихъ задачъ нашего финансоваго вѣдомства должно быть введеніе на рынокъ 3% государственныхъ займовъ. Теперь сдѣланъ первый удачный опытъ [1]) въ этомъ направленіи, опытъ тѣмъ болѣе удачный, что заключенъ круп-

---

[1]) Сравниваютъ съ послѣднимъ германскимъ 3% займомъ.

[2]) Она, вѣроятно, останется надолго, такъ какъ и французскія 3% желѣзнодорожныя облигаціи въ 500 фр. нарицательной стоимости котируются по 450 фр.

ный заемъ, и не конверсіонный, а прямой. Благодаря ему, государственное казначейство пріобрѣтаетъ знатныя средства для производительныхъ цѣлей въ такую пору, когда можно ожидать значительныхъ недоборовъ противъ предположеній росписи и предстоятъ совершенно непредвидѣнные расходы. Изъ нарицательной суммы займа въ 125 милл. рубл. золотомъ должно получиться въ очистку 95.562.500 рубл. золотомъ. Огромное большинство облигацій будетъ, конечно, реализовано во Франціи, откуда надо ожидать новаго и сильнаго прилива звонкой монеты въ кладовыя государственнаго банка; будетъ ли это золото продано за кредитные рубли, которые тогда поступятъ въ кассу банка, или оно будетъ храниться въ кассѣ для обезпеченія новыхъ могущихъ потребоваться выпусковъ,— это теперь рѣшить нельзя. Все будетъ вѣроятно зависѣть отъ потребностей денежнаго обращенія, удовлетвореніе которыхъ и вызвало выпускъ 75 милліоновъ кредитныхъ рублей; теперь гадать о будущемъ размѣрѣ этихъ потребностей было бы конечно празднымъ занятіемъ.

* * *

Министръ народнаго просвѣщенія лично обозрѣваетъ учебные округа. Посѣщеніе учебныхъ заведеній такимъ высокимъ лицомъ всегда составляетъ событіе въ ихъ лѣтописяхъ, но нынѣ оно стало знаменательнымъ и достопамятнымъ, благодаря рѣчи, произнесенной графомъ Деляновымъ 5-го сентября въ зданіи новыхъ университетскихъ клиникъ въ Москвѣ, на лекціи профессора Филатова. Знаменательна и достопамятна эта рѣчь словами, обращенными къ студентамъ-медикамъ.

Маститый администраторъ началъ съ указанія на огромный трудъ посвятившихъ себя медицинской наукѣ, изученіе которой и впослѣдствіи потребуетъ отъ нихъ большаго самоотверженія. „Въ настоящее время", говорилъ онъ, „вы слушаете по 25 и даже по 30 лекцій въ недѣлю. Но труды ваши не кончатся съ окончаніемъ вами курса. Врачу, который захочетъ стоять на высотѣ своей науки, приходится слѣдить за обширною литературой естественно-исторической и медицинскою. Тотъ, кто—хотя и недолго—будетъ стоять на одномъ мѣстѣ, непремѣнно отстанетъ". Жизнь врача, неуклонно слѣдующаго своему призванію, есть непрестанный подвигъ служенія стра-

[1]) Дѣлались опыты и раньше, но они не отличались удачею. Такъ, 10 лѣтъ тому назадъ 3% облигаціи Закавказской желѣзной дороги были выпущены по курсу 55,6 за 100.

ждущему человѣчеству. Поэтому-то заслугу врача, который самоотверженно борется съ заразною эпидеміей или, забывая о себѣ, своемъ покоѣ и здоровьѣ, помогаетъ раненымъ на полѣ битвы страдальцамъ, покойный профессоръ московскаго университета Оверъ ставилъ выше заслуги воина и трудовъ отца семейства in rebus adversis. Припомнивъ слова почтеннаго профессора и выяснивъ ихъ глубокій смыслъ, графъ Делановъ продолжалъ:

„Къ этому считаю нужнымъ преподать вамъ нѣкоторые совѣты — они вамъ могутъ пригодиться. Одни изъ васъ будутъ врачами въ столицахъ и большихъ городахъ, гдѣ много обывателей богатыхъ и гдѣ вознагражденіе за трудъ можетъ быть значительнымъ; другіе же попадутъ въ глухіе города и бѣдныя селенія, гдѣ вознагражденіе за трудъ скудное, а часто не будетъ и никакого. Но если вы желаете быть вѣрными своему высокому призванію и стать истинными помощниками страждущаго человѣчества, то идите съ готовностью туда, куда васъ призовутъ. Идите на зовъ богатаго и бѣднаго, знатнаго и незнатнаго, въ пышный чертогъ и въ убогую хижину. Вы лучше меня знаете, что есть болѣзни, которыя не поддаются никакому лѣченію, но идите и туда, гдѣ смерть больнаго неминуема. Говорю вамъ, какъ человѣкъ и христіанинъ: не забывайте, что ваше ласковое слово, вашъ заботливый уходъ, вашъ сердобольный взглядъ и, наконецъ, одно ваше присутствіе можетъ утѣшить умирающаго, поднять его угнетенный духъ, усладить горечь его послѣднихъ часовъ и при тѣхъ упованіяхъ, которыя даются человѣку религіей, даже способствовать къ облегченію перехода отъ сей жизни въ жизнь вѣчную. Конечно, при этомъ образѣ жизни вы не пріобрѣтете много матеріальныхъ благъ, но, не говоря уже о благахъ небесныхъ, коихъ предвкушеніе хранится въ тайникахъ души человѣческой, вы и на землѣ пріобрѣтете величайшую награду, доступную здѣсь человѣку, пріобрѣтете сознаніе исполненнаго долга и миръ совѣсти, этого неподкупнаго и безпристрастнаго судьи, свидѣтеля и цѣнителя всѣхъ нашихъ дѣлъ и поступковъ“.

По возвышенности нравственнаго чувства, простотѣ и ясности опредѣленія истиннаго призванія врача, это мѣсто въ рѣчи графа Делянова — свѣточъ, озаряющій будущее поприще юноши. По этому поприщу пролегаетъ узкая тропа. Она трудна, и идущій по ней не стяжаетъ ни богатства, ни славы, но она приводитъ къ величайшей наградѣ, доступной человѣку на

землѣ, даетъ „сознаніе исполненнаго долга и миръ совѣсти". Графъ Деляновъ не клеймитъ позоромъ избирающихъ иной путь, но говоритъ только, что нѣтъ другаго пути, достойнаго той науки, которая призвана служить страждущему человѣчеству. Предлагается положительный идеалъ, все отрицательное отпадаетъ само собою. Кто вѣрно понялъ высокое призваніе врача и глубоко проникся сознаніемъ собственнаго долга, тотъ уже не принизится до положенія врача-промышленника и останется равнодушенъ къ соблазнамъ „блестящей карьеры". *Знаменитости*, торгующія своими знаніями, покраснѣютъ и безъ того, чтобы ихъ клеймили позоромъ, а если не могутъ краснѣть, то за нихъ покраснѣютъ, смущенные профанаціею науки, тѣ юноши, которымъ западетъ глубоко въ душу доброе слово министра народнаго просвѣщенія.

Пройдя мимо врачей-промышленниковъ, графъ Деляновъ остановился, однако, на врачахъ-ремесленникахъ.

„Друзья мои", говорилъ онъ студентамъ, „вы занимаетесь анатоміей, гистологіей, дѣлаете вивисекціи,—все это въ высшей степени полезно и необходимо; но мнѣ кажется, что безпрерывныя занятія такими предметами все-таки нѣсколько матеріализуютъ душу. Необходимо питать ее иногда и идеалами. А для того продолжайте развивать въ себѣ тѣ основы общаго образованія, которыя вы пріобрѣли въ средней школѣ. Читайте великихъ ораторовъ духовныхъ и свѣтскихъ, изящныхъ прозаиковъ, знаменитыхъ поэтовъ. Занятія такою литературой смягчаютъ душу, окрыляютъ воображеніе, отрываютъ отъ насъ тину и грязь, въ которую втягиваетъ насъ будничная жизнь съ ея страстями и нечистыми впечатлѣніями.

„Въ подтвержденіе моей мысли приведу слова, слышанныя мною нѣкогда отъ знаменитаго нашего хирурга Николая Ивановича Пирогова. Онъ говорилъ и, кажется, гдѣ-то выразилъ и письменно, что *врачъ*, не имѣющій общаго образованія и не интересующійся произведеніями великихъ писателей и поэтовъ,—не есть врачъ, а ремесленникъ".

Юнымъ слушателямъ министра народнаго просвѣщенія было извѣстно, конечно, что покойный Н. И. Пироговъ обладалъ такими обширными познаніями въ литературѣ, классическихъ языкахъ и вообще въ наукахъ, даже вовсе не входившихъ въ кругъ его спеціальности, какія едва-ли можно встрѣтить въ наше время среди извѣстнѣйшихъ міровыхъ ученыхъ. Студенты-медики Московскаго университета не могутъ не при-

знать вѣскости такого авторитета, и мы увѣрены, что многіе изъ нихъ охотно бы послѣдовали благому совѣту министра, облеченному въ форму дружеской заботливости о человѣческомъ достоинствѣ будущихъ спеціалистовъ, способныхъ подняться надъ умственнымъ уровнемъ ремесленника, хотя и почтеннаго труженика, но занятаго исключительно техникою своего ремесла. Человѣкъ, образованный въ истинномъ смыслѣ слова, не можетъ игнорировать величайшихъ произведеній человѣческой мысли и не стремиться къ горнимъ ея высотамъ, куда ведутъ дѣйствительно великіе ораторы и поэты. Но, чтобы слѣдовать за великими творцами, надо имѣть о нихъ болѣе или менѣе ясное представленіе, необходимо чье либо правильное указаніе. А кому неизвѣстно, что предъидущее поколѣніе, изъ котораго вышли нынѣшніе наставники юношества, или ни въ грошъ не ставило „изящныхъ прозаиковъ" и „знаменитыхъ поэтовъ", или надѣляло (да и продолжаетъ надѣлять) аттестатами геніальности писателей, не обладающихъ ни силою творчества, ни высотою полета мысли, ни глубиною анализа души и сердца, ни даже чистотою и правильностью языка? Современный преподаватель и современное руководство по исторіи литературы (въ родѣ книги г. Скабичевскаго) заводятъ въ невылазную трясину того, кто имъ довѣряется. Сама учащаяся молодежь нерѣдко сознаетъ это. Она ищетъ руководителя и, не находя его ни въ школѣ, ни въ книгѣ, весьма естественно попадаетъ на ложный путь или, не зная, за кѣмъ идти, останавливается въ недоумѣніи. Доброжелательный совѣтъ министра народнаго просвѣщенія почти такъ же неисполнимъ въ настоящее время, какъ и совѣтъ врача еле существующему пособіями и кондиціями бѣдняку-студенту для поправленія здоровья провести зиму въ Алжирѣ или въ Каирѣ. Отъ души порадуемся, если нашъ пессимизмъ окажется анахронизмомъ, если учебное вѣдомство уже располагаетъ услугами людей, столь же одаренныхъ способностями къ здравой литературной критикѣ, какъ и начитанныхъ. Тогда оставалось бы только позаботиться объ устройствѣ доступныхъ слушателямъ всѣхъ факультетовъ чтеній по исторіи литературы.

Въ заключительной части своей, обращенной къ студентамъ, рѣчи графъ Деляновъ предостерегъ молодыхъ людей отъ того предательскаго огня, прельщаясь которымъ многіе изъ нихъ обжигаютъ себѣ крылья. „Пользуйтесь временемъ и трудитесь неустанно, — совѣтовалъ онъ. Корифеи науки: Кювье, Гум-

больдтъ, Клодъ Бернаръ, Гельмгольцъ, Вирховъ, Листеръ, Пироговъ, такіе же люди, какъ и вы. И они, при всѣхъ ихъ дарованіяхъ, не достигли бы той высоты, еслибы вмѣсто того, чтобы посвящать все свое время изслѣдованію силъ природы и примѣненію этихъ силъ къ потребностямъ человѣка, увлекались бы мечтами о переустройствѣ государствъ и пустозвонными разглагольствованіями объ измѣненіи историческихъ судебъ".

Страшно подумать, сколько молодыхъ силъ остановлено въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, сколько душъ погублено этими мечтами и разглагольствованіями! Еще свѣжо въ памяти то недавнее прошлое, когда крамола свивала свои гнѣзда въ стѣнахъ университетовъ и съ каѳедръ раздавались пустозвонныя разглагольствованія, смущавшія незрѣлые умы; когда нравственные убійцы молодежи, окруженные огалдѣлою толпою приспѣшниковъ, шумно праздновали тризну на могилѣ совѣсти и здраваго смысла; когда храмъ науки превращался въ разсадникъ политическаго разврата и дипломированнаго невѣжества. Многое изъ этого мрачнаго прошлаго перешло въ область воспоминаній и, вѣроятно, никогда уже не станетъ дѣйствительностію. Но увлеченія свойственны молодежи. Отбросивъ мечты по типу 60-хъ и 70-хъ годовъ, она можетъ пойти къ пророкамъ „новой" религіи, увлекаться ученіями новой житейской quasi-философіи, додумываться до „житейскихъ" нелѣпостей, едва-ли менѣе вредныхъ, чѣмъ „пустозвонныя разглагольствованія объ измѣненіи историческихъ судебъ" и во всякомъ случаѣ мѣшающихъ ей беззавѣтно предаваться неустанному *умственному* труду. Отъ увлеченій новыми религіями и новою житейскою мудростію спасаютъ тѣ же великіе ораторы духовные и свѣтскіе, тѣ же знаменитые поэты. Когда ихъ великія творенія, очищающія отъ матеріализма и возносящія духъ на высоту, доступную человѣку, сдѣлаются настольною книгою каждаго студента, когда воспитанники нашихъ университетовъ направятъ всѣ свои способности и всю свою энергію къ тому, чтобы стать достойными званія *дѣйствительно* образованныхъ людей, званія, котораго не даютъ дипломы, — тогда только и явится увѣренность, что можетъ

Собственныхъ Платоновъ
И быстрыхъ разумомъ Невтоновъ
Россійская земля рождать.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Тейфенбахъ, въ Штиріи, 19-го сентября (1-го октября) 1891 г.

„Худой миръ лучше доброй ссоры", говоритъ русская пословица. Къ этому убѣжденію мало-по-малу пришли, кажется, всѣ правительства Европы. Такъ по крайней мѣрѣ можно заключить по обилію миролюбивыхъ завѣреній, раздающихся повсемѣстно, по самымъ разнообразнымъ поводамъ, изъ устъ государей и государственныхъ дѣятелей, которымъ усердно вторитъ, въ качествѣ выразительницы общественнаго мнѣнія, всемірная повременная печать.

Миролюбіе — плодъ внушеній разума. Къ сожалѣнію, въ дѣлахъ человѣческихъ разсудокъ не всегда полноправный распорядитель и хозяинъ. Слишкомъ часто голосъ его заглушается голосомъ страстей, возбуждающихъ воображеніе въ ущербъ здравому смыслу и приводящихъ къ безразсуднымъ рѣшеніямъ. Мимолетный порывъ страсти — это та ложка дегтю, что̀ портитъ цѣлую бочку меда. И сколько потомъ нужно проявленій благоразумія и умѣренности, чтобы загладить бѣдственное впечатлѣніе, произведенное однимъ неосторожнымъ словомъ, оброненнымъ въ минуту досады и раздраженія.

Къ числу такихъ именно неосторожныхъ рѣчей принадлежитъ несомнѣнно рѣчь, произнесенная германскимъ императоромъ на манёврахъ въ Эрфуртѣ, въ которой Вильгельмъ II обозвалъ Наполеона „корсиканскимъ выскочкой" и, напомнивъ объ униженіи, претерпѣнномъ Германіей подъ его владычествомъ, приписалъ своему прадѣду, королю Фридриху-Вильгельму III, починъ сопротивленія, приведшаго „къ возмездію", другими словами, къ освобожденію нѣмцевъ изъ-подъ чуже-

земнаго ига и къ конечному торжеству ихъ надъ побѣжденною Франціей.

Съ точки зрѣнія чисто исторической можно было бы многое возразить на словоизліянія царственнаго ритора. Слово „выскочка“ также примѣнимо къ Наполеону, какъ къ Александру Великому или Юлію Цезарю, на ряду съ которыми ставитъ его исторія. Покоривъ Германію, онъ и распоряжался ею, какъ покоренною страною, но если что̀ унизило ее въ глазахъ міра, то, конечно, не обращеніе императора французовъ, а во-первыхъ, позорное малодушіе прусскихъ войскъ, послѣ двойнаго разгрома подъ Ауэрштедтомъ и Іеною, предавшихся такому отчаянію, что цѣлыми толпами сдавались побѣдителямъ не только въ открытомъ полѣ, но и въ укрѣпленныхъ твердыняхъ; во-вторыхъ — низкопоклонство и раболѣпство нѣмецкихъ владѣтелей, пресмыкавшихся въ прахѣ предъ Наполеономъ и толпившихся вокругъ его побѣдной колесницы, ловя каждый взоръ его и вымаливая у него всевозможныя подачки. Не о сопротивленіи или возмездіи помышлялъ въ 1808 году въ Эрфуртѣ и король прусскій. Забота его не шла далѣе желанія получить сбавку со стомилліонной контрибуціи, наложенной Наполеономъ на Пруссію. И желаніе это исполнилось. Внимая не столько жалостнымъ мольбамъ Фридриха-Вильгельма III, сколько великодушному предстательству за него своего союзника и друга — русскаго императора, императоръ французовъ скинулъ со счетовъ цѣлые двадцать милліоновъ, т. е. пятую часть всей контрибуціи. За эту услугу „честный“ король отплатилъ Александру I черезъ четыре года спустя, навязавшись въ союзники Наполеону, когда тотъ предпринялъ свой походъ на Россію, и выговоривъ у него по трактату присоединеніе къ Пруссіи прибалтійскихъ русскихъ областей. Даже послѣ того какъ русская рать, побѣдоносно отразивъ вторженіе непріятеля, вступила въ прусскіе предѣлы, призывая государей и народы Германіи возстать противъ завоевателя и возвратить родинѣ утраченныя независимость и свободу, Благословенному едва-ли не съ бою пришлось взять приступленіе къ „общему дѣлу“ Фридриха-Вильгельма III, трепетавшаго при одной мысли о возобновленіи борьбы съ Наполеономъ. Крайне поучительныя для насъ, русскихъ людей, обстоятельства, при которыхъ состоялся въ началѣ 1813 года русско-прусскій союзный договоръ, вполнѣ выяснены пятнадцать лѣтъ тому назадъ всестороннимъ изслѣдованіемъ гисенскаго профессора Онкена по документамъ бер-

линскаго и вѣнскаго архивовъ [1]). Они въ корнѣ уничтожаютъ легенду о братскомъ единеніи императора австрійскаго и короля прусскаго съ русскимъ Государемъ въ войнѣ за освобожденіе Германіи и Европы. Только у насъ въ Россіи легенда эта еще остается въ прежней силѣ и продолжаетъ господствовать надъ умами, совершенно извращая дѣйствительный смыслъ одной изъ знаменательнѣйшихъ эпохъ нашей отечественной исторіи.

Изъ сказаннаго не трудно заключить, что воспоминанія, связанныя съ происходившими въ Эрфуртѣ три четверти вѣка назадъ событіями, вовсе не таковы, чтобы наслѣдникъ Гогенцоллерновъ имѣлъ поводъ вмѣнять ихъ въ честь или въ заслугу своему прадѣду, а потому они и не оправдываютъ вызова, довольно необдуманно брошеннаго имъ въ лицо современной Франціи. Еще болѣе строгаго осужденія заслуживаетъ этотъ вызовъ, если взглянуть на него съ точки зрѣнія политической. Выраженіе „отыгрышъ“ (revanche), вырвавшееся у Вильгельма II,—орудіе обоюдоострое. Вѣдь послѣднюю ставку въ игрѣ съ Германіей проиграла Франція и не за восемьдесятъ пять лѣтъ, а всего за два десятилѣтія. Вызывая безъ всякой нужды да еще въ задорномъ, оскорбительномъ тонѣ, память о томъ, какъ съ 1813 по 1815 годъ отыгралась Германія, молодой нѣмецкій императоръ тѣмъ самымъ могъ заронить въ умы французовъ мысль о перемѣнчивости военнаго счастія и, какъ послѣдствіе ея—желаніе снова помѣряться съ нѣмцами при условіяхъ, крайне неблагопріятныхъ для послѣднихъ, въ надеждѣ, можно даже сказать въ увѣренности, отыграться въ свою очередь. Такъ довольно бываетъ одной искры, чтобы зажечь всеразрушительный пожаръ.

Къ счастью, искра, мелькнувъ, потухла и моря не зажгла. Легко было бы президенту французской республики, предъ которымъ въ стройномъ порядкѣ и въ высшемъ патріотическомъ одушевленіи какъ разъ въ это самое время проходили возстановленныя боевыя силы Франціи, легко было бы ему вызовомъ же отвѣчать на вызовъ Вильгельма. Но г. Карно воздержался отъ искушенія и тѣмъ пріобрѣлъ новое право на уваженіе и признательность Европы. Въ рѣчи, обращенной имъ къ войску по окончаніи большихъ манёвровъ происходившихъ вдоль восточной границы, онъ ограничился воздаініемъ заслу-

[1]) Wilhelm Oncken: Austerreich und Preussen im Befreiungskriege, 2 Bände 1876—1879.

женной хвалы доблестямъ арміи, въ которой Франція не безъ основанія видитъ свою гордость въ настоящемъ и залогъ своей безопасности въ будущемъ. Сопоставляя его сдержанность и спокойствіе съ шумной выходкой въ Эрфуртѣ, нельзя не признать, что самообладаніе есть выраженіе дѣйствительной мощи и что въ настоящую минуту Франція обнаруживаетъ несомнѣнное нравственное превосходство надъ Германіей.

Взглядъ этотъ находитъ себѣ подтвержденіе и въ тѣхъ словахъ, съ которыми министръ иностранныхъ дѣлъ республики обратился къ Франціи и Европѣ на торжествѣ открытія въ Бапомѣ памятника генералу Федербу. Въ нихъ отразилась Франція, сознающая свою силу, исполненная вѣры въ саму себя и въ свои грядущія судьбы, никому не угрожающая, но никого и не страшащаяся, миролюбивая по убѣжденію, а не изъ боязни, Франція безъ страха и упрека. Въ чемъ же почерпнула она такую самоувѣренность, не исключающую впрочемъ ни умѣренности, ни осторожности? Въ томъ *новомъ положеніи*, что создали ей событія въ Кронштадтѣ, Петербургѣ и Москвѣ, о которомъ первый упомянулъ предсѣдатель совѣта и военный министръ г. де-Фрейсине на военномъ завтракѣ въ Витри и которое подчеркнулъ въ своей рѣчи и г. Рибо, сказавъ, что заслуга нынѣшняго кабинета заключается въ томъ, что оно улучило удобную минуту, дабы увѣнчать усилія всѣхъ своихъ предшественниковъ въ смыслѣ давнихъ и единодушныхъ желаній французскаго народа. Назовемъ же это новое положеніе принадлежащимъ ему именемъ: оно ничто иное, какъ состоявшееся сближеніе съ Россіей. Весьма точно опредѣлилъ министръ и ближайшее его послѣдствіе: возстановленіе въ Европѣ равновѣсія созданіемъ могучаго противовѣса поддержанному Англіей тройственному союзу средне-европейскихъ державъ.

Любопытно, что въ одинъ и тотъ же день, по одному и тому же предмету гласно высказался совершенно тождественно съ г. Рибо канцлеръ нѣмецкой имперіи въ отвѣтѣ своемъ на привѣтствіе головы города Оснабрюка, признавъ за франко-русскимъ соглашеніемъ значеніе устоя въ международномъ равновѣсіи, „въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало прежде“. Въ этомъ неожиданномъ признаніи, дѣлающемъ большую честь искренности и правдивости генерала Каприви, заключается главное сходство обѣихъ равно миролюбивыхъ рѣчей. Но какая разница въ настроеніи и въ тонѣ! Съ гордымъ созна-

ніемъ національнаго достоинства говоритъ французскій министръ о достигнутомъ политическомъ результатѣ, какъ о великой безкровной побѣдѣ, одержанной Франціей, упрочившей ея положеніе и возвысившей обаяніе во вселенной. Скрѣпя сердце, преемникъ князя Бисмарка мирится съ ненавистнымъ сочетаніемъ, воспрепятствовать которому ему не удалось, несмотря на всѣ ухищренія и козни, пущенныя въ ходъ нѣмецкою дипломатіей. Не беремся рѣшить: составляетъ ли покорность судьбѣ личное свойство характера генерала Каприви, являются ли слова его искупленіемъ запальчивой выходки его повелителя въ Эрфуртѣ или же наконецъ просто подтверждается ими справедливость утвержденія покойнаго Каткова „что великою казалась Германія главнымъ образомъ потому, *что стояла на Россіи?*“

Во всякомъ случаѣ они лишній разъ доказываютъ призрачность тѣхъ ужасовъ, которыми пытались запугать какъ Россію, такъ и Францію, разные непрошенные совѣтники и доброжелатели, всѣми силами старавшіеся помѣшать ихъ сближенію. Какихъ въ самомъ дѣлѣ бѣдъ не пророчили они въ своемъ лицемѣрномъ участіи къ пользамъ и достоинству обѣихъ державъ. Французской республикѣ грозили преобладаніемъ враждебныхъ ей монархическихъ партій; русскому самодержавію—усиленіемъ внутреннихъ враговъ существующаго государственнаго строя. Случилось какъ разъ наоборотъ. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ со времени скрѣпленія на Кронштадтскомъ рейдѣ узъ дружбы и союза между двумя правительствами и народами, и всѣ оппозиціонныя партіи во Франціи склонились предъ торжествующимъ законнымъ порядкомъ и въ то же время какъ бы исчезли съ лица земли и непримиримая доселѣ воинствующая польская эмиграція и укрывавшаяся преимущественно въ Парижѣ наша соціалистическая крамола.

Также точно не оправдались и угрозы внѣшнихъ осложненій, на которыя не скупилась средне-европейская печать, поддержанная, если не ошибаемся, и брюссельскою газетою *le Nord*, выдающею себя за присяжный органъ русскаго дипломатическаго вѣдомства. По крайней мѣрѣ изъ полемики, какой она удостоила насъ не далѣе какъ въ 1887 году, мы удержали въ памяти слѣдующее предсказаніе: что де союзъ Франціи съ Россіей не желателенъ, потому *что онъ неизбѣжно заключалъ бы въ себѣ зародышъ обще-европейской войны* (*que l'alliance franco-russe contiendrait fatalement un germe de guerre européenne* [1]).

[1]) *Le Nord*, 29 августа (10 сентября) 1887 г.

Состоялось нѣчто бо́льшее, чѣмъ союзъ, такое, по счастливому выраженію виконта де-Вогюэ, *взаимное проникновеніе* (pénétration mutuelle) двухъ націй, коему нѣтъ примѣра въ исторіи, и что же мы видимъ? Никогда Вѣна не обнаруживала бо́льшей предупредительности въ отношеніяхъ съ С.-Петербургомъ, Римомъ и Парижемъ. Надменный сентъ-джемскій кабинетъ сталъ заискивать во Франціи, какъ явствуетъ изъ приглашенія его эскадрѣ генерала Жерве на возвратномъ пути изъ Кронштадта посѣтить и Портсмутъ. Наконецъ, даже Германія, каковы бы ни были одушевляющія ее чувства неудовольствія и досады, явно заботится о поддержаніи самыхъ любезныхъ сношеній со своими сосѣдями, западными и восточными. Не обращая вниманія на злобный торжествующій вопль нѣмецкой печати, германскій канцлеръ дозволилъ двумъ берлинскимъ банкирамъ открыть подписку на предстоящій русскій заемъ, а имперское правительство рѣшилось наконецъ отмѣнить, по собственному почину, стѣснительныя паспортныя мѣры въ Эльзасѣ и Лотарингіи. Въ виду всѣхъ этихъ явленій да простятъ намъ читатели, если мы не безъ нѣкотораго, впрочемъ, весьма законнаго самодовольства, противопоставили несбывшимся зловѣщимъ пророчествамъ дипломатической газеты то, что два года тому назадъ возражали ей на страницахъ *Русскаго Вѣстника*: „Какъ?—спрашивали мы — при отсутствіи союзной связи между Россіей и Франціей, когда четверной союзъ можетъ ласкать себя надеждой разгромить ихъ въ одиночку, одну вслѣдъ за другою, онъ не начинаетъ войны, и вдругъ объявитъ ее, какъ только состоявшееся соглашеніе русскихъ съ французами затруднитъ ему побѣду, уменьшитъ его шансы на успѣхъ?

„Вѣдь это все равно, какъ еслибы двумъ разрозненнымъ отрядамъ, дѣйствующимъ противъ сосредоточенныхъ силъ непріятеля, стали совѣтовать отказаться отъ соединенія другъ съ другомъ, дабы не раздражать противника—чѣмъ?—нанесеніемъ ему пораженія!.. Нелѣпость такого совѣта очевидна для каждаго въ военномъ дѣлѣ; только близорукая дипломатія можетъ не распознать ее въ дѣлѣ политическомъ“ [1]).

Къ счастію для Россіи, въ данномъ случаѣ русская дипломатія близорукою не оказалась. Прозорливую бдительность проявилъ въ особенности тотъ изъ высшихъ дипломатическихъ дѣятелей, кому довѣріемъ царскимъ поручено нарочито вѣдать и блюсти междугосударственныя сношенія Россіи съ Франціей.

[1]) См. „Русск. Вѣстн.“ январь 1890 г., стр. 287.

Не въ первый разъ приходится намъ воздать заслуженную хвалу патріотической дѣятельности посла нашего въ Парижѣ, имя котораго нераздѣльно отнынѣ съ совершившимся сближеніемъ французскаго правительства и русскимъ дворомъ. На занимаемомъ имъ высокомъ и отвѣтственномъ посту баронъ А. П. Моренгеймъ примыкаетъ непосредственно къ двумъ своимъ знаменитымъ предшественникамъ: Поццо-ди-Борго и графу П. Д. Киселеву, бывшимъ въ свое время, подобно ему, явными и убѣжденными поборниками тѣснаго единенія обѣихъ странъ. Въ отвѣтъ на выраженія почтенія и признательности, которыми привѣтствуетъ нашего достойнаго представителя населеніе во всѣхъ посѣщаемыхъ имъ мѣстностяхъ Франціи, уважаемый посолъ, съ присущею ему скромностью, обыкновенно повторяетъ, что вся его заслуга состоитъ единственно въ томъ, что онъ всегда старался быть вѣрнымъ и ревностнымъ исполнителемъ Высочайшихъ предначертаній. Это разумѣется само собою, но конечно не только не умаляетъ, а еще болѣе возвышаетъ на нашъ взглядъ значеніе государственныхъ заслугъ барона Артура Павловича. Отъ себя прибавимъ, что въ продолженіе почти полувѣковой своей службы онъ всегда отличался прямодушіемъ и мужественною откровенностью въ донесеніяхъ императорскому министерству, которыя въ бытность повѣреннымъ въ дѣлахъ въ Берлинѣ и посланникомъ въ Копенгенѣ составлялъ по долгу совѣсти и присяги, не заботясь о согласованіи ихъ съ господствовавшими въ разное время вѣяніями и теченіями придворныхъ и политическихъ круговъ. Столь рѣдкія качества хотя-было и замедлили нѣсколько его повышеніе въ служебной іерархіи, но въ нынѣшнее вожделѣнное царствованіе оцѣнены по достоинству. Они-то и открыли правдивому дипломату путь къ высшимъ должностямъ посла сначала въ Лондонѣ, а затѣмъ и въ Парижѣ. Не подлежитъ сомнѣнію, что они же не мало содѣйствовали выясненію дѣйствительнаго положенія дѣлъ во Франціи и благовременности скрѣпленія въ нею узъ дружбы и союза. Еслибы мы могли упустить это изъ виду, то намъ не замедлили бы о томъ напомнить злобные возгласы и нареканія, раздающіеся противъ барона Моренгейма во враждебныхъ Россіи органахъ западно-европейской печати. Это налагаетъ на насъ, русскихъ людей, нравственную обязанность гласно засвидѣтельствовать чувства глубокаго уваженія и благодарности истинно русскому государственному дѣятелю, вѣрному царскому слугѣ и преданному

сыну Россіи, который, по собственному его любимому выраженію, на всѣ событія въ Мірѣ привыкъ взирать не иначе, какъ съ высоты Московскаго Кремля.

Съ неменьшею душевною отрадой и съ чувствомъ удовлетворенной національной гордости, заносимъ мы въ нашу лѣтопись двойной успѣхъ, честь коего принадлежитъ другому дипломатическому представителю Россіи, послу въ Царьградѣ. Мы разумѣемъ уговоръ, заключенный имъ съ Портою о безпрепятственномъ проходѣ чрезъ Босфоръ и Дарданеллы судовъ нашего добровольнаго флота и коренной переворотъ въ личномъ составѣ высшаго управленія Турціи, послѣдовавшій за паденіемъ бывшаго великаго визиря Кіамиля-паши.

Посольскій постъ въ Константинополѣ—постъ боевой, по преимуществу, и дипломатъ, его занимающій, стоитъ на стражѣ самыхъ дорогихъ, самыхъ священныхъ интересовъ Россіи. Тамъ встрѣчается онъ съ единодушнымъ—такъ было доселѣ—противодѣйствіемъ представителей прочихъ великихъ державъ, съ подозрительностью слѣдящихъ за каждымъ его шагомъ, создающихъ ему всевозможныя затрудненія, всегда готовыхъ противупоставить его требованіямъ совокупное veto Европы. Нужны высокія качества духа, непоколебимая твердость характера и воли, нужна также любовь къ Россіи и глубокая вѣра въ нее и ея вещественную и нравственную мощь, чтобы при такихъ условіяхъ не уклоняться отъ борьбы съ скопомъ враждебныхъ ей вліяній, вести ее настойчиво и неуклонно и, наконецъ, одержать въ ней побѣду.

А. И Нелидовъ оказался на высотѣ выпавшей ему на долю великой патріотической задачи. Онъ принадлежитъ къ числу дипломатовъ, не прячущихъ въ карманъ знамя своей народности. Горячо любя родину, твердо вѣруя въ нее, онъ громко исповѣдуетъ и любовь свою и вѣру. Въ продолженіе десяти лѣтъ, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, одинъ противъ всѣхъ своихъ иностранныхъ сотоварищей, онъ мужественно отстаивалъ честь и достоинство Россіи на Золотомъ Рогѣ и, несмотря на постоянныя подстрекательства дипломатовъ четвернаго союза, сдерживалъ турокъ въ предѣлахъ благопристойности и международныхъ приличій. Это было тѣмъ труднѣе, что за послѣдніе годы Германія и Англія пріобрѣли значительный перевѣсъ въ Портѣ: великій визирь Кіамиль-паша былъ покорнымъ орудіемъ пословъ нѣмецкаго и британскаго, и его примѣру слѣдовала и большая

часть прочихъ подчиненныхъ ему министровъ. Нашъ посолъ сумѣлъ создать противовѣсъ совѣтникамъ султана, снискавъ уваженіе и довѣріе самого Абдулъ-Гамида и по его настояніямъ часто въ Ильдизъ-Кіоскѣ измѣнялись или вовсе отмѣнялись рѣшенія, принятыя Портою. Какъ только состоявшееся сближеніе русскаго двора съ правительствомъ французской республики расторгло единогласіе западно-европейскихъ дипломатовъ, Александръ Ивановичъ съ замѣчательнымъ искусствомъ воспользовался сильнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ этимъ явленіемъ на султана, и въ результатѣ явились двѣ упомянутыя выше мѣры, быстро послѣдовавшія одна за другою.

Мы не хотимъ преувеличивать политическаго значенія ни уговора о судахъ добровольнаго флота, ни удаленія отъ дѣлъ Кіамиля и всѣхъ его сотрудниковъ. И то и другое означаетъ лишь, что Турція высвободилась изъ-подъ опеки дипломатіи четвернаго союза и заняла нейтральное положеніе между имъ и новымъ франко-русскимъ сочетаніемъ. Россія этимъ удовольствоваться не можетъ. Исторически и географически она въ правѣ требовать отъ Турціи полнаго перехода на ея сторону и добровольнаго подчиненія ея вліянію и руководству. Не забудемъ, что самое существованіе Оттоманской имперіи въ Европѣ зависитъ отъ доброй воли Россіи; что проливы, коими она владѣетъ, составляютъ, по образному выраженію императора Александра I: *ключъ отъ нашего дома*; что, какъ открыто заявлялъ Европѣ императоръ Николай, Россіи столь же необходимо господствовать надъ выходомъ изъ Чернаго въ Средиземное море, надъ Босфоромъ и Дарданеллами, какъ Англіи надъ проливомъ Гибралтарскимъ; что въ довершеніе всего Турція наша неоплатная должница и что при первой ея неисправности, при первой попыткѣ возвратиться къ политикѣ, олицетвореніемъ коей служилъ Кіамиль-паша, Россія властна будетъ объявить ее должницей несостоятельной и поступить съ нею какъ съ таковою.

Мы знаемъ также, что въ политикѣ результаты не импровизируются, а достигаются рядомъ долгихъ и непрерывныхъ усилій. Важно только чтобы, вступивъ на прежній путь, дипломатія наша уже болѣе съ него не уклонялась, а твердо шла въ направленіи, указываемомъ тысячелѣтнею исторіей нашего отечества. Мы увѣрены, что русскій посолъ въ Царьградѣ пойдетъ именно этимъ путемъ и дойдетъ до завѣтной цѣли. Въ этой увѣ-

ренности шлемъ высокоуважаемому нашему старому товарищу по Вѣнскому посольству сердечный привѣтъ и искреннее поздравленіе съ успѣхомъ, увѣнчавшимъ его первыя наступательныя дѣйствія. Да поможетъ ему Господь въ его трудахъ и да сподобитъ его возвратить Россіи то преобладающее положеніе, что принадлежитъ ей по праву на рубежѣ Европы и Азіи, на благословенныхъ берегахъ Геллеспонта и Ѳракійскаго Воспора, положеніе, единственно приличествующее ея народнымъ пользамъ и державному достоинству.

Мы уже слышимъ возраженія: „Легко сказать! А препятствія? Вы о нихъ и не подумали?“ Да, конечно, препятствія есть, но не на то ли и существуетъ дипломатія, чтобы ихъ обойдти, устранить или одолѣть? Въ противномъ случаѣ, въ чемъ же бы состояла ея заслуга?

Лично мы видимъ одно главное, сильное, но за то едва-ли и не единственное препятствіе: Англію. По той тревогѣ, которую забили въ Лондонѣ при первой вѣсти объ улаженіи несогласій по дѣлу о добровольномъ флотѣ и послѣдовавшемъ за ними паденіи Кіямиля-паши, можно заключить, что Великобританское правительство напряжетъ всѣ свои силы, пустить въ ходъ всѣ средства дозволенныя, чтобы задержать возростаніе политическаго вліянія Россіи въ Константинополѣ. Но на кого при этомъ она будетъ имѣть возможность опереться?

На договоры, опредѣляющіе международный правовый порядокъ на Востокѣ, составляющіе взаимное обязательство для подписавшихъ ихъ шести великихъ державъ? Но договоры эти утратили всякую законную силу, съ тѣхъ поръ какъ Англія частью вызвала и допустила ихъ нарушеніе, частью сама уклонилась отъ ихъ исполненія и тѣмъ разорвала ихъ на мелкіе клочки. Первое случилось въ Болгаріи, второе—въ Египтѣ. Въ Болгаріи самовольное воцареніе Кобургскаго принца представляется такимъ же вопіющимъ нарушеніемъ договоровъ, какимъ является въ Египтѣ самовольное занятіе этой области британскими войсками. Попустительство въ одномъ случаѣ, самоуправство въ другомъ, беззаконіе въ обоихъ. На всякую ссылку Англіи на международные трактаты Россія имѣетъ право отвѣтить предложеніемъ Лондонскому двору удалить самозванца изъ Софіи и очистить Египетъ отъ своихъ войскъ, пока же требованія эти не уважены, прямо объявить, что императорскій кабинетъ не считаетъ себя связаннымъ обязательствами,

истекающими изъ договоровъ, которые не исполняются прочими ихъ участниками.

Но не поддержитъ ли Англію Германія, Австро-Венгрія, Италія, — пресловутый тройственный союзъ?

Отвѣтъ на этотъ вопросъ уже дали кабинеты берлинскій, вѣнскій и римскій, отказавшись приступить къ протесту Сентъ-Джемскаго кабинета противъ русско-турецкаго договора о добровольномъ флотѣ. Они ясно показали этимъ, что имъ нѣтъ разсчета поддерживать англійскіе интересы на Востокѣ, коль скоро на Западѣ Англія отдѣляется отъ нихъ и черезъ спину Германіи ищетъ протянуть руку примиренія Франціи.

А сами средне-европейскія державы? Развѣ каждая изъ нихъ не заинтересована прямо въ недопущеніи утвержденія въ совѣтахъ султана преобладающаго вліянія Россіи?

Соединенными силами тройственнаго союза руководитъ и распоряжается Берлинъ, безъ его же согласія или дозволенія — глухи, нѣмы и бездѣятельны и Вѣна и Римъ. Для Германіи же Восточный вопросъ во всей совокупности представляетъ лишь интересъ второстепенный. Ей теперь не до него. Главное ея вниманіе устремлено на западную границу, гдѣ соглашеніе Франціи съ Россіей создало опасность, непосредственно угрожающую имперіи Гогенцоллерновъ. Результатъ этотъ мы постоянно имѣли въ виду, когда настаивали на заключеніи съ Франціей союзнаго оборонительнаго договора. „Союзъ Франціи“ — писали мы по этому поводу въ началѣ 1890 года, „представляется намъ единственнымъ средствомъ, чтобы держать въ уздѣ средне-европейскую коалицію и, отвлекая ея вниманіе и силы отъ Востока, бодро и смѣло приступить къ проведенію на Балканскомъ полуостровѣ самобытной русской политики“ [1]).

Остается, стало быть, Англія, предоставленная собственнымъ силамъ. Въ недавней попыткѣ произвести высадку войскъ и орудій на одномъ изъ острововъ Архипелага можно усмотрѣть намекъ на тотъ актъ насилія и захвата, которымъ Лондонскій дворъ не позадумался бы отвѣчать на всякое приращеніе вліянія Россіи въ Турціи. Предупредить подобный поступокъ мы можемъ лишь прямымъ и откровеннымъ указаніемъ британскимъ государственнымъ людямъ на его послѣдствія. Если Англія позволяла себѣ такія выходки въ прошед-

---

[1]) „Русскій Вѣстникъ“ февраль 1890 г., стр. 347.

шемъ, то только опираясь на свою неуязвимость, другими словами на полную и совершенную безнаказанность. Но пора напомнить ей, что если она недосягаема для прочихъ державъ, то никакъ не для Россіи, что мы можемъ заставить ее дорого поплатиться за всякій наглый вызовъ, дерзко брошенный намъ въ лицо; что ближайшій путь нашъ въ Царьградъ пролегаетъ не чрезъ Вѣну и не чрезъ Берлинъ, а чрезъ Калькутту.

С. ТАТИЩЕВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

ТОМА ДВѢСТИ ШЕСТНАДЦАТАГО.

СЕНТЯБРЬ.

ОКТЯБРЬ.

Самый значительный въ Россіи складъ:

ВЕЛОСИПЕДОВЪ,

ПИШУЩИХЪ МАШИНЪ, ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ,

ВѢСОВЪ,

ВЯЗАЛЬНЫХЪ МАШИНЪ.

Пишущая машина РЕМИНГТОНА № 5 новѣйшая изо всѣхъ существующихъ системъ. **Признана лучшей въ свѣтѣ.** Сотни въ употребленіи въ правительственныхъ учрежденіяхъ.

КЕРОСИНОВЫЕ ОСВѢТИТЕЛЬН. АППАРАТЫ «УЭЛЬЗЪ» для ночныхъ работъ, рудниковъ, копей, туннелей, сооруженія мостовъ и проч.

ШВЕЙНЫЯ и ВЯЗАЛЬНЫЯ МАШИНЫ ВСѢХЪ СОРТОВЪ.

Всѣ предметы исключительно высшаго качества.

Общій прейсъ-курантъ спеціальностей высылается безплатно.

Болѣе 500 велосипедовъ въ наличности

НОВОСТЬ.

КЕРОСИНОВЫЕ ДВИГАТЕЛИ „ПРЕСТМЭНЪ“.

АМЕРИКАНСКІЕ: вѣтряные двигатели **ЭКЛИПСЪ** насосы **ДУГЛАСЪ** пилы **ДИСТОНЪ** и пр. и пр.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

Ж. БЛОКЪ.

МОСКВА, Кузнецкій мост., уг. Лубянки.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Б. Морская, 21. | **ВАРШАВА,** Сенаторская, 27.

ЕКАТЕРИНБУРГЪ, Соборная.

Общій прейсъ-курантъ спеціальностей Торговымъ Домомъ высылается безплатно.

LIVRES NOUVEAUX
en vente à la librairie de C. RICKER,
St.Pétersbourg, Perspective de Nevsky № 14. Téléphon № 776.

Абрамовъ, Я. В. Новѣйшіе успѣхи знанія. Популярные очерки. 2 р.
Алфераки, С. Кульджа и Тянь-Шань. Путевыя замѣтки. 1 р. 50 к.
Alis, Harry. A la conquête du Tchad. Avec 29 figures et 4 cartes. 2 р 25 к.
Архивъ князя Ѳ. А. Куракина, издав. имъ подъ ред. М. И. Семевскаго. Книга I и II. 5 р.
Barthélemy, H. & Renard, L. L'année militaire & maritime. I année. 1891. 2 р. 25 к.
Боккаччьо, Джьованни. Декамеронъ. Иллюстр. франц. художниковъ. Переводъ А. Веселовскаго. Томъ I. За II тома 10 р.
Carstairs, R British Work in India. 3 р. 90 к.
Daheim-Kalender 1892. 90 к.
Ehrenburg, Dr. K. Studien zur Messung d. horizontalen Gliederung v. Erdräumen. 1 р. 10 к.
Flaubert, G. Correspondance. 3 série. (1854—1869). 1 р. 60 к.
Гейнце, Н. Э. Малюта - Скуратовъ. Историч. романъ. Съ портр. и факсимиле автора 1 р.
Hamerling, R. Prosa Skissen, Gedenkblätter u. Studien. Neue Folge. 2 Bände. Gebunden. 7 р. 20 к.
Hoffmann, Dr. I. Geschichte der Laienkommunion bis zum Tridentinum. 1 р. 10 к.
Huret, I. Enquête sur l'évolution littéraire. 1 р. 60 к.
Jirecek, Dr. C. Das Fürstenthum Bulgarien. Mit 42 Abbild. u. 1 Karte. 7 р. 70 к.
Кругловъ, А. Среди насъ. Повѣсти и разсказы. 1 р. 25 к.
Lautner, M Wer ist Rembrandt? Grundlagen zu einem Neuban d. Holländischen Kunstgeschichts. Mit 7 Tafeln. 5 р. 50 к
Laveleye, E. de. La monnaie et le bimétallisme international. 1 р. 60 к.
Lentner, D. F. Der Afrikanische Sklavenhandel u. d. Brüsseler General-Akte v. 2 Iuli 1890. 2 р. 65 к.
Лермонтовъ, М. Ю. Полное собраніе сочиненій. Изд. Ѳ. И. Анскаго. 60 к.
Лермонтовъ. М. Ю Сочиненія. Художественное изданіе Т-ва Н. Кушнеровъ и К°. Москва. 2 т. 5 р.
Lubomirski, Prince. De Sébastopol à Solférino. 3 р. 40 к.
Maag, Dr. R. Die Freigrafschaff Burgund u. ihre Beziehungen zu d. schweizer. Eidgenossenschaff v. Tode Karls d. Kühnen bis z. Frieden v. Nymwegen. 2 р. 75 к.
Мачтетъ, Гр. Новые разсказы. 1 р. 50 к.
Mikszath, K. Ungarische Dorfgeschichten. Aus d. Ungarischen v. L. Neugebauer. Mit 15 Aquarellen. 24 р.
Мюллеръ, М. Наука о мысли. Перев. В. В. Чуйко. 2 р. 50 к.
Münchener Fliegende Blätter Kalender 1892 55 к.
Noël, Octave. Histoire du commerce du monde depuis les temps les plus reculés. Temps anciens—Moyen âge. Avec planches et cartes. 9 р.
Nouveau dictionnaire militaire par un comité d'officiers de toutes armes. Fasc. 1. 2 2 р. 30 к.
Pécaut, E. et Baude, C L'art simples entretiens à l'usage de la jeunesse. 1 р. 35 к.
Peez, C. Mostar u. sein Culturkreis. Ein Städtebild aus d. Hercegovina, mit 3 Abbild. u. 1 Plan. 2 р. 20 к.
Pierre, A. Guide des acheteurs. Marchands de cheval et marchands de chevaux. Avec 70 dessins par E. Barthélemy. 2 р. 70 к.
Reed, E. A. Hindu Literature; or the ancient Books of India. 6 р 80 к.
Шаховъ, А. Гёте и его время. Лекціи по исторіи нѣмецкой литературы. XVIII вѣка, читанныя на высш. женскихъ курсахъ въ Москвѣ 1 р. 25 к.
Шершеневичъ, Г. Ф. Авторское право на литературн. произведенія. 2 р. 50 к.
Schumacher, K. Eine pränestinische Ciste im Museum zu Karlsruhe. Beitr. z italischen Kultur-u. Kunstgesch. 4 р. 40 к.
Sittl, Karl Die Patrizierzeit d. griechischen Kunst. Mit 3 Tafeln. 1 р. 65 к.
Скабичевскій, А. М. Исторія новѣйшей литературы. (1848—1890). 2 р.
Скубицъ, Ф. Самоучитель двойной бухгалтеріи. 1 р. 50 к.
Соловьевъ, Вл. Національный вопросъ въ Россіи. Вып. I и II. 3 р. 50 к.
Сукачевъ. В. П. Иркутскъ. Его мѣсто и значеніе въ исторіи и культурномъ развитіи Восточной Сибири. Очеркъ. 2 р.

Въ конторѣ редакціи журнала „РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“,

большая морск., № 30.

ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

	цѣна.
ОДИНЪ ИЗЪ „БЕЗСМЕРТНЫХЪ“. Иллюстрированное изданіе. Романъ *Альфонса Доде.* Съ 38 рисунками въ текстѣ и 6 разсказовъ: **Дневникъ отшельника.—Бандитъ Квастана.—Сцены изъ парижскихъ нравовъ.—Звѣзды.—Кадуръ и Катель.—Подъ Рождество.** . .	1 р. 50 к.
АПОЛЛОНЪ НИКОЛАЕВИЧЪ МАЙКОВЪ. По поводу его пятидесятилѣтней литературной дѣятельности. Съ портретомъ	— „ 50 „
ГОРНАЯ ИДИЛЛІЯ. Повѣсть *Бретъ-Гарта*	— „ 40 „
ЛОНДОНЦЫ. Романъ въ 2-хъ частяхъ. *Э. Х. Муррея.*	— „ 50 „
ПРОРИЦАТЕЛЬ. Романъ въ трехъ частяхъ. *Вальтера Безанта.*	— „ 75 „
МИХАИЛЪ НИКИФОРОВИЧЪ КАТКОВЪ и его историческая заслуга. По документамъ и личнымъ воспоминаніямъ. *Н. А. Любимова.* Съ портр. и факсимиле.	1 „ 50 „
„ВЪ ЦАРСТВѢ РАЗУМНАГО“. Романъ Вальтера Безанта. Переводъ съ англійскаго	— „ 75 „
ТЬМА ЕГИПЕТСКАЯ. Романъ. *Вс. Вл. Крестовскаго* . .	2 „ — „
ТАМАРА БЕНДАВИДЪ. Романъ. Продолженіе **„Тьмы Египетской“.** *Вс. Вл. Крестовскаго.*	2 „ — „
ПЕРЕДОВОЙ ОТРЯДЪ генерала Гурко въ послѣднюю турецкую кампанію *Д. О. Нагловскаго*	— „ 50 „

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Пріобрѣтенъ нами отъ прежнихъ издателей въ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ журналъ „Русскій Вѣстникъ“, который и поступилъ въ продажу за 1858, 59, 60, 61, 62, 63, 64, 65, 66, 68, 69 и 70 гг.—по **5** р. за годъ; за 1871, 72, 73, 74, 76, 77, 78, 79 и 80 гг.—по **7** р. за годъ, за 1881, 82, 83, 84 и 85—по **10** р. за годъ, за 1886, 87—по **14** р. за годъ съ пересылкою и доставкою. Подписчикамъ журнала дѣлается уступка 10%. Отдѣльные №№ журнала продаются по особому соглашенію съ конторою Редакціи.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА НА

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

на 1891 годъ.

═══ Годовое изданіе „Русскаго Вѣстника", состоящее изъ двѣнадцати ежемѣсячныхъ книжекъ, въ 1891 году стоитъ въ Петербургѣ и Москвѣ безъ доставки и пересылки **15** р. **50** к., съ доставкою **16** р., съ пересылкою во всѣ города Россіи **17** р.

☛ Допускается взносъ въ два срока, только черезъ Контору Редакціи Журнала „Русскій Вѣстникъ", а именно: при подпискѣ девять рублей, а остальная сумма къ 1-му Іюня. ☚

═══ Заграницу принимается подписка въ государства, входящія въ составъ Всеобщаго Почтоваго Союза: въ Англію, Францію, Австрію, Бельгію, Германію, Грецію, Данію, Италію, Испанію, Норвегію, Швецію, Швейцарію, Португалію, Румынію, Сербію, Европейскую Турцію, Голландію, Черногорію и Сѣверо-Американскіе Соединенные Штаты — **18** руб. Въ прочія мѣста заграницей подписка принимается съ пересылкою по существующему тарифу.

═══ Подписка на „Русскій Вѣстникъ" принимается въ Петербургѣ: для городскихъ — **въ Конторѣ Журнала „Русскій Вѣстникъ" (Большая Морская, 30.** Редакторъ Фед. Никол. Бергъ принимаетъ тамъ же), въ Книжномъ Магазинѣ „Новаго Времени" (Невск., 38) и въ Конторѣ Тов. „Общ. Польза" (Большая Подъяческая, д. 39); въ Москвѣ: въ Редакціи „Московскихъ Вѣдомостей"—на Страстн. бульв., въ Книжн. Магаз. „Новаго Времени" (Кузнецк. м., д. Третьякова) и у Н. Н. Печковской (Петровскія линіи).

☛ **И городскихъ и иногороднихъ просятъ покорнѣйше адресоваться прямо въ Контору „Русскаго Вѣстника", Спб., Большая Морская, д. 30.**

Примѣчаніе. — 1) Почтовый адресъ долженъ заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію, съ точнымъ обозначеніемъ губерніи, уѣзда и мѣстожительства, съ названіемъ ближайшаго къ нему почтоваго учрежденія, гдѣ (NB) допускается выдача журналовъ, если нѣтъ такого учрежденія въ самомъ мѣстожительствѣ подписчика. — 2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Конторѣ журнала своевременно, съ указаніемъ прежняго адреса, при чемъ городскіе подписчики, переходя въ иногородные, доплачиваютъ 1 руб. 50 коп., а иногородные, переходя въ городскіе— 40 коп.— 3) Жалобы на неисправность доставки доставляются исключительно въ Контору Редакціи журнала, если подписка была сдѣлана въ вышепоименованныхъ мѣстахъ, и, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, не позже, какъ по полученіи слѣдующей книги журнала.

Редакторъ-издатель **Ф. Бергъ.**

Типографія Высочайше утвержд. Товарищества „Общественная Польза", Больш. Подъяч., № 39.